АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

М. И. МАКСИМОВА

АНТИЧНЫЕ ГОРОДА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

СИНОПА. АМИС. ТРАПЕЗУНТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1956

ПРЕДИСЛОВИЕ

Юго-восточное Причерноморье принадлежит к слабо изученным районам древнего моря, хотя его значение в общей истории развития античного общества и особенно в истории Причерноморья немаловажно.

Милетские колонисты, основавшие «самый замечательный город тех мест», «венчанную морем» Синопу, сумели создать крупный портовый город, который в свою очередь выделил из своей среды колонистов, осевших в разных пунктах побережья и сохранивших подчиненное положение по отношению к своей метрополии. Таким образом создалась своеобразная античная колониальная держава. Через посредство своих колоний Синопа и присоединившийся к этой системе независимый город Амис эксплуатировали естественные богатства широко известного в древнем мире металлургического района и доставляли на внешние рынки знаменитое халибское железо. Кроме того, оба города стали крупными производственными центрами, изготовлявшими товары народного потребления, в первую очередь оливковое масло, находившее широкий сбыт во всем Причерноморье. Как крупные производственные центры и центры транзитной торговли с чрезвычайно выгодным местоположением, Синопа и Амис поддерживали оживленные торговые связи со всем восточным Средиземноморьем: Передней Азией, Египтом, Малой Азией, Закавказьем, островами Эгейского моря, Балканским полуостровом и всеми припонтийскими странами. Когда, в эпоху эллинизма, Синопа и Амис вошли в состав Понтийского царства, то оба города с их богатыми ресурсами и широкими связями стали столицами этого типичного государства-конгломерата, главной опорой могущества Митридатов и их смелой внешней политики. В первые века нашей эры, находясь под владычеством Рима, Синопа, Амис и Трапезунт играли роль крупных портов снабжения в тылу восточной римской армии, действовавшей в Закавказье, и удобных наблюдательных пунктов, откуда можно

было следить за беспокойным Боспорским царством, а при случае и грозить ему военной силой.

К сожалению, степень разработки истории юго-восточного Причерноморья в современной науке не соответствует только что вкратце охарактеризованному значению этого района. Два крупных города тех мест Амис и Трапезунт вообще еще не имеют своих историков.[1] Самое местонахождение ряда других населенных пунктов побережья еще не может считаться точно установленным. Только одна Синопа, выдающееся значение которой засвидетельствовано многими древними авторами,[2] послужила темой для нескольких монографий. Учеными западных стран составлены были три такие работы. Первая вышла в свет в 1846 г. в форме диссертации при Берлинском университете.[3] Вторая — значительно более пространное исследование В. Штрейбера — появилась через несколько лет в Базеле,[4] и, наконец, в 1906 г. известный американский археолог и историк Давид Робинзон составил труд, озаглавленный «Ancient Sinope», появившийся в виде отдельной книги,[5] а также напечатанный в двух номерах «American Journal of Philology» за 1906 г. (стр. 125 и сл., 245 и сл.). Первые две монографии сильно устарели, но в свое время они принесли несомненную пользу, поскольку Зенгебуш собрал много свидетельств древних писателей о Синопе, а Штрейбер привлек также доступные ему эпиграфические и нумизматические материалы. Труд Робинзона остается до сих пор последним по времени исследованием, посвященным истории Синопы.[6] Робинзон полностью использовал работы своих предшественников и пошел дальше их как в смысле привлечения новых, еще неизвестных источников (главным образом надписей), так и в отношении широты охвата темы. Он не ограничивается изложением политической

---

[1] Можно пользоваться только краткими перечнями главных событий из их истории. Для Амиса см., например: RE, s. v. Amisos (Hirschfeld); Studia Pontica, III, 1910, стр. 1 (F. Cumont); WBR, стр. 59 и сл.; для Трапезунта — RE, s. v. Trapezus (W. Ruge). WBR, стр. 147.

[2] Strab., XII, 3, 11. — Pomp. Mela, 1, 19. — Valer. Flaccus, V, 109. — Steph. Byz., s. v. Σινώπη, и др. Аристотель включил Синопу в число городов, государственное устройство которых было им описано в особом трактате.

[3] M. Sengebusch. Sinopicarum quaestionum specimen. Berolini, 1846, 40 стр.

[4] W. Streuber. Sinope. Basel, 1855, 143 стр.

[5] D. Robinson. Ancient Sinope. Baltimore, 1906. Эта книга мне не доступна. Труд Робинзона в дальнейшем цитируется по «American Journal of Philology».

[6] См., впрочем, ценную статью в: RE, s. v. Sinope (W. Ruge).

истории полиса, но в отдельных главах дает довольно подробное описание его местоположения, торговли, культуры и культов. К работе приложена Синопская просопография («Prosopographia Sinopensis») — список синопейцев, о которых сохранились упоминания в литературе и надписях, причем имена некоторых пользующихся известностью лиц сопровождаются подробными комментариями. Несколько раньше своей монографии Робинзон опубликовал небольшое собрание синопских надписей, частью списанных им самим на месте, частью заимствованных из более или менее трудно доступных изданий.[1] Не отрицая положительных сторон работы Робинзона, все же нельзя не видеть ее крупных недостатков, а в настоящее время и значительной устарелости. Ценность опубликованных им надписей сильно снижается вследствие недостаточного внимания автора к вопросам датировки. Просопография, далеко не полная и в момент ее опубликования,[2] в настоящее время сохраняет лишь относительное значение. Изложение предмета очень поверхностно и ограничивается обычно простым перечислением событий, без всяких попыток объяснить их причины или связать их с общим ходом исторического развития. А в тех случаях, когда автор проявляет стремление к более углубленному толкованию событий, он оказывается совершенно беспомощным. Так, начало главы, носящей название «Цивилизация Синопы» («The Civilisation of Sinope»), посвящено поискам основной черты духа и характера («spirit and temper») жителей Синопы как определяющего фактора всей их культуры.[3] Таковой оказывается цинизм, выработавшийся у синопских граждан вследствие постоянных сношений с окружающими город варварами. Вся история Синопы в первые века нашей эры изложена на одной странице, заполненной рассказами о благодеяниях, оказанных Синопе римлянами.[4]

Таким образом, приходится сказать, что хотя с работой Робинзона необходимо считаться и в настоящее время, главным образом вследствие обильной документации фактов, ее никак нельзя признать трудом, отвечающим требованиям современной исторической науки.

Не меньше, если не больше, чем авторы указанных монографий, для освещения истории юго-восточного Причерно-

---

[1] AJA, 1905, т. IX, стр. 294—333.

[2] По этому поводу см.: F. Bilabel. Die ionische Kolonisation. Leipzig, 1920, стр. 30, прим. 2.

[3] HS, стр. 258 и сл.

[4] Там же, стр. 256 и сл.

морья сделали ученые, писавшие на более широкие или смежные исторические темы и в ходе своего изложения затрагивавшие и интересующие нас области Малой Азии. Эта литература, так же как и немногочисленные статьи, посвященные исследованию отдельных вопросов, связанных с историей городов юго-восточного Причерноморья, привлекается нами в ходе нашего изложения.[1] Упоминаем здесь только двух видных исследователей, вклад которых в изучение нашей темы особенно значителен. Это, во-первых, Теодор Рейнак, автор известной книги о Митридате Евпаторе.[2] Кроме этого, до сих пор весьма популярного труда, Рейнак посвятил северным областям Малой Азии и их истории еще целую серию статей и крупных работ, среди которых особого внимания заслуживают дополненное и переработанное им издание монет Понта и Пафлагонии[3] и издание серии не вошедших в статью Робинзона синопских надписей.[4] Не менее значительны заслуги Франца Кюмона, одного из авторов трехтомного труда «Studia Pontica», в котором можно найти подробное описание памятников древности, сохранившихся в северо-восточных областях Малой Азии, и издание надписей, происходящих из Амиса и некоторых других местностей Понта.[5]

---

[1] Особое место в литературе по юго-восточному Причерноморью занимают описания путешественников. Мы назовем только некоторые из них: W. Hamilton. Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. London, 1842 (немецкий перевод, который здесь цитируется, вышел в Лейпциге в 1843 г.); P. de Tchichatchef. Asie Mineure. 1853—1869; Hommaire de Hell. Voyage en Turquie et en Perse. Paris, 1854; C. Ritter. Erdkunde, Bd. XVIII und XIX, 1858—1859; Vital Quinet. La Turquie d'Asie. 1890—1894. О «Studia Pontica» см. ниже.

[2] Th. Reinach. Mithridate Eupator roi de Pont. Paris, 1890. Мы пользовались французским изданием этой работы, так как немецкий ее перевод, вышедший в свет в Лейпциге в 1895 г., содержит лишь несущественные добавления. Следует отметить, что эта монография, на Западе до сих пор являющаяся основным трудом по данному вопросу, по своей идеологической направленности неприемлема для советского читателя. Так, на стр. 129 Рейнак, говоря о поголовном истреблении италиков в Малой Азии во время 1-й войны Митридата с Римом, высказывается в том смысле, что подобные явления, инспирированные расовой ненавистью, все же более извинительны, чем социальные революции, которые, по его мнению, вызываются жаждой грабежа.

[3] W. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Recueil General des Monnaies de l'Asie Mineure, t. I, fasc. 1, 2-e edit., Paris. 1925.

[4] RA, 1916, стр. 329 и сл.

[5] J. G. Anderson, E. Cumont, F. Cumont, H. Grégoire. Studia Pontica, I—III. Bruxelles, 1903—1910. Первые два тома содержат описание местностей, дорог и памятников, в III томе — издание надписей.

Перу Кюмона принадлежит и ряд статей, касающихся истории и исторической топографии тех же районов.

Свидетельством интереса к Синопе, зародившегося в русском обществе еще в XVIII в., может служить публикация карты Синопы (рис. 5), составленной русскими моряками, где обозначены очертания древнего мола, ограждавшего гавань. В 1854 г., т. е. вскоре после блестящей победы при Синопе русского флота под водительством адмирала Нахимова в ноябре 1853 г., профессор П. Леонтьев поместил в издававшейся им серии сборников «Пропилеи» прекрасную для своего времени статью, излагавшую историю этого города, привлекшего тогда внимание всего мира.[1]

Основанный в 1895 г. в Константинополе Русский Археологический институт интересовался и южным берегом Черного моря. В первом же томе «Известий» Института, вышедшем в свет в 1896 г., помещена корреспонденция из Самсуна, в которой описываются состояние городища Амиса и его памятники.[2] В том же томе «Известий» сообщается о намерении Института (впоследствии не осуществленном) произвести раскопки в Синопе и Амисе.[3] Сотрудник Института Р. Х. Лепер издал интересную надпись из Инеболи[4] и серию надписей из Амиса.[5] В 1904 г. Р. Х. Лепер совершил поездку по южному берегу Черного моря, побывал между прочим в Амисе и Фарнакии — Керасунте и напечатал краткие, но интересные заметки о виденном — «Экскурсия в Самсун».[6]

Еще в 90-х годах XIX в. Я. И. Смирнов путешествовал по Малой Азии. Из его наблюдений опубликовано очень немногое, к тому же не имеющее прямого отношения к южному Причерноморью. Интересно, однако, что он, повидимому, еще в те годы понял, какое большое значение имеет этот район для русской науки. Кратко, но ясно эта мысль выражена в докладной записке, представленной в Русское Археологическое общество в феврале 1916 г., после занятия Трапезунта русскими войсками во время I мировой войны.[7] Ходатай-

---

[1] Пропилеи. Сборник статей по классической древности, кн. IV, М., 1859, стр. 369—386.

[2] Известия Русского Археологического института в Константинополе, I, 1896, Хроника, стр. 28—35.

[3] Там же, Отчет о деятельности Института, стр. 28 и сл.

[4] Там же, т. VIII, 1902, стр. 153—162. См. также главу 7 настоящей работы.

[5] Там же, т. IX, 1904, стр. 249—260.

[6] Там же, т. XIII, 1908, стр. 312—316.

[7] Архив ЛОИИМК, ф. 3, № 372 (записка составлена Я. И. Смирновым и А. А. Дмитревским).

ствуя об организации охраны и изучении памятников Трапезунта, Я. И. Смирнов между прочим говорит: «Россия и сама по себе особенно заинтересована с чисто научной точки зрения в сохранении и особенно внимательном изучении памятников бывшей Трапезунтской империи, равно как и всего южного побережья Черного моря». Заключающаяся в этой фразе глубокая идея не получила своего дальнейшего обоснования в указанной записке, но нетрудно догадаться, что подразумевал Я. И. Смирнов под особой заинтересованностью русской науки в изучении памятников южного берега Черного моря. Конечно, он имел при этом в виду существовавшие в древности экономические и культурные связи между южным Причерноморьем, с одной стороны, и северным Причерноморьем и Закавказьем — с другой. Он, очевидно, считал эти связи столь тесными, что изучение памятников южного Причерноморья русской наукой представлялось ему существенно важной задачей.

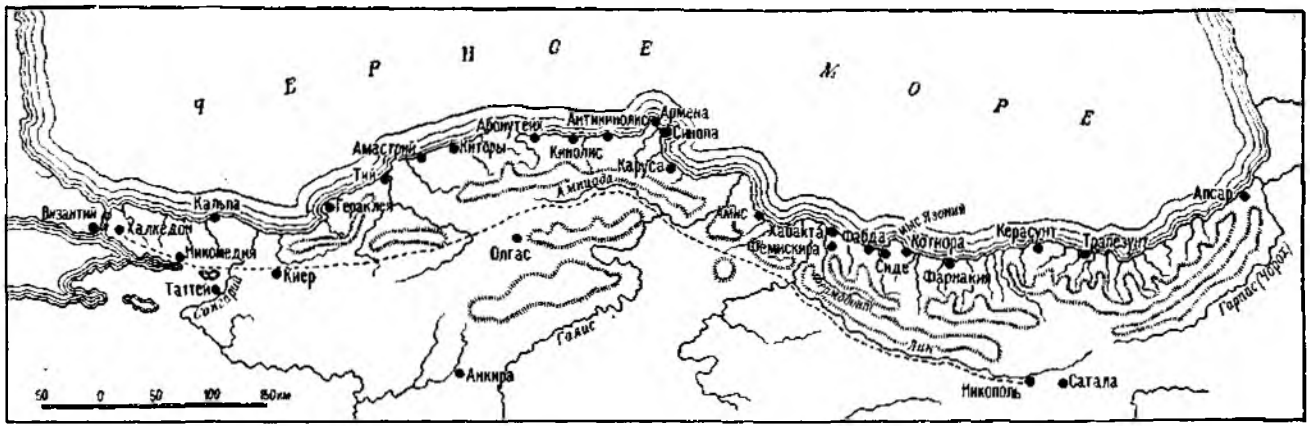
В ответ на призыв Я. И. Смирнова в 1917 г. М. И. Ростовцев опубликовал статью «Понт, Вифиния и Боспор».[1] Эту работу, как бы иллюстрирующую основное положение записки Я. И. Смирнова на нескольких примерах, вряд ли можно назвать исследованием. Скорее это — набросок, эскиз, ряд брошенных мыслей и гипотез, интересных, но, между прочим, основанных иногда на не вполне точных сведениях о южном Причерноморье.

В последние годы советская наука сделала крупный шаг в сторону комплексного изучения припонтийских стран, включив в план своих работ исследование всех берегов Черного моря и тем самым как бы рассматривая Причерноморье как единый район древнего мира, все составные части которого тесно связаны друг с другом. В серии «Причерноморье в античную эпоху» Академия Наук СССР выпустила в свет ряд монографий по истории городов и областей, прилегающих к Понту Евксинскому с запада и юго-запада.[2] Две работы, посвященные Гераклее Понтийской — метрополии Херсонеса, к сожалению, еще находятся в рукописи, но, надо надеяться,

---

[1] М. И. Ростовцев. Понт, Вифиния и Боспор. Русск. истор. журн., 1917, стр. 111—130. Статья переиздана на английском языке в журнале «Annual of the British School at Athens», 1918, XXII, стр. 1 и сл.

[2] Т. Д. Златковская. Мезия в I—II вв. н. э. М., 1951. — Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952. — В. П. Невская. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953.



Карта 1. Южное побережье Черного моря.

тоже скоро будут опубликованы.[1] На восточном берегу Черного моря, в Колхиде, производятся археологические разведки,[2] и совсем недавно, в 1953 г., Грузинская Академия наук приступила к планомерным раскопкам Пицунта.

Настоящая монография ставит перед собой цель восполнить еще один пробел в наших знаниях о Причерноморье, а именно восстановить, по мере возможности, историю греческих городов юго-восточного Причерноморья в античную эпоху, другими словами — историю Синопы с ее колониями и младшего партнера Синопы — Амиса. Прежде чем приступить к изложению этой темы, необходимо сказать несколько слов о тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться при решении этой задачи. Коренятся они прежде всего в скудости и недостаточной предварительной проработке источников.

Как известно, никакого планомерного археологического исследования в юго-восточном Причерноморье не производилось и не производится.[3] Предпринимавшиеся от времени до времени эпизодические раскопки и разведки в Амисе и его окрестностях и в некрополе Синопы дали очень интересные материалы, только частично опубликованные. По большей части это лишь разрозненные памятники, на которых нельзя основывать широких построений и выводов. В то же время городище и некрополь Амиса и некрополь Синопы, расхищавшиеся в течение многих десятилетий, дали значительное количество разнообразных памятников материальной культуры, нашедших себе приют в музеях и частных коллекциях Западной Европы и Америки. Только немногие из этих находок опубликованы и притом в самых разнообразных и часто случайных изданиях. Нередко и самое происхождение их находится под вопросом. Таким образом, при работе над избранной темой приходится почти полностью отказаться от использования такого важного вида источников, как ве-

---

[1] Исследования о Гераклее написаны Е. И. Леви и В. П. Дзагуровой.

[2] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949; т. II, 1950.

[3] В последнее время в печати появились краткие сообщения о раскопках в Синопе, произведенных германо-турецкой экспедицией в 1951—1953 гг. См.: Бюллетень Турецкого исторического общества, XVI (63), 1952, стр. 437—439; Fasci Archeologici, VI, 1953, № 2023; VII, 1954, № 1592; ЈДІ, 69, 1954, Heft 1—2; AA, стр. 287 и 289; AJA, 1955, № 3, стр. 236. Эта литература, к сожалению, не могла быть использована в настоящей работе. Раскопки дали много ценного материала, однако строить на нем широкие исторические выводы преждевременно. Мы надеемся, что успешно начатое исследование Синопы будет продолжено.

щественные памятники. В то же время те немногие находки, которые имеются в нашем распоряжении, показывают, какие важные во всех отношениях материалы и какие интересные результаты может дать планомерное археологическое изучение крупных и мелких объектов интересующих нас районов.

На фоне такого совершенно неудовлетворительного состояния наших знаний о памятниках материальной культуры юго-восточного Причерноморья особенно ярко выделяется одно замечательное достижение советской науки. Мы имеем в виду определение Б. Н. Граковым места производства остродонных амфор с именами астиномов.[1] Отнесение Б. Н. Граковым этих амфор к числу изделий гончарных мастерских Синопы нашло теперь всеобщее признание, и можно с полным правом сказать, что это открытие было большим шагом вперед в деле изучения черноморской торговли и участия в ней Синопы.

Впервые наука получила возможность на конкретном материале проверить отразившийся в античной литературной традиции взгляд на Синопу как на один из самых значительных торговых городов Понта, а массовость находок синопских амфор полностью подтвердила правильность этой традиции и дала науке возможность существенно дополнить и детализировать общее представление о Синопе как о производственном и торговом центре.

Литературные источники по истории юго-восточного Причерноморья, как уже было указано, довольно полно собраны в названных выше работах, однако только в виде ссылок.[2] Никакого собрания текстов, подобного известному сборнику В. В. Латышева «Scythica et Caucasica», для южного Причерноморья не существует. Не имеется в научной литературе и работ, содержащих в себе критический анализ литературных источников с точки зрения их исторической достоверности. Не имея возможности вдаваться здесь в эти сложные вопросы, отметим только исключительное значение для наших целей четырех литературных памятников, составленных очевидцами и потому обладающих большой степенью исторической достоверности. Это — Анабасис Ксенофонта,

---

[1] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

[2] Удобно сопоставленные ссылки на литературные источники по истории Синопы, Трапезунта, Керасунта и Котиоры можно найти в кн.: L. Bürchner. Die Besiedlung der Küsten des Pontos Euxeinos durch die Milesier. Kempten, 1885.

3-я глава XII книги Географии Страбона, письма Плиния Младшего к Траяну и та часть перипла Арриана, которая описывает его инспекторскую поездку вдоль юго-восточного побережья Понта. Перечисленные литературные произведения служат главной опорой исследователя исторических судеб юго-восточного Причерноморья в античную эпоху.

Видное место среди наших источников занимают памятники эпиграфические и нумизматические. К сожалению, и с ними дело обстоит не вполне благополучно. Сколько-нибудь полного собрания надписей, найденных в Синопе или происходящих из других мест, но имеющих отношение к Синопе, не существует. Упомянутая выше статья Робинзона, где имеются ссылки и на надписи, опубликованные в других изданиях, может в известной мере служить подобной сводкой до 1905 г. Но с тех пор обнаружено много новых эпиграфических памятников, нигде не сопоставленных и разбросанных по различным изданиям. Большая часть синопских надписей датирована недостаточно точно и издана неудовлетворительно. Надписи, происходящие из Амиса (около двух десятков номеров), изданы Кюмоном в третьем томе «Studia Pontica» (1910, стр. 5 и сл.). Почти все они относятся к первым векам нашей эры. Надписи, найденные в других центрах, но относящиеся к Амису, не собраны.

Предполагавшееся издание трапезунтских надписей в одном из запланированных последующих томов «Studia Pontica» осталось неосуществленным. Все известные трапезунтские надписи относятся к периоду римского владычества и за единичными исключениями составлены на латинском языке.[1]

Пожалуй, наиболее полной серией памятников по истории городов юго-восточного Причерноморья являются памятники нумизматические. В упоминавшемся уже издании монет Малой Азии Ваддингтона, Бабелона и Рейнака они собраны в очень большом числе. Правда, эта работа подверглась серьезной критике со стороны видных нумизматов,[2] и к определениям и датировкам Рейнака во многих случаях следует относиться с большой осторожностью. Тем не менее сборник Рейнака является настольной книгой для историка городов Пафлагонии и Понта, источником первостепенного значения.

---

[1] Эти надписи изданы в «Corpus Inscriptionum Latinarum», III, (1893).

[2] См. рецензию Реглинга в «Zeitschrift für Numismatik» (1926, стр. 255 и сл.).

Итак, фундамент, на котором приходится строить историю греческих городов юго-восточного Причерноморья, не может быть назван прочным и солидным. Его фрагментарность не позволяет дать ответа на многие возникающие в процессе исследования чрезвычайно важные вопросы. Тем не менее мы надеемся, что предпринятая нами работа внесет известный вклад в историю Причерноморья античной эпохи и, в частности, лишний раз продемонстрирует тот факт, что Черное море в это время не было непреодолимой преградой и не столько разъединяло, сколько связывало между собой припонтийские области севера, юга, запада и востока.[1]

---

[1] Главы 5 и 6 настоящего труда уже были напечатаны: первая — ВДИ, 1951, № 1, вторая — МИА, 33. Обе они печатаются сейчас в измененном и расширенном виде.

Раздел I

ДРЕВНЕЙШАЯ ЭПОХА И ОСНОВАНИЕ ГОРОДОВ

Глава 1

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ. МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ДО ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Своеобразные географические условия северо-востока Малой Азии оказали очень сильное влияние на развитие расположенных в этом районе греческих городов.

Некоторые географы называют Малую Азию страной контрастов.[1] Обширные пространства Центральной Анатолии представляют собой высокое плато с ярко выраженным континентальным климатом и степным ландшафтом. На севере и юге плато окаймлено низменными береговыми полосами, прилегающими к Черному и Средиземному морям и отделенными от Центральной Анатолии высокими горными хребтами. Здесь царствует умеренный, теплый климат, чрезвычайно благоприятный для растительности.

Черноморское побережье Малой Азии ограждено с юга Северо-Анатолийскими горами, которые тянутся вдоль берега параллельными грядами от Кавказа до Боспора Фракийского, образуя непрерывную, широкую и трудно проходимую горную страну. Особенно высоки и дики горы у восточной части побережья. Главный гребень достигает здесь высоты

---

[1] См.: С. Н. Матвеев. Турция. Физико-географическое описание. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 13. В этой книге дано сводное физико-географическое описание Малой Азии, составленное с учетом весьма обширной литературы, список которой заключает в себе 125 названий. Наш обзор географических условий юго-восточного Причерноморья следует в основном изложению Матвеева. Нужно отметить, что на стр. 50 этого труда находится указание, что северная и восточная части Анатолии весьма слабо изучены в географическом отношении.

немного меньше 4000 м, а боковые гребни — 3300 м. Между горами залегают глубокие и узкие впадины, теснины и ущелья, пробитые бесчисленными горными потоками. Эту часть Северо-Анатолийских гор пересекает в настоящее время только одна проезжая дорога, проложенная вероятно там, где она проходила еще в глубокой древности. Она соединяет Трапезунт с Эрзерумом, пересекая три горных перевала, в том числе перевал Зигана, расположенный на высоте 2025 м. В остальном сообщение между берегом моря, зажатыми между горами долинами и анатолийским плато происходит по горным тропам, доступным только пешеходам и вьючным животным, и то лишь в летнее время.

К западу от 38-го меридиана горные цепи постепенно понижаются до высоты 1500—1600 м. Меняется и характер разделяющих их равнин, которые становятся шире и спокойнее. Однако еще в средней своей части, в пределах древней Пафлагонии, «Северо-Анатолийская горная страна — настоящий лабиринт лесистых склонов, глубоких впадин... и узких ущелий»,[1] чрезвычайно затрудняющих сообщение между берегом моря и внутренними районами страны. По поводу изолированности черноморского побережья от остальных областей Малой Азии Мёнро, автор статьи о дорогах Понта, говорит: «На всем протяжении береговой полосы от Амастриды на западе до Трапезунта на востоке Амис (Самсун) является единственными открытыми воротами вглубь страны. Здесь... налицо имеется небольшое понижение (Северо-Анатолийских гор, — *М. М.*) — вряд ли его можно назвать проходом, — через которое большая дорога проникает в Амасею и Каппадокию... Это был единственный выход к северу для всей Малой Азии».[2] Через эту складку в Северо-Анатолийских горных цепях пролегала в древности единственная дорога, пересекавшая Малую Азию с севера на юг и связывавшая Черное море с внутренними районами Анатолии, Средиземным морем и далее с Сирией и Передней Азией (рис. 1)[3].

---

[1] С. Н. Матвеев, ук. соч., стр. 15.

[2] J. A. Munro. Roads in Pontus royal and roman. JHS, 1901, стр. 52 и сл.

[3] В настоящее время через эту впадину в Северо-Анатолийских горах проложена железная дорога. О древней дороге, связывавшей Амис с югом, см. также мою статью «К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря» (ВДИ, 1948, № 4, стр. 32 и сл.). В последнее время американский ученый Давид Маджи (МИИ, стр. 1076, прим. 21) высказал сомнение в существовании этого пути в древности, основываясь на том, что показания Геродота (Herod., I, 72), будто пешеход мог пройти

Массивы Северо-Анатолийских горных цепей в нескольких местах перерезаются крупными реками — Галисом (Кизил Ирмак), Ирисом (Ешиль Ирмак) и Гарпасом (Чорох). Однако эти реки, равно как и многочисленные горные потоки, перерезающие побережье, несудоходны, и можно сказать, что они не способствуют, а скорее мешают сообщению. [1]

Итак, на всем своем протяжении, равном примерно 500 км, юго-восточное побережье Черного моря связано с внутренними районами страны только посредством двух более или менее удобных дорог, что позволяет говорить об изолированном положении этой части Малой Азии, особенно остро ощущавшемся в ранние периоды ее истории.

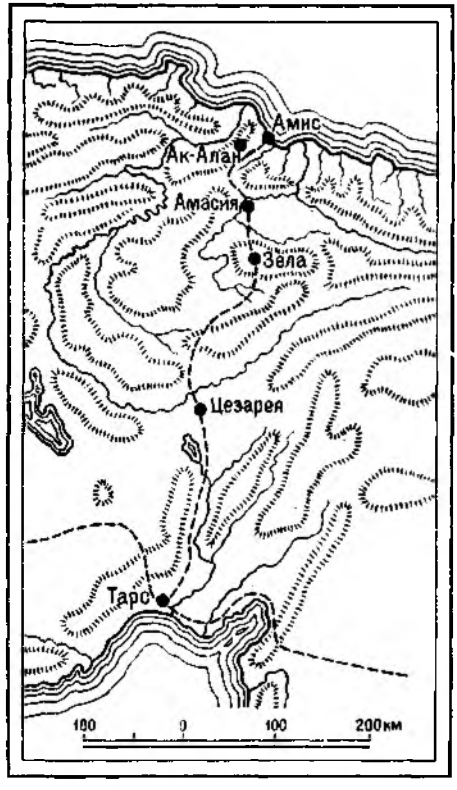


Рис. 1. Дорога Амис—Тарс.

В состав этого района Малой Азии входит низменная береговая полоса, а также северные склоны прилегающих к ней гор. Узкая полоса берега местами прерывается выступами гор и их отрогами, которые часто вдаются далеко в море в виде скалистых мысов. Только в немногих местах побережья имеются значительные по своим размерам равнины, образо-

от Исского залива до Амиса в течение 5 дней, не соответствуют действительности. Однако ошибку Геродота заметил еще Псевдо-Скимн (Ps.-Skymn., стр. 921 и сл.), что не помешало ему, как и Страбону, говорить о находившемся в этом месте «перешейке Азии». В дальнейшем изложении мы укажем на ряд фактических данных, полностью подтверждающих использование этого пути Синопой и Амисом для сношений с югом.

[1] Только по некоторым участкам Чороха, но и то с большим риском, возможно передвижение на каюках.

вавшиеся из аллювиальных отложений крупных рек. Таковы дельта Галиса, находящаяся примерно на полпути от Синопы к Амису, и устье Ириса. В своем нижнем течении Ирис соприкасается с долиной Фемискира (к востоку от Амиса), орошаемой еще одной значительной водной артерией — рекой Фермодонтом. Долина Фемискира, ныне заболоченная, в древности отличалась особым плодородием.[1] Подобно дельте Галиса и другим меньшим приморским равнинам, она использовалась частично как пастбище для скота, частично для зерновых культур. Небольшие земельные участки могли быть отведены под земледелие и на узкой береговой полосе, а также на горных террасах, однако в общем страна имела ограниченные возможности для его развития.

В этом районе, как и в остальной Анатолии, господствует так называемый оазисный тип земледелия, под которым понимается концентрация земледелия в отдельных плодородных районах (по большей части долинах рек), вкрапленных в большие бесплодные пространства. Такие оазисы имеются, например, в долине Чороха у Байбурта, где урожай злаков бывает сам-десять и где процветает скотоводство и птицеводство.[2] Страбон[3] описывает ряд таких плодородных оазисов Понта: в долине Фанароя по течению Лика, в долине Ириса близ Амасеи, где находилась местность, носившая название Хилиокомон, т. е. «Тысяча сел», в долине Фермодонта близ Амиса и др.

Сообщение между отдельными пунктами побережья происходило главным образом по морю, так как движение по сухому пути затруднено скалистыми отрогами гор и горными потоками, изливающими свои воды в море и чрезвычайно бурными не только весной, но и летом. Однако и плавание вдоль берега сопряжено было с большими трудностями. Линия берега здесь сравнительно мало извилиста. Образуемые ею заливы имеют плавные очертания и не защищены от северных и северо-восточных ветров. Поэтому они не могут служить надежной защитой для кораблей во время частых в этих местах бурь. Во всей восточной половине южного побережья Черного моря хорошая естественная гавань имеется только в Синопе. Остальные населенные пункты обладают стоянками для судов, пригодными только в летнее время.

---

[1] Strab., XII, 3, 15.
[2] G. Statil-Sauer. Der Oestliche Pontus. Geogr. Zeitschr., Heft 9, 1927, стр. 457—519.
[3] Strab., XII, 3, 15, 30, 39.

Высокие Северо-Анатолийские горы являются также климатической границей между центральными областями Малой Азии и ее северной периферией. Климат Анатолийского плато носит континентальный характер, с резкими контрастами температурного режима в летние и зимние месяцы, тогда как на побережье климат умеренный и теплый со средней температурой зимой 8—9, а летом 22—23°.[1] Кавказские горы защищают эти местности от холодных восточных и отчасти северных ветров, а Северо-Анатолийские горы — от холодных воздушных течений с Анатолийского плато. Количество осадков не одинаково на различных участках побережья. Район современного города Ризе характеризуется чрезвычайным обилием влаги. Годовая сумма осадков составляет здесь 2454 мм, причем осадки распределяются довольно равномерно между всеми временами года. Но уже в Трапезунте количество годовых осадков сильно снижается (782 мм), в Амисе—Самсуне оно равняется 758, а в Синопе 691 мм. В этих местах наибольшее количество осадков приходится на зимние месяцы, а июль и август являются сухим периодом года. По описанным климатическим режимам восточный участок южного побережья сближается с Колхидой, тогда как район Амис—Синопа сходен с западным побережьем Малой Азии и, следовательно, существенно не отличается от климата средиземноморского.

Как уже указывалось, общие физико-географические условия описываемого побережья неблагоприятны для широкого развития земледелия, главным образом из-за ограниченности пригодных для засева площадей. Но теплый, умеренный климат способствует пышному развитию растительности. Густые леса и сейчас почти сплошь покрывают северные склоны гор, и есть основания полагать, что в древности лесные массивы были еще обширнее. Эти леса отличаются большим разнообразием древесных пород. В нижней зоне гор, до высоты примерно 600 м, произрастают широколиственные леса, растущие среди густой кустарниковой формации. Наряду с ольхой и осиной здесь распространены дуб, граб, бук, клен и каштан. Выше идет смешанный елово-лиственный лес, затем — зона горного елового леса, за которой следуют субальпийские луга и кустарники. На высоте примерно 2000 м начинаются альпийские высокогорные пастбища. Среди растительного покрова нижней горной зоны видное место занимают плодовые деревья, как дикие, так и культивированные: яблоня, груша, вишня,

[1] С. Н. Матвеев, ук. соч., стр. 120.

орех, оливковое дерево и др. Так было и в древности. Понтийские орехи экспортировались даже в Египет, окрестности города Керасунта (к западу от Трапезунта) считались родиной вишни, а обширные плантации маслины в Синопитиде и Амисене питали оливковым маслом все Причерноморье. Плодовые деревья, строевой и корабельный лес, а также деловая древесина, наряду с рудными месторождениями в горах и богатыми уловами рыбы в Черном море, составляли главные естественные ресурсы страны. Богатство этих краев привлекало коренное население Малой Азии, а также иноземцев, в том числе и греков, которые стали проникать сюда, видимо, уже на заре их истории, а в конце VII в. до н. э. основали там ряд колоний и прочно на них закрепились, фактически господствуя над всем побережьем.

Географические условия, оказавшие сильное влияние на развитие греческих городов юго-восточного Причерноморья, выясняются, таким образом, довольно отчетливо, в основном благодаря их свойству медленно изменяться во времени. Зато при попытке представить себе общественную среду, окружавшую эти города, — те племена и народности, на территории которых поселились греческие колонисты и с которыми они находились в постоянном общении, дружественном или враждебном, мы наталкиваемся на большие трудности.

Планомерное археологическое изучение Малой Азии началось сравнительно недавно. Достигнутые результаты значительны, но их еще далеко не достаточно для выяснения истории развития материальной культуры всей Малой Азии в целом и ее отдельных областей. В частности, северо-восточные приморские районы стали привлекать внимание исследователей всего лишь лет пятнадцать тому назад, и этот интерес выразился пока только в проведении разведок, в расследовании отдельных объектов и регистрации случайно находимых памятников.

Помимо археологических исследований, за последние десятилетия проделана огромная работа по прочтению письменных документов ассирийских клинописных текстов, хеттских архивов и урартских надписей и по изучению ряда языков племен и народностей Малой Азии и Закавказья. Результаты этих научных исследований огромны, однако для наших целей они дают пока немного, так как до настоящего времени в большинстве случаев не удалось еще надежно связать племена, соседние греческим колониям юго-восточного побережья Черного моря, с их близкими и отдаленными предками. Если прибавить к этому, что и у античных писателей можно

найти только отрывочные и случайные сведения о населении интересующих нас районов (это относится особенно к районам Синопы и Амиса), то станет ясным, какие большие трудности встают перед нами при попытке составить себе хотя бы приблизительное представление об общественной среде — непосредственном окружении греческих городов юго-восточного Причерноморья.

Согласно указаниям античных писателей, Синопа была основана в Пафлагонии, Амис — в Каппадокии. Далее к востоку вдоль моря обитали племена тибаренов, халибов, моссинойков и колхов. На территории, населенной колхами, находились колонии Синопы — Котиора, Керасунт и Трапезунт.

Пафлагонцы впервые упоминаются во II песне Илиады[1] среди союзников Приама. К Трое, говорится там, они пришли со своим предводителем Пиламеном из мест, расположенных на побережье Черного моря от реки Парфения до города Киторы, и из прибрежных гор.[2] Эти географические данные примерно совпадают с западной половиной позднейшей Пафлагонии. Названные стихи Илиады несомненно весьма позднего происхождения, так как в них упоминаются греческие колонии: Сезам, Кромна и Киторы — эмпорий Синопы. Геродот называет восточной границей Пафлагонии реку Галис.[3] Согласно его рассказу, область пафлагонцев была завоевана царем Лидии Крезом, а после административного деления персидского государства, проведенного Дарием, она вместе с областями фригийцев, азиатских фракийцев, мариандинов и сирийцев (каппадокийцев) входила в состав III сатрапии, платившей персидскому царю ежегодную дань в размерах 360 талантов.[4]

Отряд пафлагонцев под начальством персидского предводителя принимал участие в походе Ксеркса на Грецию. Их вооружение, состоявшее из плетеных шлемов, маленьких щитов, коротких копий, дротиков и мечей, а также высоких сапог, было похоже на вооружение фригийцев.[5]

Этническая принадлежность пафлагонцев не поддается определению, так как от языка этого племени сохранились лишь

---

[1] Ilias, II, 851—855.

[2] Тут же вся страна, в которой обитали пафлагонцы, называется страной энетов — загадочного племени, о котором спорили позднейшие античные географы (см.: Strab., XII, 3, 8).

[3] Herod., II, 28 и 72.

[4] Herod., III, 90.

[5] Herod., VII, 72.

немногие личные имена и географические названия.[1] Но некоторые исследователи склонны отождествлять Пафлагонию со страной Пала, упоминаемой в хеттских документах, а язык пафлагонцев — с одним из четырех главных языков хеттского государства — языком палайским.[2]

Из памятников материальной культуры Пафлагонии известны вырубленные в скалах, иногда на значительной высоте от уровня земли, погребальные камеры с фасадами в виде портиков на колоннах, над которыми часто помещались украшенные рельефами фронтоны, а также слепые лестницы с гигантскими ступенями.[3]

Некоторые из этих сооружений, судя по характеру рельефов во фронтонах, относятся к эллинистическому времени, но большинство их несомненно восходит к значительно более ранней эпохе и имеет близкие аналогии в других горных районах Малой Азии (Фракии, Каппадокии), Закавказья (Урарту), Ирана и восточного Средиземноморья.[4] Возможно, в них следует видеть доказательство принадлежности пафлагонцев к исконному населению Малой Азии.

О социально-экономическом строе этого племени в первые века после колонизации южного побережья Черного моря греками ничего не известно, равно как и о характере сношений, установившихся между греческими городами и местным населением. Судя по тому, что еще в эпоху эллинизма пафлагонцы жили отдельными племенами, возглавляемыми царьками, в обособленных горных долинах, первобытно-общинный строй не был еще полностью изжит ими и в это время. Однако, как видно из рассказа Ксенофонта,[5] на грани V и IV вв. до н. э. одному из пафлагонских вождей — Котиле — удалось собрать войско численностью более чем в 120 000 человек и покорить обширные пространства к востоку от Галиса. Располагая конницей, которая считалась лучшей в армии персидского царя, Котила держал себя независимо, не повиновался Артаксерксу и угро-

---

[1] E. Meyer. Geschichte des Altertums, II. Berlin, 1909, § 476.

[2] L. Forrer, Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft, 61, 1921, стр. 24. См.: В. И. Авдиев. История древнего Востока. 1953, стр. 329.

[3] G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'Art, V. Paris, 1890, стр. 196—215. — B. Leonhard. Paphlagonische Denkmäler. Jahresberichte der Schles. Gesellsch., 1902, стр. 37. Книга Б. Леонхарда (B. Leonhard. Paphlagonien, 1915) мне не доступна.

[4] См.: Б. Б. Пиотровский. Урарту. Ереван, 1944, стр. 259 и 270.

[5] Xenoph., Anab., V, 6, 9.

жал греческим городам побережья.[1] В IV в. до н. э. представители пафлагонской родовой знати занимали то же общественное положение, что и персидские сатрапы Малой Азии, и играли видную роль в политических судьбах этой страны.[2] Возможно, что и Скидрофемид, который правил Синопой в III в. до н. э., был пафлагонцем по происхождению.[3] Наряду с этими фактами обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди рабов в Греции, а впоследствии и в Италии видное место занимали рабы пафлагонцы, которые доставлялись на запад несомненно через посредство Синопы. Из каких источников синопские работорговцы черпали этот живой товар, — остается для нас неясным.

Очень мало конкретных сведений имеется и о непосредственном соседе Синопы — городе Амисе, расположенном в Каппадокии. Археологические находки недавнего времени показали чрезвычайную древность первых следов жизни человека в этой части черноморского побережья, восходящих к эпохе нижнего палеолита.[4] В порядке случайных находок и доследований здесь же и в прилегающих районах побережья и прибрежных дюнах обнаружены были культурные остатки различных периодов (каменные и бронзовые орудия, керамика), которые позволяют предполагать в этих районах непрерывность культурной жизни,[5] начиная от палеолита. Исследователи отмечают две характерные черты. Это, во-первых, раннее появление металла и, в частности, начало обработки железа уже в первой половине II тысячелетия до н. э., что связано с большим богатством рудных месторождений в Северо-Анатолийских горах, эксплуатация которых привлекла в Каппадокию ассирийских колонистов еще во второй половине III тысячелетия.[6] Во-вторых, для памятников материальной культуры

---

[1] Xenoph., Anab., V, 5, 23; 6, 8. См. также стр. 103 настоящей книги.

[2] См. главу 4, стр. 104.

[3] См. главу 7.

[4] О находках орудий труда эпохи палеолита в долине Текке-Кой, близ Амиса, и о памятниках более поздних в тех же районах, вплоть до времени греческой колонизации, см.: AJA, 1947, № 3, стр. 227 и сл.; № 4, стр. 444 и сл.; Pfannenstiel. Die altsteinzeitlichen Kulturen Anatoliens. Istanbuler Forschungen, № 15, 1941; H. T. Bossert. Alt-Anatolien. Berlin, 1942; W. Lamb. New developments in early Anatolian Archaeology. Iraq, XI, 1949, стр. 188 и сл.; S. Przeworski. Metallindustrie Anatoliens. Leiden, 1939; H. de Genouillac. Céramique Cappadocienne. Paris, 1926.

[5] Пока не найдено, правда, памятников неолитической эпохи.

[6] См.: В. В. Струве. История Древнего Востока. М.—Л., 1941, стр. 241.

эпохи Халколита, медного века и времени хеттского государства, найденных близ Амиса, отмечается несомненное сродство, даже идентичность с памятниками тех же эпох, характерными для районов средней Анатолии.[1] Таким образом, можно думать, что древнее население района Амиса тяготело к внутренним областям Анатолии и во всяком случае имело прочные связи с этими областями, что лишний раз подтверждает древность торгового пути Амис—средняя и южная Анатолия, о котором мы говорили выше,[2] и указывает на то, что греческие переселенцы застали у Амиса население, обладавшее древней и высокой культурой. Вся эта область Малой Азии с середины I тысячелетия до н. э. носила название Каппадокии, которое встречается впервые в Бехистунской надписи Дария.[3] Среди греков времени Геродота это наименование еще не получило широкого распространения, и они продолжали называть каппадокийцев сирами, сирийцами, ассирийцами или левкосирийцами.[4] Этническое происхождение каппадокийцев также остается пока невыясненным. Некоторые исследователи, как, например, Гетце, ставят каппадокийцев в связь с племенем кицциватна, неоднократно упоминающимся в хеттских документах, где о нем говорится как о племени, живущем у «большого моря».[5]

Для выяснения вопроса о социально-экономическом развитии соседей Амиса во время основания там греками колонии мы не располагаем никакими данными. Если судить по отрывку из Феопомпа, сохраненному Страбоном,[6] из которого можно сделать заключение о захвате Амиса каким-то вождем каппадокийцев после основания города, следует предположить, что в это время местные племена уже объединялись для совместных военных предприятий, представляли собой значительную военную силу и, возможно, достигли ступени военной демократии. Сирийцы, т. е. каппадокийцы, вместе с пафлагонцами и другими племенами входили в III сатрапию Дария.[7]

---

[1] См.: AJA, 1947, № 4, стр. 444 и сл.

[2] По этому вопросу см. также мою статью «К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря», ВДИ, 1948, № 4, стр. 24—34.

[3] См.: ВДИ, 1947, № 1, стр. 277.

[4] Herod., I, 72; V, 49; VII, 72. Согласно исследованию Нёльдеке (Hermes, 1871, стр. 443 и сл.), название «ассирийцы» в применении к жителям данной местности появилось позднее, чем название «сиры» и «левкосиры».

[5] A. Goetze. Kizzuwatna. New Haven, 1940.

[6] Strab., XII, 3, 14.

[7] Herod., III, 90.

Отряд сирийцев принял также участие в походе Ксеркса.[1] После смерти Александра Македонского Каппадокия стремилась стать самостоятельным государством.[2]

Несколько более ясное представление, чем о пафлагонцах и каппадокийцах, мы можем составить себе о населении

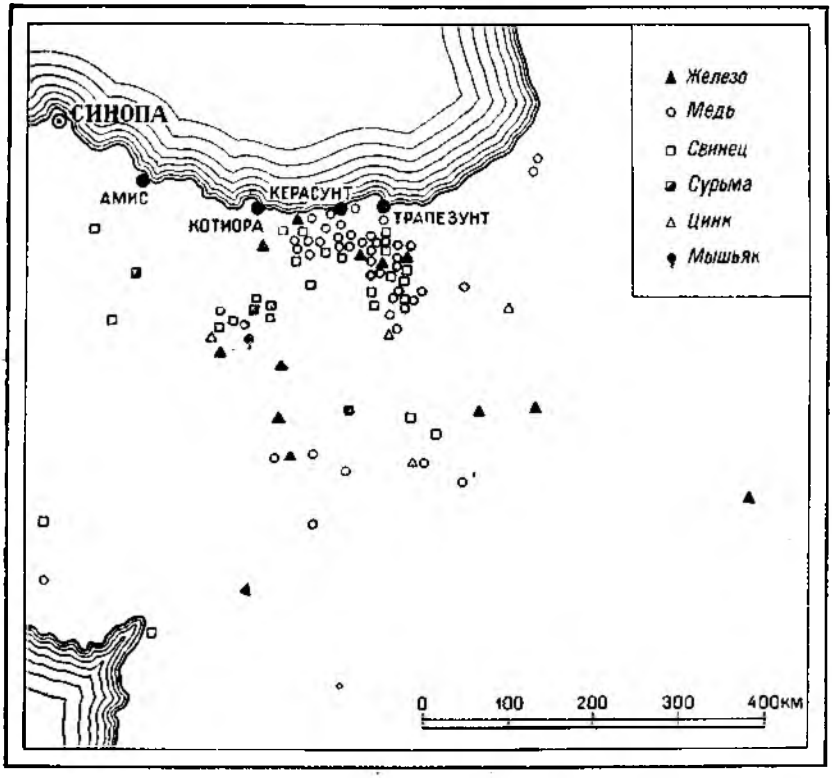


Рис. 2. Рудные месторождения северной Анатолии.

приморских районов, находящихся к востоку от Амиса и эксплуатировавшихся Синопой через ее колонии Трапезунт, Керасунт и Котиору. Эти места в 400 г. до н. э. лично посетил Ксенофонт, оставивший в своем Анабасисе ценнейшие описания встреченных им по пути племен. Разбору свидетельств Ксенофонта посвящена глава V нашего труда. Для более ран-

[1] Herod., VII, 72.
[2] См. стр. 171 настоящего труда.

них времен — конца VI и V вв. — мы располагаем некоторыми указаниями Гекатея Милетского и Геродота, а археологические находки недавнего времени проливают свет на культуру этих районов на рубеже II и I тысячелетий.

В 1896 г. близ турецкой крепости Мехчис-Цихе в бывшем Карском районе был найден клад бронзовых предметов, хранящийся ныне в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР.[1] Второй подобный же клад происходит из Сазаскале в долине Чороха, в 30 км от его устья.[2] Наконец, третий клад сходных предметов обнаружен был недалеко от современного города Орду, на морском побережье, примерно в 100 км к западу от Трапезунта.[3] Анализ орудий труда и предметов вооружения, составляющих главное содержание перечисленных кладов, привел их издателей к интересным выводам. Все упомянутые исследователи согласны между собой в том, что эти предметы обнаруживают ближайшее сродство с аналогичными памятниками эпохи развитой бронзы Кавказа и Закавказья, так называемой колхидо-кобанской культуры, и в то же время не имеют почти ничего общего с бронзовыми изделиями Внутренней Анатолии. Основываясь на этом наблюдении, А. А. Иессен называет восточную часть понтийского побережья Турции одной из областей, в которых выделывались бронзовые изделия кобанских типов,[4] а Пржеворский выделяет северо-восточный район Малой Азии, как особый металлургический район, отличающийся от таких же районов средней и западной Анатолии.[5] Таким образом устанавливается, что производству железа, которым особенно славилось у греков юго-восточное побережье Черного моря,[6] предшествовало в этих местах высоко развитое производство бронзовых изде-

---

[1] Подробный анализ этого клада см.: А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 12, 1935, стр. 13 и сл.

[2] Найден в 1933 г., опубликован Биттелем (AA, 1934, стр. 355 и сл.). См. также: S. Przeworski. Metallindustrie Anatoliens, стр. 23 и сл., табл. III, *1—4*.

[3] Издан С. Пржеворским в «Archiv Orientalni» (7, 1935, стр. 390; 8, 1936, стр. 44) и в его вышеназванной книге «Metallindustrie Anatoliens» (стр. 22 и сл. и табл. II). Всех трех кладов касается Б. А. Куфтин в своей работе «К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры по данным археологии» (Вестн. Гос. Музея Грузии, XII, B, 1944, стр. 313 и сл.).

[4] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 30.

[5] С. Пржеворский, ук. соч., стр. 71.

[6] Об этом см. ниже, стр. 69 и сл.

лий. Как видно из рис. 2, сырье в виде меди и олова имелось здесь в изобилии.[1]

Чрезвычайно важно и то, что орудия труда в упомянутых трех кладах (так же как и предметы вооружения) находят себе ближайшие параллели по формам и назначению в Колхиде и других районах Закавказья. Это указывает не только на сходство культур, но и на тождество хозяйственных форм. Наличие мотыги говорит о мотыжном земледелии. Крючковатый топор типа аджарской цалды мог служить для расчистки зарослей кустарника (Б. А. Куфтин) или в качестве орудия лесного земледелия (А. А. Иессен). Сегментовидное орудие Куфтин считает тяпкой, применяемой в хозяйстве садово-огородного типа, а Н. В. Трубникова [2] — особым ножом для разрезания кожи, что указывало бы на существование в этих местах скотоводства и кожевенного ремесла.

Названия тех племен, которые обитали в прибрежных районах Черного моря от Трапезунта до Амиса, мы узнаем впервые от Гекатея Милетского, как полагают многие ученые, писавшего свои сочинения примерно около 520 г. Рядом с левкосирийцами, обитающими в вышеописанной долине Фемискире, близ Амиса,[3] живут, согласно его описанию, тибарены и моссинойки, [4] мары, [5] макроны,[6] хои, дизиры, вехиры,[7] матиены [8] и колхи.[9] Отрывки Гекатея, сохраненные поздними писателями, главным образом Стефаном Византийским, не дают почти никаких сведений, кроме названий племен. Однако интересно отметить, что отдельные указания на расселение племен по соседству друг с другом — моссинойки к востоку от тибаренов, халибы к северу от Армении — находят себе подтверждение у более поздних античных авторов, в том числе у Ксенофонта. Отсюда можно, повидимому, вывести заключение, что во второй половине VI в. племена юго-восточного Причерноморья прочно занимали те территории, на которых они находились, согласно Анабасису Ксенофонта, в 400 г., но все ли

---

[1] Рис. 2 представляет собой деталь карты Пржеворского (S. Przeworski. Metallindustrie Anatoliens). Она составлена на основании геологических изысканий на местах. Вопрос о древности разработок остается открытым.

[2] КСИИМК, XVIII, стр. 49 и сл.

[3] FGH. — Hekataios, Ἀσία, фрагм. 200, 201; γενεαλογίαι, фрагм. 7а.

[4] Hekataios, фрагм. 204=SC, I, фрагм. 193.

[5] Hekataios, фрагм. 205=SC, I, фрагм. 192.

[6] Hekataios, фрагм. 206=SC, I, фрагм. 191.

[7] Hekataios, фрагм. 202, 203=SC, I, фрагм. 195 и 196.

[8] Hekataios, фрагм. 200=SC, I, фрагм. 190.

[9] Hekataios, фрагм. 288=SC, I, фрагм. 188.

они принадлежали к исконному населению этих районов — этот неоднократно обсуждавшийся и советской и зарубежной научной литературе вопрос не может еще считаться окончательно решенным.

Мы не считаем возможным входить здесь в подробное рассмотрение сложной проблемы этногенеза припонтийских племен, вошедших впоследствии в состав грузинского народа. Укажем только на проделанную большую работу по отождествлению известных по греческим источникам названий припонтийских племен с именами племен, встречающимися в ассирийских и урартских текстах XII—VIII вв. до н. э., а также в Библии. Это, повидимому, в какой-то мере подтверждает теорию переселения некоторой части населения прибрежных областей, расположенных южнее Северо-Анатолийских гор.[1] С другой стороны, в последнее время в научной литературе замечается тенденция к признанию припонтийских племен автохтонными, причем отрицается и правильность некоторых из упомянутых выше отождествлений племенных названий.[2] Вполне удовлетворительного согласования различных точек зрения на эти вопросы еще не достигнуто, и вряд ли здесь возможно добиться полной ясности без дальнейших специальных исследований как лингвистических, так и археологических. Со своей стороны мы предлагаем вниманию читателей некоторые соображения, касающиеся в основном племен приморских халибов, которые мы склонны рассматривать как одно из племен, входивших в состав исконного населения юго-восточного Причерноморья.[3]

В античной литературной традиции халибы фигурируют главным образом как племена металлургов, добывающие средства к жизни поисками и обработкой железа и серебра.[4] Большая часть этих свидетельств носит характер легендарный и поэтический. Об этих «античных нибелунгах» рассказывают, как они днем и ночью трудятся в подземных штольнях и в куз-

---

[1] Литературу по этим вопросам см. в примечаниях к «Известиям древних писателей о Скифии и Кавказе» В. В. Латышева в переиздании этого труда в «Вестнике древней истории» (1947, № 1, стр. 283—279 и 298—301).

[2] См.: Б. А. Куфтин. К вопросу. . ., стр. 313 и сл.; Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили и С. Джапаши а. История Грузии. Тбилиси, 1950, стр. 32 и сл.

[3] Мы будем говорить только о халибах, обитавших в приморской области, не касаясь проводимого некоторыми исследователями отождествления халибов с халдеями, халдами и гордиеями.

[4] О халибах упоминают многие греческие и римские писатели. Перечень текстов см: RE, s. v. Chalybes (W. Ruge).

лицах, а пламя их горнов и звон наковален видны и слышны с кораблей, плывущих вдоль морского берега. Этот легендарный характер рассказов о халибах, а также тот факт, что античные авторы локализуют это племя в различных районах Малой Азии, заставили К. О. Мюллера в комментариях к периплу Псевдо-Скилака[1] высказать предположение, будто греки называли халибами не одно определенное племя, а прилагали это имя ко многим племенам, жившим в различных районах Малой Азии и занимавшимся добычей и обработкой железа. Этот взгляд, по сути дела отрицающий существование конкретного племени халибов, получил широкое признание как в зарубежной,[2] так и в советской литературе. Например, Р. В. Шмидт в своей работе «Металлическое производство в мифе и религии античной Греции» пишет: «Локализация халибов в античной традиции неустойчива; то они помещаются на южном побережье Понта, то в Малой Азии, то на Кавказе, в Армении. Это этническое название, повидимому, становится нарицательным, широко распространяется и прикрепляется к тем народам, которые преимущественно занимаются металлургией».[3] Несмотря на такой вывод, который вполне сходится с мнением К. О. Мюллера, Р. В. Шмидт, видимо, колеблется и не принимает этой точки зрения полностью. По крайней мере, Р. В. Шмидт не причисляет халибов к коллективным, мифическим образам металлургов, как, например, дактилей, тельхинов и т. д., и отмечает, что «сведения о халибах чрезвычайно пестрые, то это легендарные племена, выступающие в мифах, то это уже вполне реальный народ... Пожалуй это обстоятельство указывает на их большую давность, с одной стороны, с другой стороны, — на длительное пребывание их в одних и тех же местах». С последним замечанием нельзя не согласиться. Что же касается утверждения о локализации халибов античными авторами в различных местностях, то по проверке оно оказывается неточным.

Огромное большинство античных писателей, упоминающих о халибах, говорит о них как о жителях приморской области; при этом всегда имеется в виду участок побережья между Фермодонтом и Керасунтом протяжением примерно в 100 км. Особняком стоят немногочисленные свидетельства, помещающие халибов к западу от Галиса или к северу от Армении, причем в отношении последней локализации следует отметить,

---

[1] Geographi Graeci Minores, ed. K. O. Müller, Paris, 1855, стр. 88.
[2] См.: RE, s. v. Chalybes (W. Ruge).
[3] Изв. ГАИМК, т. IX, вып. 8—10, 1931, стр. 30.

что соответствующие авторы говорят о халибах, живущих близ Армении, в то же время признавая и существование халибов приморских.

Два автора помещают халибов к западу от Галиса. Это, во-первых, Геродот, который называет халибов среди покоренных Крезом, живших «по сю сторону» Галиса народов. Он говорит: «С течением времени покорены были Крезом почти все народы, обитающие по сю сторону реки Галиса, за исключением киликиян и ликиян (именно: лидяне, фригияне, миляне, мариандины, халибы, пафлагонцы, фракияне, фины и бифины, кары, ионяне, доряне, эоляне, памфилы)».[1] То предложение, в котором среди многих других племен упоминаются халибы, представляет собой дополнительное разъяснение к первому предложению, разъяснение в сущности лишнее и прерывающее ход повествования. Поэтому издатели текста Геродота, в том числе и Штейн, считают эту фразу позднейшей интерполяцией, отчего она теряет свою силу исторического свидетельства.

Второй автор, частично помещающий халибов на запад от Галиса, — Помпоний Мела, римский географ времен императора Клавдия. Он утверждает,[2] что Синопа находится в области халибов, а далее распространяет эту область и на восток от Галиса, указывая на то, что и Амис находится на земле халибов. Это свидетельство римского географа находится в резком противоречии с фактами. Так, не существует никаких сомнений в том, что Синопа находилась в Пафлагонии, а Амис в Каппадокии. Трудно сказать, откуда Мела почерпнул свои ошибочные сведения. Возможно, он был так или иначе введен в заблуждение тем обстоятельством, что через Синопу и Амис экспортировалось знаменитое железо халибов.

Таким образом, свидетельства о пребывании халибов к западу от Галиса оказываются весьма шаткими. Более конкретны и определенны те тексты, которые говорят о халибах, соседящих с Арменией. Однако напрасно некоторые исследователи, например Р. В. Шмидт,[3] понимают эти тексты в том смысле, будто эти халибы, как соседи Армении, жили на Кавказе. Дело здесь идет о Малой, или Западной, Армении, северная граница которой проходила где-то между истоками Тигра и Мурад-Су, с одной стороны, и Северо-Анатолийскими горами — с другой. На запад Малая Армения простиралась, новидимому, почти до истоков Галиса. Таким образом, эти халибы, которых

---

[1] Herod., I, 28. (Перевод Ф. Г. Мищенки).
[2] Pomp. Mela, I, 105.
[3] См. выше, стр. 27.

мы будем называть горными в отличие от халибов приморских, жили не в Закавказье, а на северо-востоке Малой Азии, повидимому недалеко от истоков Чороха.

Об этих горных халибах упоминают три литературных источника: Гекатей Милетский, Ксенофонт и Плиний Старший. Цитата из Гекатея, сохраненная Стефаном Византийским, чрезвычайно лаконична.[1] Она устанавливает только, что «с халибами к югу граничит Армения». Следует отметить, что дательный падеж множественного числа χαλύβοισι образован здесь от номинатива Χάλυβοι, тогда как приморские халибы всегда называются Χάλυβες. Это было отмечено Стефаном Византийским, который и противопоставляет χάλυβες, живущих у Понта, χάλυβοι — соседям Армении.

Наиболее подробные сведения о горных халибах дает Ксенофонт в Анабасисе.[2] Хотя эта часть повествования о походе наемников Кира наиболее трудно поддается локализации на карте,[3] однако из всего хода изложения, а также параллельного описания похода, сохраненного Диодором,[4] вытекает, что горные халибы обитали где-то близ верховьев Чороха, так как рядом с халибами жили скифины, от области которых было всего несколько переходов до Трапезунта.

Свидетельство Плиния Старшего довольно неопределенно в географическом отношении.[5] Он помещает халибов по соседству с Париадром и Колхидой, с мосхами и макронами — указание, которое во всяком случае не противоречит Ксенофонту. Интересно, что Плиний называет горных халибов арменохалибами. Очевидно, в то время, когда писал автор, использованный в данном случае римским ученым, халибы частично слились со своими соседями арменами.

Если присмотреться к тому, какими чертами характеризуют античные писатели приморских и горных халибов, то между теми и другими не окажется никакого сходства. Все многочисленные и варьируемые на разные лады рассказы о добывании и обработке железа неизменно относятся к приморским халибам. Занятия горных халибов либо вовсе остаются без определения (Гекатей, Плиний), либо на первый план выдвигается не их производственная деятельность, а большая воинственность (Ксенофонт), и попутно рассказывается об

---

[1] FGH, фрагм. 203=SC, I, фрагм. 195.
[2] Xenoph., Anab., IV, 4, 18; 5, 34; 6, 5; 7, 15—17.
[3] См. прим. 16 и 24 к IV книге перевода Анабасиса (М.—Л., 1951, сер. «Литературные памятники»).
[4] Diod., Bibl., XIV, 29.
[5] Plin., Nat. Hist., VI, 12, 29.

укрепленных пунктах, куда они сносили продовольствие и где они укрывались при проходе греков, а также об их одежде и вооружении. Очевидно, эти халибы по роду своей деятельности ничем не отличались от других горных племен тех районов, которые занимались главным образом скотоводством.[1] Свидетельство Ксенофонта — очевидца и внимательного наблюдателя — особенно ценно, и если мы обратимся к его показаниям относительно приморских халибов, то убедимся в том, что они совершенно конкретны и, при всей своей краткости, чрезвычайно показательны. Пройдя землю моссинойков, расположенную на побережье к западу от Керасунта, греки пришли к халибам. «Халибы», — говорит Ксенофонт, — немногочисленны и подвластны моссинойкам и живут они преимущественно добыванием и обработкой железа (ἀπὸ σιδηρείας)».[2] Приморские халибы жили, следовательно, в совершенно иных условиях, чем халибы горные. Основным их занятием была металлургия. Это племя специализировалось на ремесле и получало средства к существованию путем обмена продуктов своего труда на продовольствие и одежду. Примером такой производственной специализации отдельных родов и племен с первобытно-общинным строем известно немало. Р. В. Шмидт в упомянутом выше труде привела много подобных примеров, заимствованных ею как из древних времен, так и из современности.

В свидетельстве Ксенофонта важно отметить еще одно обстоятельство. Халибы, по его словам, находились в подчинении у соседнего племени моссинойков. Эти последние были могущественны и многочисленны.[3] Они занимали значительную территорию и, полагаясь на свою силу, решились даже оказать сопротивление греческому войску. Давая довольно подробную характеристику этого племени,[4] Ксенофонт нигде не упоминает о его деятельности по обработке металла, а между тем тот же автор рассказывает о сношениях граждан Трапезунта с моссинойками. Сопоставляя эти данные с тем фактом, что одним из главных продуктов, экспортировавшихся греками из городов юго-восточного Причерноморья, было железо, мы получаем впечатление, что моссинойки эксплуатировали труд подвластных им халибов и сбывали полученный таким образом металл греческим городам. Весьма вероятно, что именно моссинойки были одним из пришлых с юга племен,

[1] Об этих племенах см. главу 5.
[2] Xenoph., Anab., V, 5, 1.
[3] О моссинойках см. главу 5.
[4] Xenoph., Anab., V, 4.

подчинивших себе и частично истребивших халибов при водворении своем на новых местах. Халибы же должны были принадлежать к древнему населению данной области, так как их производственная деятельность и весь уклад экономики были неотделимы от пребывания в тех местностях, почва которых была богата рудными месторождениями.[1] Таким образом, имеются все основания считать халибов не мифическим, а вполне реальным племенем, исконным населением северо-восточного Причерноморья, тесно связанным с рудными богатствами страны, разработка которых и была основой их хозяйства. Из этих конкретных условий и выросла та легенда, которая со временем окружила их имя в греческой литературной традиции. Что же до горных халибов, то, может быть, они первоначально составляли единое целое с приморскими халибами и откололись от них под напором наступающих с юга племен. Оказавшись в новых условиях горной местности, они изменили и свой хозяйственный уклад, и слава припонтийских металлургов осталась за их приморскими единоплеменниками.

Глава 2

ОСНОВАНИЕ СИНОПЫ

Примерно в центре южного побережья Черного моря находится значительно выдающийся на север полуостров с широким основанием, именуемый в настоящее время Инджебурун, а в древности носивший название Сириады,[2] Лепты[3] или Сириады Акролепты.[4] Восточный берег этого полуострова идет сначала прямо на север, но примерно на половине своего

[1] «Халибы немногочисленны», — говорит Ксенофонт. Подчиненное положение халибов косвенно подтверждается и Геродотом. Так, перечисляя племена северо-восточной части Малой Азии, вошедшие в состав учрежденных Дарием сатрапий, он умалчивает о халибах, хотя называет их соседей — моссинойков и тибаренов (Herod., III, 93—94). Геродот в данном случае черпал свои сведения, по всей вероятности, из официальных персидских источников, и пропуск племен халибов следует скорее всего объяснить тем, что персы, назначая ежегодную дань, имели дело не с халибами, а с их повелителями — моссинойками. Равным образом, вероятно по тем же причинам, Геродот не называет халибов среди воинских отрядов, участвовавших в походе Ксеркса (Herod., VII, 78—79; конъектура Мищенки, вставившего халибов в 76-й параграф VII книги Геродота, совершенно произвольна).

[2] Marcian, Epitome, 9.

[3] Arr., Peripl., 21.

[4] Anon., Peripl., 20. — RS, стр. 126, прим. 1.

пути он резко уклоняется на запад, и в этом пункте от него отделяется в направлении на северо-восток длинный гористый мыс, который вдается в море больше, чем на три километра. Наиболее отдаленная от материка гористая часть мыса соединяется с полуостровом Инджебурун перешейком, ширина которого в самом узком месте не превышает 400 м. [1] Здесь, как выражается Страбон, [2] «на шее» мыса расположена была Синопа (рис. 3).

Полибий и Страбон оставили нам чрезвычайно наглядные описания местоположения этого города. Полибий говорит:[3]

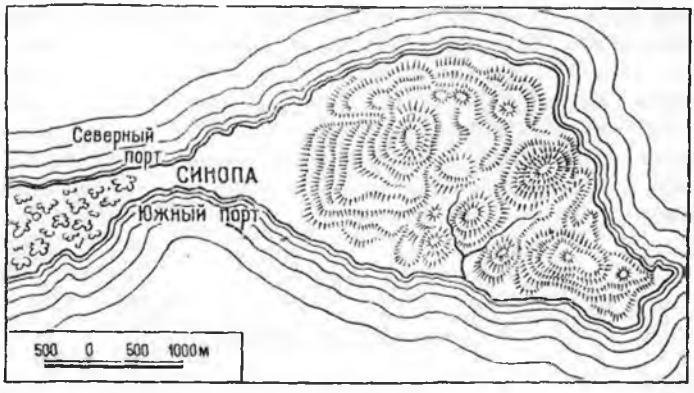


Рис. 3. Полуостров Инджебурун.

«Синопа находится на правой стороне Понта, на пути к Фазису, и построена она на вдающемся в море полуострове. Перешеек последнего, соединяющий его с Азией, протяжением более двух стадий (около 0.370 км), полностью занимает расположенный на нем город. Остальная часть полуострова вдается в море; в направлении к городу она ровная и очень удобная для ходьбы, но бока ее, обращенные к морю, наоборот, круты, неблагоприятны для высадки и имеют лишь очень мало доступных пунктов» (рис. 4).

Описание Страбона[4] еще более подробно: «Синопа прекрасно устроена, как от природы, так и старанием человека,

[1] Гористый мыс с перешейком носил в древности название «Педалион» — «Весло» (Plut., Luc., XXIII). Робинзон довольно удачно сравнивает форму мыса с головой кабана.

[2] Strab., XII, 3, 11.

[3] Polyb., IV, 56.

[4] Strab., XII, 3, 11.

ибо она расположена на перешейке полуострова и имеет гавани и стоянки для судов по обе стороны перешейка и прекрасные

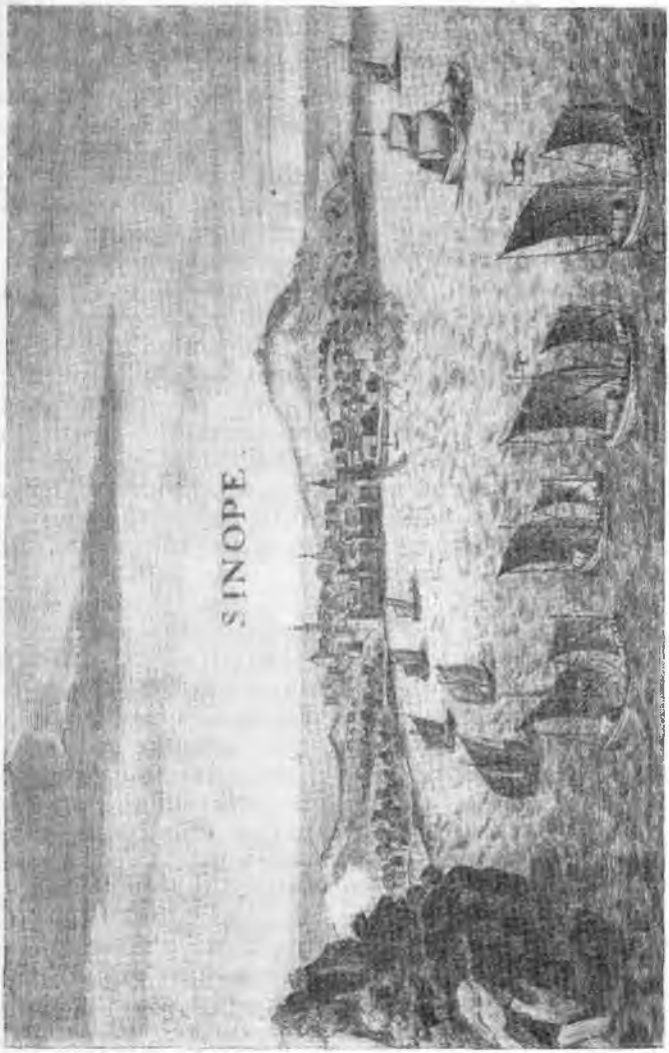


Рис. 4. Вид Синопы.

рыбные промысла... Кроме того, полуостров защищен со всех сторон скалистыми берегами, в которых имеются впадины,

как бы каменные ямы, которые называют хойникидами [т. е. небольшими впадинами (?)]; они наполняются водой, когда море поднимается, и эта местность трудно доступна как по этой причине, так и вследствие того, что вся поверхность скал колючая, наподобие ежа (ἐχινώδης), и по ней нельзя пройти босыми ногами. Однако выше и над городом почва плодородна и густо покрыта плодовыми садами (или огородами — ἀγροκήπια), особенно в предместьях города».

Эти описания древних авторов настолько наглядны, что путешественники нового времени мало могут к ним прибавить. Давид Робинзон, автор последней по времени монографии о Сяноне, имел возможность лично познакомиться с этим городом и изучить на месте его географические условия. Согласно его наблюдениям, полуостров Инджебурун вулканического происхождения. Скалистые, крутые его берега поднимаются вверх над уровнем моря примерно на 200 м. Верхний горизонт полуострова представляет собой плато. Почва его плодородна. Робинзон далее отмечает, что в окрестностях города имеется достаточное количество питьевой воды: ключи на плато и пещера с подземным источником на подъеме от города к северу. Надо полагать, однако, что этой воды не хватало городу, так как из переписки Плиния Младшего с Траяном известно, что недостаток питьевой воды был слабым местом городского хозяйства Синопы.[1]

Описание античными авторами не приступности Педалиона с моря находит себе полное подтверждение в наблюдениях путешественников нового времени. Крутые и обрывистые его берега состоят из скал различных каменных пород (трахит, брекчиа, ракушистый известняк, песчаник и др.), в разной степени доступных действию морской воды. Вследствие этого на поверхности скал, находящихся выше уровня моря, имеется много выемок и острых шипов, что и позволило Страбону сравнить ее со спиной ежа. А в скалах, покрытых морем, морская вода выела ямы и пещеры — те самые «хойникиды», о которых упоминает Страбон в своем описании.

Древний город, так же как и современная Синопа, находился на низменном перешейке, соединяющем мыс Педалион с полуостровом Инджебурун. Робинзон пытался установить границы античного города и его примерную топографию, но это ему не удалось. Полибий, как мы видели, говорит, что Синопа занимает весь перешеек, а так как площадь низмен-

[1] Plin., Epist., X, 90, 91.

той части последнего невелика (1500 м длины на 400—1000 м ширины), то это указание вполне могло соответствовать действительности, особенно если принять во внимание пригороды, наличие которых в Синопе засвидетельствовано Страбоном.

На юго-западе низменная часть перешейка особенно узка, так как здесь как с севера, так и с юга в нее врезаются бухты. Это и были две гавани Синопы — самое драгоценное ее достояние. Северная бухта сейчас обмелела вследствие песчаных наносов и уже не пригодна для стоянки судов. Южная бухта, возвышенностью Педалиона защищенная от западных, северных и восточных ветров, и сейчас является гаванью Синопы. Путешественники XVIII и середины XIX в. Тэтбу де Мариньи и Гамильтон еще видели здесь остатки древнего мола, который они относили ко времени Митридата (рис. 5).[1]

На юго-западе низменная часть перешейка постепенно повышается и затем непосредственно смыкается с массивом полуострова Инджебурун. Эта местность отличается исключительным плодородием. В настоящее время здесь произрастают хлебные злаки, табак, виноград и разные плодовые деревья. Надо полагать, что и в древности этот район был главным сельскохозяйственным районом Синопы, где между прочим произрастала и маслина — один из главных источников благосостояния Синопы.

Огромное значение для Синопы как торгового города имели районы юго-восточного побережья, расположенные к востоку от реки Фермодонта и чрезвычайно богатые рудными месторождениями. Эта часть побережья, как мы старались показать в предыдущей главе, совершенно отрезана от внутренних областей Малой Азии непроходимыми горами. Эксплуатировать горные богатства в широких по античным понятиям масштабах возможно было, только опираясь на каботажное плавание вдоль берега, и Синопа, как самая близкая и даже единственная надежная гавань в тех местах, неизбежно должна была превратиться в посреднический торговый центр, куда свозились добытые на побережье руды и откуда они экспортировались в другие страны античного мира. Чрезвычайно благоприятным условием для развития Синопы как крупнейшего центра морской торговли было и обилие леса, в том числе и корабельного, покрывавшего северные склоны близлежа-

[1] Описание города Синопы в XVI—XIX вв. можно найти в кн.: W. Streuber. Sinope, стр. 37 и сл. и 135—143. См. также: W. Hamilton. Reisen in Kleinasien, Pontus und Armenien. Leipzig, 1843, Bd. I, Kap. 18.

щих гор. Наши источники не позволяют нам даже приблизительно наметить размеры области Синопы в первые века ее существования, но самый факт быстрого возвышения этого города как крупного центра морской торговли предполагает возможность использования в какой-то мере этих ресурсов для содержания торгового флота.

Неблагоприятным условием местоположения Синопы была ее отрезанность от хинтерланда. Как мы говорили в главе 1 настоящего труда, цепи Северо-Анатолийских гор и на данном участке берега создают непроходимую преграду для сношений с центральной частью Малой Азии. Сообщение между берегом и Анатолийским плато возможно здесь лишь кружным путем, через Амис—Самсун, и мы увидим в дальнейшем, каким образом Синопа сумела обойти это затруднение.

Преимущества местоположения Синопы как единственной на всем южном побережье Черного моря хорошей гавани, к тому же окруженной плодородными землями и самой природой защищенной от вражеских нападений, стали, повидимому, известны грекам еще в глубокой древности. Однако мнения современных ученых по вопросу о дате основания колонии в Синопе расходятся, что объясняется прежде всего противоречивыми показаниями источников.[1] В хронике Евсевия[2] называется 4-й год 37-й Олимпиады (что соответствует 631/30 г. до н. э.) как год основания Синопы. Но в той же хронике Евсевия[3] указано, что Трапезунт был основан в 757/56 г., а поскольку этот город, по единодушному свидетельству античных источников, был колонией Синопы, то основание этого последнего города тем самым отодвигается в первую или вторую четверть VIII в. до н. э. Столь ранняя дата отвергается большинством исследователей по многим соображениям общего характера, а также и вследствие того, что предпосылкой для заселения берегов Евксинского Понта считается вывод колоний в Пропонтиду (Кизик, Византий), относимый хронографами к 676/75 и 660/59 гг. Версия о более поздней дате основания Синопы (631/30 г.) хорошо согласуется с датами основания Кизика и Византия. Но, с другой стороны, нельзя без достаточных оснований начисто отмести показания Евсевия о времени ос-

[1] Сопоставление различных взглядов по этому вопросу см.: RS, стр. 148, прим. 5; С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. Сб. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 54. Р. Кук (JHS, 1946, LXVI, стр. 67—98; LXIX, стр. 70) высказывается за 630 г., Ж. Мирес (CAH, III, стр. 661 и сл.) отодвигает эту дату в IX в.

[2] Eusebius, II, 89, n. ed. Schöne.

[3] Eusebius, II, 80.

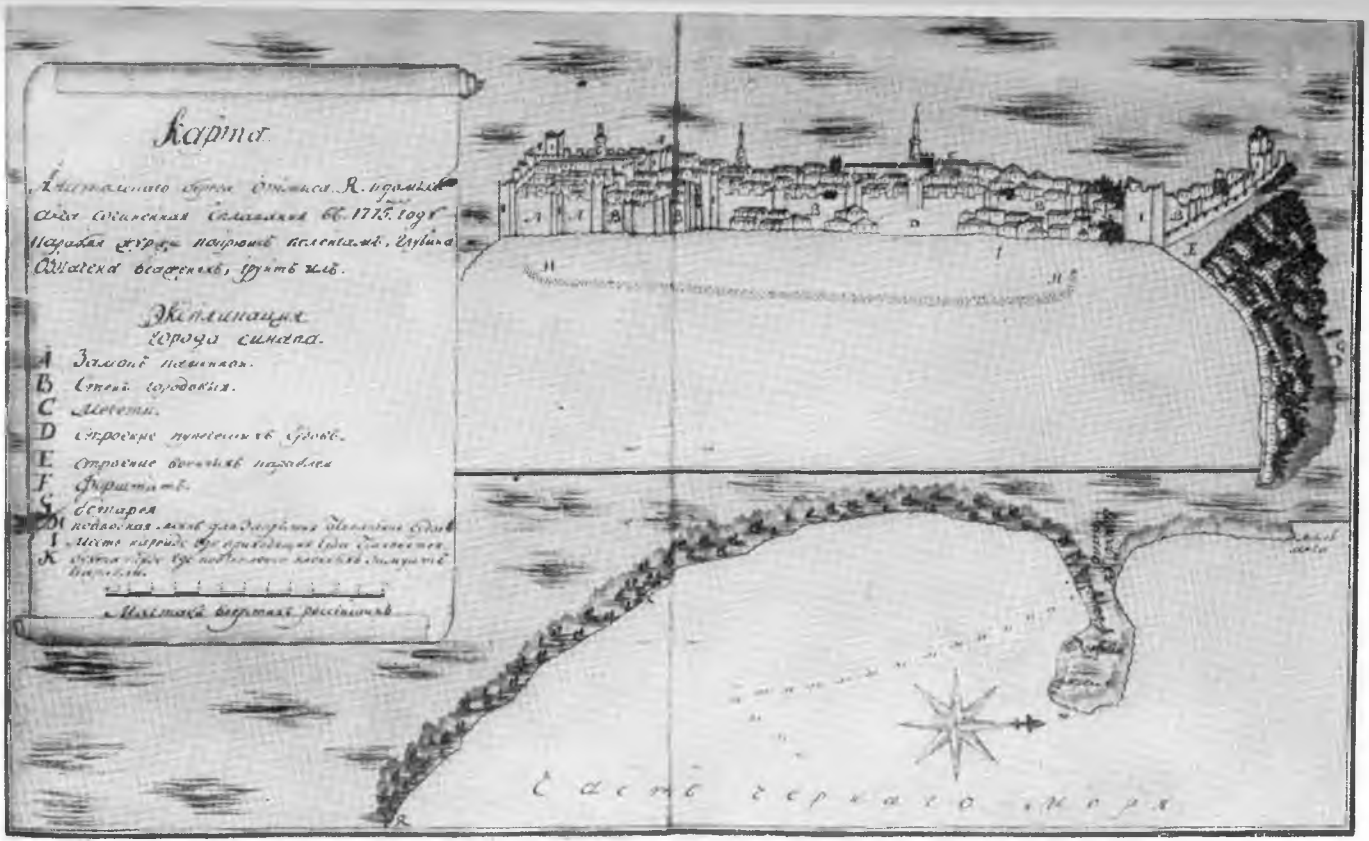


Рис. 5. Вид и план Синопы XVIII в.

нования Трапезунта, ибо, как говорит С. А. Жебелев,[1] «трудно было бы в каждом отдельном случае стоять за абсолютную точность этих дат (хроники Евсевия, — *М. М.*), но было бы неосновательно не считаться хотя бы с их относительной достоверностью». Таким образом, создается некий тупик, но, к счастью, мы располагаем и другими источниками, кроме показаний хронографов, и внимательный их анализ дает, как нам кажется, возможность найти выход из этого тупика. Первостепенное значение имеет здесь отрывок из перипла Псевдо-Скимна, в котором содержится последовательная история основания Синопы в том виде, в каком она сложилась в древности. Приводим перевод этого текста.[2]

«Затем следует Синопа — город, получивший свое название от имени одной из амазонок, область которых находилась неподалеку. Когда-то в нем обитало коренное население — сиры (ἐγγενεῖς[3] ὄντες Σύροι), а затем, как рассказывают, — эллины (ὡς λέγουσι), прибывшие туда во время похода на амазонок, а именно: Автолик и Флогий с Деилеонтом фессалийцы. Потом — Хаброндa, по происхождению милетянин. Повидимому (δοκεῖ), он погиб от киммерийцев. Затем, после киммерийцев, снова (эллины, — *М. М.*) Коос и Кретин — изгнанники Милета. Они заселили этот город, когда войско киммерийцев наводнило Азию».

Псевдо-Скимн устанавливает здесь 6 последовательных смен заселения Синопы, из которых три принадлежали эллинам. Сначала в Синопе жили сиры; затем там ненадолго поселились фессалийцы Автолик, Флогий и Деилеонт. Появление в Синопе милетянина Хабронды должно было состояться в VIII в. до н. э., и существование его поселения тоже не могло быть продолжительным, поскольку Хаброндa погиб от киммерийцев.

Затем в Синопе обосновались киммерийцы, которые покинули ее, чтобы заполонить Малую Азию. Тогда, согласно данным Евсевия, в 631 г. в оставленную и, надо думать, разоренную Синопу прибыли переселенцы из Милета во главе с двумя из-

---

[1] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства, стр. 54.

[2] Ps.-Skymn., Peripl., 941—952 (см.: Geographi Graeci Minores, I, ed. K. O. Müller). Как известно, перипл в той его части, которая касается южного берега Черного моря, дошел до нас в очень плохом состоянии, с большими лакунами и с испорченным текстом, над исправлением которого много потрудились филологи. Мы принимаем текст в том виде, в каком он дан К. О. Мюллером.

[3] Исправление Мейнеке ἐγγενεῖς вместо εὐγενεῖς принимается всеми исследователями.

гнанниками из этого города и вновь обосновались здесь, на этот раз прочно и надолго.

Таков рассказ перипла Псевдо-Скимна, производящий впечатление сокращенного пересказа какой-то связной истории Синопы от времен легендарных и полулегендарных до начала непрерывного существования эллинского города. Произведенный рядом современных ученых критический разбор перипла Псевдо-Скимна и попытки определить источники этого сочинения несколько приблизили нас к правильной его оценке с точки зрения достоверности собранных им сведений, но все же метод работы автора перипла и характер его труда раскрыты еще не полностью.[1] Наши соображения по этим вопросам, имеющим большое значение для оценки сообщаемых периплом сведений об истории Синопы, мы изложим в конце настоящей главы, а сейчас перейдем к рассмотрению отдельных указаний, заключающихся в приведенном тексте.

Прежде всего перипл дает толкование названия города. В качестве эпонима Синопы выводится некая амазонка Синопа, причем вероятность этого предположения подтверждается тем, что область амазонок (т. е. долина Фермодонта) находилась по соседству.

Миф об амазонке Синопе (иногда, впрочем, она называется нимфой, а в других случаях — дочерью Асопа, Асопа и Метоны или Арея и Эгины, или Парнассы) был широко распространен и в разных вариантах встречается у многих древних авторов, начиная с Гекатея Милетского.[2] Содержание его в главных чертах сводится к рассказу о том, что Синопа, похищенная Аполлоном (иногда его заменяет Зевс, Посейдон или речной бог Галис), пытается обмануть бога и сохранить свою девственность. Однако хитрость ее не удается, и у нее рождается сын по имени Сир — эпоним местных сиров. Существует и другая версия мифа, в которой нет речи о похищении. Имя Синопа приурочивается к некоей амазонке, чрезвычайно приверженной к вину и потому называемой Σανάπη, что по-фракийски (а амазонки будто бы говорили на этом языке) значит «пьяная».

Миф об амазонке Синопе служил объяснением не только имени города, но и происхождения местного населения, состоявшего из сиров (или, как их также называли греки, сирийцев, ассирийцев или левкосирийцев), от сына Синопы и Аполлона — Сира. Псевдо-Скимн умалчивает об этом сыне Амазонки, но сиров он знает и называет их коренным местным населением.

[1] См.: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 26 и сл.; RE, s. v. Skymnos (F. Gisinger).

[2] Перечень этих свидетельств см.: RS, стр. 148, прим. 2.

У сиров-то, согласно периплу, очевидно, и захватили город Синопу первые греческие поселенцы Автолик с товарищами.

Автолик, Флогий и Деилеонт, фессалийцы из города Трикки, сыновья Деимаха (по другим версиям — Эрихтония или Гермеса),[1] были хорошо известны в древности по легендам об их приключениях в Черном море.[2] Больше всего подробностей о взятии ими Синопы находим у Плутарха. «Рассказывают, — говорит он, — что Автолик, сын Деимаха, принадлежал к спутникам Геракла, отплывшим из Фессалии к амазонкам, и что на обратном пути, когда он плыл вместе с Деилеонтом и Флогием, его корабль погиб, наткнувшись на полуостров у так называемого Педалиона, но сам он с оружием и товарищами спасся около Синопы и захватил этот город у сиров, ибо им обладали сиры, потомки, как говорят, Аполлона и Синопы, дочери Асопа». На этом кончается рассказ Плутарха, но у других античных авторов (Аполлоний Родосский, Валерий Флакк) имеется послесловие к нему. Здесь повествуется, что когда аргонавты плыли мимо Синопы, то они увидели на морском берегу Автолика, Флогия и Деилеонта, умолявших принять их в товарищи. Таким образом, три фессалийца покинули Синопу и включились в поход аргонавтов.[3]

Такова древнейшая история Синопы, согласно греческому преданию. Мифический ее характер совершенно очевиден, однако возможно, что в этих, как и в других греческих легендах, сохранились смутные воспоминания о реальной исторической действительности.

Амазонка Синопа и все, что с ней связано, — это, конечно, типичный этиологический миф, созданный греками в порядке освоения и осмысления непонятного им местного названия города. Так как недалеко от Синопы находилось знаменитое в греческих легендах царство амазонок, то было естественным сделать именно амазонку эпонимом Синопы.[4] Помимо назва-

---

[1] Перечень соответствующих цитат из древних авторов см.: RS, стр. 147, прим. 1.

[2] См.: Apoll. Rod., Argon., II, 955 и сл. и схолии; Strab., XII, 3, 11; Plut., Luc., XXIII; Appian, Mithr., 83; Valer. Flaccus, V, 113, и др.

[3] Поэтому, очевидно, Страбон называет их аргонавтами, а не спутниками Геракла.

[4] Миф об амазонке или нимфе Синопе был наиболее распространенной, но не единственной этиологической легендой, сложенной в целях пояснения происхождения города Синопы. Схолии к Одиссее (XII, 257) сообщают имя товарища Одиссея, ставшего добычей Сциллы. Звали его Синоп. Здесь, как было указано Маасом (P. Maas. Mythische Kurznamen. Hermes, 23, стр. 618 и сл.), сохранились следы какой-то иной традиции, воспринятой между прочим Ферекидом.

ния города миф служит также для объяснения происхождения коренных жителей данной местности — сиров, или сирийцев, которых греческая легенда тем самым признает предшественниками греков по заселению Синопы. Эта последняя черта мифа отражает, надо думать, историческую действительность. Устное предание пронесло через много столетий воспоминание о людях, живших в Синопе при первом знакомстве с нею греков, и миф об Автолике повествует не о простом заселении Синопы фессалийцами, а о завоевании ими этого пункта у прежних владельцев.

Историческая достоверность этой черты, сохраненной в греческом предании о древнейшем периоде истории Синопы, находит свое подтверждение в археологических данных, так как северный берег Малой Азии, как мы указывали в главе 1, был заселен еще с эпохи палеолита, и из самой Синопы происходят памятники, относящиеся к хеттской эпохе. [1]

Кто были те коренные местные жители, которых греческие мифы называют сирами? В предыдущей главе мы уже отчасти касались этого вопроса и вспоминали совершенно определенное свидетельство Геродота о том, что греки называют сирийцами или левкосирийцами каппадокийцев. Согласно традиции, отразившейся у Псевдо-Скимна и других авторов, касающихся мифов об основании Синопы, сиры или сирийцы, которые впоследствии локализуются восточнее Галиса, в древнейшие времена жили и в восточной части будущей Пафлагонии. Это согласуется с приведенным на стр. 19 свидетельством Илиады о расселении пафлагонцев и находит свое подтверждение в названии «Сириада», прилагавшемся некоторыми античными писателями к полуострову Инджебурун.[2]

Существует довольно значительная литература по вопросу о том, кем были те сирийцы, которые обитали на месте будущей Синопы, каково их отношение к сирийцам и ассирийцам Передней Азии и почему греки называли этих сирийцев белосирийцами.[3] Мы не предполагаем подробно касаться здесь

---

[1] См.: М. Н. Максимова. К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря. ВДИ, 1948, № 4, стр. 27.

[2] См. выше, стр. 31.

[3] Эта литература была недавно подробно разобрана Билабелем (F. Bilabel, ук. соч., стр. 34 и сл.). Возражая тем ученым (главным образом Эдуарду Мейеру), которые отождествляют белосирийцев с ассирийскими колонистами, известными нам по документам из Кюль-Тепе, Билабель придерживается указания Геродота о том, что сирийцы — это каппадокийцы, а в последних он видит хеттское племя. Для объяснения названия «белосирийцы» см. также: Winckler. Völker Vorderasiens. Alte Orient, I, 1913, стр. 23. Мы также не считаем возможным входить

ротих спорных вопросов, так как решающее слово здесь, вероятно, будет принадлежать будущим археологическим исследованиям. Для наших целей важно установить два положения, которые не противоречат различным взглядам ученых на указанные выше вопросы. Это, во-первых, заселение территории будущей Синопы еще в глубокой древности[1] и, во-вторых, сохранение в греческих преданиях представления о том, что первые греческие поселенцы силой отняли эту территорию у местных жителей.

Общая обстановка, насколько она нам известна, позволяет, таким образом, думать, что греческое предание об Автолике и его товарищах, возможно, отражает воспоминания о походе греческих мореходов-пиратов в Черное море. Если придерживаться относительной хронологии греческих героических легенд, то это событие как эпизод похода аргонавтов должно было произойти до Троянской войны, т. е. еще во II тысячелетии, в микенскую эпоху. Насколько нам известно, вполне надежных археологических памятников, устанавливающих связь между Грецией позднеэлладского времени и северным берегом Малой Азии, до сих пор не существует,[2] но находки

здесь в рассмотрение сложных, запутанных и пока не ясных вопросов об упоминаемых Гомером жителях побережья — алазонах и энетах. Эти вопросы требуют специального исследования.

[1] О заселении территории Синопы местными племенами свидетельствует и самое негреческое имя этого города. И. А. Джавахишвили в статье «Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи» (ВДИ, 1939, № 4, стр. 30—49, особенно стр. 43 и сл.) пытался объяснить этимологию названия Синопы из словесных корней языков Северного Кавказа. Не располагая знанием этих языков, мы не беремся судить о правильности или неправильности этих сопоставлений. Укажем только, что предлагаемое И. А. Джавахишвили толкование слова «синопа» как «устье реки» не согласуется с географическими данными, так как в Синопе и ее окрестностях сколько-нибудь значительных рек не имеется.

[2] В большом труде Эванса (A. J. Evans. The Palace of Minos. IV. London, 1921, стр. 764 и сл.) опубликован расписной глиняный ритон, найденный при хищнических раскопках на городище Амиса. Кроме того, там же опубликована терракотовая фигурка барана того же происхождения с надписью граффито на туловище, которую Эванс склонен признать минойским линейным письмом класса «А». Материал этот, однако, недостаточно надежен, чтобы строить на нем исторические выводы. Что касается ритона, воспроизведенного только частично, то, по моему мнению, вряд ли он может быть отнесен к микенской эпохе. Это скорее местное греческое изделие V в. до н. э. (см.: H. de Genouillac. Céramique Cappadocienne, рис. 13, стр. 61). Вотивная же фигурка стилистически мало характерна, а письмена, видимо, нелегко определимы, так как, назвав их минойскими, Эванс сейчас же прибавляет, что во всяком случае они не хеттские или финикийские, греческие или ликийские. Если прибавить к этому отсутствие уверенности в происхо-

в Усатове и Бородинский клад позволяют говорить о связях северо-западного Причерноморья с Эгейским миром во II тысячелетии до н. э.[1] Это, равно как и легенда о походах Геракла против амазонок и Язона за золотым руном, косвенно подтверждает возможность таких же сношений и с южным Причерноморьем.[2]

В милетской колонии Синопе, конечно, не могло сохраниться никаких документальных данных о первых греческих поселенцах Автолике и его товарищах. Но Автолик считался там основателем города; он имел культ и оракул.[3] Его статуарное изображение работы выдающегося греческого скульптора IV в. Сфеннида было святыней города, творящей чудеса. Сохранилась также надпись, свидетельствующая о существовании в Синопе культа Флогия — одного из спутников Автолика.[4]

Вторичное появление греков, на этот раз милетян, в Синопе произошло, согласно рассказу Псевдо-Скимна, спустя примерно 500 лет после высадки Автолика, если придерживаться традиционной греческой хронологии. Каких-либо прямых указаний о времени прибытия Хабронды в Синопу у Псевдо-Скимна нет, но поскольку он передает известие о гибели Хабронды от киммерийцев, а приход этих последних в Малую Азию произошел

ждении предметов именно из Амиса, то неудивительно, что никто не решился делать исторических выводов из этой группы памятников (см. о них: J. D. Pendlebury. The Archaeology of Crete. London, 1939, стр. 225). Что касается купольной гробницы на Изик-Даге в Пафлагонии, опубликованной Леонхардом (B. Leonhard. Paphlagonien, стр. 228, табл. 15 = H. T. Bossert. Alt-Anatolien, стр. 1036) и определенной им как микенская гробница второй половины II тысячелетия до н. э., то я, к сожалению, не могу иметь о ней своего суждения, так как книга Леонхарда мне не доступна. Однако, судя по тому, что в статье Кантор (Helene J. Kantor. The Aegean and the Orient in the second millennium. AJA, № 1, 1947), в которой использована большая литература, не встречается упоминаний о находках эгейских памятников на южном побережье Черного моря, можно думать, что она не содержит памятников, непосредственно касающихся нашей проблемы.

[1] А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья, стр. 16—20.

[2] Точка зрения некоторых буржуазных ученых (см.: H. Merle. Die Geschichte der Städte Byzantion und Kalchedon. Kiel, 1916; Rhys Carpenter. Greek Penetration of the Black Sea. AJA, 1948, стр. 1—10) о том, что сильные течения в проливах делали невозможным проникновение греческих судов в Черное море до изобретения пентеконтер, т. е. до VII в. до н. э., опровергается данными физической географии (см.: В. П. Невская. Византий в классическую и эллинистическую эпохи, стр. 22 и сл.).

[3] Strab., XII, 3, 11 — Plut., Luc., 23. — App., Mithr., 83. См. также стр. 286 и сл. настоящей книги.

[4] AJA, 1905, стр. 306, № 31.

во второй половине VIII в. до н. э., то основание милетянином поселения в Синопе следует отнести к первой половине этого века.

Свидетельство Псевдо-Скимна о поселении в Синопе Хабронды, известном в современной науке под названием «Синопа I», было проанализировано Билабелем, причем он примкнул к тем ученым, которые отрицают историческую достоверность Синопы I и признают только Синопу II, основанную милетянами во второй половине VII в.[1] Главные доводы, которые выдвигались Билабелем и его единомышленниками против возможности основания Синопы в первой половине VIII в., сводятся, во-первых, к тому, что известие о ктизме Хабронды содержится только в перипле Псевдо-Скимна и не подтверждается ни одним другим античным писателем (Билабель), во-вторых, к ссылке на Геродота (IV, 12) и, наконец, к общим соображениям о постепенности заселения греками берегов Средиземного и Черного морей. Постараемся критически разобраться в этих доводах.

Что касается единичности свидетельства Псевдо-Скимна о Хабронде, то этот довод не вполне правомочен. Правда, других прямых указаний на ктизму Хабронды в литературной традиции не сохранилось, но косвенное указание на это событие несомненно содержится в дате основания Трапезунта (757/56 г.), сообщаемой в хронике Евсевия. Поскольку Трапезунт, по общему свидетельству античных писателей, является колонией Синопы, то основание Трапезунта в середине VIII в. предполагает основание Синопы по крайней мере на 5—10 лет раньше, что, как мы видели, примерно совпадает со временем ктизмы Хабронды по Псевдо-Скимну. В этом совпадении особенно важно подчеркнуть то обстоятельство, что в то время как Евсевий ведет летоисчисление по олимпиадам, источник, которым пользовался Псевдо-Скимн в перипле Понта Эвксинского, придерживается совершенно иного метода при указании хронологических данных, так как дату основания колонии или, как в данном случае, ее гибели, он ставит в связь с каким-либо крупным событием в истории Малой Азии, несомненно памятным восточным грекам. Так, гибель Хабронды он приурочивает к появлению киммерийцев в Малой Азии. Отсюда можно сделать заключение о двух независимых друг от друга античных традициях — об основании Трапезунта в середине VIII в. и о ктизме Хабронды, традициях, взаимно друг друга дополняющих, отчего повышается вероятность исторической достоверности обеих традиций.

---

[1] См.: F. Bilabel, ук. соч., стр. 33.

Свидетельство Геродота, на которое ссылаются сторонники отрицания ктизмы Хабронды,[1] звучит следующим образом: «Известно, что киммерийцы, убегая в Азию от скифов, основали город на том полуострове, на котором сейчас находится эллинский город Синопа». Эти слова считаются некоторыми учеными (Билабель, Кук) решающим аргументом в пользу основания Синопы в послекиммерийское время, причем особо подчеркивается выражение κτίσαντες, которому, видимо, придается смысл основания города на пустом месте. Однако поскольку, как мы видели выше, не может быть никаких сомнений в том, что Синопа была заселена задолго до нашествия киммерийцев, то глагол κτίζω никак не может здесь иметь того смысла, который в него вкладывается. Что же касается всей цитаты в целом, то, строго говоря, в ней не содержится прямого отрицания докиммерийской Синопы. Геродот здесь обращается к своим слушателям и читателям, желая пояснить, где именно поселились киммерийцы, поэтому он и называет хорошо известную афинянам V в. Синопу, а упоминание о поселении Хабронды, если Геродот и слышал о нем, было бы здесь неуместно.[2]

Общие соображения, из которых исходят ученые, не склонные признавать реальность Синопы I, сводятся к известному и более или менее общепринятому положению о приоритете Запада перед Востоком в смысле основания там греческих колоний и о невероятности поэтому основания Синопы в первой половине VIII в. — дате, вообще очень ранней для вывода колонии. Мы не будем здесь касаться этого положения в целом, так как углубленное рассмотрение данного вопроса потребовало бы специального, очень обширного исследования. Отметим только последнюю работу на эту тему Кука,[3] в которой автор ставит перед собой задачу проверить правильность господствовавшего в начале нашего века взгляда на передовую роль Ионии в архаическую эпоху во всех областях государственной жизни и культуры. В этой работе, в которой подробно говорится и о датах основания колоний, автор, после прора-

---

[1] Herod., IV, 12.

[2] Весьма веским аргументом в пользу раннего знакомства греков с восточным, а следовательно, и с южным Причерноморьем является упоминание реки Фазиса в сочинениях Гесиода. В «Теогонии» (стихи 337—345) среди рек, рожденных Тифией Океану, называется и Фазис. О предполагаемом путешествии Геродота вдоль южного берега Черного моря см.: С. А. Жебелев. Скифский рассказ Геродота. Сб. «Северное Причерноморье», 1953, стр. 319 и сл.

[3] R. M. Cook. Jonia and Greece 800—600 b. Chr. JHS, 1946, LXVI, стр. 67—98.

ботки огромного материала, приходит к скромному выводу, что «приоритет Ионии пока недоказуем, но на основании некоторых данных можно думать, что его, может быть, не существовало». Таким образом, и этот довод противников Синопы I теряет свою силу. Наконец, следует указать еще на одно обстоятельство, говорящее в пользу исторической достоверности свидетельства Псевдо-Скимна о ктизме Хабронды. Основание Синопы II во второй половине VII в., представлявшее собой несомненно организованный по всем правилам вывод колонии, последовало очень скоро, может быть, даже тотчас после того, как киммерийцы покинули полуостров Инджебурун и устремились на запад и юг Малой Азии. Создается впечатление, что милетяне VII в. были хорошо осведомлены о выгодах местоположения Синопы и, возможно, даже выжидали удобного момента для занятия этого давно облюбованного ими пункта. Эти сведения они скорее всего могли получить еще в те времена, когда Синопа уже была занята их согражданами и начала развивать свою деятельность на понтийском побережье, о чем свидетельствует основание Трапезунта. Таким образом, хотя за неимением конкретных данных приходится довольствоваться пока общими соображениями, все же можно сказать, что общая обстановка говорит в пользу исторической достоверности сообщаемого Псевдо-Скимном известия о поселении милетца Хабронды, и отрицание этого известия как простого вымысла вряд ли достаточно обосновано.

Другое дело — какой характер носила ктизма Хабронды, был ли то колониальный полис, фактория, эмпорий или еще какой-нибудь иной вид поселения. Достаточно хорошо известно, что основанию колонии обычно предшествовало устройство в том же пункте временных или даже постоянных поселений, менее значительных по своим размерам и размаху своей деятельности.[1] Характер таких доколониальных поселений был не всегда одинаков в зависимости от местных условий. При наличии благоприятной обстановки наезды греческих мореходов, занимавшихся наряду с торговлей и пиратством, могли повторяться регулярно, и сезонные поселения легко превращались тогда в постоянные. Относительно характера Синопы I возможны, конечно, только предположения, но, учитывая, с одной стороны, раннюю дату поселения, когда греческие

[1] См.: А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья, стр. 52 и сл., а также указанную там литературу; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 9 и сл.; С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства, стр. 52 и сл.

полисы еще не сложились окончательно в классовые государства, а с другой — основание Синопой I собственной колонии Трапезунта, можно скорее всего видеть в ктизме Хабронды временную стоянку, которая в связи с благоприятными условиями превратилась в постоянное поселение. В таком случае Хаброндa был бы не ойкистом в позднейшем смысле этого слова, а начальником корабля или отряда кораблей, совершавшего рейды вдоль южного побережья Черного моря и обосновавшегося в Синопе ввиду исключительного удобства синопской гавани как базы для подобных набегов.[1] Неизбежно эта база должна была превратиться в постоянный опорный пункт, а затем, в порядке освоения юго-восточного побережья Евксинского Понта, оттуда могла быть основана вторая база— Трапезунт, расположенная на восточной окраине побережья. В таких приблизительно чертах нам рисуется история развития Синопы I. Превращение ее в большой, могущественный полис было прервано насильственным образом киммерийцами, которые, разрушив греческое поселение, сами надолго осели на этом месте, также пользуясь им, надо полагать, как удобной и неприступной базой для набегов на Малую Азию. Однако милетские ἀειναῦται уже знали все преимущества местоположения Синопы и, поэтому при первой же возможности направились туда и на этот раз прочно там обосновались.

Рассказ об основании Синопы II также содержится в разбираемом отрывке Псевдо-Скимна, где сообщается, что после ухода оттуда киммерийцев Синопа вновь была заселена двумя изгнанниками из Милета — Кретином и Коосом. На этот раз свидетельство Псевдо-Скимна не одиноко. Прежде всего следует отметить, что сообщаемая им дата вполне совпадает с датой Евсевия, поскольку в перипле основание Синопы II приурочивается ко времени, непосредственно следующему за походом киммерийцев, во время которого были взяты Сарды (632 г.), а Евсевий называет 631 г. как год основания Синопы. Имена ойкистов Синопы Кретин и Коос называются также в трудах других античных авторов. Во-первых, у грамматика эпохи Адриана Геродиана сохранилась цитата из работы его современника, парадоксографа Флегона,[2] которая гласит: Σινώπη πόλις διαφανεστάτη τοῦ Πόντου, κτίσμα Κρητίνου καὶ Κῴου, ὥς φησι Φλέγον. На это же место из Флегона ссылается и Стефан Византийский, который, однако, расходится с Геро-

[1] Как рассказывает Геродот (Herod., II, 152), подобные набеги совершались еще во второй половине VII в.

[2] Herodian, ed. Leutz, I, стр. 339. 21 и сл. Разбор этого и следующих свидетельств см.: F. Bilabel, ук. соч., стр. 31.

ианом и Псевдо-Скимном в передаче имен собственных. Под словом Σινώπη он сообщает: πόλις διαφανεστάτη τοῦ Πόντου, κτίσμα Κριτίου Κῴου, ὡς φησι Φλέγων. Здесь, следовательно, называется не Кретин, а Критий, и Коос представляет собой уже не отдельное лицо — товарища Крития, а этникон последнего. Таким образом, Кретин из милетского изгнанника превращается в уроженца острова Коса. Из Стефана Византийского, повидимому, черпает свои сведения и Евстафий в комментариях к периэгезе Дионисия (к стиху 772), как было указано Билабелем. У Евстафия говорится: Σινώπη κτίσμα κατὰ τινας Κριτίου ἀνδρὸς Κῴου. Противоречие в показаниях авторов относительно ойкистов Синопы разрешается без труда, если принять ошибку в тексте Стефана Византийского, на что мы имеем полное право, поскольку тот же текст из Флегона сохранился в ином виде у Геродиана, а правильность имени «Кретин» подтверждается и в одном очень важном для нашего исследования тексте Плутарха.[1] В сочинении Плутарха о Пифийском оракуле называются имена четырех предводителей экспедиций (ἡγεμόνες στόλων), основавших колонии, согласно указаниям Дельфийского оракула, и среди них имеется имя Кретина. Вследствие редкости этого имени, а также на основании того обстоятельства, что Кретин и здесь выводится в качестве ойкиста какой-то несомненно крупной колонии, можно думать, что здесь речь идет о том же Кретине, который фигурирует в рассказе Псевдо-Скимна и Флегона как основатель Синопы. Рассказ Псевдо-Скимна получает, таким образом, блестящее подтверждение, так как Плутарх по всей вероятности заимствовал это известие из официального источника, скорее всего из хранившегося в Дельфийском святилище списка ойкистов, обращавшихся за советом к Пифии. Как и списки победителей на играх, списки ойкистов, конечно, были составлены довольно поздно, вероятно в эпоху эллинизма, однако, надо думать, на основании каких-то современных событиям записей, и поэтому можно предположительно говорить о сохранении имени ойкиста Синопы в дельфийской традиции. Едва ли рассказ Псевдо-Скимна восходит к Дельфийским спискам как к своему источнику: он ничего не говорит о получении Кретином совета Дельфийского оракула, но зато сообщает подробность, не известную Плутарху, а именно то, что Кретин был милетским изгнанником. Таким образом, известие об основании Синопы II в той форме, в какой оно,

---

[1] Plut. De Pyth. orac., ed. R. Paton, стр. 54, § 27 (см.: L. Bürchner, ук. соч., стр. 55, прим. 1).

встречается у Псевдо-Скимна, может, как нам кажется, быть полностью принято. На этот раз речь идет уже о правильно организованной колонии, ойкистами которой были лица, вынужденные оставить Милет, вероятно, ввиду социальной борьбы между Плутис и Хейромаха, и вывод которой был связан с получением из Дельф соответствующего указания.[1] Весьма вероятно, что к колонистам из Милета присоединились переселенцы из других городов запада Малой Азии, пострадавших от нашествия киммерийцев.

Таким образом, анализ сведений, сообщаемых периплом Псевдо-Скимна по истории заселения Синопы, показывает, что все эти указания так или иначе совпадают с другими данными, сохраненными греческим литературным преданием.

Исключительно важное для наших целей значение имело бы определение того источника, которым пользовался в данном случае Псевдо-Скимн. Решение этого вопроса требует специального исследования и не может быть дано в рамках настоящего труда. Однако мы приведем здесь несколько наблюдений, которые, как нам кажется, могут приблизить нас к выявлению этого источника.

Современная наука невысокого мнения о ценности перипла Псевдо-Скимна как исторического источника, считая его лишенной критики компиляцией, опирающейся частично на устаревшую литературу.[2] Между прочим Билабель, подробно проанализировавший 12 стихов перипла, относящихся к Синопе, пришел к выводу, что «согласно его (Билабеля, — *М. М.*) впечатлению, автор перипла из совершенно различных ис-

---

[1] Билабель произвел тщательный анализ данных, касающихся Кретина и Кооса. Он отдает предпочтение версии Псевдо-Скимна и Геродиана относительно написания имени первого ойкиста — Кретин, а не Критий, но в то же время сомневается в существовании второго ойкиста Кооса и поэтому вынужден, вопреки собственному суждению о допущенной Стефаном Византийским ошибке, высказать предположение о том, что Кретин был уроженцем Коса, а не изгнанником Милета, и просто присоединился к милетским колонистам. В этом выводе, для которого, на наш взгляд, не имеется достаточного основания, его утверждает и то, что в указанном тексте Плутарха не упоминается имя Кооса. Однако из этого факта вряд ли можно заключить, что Коос — лицо фиктивное, появившееся в литературной традиции только благодаря ошибке. Ведь не подлежит сомнению, что четыре имени, упомянутые Плутархом, это только четыре примера, выхваченные из длинного перечня имен, как это видно хотя бы из того, что сам Плутарх, назвав четыре имени, тут же прибавляет: ἄλλους τε πολλοὺς ἡγεμόνας στόλων.

[2] См.: RE, s. v. Skymnos (F. Gisinger). Здесь дан и перечень всех несомненных заимствований перипла у других авторов. Для интересующего нас отрывка источник не указывается (см.: там же, Spalte. 681 и сл., § 19).

точников составил рассказ, который имеет видимость чего-то цельного», почему Билабель и отказывает этому рассказу в доверии.[1] Нам кажется, что такая оценка не вполне справедлива. Внимательное чтение текста показывает известное критическое отношение автора к сообщенным известиям. Так, рассказ об Автолике передается с оговоркой ὡς λέγουσιν, а сообщение о гибели Хабронды сопровождается словом δοκεῖ, и только ктизма Кретина и Кооса передается как несомненный факт. Вместе с тем весь текст в целом производит впечатление последовательного рассказа при крайней сжатости изложения, отчего он более всего походит на эксцерпт из какого-то обстоятельного повествования о ранней истории Синопы.

Автор перипла не скрывает, что он использовал произведения других писателей, и в стихах 109 и сл. дает список своих источников.[2] К сожалению, это место текста сильно попорчено, и сохранились далеко не все имена, названные автором перипла. В том, что касается описания Азии, главными источниками Псевдо-Скимна были, повидимому, Аполлодор из Афин, перипл Эфора, Деметрий из Каллатии и Эратосфен.[3] Однако разбираемый текст вряд ли мог быть заимствован у одного из этих писателей. В этом нас убеждает следующее наблюдение.

Если приглядеться к порядку изложения в перипле Псевдо-Скимна, то нетрудно заметить, что сообщаемые автором по мере передвижения вдоль берега моря географические и этнографические сведения (а они-то и имеются в виду, когда речь идет о заимствованиях у Эфора и Деметрия) перебиваются, как только дело доходит до названия какого-нибудь греческого города, по большей части краткими, а иногда и пространными, как в нашем случае, заметками об его основании. В той части перипла, которая касается Евксинского Понта, эти заметки обладают одной особенностью, не свойственной другим частям того же сочинения. Дата основания города определяется здесь по методу синхронизмов, и определяющее событие всегда заимствовано из истории восточного Средиземноморья, преимущественно из истории Малой или Передней Азии. Так, для основания Аполлонии таким хронологическим критерием служит основание Киром Персидского царства,[4] для Месембрии — поход Дария на Скифов;[5] Одесс был основан, когда Астиаг

[1] F. Bilabel, ук. соч., стр. 32.
[2] Geographi Graeci Minores, I, стр. 198 и сл.
[3] RE, s. v. Skymnos, Sp. 687, § 20.
[4] Ps.-Skymn., Peripl., 730—733.
[5] Ps.-Skymn., Peripl., 737—742.

царствовал в Мидии,[1] Каллатия — когда Аминта воцарился в Македонии,[2] Истр — когда скифы, преследуя киммерийцев, с Боспора перешли в Азию,[3] Ольвия — когда существовало Мидийское царство,[4] Гераклея Понтийская — в те времена, когда Кир победил Мидию,[5] а основание Синопы, как мы видели, ставится в связь с набегом киммерийцев в Малую Азию. Такой метод хронологической фиксации чужд главным источникам Псевдо-Скимна — Аполлодору из Афин, который ведет летоисчисление по поколениям и архонтам, Эратосфану, который считает по олимпиадам, а также Деметрию из Каллатия [6] и Эфору.[7]

После перечисления своих литературных источников Псевдо-Скимн добавляет, что он сам посетил и собственными глазами видел города, расположенные не только в Греции, но и в Азии и на Западе.[8] Основываясь на этом заявлении, можно было бы предположить, что автор перипла лично побывал в Синопе и там познакомился с местными преданиями, быть может, зафиксированными в виде храмовых записей на камне, выставленном у святилища легендарного основателя Синопы Автолика. Это было в обычае в греческих городах в эпоху эллинизма,[9] примером чего могут служить знаменитые эпиграфические памятники из Херсонеса и из Линдоса на Родосе. Однако предположение об автопсии Псевдо-Скимна не очень вероятно. Во-первых, современные его критики полагают, что хотя нельзя полностью отрицать возможность совершения автором Перипла путешествий, но что в основном его работа — плод чисто литературного труда. Во-вторых (и это главное), трудно представить себе, чтобы летоисчисление во всех перечисленных городах Понта велось единообразно по событиям истории Мидии, Персии и Малой Азии и чтобы это нашло свое выражение в местных, зафиксированных на камне хрониках. Поэтому более вероятна, на наш взгляд, зависимость в данном случае Перипла от неизвестного нам литературного источника, который, по всей видимости, принадлежал к трудам, специально трактовавшим об основании городов так называемым κτίσεις.

---

[1] Ps.-Skymn., Peripl., 750.
[2] Ps.-Skymn., Peripl., 761—764.
[3] Ps.-Skymn., Peripl., 767—772.
[4] Ps.-Skymn., Peripl., 805 и сл.
[5] Ps.-Skymn., Peripl., 972 и сл.
[6] FGH, фрагм. 85.
[7] FGH, фрагм. 70.
[8] Ps.-Skymn., Peripl., 128 и сл.
[9] См. статью М. И. Ростовцева в «Журнале Министерства народного просвещения» (1915, апрель, стр. 151—170).

Псевдо-Скимн пользовался такими трудами, о чем свидетельствуют стихи 115, 116 его перипла, где упоминаются Дионисий из Халкиды на Эвбее и его κτίσεις.[1] Мы говорим об этом не с тем, чтобы утверждать, будто сведения по истории Синопы Псевдо-Скимн заимствовал у Дионисия. Немногочисленные сохранившиеся отрывки из сочинений Дионисия невыразительны, и в них нет никаких точек соприкосновения с текстом Псевдо-Скимна. Но ссылка на Дионисия показывает, что составитель перипла интересовался литературой такого характера, и поэтому мы вправе высказать предположение о том, что в основе приведенных выше отступлений, содержащих датировку или краткие сведения о ктизме городов Понта, в том числе и Синопы, находятся какие-то κτίσεις, новидимому, составленные в каком-либо восточногреческом городе, поскольку основание городов приурочивается ко времени памятных восточным грекам событий. Весьма вероятно, что составитель этого труда объездил те города, о которых писал в своем произведении, и познакомился там с местными легендами, скорее всего по официальным версиям, составленным местными историками и облеченными в форму выставленного на показ эпиграфического документа.[2]

Нам кажется весьма вероятным, что разбираемые стихи из перипла Псевдо-Скимна представляют собой сокращенную передачу сведений, содержавшихся в каком-то сочинении об истории основания припонтийских городов. Это же сочинение в свою очередь восходило к труду местного синопского историка, получившего на месте общее признание. Возможно, этот труд был начертан на камне, стоявшем на каком-либо видном месте города. При таком понимании значительно повышается ценность интересующего нас текста перипла: основание коло-

---

[1] Дионисий жил, по всей вероятности, еще в V в. до н. э. (RE, s. v. Dionysios, № 107). Сохранившиеся фрагменты его трудов см.: Historicorum Graecorum Fragmenta (K. O. Müller), v. IV, стр. 393—396.

[2] Сочинений типа κτίσεις в эпоху эллинизма было много (см.: W. Christ. Geschichte der griechischen Litteratur, II. München, 1912). Интересные сведения о том, как составлялись труды подобного рода, можно почерпнуть из некоторых характерных черт, присущих творчеству плодовитого писателя первой половины II в. Полемона из Илиона (см.: W. Christ, ук. соч., II, стр. 187 и сл.). Полемон, описавший историю основания греческих городов в различных областях Средиземноморья, лично объездил Грецию, Италию, Сицилию и Переднюю Азию, прилежно изучая местные легенды, между прочим и по надписям, так как он получил прозвание στηλοκόπης, т. е. «кропатель надписей». В благодарность за его труды многие города даровали ему гражданство. Полемон между прочим составил сочинение, озаглавленное: κτίσεις τῶν ἐν Πόντῳ πόλεων, от которого сохранилось только название.

нии Синопы в 631 г. изгнанниками из Милета может быть принято как факт, прочно засвидетельствованный; ктизма Хабронды в первой половине VIII в. как поселение, первоначально служившее временной базой для рейдов вдоль берега, а затем начавшее превращаться в поселение постоянное, но уничтоженное киммерийцами, когда оно еще не достигло полного развития, также приобретает большую долю вероятности, и это разрешает противоречие между показаниями хроники Евсевия о датах основания Синопы и Трапезунта. Легендарным остается рассказ о походе Автолика, но весьма возможно, что эту легенду следует рассматривать как отражение знакомства ахейцев с Синопой еще во II тысячелетии до н. э.

Глава 3

ОСНОВАНИЕ АМИСА

Древний Амис расположен был на небольшом (2×3 км) плато, находящемся на западном берегу залива, в глубине которого стоит современный город Самсун (рис. 6).[1] В стратегическом отношении его местоположение представляло значительные выгоды. На севере и востоке Кара Самсун (так называется теперь это плато) в древности подступал непосредственно к морю,[2] на юге граничил с высокими горами, с западной стороны с лощиной, по которой сейчас течет небольшая речка, а за лощиной опять начинаются высокие горы. Во многих местах на плато имеются источники хорошей питьевой воды.

Городище Амиса в настоящее время не застроено, и большая его часть отведена под пашню. Никаких остатков строений античной эпохи на нем не заметно.[3] На окраинах плато и его склонах, а также в ближайших его окрестностях наблюдаются в большом числе древние могилы.[4]

---

[1] Описание городища Амиса см.: Р. Х. Лепер. Экскурсия в Самсун. Изв. Русск. Археол. инст. в Константинополе, XIII, 1908, стр. 312 и сл.; Studia Pontica, II, 1906, стр. 122 и сл. (F. Cumont).

[2] В настоящее время море несколько отступило от плато, и вдоль берега образовалась узкая полоса болота.

[3] Еще в начале XIX в. на месте акрополя Амиса, находившегося в южной половине плато, путешественники видели остатки стен и полуциркульных башен, а также развалины храма с колоннами и рельефами (см. Ch. Texier. Asie Mineure. Paris, 1882, стр. 620; C. Ritter. Erdkunde, Bd. IX, стр. 805).

[4] На городище Амиса в течение многих десятков лет ведутся хищнические раскопки. Добытые главным образом из могил памятники частично попали в музеи Стамбула и Западной Европы, а также в частные коллек-

Гавань Амиса прилегала к городу с востока. От ветров она была защищена только с запада той самой возвышенностью, на которой стоял город. Имеются основания полагать, что в древности она была ограждена с севера молом, остатки которого в виде сложенных из огромных тесаных камней конгломерата стенок видны под водой. По мнению ученых-путешественников, мол относится к античной эпохе, но определить его дату более точно не удается. Даже при наличии ограждения с севера гавань Амиса никак не могла считаться первоклассной. Она была открыта с востока и северо-востока, и корабли не имели в ней защиты и от северных ветров. В отношении пригодности для стоянки кораблей она никак не могла сравниться с соседней синопской гаванью. Но зато Амис имел другое преимущество, которого была лишена Синопа. Он был конечным пунктом той единственной во всей средней части южного побережья Черного моря проезжей дороги, которая пролегала через цепи Северо-Анатолийских гор и соединяла берег моря с внутренними районами Малой Азии, а через них и со Средиземным морем и проходами в Сирию. Вся сухопутная торговля между южными областями и Черным морем шла по этой дороге, а местонахождение Амиса было таково, что он мог контролировать и по своему усмотрению блокировать всякое по ней передвижение. В этом и заключалась главная выгода основания колонии на Кара Самсуне, и греки не упустили открывавшихся перед ними возможностей (рис. 1).

Дата основания Амиса, так же как и вопрос о том, какой полис основал эту колонию, остаются до сих пор спорными. Известия об основании Амиса, сообщаемые литературными источниками, не вызывают полного к себе доверия и нуждаются в проверке. Основными текстами по этому вопросу являются: отрывок из Феопомпа, сохраненный Страбоном, и несколько стихов из перипла Псевдо-Скимна. Оба текста попорчены, а по своему содержанию они частично противоречат друг другу.

дии. Согласно наблюдениям Лепера и Кюмона, гробницы здесь трех типов: курганные погребения, камерные гробницы и земляные гробницы, обложенные черепицей. Камерные гробницы высечены в скале, на склонах плато. Они расположены рядами, иногда в несколько этажей. Большей частью — это простые пещеры, но имеются камеры более сложной архитектуры, с дромосами, нишами, боковыми отделениями и со сводчатыми потолками и потолками в виде двускатной крыши. В земляных гробницах находят керамику, стекло и ювелирные изделия. Поскольку научное наблюдение над раскапыванием могил отсутствует, а все камерные гробницы начисто ограблены, некрополь Амиса не дает материала для научных выводов. Можно лишь предположить, что в курганах и камерных гробницах погребались богатые граждане, а в земляных могилах — рядовое население.

Страбон[1] сообщает: «Феономи говорит, что впервые он (Амис, — *М. М.*) был основан милетянами»; затем в тексте

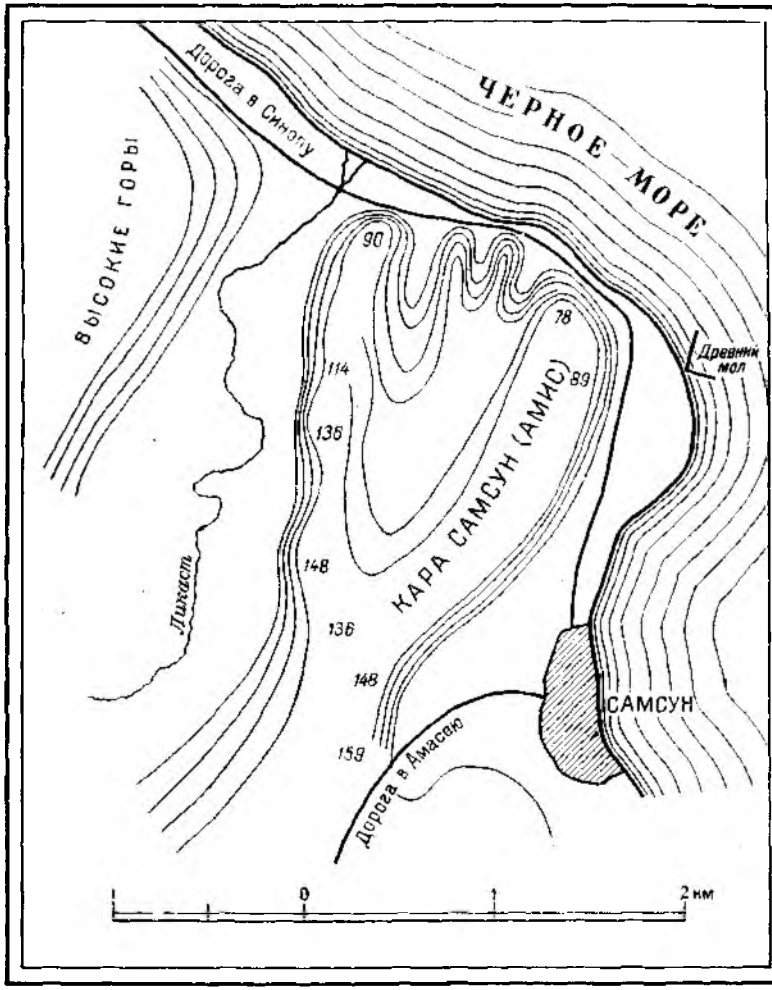


Рис. 6. Местоположение Амиса.

лакуна; пропавшая фраза, от которой сохранились только два последних слова — «вождя каппадокийцев», очевидно, по-

[1] Strab., XII 3, 14.

вествовала о каких-то людях, вторично заселивших Амис. Затем Страбон, продолжая цитировать Феопомпа, говорит: «... а в третий раз он был колонизован Афиноклом и афинянами и переименован в Пирей». Восстановить с полной уверенностью смысл пропавшей части текста не представляется возможным; остается неясным, какую роль играл вождь каппадокийцев при вторичном заселении Амиса, но обычно думают, что Амис был временно захвачен каппадокийцами.[1] Во всяком случае первыми поселенцами Амиса Феопомп считал милетян.

Этому утверждению противоречат стихи 917 и сл. из перипла Псевдо-Скимна. «Амис, расположенный в области левкосирийцев (следует лакуна), колония фокейцев, ибо он был заселен четырьмя годами раньше Гераклеи, будучи основан ионийцами». Лакуну в стихе 918 предлагали заполнить словами: Ἀθηναίων καί (К. О. Мюллер) или Μιλησίων καὶ (Билабель), что вряд ли правильно, так как в этом случае частица γάρ в стихе 919 теряет смысл.[2] По всей вероятности, лакуна была больше, чем в полстиха, и в ней, как думает Билабель, заключалась фраза, выражавшая примерно такую мысль: «один из древнейших городов той области»; в этом случае частица γάρ была бы вполне уместна. Как бы то ни было, Псевдо-Скимн называет первыми ойкистами Амиса фокейцев, а не милетян. Что касается сообщаемой тем же автором даты основания города, то, несмотря на свою кажущуюся определенность, она на поверку оказывается шаткой, так как дата основания Гераклеи (560 г. до н. э.), на которую ссылается Псевдо-Скимн, в свою очередь, не может считаться безусловно достоверной, как то было показано Е. И. Леви в ее работе о Гераклее Понтийской.[3]

Современные ученые, из которых никто не углублялся в проблему основания Амиса, одинаково бездоказательно принимали или отвергали версии Страбона и Псевдо-Скимна (Белох, Э. Мейер и др.). Только Билабель[4] указал на сродство монет Амиса и Милета, но ввиду того, что эти монеты относятся к эпохе Митридата и к III в. н. э., он не настаивал на доказательной силе приводимого им материала.[5]

---

[1] О захвате Амиса левкосирийцами, т. е. каппадокийцами, говорится также в комментариях Евстафия к Илиаде (Eustat. ad Il., B. 52).

[2] F. Bilabel, ук. соч., стр. 29.

[3] Рукопись, Архив ЛОИИМК.

[4] F. Bilabel, ук. соч., стр. 29 и сл.

[5] Об этих монетах и ошибочности выводов Билабеля см. главу 15, стр. 417, прим. 4.

Большое значение в этой связи имеют находки в Ак-Алане, добытые в 1906 г. турецкой археологической экспедицией под руководством Макриди-Бея. Работы экспедиции, правда, нельзя назвать раскопками в точном смысле этого слова. Это скорее разведка с собиранием подъемного материала. Оставляет желать многого и издание памятников Ак-Алана Макриди-Беем.[1]

Архитектурными терракотами из Ак-Алана занимался затем Кох в связи с историей этого рода памятников,[2] а также Кьелберг при публикации раскопок в Ларисе.[3] Большая часть находок хранится в музее Стамбула, но некоторое количество плит и фрагментов поступило в музеи Германии.[4]

Местечко Ак-Алан расположено в 18 км к юго-западу от Амиса, среди горной возвышенности, тянущейся параллельно южному берегу Черного моря. Ак-Алан — высокий холм с крутыми склонами, доступный только с востока. Верхушка холма окружена возведенной прямо на скале циклопической стеной с укрепленным входом.[5] Раскопки не установили назначения данного поселения. Остается неясным — была ли то цитадель какого-то близлежащего города, крепость или святилище, которые в Каппадокии обычно располагались на укрепленных возвышенностях. Но нет сомнений в том, что холм был заселен задолго до прихода в эти места греков. Помимо кладки оборонительной стены об этом свидетельствует тот факт, что в пробной траншее, проведенной на верхушке холма, была обнаружена на глубине 7 м местная, очень древняя керамика, к сожалению, более подробно не описанная в отчете.

Внутри округи, параллельно южной части оборонительной стены, тянется другая стена, сложенная из более мелких необработанных камней. Назначение ее осталось невыясненным. К северу от нее на глубине 1/2—2 м открыта большая площадь, покрытая каменным настилом. На площади и в лежавшей на ней земле найдены были в большом количестве греческие архитектурные терракоты и фрагменты расписной керамики. Здания, которым принадлежат эти терракоты, стояли, очевидно,

---

[1] Th. Macridy-Bey. Une citadelle archaique du Pont. Mitteil. der Deutsch. Orientgesellsch., 1907, 4 стр. 1—9, рис. 1—17.

[2] H. Koch. Studien zu den campanischer Dachterracotten. Römische Mitteilungen, 1915, стр. 1—115.

[3] L. Kjelberg. Larisa am Hermos. Bd. II. Die architektonischen Terracotten. Stockholm, 1940.

[4] См.: JDI, 1938, H. 3/4, стр. 438 и сл., рис. 17 и 18.

[5] Более подробное описание стен Ак-Алана см. в моей статье «К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря», ВДИ, 1948, № 4, стр. 27 и сл.

на каменном настиле; они, вероятно, были построены из бесследно исчезнувших теперь дерева и сырцов. Кроме терракот, от них сохранился только небольшой фрагмент лесбийского киматия из серого камня.[1]

Среди архитектурных деталей из глины имеется кровельная черепица: плоские черепицы с загнутыми кверху боковыми краями, калинтеры и коньковая черепица.[2] Но основная их масса состоит из прямоугольных продолговатых плит с рельефными и раскрашенными украшениями. Среди них можно различить плиты боковой симы, двух типов и двух размеров, очевидно принадлежавшие двум зданиям. Плиты обоих типов совершенно гладкие и только наверху они имеют карниз из валика и бруска. В центре плиты — отверстие для водо-

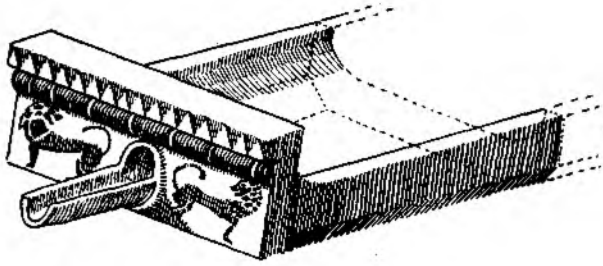


Рис. 7. Реконструкция симы из Ак-Алана.

стока, которое имело форму выдающегося наружу открытого желобка. На плитах большого размера, между водосточным отверстием и краем плиты, находятся симметрично расположенные фигуры двух львов с поднятой передней лапой и повернутой назад головой. Львы обращены к краю плиты (рис. 7).[3] На плитах меньшего размера — аналогичные фигуры льва и пантеры, повернутые к желобу, причем опущенная вниз лапа стоит не на земле, а на стилизованном растении (рис. 8).[4]

Техника изготовления этих и других рельефных плит следующая. Плиты оттискивались в формах, и рельефы подвергались добавочной моделировке от руки. Затем они покрывались белой облицовкой и обжигались, после чего происходила раскраска лаковыми красками (черной и красной). Детали раскраски весьма разнообразны, художники давали здесь

[1] H. Koch, ук. соч., стр. 16.
[2] Th. Macridy-Bey, ук. соч., стр. 5, рис. 13, и стр. 6, рис. 14.
[3] Реконструкция симы взята из работы Коха (H. Koch, ук. соч., стр. 19, рис. 4).
[4] Th. Macridy-Bey, ук. соч., табл. XII.

волю своей фантазии. Затем происходил вторичный, окончательный обжиг.

Помимо плит боковой симы имеется также много облицовочных плит различных размеров. Часть из них снабжена такими же карнизами, как и плиты симы, другие совершенно гладкие. Водосточных отверстий у них нет. К зданию они прикреплялись при помощи железных гвоздей, образцы которых были найдены в Ак-Алане. На многих плитах можно видеть отверстия, через которые проходили гвозди.

Рис. 8. Плита из Ак-Алана. Лев и пантера.

Большинство облицовочных плит украшено орнаментом — тройной, расцвеченной пальметками плетенкой с шариками и каплями (рис. 9) или сложным и несколько путаным меандром различных типов;[1] имеются единичные фрагменты плит с простой плетенкой и розетками[2] и с фризом из лотосов и пальметок; последние не изданы.[3]

Наконец имеется еще один вид архитектурных терракот из Ак-Алана — это фрагменты фигурных фризов. На одном из них видна фигура молодого Геракла, опустившегося на колено и стреляющего из лука (рис. 10). На нем хитон и на-

[1] H. Koch, ук. соч., стр. 21, рис. 6.
[2] Th. Macridy-Bey, бл. XV.
[3] См.: H. Koch, ук. соч., стр. 20.

брошенная на голову и спину львиная шкура. Из-за его фигуры выступает конец колчана со стрелами. За спиной Геракла стоит огромный сосуд, откуда ясно, что здесь было изображено приключение героя у царя кентавров Фолоса.

Три маленьких фрагмента сохранили части шести фигур сражающихся кентавров.[1] Вряд ли, однако, эти фрагменты происходят от одного фриза с Гераклом. Как верно заметил Кох,[2] этому противоречат несовместимые с правилами архаического искусства различные размеры фигур кентавров и Геракла (Геракл примерно в два раза больше кентавров).

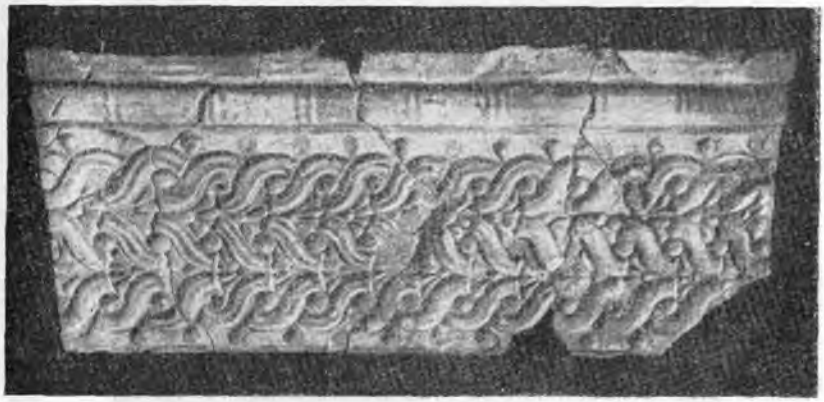


Рис. 9. Плита из Ак-Алана. Плетенка.

От третьего фриза происходит маленький фрагмент с изображением бегущей собаки.[3] Как можно установить по аналогиям из Ларисы,[4] этот фриз, вероятно, изображал парфорсную охоту.

На каком месте здания располагались облицовочные плиты, — сказать трудно. Может быть, как думает Кох,[5] плиты с карнизами прикреплялись к балкам перекрытия, а фризы без карнизов помещались непосредственно под ними, перед архитравами; но не исключены и другие возможности, так как в некоторых

[1] Th. Macridy-Bey, ук. соч., табл. XVIII, 23, 24 и 26= V. C. Baur. Centaurs in ancient Art. Berlin, 1912, табл. XIV, *b—d*.
[2] H. Koch, ук. соч., стр. 20.
[3] Th. Macridy-Bey, ук. соч., табл. XVII, рис. 25. Макриди неправильно принимает собаку за льва.
[4] Larisa am Hermos, Bd. II (L. Kjelberg), табл. 1—14.
[5] H. Koch, ук. соч., стр. 22.

аналогичных постройках Малой Азии подобными плитами иногда облицовывались большие поверхности гладких стен.[1] Некоторые плиты имеют косой боковой срез, на основании чего можно предположить, что они служили фронтонными симами.

Какое место занимают описанные памятники из Ак-Алана среди аналогичных памятников древнего зодчества? Еще совсем

Рис. 10. Плита из Ак-Алака. Геракл.

недавно в науке оживленно дебатировался вопрос о приоритете Ионии или Коринфа в деле применения архитектурных терракот в строительстве. Этому вопросу приписывали большое значение, так как связывали его с проблемой изобретения двускатной крыши. В настоящее время спор утратил свою остроту, ибо находки последних лет показали, что двускатные, крытые черепицей крыши известны были в Греции еще во II тысячелетии до н. э.[2] Архаическая Греция только восприняла

[1] Например, в Гордионе (см.: A. Körte und G. Körte. Gordion. JDI, Ergänzungsheft 5, 1904, стр. 168).

[2] См.: AJA, 1942, стр. 99—118 (E. B. Smith) и 370—372 (B. Dinsmoor).

здесь давнюю местную традицию. При этом особо высокого развития применение архитектурных терракот достигло в северной Ионии (или Эолии) и в прилегающих к ней областях, на что указывают замечательные находки в Неандрии,[1] Гордионе,[2] Сардах[3] и Ларисе.[4] Только там были обнаружены целые богатые серии архитектурных терракот, среди которых видную роль играют фигурные фризы, совершенно отсутствующие не только в Греции, но и в южной, тяготеющей к Милету Ионии. Причина этого явления может быть, как полагает Кох,[5] коренится в более позднем переходе северной Ионии к каменному строительству, но вероятно не малую роль здесь сыграло и соседство с Фригией, где облицовка зданий рельефными глиняными плитами была особенно популярна, как показывают между прочим турецкие раскопки 1937 г. в Пазарли.[6]

С каким художественным кругом связаны перечисленные серии греческих архитектурных терракот, об этом красноречивее всего говорят найденные в Неандрии и Ларисе каменные капители колонн от тех же зданий, от которых происходят и архитектурные терракоты.[7] Это — капители эолийские, свойственные, как известно, только архитектуре северо-западной части Малой Азии.

В число этих эолийских серий архитектурных терракот входят и терракоты из Ак-Алана. С ними они связываются не только обилием облицовочных плит и разнообразием их украшений, но и целым рядом технических и художественных особенностей. Так, калиптеры Ак-Алана имеют общую для указанных серий полукруглую в разрезе форму, тогда как южная Ионня обычно применяет коленчатые калиптеры.[8] Совпадает и техника изготовления и раскраски в три цвета — белый, черный и красный, с применением на одной фигуре двух манер — силуэтной и контурной. Повторяются и многие орнаменты и темы фигурных композиций, тогда как в южной Ионии фигурных фризов не встречается вовсе, а орнаменты много беднее.

---

[1] R. Koldewey. Neandria. 51 Berliner Winckelmannsprogramm. Berlin, 1891.

[2] A. Körte und G. Körte, ук. соч.

[3] Sardis, X. Terra-cottas (T. L. Shear), Cambridge, 1926.

[4] Larisa am Hermos, Bd. II (L. Kjelberg).

[5] H. Koch, ук. соч., стр. 42 и сл.

[6] См. «Бюллетень Турецкого исторического общества» за 1939 г.

[7] R. Koldewey, ук. соч., рис. 61. — H. Koch, ук. соч., стр. 4, рис. 1.

[8] H. Koch, ук. соч., стр. 42.

Среди серий эолийских архитектурных терракот особенно тесное сродство наблюдается между Ак-Аланом и Ларисой. На этом настаивают как Кох,[1] так и Кьелберг.[2] Кох говорит об этом сходстве несколько раз, но лишь в общей форме, Кьелберг же подтверждает это положение рядом конкретных указаний на тождество техники раскраски (красный силуэт по белому фону), формы плит (карниз из валика и бруска) и орнамента (имеется в виду излюбленный в Ак-Алане зубчатый орнамент) на бруске карниза, довольно часто повторяющегося в Ларисе и, кроме Неандрии, не встречающегося более в других местах.

Тесное сродство плит Ак-Алана с плитами из Ларисы имеет особо важное значение. Лариса расположена всего в нескольких километрах от Фокеи, и влияние Фокеи на искусство Ларисы устанавливается совершенно определенно благодаря тому, что среди глиняных протом, служивших в Ларисе водостоками, имеются протомы тюленя фока,[3] если можно так выразиться, эпонима Фокеи, постоянно изображавшегося и на монетах этого города. В других местах подобных водостоков до сих пор найдено не было.

Таким образом выясняется, что архитектурные терракоты Ак-Алана, примыкающие к кругу художественного ремесла северной, а не южной Ионии, тесно связаны именно с Фокеей, т. е. с тем городом, откуда, по свидетельству Псевдо-Скимна, прибыли в Амис первые колонисты.

Остается еще разобраться в вопросе о датировке плит из Ак-Алана. Баур в своей книге о кентаврах совершенно произвольно датирует их концом VI в. Кох высказывается за середину VI в.,[4] причем он исходит не из стиля памятников, а из упомянутой выше официальной даты основания Амиса, которую он принимает на веру. Наконец, Кьелберг датирует все плиты Ак-Алана началом VI в.[5] Я склонна принять датировку Кьелберга, внеся в нее некоторый корректив. Вряд ли можно относить все плиты Ак-Алана к одному времени. Происходят они, так же как и плиты Сард и Ларисы, не от одного, а от нескольких зданий, по всей вероятности от трех, и нет никаких данных утверждать, что эти здания были воздвигнуты одновременно. Разным временем датируются и плиты из Сард

[1] H. Koch, ук. соч., стр. 22.
[2] L. Kjelberg, ук. соч., стр. 147 и сл.
[3] H. Koch, ук. соч., стр. 9. — L. Kjelberg, ук. соч., стр. 92, рис. 27; стр. 110, 113 и сл.
[4] H. Koch, ук. соч., стр. 22.
[5] L. Kjelberg, ук. соч., стр. 147.

(от конца VII в. до 550 г.) и из Ларисы (от 600 до 500 г.). Из терракот Ак-Алана к более позднему, чем начало VI в., времени следует, как мне кажется, отнести фрагменты с кентаврами и, может быть, плиты с простой плетенкой и розетками и с фризом из лотосов и пальметок. Основная же масса плит из Ак-Алана производит впечатление однородных по времени памятников. Они характеризуются прежде всего большой простотой форм.

Известно, что сима как архитектурная форма развилась из высокого переднего края последнего ряда плоской кровельной черепицы. Симы Ак-Алана, что ясно видно по оборотным сторонам плит, составляли единое целое с плоскими черепицами, от которых они откололись при падении. Таким образом, они представляют собой переходную форму к самостоятельным плитам симы, не связанным непосредственно с кровельной черепицей, в отличие от сим Сард и Ларисы. В то же время в Неандрии, датируемой концом VII в., симы еще нет, а имеется только ряд черепиц с высоким передним краем. С этим связана и большая простота профилей плит из Ак-Алана, только наверху увенчанных карнизом; плиты же Сард и Ларисы обладают гораздо более сложным профилем. Равным образом и орнамент на карнизах плит из Ак-Алана всегда передается только краской, тогда как сходные мотивы на плитах других серий передаются и в красках и в пластических формах.

Анализ художественного стиля изображений затрудняется малой четкостью рельефа. Однако при сравнении плит со львами из Ак-Алана с аналогичными композициями из Сард, относящимися к середине VI в.,[1] бросается в глаза бо́льшая развитость фигур львов из Сард и сопутствующего им растительного завитка. Стреляющий из лука Геракл с его лишенной всяких складок одеждой и общей застылостью позы не противоречит более ранней датировке, так же как и форма сосуда, имеющая аналогии на Родосе, где сходные пифосы с детскими погребениями содержали протокоринфские вазы и вазы позднего геометрического стиля.[2]

Веский аргумент в пользу ранней датировки большинства плит из Ак-Алана можно почерпнуть из сопутствовавших им обломков расписной керамики. Значительная часть изданных Макриди обломков с геометрическим орнаментом[3] была определена К. Шеффольдом сначала как разновидность эолий-

---

[1] Sardis, X, табл. V.
[2] См., например: Clara Rhodos, VI—VII, рис. 29.
[3] Th. Macridy-Bey, ук. соч., табл. X.

ской керамики,[1] но впоследствии он изменил свое мнение. Он видит теперь в некоторых из них разновидности фригийской керамики, в других — изделия местного производства.[2] Никакой датировки для этих фрагментов он не дает. Фрагменты с чешуйчатым орнаментом происходят, по словам Коха, не от сосудов, а от фигурных акротериев. Зато сам за себя говорит обломок вазы, изображенный внизу таблицы Макриди (рис. 11). Это — часть плечика типичной милето-родосской ойнохои стиля камирос с изображением пасущегося эгагра. Эта ваза, от которой, по словам Шеффольда, сохранилось еще несколько неопубликованных черепков, несомненно относится к VII в., причем скорее к 3-й, чем к 4-й, его четверти. Мало вероятно, чтобы она попала в Ак-Алан спустя много десятков лет после ее изготовления. Таким образом, и с этой точки зрения более приемлема датировка интересующих нас памятников началом, а не серединой VI в.

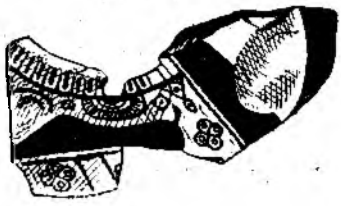


Рис. 11. Черепок милето-родосской вазы.

Приняв раннюю датировку архитектурных терракот из Ак-Алана, мы тем самым отодвигаем дату основания Амиса по крайней мере к концу VII в. Строения в Ак-Алане могли быть воздвигнуты только жителями Амиса, так как других греческих городов поблизости не было; с другой стороны, трудно представить себе, чтобы здания Ак-Алана были сооружены греческими пионерами доколонизационного периода. В то же время вполне понятно стремление молодой колонии укрепиться в Ак-Алане, расположенном по соседству с единственной в восточной части южного Причерноморья удобной проезжей дорогой, соединявшей побережье с внутренними областями Малой и Передней Азии.

Как мы уже говорили, эта дорога имела большое торговое значение и играла видную роль в благосостоянии Амиса. Ак-Алан мог служить опорным пунктом или форпостом, позволявшим контролировать дорогу на значительном расстоянии от города, чем, вероятно, и объясняется захват этого пункта, укрепленного задолго до прихода в эти места греков, греческими колонистами Амиса.

---

[1] AA, 1933, стр. 153.
[2] JDI, 57, 1942, стр. 141.

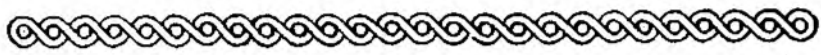
Определение памятников из Ак-Алана как памятников, связанных с североионийским и эолийским, а не с милетским художественным кругом и именно с Фокеей,[1] весьма убедительно свидетельствует в пользу версии Псевдо-Скимна об основании Амиса фокейцами и против версии Феопомпа о первых колонистах Амиса — милетянах.

Как мы видели, Синопа была основана в 631 г., после того, как милетские мореходы еще в VIII в. освоили юго-восточное Причерноморье и имели в Синопе постоянное поселение. Однако внимание этих ранних поселенцев обращено было в сторону более восточных районов побережья, известных своими рудными богатствами, о чем свидетельствует основание Трапезунта. Выгоды местонахождения Амиса, видимо, еще не были осознаны синопейцами, что и позволило колонистам Фокеи основать здесь свою колонию довольно скоро после того, как милетцы окончательно завладели полуостровом Инджебурун. Оба близко расположенных друг от друга города — Синопа и Амис — один — обладатель лучшей гавани побережья, другой — господствующий над сухопутной дорогой в Малую Азию,— должны были либо стать непримиримыми врагами, либо итти на компромисс и заключить взаимно выгодный договор. Как мы увидим в дальнейшем, имеются серьезные основания полагать, что в данном случае восторжествовало договорное начало.[2]

---

[1] Известно, что Фокея была ионийским городом (Herod., I, 142 и сл.), но расположенным по соседству с эолийскими городами.

[2] В сборнике «Anatolian Studies presented to W. H. Buckler» (Manchester, 1939) опубликована статья Мильтнера (E. Miltner. Die erste milesische Kolonisation im Südpontos). Согласно краткому обсуждению этой статьи в работе К. Биттеля (K. Bittel. Kimmerier, Phryger und Skythen in Kleinasien. Istanbul, 1942, стр. 100 и сл.), Мильтнер предполагает, что Амис был сначала колонизован милетцами, затем попал в руки каппадокийского вождя, а в середине VI в. был заселен фокейцами. Не имея, к сожалению, возможности познакомиться со статьей Мильтнера, мы отметим только, что Биттель считает эту гипотезу недоказанной. Он полагает, что Ак-Алан не принадлежал Амису, а был укрепленной резиденцией местного вождя, который призвал к себе из Амиса греческих мастеров, построивших для него греческие здания Ак-Алана. Точка зрения Биттеля не расходится с нашей в том, что касается ранней даты основания Амиса фокейцами. Шеффольд (Larisa am Hermos, I, Berlin, 1940, стр. 152) высказывается за датировку архитектурных терракот Ак-Алана серединой VI в., исходя из свидетельства Псевдо-Скимна об основании Амиса в 564 г. Как мы уже говорили, эта дата не может считаться прочно установленной, а кроме того, напомним, что дата архитектурных терракот из Ларисы, сходных по технике и стилю с терракотами Ак-Алана, определяется Кьелбергом (Larisa am Hermos, II, стр. 147 и сл.) началом VI в.



Раздел II

ГОРОДА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В VII—IV вв. ДО Н. Э.

Глава 4

Первые засвидетельствованные письменными источниками события из истории греческих городов юго-восточного Причерноморья связаны с экспедицией Перикла в Евксинский Понт, и, таким образом, примерно двухсотлетний период времени, следующий за основанием Синопы и Амиса, остается для нас почти совершенно темным. А между тем на грани V и IV вв. в рассказе Ксенофонта о пребывании греческого войска на южном берегу Черного моря Синопа предстает перед нами как могущественный рабовладельческий полис, господствующий благодаря своему большому флоту над значительной частью побережья, к востоку вплоть до Трапезунта и к западу, вероятно, примерно до того пункта, где впоследствии основан был Амастрий. Первые столетия в жизни Синопы были, следовательно, периодом постепенного экономического и политического роста, позволившего ей занять выдающееся положение среди прочих городов южного побережья Черного моря. К сожалению, из-за скудости источников мы не в состоянии полностью охватить этот процесс, но отдельные его стороны могут быть освещены, что мы и постараемся сделать в настоящей главе.

Производство и торговля

Общие условия

Ознакомление с местоположением Синопы и Амиса показывает, что оба эти полиса не могли принадлежать к аграрным колониям, так как окружавшая их территория была мало

пригодна для широкого развития земледелия, особенно зерновых культур. Экономика их должна была поэтому базироваться на других отраслях народного хозяйства, которыми, согласно нашим источникам, были некоторые промыслы, садоводство, ремесленное производство и широко развитая морская торговля, в том числе и транзитная.

К сожалению, наши источники чрезвычайно скупы в том, что касается производства и торговли Амиса, но относительно Синопы мы осведомлены значительно лучше. Известны основные отрасли производства, развившиеся в этом городе, продукция которых имела широкий сбыт на внешних рынках, а также номенклатура многих товаров, поступавших в Синопский порт из ее колоний и из внутренних областей Малой Азии для дальнейшего следования в различные центры понтийских и средиземноморских стран. Мало того, в Синопе мы имеем редкий, если не единственный пример античного рабовладельческого полиса, который путем внутренней колонизации и установления своего рода гегемонии над своими колониями сумел создать целую политико-экономическую систему городов, служившую для эксплуатации обширных районов черноморского побережья. В то же время, благодаря договору с соседним Амисом, Синопа получила доступ к природным богатствам внутренних областей Малой Азии и, повидимому, вступила в торговые сношения и со странами Передней Азии. Все это вместе взятое выдвинуло Синопу в число крупнейших торговых городов Понта; ее торговые связи охватывали весь Понт Евксинский, значительную часть Малой Азии и восточное Средиземноморье, а может быть, и некоторые переднеазиатские страны. В течение первых веков ее истории выдающаяся в этом отношении роль Синопы уже вполне определилась.

Посвященная торговле Синопы статья Лифа[1] правильно подчеркивает крупное значение Синопского порта как транзитного порта для товаров, поступавших туда на каботажных судах из различных пунктов южного побережья Черного моря. Однако эта работа страдает тем существенным недостатком, что она игнорирует производственную деятельность самой Синопы, которая была весьма значительной.[2] Едва ли правильно

[1] W. Leaf. The Commerce of Sinope. JHS, 1916, стр. 1—16.

[2] Источники, касающиеся производства и торговли Синопы, относятся главным образом к эпохе эллинизма и к первым векам нашей эры. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что основные отрасли производства, а также номенклатура товаров, экспортировавшихся этим городом, оставались в общем неизменными в течение многих веков, если не считать отдельных колебаний в зависимости от изменения общих экономических условий.

утверждать, как это делает М. И. Ростовцев,[1] что Синопа, а также Амис и Гераклея были совершенно независимы в экономическом отношении и сами производили все необходимое для населения. Как мы видели, имеются, наоборот, все основания полагать, что Синопе, а также Амису не хватало собственных зерновых продуктов, что и послужило одной из причин установления широкой торговли между этими городами и северным Причерноморьем. Но целый ряд других отраслей народного хозяйства получил там столь широкое развитие, что их продукция превышала размеры собственных потребностей и широко экспортировалась на внешние рынки.[2]

Хорошо засвидетельствованы, например, богатые рыбные промыслы Синопы, особенно восхваляемые Страбоном.[3] У Синопы происходил массовый улов пеламиды, шедшей косяками из Азовского моря вдоль восточного и затем южного побережья Евксинского Понта и доходившей до Синопы, когда рыба по своим размерам уже становилась вполне пригодной для ловли и приготовления впрок.[4] Кроме пеламиды, Синопа славилась и другими, более дорогими сортами рыбы, например кефалью, осетром, скумбрией.[5] Южные склоны Северо-Анатолийских гор известны были в древности своими лесными богатствами. Здесь произрастал прекрасный корабельный лес, столь необходимый Синопе для ее флота, но кроме того составлявший весьма важную статью экспорта.[6] Росли там также клен, бук и горный орех, из которых в Синопе выделывалась мебель.[7] Для черноморской торговли Синопы исключительно важное значение имела выделка оливкового масла. В средней части южного побережья Черного моря, районах Синопы и Амиса, и далее к западу, может быть вплоть до Герак-

---

[1] SEHHW, стр. 1273.

[2] К сожалению, наши источники не содержат никаких сведений о непосредственных производителях и формах эксплуатации их труда в Синопе. Ничего не известно ни о подневольном положении местного населения, как это имело место в Гераклее Понтийской, ни о размерах применения рабского труда. Только относительно рабов, работавших в керамических эргастериях IV и последующих веков, Б. Н. Гракову удалось сделать некоторые наблюдения на основании анализа имен фабрикантов, о чем будет сказано ниже (стр. 109).

[3] Strab., XII, 3, 11. — Arist., Hist. anim., IX, 13. — Plin., Nat. Hist., IX, 15, 47—52. — Aelian, IV, 9; IX, 59; XV, 3, 5, 10.

[4] Strab., VII, 6, 2.

[5] Athen. Deipnosoph., III, 118c и VII, 307b.

[6] Theophr., Hist. Plant., IV, 5, 5. — Strab., XII, 3, 10 и 12. — Catull., IV, 9—13. — Verg., Georg., II, 437. — Hor. Od., I, 14, 11.

[7] Strab., XII, 3, 10 и 12.

леи Понтийской, климат был, как мы уже говорили в главе 1, особо мягким, приближающимся к средиземноморскому. Здесь хорошо росла олива, которая не выносила климатических условий других районов черноморского побережья. Поэтому средняя часть южного Причерноморья и особенно область Синопы превратились в поставщика оливкового масла — одного из основных продуктов в хозяйстве греков — для всего Понта Евксинского.[1] Может быть в связи с экспортом масла, а может быть и независимо от него в Синопе развилось значительное керамическое производство, известное нам по синопским остродонным амфорам и другим сосудам, а также по синопской кровельной черепице и архитектурным терракотам.

Перечисленными статьями исчерпываются основные виды продуктов самой Синопы, поступавшие на внешние рынки. Письменные источники указывают еще ряд других товаров, носивших название синопских, потому что они экспортировались через этот порт, но они изготовлялись не на месте, а поступали туда из других областей Малой Азии.

Широкой известностью пользовались в античном мире рудные месторождения восточной части южного побережья Черного моря, в районе к востоку от устьев Ириса и Фермодонта. Здесь добывались серебро, медь, свинец, но главным образом железо.[2] Греки и римляне связывали добычу этих металлов преимущественно с племенем халибов, которому приписывалось даже «изобретение железа». Древняя литературная традиция находит свое подтверждение в наблюдениях путешественников нового времени. Как видно по карте (рис. 2), прибрежные горы на участке от Трапезунта до современного города Орду (вероятно древняя Котиора) изобилуют рудными месторождениями. Правда, никаких исследований этой местности с целью изучения древних разработок не производилось, но совпадение античной литературной традиции с фактическим богатством металлами этого района не оставляет сомнений в том, что этот последний широко эксплуатировался

---

[1] Об экспорте масла и керамических изделий мы будем говорить подробно ниже, на стр. 91 и сл.

[2] Свидетельства античных авторов о рудных богатствах этого края весьма многочисленны. Они собраны в книге Л. Бюрхнера (L. Bürchner, ук. соч., стр. 12, прим. 6). Мы приводим только главные из них: Xenoph., Anab., V, 5, 1; Strab., XII, 3, 19; Plin., Nat. Hist., XXXIV, 142; Daimachos, FHG, II, стр. 440 и сл.; Steph. Byz., s. v. Λακεδαίμων и χάλυβες. О вывозе «халибского» железа на восток см.: С. И. Бацева. Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию. ВДИ, 1953, № 2, стр. 17—36.

в древности. Имеются, правда поздние, известия и о частичной переработке халибского металла в Синопе, где из высокосортного железа изготовлялись очень ценимые в античном мире плотничьи инструменты.[1]

Металлургический район юго-восточного побережья Черного моря расположен на значительном расстоянии от Синопы (по прямой линии 250—400 км) и отделен от нее областями, заселенными не подчиненными ей племенами. При таких условиях Синопе трудно было непосредственно вести там торговлю с целью получения добывавшегося местным населением металла. Это и было главной причиной основания в этом районе синопских колоний Трапезунта, Керасунта и Котиоры, при помощи которых Синопа наложила свою руку на богатства этой части побережья.

Как мы говорили, уже первые поселенцы Синопы (так называемой Синопы I) обратили свое внимание на Восток и основали поселение в Трапезунте.[2] Древний город этого названия находился на том же месте, на котором стоит и современный Трапезунт.[3] Центральная часть современного города построена на скалистом грунте, имеющем плоскую поверхность и уклон в направлении на север, к берегу моря. С запада и востока эта центральная часть города, на которой был расположен древний Трапезунт, ограждена глубокими оврагами и скалистыми обрывами, на севере она подходит к самому морю. С юга плоская часть побережья и город Трапезунт ограждены высокими горами, которые, по выражению Плиния, «замы-

---

[1] Steph. Byz., s. v. Ἀχαϊδάμων. — Schol. B., XIII, 218. — Eust., 294, 5.

[2] О том, что Трапезунт был колонией Синопы, единодушно свидетельствуют все античные авторы, за исключением одного лишь Павсания. Павсаний (VIII, 27, 4—6) рассказывает об основании города Мегалополя в Аркадии путем синойкизма целого ряда расположенных поблизости поселений, в число которых входило и поселение под названием Трапезунт. Жители этого Трапезунта сперва было согласились на переселение, но затем передумали, и аркадцам пришлось воздействовать на них силой, причем часть трапезунтцев была уничтожена, а часть уплыла на кораблях в Понт. *Жители Трапезунта, что находится на берегу Евксинского* (Понта), приняли их к себе для совместного жительства: «Ведь они были из их метрополии и носили с ними одно имя!». Последняя фраза, вероятно, представляет собой неудачную догадку Павсания, и его утверждение о колонии, основанной на Понте маленьким аркадским поселением, не может быть принято всерьез.

[3] Описания местонахождения Трапезунта см.: Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезунтской империи. Л., 1929, стр. 5 и сл.; Studia Pontica, II (F. Cumont), стр. 363 и сл.; RE, s. v. Trapezous (W. Ruge).

кают Трапезунт».[1] По свидетельству Арриана,[2] Трапезунт обладал только стоянкой для судов вплоть до того времени, когда по приказу императора Адриана там была построена гавань.[3] Выбор именно этого пункта для основания Синопской колонии объясняется, надо полагать, относительной защищенностью его местоположения, но главным образом тем обстоятельством, что из Трапезунта в древности, как и в настоящее время, можно было пересечь высокие Северо-Анатолийские горы по дороге, проходящей через перевал Зигана. Трапезунт был, следовательно, связан сравнительно удобным путем сообщения с Закавказьем и Передней Азией, а его рейд мог служить стоянкой для судов на пути из Фазиса и Диоскуриады к Амису и Синопе и далее на запад.[4]

Помимо Трапезунта, Синопа основала еще две колонии на той части побережья, с которой были особо связаны ее торговые интересы,— Керасунт и Котиору. Не сохранилось никаких указаний о времени их основания, и самое их местоположение не может считаться точно установленным. Котиора, согласно вставке, не принадлежащей к тексту Анабасиса, но сделанной в античную эпоху,[5] находилась восточнее мыса Ясония, а поскольку современными путешественниками было установлено наличие в городе Орду остатков античного мола,[6] локализация Котиоры в этом пункте весьма вероятна.

Сложнее обстоит дело с Керасунтом.[7] В настоящее время

---

[1] Plin., Nat. Hist., VI, 3, 11 («Trapezus monte vasto clausum»

[2] Arr., Peripl., 24.

[3] Подробнее об этой гавани и о немногочисленных известных в настоящее время остатках древнего Трапезунта см. главу *15*.

[4] Античные авторы ничего не сообщают о способе заселения Трапезунта греками: произошло ли это путем захвата или мирным путем. Название города связано с греческим словом τράπεζα — «стол», и монеты Трапезунта IV в. до н. э., на которых в качестве эмблемы изображен стол (WBR, Trapezous, №№ 1—3b; см. также нашу табл. II, *10б*), показывают, что трапезунтцы так и толковали имя своего города. Однако такое толкование наталкивается на затруднения. В древности, как и в настоящее время, название «столовая» часто прилагается к горам со срезанной плоской вершиной. Но, как показал Руге (RE, s. v. Trapezous), никакой «столовой» горы поблизости Трапезунта нет, и поэтому естественная казалось бы этимология наименования города теряет свой смысл. Возникает вопрос, не имеем ли мы в данном случае новый пример эллинизации какого-то местного названия, что указывало бы на присутствие в этом месте доэллинского поселения.

[5] Xenoph., Anab., VI, 2, 1.

[6] W. Hamilton, ук. соч., I, стр. 251.

[7] По вопросу о локализации древнего Керасунта см.: W. Hamilton, ук. соч., I, стр. 247; Р. Х. Лепер, ук. соч., стр. 314; B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor, The

на побережье находится турецкий город Герасун, имя которого несомненно восходит к имени древнего Керасунта. Однако, едва ли Герасун находится на месте древней колонии Синопы этого названия. Этому противоречат данные Анабасиса Ксенофонта. Согласно рассказу Ксенофонта, греки, выйдя из Трапезунта, достигли Керасунта в три неполных дня.[1] В дальнейшем тому же войску понадобилось в три-четыре раза больше времени для перехода из Керасунта в Котиоры, расстояние между которыми, если считать, что Керасунт находился на месте Герасуна, а Котиора на месте Орду, равнялось примерно лишь 40 км. На этот небольшой отрезок береговой полосы приходились бы, согласно Анабасису, часть области колхов, область многочисленного племени моссинойков, через которую греки проходили в течение восьми дней, и часть области тибаренов. Получается явное несоответствие между рассказом Ксенофонта и локализацией Керасунта в современном Герасуне. Вероятным нам кажется следующее разрешение этого противоречия. Понтийский царь Фарнак I около 180 г. до н. э. основал на побережье город Фарнакию, куда были переселены жители Котиоры.[2] Местоположение Фарнакии хорошо определимо благодаря указанию ряда периплов[3] на остров Ареса, против которого расположена была Фарнакия. Оно совпадает с местонахождением современного Герасуна, расположенного на расстоянии примерно 120 км от Трапезунта (по прямой линии) и 40 от Котиоры-Орду. Согласно указаниям некоторых авторов, после основания Фарнакии, Котиора захирела и превратилась в деревню.[4] Нам кажется весьма вероятным предположение некоторых ученых, что древний Керасунт постигла та же участь, что и Котиору: лишенный поддержки Синопы после захвата этого города Фарнаком, он захирел и превратился в деревню, но его имя после гибели династии Митридатов перешло на Фарнакию и было затем унаследовано современным Герасуном. Со времени Антоников именно этот город Керасунт-Фарнакия начал даже выпускать монету. Что же касается древнего Керасунта, упомянутого в Анабасисе, то еще Гамильтон обратил внимание на деревню Fol-Bazar, которую местные греки именуют Керасунтом и мимо

Athenian Tribute Lists, I. Cambridge, 1939, стр. 500 и сл. и указанную там литературу.

[1] Xenoph., Anab., V, 3, 2.

[2] Strab., XII, 3, 17. Здесь, как принимается всеми современными учеными, ошибочно назван город Киторы вместо Котиоры.

[3] Skymn., Peripl., III. — Anon., Peripl., 34 и др.

[4] Arr., Peripl., 16. — RE, s. v. Kerasus (W. Ruge).

которой протекает река, называемая Kerasun Dere Su.[1] Деревня и река находятся примерно на полпути между мысами Ерос и Керели (в древности мысы Хиерос и Коралла), т. е. на расстоянии приблизительно 60 км к западу от Трапезунта. Это расстояние хорошо согласуется как с данными Анабасиса, так и с расстояниями между отдельными пунктами побережья, указанными в перипле Анонима. Поэтому наиболее вероятным местом нахождения древнего, ксенофонтовского, Керасунта следует считать деревню Fol-Bazar.

Трапезунт, Керасунт и Котиора были наиболее крупными, но не единственными подвластными Синопе опорными пунктами на побережье. Примерно на полпути между Синопой и Амисом была расположена Каруса, которая упоминается в перипле Скилака,[2] однако без всяких указаний на то, в каких отношениях она находилась к Синопе. Перипл Анонима называет Карусу πολίχνιον, что указывает на ее незначительность, по крайней мере в позднее время.[3]

К западу от Синопы, на расстоянии примерно 9 км, находилась Армена — небольшой городок или деревня, как ее называют некоторые авторы.[4] Армена была построена на территории, принадлежавшей Синопе, и служила эмпорием для этого города. Значительно далее на запад, примерно на расстоянии 20 км к западу от мыса Карамбия, находился город Китора, который, согласно Страбону, некогда был эмпорием Синопы и славился прекрасными буковыми лесами.[5] В конце IV в. до н. э. население Киторы влилось в состав населения вновь основанного города Амастрия. Таким образом выясняется, что Синопа имела на южном побережье Черного моря целый ряд эмпориев и колоний, причем самыми значительными из них были, повидимому, города Котиора, Керасунт и Трапезунт. В этих трех

---

[1] W. Hamilton, ук. соч., 1, стр. 236.

[2] Skyl., Peripl., 89.

[3] Anon., Peripl., 24.

[4] Ps.-Skyl., 89. — Xenoph., Anab., VI, 1, 15. — Strab., XII, 3, 10. — Pomp. Mela, I, 19. — Plin., Nat. Hist., VI, 6. — Arr., Peripl., 21; Ptol., V, 4, 2. — Steph. Byz., s. v. Ἀρμένη. Страбон приводит поговорку, сложившуюся об Армене: «Кому нечего было делать, тот укрепил Армену стенами», и называет это местечко деревней Синопы, обладающей гаванью.

[5] Strab, XII, 3, 10. — Ilias, II, 853. — Skyl., Peripl., 90. — Arr., Peripl., 20 и др. Китора вероятно находилась на месте современного городка Кудрос. Спорным является вопрос о принадлежности к Синопе городов Абонутейх (соврем. Инеболи) и Сезамос (несколько западнее Киторы). Такое предположение высказывалось некоторыми учеными (см.: G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., стр. 197), но прямых указаний на это у древних авторов не имеется (см.: RS, стр. 152).

городах побывал Ксенофонт, и в его Анабасисе сохранились чрезвычайно ценные и в то же время наиболее древние о них сведения. На основании последних можно составить себе некоторое представление как о самих городах, так и о тех отношениях, в которых они находились к своей метрополии.

Трапезунт, расположенный в стране колхов, рисуется, согласно Анабасису, как город значительный и состоятельный. Греческому войску Ксенофонта он прислал богатые дары в виде рогатого скота, ячменя и вина, хотя дело было весной и, следовательно, до сбора урожая, и открыл для него рынок.[1] Он обладал собственным флотом, в том числе и крупными судами.[2] Окрестные жители колхи находились с Трапезунтом в дружбе и союзе и, по настоянию трапезунтцев, также оказали гостеприимство прибывшему к ним греческому войску и заключили с ним союз.[3] Некоторые граждане Трапезунта имели деловые отношения и с другими племенами побережья, как это видно на примере Тимесития, сопровождавшего наемников Кира к моссинойкам.[4] Создается впечатление хорошо налаженного торгового обмена, существовавшего между Трапезунтом и местным населением, притом с охватом значительной территории. Только воинственные горные племена не желали входить с греками в мирные сношения и беспокоили город постоянными набегами на его территорию (см. стр. 123 и сл.).[5] О благосостоянии и развитой торговой деятельности Трапезунта свидетельствует и выпуск этим городом в IV в., правда, в течение лишь короткого промежутка времени, серебряной монеты персидской меры веса, с изображением на аверсе головы Гермеса, на реверсе — эмблемы города — стола и лежащего на нем винограда (табл. II, *10 б*).[6] Что касается Керасунта и Котиоры, то упоминания о них в Анабасисе очень кратки, однако из рассказа Ксенофонта ясно, что это были не деревни, а города, укрепленные стенами, владевшие определенной территорией и находившиеся в дружественных отношениях

---

[1] Xenoph., Anab., IV, 8, 23.
[2] Xenoph., Anab., V, 1, 15.
[3] Xenoph., Anab., IV, 8, 24.
[4] Об этом см. главу 5, стр. 142.
[5] Xenoph., Anab., V, 2.
[6] WBR, XV, 11—15, стр. 118, №№ 1—3а. Сомнения, высказанные Рейнаком относительно даты этих монет, могут в настоящее время считаться устраненными благодаря находке в Малой Азии (точное место неизвестно) монетного клада, в котором помимо описанных монет Трапезунта находились и монеты Синопы IV в. до н. э. [см.: Numismatic Chronicle, 1930, стр. 1—15 (E. G. Robinson)].

с окрестными племенами, Керасунт — с колхами, а Котиора — с тибаренами.[1]

У Котиоры произошла встреча между наемниками Кира и посольством, высланным им навстречу из Синопы. Во время своего пребывания в Трапезунте, Керасунте и Котиорах греческое войско, отчасти из-за ослабления дисциплины, отчасти по необходимости, добывало себе пропитание грабежом и совершило немало актов насилия по отношению не только к местным жителям, но и к эллинским городам. Весть об этом успела дойти до Синопы, откуда к Котиоре прибыло посольство для защиты своей колонии от эксцессов со стороны наемников Кира. Устами своего лучшего оратора, некоего Гекатонима, синопейцы упрекали греческое войско в нанесении обид котиоритам и так объясняли им причину своего заступничества:[2] «Ведь котиориты наши колонисты и эту область дали им мы, отняв ее у варваров. За это они платят нам определенную дань, так же как керасунтцы и трапезунтцы. Поэтому знайте, что город синопейцев любую обиду, нанесенную вами котиоритам, сочтет за собственную обиду».

Эти немногие слова заключают в себе интереснейшие сведения о Синопе и ее колониях. Во-первых, здесь прямо говорится о насильственном захвате земли у местного населения для водворения на ней колонистов, причем подчеркивается, что захват был произведен не самими колонистами, а метрополией, после чего на завоеванной земле были водворены поселенцы. Принимая в соображение значительное расстояние, отделяющее Синопу от ее колоний, и отрезанность их от метрополии, с которой они могли сообщаться только по морю, приходится притти к заключению, что внутренняя колонизация Синопы протекала не совсем обычным путем. Высылка колоний была не просто выделением из метрополии некоторого количества граждан с последующей полной самостоятельностью нового полиса, а сознательно направленным усилием метрополии к расширению своего влияния и вытекающей отсюда зависимостью колонии от метрополии. Во времена Ксенофонта Котиора, Керасунт и Трапезунт платят дань Синопе. В свою очередь, могущественная Синопа, если судить по случаю с наемниками Кира, брала на себя защиту своих колоний, когда на сцену появились крупные враждебные силы. Но этого

---

[1] О Керасунте см.: Xenoph., Anab., V, 3, 2; 4, 1; 5, 10; 7, 10 и сл.; о Котиоре — там же, V, 5, 3 и сл.; 5, 19 и сл.

[2] Xenoph., Anab., V, 5, 10; см. также: 1, 5, 7.

мало. Из того же Анабасиса [1] мы узнаем, что Котиора (а, надо думать, также Керасунт и Трапезунт) управлялась синопскими наместниками. [2] Остается неясным, было ли это временное или постоянное явление; но даже если допустить, что то была чрезвычайная мера, все же она совершенно не укладывается в рамки нормальных для Греции отношений между метрополией и ее колониями. Это более походит на тот тип греческой симмахии, когда в союзе городов главенство принадлежит одному городу, как это было, например, в Афинском морском союзе. Однако в подобных симмахиях речь идет не о метрополии и колониях, а о полисах, добровольно или насильственно объединившихся по экономическим или политическим причинам. Здесь же мы имеем пример целеустремленного расширения одним городом сферы своей торговой деятельности путем основания зависимых от него колоний и последующего закрепления за собой этой колониальной (отнюдь не территориальной) державы в порядке прямой зависимости колоний от метрополии. Господствующее положение Синопы относительно ее колоний подтверждается и другими данными, помимо указаний Анабасиса. О широкой внешней торговле Синопы и Амиса в течение многих веков (от V в. до н. э. до IV в. н. э.) имеются многочисленные свидетельства в виде монет, надписей и вещественных памятников, находимых в различных пунктах Черноморья и Средиземноморья, иногда весьма отдаленных от этих городов. Это резко контрастирует с полным отсутствием памятников из колоний Синопы. [3] Можно, следовательно, думать, что Котиора, Керасунт и Трапезунт не вели самостоятельной внешней торговли и все свои товары направляли в Синопу, откуда они, как синопские, направлялись на внешние рынки.

Таким образом, к товарам, экспортировавшимся из Синопы, следует прибавить продукты, поступавшие из ее восточных колоний, а именно металл, и прежде всего железо, а также некоторые другие продукты: колхидское полотно, о котором го-

---

[1] Xenoph., Anab., V, 5, 19.

[2] Ксенофонт называет наместника ἁρμοστής. Этот термин, как известно, прилагался специально к наместникам, посылавшимся Спартой в различные города, подпадавшие под ее контроль во время и после пелопонесской войны. Однако, как отмечает Реданц (Rehdanz) в издании Анабасиса (примечание к указанному месту), Ксенофонт употребляет это слово также и для обозначения наместников, посылаемых другими полисами, например Афинами и Фивами.

[3] Единственное известное мне исключение — это монета Трапезунта III в. н. э., найденная в Дура-Ейропос (см. главу 13).

ворит Геродот,[1] *хорошо известные в древности продукты пчеловодства* — мед и воск,[2] а также вишня.[3]

Остается еще рассмотреть торговые пути, которые связывали Синопу с внутренними областями Малой Азии, с Закавказьем и Передней Азией. Таких путей было два. Один шел из Трапезунта через перевал Зингана на Байбурт, Эрзерум и далее в Закавказье или на юг, в Месопотамию; другая дорога, которой могли пользоваться синопские торговцы, это та самая дорога Амис—Цезарея—Киликия, о которой мы уже неоднократно упоминали.

Что касается пути через перевал Зигана, то он, как мы увидим позже, широко использовался в первые века нашей эры римлянами, которые снабжали через Трапезунт продовольствием свои войска, действовавшие в Армении. Нет никаких оснований полагать, будто в более ранние времена этот путь был блокирован враждебными Трапезунту горными племенами, вследствие чего не существовало никакой торговли между Трапезунтом и теми областями, которые были расположены между цепями Северо-Анатолийских гор и южнее.[4] Против этого говорит то обстоятельство, что наемники Кира прошли в Трапезунт с юга, не встретив на последних переходах никакого сопротивления.

Однако из Анабасиса вытекает, что вдоль более южных участков пути жили племена весьма воинственные, и пользование этой дорогой для торговых целей несомненно представляло в то время большие затруднения.

В научной литературе одно время прочно держался взгляд на Синопу как на посредника в торговле между Западом и Востоком в архаическую эпоху. Еще в 1879 г., в связи с находкой в Олимпии первого экземпляра бронзовой крылатой фигурки с человеческой головой архаического восточного стиля, служившей украшением бронзового котла, Фуртвенглером было высказано предположение о роли Синопы в доставке такого рода изделий в Грецию с Востока.[5] Этот взгляд впоследствии сильно

---

[1] Herod., II, 105.

[2] О меде и воске как продуктах Понта Евксинского говорит Полибий (Polyb., IV, 38, 4=SC, стр. 440). Происхождение этих продуктов из Колхиды подтверждается многочисленными свидетельствами древних писателей (см.: Xenoph., Anab., IV, 8, 20, 21 и др.).

[3] См. главу 13, стр. 339.

[4] Pyre (RE, s. v. Trapezous) указывает на блокирование перевала Зигана, как на одну из причин слабого развития Трапезунта.

[5] См.: A. Furtwängler. Bronze von Olympia. Kleine Schriften, Bd. II, München, 1912, стр. 336, 385 и сл., 450 и сл.

укрепился, особенно после того, как Г. Каро [1] удалось показать, что помимо упомянутых аппликаций от бронзовых котлов в Грецию и Италию в архаическую эпоху поступали и другие металлические изделия художественного ремесла Закавказья (литературу по этому вопросу см. у Б. Б. Пиотровского. Урарту, Ереван, 1944, стр. 225 и сл.). Однако недавно в местечке Аль-Мина, у устья Оронта, был раскопан греческий эмпорий, действовавший, как показали находки, еще в микенскую эпоху, а затем почти без перерыва примерно с 800 г. до н. э. до основания Селевкии. [2] Весьма вероятно, что металлические изделия Востока в архаическую эпоху шли на запад по удобному морскому пути вдоль южного берега Малой Азии или через Кипр, а не обходным путем, через Синопу, как это принимает и Сидней Смит. [3]

Это, однако, не значит, что Синопа вовсе не была связана с Передней Азией и не имела торговых сношений как с ней, так и с внутренними областями Анатолии. Мы уже неоднократно упоминали о сухопутной дороге, связывавшей Амис через Амасею с Цезареей и Киликией, откуда через так называемые Киликийские ворота открывался путь в Переднюю Азию. Имеются основания считать, что сношения Синопы с Анатолийским плато и с Востоком осуществлялись именно по этой пересекающей всю Малую Азию с севера на юг дороге.

В научной литературе XIX в. был распространен взгляд, впервые, насколько нам известно, высказанный Эрнстом Курциусом, [4] согласно которому Синопа была конечным пунктом караванного пути из Индии через Переднюю и Малую Азию к Черному морю. Ошибочность этого взгляда, не учитывающего отрезанность Синопы от материка цепями непроходимых гор, была вскрыта Мёнро, [5] который убедительно показал, что единственная дорога, связывавшая среднюю часть черноморского побережья с Анатолийским плато, оканчивалась в Амисе, а не в Синопе. Тем не менее и в более новой научной литературе не установилось правильного взгляда на этот вопрос. Так, Робинзон в своей монографии о Синопе не порывает с ги-

---

[1] G. Karo. Orient und Hellas in Archaischer Zeit. Athen. Mitteil., 1920, стр. 106—156.

[2] C. Woolley. The excavations at Al-Mina, Sueidia. JHS, 1938, стр. 1—30 и 133—170. — Sidney Smith. The greek trade of Al-Mina. The Antiquar. Journ., 1942, № 2, стр. 87—112.

[3] Sidney Smith, ук. соч.

[4] E. Curtius. Griechische Geschichte, Bd. I [6]. Berlin, 1888, стр. 405 и 408.

[5] J. Munro. Roads in Pontus royal and roman. См. также: W. Leaf, ук. соч., стр. 1—15.

потезой Курциуса и не учитывает в должной мере статью Мёнро.[1] А в последнее время Давид Маджи высказал даже сомнение в существовании в древности пути Амис—Цезарея—Киликия.[2] На самом деле эта дорога не только существовала в древности, что было доказано Мёнро, но ее использовали как Амис, так и Синопа для сношений с внутренними областями Малой Азии и Востоком.

В этой связи необходимо остановиться на одном из наиболее широко известных в древности товаров Синопы — красной краске, так называемой синопиде, или синопской земле. Современные ученые не согласны между собой относительно того, что представляло это красящее вещество, известное у греков под названием μίλτος, а у римлян — «minium»).[3] Одни полагают, что то была киноварь, другие считают ее красной охрой.

В настоящее время этот спор может быть разрешен путем анализа красной синопской краски. Последняя до сих пор известна была только из литературных источников, но определение ряда керамических изделий как синопских познакомило нас с самим продуктом. На синопских амфорах иногда можно заметить пометки, выполненные красной краской, а некоторые части синопских архитектурных терракот часто покрываются густым красным слоем малинового оттенка. Вряд ли можно сомневаться, что тут перед нами подлинная синопида. В спектральной лаборатории кафедры аналитической химии Ленинградского Государственного университета был произведен спектральный анализ пробы красной краски, снятой с синопского антефикса, найденного в Нимфее. Анализ дал следующие результаты:

Mg — десятки процентов	Mo — нет
Si — десятки процентов	Cu ~ сотые доли процента
Al — десятки процентов	Cr — следы
Fe — 10%	V — сотые доли
Na — целые проценты	As — нет
Hg — нет	Be — незначительные следы
Co — нет	Mn ~ 0.1%
Ni — следы	Au — нет
Pb ~ 0.01	

---

[1] RS, стр. 138 и сл.

[2] См. стр. 14, *прим.* 3, а также: MRR, стр. 1076 и сл., где Д. Маджи пытается установить другие возможные пути сообщения Синопы с Внутренней Анатолией.

[3] См.: RE, s. v. Minium (Kroll); JHS, XL, стр. 104, AJA, XXXI, стр. 30; W. Leaf, ук. соч., стр. 11.

Таким образом, анализ показал отсутствие в пробе ртути и присутствие в ней значительного процента железа, которому краска обязана своим цветом. Другими словами, синопида является красной охрой, а не киноварью.

Во всяком случае то был пигмент красного цвета, краситель грунтового происхождения, имевший весьма широкое применение. Μίλτος употреблялся для окраски строений, кораблей, мебели, а также статуй и терракот, в косметике, медицине, живописи и для всякого рода разметок в строительных работах. [1] Наряду с тем же продуктом, добывавшимся на Кеосе и Лемносе, синопская μίλτος считалась в древности самой лучшей.[2] Торговля μίλτος была очень выгодна. Это видно из того факта, что Афины добивались и добились монополии на кеосскую μίλτος. [3] Что же касается синопиды, то ее слава достигла Египта. Так, в известном папирусе «Holmiensis» она называется в числе прочих красящих веществ, причем восхваляются ее отличные качества. [4].

Вывозившаяся из Синопы μίλτος называлась синопидой или синопской землей не по месту ее добычи, а по порту отправления. Добывалась синопида в Каппадокии, т. е. в области, в которой был расположен Амис, а не Синопа. Некоторые исследователи склонны считать местом добычи синопиды окрестности Лаодикеи в Ликаонии, где обнаружены были месторождения киновари, несомненно разрабатывавшиеся в древности, [5] но почва Каппадокии вообще чрезвычайно богата красными пигментами, как показывает, например, красный цвет воды реки Галиса. Страбон,[6] наш главный источник по данному вопросу, сообщает, что «торговцы доставляли ее (синопиду, — *М. М.*) в Синопу, пока торговля Эфеса не достигла населения Каппадокии». Из этого указания, помимо сведений о месторождении μίλτος в Каппадокии и доставке ее торговцами в Синопу, вытекает, что Синопа торговала синопской землей в период, предшествовавший эллинистической эпохе. Тот факт, что торговля Эфеса достигла населения Каппадокии, следует очевидно связывать с постройкой в Малой Азии второй большой

---

[1] Перечисление цитат из древних авторов о синопиде см.: RS, стр. 142, прим. 9.

[2] Theophr., De lapid., 51. — Strab., XII, 2, 10; Plin., Nat. Hist., 35, 13.

[3] IG, II, 546.

[4] Papyrus Holmiensis, 3, 38, 21; 7, 19. См. также стр. 234 настоящей книги.

[5] JHS, XL, стр. 104 и сл.

[6] Strab., XII, 2, 10.

магистрали с запада на восток, проходившей от Эфеса через Лаодикею в Ликаонии и построенной не ранее 300 г. до н. э.[1] Однако приведенные слова Страбона не следует, видимо, понимать буквально в том смысле, будто Эфес полностью сменил Синопу по вывозу μίλτος в эпоху эллинизма. Мы располагаем в настоящее время целым рядом свидетельств, из которых следует, что синопская земля и в эпоху эллинизма находила сбыт как в Греции, так и в Александрии.[2]

Вывоз каппадокийской красной краски через Синопу не оставляет сомнений в том, что торговцы этого города использовали в своих целях дорогу Амис—Цезарея—Киликия. О том же говорят и некоторые другие факты. В 1930 г. в центральной Анатолии, близ Иозгата, т. е. у самой упомянутой дороги, был обнаружен клад, в котором содержалось 28 серебряных монет середины и третьей четверти IV в. до н. э.[3] Четыре монеты этого клада принадлежали Амису, 14 — Синопе и 10 — Тарсу в Киликии. Место зарытия клада и состав последнего ясно показывают, что его собственник вел торговые дела между Синопой и Амисом, с одной стороны, и Киликией, с другой, и пользовался для этого магистралью Амис—Киликия. Использование той же дороги, а не пути через перевал Зигана, для торговых и дипломатических сношений Синопы и Амиса с Передней Азией весьма вероятно по причинам большей безопасности, о чем мы уже говорили выше. Известно, что в период подчинения Синопы Ахеменидам синопские послы совершали поездки ко двору персидского царя.[4] В Сузах недавно была найдена надгробная стела гражданина Синопы Никокла, сына Никокла, предположительно датируемая издателем временем, предшествующим походам Александра Македонского. Из эпитафии неясно, был ли Никокл торговцем или послом.[5] В зарытом близ современного поселения Малайер (к югу от Хамадана) монетном кладе обнаружена была драхма Синопы конца V или начала IV в. до н. э.[6] В большом зале царской

---

[1] W. Ramsay. Historical Geography of Asia Minor. London, 1890, стр. 35 и сл.

[2] См. стр. 234, прим. 4 настоящей книги.

[3] E. T. Newell. The Küchück Köhne Hoard. Numismatic Notes and Monographs, № 46, New York, 1931.

[4] См. главу 7, стр. 169.

[5] F. Cumont. Mémoire de la Mission Archéologique en Perse. XX, 1928, 79/80, № 1=Suppl. Epigraph. Graecum, v. VII, 1934, стр. 10, № 27. Надпись начертана на плите из известняка.

[6] Mémoire de la Délégation Archeologique Française en Afghanistan, t. XIV, 1953. — R. Curiel et D. Schlumberger. Le Trésor de Malayer, стр. 52.

сокровищницы во дворце Персеполя найдены были три серебряные монеты, из которых одна представляет собой синопскую монету IV в., а две — варварские подражания этому синопскому монетному выпуску.[1] По сообщению М. Е. Массона, в 1950 г. на городище Старой Нисы, в северном архитектурном комплексе, большом квадратном доме (комната XVIII), было найдено 8 серебряных драхм Амиса, из которых две имеют надписи ΠΕΙΡΑ и, следовательно, относятся ко времени до Александра Македонского. О связях Амиса с Киликией можно судить и по тому обстоятельству, что уроженцы Амиса учились у ученых Тарса, как, например, Мирин, сын Дионисия, из Амиса у грамматика Диоскорида из Тарса (II в. до н. э.).[2] Таким образом, можно с уверенностью сказать, что дорога Амис—Киликия играла значительную роль в экономике, политической и культурной жизни обоих крупных городов юго-восточного Причерноморья — Синопы и Амиса. При этом обращает на себя внимание тот факт, что этим путем пользовался не только Амис, что было бы вполне естественно, так как дорога непосредственно подводит к этому городу, но и Синопа, которая стоит в стороне и может достигнуть ее только через Амис. Это обстоятельство требует разъяснения.

Большинство историков, затрагивавших в своих работах историю Синопы и Амиса, не обращало внимания на отношения, существовавшие между этими двумя крупными соседними городами. Только Давид Маджи кратко высказался по этому вопросу, назвав Амис крупным соперником Синопы.[3] Соперничество предполагает вражду и военные столкновения. Действительно, местоположение обоих городов, как нами уже отмечалось,[4] могло послужить причиной столкновения жизненно важных экономических интересов. Синопа властвовала на море и благодаря этому располагала большими преимуществами при эксплуатации природных богатств побережья и прежде всего рудных месторождений. Амис со своей стороны запирал путь на юг, в глубину Малой Азии. Из такого положения вещей могли происходить нескончаемые конфликты между обоими городами. Но что же мы видим на самом деле? В наших источниках не сохранилось никаких следов войн между Синопой и Амисом. Наоборот, имеются указания на мирное сосуществование обоих городов и их самостоятельную торговую дея-

[1] Erich Schmidt. Persepolis I. The Univ. of Chicago Orient. Inst. Publications, v. LXVIII, Chicago, 1953, стр. 180.
[2] Syll.², № 721. См. главу 7, стр. 185, прим. 1.
[3] MRR, стр. 184.
[4] См. главу 1.

тельность, которая развивалась, повидимому, параллельно. Мы уже видели, что Синопа свободно пользовалась дорогой Амис—Киликия. Следовавшие по этой дороге в Синопу товары доставлялись в Амис; отсюда они могли транспортироваться далее морским путем или по довольно удобной в этих местах береговой дороге, что, однако, требовало переправы через реку Галис.

Гораздо меньше, чем для Синопы, мы осведомлены о товарах, экспортировавшихся из Амиса. Некоторые источники указывают на экспортировавшееся из Амиса железо повышенного качества, которое называлось халибским или амисским.[1] Другими словами, Амис, как и Синопа, получал и экспортировал металл, добываемый халибами, и, следовательно, имел доступ в те районы побережья, которые контролировались Синопой через ее колонии. В дальнейшем, при знакомстве с портами назначения для синопских и амисских товаров, мы увидим, что и здесь замечается некоторый параллелизм. Синопа и Амис, видимо, не мешали друг другу в развитии их торговой деятельности, и это наводит на мысль о существовании между обоими городами соглашения. Подтверждение этому предположению можно, как нам кажется, найти на нумизматических сериях Синопы и Амиса. Во второй половине IV в. замечается некоторое, несомненно сознательное, сближение типов изображений на монетах обоих городов. Так, на сиклах этого времени обычная для амисских монет классической эпохи женская голова, которая толкуется как изображение Геры или Амисы, заменяется другим типом женской головы, явным подражанием постоянной эмблеме синопских монет — голове нимфы или амазонки Синопы (табл. III, *4*).[2] С другой стороны, на реверсе гемидрахм Синопы того же времени вместо постоянной эмблемы орла на дельфине появляется орел, стоящий на земле и повернутый в фас, — изображение, как бы нарочно сближенное с совой — постоянной эмблемой монет города Амиса-Пирея (табл. I, *7*, *8*). Стоящий орел помещается и на реверсе четверти и восьмых драхмы Синопы того же времени.[3] Он сохраняется и на реверсе серебряных оболов начала III в. до н. э., а на аверсе этих монет помещается голова Синопы, украшенная таким же зубчатым венцом, как традиционная голова богини на монетах

---

[1] Ps.-Aristot., Περὶ θαυμασίων ἀκουσμάτων, 48=SC, I, стр. 380.
[2] WBR, стр. 58, № 7; Pl. Suppl. F, № 4.
[3] WBR, стр. 196, №№ 30, 31; Pl. XXV, №№ 22—25.

Амиса (табл. I, 9).[1] Голова Синопы в зубчатом венце встречается и на триоболах того же времени.[2] Та же голова сохраняется и на серебряных и медных монетах конца III и начала II в. до н. э.[3] Эти факты дают основание видеть в Амисе не соперника и врага Синопы, а скорее ее младшего партнера, который в обмен на услуги, оказываемые более могучему соседу, получил возможность расти и развивать собственную торговлю.

Список товаров, поступающих через Синопу и Амис на внешние рынки, был бы неполным, если бы мы не указали на несомненно большое участие этих городов в поставке рабов на невольничьи рынки Греции. Их деятельность в этом направлении особенно ясно выступает в последующие века, но имеется достаточно данных для того, чтобы установить развитие работорговли Синопы и Амиса и в интересующее нас время. В главе 5 мы приводим эпизод из Анабасиса Ксенофонта, касающийся раба, родом макрона, увезенного в Афины еще мальчиком. Там же приводятся материалы, называющие рабов из Армении и Колхиды. В дельфийских надписях о манумиссиях упоминается тибаренка Сафо, три каппадокийца и один пафлагонец.[4] В надписи, относящейся к процессу гермокопидов, упоминается раб колх.[5] Рабы пафлагонцы часто выводились Аристофаном в его комедиях. Во «Всадниках», например, сам Клеон представлен рабом пафлагонцем, терроризирующим выжившего из ума старика Демоса. Рабского происхождения была вероятно и знаменитая гетера Синопа, проживавшая в Афинах в первой половине IV в. до н. э.[6]

В нашем изложении мы невольно переступали иногда хронологическую границу настоящей главы. Мы полагаем, однако, что наше описание в общем правильно отражает положение вещей, каким оно было в действительности около 400 г. до н. э., когда Ксенофонт посетил южное побережье Черного моря. Своеобразная с античной точки зрения колониальная и морская держава, во главе которой стояла Синопа, уже была полностью в это время организована. Синопа обладала крупным флотом[7] и безраздельно царствовала на южных морских

[1] WBR, Pl. XXV, № 30.
[2] WBR, Pl. XXV, № 26.
[3] WBR, Pl. XXV, № 33; XXVI, № 2; Pl. Suppl., № 15.
[4] C. Wescher et P. Foucart. Inscriptions recueillies à Delphes. Paris, 1863, №№ 31, 131, 134, 186 и 229.
[5] Syll.³, № 96, стр. 25.
[6] Athen., XIII, 595a. — RS, стр. 133.
[7] Ксенофонт рассказывает в Анабасисе (Xenoph., Anab., V, 5; VI, 1) о том, как только одна Синопа оказалась в состоянии предоставить

путях Понта Евксинского. При помощи своих колоний она успешно эксплуатировала природные богатства значительной части южного побережья Черного моря, и синопские купцы проникали в глубь Малой Азии, добывая и оттуда нужные им товары. К этому времени были заложены основы дальнейшего развития экономики Синопы, достигшей наивысшего расцвета в IV и особенно III вв. до н. э., а также ее политического влияния, которое не ограничивалось только припонтийскими областями. Недаром Страбон, отражая в своих словах прошлое могущество города, характеризовал Синопу как царицу Понта, принимавшую участие во многих битвах греков и за его пределами.[1]

Торговля Синопы и Амиса в VI—V вв. до н. э.

К сожалению, у нас имеется мало фактических данных для того, чтобы установить, в какие центры направлялся поток синопских товаров в VI и V вв. О значительном развитии торговли Синопы уже в VI в. свидетельствует довольно ранняя дата начала регулярного выпуска этим городом серебряной монеты.[2] Это драхмы и оболы слегка облегченной эгинской системы (драхма равна 6 г). Выбор эгинской системы для выпуска монет показывает, куда были направлены основные торговые интересы Синопы. По этой системе чеканились в VII—VI вв. монеты большинства городов на Цикладах, городов северной и средней Греции и Пелопоннеса. В VI в. к ней присоединяются и города северного Причерноморья — Ольвия и Пантикапей.[3] Синопа начинает свой чекан с серебра. Первые выпуски синопских монет производят впечатление большой архаичности: формы их неправильны, очертания неравномерны, а толщина весьма значительна. На аверсе помещается изображение головы орла и маленького дельфина, на реверсе — quadratum incusum (табл. I, *1*, *2*). Существуют различные варианты типов аверса и реверса, из чего можно

греческому войску достаточное количество кораблей для перевозки его морем из Котиоры в Гераклею. Войско состояло в это время примерно из 8600 бойцов (V, 3, 3) и, вероятно, не меньшего количества нестроевых. Дав согласие выслать корабли, синопейцы сравнительно быстро сумели мобилизовать необходимое их число.

[1] Strab., XII, 3, 11. См. также высказывания других античных авторов, подтверждающих оценку Страбона; RS, стр. 132.

[2] О монетах Синопы см.: J. P. Six. Sinope. Numismatic Chronicle, 1885, стр. 16 и сл.; WBR, стр. 192—210, Pl. XXIV, *6*—XXVIII; Pl. Suppl. O—P.

[3] ЗАМ, стр. 42 и сл.

заключить, что подобные монеты чеканились в течение длительного периода времени.[1] Бабелон и Рейнак относят первые выпуски ко второй половине VI в., а последние — к середине V в. На некоторых, наиболее поздних сериях этих монет появляются отдельные буквы, как думают Бабелон и Рейнак, инициалы магистратов или тиранов Синопы. С середины V в. Синопа начинает выпускать монеты нового типа.[2] Это — драхмы, которые по своему весу занимают среднее положение между эгинской и персидской системами (5.80 г; табл. I, *3*). Исчезает квадрат, и на его месте появляется эмблема морского могущества Синопы — орел на дельфине, но уже в новом оформлении: вместо одной головы изображается вся птица, которая держит в своих когтях дельфина. Под дельфином — буквы ΣΙΝΩ. На аверсе — женская голова в профиль, вероятно эпоним города — нимфа или амазонка Синопа. На монетах этих серий помещаются регулярно цифровые обозначения, а также инициалы магистратов.[3] Синопа выпускала монеты рассматриваемого типа вплоть до 20-х годов IV в. Эмблемы оставались неизменными, менялся только стиль изображений и надписи, что указывает на стабилизацию торговых сношений Синопы в течение всего этого длительного периода (табл. I, *5*, *6*).

Для V в. имеются лишь весьма скудные данные, указывающие на связи Синопы, главным образом торговые, с внешним миром. Лирический поэт конца VI и начала V в. Симонид из Коса составил следующую эпитафию в честь синопца Феогнида: «Я памятник Феогнида синопейца; воздвиг меня Главк

---

[1] На некоторых выпусках монет этого типа голова орла передана столь неудачно в художественном отношении, что нумизматы в течение долгого времени принимали ее за голову рыбы (см.: WBR, группа b — pisciforme). Сикс (J. P. Six, ук. соч.) предложил считать их «варварскими» — либо варварскими подражаниями синопским монетам, либо монетами, выбитыми в самой Синопе не греками, а варварами, захватившими Синопу. Бабелон и Рейнак не приняли этих гипотез, и, надо сказать, что они мало вероятны. Еще в середине IV в. (см. стр. 106 и сл.) Синопа и Амис были единственными городами в Пафлагонии и Каппадокии, чеканившими монету, и неправдоподобно, чтобы уже в VI в. пафлагонский вождь мог организовать у себя монетный двор. С другой стороны, нет никаких указаний на захват Синопы варварами в VII—VI вв.

[2] WBR, №№ 13—19. По классификации Бабелона и Рейнака — 2-я группа синопских монет.

[3] Имена магистратов на монетах указывают, может быть, на то, что начало выпуска этих серий падает на время после свержения тирана Тимесилая афинской экспедицией. К инициалам синопских магистратов на монетах, собранным Бабелоном и Рейнаком (WBR, №№ 18—29), прибавилось в настоящее время много новых [см.: Numismatic Chronicle, 1920, стр. 1—16 (Robinson); 1930, Sinope (Robinson)].

в память многолетней дружбы».[1] Где стоял этот памятник, — неизвестно. В 1901 г. в Египте, в дельте Нила, близ древнего Бубастиса, был найден клад из 84 серебряных греческих монет архаической эпохи.[2] Представлены монеты Фракии, Македонии, средней Греции, островов Эгейского моря, Ликии и Киренаики. Из припонтийских стран там имеется только драхма Синопы 1-й группы Бабелона и Рейнака, относящаяся ко второй половине VI в. В эпоху эллинизма торговля Синопы с Египтом была очень оживленной. Возможно, судя по монете упомянутого клада, что деловые сношения между обеими странами завязались много раньше, хотя надо иметь в виду, что эта монета могла попасть в Египет путем посреднической торговли.

Вероятно из Киликии (точное место находки клада неизвестно) происходит клад, состоявший из 141 серебряной монеты городов южного и западного побережья Малой Азии, Афин, Сиракуз, Византия, Халкедона и Синопы (3 экз.). Это драхмы 2-й по Бабелону и Рейнаку группы монетных выпусков этого города, датируемой второй половиной V в.[3] Из Малой Азии, без указания на район находки, происходит 21 серебряная монета, которые С. П. Ное определяет как архаические статеры Синопы, не давая более точного их описания.[4]

Некоторые из упоминаемых ниже эпитафий граждан Синопы, найденных в Афинах и Пирее, в своей массе относящихся к более поздним векам, датируются издателями V в., как, например, надгробие Леона Синопейца, на котором высечено изображение льва.[5]

Следовательно, связи между Синопой и Афинами также существовали уже в это время.

Амис начал выпускать монету много позже, чем Синопа, а именно в последней четверти V в. до н. э. Это — серебро весом 5.6 г, следовательно, очень близкое к персидскому сиклю.[6] Амис, таким образом, не примкнул к эгинской системе веса, принятой в Причерноморье и большей части континен-

---

[1] Anthologia Lyrica, ed. E. Hiller. Lipsiae, 1901, стр. 255.

[2] H. Dressel und N. Regling. Zwei Aegyptische Funde altattischer Silbermünzen. Zeitschr. f. Numismatik, 37, 1927.

[3] E. T. Newell. A cilician Find. Numismatic Chronicle, 1914, стр. 1—33.

[4] Sydney P. Noe. A bibliography of greek coin hoards. Numism. Notes and Monographs, № 78, New York, 1937, № 76.

[5] IG, II, 3, № 3346. — A. Conze. Die attischen Grabreliefs. Berlin, 1893—1913, № 1318, табл. 276.

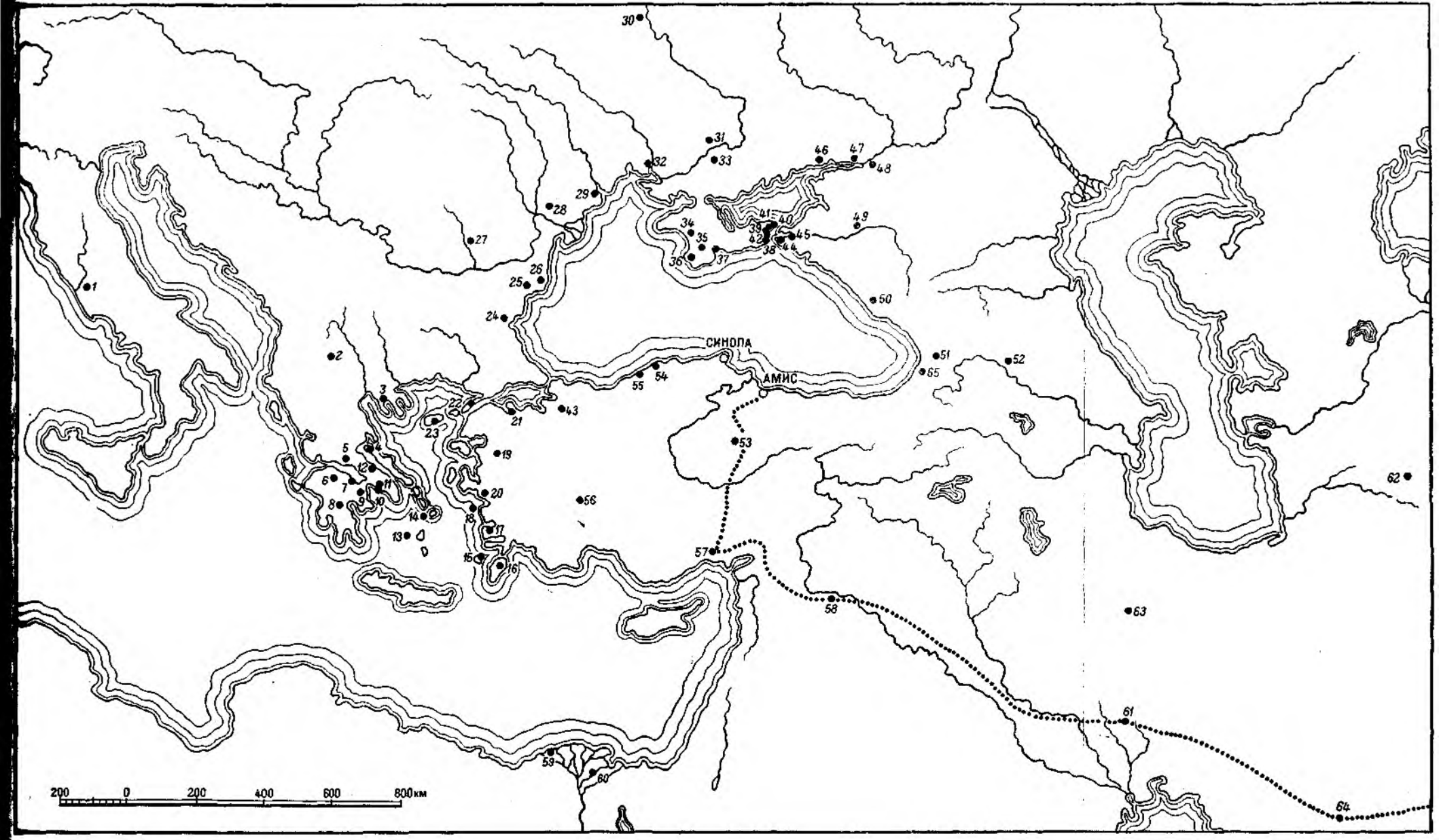
[6] Бабелон и Рейнак называют монеты Амиса конца V—IV вв. сиклями.

тальной Греции. Может быть это следует истолковать таким образом, что ее торговые интересы в это время были теснее связаны с областями, подчиненными Персидской державе, чем с причерноморскими полисами и эгейским миром. На аверсе амисских сиклов помещается женская голова в профиль влево, со сложной прической, богатыми серьгами и ожерельем — вероятно нимфа Амиса или Гера [1] (табл. III, *1—3*). На реверсе — стоящая на земле в фас сова с распростертыми крыльями и надписью ΠΕΙΡΑ, т. е. Пирей. Монетные выпуски этого типа следуют один за другим в течение примерно 100 лет и прекращаются лишь во время Александра Македонского, когда город вновь обрел свое старое имя Амис.[2] Отдельные монетные серии отличаются между собой только по стилю изображений, монограммам и различным добавочным символам, как то: якорь, меч в ножнах или без них, кисть винограда, кадуцей, скипетр, палица. Исключение составляют лишь упомянутые выше монетные выпуски, на которых голове Амисы намеренно придаются черты сходства с женской головой на синопских драхмах (табл. III, *4*).[3]

На основании свидетельства монет Амиса конца V—IV вв. можно вывести заключение о развитии этим городом оживленной торговли в указанный период времени, но у нас нет вполне надежных данных, по которым можно было бы судить о направлении этой торговли в V в. до н. э.[4]

Нет у нас и бесспорных оснований, которые можно было бы привести в доказательство торговых сношений Синопы и Амиса с северным Причерноморьем уже в V в. до н. э. Широкий товарообмен между севером и югом Евксинского Понта начался, как будет показано дальше, в первой половине IV в. в связи с освоением краткого морского пути через Черное море. Однако общие соображения говорят в пользу того, что и до того времени, когда торговые суда стали свободно пересекать открытое море с юга на север, торговля между Синопой и Амисом, с одной стороны, и городами северного Причерноморья, с другой, уже существовала, хотя и не в столь большом объеме, как впоследствии. В пользу этого говорит

[1] См.: WBR, Amisos, №№ 1—8.
[2] См.: WBR, стр. 53.
[3] WBR, стр. 58 и сл.; Amisos, № 7.
[4] В заметках Хазлёка о древних монетах, находимых в окрестностях Кизика, упоминаются между прочим автономные монеты Амиса, к сожалению, более подробно не описанные (E. W. Hasluck. Notes on coin collecting in Mysia. Numismatic Chronicle, 1906, стр. 26 и сл.). Возможно, что некоторые из монет Амиса, найденных в Древней Нисе (см. стр. 82), также относятся еще к этому времени.



Карта 2. Внешние сношения Синопы и Амиса.

Сношения Синопы и Амиса засвидетельствованы источниками, письменными или вещественными. Буквы «А» и «С» в пояснительном тексте обозначают: первая — Амис, вторая — Синопу. *1* — Рим, С; *2* — Скопле, А; *3* — Олинф, А; *4* — Гистиейя, С; *5* — Дельфы, С; *6* — Клиторы, С; *7* — Коринф, А; *8* — Тегея, С; *9* — Эпидавр, С; *10* — Пирей, А и С; *11* — Афины, А и С; *12* — Ороп, С; *13* — Антипарос, С; *14* — Делос, А и С; *15* — Кос, С; *16* — Родос, А и С; *17* — Милет А, и С; *18* — Самос, С; *19* — Пергам, А; *20* — Кларос, А; *21* — Кизик; А; *22* — Ситей, С; *23* — Лемнос, А и С; *24* — Атосска Баня, А; *25* — Одесс, С; *26* — Каллатий, С; *27* — Домбровица, С; *28* — Анадол, С; *29* — Тира, С; *30* — Киев, С; *31* — Чертомлык, С; *32* — Ольвия, А и С; *33* — Сероговы, С; *34* — Керкинитида, С; *35* — Неаполь, С; *36* — Херсонес, А и С; *37* — Феодосия, С; *38* — Нимфей, А и С; *39* — Пантикапей, А и С; *40* — Порфмий, С; *41* — Мирмекий, А и С; *42* — Тиритана, А и С; *43* — Никея, А; *44* — Гермонасса, С; *45* — Фанагория, А и С; *46* — Танаис, С; *47* — Таганрог, С; *48* — Елизаветовская станица, С; *49* — Елизаветовское городище, С; *50* — Диоскуриада, С; *51* — Вани, А; *52* — Мцхета, А; *53* — Кучук-Койне, А и С; *54* — Амастрий, А и С; *55* — Тий, А и С; *56* — Татарли, С; *57* — Тарс, А; *58* — Дура-Европос, С; *59* — Александрия, С; *60* — Бубастис, С; *61* — Сувы, С; *62* — Ниса, А; *63* — Малайер, С; *64* — Персеполь, С; *65* — Кабулети, С.

то соображение, что юг нуждался в продуктах севера, прежде всего в хлебе, а север был относительно беден металлами. Обмен этими продуктами не поддается пока учету, а других вполне надежных признаков торгового обмена в виде монет и надписей V в. еще не найдено. Однако, учитывая функционирование дороги, связывавшей Амис с глубинными районами Малой и Передней Азии, можно предположить, что некоторые ахеменидские изделия торевтики и ювелирного искусства, как, например, серебряный ритон из Семибратнего кургана, другой такой же ритон из Куль-Обы и довольно многочисленные ахеменидские и малоазийские печати, находимые в северном Причерноморье, поступали туда через посредство Амиса, что вероятно и для некоторых ионийских печатей V и IV вв.[1]

Таким образом, после просмотра имеющихся в нашем распоряжении источников мы видим, что в конце V в. Синопа уже выдвинулась по размаху своей торговли на видное место среди торговых городов припонтийских стран. Развив собственное производство, создав сеть всецело ей подчиненных колоний и наладив сношения с внутренними областями Малой Азии, она благодаря своему первоклассному порту и многочисленному флоту стала крупнейшим экспортным пунктом для всего южного побережья Черного моря и успела даже завязать торговые сношения с отдаленными странами. Амис в это время только еще начинал налаживать свою торговую деятельность, которая уже в следующем веке тоже развернулась весьма широко.

Мы не располагаем никакими данными, которые могли бы пролить свет на торговые сношения Синопы и Амиса с их непосредственным «варварским» окружением. Наши источники вообще оставляют нас почти в полном неведении об отношениях, сложившихся между синопейцами и амисенцами, с одной стороны, и местным населением — с другой. Несколько лучше мы осведомлены в этом вопросе относительно Трапезунта, так как Анабасис Ксенофонта содержит весьма интересные сведения о мирных и враждебных племенах, окружавших этот город, и о деятельности трапезунтских граждан среди племени моссинойков.[2] Как мы увидим ниже, видные граждане Синопы состояли проксенами пафлагонских вождей, следовательно, находились с ними в дружественных отношениях в расчете, надо полагать, на торговые привилегии. На торго-

---

[1] См.: М. Максимова. Глиняная подвеска с оттиском печати. Сб. *«Ольвия и поселения нижнего Побужья»*, т. I, М.—Л., 1956.

[2] См. об этом главу 5 настоящего труда.

вые сношения с местными племенами указывает, может быть, и выпуск Синопой еще в VI—V вв. наравне с драхмами и более мелких номиналов — серебряных оболов, предназначенных, возможно, для местной торговли.

Торговля Синопы и Амиса в IV в. до н. э.

В течение IV в. экспортная торговля Синопы и Амиса продолжала неуклонно расти, что было связано с ростом производства и расширением торговых операций при общей устойчивости их экономики в целом. На последнее указывают их монетные выпуски этого периода. Ко времени примерно от 400 до 322 г. относятся монетные выпуски, которые Бабелон и Рейнак считают 3-й группой синопских монет.[1] Это — серебряные драхмы весом в 6 и 5 г и мелкие деления 1-й из этих подгрупп. Драхмы того и другого веса выпускались одновременно, что явствует из совпадения имен магистратов. Несмотря на изменение в весе монет 3-й группы по сравнению с монетами 2-й группы, изображения на аверсе и реверсе целиком заимствуются из 2-й группы. В течение всего долгого периода, когда выпускались монеты 3-й группы, они остаются без изменения, если не считать изменений стилистических и мелких вариантов в подробностях изображений. Монеты Синопы IV в., видимо, имели широкое обращение и охотно принимались на разных рынках. Об этом можно судить по тому интересному факту, что персидские сатрапы чеканили там монеты для выплаты жалованья наемникам и при этом сохраняли те же хорошо известные эмблемы — голову Синопы и орла на дельфине — и обычно заменяли только начальные буквы имени магистрата начальными буквами (греческими или арамейскими) своего имени (табл. *I*, *5*, *6*). А царь Каппадокии Ариарат, организовавший собственный монетный двор в Газиуре, выпускал неполновесные подражания синопским драхмам.[2] Как уже говорилось, монеты Амиса IV в. до времени Александра Македонского сохраняют свой прежний вес и прежнее оформление.

Что же касается увеличения объема торговли обоих городов, то на него указывают более многочисленные, чем прежде, следы торговых связей в виде монет и надписей, находимых в других припонтийских странах, в Греции и на Востоке.

---

[1] WBR, табл. XXIV, *20—22*; Sinope, №№ 20—32. См. также нашу табл. I, *4*.

[2] Об этом см. ниже, стр. 107 и сл.

Особенно крупное значение для понтийской торговли Синопы в IV в. имело освоение краткого морского пути через Черное море, почему мы и посвятили этой теме особую главу нашего исследования.[1] Здесь мы остановимся только на одном вопросе, связанном с керамической синопской тарой, в значительных количествах находимой на западном и северном берегах Черного моря, а именно на не вполне еще выясненном вопросе о том продукте, который транспортировался в синопских амфорах. Б. Н. Граков, так же как и другие исследователи, изучавшие синопские остродонные амфоры, обычно говорит о вине и масле, экспортировавшихся в этих сосудах. Между тем имеются весьма веские данные, указывающие на то, что именно масло, а не вино, было основным продуктом, которым Синопа так широко снабжала все Причерноморье.

В самом деле, хотя Синопа, как и всякий греческий город, изготовляла собственное вино,[2] в литературе не сохранилось никаких указаний на высокое качество последнего, что могло бы обеспечить ему сбыт на внешних рынках. Вывоз его в больших количествах в северное Причерноморье, где существовало собственное развитое виноделие, поэтому мало вероятен. Совсем иначе обстоит дело с оливковым маслом — продуктом первой необходимости в хозяйстве древнего грека.

В первой главе нашего труда мы уже говорили о климате средней части южного побережья Черного моря, отличающемся своей мягкостью и близком к климату средиземноморскому. Области Синопы и Амиса в климатическом отношении занимают особое место среди всех припонтийских областей, отчего там вполне возможна была культура оливы, тогда как ни на северном, ни на западном, ни на восточном побережье Евксинского Понта это дерево не могло произрастать. Античные литературные источники дают довольно ясные на это указания.

Страбон, очень внимательно отмечавший в своем труде области произрастания маслины, дважды говорит об обширных плантациях этого дерева в Синопе и ее окрестностях, причем в последнем случае он особо подчеркивает огромные размеры площадей, отведенных под культуру оливы.[3] Кроме того, Страбон сообщает о произрастании оливы в окрестностях Амиса

---

[1] См. главу 6.

[2] Xenoph., Anab., VI, 1, 15.

[3] Strab., II, 1, 15; XII, 3, 12. См. также: Eust., IL., II, 853. «Вся обработанная часть земли, расположенная немного выше моря, засажена оливами». Это наблюдение относится к тому времени, когда χωρα Синопы на востоке граничила с рекой Галисом (см. главу 13).

и в долине Фанарое, расположенной по соседству с территорией Амиса.[1] В подробном описании Страбона остальных районов побережья олива нигде больше не упоминается. В дальнейшем говорится только об оливе в Армении [2] и Мелитене.[3] Создается впечатление, что Фанароя была самой восточной частью побережья, на которой произрастала в древности олива. Что касается западной границы произрастания оливы, то она приблизительно определяется одним замечанием Ксенофонта в Анабасисе. Описывая местность около бухты Кальпы (на полпути между Гераклеей и Боспором Фракийским), он говорит: «Земля приносит здесь ячмень, пшеницу, всевозможные овощи, просо, кунжут, винные ягоды в достаточном количестве, много винограда, дающего хорошее вино, словом все, кроме маслины».[4] Другими словами, климат у бухты Кальпы не позволял выращивать там оливу. То же самое относится и к местностям далее на запад. В подробном описании Боспора Фракийского Дионисием Византийским [5] олива не упоминается. Во Фракии олива росла только в районах, соприкасавшихся с Эгейским морем. Западное черноморское побережье оливы не знало.[6] У авторов, сохранивших сведения о восточном побережье Евксинского Понта, также не встречается никаких сведений о произрастании там оливы. Отсутствие маслин в северном Причерноморье хорошо известно. Таким образом, оказывается, что район Синопы и Амиса и, может быть, Гераклеи был единственной во всем Причерноморье областью, где произрастала маслина и где она, судя по словам Страбона, культивировалась в больших масштабах, намного превосходящих потребности одной Синопы. Нам кажется, что вся только что обрисованная обстановка допускает лишь одно толкование. Синопа, вероятно и Амис,[7] а может быть, также Амастрий и Гераклея, превратились в поставщиков оливкового масла для всего Причерноморья, так как потребность в этом насущно необходимом продукте не могла быть удовлетворена местным производством, а южное Причерноморье находилось много ближе к Пантикапею, Херсонесу, Ольвии или Тире, чем центры произ-

---

[1] Strab., II, 1, 15; XII, 3, 30.
[2] Strab., XI, 14, 4.
[3] Strab., XII, 2, 1.
[4] Xenoph., Anab., VI, 4, 6.
[5] Geographi graeci minores, II.
[6] CAH, VIII, стр. 540—543 (Kazarow).
[7] В статье «Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем» (ВДИ, 1951, № 2, стр. 106 и сл.) И. Б. Зеест предположительно считает амисской одну группу остродонных амфор, относящихся, повидимому, к IV—III вв. до н. э.

водства этого продукта, расположенные в Эгейском море. Для городов южного Причерноморья масло, таким образом, стало одной из важнейших статей экспорта в торговле с припонтийскими странами.

В главе 6 мы приводим фактические данные, указывающие на значительный подъем торговли между Синопой и Амисом, с одной стороны, и северным Причерноморьем — с другой, в первой половине IV в. до н. э. Мы увидим также, что синопские торговцы в это время завязали сношения и с западным берегом Понта. Имеются и убедительные доказательства, указывающие на проникновение синопской торговли на восточное побережье Понта,[1] во внутренние области Малой Азии [2] и далее на восток.[3]

Связи Синопы и Амиса с Эгейским морем также, повидимому, становятся теперь более оживленными, если судить по количеству дошедших до нас древних свидетельств. Интересно вскользь оброненное Полиеном замечание о сильной вражде, существовавшей между Синопой и Сестом в IV в. до н. э.[4] Подобная вражда могла возникнуть только на почве каких-либо препятствий, чинимых Сестом провозу через проливы синопских товаров. Относительно весьма велико количество найденных в Афинах и Пирее надгробий граждан Синопы и Амиса. К сожалению, издатели дают лишь суммарную датировку этих эпиграфических памятников, в пределах от 403 г. до времени императора Августа, а способ их воспроизведения в тексте в большинстве случаев исключает возможность их датировки по палеографическим признакам. Все же если взять общее количество эпитафий синопейцев (26)[5] и амисенцев (4) [6] за указанный промежуток времени, то оно намного превзойдет количество эпитафий граждан Родоса (4) и Самоса (7) и уступит в этом отношении только Милету (31). Не все погре-

---

[1] Драхма Синопы IV в. до н. э. найдена была в Сухуми (см.: А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе. Тр. Отд. нумизматики Гос. Эрмитажа, I, Л., 1945, стр. 60, № 59). Согласно сообщению К. В. Голенко на пленуме ИИМК в Москве в 1955 г., в Кабулети (близ Батуми) в 1948 г. был случайно обнаружен клад серебряных монет, содержащий, кроме нескольких десятков колхидок, свыше ста драхм Синопы середины IV в. до н. э.

[2] См. стр. 81.

[3] См. стр. 81 и 82.

[4] Polyaen, Stratag., VII, 21, 2.

[5] IG, II, pars 3, № 3339 и сл.; Suppl. № 3343b. — AM, XIII, стр. 429. — Hesperia, 1934, стр. 95, № 127. — Werner Peek. Attische Grabinschriften, Abh. d. Deutsch. Akad. d. Wissensch. in Berlin, 1954, № 4, стр. 27, № 92.

[6] IG, II, pars 3, №№ 2276—2279.

бенные под этими памятниками синопейцы и амисенцы были торговцами, как видно на примере Дифила и Диодора — знаменитых драматургов новой аттической комедии,[1] но все же большинство их наверное принадлежало к торговым резидентам или их семьям, проживавшим постоянно в Афинах и Пирее. На импорт изделий художественного ремесла из материковой Греции указывает бронзовая аппликация чеканной работы с обильной гравировкой, происходящая из Амиса [2] (рис. 12). Аппликация помещалась под вертикальной ручкой бронзовой гидрии, от которой сохранилась часть кольцевидной ножки с лесбийским киматием, а также четыре круглых медальона, украшавшие горизонтальные ручки. Как показал Цюхнер, аппликации чеканной работы, украшавшие бронзовые гидрии, в конце V в. начали сменять такие же литые аппликации, и мода на них держалась примерно до 340 г. Сохранилось лишь незначительное количество памятников этого типа. Все гидрии этой формы и со сходными украшениями происходят, по определению Цюхнера, из одного производственного центра, а именно из Коринфа. Амисскую аппликацию Виганд датирует первой половиной IV в., а Цюхнер — 360—350 гг. На ней изображена группа Эрота и Психеи. Эрот в левой руке держит зеркало. Психея положила руку на плечо Эрота. Группа проникнута серьезным и грустным настроением. Возможно, что гидрия служила погребальной урной. По общему замыслу, по композиции и по тонкости работы эта аппликация выделяется из круга подобных ей изделий.

Кроме Афин и Пирея, надгробия граждан Синопы и Амиса этой эпохи найдены также на Родосе [3] и Лемносе.[4]

Помимо эпитафий были найдены и надписи другого содержания. Так, одна дельфийская надпись называет некоего изгнанника Синопы Эндексия как человека, сделавшего в 336 г. взнос в Дельфийский храм в размерах одной эгинской драхмы.[5] О синопейце Гистнейе говорится в надписи середины IV в. как

---

[1] IG, II, № 3343. — A. Wilhelm. Urkunden dramatischer Aufführungen in Athen. Wien, 1906, стр. 59 и сл.

[2] В. О. 137. III. О. 125 м. Берлинский музей. Издана: Th. Wiegand. Eros und Psyche auf einem Bronzerelief aus Amisos. Anatolian Studies presented to Sir W. M. Ramsay. Manchester, 1923, стр. 405—413, табл. XII и XIII; W. Züchner. Griechische Klappspiegel. Berlin, 1942, стр. 175, рис. 87.

[3] IG, XII, 1, №№ 465 (Синопа), 400 (Амис). — Amadeo Maiuri. Nuova Silloge Epigraphica di Rodi e Cos. Firenze, 1925, стр. 85, № 147 (Амис).

[4] IG, XII, 8, № 33.

[5] Syll.[3], № 240, II, стр. 358.

о победителе в многоборье на состязаниях в святилище Амфиарая в Ороне.[1]

Мы уже говорили о надгробии синопейца Никокла, сына Никокла, найденном в Сузах, о синопской драхме из района

Рис. 12. Часть бронзовой гидрии из Амиса.

Хамадана и об амисских серебряных монетах, обнаруженных в Старой Нисе, а также о кладе монет Синопы, Амиса и Тарса, закопанном близ большой дороги Амис—Цезарея—Тарс.[2] Все это свидетельствует о связях, в том числе и торговых, между южным Причерноморьем и Передней Азией, осуществлявшихся по большой магистрали, проложенной из Амиса к Исскому

[1] IG, XII, 1, № 414. Надпись воздвигнута между 366 и 338 гг.
[2] См. выше, стр. 81 и сл.

заливу. Мы не знаем, какие продукты шли из Синопы и Амиса на восток (может быть это было халибское железо), но факт функционирования этого торгового пути придает большую долю вероятности уже высказанной нами гипотезе о том, что изделия Востока, находимые в северном Причерноморье,— печати, серебряные сосуды, костяные изделия и др. — доставлялись туда по указанной дороге через Амис и Синопу и далее по краткому морскому пути через Евксинский Понт.

Все приведенные нами свидетельства о торговых связях городов юго-восточного Причерноморья за пределами Понта Евксинского в V и IV вв. не отражают, конечно, сколько-нибудь полно общей картины распространения и объема торговли этих городов. Сохранившиеся до наших дней указания подтверждают, однако, несомненный факт проникновения их товаров в восточное Средиземноморье, в Грецию, на острова Эгейского моря и на юг Малой Азии. Имеются основания полагать, что синопские и амисские торговцы пробили себе также дорогу и в Переднюю Азию. Если прибавить к этому сильный рост экспорта в припонтийские страны в IV в. до н. э., то мы будем вправе причислить отчасти Амис и во всяком случае Синопу к тем греческим полисам, торговля которых в V и IV вв. имела немаловажное значение в восточной половине античного мира. Как мы увидим впоследствии, их торговая деятельность, временами возрастая, временами сокращаясь, продолжалась непрерывно, несмотря на катастрофы и изменения политической обстановки, до поздних веков античности.

Политическая история Синопы и Амиса

Как уже указывалось, первые надежно засвидетельствованные события из истории Синопы и Амиса связаны с экспедицией Перикла в Черное море. Ничего не известно о том, как отразилось на судьбе Синопы распространение Лидийского царства до реки Галиса, о котором рассказывает Геродот.[1] Не сохранилось также никаких указаний на форму подчинения Синопы и Амиса Ахеменидам после покорения последними Малой Азии.[2] Можно только догадываться, что зависимое от Персии положение городов юго-восточного Причерноморья выражалось в форме уплаты ежегодной дани и поставки воинских контингентов во время войны, как это проводилось цен-

[1] Herod., I, 28, 72, 103, 130.

[2] Что касается рассказа Ктесия о походе сатрапа Каппадокии Арнарамна в Скифию (см.: SC, стр. 354), то его апокрифичность была недавно доказана акад. В. В. Струве (см.: ВДИ, 1949, № 4, стр. 15 и сл.).

тральным персидским правительством по отношению ко всем греческим городам, находившимся в царстве Ахеменидов. В этой связи интересно вспомнить свидетельство Диодора. Перечисляя состав флота Ксеркса во время похода на Грецию, он называет 80 кораблей, снаряженных греками, живущими на Геллеспонте и Понте.[1] Так как под подвластным персам Понтом можно в это время понимать лишь южный берег Черного моря,[2] то в число этого отряда кораблей должны были входить и отряды синопских судов. Кроме того, из приводимого ниже рассказа Плутарха о действиях, предпринятых в Синопе по приказанию Перикла, явствует, что во главе правления в этом городе находился тиран Тимесилай. В Амисе же, как это весьма вероятно по излагаемым ниже соображениям, правителем в это время был некий вождь каппадокийцев. Можно думать поэтому, что Ахемениды, согласно общему направлению их политики по отношению к греческим городам, поддерживали в Синопе и Амисе единоличную власть, вручив ее своим ставленникам.

Неясным остается вопрос о вхождении Синопы и Амиса в первый афинский морской союз. С одной стороны, нельзя сомневаться в том, что некоторые греческие города южного побережья Понта входили в этот союз и обязаны были платить форос.[3] Для Гераклеи, например, это засвидетельствовано рядом письменных источников, рассказывающих о походе Ламаха в Гераклею с целью принудить ее вносить форос, от чего она, ввиду дружественных отношений с персидским царем, отказывалась.[4] Издатели нового фрагмента афинской надписи читают на нем еще имя Карусы — находившегося к востоку от Синопы незначительного города, и они же, на основании сохранившейся только одной начальной буквы «К», восстанавливают в этом списке название города Керасунта.[5] При-

---

[1] Diod., Bibl., XI, 3, 8.

[2] Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города, стр. 46 и сл.

[3] Недавно был найден новый фрагмент надписи 425/24 г. до н. э., перечисляющий афинских союзников и вносимый ими форос. См. B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor. The Athenian Tribute Lists, t. I, Cambridge, 1939, стр. 528. По мнению издателей, на этом фрагменте названы города, расположенные на Евксинском Понте. Однако ошибочность предложенного американскими учеными чтения была раскрыта в статье И. В. Брашинского «К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э.» (ВДИ, 1955, № 2, стр. 148 и сл.).

[4] Thuky d., IV, 75. — Diod., Bibl., XII, 72, 4. — Just., XVI, 3. См. также: А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 256 и сл.

[5] B. D. Meritt и др., ук. соч., стр. 500 и сл.

числение Карусы и Керасунта к афинскому союзу более чем сомнительно, но все же вхождение в союз Гераклеи остается фактом, и значительность Синопы и Амиса говорит в пользу того, что Афины должны были приложить усилия к привлечению этих городов на свою сторону. Однако, как это явствует из рассказа Плутарха о походе Перикла в Черное море, это удалось им не сразу.

В биографии Перикла Плутарх рассказывает о предпринятой этим государственным деятелем демонстрации в Черном море, носившей дружественный характер по отношению к греческим городам и в то же время стремившейся внушить варварам уважение к могуществу Афин. Плутарх говорит: «(Перикл) вошел в Понт с большой и прекрасно снаряженной эскадрой, выполнил все, о чем его просили греческие города, и обошелся с ними гуманно, а живущим по соседству варварским племенам, их царям и династам он продемонстрировал могущество Афин, безнаказанно и смело направляющих свои корабли куда им вздумается и подчинивших себе все море. А синопейцам он предоставил тринадцать кораблей под начальством Ламаха, а также воинский отряд для действий против тирана Тимесилая. Когда же тиран был изгнан вместе с его партией, Перикл добился постановления народного собрания об отплытии в Синопу шестисот добровольцев афинян для поселения их там вместе с жителями Синопы, причем им предоставлялось поделить между собой дома и земли, прежде принадлежавшие тиранам».[1]

Свидетельство Плутарха имеет большое значение для истории Синопы.[2] Мы узнаем из него, во-первых, что в Синопе, повидимому в течение длительного периода времени, так как речь идет о тиранах (а не о тиране), которым принадлежали земли и дома, власть находилась в руках тиранов, судя по греческому

---

[1] Plut., Pericl., 20. В избранных биографиях Плутарха, изданных в 1941 г., перевод этого места из жизнеописания Перикла содержит ошибку, искажающую смысл текста. Дата экспедиции Перикла не может считаться точно установленной. По мнению одних ученых, она состоялась в 448 г., по мнению других — в 435/34 г. Сводку различных мнений по этому вопросу см. у Б. Н. Гракова (ВДИ, 1939, № 3, стр. 238), который высказывает предположение о том, что афиняне неоднократно снаряжали подобные экспедиции в Евксинский Понт.

[2] Надпись IG, I², № 944, которая считалась частью списка афинских воинов Перикла, павших под Синопой, получила теперь иное толкование. См. Hesperia, vol. XII, (1943), number I, стр. 25 и сл. (A. E. Raubitschek).

имени последнего из них Тимесилая, выдвинувшихся из местной знати, возможно при поддержке со стороны Персии. Эта власть не была конечно дружественной по отношению к афинской демократии, почему вхождение Синопы в морской союз до экспедиции Перикла мало вероятно. Весьма важно также указание на земли, которыми владеля тираны, так как это свидетельство можно понять в том смысле, что высшие слои синопского общества были и земельными собственниками.

Демократический переворот, произведенный в Синопе Афинами, оставил, повидимому, заметный след и на государственном устройстве этого города. Мы не располагаем никакими свидетельствами относительно государственного устройства Синопы до эпохи эллинизма. Но в одной синопской надписи, относящейся, вероятно, к III в. до н. э., упоминается некий Διονύσιος Ἀρχίππου ἐπιστάτης τῆς βουλῆς καὶ πρύτανις, т. е. «председатель совета и притан», и Λάμαχος Χωρηγίωνος γραμματεὺς τῆς βουλῆς καὶ πρύτανις, т. е. «секретарь совета и притан».[1] В той же надписи упоминается еще 12 пританов, причем все они именуются πρυτάνεις οἱ ἐν τῷ Πανήμῳ μηνί. Отсюда можно заключить, что это — члены очередной выделенной советом на один месяц комиссии пританов, которая ведала делами Синопы в течение этого промежутка времени, после чего ее сменяла следующая такая же комиссия совета. В Милете также существовали сменные комиссии пританов, однако они были введены там лишь одновременно с принятием Клисфеновского деления на филы,[2] т. е. много позже вывода колонии в Синопу. Поэтому введение этого установления Синопой по образцу Милета мало вероятно, и скорее можно думать о реформе, предпринятой под непосредственным влиянием Афин во второй половине V в., после экспедиции Перикла в Понт и водворения в Синопе афинских клерухов. За правильность этого последнего предположения говорит еще то обстоятельство, что в Синопе, как и в Афинах, один из членов комиссии пританов состоял также председателем, а другой член той же комиссии — секретарем совета.

В связи с посылкой в Синопу клерухии из Афин находится весьма интересный памятник, недавно правильно истолкованный Луи Робером (рис. 13).[3] Это — узкая, продолговатая (длиной 0.092 м) пластинка из бронзы, приобретенная Лувром

---

[1] RS, № 40.

[2] F. Bilabel, ук. соч., стр. 125 и 133.

[3] L. Robert. Études Anatoliennes. Paris, 1937, стр. 296 и сл., № 13. См. также: A. de Ridder. Bronzes antiques du Musée du Louvre, II. Paris, 1915, стр. 217, № 4072, табл. 123.

в 1889 г. как происходящая из Синопы. Ее происхождение не может вызвать сомнений, поскольку на пластинке, у правого края, оттиснута эмблема этого города — морской орел, терзающий дельфина, неизменно помещавшаяся в течение V и IV вв. на синопских монетах. У левого края пластинки буква Δ, а в середине надпись в 2 строки: Στασιλέως Δαμέος. Робер сопоставил табличку со сходными во всех отношениях памятниками, находимыми в Афинах и давно истолкованными как опознавательные знаки гелиастов.[1] Как на афинских, так и на синопской табличке слева имеется буква, обозначающая городское отделение суда, к которому был приписан гелиаст (в данном случае Δ, т. е. четвертое отделение), в середине

Рис. 13. Табличка судьи из Синопы.

вырезано имя судьи, а справа — эмблема города, на афинских — сова с оливковой ветвью и буквами ΑΘΕ — эмблема афинских монет, на синопской — орел и дельфин. По характеру букв синопскую табличку Л. Робер датирует V—IV вв. до н. э., а поскольку подобные таблички гелиастов, помимо Афин, найдены еще только на острове Фазосе (1 экз.), то Л. Робер в разбираемом памятнике видит прямое доказательство влияния Афин на Синопу. Действительно, эта табличка свидетельствует о том, что в Синопе, вероятно в связи с переселением туда афинских клерухов, утвердилось чисто афинское демократическое установление — суд присяжных, причем в городе было по меньшей мере четыре судебных отделения.

Таким образом выясняется, что в Синопе после демократического переворота, произведенного Периклом, и посылки туда афинских клерухов, управление находилось в руках городского совета, выделявшего из своего состава сроком на один месяц комиссию пританов, которая ведала текущими делами. Функционирование народного собрания не засвидетельство-

[1] Об афинских табличках гелиастов см.: AM, XXI, 1896, стр. 451; В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. I. СПб., 1901, стр. 253 и сл.

вано, но нет никаких оснований сомневаться в том, что оно существовало наряду с советом. Для разбора судебных дел в Синопе по образцу Афин были учреждены народные суды Гелиеи.[1]

Прямых свидетельств о действиях экспедиции Перикла в Амисе не сохранилось. Однако имеются основания считать, что афиняне и там провели весьма энергичные мероприятия. В тексте Страбона, заимствованном им у Феопомпа, в котором рассказывается об основании Амиса,[2] говорится, что Амис «в третий раз был колонизован Афиноклом и афинянами и переименован в Пирей». Перед этими словами шла речь о каком-то вожде каппадокийцев, и хотя текст в этом месте испорчен, но по смыслу всей фразы можно думать, что этот каппадокийский вождь захватил и держал в своих руках Амис до появления там Афинокла. К какому времени относится заселение Амиса афинянами во главе с Афиноклом? Никаких других сведений об Афинокле не сохранилось, но, сопоставляя слова Феопомпа с нумизматическими данными и с тем, что нам известно об экспедиции Перикла, нам кажется возможным высказать предположение о появлении афинских поселенцев в Амисе как прямом следствии вмешательства Перикла в понтийские дела. Амис, судя по словам Феопомпа, находился во власти каппадокийцев вплоть до появления там афинян.[3] Естественно предположить, имея перед глазами рассказ Плутарха о действиях Ламаха в Синопе, что именно Перикл позаботился об изгнании каппадокийцев из Амиса. А после этого, опять-таки по примеру того, что произошло в Синопе, в Амис по постановлению афинского народного собрания были направлены афинские клерухи во главе с Афиноклом. Подтверждение этому предположению мы находим в монетных выпусках Амиса. Как мы уже говорили, Амис много позже Синопы начал чеканить свою монету. Может быть причиной тому был захват Амиса каппадокийцами. Первые монетные выпуски этого города, по стилистическим данным, не могут быть старше второй половины V в. (см. табл. III, *1*, *2*). Достойно внимания,

---

[1] В связи с тем, что демократический переворот в Синопе оказал сильное влияние на государственные учреждения этого города, нам кажется возможным высказать предположение, что и введение новых эмблем на монетах (голова Синопы и орел на дельфине) произошло также в это время, чему не противоречит стиль изображений.

[2] Strab., XII, 3, 14; см. также главу III, стр. 53 и сл. настоящей книги.

[3] Поэтому вхождение Амиса в афинский морской союз до изгнания каппадокийцев вряд ли могло иметь место.

что на первых же монетных сериях Амиса появляется изображение афинской совы и надпись ΠΕΙΡΑ, свидетельствующие о переименовании Амиса в Пирей, что, по словам Феопомпа, произошло в связи с заселением Амиса афинянами. Сопоставление монет со свидетельством Феопомпа напрашивается само собой. А поскольку стиль изображений на монетах не противоречит отнесению их к последней четверти V в.,[1] то переименование Амиса в Пирей, а следовательно, и появление там афинян следует отнести ко времени, немного более раннему. Это в свою очередь хорошо согласуется с предположениями о дате экспедиции Перикла в Понт. Поскольку мы ничего не знаем о государственных установлениях Амиса этого времени, то не представляется возможным судить о реформах, произведенных там афинскими поселенцами. С течением времени афиняне несомненно смешались с потомками первых колонистов Амиса, фокейцами, и самое имя Пирей исчезло с амисских монет в конце IV в. Однако, как мы увидим впоследствии, слава понтийских Афин сохранилась за Амисом на много столетий, и тесные связи между гражданами Амиса и Афин существовали еще во время Митридата Евпатора.

Очень мало известно о том, как отразились в Синопе дальнейшие события греческой истории — Пелопонесская война, крушение Афин и война Спарты против Персии. Анабасис Ксенофонта рисует нам Синопу могущественным городом, власть которого ощущалась на всем побережье от Трапезунта до Гераклеи.[2] Об Амисе Ксенофонт не упоминает вовсе. Греческое войско проплыло мимо него на кораблях, а в тех местах береговой полосы, где побывало это войско, Амис, видимо, большого значения не имел. После Анталкидова мира в 387 г. оба города, надо думать, подпали вновь под власть Персии. По крайней мере с середины IV в. и вплоть до похода Александра Македонского на восток Синопа и Амис находились под охраной, а следовательно, и под властью Ахеменидов, с которыми они, видимо, успешно поддерживали хорошие отношения, продолжая деятельно развивать свою торговлю.

Однако неправильно было бы думать, что жизнь Синопы и Амиса во второй половине V и в IV в. протекала мирно, без внешних столкновений и опасностей. Несмотря на покровительство Афин и персидских царей, города юго-восточного

---

[1] Бабелон и Рейнак датируют их концом V в. (WBR, стр. 53).

[2] В. В. Струве обратил мое внимание на тот интересный факт, что Ксенофонт не упоминает в Анабасисе об экспедиции Перикла в Понт и о крупных преобразованиях, произведенных в это время афинянами в Синопе.

Причерноморья находились под постоянной угрозой со стороны местных племен, которые смотрели на греческих переселенцев, как на захватчиков, и на их города, как на свою законную добычу. Кроме того, опасность существовала также и со стороны некоторых персидских сатрапов, поднимавшихся в IV в. против царя Персии и стремившихся к захвату богатых греческих городов, видимо, главным образом в целях пополнения своей казны для оплаты наемных войск, с помощью которых они поддерживали свои притязания на самостоятельность.

Мы уже видели, что какому-то вождю каппадокийцев удалось еще в первой половине V в. захватить Амис и удержать этот город в своих руках, повидимому, в течение довольно длительного времени. Процесс разложения первобытно-общинных отношений зашел в Каппадокии уже весьма далеко, образовался общественный слой местной знати, которая выдвигала из своей среды вождей, под их главенством разрозненные племена объединялись и представляли собой значительную силу. То же самое, согласно Ксенофонту, наблюдалось в 400 г. и в Пафлагонии. Во время похода Ксеркса на Элладу пафлагонцы поставляли персидскому царю воинские отряды, которые вливались в персидскую армию.[1] Однако Ксенофонт застал уже иные отношения между пафлагонцами и Персией. У пафлагонцев в это время имелся свой вождь (ἄρχων) Корила, возглавлявший, надо полагать, крупное объединение племен. Пафлагонцы, по словам синопейца Гекатонима, не послушались персидского царя, когда тот приказал им явиться к нему, ибо «вождь их имеет другие, более широкие планы».[2] Планы эти были, видимо, завоевательные. Основная область пафлогонцев ограничена с востока нижним течением реки Галиса, к которому с востока примыкает Каппадокия. Однако греческое войско Ксенофонта встретилось с Корилой и пафлагонцами у города Котиоры, т. е. примерно на 200 км восточнее границы Пафлогонии, причем Ксенофонт называет эту страну Пафлагонией.[3] Приходится придти к заключению о значительных завоеваниях Корилы и о подчинении ему большой части Каппадокии. Рассказ Ксенофонта попутно бросает свет на отношения между Синопой и пафлагонцами. Один из послов Синопы, встретившихся с греческим войском Ксенофонта у Котиоры, тот же Гекатоним, видимо, возглавлявший все посольство (возможно, что начальные буквы его имени ЕК

[1] Herod., VII, 72.
[2] Xenoph., Anab., V, 6, 8.
[3] Xenoph., Anab., VI, 1, 1.

встречаются на синопских монетах этого времени [1]), был проксеном Корилы,[2] и в своей первой речи, обращенной к грекам и носившей вызывающий характер, он угрожал заключить против них союз с пафлогонцами и другими местными племенами.[3] Однако, когда в ответ на угрозу Ксенофонт намекнул на возможность привлечь пафлагонцев на свою сторону, тем более что Корила, «по слухам, зарится на Синопу и ее приморские владения»,[4] то синопейцы сразу испугались, и на следующий день тот же Гекатоним повел разговор уже совершенно в ином тоне. Очевидно Ксенофонту удалось сразу нащупать слабое место в позиции Синопы.

Синопским дипломатам удалось, однако, в дальнейшем оградить свой город от военных столкновений с Пафлагонией, несмотря на усиливавшееся в начале IV в. политическое значение последней, в своем развитии достигшей, видимо, ступени военной демократии. Из Греческой истории Ксенофонта мы узнаем, что в 395 г. спартанский царь Агесилай, воевавший с персами в Малой Азии, заключил союз с царем Пафлагонии Отисом, отложившимся от персов.[5] Этот царь, вероятно сменивший вождя Корилу, занимал столь высокое положение среди правителей различных областей и царств Малой Азии, что персидский сатрап Спифридат выдал за него свою дочь.[6] В конце 80-х или в начале 70-х годов в Пафлагонии царствовал Тий, находившийся в родстве со знатными родами и правителями Малой Азии и имевший свое генеалогическое древо: он считал себя потомком героя Пилемена, убитого под Троей Патроклом. Этот Тий открыто отказался подчиняться персидскому царю, но был в конце концов побежден и пленен своим родственником, сатрапом Киликии Датамом, в то время еще верным Артаксерксу. Победитель Тия сатрап Датам вскоре пошел по стопам царя Пафлагонии, сначала тайно, а затем открыто отложившись от Персии и подняв против нее широкое восстание, к которому присоединились и другие сатрапы Малой Азии. Между Датамом и Синопой дело дошло до прямых военных столкновений. Датам — одна из самых типичных фигур в истории Малой Азии IV в. до н. э.[7] Он принадлежал к этнически смешанной в то время знати Малой Азии. Отец

[1] WBR, Sinope, № 20, стр. 198.
[2] Xenoph., Anab., V, 6, 11.
[3] Xenoph., Anab., V, 5, 12.
[4] Xenoph., Anab., V, 5, 22.
[5] Xenoph., Hellenica, IV, 1, 1, 2.
[6] Xenoph., Ages., 3, 4. — Plut., Ages., 11.
[7] О Датаме см.: S. Reinach. Datames. RA, 1924, Juillet—Décembre, стр. 165—177, где указана более старая литература.

его был карийцем по происхождению, мать — скифянка. Он приходился двоюродным братом царю Пафлагонии Тию, а сам был женат на дочери знатного перса. Начав свою карьеру на службе у Артаксеркса II, он наследовал от своего отца управление Киликией и отличился, усмирив и взяв в плен двух династов Малой Азии, отложившихся от Персии, и заслужил тем самым доверие Артаксеркса и зависть придворной знати. Получив тайное уведомление о грозившей ему со стороны приближенных царя опасности, он решил отложиться от Артаксеркса и, номинально оставаясь у него в подчинении, собрал войско для ведения войны. В это время он занял Каппадокию, Пафлагонию и часть Писидии и заключил союз с сатрапом Фригии Ариобарзаном (вероятно в конце 70-х или начале 60-х годов). Измену Датама выдал его собственный сын, перешедший на сторону царя. Артаксеркс послал против Датама и других вступивших с ним в союз сатрапов Малой Азии крупные военные силы, но царские войска потерпели поражение. Датам продолжал после этого приготовления к дальнейшим военным действиям, но был предательски убит Митридатом—сыном Арнобарзана (примерно в 356 г.).

Корнелий Непот, наш главный источник по истории Датама, ничего не сообщает о столкновениях Датама с Синопой и Амисом. Однако в «Военных хитростях» Полиена сохранилось несколько анекдотов из истории осады Синопы Датамом. Там рассказывается о том, как Датам, не обладая флотом, необходимым для осады Синопы, а также не располагая людьми, умеющими строить корабли, прикинулся другом Синопы и попросил прислать к нему плотников и столяров для постройки осадных машин, необходимых ему якобы для осады Сеста, города, с которым Синопа находилась в сильной вражде. Присланных из Синопы мастеров Датам использовал для постройки флота и осадных машин, при помощи которых он начал осаду Синопы, а не Сеста.[1] Вероятно к этому времени относится другой рассказ Полиена, согласно которому во время осады Синопы Датам получил послание от персидского царя с приказом прекратить осаду, что и было им выполнено.[2]

Эти сведения о столкновении Датама с Синопой носят анекдотический характер; однако трудно представить себе,

---

[1] Polyaen, Stratag., VII, 21, 2.

[2] Polyaen, Stratag., VII, 21, 5. Возможно, что к тому же событию относится рассказ Энея Тактика (40, 4) о хитрости граждан Синопы, переодевавших женщин в мужскую одежду и заставлявших их ходить по городским стенам, чтобы создать впечатление численного превосходства.

что они целиком придуманы Полиеном или его источником, и надо полагать, что Датам действительно пытался овладеть Синопой. Какое-то отношение к этим военным действиям имеют, может быть, серии синопских монет, на которых при неизмененных эмблемах — голове Синопы на аверсе и орла на дельфине на реверсе — вместо начала имени магистрата фигурирует выведенное греческими буквами имя Δαταμα полностью или в сокращении (табл. I, 5).[1] Не подлежит, следовательно, сомнению, что Датам выбивал монету в Синопе. Но, спрашивается, когда это было и при каких обстоятельствах. Почти общепринятым может считаться мнение, что факт чеканки в Синопе монет Датамом свидетельствует о захвате им этого города. При этом некоторые исследователи предполагают, что осада Синопы, о которой упоминает Полиен и которая закончилась снятием осады, а не взятием города, представляет собой другое событие, чем то, которое привело к захвату Синопы, и что, следовательно, Синопа была осаждена Датамом повторно.[2] Первую осаду Синопы Юдейх относит к концу 70-х годов, вторую, закончившуюся взятием города, — к началу 60-х годов. Другие ученые, соглашаясь с гипотезой о взятии Синопы Датамом, не проводят четкого разделения между неудачной и удачной осадой этого города и относят осаду к 369—368 гг., полагая, что Синопа в это время отложилась от персидского царя.[3] Мнение Бабелона едва ли может быть принято, так как из рассказа Полиена вытекает, что Синопа при нападении на нее со стороны Датама получила поддержку от Артаксеркса, а Датам не считал еще возможным открыто выступить против царя. Последнее обстоятельство показывает, что Датам пытался овладеть Синопой в те годы, когда он еще только готовил открытое выступление против Артаксеркса и был занят собиранием войска, которое в значительной своей части состояло из наемников греков, требовавших оплаты деньгами. Одной из главных забот Датама должна была быть поэтому чеканка монет. Тот же Полиен сохранил любопытный рассказ о том, как Датам действовал при таких обстоятельствах.[4] Когда однажды солдаты стали настойчиво требовать от него выплаты жалованья за несколько месяцев, то он взял из одного святилища 30 талантов серебра, наполнил ими

---

[1] E. Babelon. Les Perses Achemenides. Paris, 1893, табл. IV.— ЗАМ, табл. X, *14*.

[2] W. Judeich. Kleinasiatische Studien. Marburg, 1892, стр. 191.

[3] E. Babelon, ук. соч.

[4] Polyaen., Stratag., VII. 2. 1. — Ps.-Arist., Oikonomicon, II, 1350b.

некоторое количество глиняных сосудов, а другую, значительно большую часть таких же сосудов оставил пустой. Все сосуды были затем погружены на мулов и верблюдов и подвезены к войску. Солдатам было показано несколько сосудов с серебром, и они поверили обману. И когда Датам объяснил им, что ближайший город, в котором можно серебро превратить в монету, — это Амис, находящийся на расстоянии многих дней пути, то солдаты успокоились и в течение всей зимы не требовали денег. Осада Синопы, вероятно, была вызвана желанием овладеть богатствами города, необходимыми Датаму для осуществления его планов, и он предпринял ее на свой страх и риск, а не в интересах Артаксеркса, почему последний и заступился за Синопу.

Сомнительной, на наш взгляд, является вторичная осада и взятие Синопы. В случае овладения Синопой Датам, вероятно, распорядился бы изменить типы изображений на монетах этого города, но здесь этого не произошло: типы остаются прежние, изменяется только легенда. Как заметил Э. Робинзон,[1] на одной серии монет Датама встречаются инициалы магистрата АГО, которые известны и по автономным выпускам монет этого города. Поэтому мы склонны думать, что Датам не захватил Синопы и просто использовал здесь право персидских сатрапов чеканить монету в греческих городах, расположенных в их сатрапии, как он, судя по рассказу Полиена, собирался сделать в Амисе.[2]

Несколько иначе, повидимому, обстоит дело с двумя другими сериями синопских монет с теми же эмблемами, но с арамейскими надписями вместо начальных букв имен синопских магистратов (табл. I, *6*). Переданное арамейскими буквами имя на первой серии этих монет читалось различно: Абд Сасан, Сисинна или Аброкомас, а теперь обычно передается с отказом от его дешифровки как Абдсен.[3] На второй серии монет ясно читается имя Ариарата, несомненно Ариарата I, сначала сатрапа при Артаксерксе Охе, а затем царя Каппадокии. До последнего времени считалось, что обе эти серии были выбиты в Синопе, из чего делалось заключение о захвате

[1] E. Robinson, Numismatic Chronicle, 1920, стр. 10.

[2] Такого же мнения придерживался Сикс (J. P. Six, ук. соч., стр. 25), который полагал, что выбитые в Синопе монеты Датама не могут считаться доказательством овладения этим городом. С ним, на наш взгляд неудачно, полемизирует Д. Робинзон (RS, стр. 246). В этой связи следует вспомнить, что Страбон (Strab., XII, 3, 11), перечисляя, сколько раз Синопа была захвачена врагами, несмотря на ее неприступность, называет Фарнака I и Лукулла, но ничего не говорит о Датаме.

[3] WBR, Sinope, №№ 33—40.

этого города в 40-х или 30-х годах IV в. каким-то неизвестным сатрапом или местным царьком, а затем, позднее, Ариаратом I, царем Каппадокии. Однако Нюэлль[1] совершенно на наш взгляд убедительно доказывает, что обе серии монет с эмблемами Синопы, но арамейскими надписями, не могли быть выпущены в этом городе. Основывается он при этом на сравнении стиля монет Синопы с именами магистратов и монет с арамейскими надписями, а также на том наблюдении, что последние монеты неполновесны: они значительно легче синопских монет. Нюэлль приходит к выводу, что монеты с арамейскими надписями чеканились не в Синопе, а в другом центре, и что они должны считаться только местными подражаниями монетам Синопы.[2]

Если принять это толкование Нюэлля, которое, повторяю, кажется нам убедительным, то тогда взаимоотношения Синопы с ее соседями в течение IV в. будут развиваться перед нами в несколько ином свете, чем до сих пор. Мы видели, что настороженность Синопы по отношению к Кориле как к вождю Пафлагонии, стремящемуся к расширению своих владений, видимо, имела под собой серьезные основания. Богатые греческие города на побережье не могли не привлекать к себе взоров пафлагонцев, каппадокийцев и других местных племен, в области которых они были расположены. Как это видно из Анабасиса, греки не чувствовали себя достаточно сильными для оказания успешного сопротивления в этой борьбе. Главная их оборонительная тактика заключалась поэтому, надо думать, в привлечении на свою сторону местной знати и племенных вождей путем даров и втягивания их в товарообмен, вследствие чего верхушка общества оказывалась заинтересованной в сохранении греческих колоний. Кроме того, Синопе и другим городам южного побережья, после Анталкидова мира в 387 г. вновь вероятно подпавшим под власть Персии, приходилось все время поддерживать добрые отношения с верховным владыкой — персидским царем. Те скудные сведения, какие имеются в нашем распоряжении, показывают, что политика Синопы по отношению к царькам и сатрапам Малой Азии и по отношению к царю царей в IV в. в общем была успешной. Персидские сатрапы, отложившиеся от царя и ведущие с ним войну, и местные царьки, стремящиеся к основанию собственных

[1] E. T. Newell. The Küchük Köhne Hoard.

[2] Взвешивание большого количества соответствующих монет показало, как это установлено Нюэллем, следующее соотношение: средний вес монет с эмблемами Синопы и именем Ариарата — 5.144 г, синопских драхм — 5.821 г, амисских сиглов — 5.502 г.

независимых царств и к завоеваниям других территорий, не решались, если не считать попытки Датама, прямо нападать на греческие города и, видимо, оставляли их в покое.

События, происшедшие в Греции и Малой Азии при Филиппе Македонском и Александре, как мы увидим впоследствии, вероятно, непосредственно не затронули Синопы и Амиса. Лишь тогда, когда начались распри между диадохами, города южного Причерноморья оказались втянутыми в эту борьбу.

Состав населения. Государственное устройство. Культура

По вопросам о составе населения, государственном устройстве и культуре городов юго-восточного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. сведения наши крайне скудны. Интересные данные о составе населения с точки зрения его этнической смешанности дает анализ имен астиномов на керамических клеймах Синопы, произведенный Б. Н. Граковым в его известной книге о керамических клеймах с именами астиномов. Среди имен фабрикантов, т. е. собственников керамических мастерских 1-й группы клейм, которая относится ко второй половине IV в., имеется некоторое количество негреческих имен, причем в дальнейшем это соотношение изменяется в пользу увеличения имен варварских.[1] Основываясь на том, что некоторые из негреческих имен являются именами рабов, как Ἄραψ и Λείβιος, Б. Н. Граков приходит к выводу о применении в эргастериях Синопы рабского труда, так как хорошо известно, что в Греции рабы-ремесленники, отпускаемые на свободу, часто сами становились хозяевами мастерских.[2] Наоборот, анализ имен астиномов на тех же керамических клеймах Синопы показал отсутствие среди них негреческих имен. Такой же результат дает анализ имен магистратов на синопских монетах V и IV вв.[3] На них обозначаются, правда, только начальные буквы имен, но в тех случаях, когда восстановление полного имени несомненно, последнее всегда оказывается греческим. К этому следует прибавить, что и все имена умерших на чужбине синопейцев (в большинстве своем несомненно крупных торговцев), сохраненные в упомянутых

---

[1] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма. . . стр. 158 и сл.

[2] Там же, стр. 159 и сл.

[3] WBR, Sinope, №№ 18—29. О дополнениях к этому списку см. стр. 86, прим. 3 настоящей книги.

выше надгробных надписях, — также греческие. Из этих данных можно с некоторой долей вероятности сделать вывод о том, что не-греки в Синопе не допускались в интересующее нас время к занятию городских магистратур и не проникали в сословие богатых торговцев, что, конечно, никак не исключает возможности существования среди населения Синопы негреческих этнических групп. Как мы увидим позднее, значительное место среди культов Синопы занимал культ подземного, несомненно местного, божества, и это обстоятельство весьма убедительно говорит в пользу сильного местного элемента среди населения этого города.

Что касается социальных делений синопского общества, то о нем мы можем только догадываться. Как и во всяком рабовладельческом полисе, население состояло из рабовладельцев, крупных и мелких, и рабов. Крупные рабовладельцы вряд ли основывали свое благосостояние на земельной собственности, хотя, как явствует из приводившегося выше текста Плутарха, тиранам Синопы принадлежали и земельные угодья. Все же в основном это была, вероятно, торговая аристократия, торговцы, навклеры и, может быть, владельцы крупных эргастериев. Средние и низшие слои свободного населения состояли, надо полагать, из мелких торговцев, собственников небольших мастерских и мелких земельных участков, а также ремесленников. Поскольку Синопа была крупным экспортером рабской силы, то и население самого полиса наверное широко применяло рабский труд; однако каких-нибудь конкретных указаний на этот счет, кроме сказанного выше о гончарных мастерских, мы не имеем. Не дошло до нас никаких сведений и о социальной борьбе в Синопе в VII—IV вв. и о том, в каких конкретных формах она протекала.

Еще меньше мы знаем о составе населения Амиса. Поскольку этот город в течение длительного времени находился под властью вождя каппадокийцев, то весьма вероятно, что, несмотря на прибытие афинской клерухии, в нем осталось наследие от времени каппадокийского владычества как в культуре, так и в составе населения. Никаких указаний на социальный состав населения Амиса в эту эпоху в наших источниках не сохранилось.

Как ни ничтожны сведения о государственных установлениях Синопы в VII—IV вв. до н. э., все же можно на основании данных, частично более поздних по времени, с большой долей вероятности восстановить функционирование там некоторых учреждений и в изучаемый период. Мы уже говорили о совете и народном собрании и о реформах, проведенных в связи

с приездом в Синопу афинских клерухов. Невыясненным остается вопрос о том, какие магистратуры занимали лица, инициалы которых помещались на монетах Синопы. Хорошо засвидетельствована для Синопы магистратура астиномов благодаря керамическим клеймам. Интересны некоторые наблюдения Билабеля, которые показывают, что Синопа, по крайней мере частично, сохраняла установления своей метрополии. Так, на таблице названий месяцев в календаре Милета и его колоний, составленной Билабелем,[1] в графе «Синопа» заполнены 6 разделов. Билабель, таким образом, считает возможным признать, что нам известны названия 6 синопских месяцев из 12. Все 6 названий совпадают с названиями соответствующих месяцев ионийского и специально милетского календарей, что предполагает существование аналогичных праздников, а следовательно, и культов.

Собственно говоря, безупречно засвидетельствованы только три из этих названий месяцев: Панемос, Таурeон и Посидеон. Оба последних месяца встречаются в надписи, относящейся к эпохе эллинизма.[2] Месяц Панемос также засвидетельствован эпиграфически.[3] Что касается трех остальных месяцев: Апатуриона, Ленейона и Антестериона, то наличие их в календаре Синопы предполагается Билабелем на основании соответствующих имен собственных среди гончаров и астиномов на синопских керамических клеймах. Все же несомненное совпадение трех месяцев Синопы и Милета достаточно показательно.

Начертания букв на синопских монетах Билабель связывает с милетским алфавитом.[4] На милетские традиции указывает и ряд культов Синопы (Аполлона, Посейдона Геликония), о которых мы будем говорить позднее, так как все свидетельства по этому вопросу относятся к более поздним векам.

О государственных установлениях Амиса V—IV вв. нам ничего не известно. На монетах этого города помещаются инициалы магистратов, но каких именно, остается неизвестным. Остальные свидетельства, касающиеся совета, народного собрания и других государственных установлений, относятся к Амису первых веков нашей эры.

Синопа была родиной знаменитого основателя философской школы киников Диогена, чем она очень гордилась в последующие века. В эпоху Римской империи там была выпущена серия

---

[1] F. Bilabel, ук. соч., стр. 70—71.
[2] Syll.³, 603.
[3] Rob., № 40.
[4] F. Bilabel, ук. соч., стр. 136.

монет с изображением философа (табл. I, *14*), а по свидетельству Диогена Лаэрция, стихотворная эпитафия, сохранившаяся в «Anthologia Palatina» (XVI, 334), была начертана на памятнике этого философа, стоявшем в Синопе.[1] Но то была посмертная слава, а при жизни Диоген был изгнан из родного города, и вся его деятельность как главы философской школы протекала вдали от Синопы. Существуют разные версии о причинах изгнания Диогена. Рассказывали о том, что он пострадал за отца Хикесия, который, будучи магистратом, был уличен в утайке металла при выпуске монет.[2] Другие обвиняли в том же самого Диогена. Все эти циркулировавшие в древности рассказы были проанализированы Сельтманом и Дедлей, которые пришли к выводу, что как Хикесий, так и Диоген пострадали невинно, в результате происков враждебной государству партии, стремившейся сохранить в обращении неполновесные подражания синопским монетам, выпускавшиеся Ариаратом Каппадокийским и другими местными династами.[3] Как бы то ни было, философскую деятельность Диогена нельзя связывать с его родным городом. Подобно многим уроженцам далеких периферийных городов, он нашел подходящую обстановку для развития своего философского учения не на родине, а в Афинах, и самый факт его происхождения из Синопы не может считаться доказательством существования в этом городе философских школ.[4] Как мы увидим ниже, в эпоху эллинизма Синопа и Амис были не только родиной ученых и поэтов, но и центрами, в которых развивалась их деятельность.

Из Синопы происходят два надгробных памятника, на основании которых можно определенно утверждать, что в этом городском центре уже в эпоху поздней архаики имелись собственные мастерские скульпторов.[5] Два изображенных на рис. 14 и 15 надгробных рельефа из известняка были найдены в Синопе в 1941 г., близ района спичечной фабрики. Обе стелы,

---

[1] Эпитафия эта гласила: «Время разрушает даже бронзу, но славу Диогена не похитит и сама вечность. Ибо ты один научил смертных довольствоваться малым и указал им самый легкий жизненный путь».

[2] О синопских монетах с начальными буквами имени Хикесия см.: WBR, Sinope, №№ 22 и 25.

[3] См.: Donald R. Dudley. A History of Cinicism. London, 1937.

[4] Заметим, однако, что Диоген Лаэрций в биографии Диогена философа называет ученика Диогена синопейца Хегезайя (Diog. Laert., VI, 84) и философа-киника, уроженца Синопы, Менippа (VI, 95).

[5] Ekrem Akurgal. Anadolunda geç arkaik Yunan eserleri. Türk Tarih Kurumu Kongresi yayinlarindan, IX seri, № 3, Ankara, 1948, стр. 581—586. (Экрем Акургал. Позднеархаические греческие памятники в Анатолии. Изд. Конгресса Турецкого исторического общества, сер. IX, № 3, Анкара, 1948).

как это обычно в архаическую эпоху, очень узкие, особенно вторая, и рельеф плоский. Первая стела увенчана треугольным фронтоном с высоким средним и двумя низкими угловыми

Рис. 14. Стела из Синопы.

Рис. 15. Стела из Синопы.

акротериями. Орнаменты на них были, конечно, переданы краской. Верхняя часть второй стелы отбита, но непосредственно над рельефом сохранилась часть антаблемента с полоской сухариков. На первой стеле (желтоватый известняк, высота 1.48 м) представлены две фигуры: женщина с наклонен-

ной вперед головой, сидящая на стуле без спинки, на сиденье которого положена подушка, а ножки искусно обточены, и стоящая перед ней служанка. Сидящая женщина одета в длинный хитон или пеплос. Большой плащ накинут на голову и прикрывает спину; конец его переброшен через правую руку, вытянутую вперед и держащую какой-то неясный предмет. Ноги покоятся на скамеечке, пальцы поднятой левой руки касаются верхнего края хитона. Под стулом — петух. Нижняя часть туловища и ноги стоящей женщины скрыты ногами сидящей фигуры. Одежда, видимо, была обозначена краской. Можно только заметить покрывало, которое наброшено на голову и плечи. В левой руке ее какой-то неясный предмет. Правая рука ладонью подпирает подбородок — жест печали. Под рельефом была вырезана надпись, от которой сохранилось слово παρέστησαν.

Вторая стела (высота 1.75 м) изображает примерно такую же сцену, но вместо одной служанки мы видим здесь две. Левая часть стелы видимо, отломана; сохранилась только передняя часть фигуры сидящей женщины. Однако поза этой фигуры и ее одежда полностью совпадают с аналогичной фигурой на первой стеле, так же как и форма стула, подушка, петух [1] под сиденьем и скамейка, на которой стоят ноги женщины. Разница здесь только в некоторых особенностях художественной манеры и в деталях. Так, на руке второй женщины ясно виден довольно массивный браслет. Служанки стоят одна за другой таким образом, что виден лишь профиль второй фигуры и кисть ее правой руки с каким-то неясным предметом У передней фигуры короткие волосы, доходящие до затылка, надет на ней длинный хитон с рукавами до локтей. В левой руке она держит шкатулку, в правой поднятой руке — какой-то неясный предмет (цветок?). В знак печали головы обеих служанок опущены.

Как материал стел, так и многие особенности художественного стиля исключают возможность импорта этих стел из греческих городов Эгейского моря. Прежде всего архитектурное оформление второй стелы не находит, насколько нам известно, параллелей в других местах — мы имеем в виду полоску сухариков. Равным образом мы не могли бы назвать сходной композиции на других архаических стелах. Особенно своеобразно помещение двух девушек на второй стеле непосредственно друг за другом так, что получается как бы удвоенная линия

[1] Петух как атрибут культа мертвых встречается, например, на известной спартанской надгробной стеле в Берлине.

профилей голов и фигур. Своеобразны и многие особенности художественного выполнения, как, например, складки хитона у сидящей фигуры на второй стеле, окаймляющие очертания коленей и ног,[1] непомерно большой глаз той же фигуры (хотя тут, возможно, имеется повреждение поверхности), чрезвычайно длинные бедра у сидящей женщины на первой стеле и неудачно переданное движение правой руки девушки на той же стеле. Все эти особенности указывают на то, что стелы были сделаны синопскими мастерами, а не привезены из других центров.[2] Относительно даты этих памятников следует сказать, что по первому впечатлению они кажутся очень архаичными, но некоторые детали, как жест пальцев левой руки у сидящих женщин, передача складок конца плаща, свисающего с правой руки женщины на второй стеле, не позволяют отодвигать их в VI в. Мы склонны были бы отнести их к 60-м годам V в.

Две другие надгробные мраморные стелы из Синопы и Амиса описаны Менделем в каталоге скульптур Оттоманского музея в Стамбуле, где они воспроизведены, к сожалению, лишь в рисунках, что не дает возможности судить об их стиле. Первая из них, найденная в Синопе, имела форму наиска с фронтоном и подпирающими его дорическими колонками.[3] Рельеф изображает стоящую женщину в тяжелом, опоясанном на талии пеплосе. В правой согнутой в локте и приподнятой руке она держит, повидимому, птицу. Перед ней маленькая фигурка служанки, несущая неясный предмет, может быть клетку. Издатель описывает материал стелы как мелкозернистый белый мрамор с небольшим количеством кристаллов и определяет стиль как аттический стиль IV в., приводя ряд аналогий среди аттических надгробий.[4] Он, видимо, считает этот памятник привозным из Аттики. От второй стелы, происходящей из Амиса (рис. 16), сохранилась только плита с рельефом, без отдельно сработанного архитектурного оформления.[5] Изображен юноша, сидящий на стуле с гнутыми ножками. На колени и левую руку накинут плащ, ноги обуты в высокие

---

[1] Сходно переданы и складки конца плаща, перекинутого через правую руку сидящей женщины на первой стеле.

[2] Издатель стел находит большое стилистическое сходство между ними и рельефами храма в Ассосе. Это сопоставление кажется нам мало убедительным.

[3] G. Mendel, Catalogue des sculptures. Musées imp. Ottomans, Constantinople, 1912, № 872.

[4] A. Conze, ук. соч., II, 875, 876.

[5] G. Mendel, Catalogue. . ., № 7. — A. Joubin, Catalogue des sculptures. Musées imp. Ottomans, Constantinople, 1893, № 5.

сапоги и стоят на скамейке. В правой руке он держит яблоко, к которому тянется маленький мальчик. Сзади стоит старший мальчик с сумкой в руке. Рельеф сделан из белого мрамора. Издатель считает эту композицию инспирированной сходными аттическими надгробиями, но отмечает ряд неточностей и ошибок мастера в передаче фигур, особенно их голов, склоняясь, повидимому, к тому, чтобы видеть в этом произведении работу местного мастера. Он датирует рельеф концом IV в.[1]

Рис. 16. Стела из Амиса.

Следует здесь упомянуть, что для Синопы работали видные греческие скульпторы. Статуя легендарного основателя Синопы Автолика, произведение известного ваятеля IV в. Сфенида, уроженца Олинфа, современника и товарища Леохара, считалась святыней города. Она была увезена Лукуллом в Рим после взятия Синопы римскими войсками.[2]

Многолетние грабительские раскопки на городище Амиса вскрыли значительное количество изделий художественного ремесла, рассеянных по музеям Западной Европы и Америки и лишь частично опубликованных в самых разнообразных изданиях. В настоящем труде невозможно дать сколько-нибудь полного их перечня и мы ограничимся лишь несколькими примерами.

Значительное количество ювелирных изделий из золота было приобретено Нелидовым и опубликовано в известном каталоге его собрания.[3] Среди них к IV в. относятся несколько пар серег в виде колечка с крючком на одном и петелькой на другом конце.[4] Конец, снабженный петелькой, имеет форму

---

[1] В каталоге Менделя (G. Mendel, Catalogue. . .,) под № 409 описана еще мраморная голова женщины от статуэтки (Выс. 0.12 м), происходящая, может быть, из Синопы. Автор относит ее к IV в.

[2] О Сфениде см.: H. Brunn. Geschichte der griechischen Künstler, I. Stuttgart, 1889, стр. 274. О статуе Автолика см.: Strab., XII, 3, 11; Plut., Luc., XXIII; App., Mithr., 83.

[3] L. Pollak. Sammlung Nelidow. Leipzig, 1903.

[4] Ср.: F. H. Marshall. Catalogue of the jewellery in the British Museum. London, 1911, табл. XXXI, №№ 1706 и сл., 1808, 1816.

головы животного или женской головы. Детали иногда украшены эмалью. Постепенно сужающийся ствол колечка обвит проволокой и местами украшен орнаментами из накладной проволоки [1] (рис. 17). Кроме того, встречаются пары золотых кружков, соединенные стерженьком наподобие колес и имитирующие ткацкие катушки.[2] Эти предметы изготовлены специально для культа мертвых. Такое же назначение имеют диадемы, сделанные из тонкого листового золота и украшенные штампованным растительным орнаментом.[3] Относительное обилие золотых изделий, находимых в Амисе, и специальное назначение некоторых предметов для культа мертвых позволяют поставить вопрос о производстве ювелирных изделий на месте, в Амисе, а наблюдаемые в некоторых случаях аналогии между золотыми изделиями, находимыми в Амисе и на Боспоре, наводят на мысль о возможных в этой отрасли производства связях между мастерскими северного и южного берегов Черного моря.

Рис. 17. Серьга из Амиса.

В собрании Нелидова опубликована также происходящая из Синопы серьга из электра, архаической формы — в виде колечка, украшенного зернью.[4]

---

[1] См.: L. Pollak, ук. соч., VII, 43; IX, 139 и 142.

[2] L. Pollak, ук. соч., табл. XX, № 523. Ср.: F. H. Marshall, ук. соч., XI, №№ 2065—2069.

[3] L. Pollak, ук. соч., табл. V, № 14. К этому разряду памятников относятся богато украшенные штампованными изображениями две золотые диадемы того же типа, находившиеся в собрании Ханенко в Киеве и происходящие с южного берега Черного моря, надо думать, скорее всего из того же городища Амиса (Собрание Ханенко. Древности Приднепровья, т. X, 1902, №№ 643 и 644; см. также: AA, 1918, стр. 140 и сл., рис. 1 и 2, Amelung). Воспроизведение этих памятников, к сожалению, не дает возможности рассмотреть во всех деталях штампованные изображения. Однако следует отметить, что среди последних имеются хорошо знакомые нам по памятникам северного Причерноморья композиции и фигуры (всадники, сражающиеся с грифонами, и танцующие девушки) типа известных бляшек из Большой Близницы (ОАК, 1865, т. III, № 2). В том же собрании Ханенко и с такой же пометкой о происхождении опубликован ряд мелких золотых предметов, пряжки и пластинки разных форм.

[4] L. Pollak, ук. соч., табл. X, № 192. Ср.: F. H. Marshall, ук. соч., табл. IX, №№ 945, 946; табл. XXVI, №№ 1593, 1597.

Большой интерес представляет собой найденная в Амисе и его окрестностях своеобразная керамика, на которой ясно сказываются древние каппадокийские традиции. Однако, поскольку эти вещи найдены были в большинстве случаев вместе с фрагментами эллинистической керамики, мы отложим их рассмотрение до последующих глав, посвященных эпохе эллинизма.

Глава 5

МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПО АНАБАСИСУ КСЕНОФОНТА (КОЛХИ, ДРИЛЫ И МОССИНОЙКИ)

Многие историки-кавказоведы пользовались в своих трудах Анабасисом Ксенофонта для характеристики племен, населявших восточную часть южного побережья Черного моря на грани V и IV вв. до н. э. Назову, например, «Историю грузинского народа» акад. И. А. Джавахишвили[1] и «Историю Грузии» Н. Бердзенишвили и С. Н. Джанашиа. Тем не менее вернуться к этой теме необходимо, ибо Анабасис заключает в себе, как мы полагаем, гораздо больше ценных сведений, способных пролить свет на интересующий нас вопрос, чем это могло бы показаться по названным работам. Недостаточное использование столь драгоценного и хорошо известного античного письменного источника, каким являются мемуары Ксенофонта, объясняется, на наш взгляд, прежде всего особым характером этого литературного произведения. Последний требует от историка, стремящегося почерпнуть из него данные о местных жителях северо-востока Малой Азии, особого подхода к себе, а именно детального ознакомления со всем текстом соответствующих глав, в том числе и с разделами, которые прямо не относятся к описанию местных племен, но в которых тем не менее встречаются попутные, очень ценные замечания на эту тему. Так как вопрос правильного использования текста Ксенофонта имеет принципиальное значение, то не лишним будет вкратце пояснить выдвинутое мной утверждение.

В небольшой заметке[2] я сравнивала значение Анабасиса для изучения племен юго-восточного Причерноморья со значением IV

---

[1] С этой работой, написанной на грузинском языке, я имела возможность познакомиться благодаря любезности А. И. Болтуновой, которая перевела на русский язык интересовавшие меня главы.

[2] М. И. Максимова. К Анабасису Ксенофонта. ВДИ, 1947, № 3, стр. 211 и сл. Здесь мне уже пришлось высказываться о досто-

книги Геродота для изучения Скифии. Это сопоставление, на мой взгляд правильно, поскольку оба произведения являются основными письменными источниками для изучения причерноморских племен. И тем не менее характер обоих трудов совершенно различен. Геродот прямо ставил своей целью собрать и сообщить читателю возможно большее количество сведений о Скифии и скифах, и для этого он специально приехал в Ольвию и собрал здесь материал всеми доступными для него способами, т. е. путем личных наблюдений, а главным образом путем распросов местных греков. Его работу поэтому можно назвать трудом историко-этнографическим. Ксенофонт никогда не имел в мыслях составить труд, специально посвященный быту и нравам местных племен юго-восточного Причерноморья. Его тема — описание похода греческого войска, и местные племена фигурируют в этом описании только постольку, поскольку эллины соприкасались с ними в течение нескольких месяцев, вступая с ними в мирное общение или ведя с ними войну. И надо признать, что Ксенофонт чрезвычайно последователен в проведении общей линии своего рассказа. Отступления у него редки, и поэтому большая часть сообщаемых им сведений о местных племенах вплетена в рассказ о различных эпизодах похода в виде необходимых для их уразумения описаний или в виде кратких попутных замечаний. От этого правила Ксенофонт отступает только в тех редких случаях, когда он наталкивается на явления, поражающие его воображение.

По дороге в Трапезунт с юга грекам пришлось преодолеть сопротивление колхов, встретивших их на границе своей области с целью преградить им путь в свою страну. Ксенофонт описывает это военное столкновение, окончившееся победой греков и вступлением их в область колхов, где они расположились на отдых «в многочисленных деревнях, полных продовольствия».[1] Вообще говоря, продолжает Ксенофонт, «здесь не было ничего, способного возбудить интерес эллинов, кроме большого количества ульев». Далее следует описание одуряющего меда и его действия на вкусивших мед эллинов. Необычайные свойства этого меда, совершенно незнакомые грекам, и вызвали небольшое отступление в рассказе Ксенофонта. Общий же уклад жизни колхов не содержал, по мнению автора Анабасиса, ничего, «способного возбудить интерес эллинов». Поэтому, хотя последние пробыли в области колхов больше месяца, Ксенофонт не дал

верности Анабасиса Ксенофонта как исторического источника, и я не буду возвращаться к этому вопросу.

[1] Xenoph., Anab., IV, 8, 20.

описания их быта и нравов, и сообщаемые им о них сведения заключаются в попутно оброненных в общем ходе повествования замечаниях. И только путем внимательного изучения отдельных эпизодов в жизни эллинского войска во время пребывания его в стране колхов и воссоздания окружающей их общей обстановки историк может получить представление и о некоторых сторонах жизни этого племени. То же самое относится и к большинству других племен юго-восточного Причерноморья, с той разницей, что иногда эпизоды похода, в которых греки сталкивались с теми или иными племенами, описаны особенно ярко и подробно, благодаря чему и черты, характеризующие эти племена, выступают особенно рельефно. Это справедливо, например, по отношению к таохам и дрилам. Из всех племен, с которыми познакомился Ксенофонт, особое внимание его привлекли к себе своеобразием своих обычаев в сущности только армены и моссинойки; говоря о них, он в виде исключения прерывает нить своего рассказа и вдается в этнографию.

Но если приходится высказать сожаление о скудости сообщаемых Ксенофонтом сведений о большинстве племен юго-восточного Причерноморья, то, с другой стороны, необходимо отметить как особо ценное свойство его изложения — это свежесть и непосредственность его наблюдений. Его рассказы основаны на собственных впечатлениях и переживаниях. Только в редких и всегда особо оговоренных случаях он дополняет их сведениями, полученными от других, хорошо осведомленных лиц, как было, например, во время пребывания эллинов у моссинойков. За этими редкими исключениями, наблюдения Ксенофонта взяты прямо из жизни, отчего они имеют исключительную ценность, особенно если принять во внимание, что в лице автора Анабасиса мы имеем образованного афинянина, человека, правда неглубокого, но обладавшего разносторонней любознательностью, известной для грека значительной объективностью в суждении о «варварах» и чрезвычайно добросовестного в передаче всего, что относилось к общей обстановке похода эллинского войска.

После битвы при Кунаксе под Вавилоном и последующего пленения стратегов греческие наемники Кира направились из Месопотамии на север, надеясь таким путем добраться до родины. Это происходило зимой 401 г. до н. э. Идя вдоль Тигра, греки подошли к области кардухов (нынешний Западный Курдистан), вступили в нее, и с этого момента начинается их знакомство с племенами, населявшими северо-восточную часть Анатолии. Пробиваясь силой или вступая с жителями в друже-

ские соглашения, греки проходят через область кардухов, Малую Армению, через области фазиан, таохов, горных халибов, скифинов, макронов и колхов и ранней весной 400 г. прибывают, наконец, в Трапезунт — «колонию Синопы в стране колхов». Под Трапезунтом греки провели около месяца. Отсюда они предприняли набег на область горного племени дрилов, подробно описанный Ксенофонтом. Из Трапезунта они направились на запад, дошли берегом до греческого города Котиор, пройдя через области моссинойков, халибов и тибаренов. В Котиорах греки сели на корабли и больше уже не сталкивались с местными племенами восточной половины южного Причерноморья.

Из перечисленных племен одни, как уже было сказано, описаны более, другие менее подробно, а о третьих не сообщается почти ничего, кроме их названий (например, о фазианах). Греческие колонии южного Причерноморья вероятно так или иначе имели сношения со всеми этими племенами, но непосредственными их соседями, соседями, с которыми греческим колонистам приходилось быть в постоянных, ежедневных сношениях, враждебных и дружественных, были только племена, жившие на побережье Черного моря и в прилегающих к нему горных местностях. Это — колхи, дрилы, моссинойки, халибы и тибарены. Настоящая глава посвящена главным образом дрилам и моссинойкам, так как эти племена наиболее подробно описаны в Анабасисе. Некоторые сведения можно найти там и о колхах, в стране которых находились города Трапезунт и Керасунт. О халибах же мы уже говорили в главе 1, а тибарены упоминаются в Анабасисе только мимоходом. Что касается колхов,[1] то на основании Анабасиса можно, во-первых, приблизительно установить южную и западную границы их расселения на грани V и IV вв. до н. э. Греческое войско подходило к их области с юга.[2] Пройдя с боем через границу, охраняемую колхами, греки расположились в деревнях и затем в два перехода прошли 7 парасангов и прибыли к Трапезунту. Итак, область колхов простиралась к югу от моря примерно на 7—8 парасангов. Хотя между иранистами нет согласия относительно величины парасанга,[3] но вряд ли греки, идя все время по горам,

[1] Мы будем говорить здесь только о колхах, живших по соседству с Трапезунтом и Керасунтом.

[2] Xenoph., Anab., IV, 8, 8 и сл.

[3] Одни ученые полагают, что это — постоянная величина, равная примерно 5 км; другие считают, что парасанг — лишь условная мера времени, потребная для прохождения определенного расстояния и, следовательно, величина переменная. Текст Анабасиса скорее согласуется с первым вариантом, так как можно заметить, что когда войско идет

могли в два перехода пройти больше 40 км. Примерно на таком расстоянии от моря проходила, следовательно, южная граница области колхов. Западная граница области колхов проходила несколько дальше города Керасунта, расположенного, как мы уже говорили, вероятно на расстоянии 50—60 км от Трапезунта по направлению к Котиоре.[1]

О хозяйстве и общественном строе колхов Анабасис сообщает мало. Неоднократно Ксенофонт упоминает о многочисленных деревнях, употребляя при этом термин κώμη. Так, после победы над войском, преграждавшим им путь в область колхов, греки расположились в многочисленных деревнях колхов (ἐν πολλαῖς κώμαις).[2] Затем, придя к Трапезунту, они разбили лагерь не в городе, куда их трапезунтцы не пустили, и не на трапезунтской земле, а в деревнях колхов,[3] расположенных, как видно из описания устроенных эллинами согласно обету агонов, на холмах у морского берега. Жители этих деревень были выгнаны из их домов. Они имели обыкновение собираться на окрестных горах и оттуда следить за греками, поселившимися в их деревнях, отчего греки не могли оставить лагеря без сильной охраны. Эту часть Колхиды Ксенофонт называет вражеской страной. Греки прожили здесь, под Трапезунтом, около месяца, ожидая прибытия кораблей, на которых они надеялись поехать домой. Так как у них не было денег для покупки продовольствия на открытом для них трапезунтцами базаре, то они жили грабежом окрестных селений. За добычей греки ходили целыми отрядами, причем, как говорит Ксенофонт,[4] «одни возвращались с добычей, а другие без нее», очевидно вследствие энергичного отпора со стороны колхов, третьи вообще не возвращались из подобных набегов, как, например, лохаг Клеайнет, который повел за добычей в трудно доступную местность свой и еще один лох и погиб вместе со многими из своих спутников. В версии о походе наемников Кира, сохранившейся в сокращенном виде у Диодора, об этом месяце, проведенном у Трапезунта, рассказывается еще, что греки «взяли из Трапезунта два небольших, ходивших на веслах судна и грабили окрестных варваров и с суши и с моря».[5]

по ровной местности, то оно проходит за один переход 5—7 парасангов, а при следовании через горы, число парасангов сокращается, как, например, в рассматриваемом случае.

[1] См. главу 4, стр. 71 и сл.
[2] Xenoph., Anab., IV, 8, 20.
[3] Xenoph., Anab., IV, 8, 23.
[4] Xenoph., Anab., V, 1, 17.
[5] Diod., Bibl., XIV, 30, 4.

Надо полагать, что эти подвергавшиеся набегам поселения принадлежали колхам, находившимся во враждебных отношениях не только со случайно пришедшим сюда эллинским войском, но и с постоянными жителями Трапезунта. По всей вероятности, именно трапезунтцы и указали наемникам Кира на возможность расположиться лагерем в приморских колхидских деревнях, следуя выработанной ими тактике по отношению к неожиданно появившейся в их краях грозной воинской силе. Эта тактика заключается в том, чтобы поддерживать с ней добрые отношения и всячески ограждать от нее себя и своих друзей, в то же время стремясь использовать ее для усмирения и устрашения враждебных им племен. Так, Ксенофонт рассказывает:[1] «Трапезунтцы хорошо приняли эллинов, предоставив им возможность покупать у них продовольствие и прислав им дары гостеприимства — коров, ячмень и вино. И, кроме того, они содействовали им при заключении договоров с ближайшими к Трапезунту колхами, жившими по большей части на равнине, и те тоже прислали им в дар рогатый скот».

Особенно показательный инцидент произошел в конце пребывания греков под Трапезунтом. Все ближайшие деревни враждебных колхов уже были к тому времени ограблены, и грекам пришлось предпринять экспедицию в более отдаленную местность. Вожаками у них были трапезунтцы. Для наемников Кира не существовало большой разницы между мирными и немирными колхами. Трапезунтцы же были кровно заинтересованы в сохранении добрых отношений с мирными колхами и, с другой стороны, были очень рады возможности чужими руками нанести сильный ущерб своим врагам, с которыми они, видимо, плохо справлялись собственными силами.

Итак, совершенно ясно, что в то время, о котором пишет Ксенофонт, колхи — близкие и дальние соседи Трапезунта — делились на мирных и немирных по отношению к этому городу. Те и другие жили в деревнях, первые по большей части на ровной местности, в окрестностях Трапезунта, а вторые в горах и предгорьях по берегу моря и в некотором отдалении от него.

Никаких прямых указаний на социальный строй колхов в Анабасисе не содержится, но уже один факт их раздробленности и деления на мирных и немирных говорит в пользу того, что никакого общеплеменного объединения у них в это время еще не было.

Не подлежит сомнению, что мирные отношения между Трапезунтом и окрестными колхами основывались на торговых

---

[1] Xenoph., Anab., IV, 8, 23.

сношениях, и с помощью Ксенофонта и других источников можно установить, какие продукты колхов могли интересовать греческих колонистов Трапезунта.

Неоднократно Ксенофонт попутно говорит об обилии продовольствия у колхов, но высказывает это в общей форме, без уточнения. Конкретно упоминается рогатый скот.[1] Можно, следовательно, с уверенностью говорить о развитии у колхов скотоводства, по всей вероятности горного скотоводства, так как кроме узкой прибрежной полосы их область была сплошь гористой.

О культивировании у колхов хлебных злаков в Анабасисе ничего не сказано, но земледелие у них, конечно, существовало, хотя оно и не являлось ведущей отраслью хозяйства. О знакомстве колхов с земледелием можно судить по различным косвенным данным, к которым следует причислить найденные в их области мотыги, относящиеся еще к «кобанской» эпохе, о чем упоминалось в главе 1 настоящей книги. Культура хлебных злаков существовала и у соседей колхов — моссинойков (см. стр. 138). О земледелии говорят и прямые свидетельства некоторых античных писателей, в первую очередь Геродота. Они касаются широкой известности в древнем мире колхидского полотна, и эти сведения нашли себе недавно подтверждение в археологических памятниках. Геродот[2] рассказывает, что колхи выделывают полотно каким-то особым способом, известным только им и египтянам. Другие авторы тоже говорят о льноводстве в этих областях. Так, в Анабасисе упоминаются льняные панцыри горных халибов,[3] а Страбон говорит, что Колхида производит много льна и что ее льняные изделия пользуются известностью, ибо они служат предметом вывоза.[4] Материалы, добытые археологическими экспедициями Грузинской академии наук в 30-х годах текущего столетия в селении Даблагоми, расположенном на холмах, окружающих Колхидскую низменность, дали интересные данные о развитии производства полотна в Колхиде. Здесь были найдены «глиняные пряслица различных размеров и форм (плоские и конические), отпечатки полотна на погребальных сосудах, использованные как орнамент, и остатки самого полотна».[5] По свидетельству

---

[1] Xenoph., Anab., IV, 8, 24; V, 7, 13.
[2] Herod., II, 105.
[3] Xenoph., Anab., IV, 7, 5.
[4] Strab., XI, 2, 17.
[5] Н. Хоштария. Древнее поселение в Даблагоми. Тезисы к диссертации. Тбилиси. 1941, стр. 8. Ср.: Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II, стр. 111 и сл. В последнем труде

Н. Хоштария, полотно тонкое, иногда сложного «киперного» переплетения. Датирует она эти памятники V—IV вв. до н. э.

Помимо полотна, Колхида славилась также медом и воском. Как Ксенофонт,[1] так и Диодор[2] подробно рассказывают о действии одуряющего меда, вкушенного греками в колхидских деревнях. О колхидском меде упоминают и многие другие древние писатели. Говоря о вывозе из Понта меда и воска, Полибий,[3] наверное, имел в виду продукты Колхиды.

Приведенная на рис. 2 карта свидетельствует о богатстве области колхов рудными месторождениями. О развитии у этого племени металлургии можно судить по кладам, упомянутым нами в главе 1. Геродот рассказывает, что колхи, входившие в состав армии Ксеркса, были вооружены копьями и ножами.[4] Широко развиты были у колхов также деревообработка[5] и кожевенное дело.[6] Один из наиболее ярких эпизодов во время пребывания наемников Кира на южном берегу Черного моря — это грабительский набег на дрилов, подробно описанный в Анабасисе.[7] Из этого рассказа можно почерпнуть довольно много сведений о данном племени.

Дрилы упоминаются немногими античными авторами, в том числе Аррианом,[8] который, подобно Ксенофонту, лично бывал в окрестностях Трапезунта. В его время племени, именовавшегося дрилами, в тех местах уже не было. Арриан, прекрасно знавший Анабасис Ксенофонта и в своих трудах постоянно на него ссылавшийся, описывая окрестности Трапезунта, вспоминает рассказ Ксенофонта о набеге на дрилов, а также характеристику этого племени, содержащуюся в рассказе, и предположительно отождествляет дрилов с племенем саннов, обитавшим в его время в горах у Трапезунта и, так же как дрилы, отличавшимся воинственностью и нежеланием вступать в сношения с греческими колониями.

Относительно области, принадлежавшей ксенофонтовским дрилам, существует предположение, высказанное Томашеком,[9] будто это — местность, расположенная вокруг перевала Зи-

---

собраны интересные данные о ткацком ремесле в Колхиде, начиная с эпохи кобанской культуры.

[1] Xenoph., Anab., IV, 8, 20.
[2] Diod., Bibl., XIV, 30, 1.
[3] Polyb., 38, 4.
[4] Herod., VII, 79.
[5] Vitruv., II, 1, 4. См. также ниже, стр. 128 и сл.
[6] Геродот говорит, что у колхов щиты были из воловьей кожи.
[7] Xenoph., Anab., V, 2.
[8] Arr., Peripl., 11.
[9] RE, s. v. Drilai.

гана. Следует сказать, что никаких данных для подобного утверждения у нас не имеется. Между тем, если бы это предположение подтвердилось, то оно имело бы немаловажное значение для оценки общей обстановки, в которой находился город Трапезунт на рубеже V и IV вв. до н. э., так как перевал Зигана — единственный в тех местах более или менее удобный перевал через Северо-Анатолийские горы, и через него идет сейчас и несомненно шел в древности торговый путь из Трапезунта на Байбурт и Эрзерум и далее в Армению. Если этот перевал занят был племенем дрилов, резко враждебных по отношению к Трапезунту, то тем самым должен был бы быть парализован товарообмен между Трапезунтом и внутренними областями северо-восточной Анатолии. Но, поскольку греческое войско, направляясь в Трапезунт, не могло миновать этого перевала, а с дрилами оно тогда не встречалось, то с гипотезой Томашека трудно согласиться. Из Анабасиса о месте пребывания дрилов мы узнаем, что они жили в высокогорной, трудно доступной местности, а их главное поселение находилось на расстоянии примерно 6—8 часов ходьбы от Трапезунта.[1]

Набег греков на страну дрилов вызван был необходимостью достать продовольствие. Исчерпав резервы ближайших местностей, пришлось предпринять экспедицию за продовольствием в более отдаленную область. В качестве вожаков приглашены были трапезунтцы, и те, как говорит Ксенофонт, «не повели эллинов туда, откуда легко было достать продовольствие, так как эти люди были их друзьями. Но они с готовностью повели их на дрилов, которые причиняли им много неприятностей, в страну гористую и мало доступную, против самого воинственного из припонтийских племен».[2]

В экспедицию отправилась половина греческого войска, т. е. четыре тысячи с лишним воинов,[3] и, кроме того, большое количество носильщиков, которые должны были нести награбленное продовольствие. Взойдя на горы по крутому, тесному и опасному подъему, греки оказались в стране дрилов. Они прошли мимо нескольких укрепленных поселений (χωρία), по мнению дрилов, недостаточно сильных для успешной обороны, почему они были оставлены населением и преданы огню.

[1] Это расстояние можно вычислить следующим образом. Набег греков происходил ранней весной, вероятно, в начале марта. Греки выступили из лагеря рано утром и, придя к главному поселению дрилов, не сразу пошли на приступ. Сумерки наступили, когда бой еще не был окончен.

[2] Xenoph., Anab., V, 2, 2.

[3] По произведенному вскоре после набега подсчету в греческом войске оказалось 8600 бойцов (Xenoph., Anab., V, 3, 3).

«Здесь, — говорит Ксенофонт, — нечего было взять, кроме разве свиньи или коровы или другой какой скотины, уцелевшей от огня». Следуя тактике опустошения собственной страны, дрилы стремились сосредоточить оборону в одном пункте — их главном укрепленном поселении (χωρίον μητρόπολις). Сюда собрались обитатели сожженных поселений, сюда же были согнаны их стада — главное их богатство — и здесь грекам было оказано решительное сопротивление, увенчавшееся успехом. Грекам, правда, удалось поживиться богатой добычей и уничтожить часть поселения, но полной победы они одержать не сумели и рады были вернуться в свой лагерь без больших потерь.

В рассказе об этих событиях для нас особенно интересно описание укрепленного поселения. Находилось оно на месте, которое от природы было почти неприступным. Повидимому, то был горный отрог, окруженный глубоким ущельем. Чтобы подойти к городу, надо было предварительно спуститься в ущелье и затем подняться вверх, причем спуск и подъем происходили по тропинке такой узкой, что по ней можно было итти лишь в одиночку. Поселение не примыкало непосредственно к ущелью, но стояло несколько отступя от него. Перейдя через ущелье, греческое войско, готовясь к штурму, выстроилось перед городом, причем строй имел форму полумесяца. Поселение было окружено широким рвом с валом, а на валу сооружен был частокол, с расставленными на небольшом расстоянии друг от друга деревянными башнями. Вход в поселение проходил через узкие ворота. Внутри ограды находились деревянные дома. Ксенофонт упоминает только одну улицу, которая вела от ворот к цитадели и по обеим сторонам которой стояли деревянные дома. Кроме того, в Анабасисе говорится о том, что дома подходили к самому частоколу, и это, повидимому, указывает на более или менее сплошную застройку всей площади города. Однако там несомненно имелись и какие-то открытые участки, где расположился между прочим согнанный сюда из других поселений скот, который был виден грекам еще до вступления в пределы города. Очевидно, частокол не был очень высоким, однако вся оборонительная система оказалась достаточно надежной, и легко вооруженные передовые отряды греков не сумели взять город с налета. Они были отбиты и попали в опасное положение. Только когда подоспели гоплиты и предпринят был штурм по всем правилам греческого военного искусства, нападающие ворвались в город. Дрилы тогда отступили в акрополь, который находился в конце главной улицы, повидимому, в конце города, противоположном

воротам. Греки хотели последовать за ними туда, но стратеги, обозрев акрополь издали, пришли к выводу о его полной неприступности и отказались от мысли взять его штурмом. Пока греки грабили город, дрилы произвели вылазку из цитадели и чуть было не опрокинули захватчиков. В греческом войске началась паника, с трудом ликвидированная, и эллины очутились в большой опасности, тем более что уже наступила ночь и на окрестных высотах появились «новые враги», т. е., надо думать, дрилы, обитавшие в не затронутых греками частях страны и явившиеся на помощь к своим соплеменникам. Греки спаслись только благодаря тому, что начавшиеся пожары надоумили их разобрать деревянные постройки и сложить из них большие костры, которые преградили путь напавшим на них из акрополя дрилам. Под защитой костров греки, забрав добычу, благополучно перешли ущелье, а на утро пустились в обратный путь, причем дрилы преследовали их по пятам чуть ли не до самого Трапезунта, и грекам приходилось прибегать к хитростям, чтобы избавиться от нападения в опасных местах, например при спуске с гор в низину Трапезунта.

На основании приведенного рассказа о походе греков в область дрилов невозможно, конечно, дать развернутой характеристики хозяйственного и общественного строя этого племени, однако все же из него можно извлечь ценные в этом отношении указания. Основываясь на них и с помощью параллельного археологического материала из Закавказья, можно попытаться разрешить эту задачу хотя бы в самых общих чертах.

Дрилы жили в высокогорном районе восточной части Северо-Анатолийской горной цепи, недалеко от Трапезунта. Из рассказа Ксенофонта явствует, что главное богатство дрилов заключалось в стадах. Неоднократно упоминается рогатый скот, а также свиньи и бараны. Убегая от греков, дрилы угоняют и свои стада. Повидимому, скотоводство было основой их хозяйства, при этом скотоводство пастушеское, с угоном скота летом в горы на яйла и с возвращением на зиму в горные долины, где у них имелись укрепленные поселения. Как уже указывалось, греки совершили свой набег в начале марта, и потому они еще застали людей и скот в поселениях.

О развитии у них ремесел можно судить по описанному Ксенофонтом вооружению дрилов и их постройкам и укреплениям. Изобилие леса в этих участках Северо-Анатолийских гор давало населению возможность широко развить деревянное строительство и обработку дерева. Судя по Анабасису, не только жилые дома, но и оборонительные сооружения дрилов (частоколы и деревянные башни) были из дерева. Знали

дрилы и обработку металла, а также кожевенное дело. Ксенофонт говорит, что они были вооружены копьями, а оборонительное оружие их состояло из щитов, поножей и пафлагонских шлемов; последние же, согласно свидетельству Геродота,[1] по всей вероятности, сплетались из ремней.

Для выяснения уровня общественного развития, которого достигли дрилы к 400 г. до н. э., большое значение имеют описанные Ксенофонтом укрепленные поселения, тем более что в данном случае имеется, как нам кажется, возможность сравнить их с археологическими памятниками, а именно с циклопическими сооружениями Закавказья.

Но прежде чем перейти к этому сравнению, необходимо отметить большую определенность и точность терминологии Ксенофонта, касающейся обозначения различных типов поселений, встречаемых им на своем пути, и последовательность, с которой он эти термины употребляет. Во-первых, он знает деревню — поселение κώμη, не рассчитанное на оборону как по своему местоположению, так и по отсутствию в нем искусственных укреплений. В таком поселении живет, например, население северной Месопотамии, а также кардухи, армены и часть колхов. От деревни отличается χωρίον — укрепленное поселение или укрепленный пункт. Главное его отличие от κώμη заключается в том, что для его постройки выбирается местность, доступ к которой представляет бо́льшие или меньшие трудности, и что, кроме того, он снабжается искусственными укреплениями. Ксенофонт знает два или, вернее, три типа таких χωρία. Первый тип — это укрепленный пункт, не предназначавшийся для жилья. Такие χωρία имелись, например, у таохов.[2] «Таохи, — рассказывает Ксенофонт, — жили в неприступных χωρία, куда были снесены и все их запасы». Эллины хитростью завладели одним из таких пунктов, причем оказалось, «что оно не представляло собой города и даже не имело домов». Таким образом, этот хорион, по крайней мере хорион таохов, не был поселением, а лишь крепостью-убежищем на случай нападения врагов. По тексту Ксенофонта при упоминании им χωρία часто невозможно бывает установить, имеет ли он в виду убежище или укрепленное поселение, но в некоторых случаях совершенно ясно, что речь идет об укрепленном поселении, т. е. о втором типе χωρίον'а. Таковыми, надо думать, были χωρία дрилов, покидаемые ими при появлении греческого войска, так как в Анабасисе говорится о поджоге в них деревян-

[1] Herod., VII, 72.
[2] Xenoph., Anab., IV, 7, 2.

ных построек, а также χωρία массинойков, о которых подробнее будет сказано ниже. Третий тип хорионов у Ксенофонта — это χωρίον μητρόπολις, главное укрепленное поселение с домами, улицами и цитаделью, построенное в трудно доступном по естественным условиям пункте и укрепленное мощными оборонительными сооружениями. Такие «столицы» имелись у дрилов и моссинойков.

Наконец, Ксенофонт употребляет еще термин πόλις, который он определенно отличает от χωρίον.[1] Это — город в нашем понимании этого термина, т. е. крупное поселение, жители которого по своим занятиям фактически оторваны от земли. Описаний городов Ксенофонт не дает, ограничиваясь обычно только тремя эпитетами: οἰκουμένη, μεγάλη, εὐδαίμων — «многолюдный», «большой», «богатый», — прилагаемыми к названию города в совокупности или в одиночку. В припонтийских областях помимо греческих колоний Ксенофонт относит к категории полисов только город Гимниаду, находящийся в стране скифинов,[2] надо полагать, где-нибудь недалеко от современного Байбурта. Следовательно, многочисленные «города» табалов, мосхов, диауэхов и других племен восточной Анатолии, упоминаемые в победных надписях ассирийцев и урартийцев, должны быть расшифрованы не как города в нашем понимании этого слова, а как укрепленные поселения — χωρία по терминологии Ксенофонта.[3]

Именно такими укрепленными поселениями считает И. И. Мещанинов города местного населения Армении и, в частности, у озера Севан, упоминаемые в победных надписях царей Урарту.[4] Как я постараюсь сейчас показать, между χωρία дрилов и моссинойков, с одной стороны, и циклопическими сооружениями Закавказья, с другой, существует большое сходство в отношении

---

[1] На протяжении всего Анабасиса можно заметить только один случай смешения этих терминов (Xenoph., Anab., V, 4, 31). Ксенофонт здесь называет поселения моссинойков полисами, перед этим неоднократно обозначая их словом «хорион».

[2] Xenoph., Anab. IV, 7, 19.

[3] В данном отношении мы расходимся с И. А. Джавахишвили, который в своей «Истории Грузии» принимает города припонтийских племен, упоминаемые в надписях Ассирии и Урарту, за города в нашем смысле слова, объясняя отсутствие у них таковых во времена Ксенофонта деградацией этих племен после их переселения к Понту. Допуская возможность известной деградации в неблагоприятных условиях, мы, однако, полагаем, что исторически невозможен обратный скачок от жизни в городских центрах к первобытно-общинному строю со скотоводством в качестве основы хозяйства.

[4] И. И. Мещанинов. Циклопические сооружения Закавказья. Изв. ГАИМК, 1932, т. XIII, вып. 4-7.

их планировки и назначения, хотя строительным материалом в одном случае служит камень, а в другом дерево.

Как мы видели, укрепленные поселения дрилов были двоякого рода: менее укрепленные, каковых было много, и одно сильно укрепленное поселение, так сказать «столица», которое Ксенофонт называет метрополией и которое служило для всего племени центром сопротивления врагу. Совершенно такую же картину можно наблюдать у моссинойков, живших далее на запад, между Керасунтом и Котиорами.[1] В течение 8 дней шли греки по области моссинойков, после того как они овладели расположенной у ее восточной границы «столицей». Во время этого похода по местности, изобилующей горами и ущельями, они постоянно проходили мимо укрепленных поселений, отстоявших друг от друга в среднем стадий на 80, т. е. примерно на 14 км, причем, как передает Ксенофонт, большая часть их была укреплена слабо, отчего жители не пытались их защищать, но при приближении эллинов либо покидали поселение, либо сдавались без боя. Судя по повествованию Ксенофонта, сильно укрепленных поселений у моссинойков было не одно, а несколько. Это можно заключить из его слов о том, что большая часть поселений была легко доступна, откуда следует, что меньшая их часть была трудно доступна. Неизвестно, сколько таких сильно укрепленных поселений было у дрилов, так как греки прошли только через часть их территории. Но как у моссинойков, так, повидимому, и у дрилов из сильно укрепленных поселений выделяется одно, которое Ксенофонт называет главным — χωρίον μητρόπολις или просто μητρόπολις. Судя по пояснению, даваемому Ксенофонтом относительно «метрополии» моссинойков, пояснению, почерпнутому им, повидимому, из слов некоего гражданина Трапезунта Тимесития, сопровождавшего греков во время их похода по южному побережью Черного моря и состоявшего проксеном моссинойков, «столица» эта была не только наиболее надежным оплотом обороны для всего племени или даже для союза данных племен, но в то же время и своего рода центром всей области моссинойков. Там находился акрополь, и племя, владевшее им, тем самым становилось господствующим над всеми моссинойками. Владение акрополем было обусловлено какими-то правами, а не просто силой, и в момент прибытия туда греческого войска между моссинойками происходила междуусобная война, именно потому, что одно племя завладело метрополией не по праву, а путем насилия. Расположена была «столица»

[1] Xenoph., Anab., V, 4.

моссинойков высоко в горах, повидимому около перевала через горный хребет, преграждавший путь вдоль морского берега. Подъем к ней был длинен и труден. На пути находился еще один укрепленный пункт, который грекам пришлось предварительно взять, прежде чем атаковать «столицу». Ксенофонт не дает описания «столицы», но судя, по тому, что она сгорела во время сражения, надо полагать, что ее постройки и укрепления были, как и у дрилов, деревянные. Диодор передает, что дома моссинойков представляли собой семиэтажные башни.[1] В самой верхней части «столицы» находился акрополь — τὸ ἀκρότατον, где постоянно пребывал царь — βασιλεύς.

Сравним теперь хорна дрилов и моссинойков с тем, что нам известно о циклопических сооружениях Закавказья. Изучение этих памятников выразилось пока главным образом в разведках, регистрации памятников и их поверхностном исследовании, а также в сборе подъемного материала и в частичных, незначительных раскопках в селищах и некрополях, связанных с циклопическими сооружениями.[2]

Циклопические сооружения встречаются в большом числе в Закавказье, в Армении, Грузии и Азербайджане. Северной границей их распространения является река Ганджа. О количестве подобных сооружений можно судить по тому, что в пределах одного Азербайджана, по примерному подсчету Джафар-Заде, их насчитывается до 300 единиц.[3]

Между исследователями этих памятников еще не достигнуто полного согласия ни по вопросу о их датировке, ни по вопросам, связанным с их назначением. Все исследователи хронологически распределяют циклопические сооружения на многие века, относя наиболее поздние из них к эпохе феодализма. Относительно нижней их хронологической границы были попытки отодвинуть ее до неолита (Т. Тораманян) и до медно-бронзового века (Б. А. Куфтин).[4] Однако Б. Б. Пиотровский,[5] а также ряд других ученых на основании археологических разведок утверждают, что наиболее древние из этих поселений относятся к

---

[1] Diod., Bibl., XIV, 30, 6.

[2] Результаты этих работ в самой общей форме изложены Б. Б. Пиотровским в его книге «Урарту» (стр. 18 и сл.), а также в статье «Археологическое изучение древнейшего Закавказья» (ВДИ, 1947, № 3, стр. 184 и сл.; здесь же дается и литература по данному вопросу).

[3] М. Джафар-Заде. Циклопические сооружения Азербайджана. Тр. Азерб. фил. АН СССР, т. 55, 1938, стр. 17.

[4] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. 1941, стр. 108 и сл.

[5] Б. Б. Пиотровский. Урарту, стр. 19.

«эпохе бронзы», т. е. к концу II и началу I тысячелетия до н. э.[1] Что касается назначения циклопических сооружений, то существует разногласие между исследователем Азербайджана Джафар-Заде и теми учеными, которые изучали циклопические сооружения Армении. Последние видят в них крепости или по крайней мере сооружения, связанные с обороной, в то время как Джафар-Заде, исследовав 59 циклопических сооружений Азербайджана, пришел к выводу об их культовом характере и назначении.[2]

Не имея возможности выработать собственную точку зрения на правильность или неправильность выводов Джафар-Заде, мы, однако, полагаем, что относительно циклопических сооружений Армении не может быть сомнений в их оборонном характере, что подтверждается не только тем, что для их построения выбирались «холмы, господствующие над местностью, с крутыми, труднодоступными склонами»,[3] но также и другими данными, в частности урартскими надписями, перечисленными в указанных работах И. И. Мещанинова, Б. Б. Пиотровского и Л. Т. Гюзальяна и найденными у озера Севан (частично in situ, т. е. в самих сооружениях: например, Нор-Баязетская надпись) и повествующими о захвате многочисленных местных городов и о постройке в них цитаделей.

Исходя из понимания циклопических сооружений Армении как сооружений оборонного характера, Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян дают следующую рабочую схему для их классификации, оговариваясь, что они не считают ее окончательной и полагают, что последующие исследования и раскопки несомненно внесут в нее существенные коррективы. Пиотров-

---

[1] А. А. Аджан, Л. Т. Гюзальян и Б. Б. Пиотровский. Циклопические крепости Закавказья. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 1—2, стр. 61—64. — Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян. Крепости Армении доурартского и урартского времени. Пробл. истории матер. культуры, 1933, № 5—6, стр. 51—59. — И. И. Мещанинов, ук. соч. — М. Джафар-Заде. 1) Циклопические сооружения Азербайджана. Тр. Азерб. фил. АН СССР, т. 55, 1938, стр. 12; 2) Циклопические сооружения Азербайджана. Изв. Азерб. фил. АН СССР, III, 1938, стр. 37; IV, 1939, стр. 67.

[2] М. Джафар-Заде. Циклопические сооружения Азербайджана. Тр. Азерб. фил. АН СССР, т. 55, 1938, стр. 52. Основывается он при этом на следующих наблюдениях: 1) расположение сооружений в легкодоступных местностях, 2) ограниченность их внутренней площади, 3) небольшая высота стен (до 3 м) и 4) отсутствие родников или водохранилищ.

[3] Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, ук. соч., стр. 59.

ский и Гюзальян различают четыре группы поселений-крепостей, из которых нас особенно интересуют две группы.

Первая группа, относимая указанными авторами к доурартскому и урартскому временам, увязывается с могильниками бронзового века. Само укрепление, небольшое по площади, помещается на вершине трудно доступного холма. Поселение, не обнесенное стеной, располагается в ложбине, вокруг холма, занимая и его склоны (Хаджи-Халил, Хором I, Согютлу).

Вторая группа поселений-крепостей, часть которых связана с клинообразными надписями (Колагран, Нор-Баязет, Атамхан), датируется урартским временем. Поселения этой группы, сосуществующие, повидимому, с поздними поселениями первой группы, уже целиком обнесены стеной, причем в них всегда выделяется небольшой по площади участок (акрополь), огражденный мощной стеной, защищающей его не только с внешней стороны, но и со стороны прилегающего поселения.[1]

Поселения третьей группы уже носят характер городов. Стены их охватывают целую систему холмов, причем цитадель еще остается в пределах общей ограды. Дата этих поселений пока не установлена.

Четвертая группа — это феодальные замки, отделившиеся от поселений. Они связаны с христианскими памятниками и относятся к раннему средневековью.

Конечно, при недостаточной еще изученности циклопических сооружений Закавказья и при фрагментарности тех сведений об укрепленных поселениях припонтийских племен, которые можно почерпнуть из Анабасиса Ксенофонта, нельзя провести детального сравнения между этими двумя рядами памятников. Однако имеющихся в нашем распоряжении данных, как мне кажется, достаточно для того, чтобы утверждать, что в общем и целом это явления одного и того же порядка, одинакового исторического значения. Действительно, если только отрешиться от бросающегося в глаза, но в сущности внешнего отличительного признака — иного строительного материала (камень и дерево), что обусловлено местными природными ресурсами, то между первой и второй группами циклопических сооружений, с одной стороны, и двумя видами ксенофонтовских хориа — с другой, обнаружится весьма далеко идущее сходство. В обоих случаях мы имеем перед собой укрепленные пункты, воздвигаемые на специально выбранных, трудно доступных возвышенностях. Как мы видели, Ксенофонт

---

[1] Планы поселений первой и второй групп приведены в указанной работе И. И. Мещанинова (стр. 66, рис. 17).

знает два вида хорна — слабо укрепленные и сильно укрепленные. Слабо укрепленные хорна соответствуют первой группе циклопических сооружений Закавказья. Циклопические сооружения Армении второго вида находят себе близкую аналогию в «метрополиях-столицах» Ксенофонта. И тут и там все поселение обнесено оборонительной стеной, причем внутри поселения выделен участок — акрополь или цитадель, особо укрепленный не только с внешней стороны, но и со стороны поселения.

Аналогия между первыми двумя группами циклопических сооружений Армении и хорна припонтийских племен распространяется и на известную координацию, которая существовала между слабо и сильно укрепленными поселениями и между циклопическими сооружениями первой и второй групп. Из Анабасиса вытекает, что у припонтийских племен во время Ксенофонта слабо и сильно укрепленные хорна существовали одновременно, причем они в какой-то мере были объединены в одно целое, поскольку «столица» была своего рода центром, вокруг которого группировались слабо укрепленные поселения. Авторы предварительной классификации циклопических сооружений Армении ставят первую и вторую группы сооружений в известную хронологическую последовательность, датируя первую группу доурартским временем, а вторую — урартской эпохой, допуская, однако, возможность сосуществования поздних представителей первой группы с поселениями второй группы. Последнее обстоятельство, т. е. сосуществование двух типов поселений в урартскую эпоху, несомненно имело место в стране Уеликухи, расположенной у озера Севан. Согласно урартской надписи, повествующей о покорении этой страны, там находилось 22 города, из которых только один считался «царским» городом,[1] — картина, ближайшим образом напоминающая то положение, которое Ксенофонт застал у припонтийских племен дрилов и моссинойков.

Как ни скудны перечисленные выше сведения о припонтийских племенах, все же мы можем почерпнуть из них некоторые данные относительно общественного строя этих племен. Во-первых, факт появления укрепленных поселений свидетельствует, надо полагать, о накоплении богатства (главным образом скота), которое надо было охранять во время войны. О вождях дрилов Анабасис не содержит никаких сведений. Конечно, у различных племен власть вождей могла носить различный характер. Если правильны мои приводимые ниже соображения

[1] И. И. Мещанинов, ук. соч., стр. 85.

относительно басилевсов моссинойков, то у этого племени власть вождей была, видимо, тесно связана с какими-то религиозными представлениями и функциями.

Отдельные родоплеменные объединения были вполне самостоятельны в смысле своих внешних сношений.[1] Это можно вывести между прочим из того, что часть колхов около Трапезунта была в дружбе и союзе с этим городом, тогда как другая часть враждовала с ним. Как мы видели, у моссинойков отдельные племена враждовали друг с другом, и дело доходило до военных столкновений. И все же эти самостоятельные племена в глазах других племен и народов представляли собой некое единство. Такие крупные припонтийские племенные союзы, как моссинойки и тибарены и некоторые другие, вошли в состав учрежденных персидским царем Дарием сатрапий, причем каждая из этих сатрапий платила определенную дань; отсюда следует, что каждый союз воспринимался как конкретное единство.

Мы не знаем, в каком отношении находились рассмотренные нами укрепленные поселения к отдельным родам и племенам, входившим в состав этих крупных племенных союзов. Естественно предположить, что слабо укрепленные хорна принадлежали отдельным родам, а «столица» была своего рода центром для племени; но, конечно, здесь могли быть различные варианты.

Основой хозяйства припонтийских племен, как мы видели, было скотоводство. Земледелие, особенно у племен, обитавших в высокогорных областях, например у дрилов, могло играть только подсобную роль вследствие недостатка пахотной земли. Накопление богатств шло, следовательно, по линии роста стад, а это требовало обширных и удобных пастбищ. Надо полагать, что именно на этой экономической почве — борьбе за пастбища — и активизировалась вражда между племенами. Отсюда появление тех укрепленных убежищ и поселений, с которыми мы уже познакомились, отсюда же и вечная вражда между соседними племенами, отмечаемая Ксенофонтом на всем пути прохожде-

[1] Племенные объединения были различны по своей численности. В одном случае Анабасис дает нам возможность составить себе приблизительное представление о численности одного племенного объединения моссинойков. Как уже говорилось, во время пребывания греческого войска у Черного моря у моссинойков шла междоусобная война из-за обладания «столицей». Греки заключили союз с моссинойками, желавшими захватить «столицу», и те прислали к ним свое войско для совместных действий. Войско состояло из 600 бойцов, прибывших в 300 лодках, из которых каждая управлялась одним гребцом. Весь отряд состоял, следовательно, из 900 человек.

ния греческого войска от области кардухов до области тибаренов у Котиоры (соврем. Орду). Так, обширные участки земли, прилегавшие к пограничной между арменами и кардухами реке Кентриту (соврем. Бохтан), были пустынны и не заселены, ввиду того что там происходили постоянные военные столкновения между кардухами и арменами.[1] О распрях между арменами, фазианами и горными халибами, подчиненными в это время персидскому сатрапу Тирибазу, в Анабасисе ничего не говорится, но, как только греческое войско вступает в область автономных племен, оно вновь становится свидетелем ожесточенной между ними вражды. Правитель (архонт) той области, в которой находился уже упоминавшийся нами город Гимниада, по всей вероятности, области скифинов, прислал эллинам вожака, который обещал им в течение пяти дней довести их до места, откуда они увидят море. Для этого им нужно было пройти через область, враждебную обитателям области Гимниады (были ли то одноплеменники или нет — об этом ничего в Анабасисе не сказано). Когда греческое войско вступило в эту область, то вожак стал подстрекать эллинов жечь и разрушать страну, «откуда стало ясным, что он пошел ради этой цели, а не из расположения к эллинам».[2] За областью этих безымянных врагов жителей Гимниады находилась область макронов, а за макронами жили колхи. Прямых указаний на враждебные между ними отношения в Анабасисе не встречается, но там повествуется о чрезвычайно интересном эпизоде, который косвенно на это намекает.[3] Когда греки подошли к реке, за которой начиналась область макронов, то макроны выстроились на своем берегу и стали бросать в греков камнями, ободряя друг друга возгласами. Один из пельтастов в греческом войске, бывший ранее рабом в Афинах, понял их речь, и это навело его самого на мысль о том, что он родом макрон, чего он, очевидно, до того времени не знал. Повидимому, он был еще мальчиком взят в плен при каком-то военном столкновении, скорее всего между макронами и колхами, и продан этими последними греческим колонистам, откуда он тем же порядком попал затем в Афины. Яркий пример межплеменной вражды дают, как мы видели, моссинойки, среди которых шла война из-за главенства над всеми моссинойками. Здесь, следовательно, налицо имелось не только покорение других племен (халибов), но и попытки узурпации привилегированного положения одним племенем среди других племен одного племенного союза.

[1] Xenoph., Anab., IV, 4, 1.
[2] Xenoph., Anab., IV, 7, 20.
[3] Xenoph., Anab., IV, 8, 4.

Посмотрим теперь, в каких отношениях находились припонтийские племена с греческими колониями, расположенными в их областях. Картина, рисуемая в этом отношении Анабасисом, довольно пестра. Далеко не все племена, соседние с греческими колониями, на рубеже V и IV вв. были втянуты с ними в обмен. Так, среди колхов, в стране которых расположены были Трапезунт и Керасунт, были племена мирные, состоявшие в союзе с Трапезунтом, и добрыми отношениями с этими племенами трапезунтцы очень дорожили: но были и племена немирные, на разорение деревень которых наемниками Кира трапезунтцы смотрели равнодушно. Рядом в горах жили дрилы, резко враждебно относившиеся к греческому городу. Мирно были настроены по отношению к грекам тибарены, в области которых находился город Котиора. В обширной области моссинойков и соседней с ней области подвластных моссинойкам халибов не было греческих городов; тем не менее между Трапезунтом и моссинойками существовали сношения, и отдельные граждане Трапезунта состояли проксенами моссинойков и хорошо знали их страну. Об этом племени Ксенофонт сообщает довольно много сведений, в которых необходимо разобраться для получения более точного представления о хозяйственном и общественном уровне их развития в это время. Это в свою очередь поможет нам лучше понять, какие торговые интересы влекли в область моссинойков трапезунтцев.

Область моссинойков находилась у моря, между городами Керасунт и Котиора. Область была гористой и довольно густо населенной. Ксенофонт обратил внимание на зерновое хозяйство моссинойков. При грабеже поселений греки увидели запасы хлеба, «по завету отцов, заготовленные из урожая прошлого года. Новый же хлеб лежал в стебле, и то была по большей части полба».[1] Тем не менее, едва ли можно думать, что земледелие было здесь ведущей отраслью сельского хозяйства. Таковой, надо думать, как и у других припонтийских племен, было скотоводство. Правда, Ксенофонт нигде не упоминает о стадах моссинойков, но это не должно нас удивлять, если мы вспомним применяемый им в его мемуарах метод отмечать только то, что кажется ему «достойным внимания», т. е. необычным и своеобразным. О том, что земледелие едва ли могло принять здесь широкие размеры, свидетельствует горная местность, где не могло быть обилия пахотной земли. Кроме того, тот же Ксенофонт отмечает у моссинойков широкое применение в пищу каштанов. Он видел каштаны, рассыпанные на крышах домов

[1] Xenoph., Anab., V, 4, 27.

(очевидно для просушки). Моссинойки, по его словам, отваривают их и выпекают из них хлеба.[1] Каштаны, следовательно, служили своего рода заменителем хлебных злаков, из чего можно заключить о недостатке последних.

Знакомо было местное население и с виноградарством. Греки пробовали их вино, которое в несмешанном виде показалось им кислым и горьким, но разбавленное водой имело приятный запах и вкус.[2] Живя у моря, моссинойки пользовались его продуктами. У них имелись долбленые лодки, способные вместить до 3 человек;[3] в них они охотились на дельфинов и вероятно ловили рыбу. Греки видели в их домах запасы солонины из мяса дельфинов, хранимые в амфорах, и запасы дельфиньей ворвани, разлитой по различным сосудам. Она употреблялась моссинойками так же, как оливковое масло греками.

В Анабасисе есть сведения и о знакомстве моссинойков с целым рядом ремесел. Мы уже упоминали о их деревянных лодках. Широко применялось у них дерево в строительстве. Укрепления и дома их были деревянными и, как было уже сказано, дома имели форму семиэтажных башен.[4] О наличии у моссинойков керамического производства можно судить по упомянутым выше амфорам и другим сосудам, в которых хранились пищевые запасы. Умели они также выделывать какую-то очень плотную ткань. Из нее шили рубашки, которые напоминали холщевые мешки.[5] Из кожи были, повидимому, сделаны их шлемы, похожие на пафлагонские, т. е. сплетенные из ремней. Их наступательное оружие — секиры, дротики и длинные копья — было сделано из железа.

Та ступень социального развития, которую можно установить у моссинойков на основании анализа их поселений, а именно далеко продвинувшееся расслоение родового общества с имущественным неравенством и выделением правящей верхушки, находит свое подтверждение и в отдельных замечаниях Ксенофонта о нравах и обычаях моссинойков. Среди моссинойков греки видели «сыновей богатых родителей», которые отлича-

---

[1] Xenoph., Anab., V, 4, 29.

[2] Ксенофонт, правда, нигде не говорит, что то было виноградное вино; но, поскольку в тех случаях, когда ему приходилось пробовать местное вино, приготовленное из других продуктов, он это особо отмечает (Xenoph., Anab., IV, 5, 26), вино моссинойков скорее всего было виноградное.

[3] Xenoph., Anab., V, 4, 11.

[4] Diod., Bibl., XIV, 30, 6. Ср.: Strab., XII, 3, 18, откуда мы узнаем, что слово μοσσύνη означает «башня».

[5] Xenoph., Anab., V, 4, 12 и сл.

лись от соплеменников своим видом.[1] В результате питания вареными каштанами они были очень толсты («почти одинаковы в вышину и толщину»), белы и изнежены. Спины их были размалеваны, а грудь сплошь покрыта татуированными цветами. Татуировка была очень распространена среди племен, находящихся в стадии разложения родо-племенных отношений. Так, в 1948 г. экспедицией ЛОИИМК в одном из Пазырыкских курганов V—IV вв. до н. э. было обнаружено тело местного вождя, грудь, спина, руки и голени которого покрыты татуированными изображениями реальных и фантастических животных.[2] Основываясь на свидетельствах древних писателей о сходных явлениях у различных племен, С. И. Руденко приходит к заключению, что татуировка алтайского вождя «вероятнее всего отмечала его знатное происхождение или его мужество, или то и другое вместе». Из рассказа Ксенофонта вытекает, что у племени моссинойков татуировка была отличительным признаком представителей верхушки общества, так как греки заметили ее только на телах «сыновей богатых родителей».

Очень интересны также сведения о «царях» — басилевсах — моссинойков.[3] Согласно Ксенофонту, царь жил в деревянной башне на акрополе в «столице». Моссинойки охраняли его и кормили на общественный счет. В другом укрепленном поселении жил, тоже в башне, другой «царь», но, поскольку это укрепленное поселение не было «столицей», второй «царь», надо думать, был «царем» меньшего значения, чем первый. Диодор[4] прибавляет к рассказу Ксенофонта, что царь, живший в «столице», по обычаю отцов, пребывал в течение всей своей жизни в деревянной семиэтажной башне; оттуда исходили его приказания народу.

Рассказ Ксенофонта о «царях» моссинойков (и вообще все сообщаемое им о нравах и обычаях этого племени) надолго внедрился в античную литературу и повторялся с прибавлением все новых и новых подробностей многими, в том числе и поздними авторами. Очевидно он сильно поразил воображение греков. Между тем «цари» моссинойков имеют близкие аналогии среди «царей»-жрецов или «царей»-богов других племен. Как показывает обширный этнографический материал, собранный Фрезером,[5] в основе здесь лежит представление о сверхъ-

---

[1] Xenoph., Anab., V, 4, 32.
[2] С. И. Руденко. Древнейшая «скифская» татуировка. Сов. этнография, 1949, № 3, стр. 133—143.
[3] Xenoph., Anab., V, 4, 26.
[4] Diod., Bibl., XIV, 30, 7.
[5] Д. Фрезер. Золотая ветвь, вып. II. М., 1928, стр. 11—18 и 43.

естественных свойствах «царей» и их способности влиять на явления природы, а тем самым и на зависящее от природы благополучие людей. Поэтому «цари»-жрецы окружаются особой заботой и почитанием своих подданных. Поэтому их жизнь регламентируется иногда до мелочей (часто они, например, подвергаются длительному или постоянному затворничеству), причем предполагается, что нарушение этих правил влечет за собой гибельные последствия для всего племени и в таких случаях «царь» подвергается наказанию, а иногда и казни. Басилевсы моссинойков, как вытекает из Анабасиса, принадлежали к той же категории «царей»-жрецов или «царей»-богов. Проводя всю свою жизнь затворниками в башне, они фактически не могли выполнять многие функции вождей, например предводительствовать на войне или вести переговоры с врагами или союзниками. И действительно, согласно Ксенофонту, при заключении союза с одним из племен моссинойков греки имели дело не с басилевсом, а с архонтом этого племени.[1] Когда же греки атакуют сначала одно укрепленное поселение моссинойков, в котором жил «царь», а затем и самую «столицу» с акрополем — местопребывание главного «царя», то оба «царя» не выходят навстречу нападающим во главе своих войск, оказавших эллинам упорное сопротивление, но продолжают сидеть в своих башнях и сгорают вместе с ними, не нарушив, таким образом, наложенного на них запрета. К сожалению, Диодор не уточняет, какие именно приказания давал царь из башни своим подданным. Может быть, он творил таким образом суд или в силу своих сверхъестественных свойств давал какие-то общие указания. Интересно отметить, что римский писатель Помпоний Мела прибавляет к рассказам о царях моссинойков еще ту подробность, будто в случае отдачи ими неправильных приказов их наказывали, лишая их пищи.

Во всяком случае наряду с «царями»-жрецами у моссинойков были и другие вожди, на которых лежало между прочим и фактическое предводительство в битвах. Эти вожди выходили из той богатой знати, о наличии которой свидетельствуют «дети богатых родителей», вскормленные каштанами. Организация моссинойков, видимо, была достаточно крепкой, так как, несмотря на внутренние распри, они держали в подчинении другие племена, например халибов.

Для полноты характеристики моссинойков необходимо еще указать на отмеченные Ксенофонтом черты в их нравах и обычаях, которые заставили греков называть это племя самым вар-

[1] Xenoph., Anab., V, 4, 34.

варским из всех народов, через земли которых они проходили.[1] В этих чертах мы должны видеть пережитки глубокой древности, давно пройденных этапов развития родового общества. Так, после описанного в Анабасисе военного столкновения двух враждебных племен моссинойков, победители отрубили головы убитых врагов и, уходя с поля битвы, показывали эти трофеи эллинам и побежденным моссинойкам, сопровождая свои действия пляской под звуки песен.[2]

Несмотря на то, что страна моссинойков непосредственно не соприкасалась с греческими колониями и моссинойки жили в гористой, трудно доступной местности и были воинственны, а обычаи их совсем не были сходны с эллинскими, это племя все же не было, подобно дрилам, резко враждебным по отношению к греческим городам, а, наоборот, вступило с ними в какие-то сношения, конечно имевшие своей целью товарообмен. В Анабасисе нигде прямо не говорится о меновой торговле между греками и моссинойками, но мы с полной уверенностью можем считаться с установившимися торговыми связями между греками и моссинойками благодаря обрисовке Ксенофонтом роли, сыгранной гражданином Трапезунта Тимеситием во время пребывания эллинского войска в стране моссинойков. Тимеситий сопровождал наемников Кира в их походе из Трапезунта до страны моссинойков. Когда войско прибыло к границе этой страны, стратеги послали Тимесития, который был проксеном моссинойков, к вождям данного племени с вопросом — пропустят ли они эллинов через свою область. Тимеситий вернулся с отказом, и ввиду затруднительного положения, в котором очутились эллины, он, как человек, хорошо знакомый со страной, ее обычаями и происходящими в ней в данный момент распрями, стал давать эллинам советы относительно их дальнейших действий. Он также лично принял участие в переговорах эллинов с вождями другого племени моссинойков, с которым греки по его совету заключили союз, причем он служил переводчиком, из чего следует, что он владел языком моссинойков. Таким образом, в лице Тимесития Ксенофонт попутно показал нам местного грека, гражданина Трапезунта, который был своим человеком среди племени, жившего довольно далеко от его родины. Он был их другом, мог свободно объясняться с ними на их языке и прекрасно знал всю их обстановку. Вряд ли можно сомневаться в том, что такие отношения могли возникнуть только на базе товарообмена и что, следовательно,

[1] Xenoph., Anab., V, 4, 34.
[2] Xenoph., Anab., V, 4, 17.

моссинойки во времена Ксенофонта принадлежали к тем местным племенам, которые были втянуты в товарообмен с греческими колониями.

О том, что города южного, так же как и северного Причерноморья доставляли рабов на греческие невольничьи рынки, свидетельствует не только вышеприведенный эпизод с солдатом греческого войска, бывшим рабом в Афинах, но также и некоторые эпиграфические данные из Греции, из которых явствует, что во второй половине VI и в V вв. до н. э. в Афинах были рабы колхи.[1] Главным источником рабства и здесь, как и в других местах, были войны, которые вели между собой местные племена, а поскольку Ксенофонт рисует нам военные столкновения моссинойков между собой, можно полагать, что у них не было недостатка в пленных, обращаемых в рабство и продаваемых грекам.

Особого внимания заслуживает косвенное указание Ксенофонта на существовавшую у моссинойков возможность доставлять грекам железо. Общеизвестно, что в греческой литературной традиции, начиная с Гомера,[2] упорно держится представление о том, что юго-восточное побережье Черного моря богато металлом. По большей части, но не исключительно, греки при этом имели в виду халибов. Гомер говорит о стране халибов, как о родине серебра. Позднее имя этого племени связывалось главным образом с железом. Особенно показательным лингвистическим подтверждением литературной традиции является, как это давно установлено в науке, существующий в греческом языке термин для обозначения стали или высокосортного железа χάλυψ — явный дериват от племенного названия халибов. В античных литературных источниках вывозимый из Понта металл именуется также иногда синопским, амисским или происходящим от моссинойков. Это указание, по всей вероятности, надо понимать в том смысле, что из этих портов вывозилось железо, поступавшее туда с разных пунктов побережья и вероятно через посредство колоний Синопы — Трапезунта, Керасунта и Котиоры. Относительно других богатых рудой областей южного побережья Черного моря, откуда ме-

[1] См.: Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939. № 3, стр. 270, № 70; стр. 305, № 99. Здесь же приводятся надписи II в. до н. э., содержащие дельфийские манумиссии, в которых между прочим упоминаются четыре раба армянина (№№ 83, 84, 86 и 87), одна рабыня армянка (№ 85) и одна рабыня колхидянка (№ 90). Вольноотпущенница (или дочь вольноотпущенника) колхидянка погребена была в Афинах (№ 110).

[2] Илиада, II, 856 и сл., Каталог кораблей, следовательно, позднее место поэмы.

талл мог поступать к грекам, Ксенофонт ничего не говорит. Зато у него встречается краткое, но чрезвычайно важное своей конкретностью известие о стране халибов. Пройдя страну моссинойков, эллины прибыли к халибам. «Они, — говорит Ксенофонт, — немногочисленны и подвластны моссинойкам, и большая их часть живет, обрабатывая железо».[1] Ксенофонт здесь совершенно определенно говорит о подчинении халибов моссинойкам, а также о том, что главным занятием халибов было добывание и обработка железа. Мы не знаем, в какие формы вылилось подчинение халибов моссинойкам. Поскольку они продолжали жить в своей области и заниматься своим исконным делом, это не было обращение в рабство, а скорее взимание определенной дани. Естественно предположить, что дань взималась главным продуктом халибов — железом. Если это так, то тем самым можно было бы объяснить и стремление греческих торговцев, подобных Тимеситию, находиться в дружбе с моссинойками. Вожди моссинойков присваивали себе продукцию подчиненного племени и использовали ее в качестве товара в обмене с греческими колониями.

Оглядываясь назад, на пройденный нами вместе с Ксенофонтом длинный путь по южному побережью Черного моря, мы, мне кажется, можем сказать, что рисуемая автором Анабасиса картина, несмотря на ее отрывочность и неполноту, все же дает нам возможность составить себе примерное представление об уровне социально-экономического развития, на котором находились понтийские племена на грани V—IV вв. до н. э. Конкретизацию и детализацию этого наброска можно ожидать в будущем от археологических работ, которые, надо надеяться, когда-нибудь будут предприняты в этих местах. Но и в настоящее время рассказ Ксенофонта проливает свет на условия, в которых жили и развивались греческие колонии этих мест в эпоху, предшествующую эллинизму, и на их взаимоотношения с местным населением. Те знания, которые мы получаем благодаря изучению Анабасиса, раскрывают эти сложные взаимоотношения только, так сказать, в одном разрезе, на одном этапе их развития. Поступательный ход исторического процесса в тех формах, в каких он протекал в данных конкретных условиях, не может быть прослежен на основании одного Анабасиса Ксенофонта. Эта задача, для постановки которой Анабасис пока является как бы отправным пунктом, может быть решена только с привлечением свидетельств более поздних авторов

[1] Xenoph., Anab., V, 5, 1.

и прежде всего двух писателей уже римской эпохи, столь же хорошо, как и Ксенофонт, знакомых с припонтийскими областями, а именно Страбона и Арриана.

Глава 6

КРАТКИЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗ ЧЕРНОЕ МОРЕ И ВРЕМЯ ЕГО ОСВОЕНИЯ ГРЕЧЕСКИМИ МОРЕХОДАМИ

Существование в античную эпоху краткого пути, связывавшего непосредственно северный и южный берега Черного моря в районах южной оконечности Таврического полуострова и Пафлагонского выступа, признается всеми историками Причерноморья. Однако относительно времени, когда хождение по этому пути вошло в практику античных мореходов, в науке до сих пор не существует общепринятого мнения. Несмотря на немаловажное значение этой проблемы для истории Причерноморья, мнения отдельных ученых резко расходятся. Так, М. И. Ростовцев [1] в английском издании «Эллинства и иранства» рисует картину переезда милетских колонистов на Боспор означенным путем, предполагая, таким образом, что краткий морской путь уже функционировал в середине VI в. до н. э. С. А. Жебелев [2] возражал против этой гипотезы Ростовцева, однако не высказал определенного мнения о времени освоения пути. Поскольку он ссылается на рассказ Плутарха об экспедиции Диона как на исключительный случай в практике IV в., можно предполагать, что он склонялся к более поздней дате, т. е., по крайней мере, к эпохе эллинизма. Г. Д. Белов в своей монографии о Херсонесе [3] справедливо подчеркивает выгодное для сношений с южным берегом Черного моря местонахождение города, но затем замечает, что «в начальный период греческого мореплавания корабли плыли вдоль берегов... но позже плавание кораблей совершалось, конечно, по более короткому пути». Какой период времени здесь имеется в виду, — неясно, однако, видимо, речь идет не о начальном периоде

[1] M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 63.

[2] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. Изв. АН СССР, ОГН, 1930, № 10, стр. 805 = Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 55.

[3] Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 37 и сл. В. Ф. Гайдукевич не касается этого вопроса в своей работе «Боспорское царство». Д. П. Каллистов (Очерки по истории северного Причерноморья. Л., 1949, стр. 43) всецело солидаризируется с приведенным мнением С. А. Жебелева.

жизни Херсонеса. Основанием для того, чтобы относить освоение краткого пути к более поздним векам античности, является, повидимому, перипл Псевдо-Скилака, где кратко описывается западное побережье Черного моря до Дуная, после чего непосредственно упоминается Таврический полуостров и город Херсонес. Поскольку данный перипл был составлен в 30-х годах IV в. до н. э. и автор его, по всей вероятности, был афинянином, писавшим для афинских мореходов, то предполагалось, что описанный Псевдо-Скилаком путь являлся в IV в. обычным путем следования афинских торговых кораблей, направлявшихся в Боспорское царство,[1] а отсюда вытекала вероятность более поздней даты освоения пути Пафлагония—Таврика.

Посмотрим, однако, нельзя ли на основании имеющихся в нашем распоряжении источников дать более точное хронологическое определение даты установления краткого пути через Черное море.

Прямые литературные свидетельства относятся — за одним исключением, о котором мы скажем ниже, — ко времени не ранее II в. н. э. Из них первое по времени свидетельство встречается у Павсания. В описании Аттики он сообщает: «В Прасиях (местность в Аттике, — *М. М.*) есть храм Аполлона. Туда, говорят, доставляют начатки от гиперборeев. Гипербореи передают их аримаспам, аримаспы — иссидонам, от них скифы привозят их в Синопу, откуда они доставляются эллинам в Прасии»[2]. Несмотря на полулегендарный характер этого рассказа, в котором фигурируют гипербореи и одноглазые аримаспы, все же в нем отразилось знакомство с прямым морским путем из Скифии в Синопу.

Совершенно реальные сведения о прямом морском сообщении между севером и югом Черного моря находятся в известном итинерарии, начертанном на найденном в Дура-Ейропос щите римского воина.[3] Итинерарий, начертанный красками по кожаному воинскому щиту, изображает Черное море с плывущими по нему кораблями. По краю изображения передан графически и с пояснительными надписями разделенный на отдельные этапы путь из Фракии в Дура-Ейропос на Евфрате. Памятник датируется первой половиной III в. н. э. и, как думает его издатель Кюмон, списан с официальной карты, составленной при императоре Каракалле для потребностей рим-

[1] См.: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 23 и сл.
[2] Paus., 1, 31, 2 = SC, I, стр. 571.
[3] F. Cumont. Fragment de bouclier, portant une liste d'étapes. Syria, VI, 1925, стр. 1—18.

ского войска. В птинерарии перечисляется ряд городов на западном побережье Черного моря с указанием расстояний между ними. Обозначена переправа через Дунай, и затем путь идет на Тиру и Борисфен—Ольвию. До этого города путь несомненно шел по суше; как думает Кюмон, имелась в виду дорога, проложенная римлянами для военных целей. Следующая за Ольвией остановка — Херсонес. Кюмон полагает, что этот отрезок пути проходил по морю. Из Херсонеса путешественник сразу попадает в Трапезунт, откуда он едет по суше на юг через Артаксату. Совершенно очевидно, что из Херсонеса в Трапезунт путешествие совершалось морем, притом не вдоль северного и северо-восточного берегов (в этом случае наверное были бы обозначены остановки) и не наискось по морю в направлении на юго-восток из Херсонеса прямо в Трапезунт, что повлекло бы за собой чрезвычайно длительное пребывание в открытом море. Пользовались, конечно, кратчайшим путем из Херсонеса к Пафлагонии и затем следовали на восток вдоль южного побережья Понта, вплоть до Трапезунта, который со времени императора Адриана располагал хорошей искусственной гаванью.[1] Согласно рассказу Тацита,[2] через Трапезунт снабжались привозимым из северного Причерноморья хлебом римские легионы, стоявшие в Армении и Передней Азии, и надо полагать, что груженные хлебом корабли частично следовали примерно тем же путем, который начертан на щите римского воина из Дура-Ейропос.

Довольно многочисленные свидетельства, восходящие к византийской эпохе, могут служить прямым доказательством пользования указанным путем в это время. Из них мы приведем здесь только одно.

В «Очерках по истории Трапезунтской империи» (стр. 51 и сл.) Ф. И. Успенский излагает сказание о чудесах св. Евгения, покровителя Трапезунта. Здесь между прочим рассказывается о том, как нарушен был мир, заключенный между иконийским султаном Меликом и царем Трапезунта Андроником Гидом в 1123 г.: «Нагруженное собранными с Херсона (Херсонеса, — *М. М.*) и городов тамошней Готфии суммами и другими взносами судно... шло по направлению в нашу сторону

[1] При вторичном издании этого памятника в основной публикации раскопок в Дура-Ейропос (F. Cumont. Les fouilles de Doura-Europos. Paris, 1926). Кюмон (стр. 330) указывает на дополнительно обнаруженный им на щите второй столбец с именами городов, через которые проходил итинерарий. Буквы тут почти совершенно стерты, однако Кюмон усматривает там название города Амиса.

[2] Tacit., Ann., XIII, 39.

с целью уплаты царю Гиду годичного взноса. Но, по случаю бурной погоды, корабль был прибит в Синопу. Названный губернатор Синопы разграбил это судно, завладел находившимися на нем суммами, а равно, пленив всех вместе с корабельщиками, кроме того послал против Херсона вооруженные суда и опустошил его окрестности».

Приведенных свидетельств достаточно для того, чтобы установить факт использования в римскую и византийскую эпохи пути по открытому морю,[1] шедшего от южной оконечности Таврического полуострова, от Херсонеса, прямо на юг, к Пафлагонии, и затем расходившегося на запад через Гераклею к Византии и на восток через Синопу к Трапезунту. Спрашивается — имеются ли у нас данные для того, чтобы установить хотя бы приблизительно, когда был окончательно освоен этот прямой морской путь, значительно сокративший время следования кораблей с южного на северный берег Черного моря и значительно облегчивший связь между названными областями Понта Евксинского, а также и между Понтом и Эгейским морем.

Некоторые, так сказать, косвенные литературные данные способны, как нам кажется, приблизить нас к разрешению поставленной проблемы. Я имею в виду, с одной стороны, свидетельства Страбона, Диодора и перипла Псевдо-Скимна, с другой — рассказ Геродота; из них первые могут служить terminus ante quem, а последний — terminus post quem.

Страбон не говорит прямо о кораблях, совершающих рейсы с южного берега Евксинского Понта на северный и обратно, пересекая открытое море, но он многократно упоминает[2] об очень распространенном в его время в Малой Азии представлении, будто имеется возможность пересечь Черное море от мыса Карамбия на юге (соврем. Керемие) до мыса Крию Метопон (Бараний Лоб) на Таврическом полуострове, не теряя из виду земли. Независимо от фактической достоверности или недостоверности этого представления самое его зарождение и распространение мыслимы только на базе реального опыта. Вероятно мы имеем здесь прямую параллель с многочисленными в древности легендами или полулегендами о высоких горах, с которых обозримы пункты, расположенные иногда на расстоянии нескольких сот километров друг от друга. Эти рассказы, как неоднократно устанавливалось в науке, поро-

[1] Этим же путем ходили на Византию и Амастрий и первые русские мореходы (см.: В. В. Мавродин. Начало мореходства на Руси. Л., 1949).

[2] Strab., VII, 4—3; I, 479; III, 235; V, 205, 387.

ждены прохождением мимо данной горы пути, связывавшего между собой оба якобы одновременно видимых с горы объекта. Подобный рассказ передается, например, тем же Страбоном о горе Аргее близ города Цезареи в Малой Азии, с вершины которой можно увидеть как Средиземное, так и Черное моря.[1] Хорошо известно, что мимо этой горы пролегал древний торговый путь, который перерезал Малую Азию с севера на юг от Амиса к Исскому заливу.[2] Из рассказа Страбона о плавании между мысами Карамбий и Криу Метопон можно поэтому вывести заключение о хождении кораблей между обеими далеко выдающимися в море полосами земли и, вероятно, даже о длительном существовании подобной практики, так как ко времени Страбона отразившееся в его рассказе представление, видимо, уже прочно установилось.

Более положительные данные об использовании греками краткого морского пути в I в. до н. э. можно почерпнуть из Библиотеки Диодора, где рассказывается, что многие мореходы, плывя из Меотийского болота на грузовых кораблях при попутном ветре, достигают Родоса на десятый день, откуда они затем на четвертый день приходят в Александрию.[3] Расстояние от Родоса до Александрии составляет примерно 600 км. Корабль, следовательно, движется в среднем со скоростью 150 км в сутки. Примерный расчет расстояния от Родоса до Пантикапея показывает, что, плывя с такой же скоростью, корабль вполне мог этот путь покрыть в 10 суток, если он перерезал Черное море с севера на юг от Таврического полуострова к Пафлагонскому выступу. При каботажном же плавании потребовалось бы на это по приблизительным подсчетам от 15 до 17 суток.

Еще более ясные указания на существование этого пути дает перипл Псевдо-Скимна. При описании плавания вдоль южного берега Черного моря, после упоминания о мысе Карамбии, в тексте имеется небольшое отступление:[4] «Прямо против Карамбия на противоположном берегу находится огромная круто спускающаяся к морю высокая гора, называемая Бараньим Лбом; она отстоит от Карамбия на сутки плавания». В этих словах перипла заключается совершенно определенное указание на знакомство греческих мореходов с кратким морским путем в начале I или конце II в. до н. э., указание

---

[1] Strab., XII, 4, 3.
[2] М. И. Максимова. К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря, ВДИ, 1948, № 4, стр. 32 и сл.
[3] Diod., Bibl., III, 34, 7.
[4] Ps.-Scymn., Peripl., 593 и сл.=SC, I, стр. 91.

тем более ценное, что в нем даже сообщаются, как мы увидим ниже, совершенно правильные данные о времени, потребном для совершения этого перехода.

Посмотрим теперь, возможно ли установить верхнюю границу того периода времени, на который должно было пасть ознакомление греков с кратким путем через Черное море. Уже Гекатей Милетский имел правильное общее представление о сужении Понта Евксинского в средней его части и сравнивал очертания этого моря с формой скифского лука.[1] Однако есть основания думать, что не только Гекатей, но и Геродот еще не знали прямого пути через Черное море.

Как известно, Геродот имел лишь очень приблизительные представления об очертании и размерах Евксинского Понта. Он знал относительную протяженность моря в длину и ширину, но приводимые им абсолютные цифры очень далеки от истины.[2] Знал он и то, что скалистая часть заселенной таврами области (т. е. Таврики) представляет собой полуостров и вдается далеко в море. Однако, по его представлению, этот скалистый полуостров вдается в море по направлению не к югу, как это есть на самом деле, а к востоку.[3] В описании берега западного Крыма Геродот доходит до Скалистого полуострова, населенного таврами. О нем он говорит: αὕτη δὲ ἐς θάλατταν τὴν πρὸς ἀπελιώτην ἄνεμον κατήκει, что в переводе означает: «этот полуостров спускается в море по направлению к востоку» (точнее — «к восточному ветру»). Такое представление исключает знакомство Геродота с прямым морским путем по Черному морю от Таврики к Пафлагонии, а следовательно, надо думать, и самое существование в его время такого пути на Евксинском Понте.

Таким образом, предположение М. И. Ростовцева,[4] о котором упоминалось выше, относительно следования этим путем выселенцев из Милета, направлявшихся в Пантикапей в качестве колонистов, предположение, против которого в свое время решительно возражал С. А. Жебелев,[5] должно быть оставлено как противоречащее реальным условиям мореходства на Черном море в VI в. до н. э.

---

[1] FGH, XXII, 8 = SC, I, стр. 1, фрагм. 163.

[2] Herod., IV, 86 (см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 18).

[3] Herod., IV, 99. Перевод этого места у Латышева в «Scythica et Caucasica» не совсем точен. Правилен перевод Мищенки.

[4] M. Rostovtzeff, ук. соч., стр. 63.

[5] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. Изв. АН СССР, ОГН, 1930, № 10, стр. 805.

В то же время в свете приведенного выше текста Геродота мало вероятной становится и гипотеза, принимаемая С. А. Жебелевым[1] о посещении Периклом северного берега Черного моря, так как его корабли, видимо, не могли еще воспользоваться кратким морским путем.

Период, в течение которого должен был широко использоваться путь наперерез Черному морю, определился теперь временем от третьей четверти V в. до начала I в. до н. э. Посмотрим, имеются ли у нас данные для дальнейшего уточнения даты, и остановимся прежде всего на условиях мореходства.

Возражая Ростовцеву, С. А. Жебелев останавливается вкратце на трудностях, с которыми связано было в древности плавание по открытому морю, что и заставляло греков плавать преимущественно вдоль берегов. «Еще в Пелопонесскую войну, — говорит С. А. Жебелев, — афинский флот шел в Сицилию не прямым, а обходным путем через Керкиру (Фукидид, VI, 441; VII, 26, 3). Как нечто исключительное отмечается (Плутарх, Дион, 25), что Дион в первой половине IV в. переправился из Закинфа в Сицилию прямо по открытому морю, употребив на этот переход 12 суток»[2]. Не подлежит никакому сомнению, что древнее мореплавание было в основном плаванием каботажным; это прекрасно иллюстрируется многочисленными древними периплами, в том числе и периплами Евксинского Понта Однако несомненно и то, что постепенно, по мере развития техники кораблестроения и мореходства, античные моряки все смелее и смелее стали отваживаться выходить в открытое море и совершать подчас длинные переходы, в течение многих дней не видя берега. В результате длительного развития античные корабли, в том числе и корабли транспортные и коммерческие, обладавшие, как известно, лучшими мореходными качествами, чем корабли военные,[3] достигли большого совершенства и ни в чем существенном не отличались от парусников, крейсировавших по морям в годы, непосредственно предшествовавшие введению парового флота.[4] Спрашивается, в какой период античности развитие кораблестроения и кораблевождения сделало возможным далекие переходы по открытому морю.

---

[1] С. А. Жебелев. Афины, Нимфей и измена Гилона. Сб. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 181.

[2] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. Изв. АН СССР, ОГН, 1930, № 10, стр. 805.

[3] Эллинистическая техника. М.—Л., 1948, стр. 322.

[4] Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquitées grecques et romaines. Paris, 1892—1919, s. v. Navis (Cecil Torr).

Дать точный ответ на этот вопрос вряд ли возможно и не только вследствие скудости наших источников, но и потому, что при осуществлении подобных более или менее рискованных для древних мореходов предприятий, помимо технических условий, большое значение имели смелость и уменье моряков. Однако постановка этого вопроса в смысле определения эпохи, когда созданы были условия, благоприятные для более или менее массового осуществления длительных морских переходов по открытому морю, вполне закономерна.

Обычно принято думать, что таким периодом были эллинистическая и римская эпохи. И действительно, в связи с перемещением центров производства и торговли и широким развитием торговых путей в эпоху эллинизма количество торговых судов сильно увеличилось; увеличились и размеры кораблей и их тоннаж. Однако в области судостроения и вождения судов греки того времени, переняв опыт своих предшественников, не создавали ничего принципиально нового.[1] В свете этого положения интересно просмотреть имеющиеся в нашем распоряжении немногие данные о дальних плаваниях греков по открытому морю.

Страбон [2] рассказывает, что он сам лично, в бытность свою в Египте, поднимался вверх по Нилу вплоть до границ Эфиопии. При этом он узнал в Миос Хормос (в Красном море, близ Баб-эль-Мандебского пролива), гавани, связанной с Коптом на Ниле, что 120 кораблей плавали между этим пунктом и Индией, «в то время как прежде, при Птолемеях, только очень немногие отваживались на это путешествие и на привоз индийских товаров». Речь здесь идет, как думают многие исследователи, о пересечении Индийского океана от Баб-эль-Мандеба по прямой линии, т. е. о покрытии расстояния, равного приблизительно 3500 км по открытому морю.[3] Тарн, который приводит этот рассказ Страбона в качестве доказательства развития торговли Александрии с Индией, ставит в связь массовые посещения Индии кораблями, достигавшими ее по морю, с открытием муссонов Гиппалом (вероятно около 10 г. до н. э.). Однако, как свидетельствует Страбон, находились отдельные мореходы, которые отваживались на это чрезвычайно далекое путешествие еще при Птолемеях.

Выше упоминалось, что Диодор рассказывает, как о чем-то весьма обычном, о плавании от Родоса в Александрию, конечно,

---

[1] Эллинистическая техника, стр. 321 и сл.

[2] Strab., II, 5, 12; ср.: II, 3, 5.

[3] См.: В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 224 и прим. 55 на стр. 355.

прямым путем. Так было в конце эпохи эллинизма, но уже в IV и даже в конце V в. до н. э. переходы по открытому морю, хотя и не на столь большие расстояния, не были редкостью. Остановимся сначала на уже упомянутом рассказе Плутарха о походе Диона.[1]

Дион, приближенный тирана Сиракуз Дионисия Младшего, был изгнан из Сицилии в Грецию. После длительного там пребывания он решается свергнуть Дионисия и с этой целью собирает войско на острове Закинфе. Численность его войска равнялась 800 человекам. Солдаты были посажены на два транспортных судна, очевидно весьма значительного водоизмещения, ибо, как известно, необходимым спутником греческого войска был так называемый ὄχλος, т. е. толпа нестроевых, обслуживавших бойцов, так что общая численность отряда доходила вероятно до 2000 человек. За этими двумя крупными кораблями следовал третий — небольшого размера и, наконец, еще два тридцативесельных корабля. Кроме вооруженных солдат, Дион вез с собой 2000 щитов и метательное оружие для вооружения своих сторонников в Сицилии, а также провиант, необходимый для пропитания солдат в течение всего перехода. Диону было известно о расположении подстерегавшего его у берегов Япигии враждебного флота, и он решился совершить плавание по открытому морю. Не будь, следовательно, этого обстоятельства, т. е. ожидавшего его флота Дионисия, Дион, наверное, поплыл бы из Закинфа на север и пересек бы Адриатическое море в самом узком его месте, где ему пришлось бы пройти по открытому морю всего около 125 км. О том, что именно таким путем обычно плыли корабли, крейсировавшие между Грецией, Италией и Сицилией, говорит прежде всего тот факт, что флот Дионисия подстерегал Диона на этом маршруте. Дион решился плыть прямо на запад по Средиземному морю, хотя дело было в конце лета (середина или конец августа) и ему предстояло проплыть более 500 км. После 12 суток плавания при слабом и тихом ветре, на 13-й день, они приблизились к мысу Пахюнон на юго-западной оконечности Сицилии.

Из этого рассказа Плутарха вытекает, что уже в первой половине IV в. греческие мореходы умели провести по открытому морю целый караван тяжело нагруженных судов и притом на весьма значительное расстояние, равное более чем 500 км. Меньшие расстояния, как, например, между Керкирой и Япи-

---

[1] Plut., Dion., 25. На этот текст из Плутарха ссылается С. А. Жебелев в приведенной выше полемике с Ростовцевым.

гией, островом Ферой и Критом и т. д., покрывались в это время, очевидно, без труда.[1] Надо полагать, что и открытое морское пространство между Пафлагонией и Таврическим полуостровом уже тогда не представляло собой непреодолимых трудностей, так как протяженность его в два раза меньше расстояния от Закинфа до Сицилии и равняется примерно 260 км. Тяжело нагруженный корабль, при слабом ветре проходя как корабли Диона, 2 км в час, мог достигнуть Таврики на пятые сутки, но на самом деле, в виду особых условий, переход совершался много скорее, а именно в течение одних суток, как это указано в перипле Псевдо-Скимна. В этой связи чрезвычайно интересны сведения, сообщаемые А. Бертье-Делагардом, видимо, как результат его наблюдения на месте, в Крыму:[2] «Теперь надо заметить, что все сообщения Южного Крыма с Византией искони и до наших дней всегда шли на перевал, через Черное море к Синопу, а уже оттуда вдоль Анатолийского берега. Так ходили войска Митридата VI на помощь Херсонесу, так шла и последняя турецкая эскадра с десантом в Крым в 1774 г., так ходят и сейчас беспалубные турецкие кочермы, привозя в Крым такой ничтожный груз, как дрова и яблоки, и увозя соль, а в оба конца контрабанду. Причина тому лежит в особенностях морских условий. Перевал через море требует времени в благоприятную погоду не более суток, причем в середине моря в хорошее время видны оба берега — обстоя-

[1] Особенно показателен в этом отношении рассказ Фукидида о морском переходе афинян в Сицилию к Сиракузам во время Пелопонесской войны (Thuky d., VI, 43). Караван судов, перевозивший воинов, снаряжение, продовольствие и все необходимое для пути и похода, был многочислен и чрезвычайно разнороден. В него входили 134 триеры, частью быстроходные, частью приспособленные для перевозки солдат, два пятидесятивесельных судна, один корабль для перевозки лошадей с 30 воинами, 30 ластовых судов с продовольствием, пекарями, каменщиками, плотниками и со всеми строительными орудиями и, наконец, еще 100 барж. Кроме того, за этим флотом следовало много ластовых судов и барж, плывших по доброй воле ради торговых целей. Армада собралась у Керкиры, но она не пошла отсюда на север вдоль восточного берега Адриатического моря, с тем чтобы спуститься затем на юг вдоль берега Италии, а несколькими отрядами пересекла 125-километровое пространство по открытому морю, между Керкирой и мысом Японгией — южной оконечностью Калабрии, вновь собралась затем у этого мыса и поплыла дальше уже вдоль берега Италии. Приведенный пример показывает, что пересечение значительных морских пространств по открытому морю, когда это сильно сокращало продолжительность плавания, не пугало греков даже в том случае, если дело шло о столь громоздком соединении судов, как афинский флот, направлявшийся на Сицилию.

[2] А. А. Бертье-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь. Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, т. XIV, 1909, кн. I, стр. 57 и сл.

тельство, известное еще Страбону. Затем на обоих берегах летом дуют правильные бризы, днем с моря, ночью с берега. Значит уходят на ночь из Крыма, к утру доходят почти до половины моря при все время попутном бризе, а там скоро подхватываются своим дневным бризом, тоже попутным, вдоль Анатолийского берега идут в Царьград тем же бризом, в полветра; обратно путь совершается точно так же». Таким образом, некоторый риск, с которым бесспорно был связан для кораблей того времени прямой переход через море, искупался огромной экономией времени. Для кораблей, плывших из Боспора Фракийского в Херсонес, путь сокращался примерно в два раза, а для кораблей, пускавшихся в путь туда же из Синопы, примерно в 5 раз. Не следует забывать и того, что плавание вдоль берега также было далеко не безопасным.[1]

Таким образом, технические возможности не создают существенных затруднений для того, чтобы отнести начало освоения прямого морского пути через Черное море к довольно раннему периоду, т. е. к первой половине IV и, может быть, даже к концу V в. до н. э., что, конечно, ни коим образом не исключает дальнейшего использования старого пути вдоль берега моря.

Непременным условием для открытия этого сокращенного пути было наличие удобных гаваней в начале и конце опасного перехода по открытому морю. На южном берегу таковые имелись в Гераклее и Синопе, а с конца IV в. и в Амастрии, основанном, возможно, специально с этой целью. На севере такая гавань появилась со времени основания Херсонеса. Как известно, вопрос о дате основания этой колонии в течение долгого времени был предметом научного спора.[2] В настоящее время можно считать эту дискуссию законченной и время воз-

[1] Так, Ксенофонт (Xenoph., Anab., VII, 5, 12—14) рассказывает о постоянной гибели судов вследствие мелководья у Салмидесса на западном побережье Понта. Случаи гибели там судов были так часты, что прибрежные жители, фракийцы, разделили между собой берег, разбив его на участки, и каждый фракиец считал своей собственностью те предметы, которые после кораблекрушения прибивались волнами на его участок. Фракийцы не были в этом отношении исключением. Тот же Анабасис Ксенофонта содержит сведения о жестоком обращении вифинцев с моряками, терпевшими крушение у их берегов (Xenoph., Anab., VI, 4, 2), а вифинский царь Зиэл (середина III в. до н. э.) в виде особой милости обещал жителям острова Коса, что их мореходы в случае вынужденной высадки на вифинском берегу встретят дружеское отношение со стороны его подданных (см.: АМ, 1905, стр. 181 и сл.).

[2] См.: С. А. Жебелев. Возникновение Херсонеса Таврического. Докл. АН СССР, 1930, стр. 157 и сл.; Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 75 и сл.; А. И. Тюменев. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса. ВДИ, № 2, 1938, где сведена и литература по данному вопросу.

никновения этой колонии — последняя четверть V в. до н. э. — установленным. Решающую роль здесь сыграли исследование акад. А. И. Тюменева и раскопки древнейшего некрополя Херсонеса, произведенные Г. Д. Беловым.[1]

Весьма вероятно, что импульсом для высылки Гераклеей колонистов на Таврику послужили соображения, связанные с выгодой иметь в этом пункте хорошую гавань, необходимую для огромного сокращения пути при плавании на север из Гераклеи или через Гераклею. Во всяком случае не подлежит сомнению, что основание Херсонеса было могучим стимулом для развития сношений юга с севером по этому пути. До основания Херсонеса корабль, пересекший пучины Черного моря по линии Пафлагония—Таврика, оказывался у берегов, населенных враждебными грекам племенами, где он вряд ли мог рассчитывать на надежное пристанище. Нужно было еще долго плыть вдоль берега на запад или на восток, пока мореплаватель мог найти спокойную стоянку и сбыть свои товары. С возникновением Херсонеса обстановка коренным образом изменилась. Теперь, оставив за собой широкие водные пространства Понта, корабль сразу попадал в прекрасную херсонесскую гавань, которой он мог воспользоваться — все равно была ли она конечной целью плавания или транзитным пунктом. Отсюда корабль мог свободно плыть дальше в Феодосию и Пантикапей или в Керкинитиду и далее в Ольвию. Огромное значение Херсонеса для кораблей, переплывавших Черное море, очевидно, и мы полагаем поэтому, что именно со времени основания этой колонии началось постепенное освоение краткого морского пути между северным и южным берегами Понта.

В IV в., несомненно уже в первой его половине, освоение было закончено, и хождение кораблей кратким морским путем широко вошло в практику, что должно было прежде всего сказаться на развитии торговли между Синопой, Амисом и Гераклеей, с одной стороны, северным Причерноморьем — с другой. И действительно, именно к этому времени относятся весьма показательные эпиграфические и вещественные памятники, свидетельствующие об оживленных торговых связях между югом и севером Причерноморья.

Ко второй половине IV в. относится декрет о даровании Перисадом I и его сыновьями проксении и беспошлинности всех товаров некоему пирейцу (имя утеряно) — сыну Дионисия и его потомкам и слугам во всем Боспорском царстве.[2]

[1] Г. Д. Белов. 1) Херсонес Таврический, стр. 34; 2) Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, XIII, стр. 272 и сл.

[2] IOSPE, II, 1.

Под именем Пирея, конечно, следует понимать город Амис на южном побережье Черного моря, как это и делали все издатели и толкователи надписи. Еще в V в., вероятно вскоре после экспедиции Перикла в Понт, в Амисе поселились афинские клерухи, приехавшие туда под предводительством некоего Афинокла.[1] Тогда же Амис был переименован в Пирей — название, которое он сохранил, вероятно, до возвращения ему свободы Александром Македонским.[2] В соответствии с этим к монетные выпуски Амиса от начала чекана монет этим городом в конце V в. и до эпохи Александра имеют на реверсе изображение совы Афины и надпись ΠΕΙΡΑ. Если согласиться с весьма вероятным предположением Бабелона и Рейнака о принятии Амисом своего старого имени после дарования ему свободы Александром, то в таком случае декрет Перисада должен относиться к 40-м или началу 30-х годов IV столетия. К этому времени, следовательно, некий крупный амисский торговец уже успел развернуть столь оживленную торговую деятельность на Боспоре, что Перисад счел выгодным поощрить его усилия, предоставив ему привилегии во всем своем царстве.

Весьма важное значение с интересующей нас точки зрения имеет клад монет Синопы, хранящийся в Британском музее и опубликованный в журнале «Numismatic Chronicle» за 1920 г.[3] К сожалению, научное значение этой находки сильно снижается вследствие отсутствия точной паспортизации. Неизвестный бывший владелец клада, продавший его Британскому музею, указал лишь в общей форме на Крым как на место находки. Издатель клада Е. Робинзон по целому ряду причин склоняется к тому, что означенные монеты действительно составляли клад, и, видимо, не сомневается в указанном бывшим владельцем районе находки. Клад состоит из 34 серебряных драхм Синопы различных выпусков. По определению Робинзона, наиболее ранние монеты относятся к выпускам самого начала IV в. (около 400 г.), наиболее поздние — к 50-м годам этого века. Зарытие клада, следовательно, имело место примерно около 350 г. Кем был человек, накопивший синопские драхмы и зарывший свое богатство в Крыму, синопским ли торговцем, почему-либо решившим спасти свое имущество на чужой, но, видимо, хорошо знакомой ему территории во время каких-то

---

[1] Strab., XII, 3, 14. См. выше, гл. 4, стр. 101.
[2] WBR, стр. 53.
[3] E. G. Robinson. A find of Coins of Sinope. Numismatic Chronicle, 4-th series, XX, 1920, табл. I, стр. 1—16.

волнений в родном городе,[1] или представителем торгового населения одного из городов северного Причерноморья, обладавшим синопскими деньгами в результате торговых сношений с Синопой, — это в настоящее время установить невозможно. Но так или иначе находка подобного клада в Крыму указывает весьма определенно на существование в первой половине IV в. оживленной торговли между Синопой и северным Причерноморьем. Это наблюдение подтверждается и археологическими памятниками.

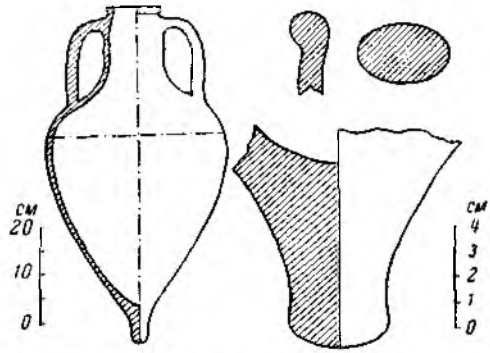


Рис. 18. Синопская амфора IV в. до н. э.

К середине IV в. относится, повидимому, начало массового импорта продуктов сельского хозяйства и промышленности из городов южного в города северного Причерноморья, хотя не подлежит сомнению, что торговый обмен между этими областями существовал и раньше. Благодаря чрезвычайно важным для изучения истории Причерноморья работам Б. Н. Гракова [2] мы теперь сравнительно хорошо осведомлены о керамическом производстве Синопы и Гераклеи, в том, что касается остродонных амфор и черепицы, и экспорте как этих изделий, так и содержимого амфор, главным образом масла, в северное Причерноморье (рис. 18 и 19). В результате опре-

[1] E. G. Robinson, ук. соч., стр. 16.

[2] Б. Н. Гракова. 1) Эллинистические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. Гос. Истор. музея, вып. 1, М., 1926, стр. 165—206; 2) Древнегреческие керамические клейма... Определения Гракова, несмотря на высказанные против них сначала возражения, могут сейчас считаться общепринятыми. См. также: И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, стр. 106 и сл.

деления места производства амфор с именами астиномов и амфор с энглифическими клеймами был установлен и состав глины керамических изделий этих центров, благодаря чему, основываясь на наблюдениях Гракова, удалось установить наличие в Херсонесе фрагментов двух клейменных пифосов синопского происхождения,[1] а в самое последнее время, при раскопках в Нимфее в 1949 г., были открыты найденные в трех небольших

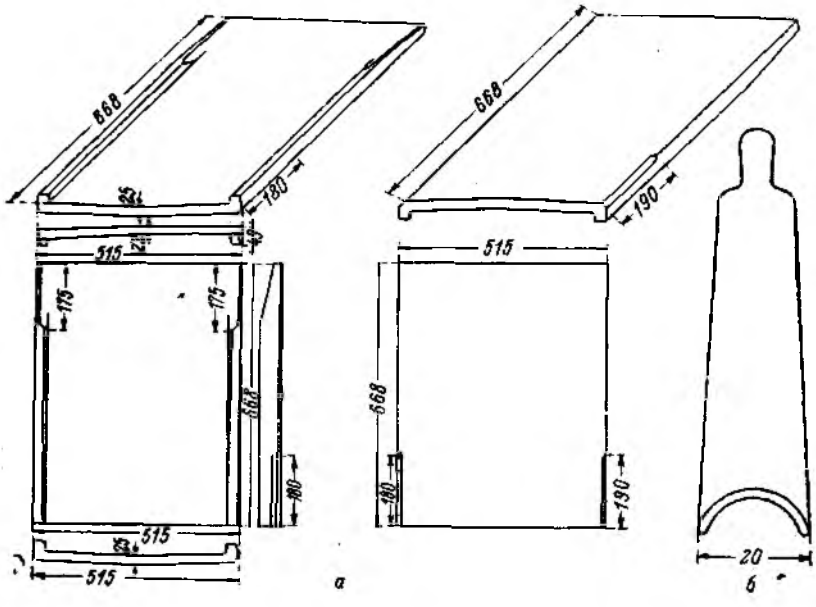


Рис. 19. Синопская черепица (*а* и *б*).

общественных зданиях фрагменты архитектурных терракот, сделанные из характерной синопской глины и частично покрытые синопской красной краской — синопидой (рис. 20 и 21). Таким образом, в настоящее время можно уже определенно говорить о широко развитом ввозе из южного Причерноморья в северное масла и частично вина в таре синопского и гераклейского производства, причем распространение там этих товаров находит свое отражение не только в большом количестве обнаруживае-

[1] КСИИМК, V, 1940, стр. 54 и сл.

мых при раскопках привозных керамических материалов, но и в стремлении херсонесских гончаров подражать типам синопских и гераклейских амфор.[1] Мы знаем теперь, что Синопа, кроме того, вывозила еще какие-то другие продукты в пифосах собственного производства (какие именно продукты, на это пока никаких указаний не существует), а также, что керамисты

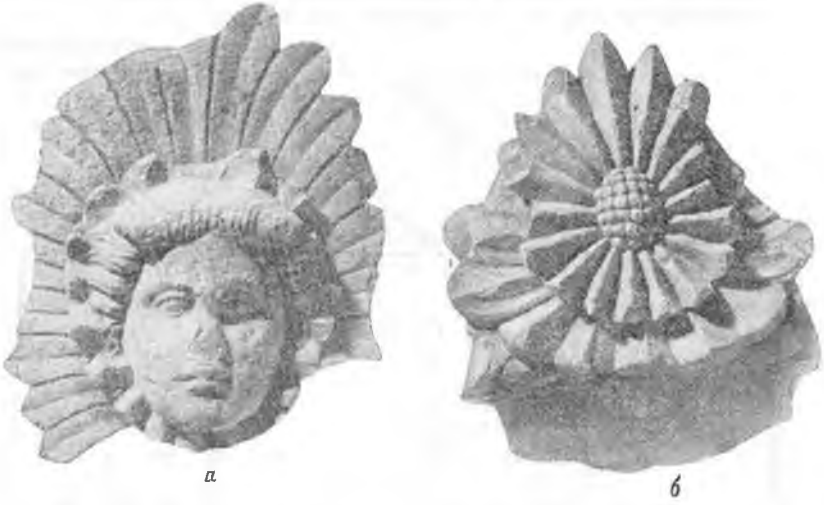


Рис. 20. Синопские антефиксы из Нимфея (*а* и *б*). Эрмитаж.

Синопы помимо кровельной черепицы выделывали и архитектурные терракоты художественной работы, которые также находили сбыт на северном берегу Черного моря.

Как известно, Б. Н. Граков отнес начало производства как синопских, так и гераклейских амфор и черепиц к концу IV в. до н. э., связав развитие этой торговли с общей экономической и политической конъюнктурой эллинистической эпохи. Однако, по свидетельству И. Б. Зеест,[2] он в настоящее время склонен расширить датировку гераклейских амфор до второй половины IV в. до н. э. Такое же изменение датировки, какое в настоящее время допускается Б. Н. Граковым относительно гераклейских клейм, совершенно необходимо и для синопских.

---

[1] П. Б. Ахмеров. Амфоры древнегреческого Херсонеса. ВДИ, 1947, № 1, стр. 173.

[2] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 48.

Дело в том, что датировка первой группы синопских клейм концом IV и началом III в. основана почти полностью на сличении ее с группой синопских монет с головой нимфы или амазонки Синопы, украшенной ожерельем и серьгами с тремя подвесками, — на аверсе и орлом на дельфине и именами магистратов, — на реверсе. Эту группу монет Бабелон и Рейнак в первом издании «Recueil des monnaies de l'Asie Mineure»,

Рис. 21. Синопский водослив. Эрмитаж.

вышедшем в свет в 1904—1912 гг., относили ко времени после 323 г. Б. Н. Граков, работая над клеймами с именами астиномов, видимо, и руководствовался этим определением выдающихся нумизматов. Между тем во втором издании Recueil'a, опубликованном в 1925 г., Рейнак отказывается от ранее принятой им датировки и относит данную серию монет ко времени примерно от 350 до 323 г. Эта последняя датировка, после того как с ней согласились Робинзон и Нюэлль, может считаться общепринятой. Таким образом, все наблюдения Б. Н. Гракова относительно совпадения в развитии орфографии имен на монетах и клеймах должны повлечь за собой датировку начала производства синопских клейменых керамических изделий по крайней мере серединой IV в., а может быть, и еще более ранним временем, поскольку имена синопских магистратов в сходных начертаниях встречаются и на синопских монетах первой половины IV в. до н. э.

Что же касается упомянутых архитектурных терракот — фигурных акротериев, антефиксов, водосливов и частей симы,

сделанных из синопской глины, то они недавно были частично собраны и изучены И. Д. Марченко.[1] Большую часть известных ей[2] экземпляров И. Д. Марченко датирует IV—II вв. до н. э., а меньшую — I в. до н. э. Эта датировка, основанная на форме калиптеров, с которыми антефиксы составляли одно целое, имеет под собой прочную основу и может быть принята впредь до возможного ее уточнения путем наблюдений, собранных в процессе раскопок. В таком случае этот материал также подтвердит оживление торговых сношений между югом и севером в IV в. до н. э. По отношению к этим изделиям можно даже говорить о заказах синопским эргастериям, поскольку размеры терракотовых архитектурных деталей, изготовлявшихся в Синопе, определялись размерами зданий, возводившихся в северном Причерноморье.

Масло, вино, керамическая тара и другие керамические изделия были не единственными важными для экономики северного Причерноморья товарами, шедшими с юга. В науке неоднократно высказывались предположения о доставке в северное Причерноморье с юга ряда других товаров, в том числе железа из страны халибов (т. е. из восточной половины южного побережья Понта, контролируемого Синопой и ее колониями), поскольку потребность в железе в северном Причерноморье едва ли могла целиком покрываться криворожскими месторождениями, а халибское железо было знаменито во всем античном мире. К сожалению, фактических материалов, подтверждающих эти весьма вероятные предположения, мы не имеем, но все же необходимо, говоря о торговле между югом и севером Понта, иметь в виду, что железо, вероятно серебро, медь, дерево и некоторые другие товары, занимали в ней видное место, и те продукты юга, о которых мы сейчас можем говорить с уверенностью, были только частью ассортимента товаров, ввозимых на северное побережье из Синопы, Амиса и Гераклеи. Север, в свою очередь, снабжал юг хлебом и солью.

Относительно известных нам товаров, доставлявшихся с юга, можно установить, что ввоз их в первой половине IV в. до н. э. начал расти и в середине века достиг весьма крупных размеров. IV в. до н. э., судя по целому ряду признаков, был веком высокого подъема экономики не только Боспорского царства, но и городов южного побережья. Совершенно есте-

---

[1] И. Д. Марченко. О терракотовых антефиксах Пантикапея. Археология и история Боспора. Крымиздат, 1953, стр. 167—186, особенно стр. 171 и сл.

[2] В последние годы в Ольвии и Нимфее найдено было значительное количество архитектурных терракот синопского изделия.

ственно, что в условиях экономического расцвета особенно развилось стремление к широкому товарообмену между указанными областями. Это стремление и послужило стимулом к освоению краткого морского пути, непосредственно связавшего юг и север Черного моря. Однако после его освоения он в свою очередь стал могучим средством для дальнейшего развития сношений юга с севером, достигших своей высшей точки уже в эпоху эллинизма и в первые века нашей эры.

Если это так, то в таком случае можно установить, что ориентация торговли северного Причерноморья на Малую Азию и, в частности, на ее северное побережье, прочно установившаяся в эпоху эллинизма, уже явственно обозначилась в середине IV в. Более того, в IV в. до н. э. уже создались все необходимые для этого предпосылки, и политические события только закрепили установившееся положение вещей.

Освоение краткого морского пути должно было иметь — и несомненно имело — важные последствия для всего Причерноморья в целом и притом не только в области экономики. Кроме того, оно должно было также отразиться на сношениях восточной половины северного Причерноморья с областями, расположенными за пределами Черного моря. Собрать отдельные факты из истории IV в., свидетельствующие о происшедшей перемене, трудно при фрагментарности наших источников. Однако мы позволим себе высказать некоторые соображения, а также сослаться на две афинские надписи, отчасти вскрывающие условия, в которых происходило в это время торговое мореплавание на Евксинском Понте; если предлагаемое толкование надписей правильно, то эти памятники могут служить прямым доказательством освоения краткого морского пути еще в первой половине IV в. до н. э.

Историки Боспора неоднократно касались в своих работах войны между Пантикапеем и Феодосией, войны, в которой Гераклея принимала деятельное участие на стороне Феодосии.[1] Относительно причин, заставивших Гераклею энергично вмешаться в дела северного Причерноморья, В. В. Латышев,[2] а затем и С. А. Жебелев [3] полагали, что таковой был страх

---

[1] В последнее время этого вопроса касались В. Ф. Гайдукевич (Боспорское царство, стр. 58), Д. П. Каллистов (Очерки по истории северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 210) и Д. Б. Шелов (ВДИ, 1950, № 3).

[2] В. В. Латышев. Ποντικά. СПб., 1909, стр. 75.

[3] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского царства. Изв. АН СССР, ОГН, 1930, № 10, стр. 805; сб. «Северное Причерноморье», стр. 168 и сл.

Гераклеи перед возможным захватом Боспором ее колонии Херсонеса. Эта гипотеза о превентивном вмешательстве Гераклеи в войну Боспора с Феодосией кажется мне не вполне убедительной, поскольку Херсонес находится от Феодосии на расстоянии, вдвое большем, чем расстояние от Феодосии до Пантикапея, да и Боспорское царство тогда еще полностью не достигло своего могущества. К тому же Херсонес первой половины IV в. ни в коей мере не мог конкурировать с Боспором в вывозе хлеба, как это, повидимому, было с Феодосией. Поэтому другая гипотеза, выдвинутая в свое время Миннзом, не противоречащая первой, но существенно ее изменяющая, кажется мне более вероятной.[1] Миннз обратил внимание на одно изображение на монетах Феодосии (бодающийся бык), полностью повторяющееся на монетах Херсонеса и Гераклеи, и сделал вывод о каких-то (надо полагать торговых) договорных отношениях между этими городами. Поэтому вероятнее всего, что прямая заинтересованность Гераклеи в благосостоянии Феодосии была связана с феодосийской хлебной торговлей.

Но если нагруженные хлебом корабли следовали из Феодосии вдоль северного, а затем западного берега Черного моря, то при чем здесь Гераклея? Она оставалась в стороне и не могла принимать никакого участия в этих торговых операциях.[2] Если же предположить, что суда шли из Феодосии до Херсонеса, а оттуда прямо на юг через Черное море к мысу Карамбию, то первым крупным портом, куда они могли зайти после трудного морского перехода на пути к Боспору Фракийскому, была Гераклея (Амастрий в IV в. еще не существовал). При обратном следовании кораблей — от Боспора Фракийского к Тав-

---

[1] E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 559, табл. IX, *5*, *6*. С этими наблюдениями, повидимому, частично соглашался и А. Н. Зограф (см.: Д. П. Каллистов, ук. соч., стр. 214).

[2] Правда, при следовании кораблей из Боспора вдоль восточного, а затем южного побережья Черного моря Гераклея находилась бы на их пути. Однако плавание боспорских кораблей по этой линии вообще мало вероятно. Против этого говорит ее большая протяженность и ряд других соображений: полная пустынность восточного берега (от Горгиппии до Питиунта, около 300 км), где не было ни одного греческого поселения, — условие, всегда вызывавшее большие опасения со стороны греческих мореходов; затем отсутствие на южном побережье хороших гаваней, кроме Синопы и Гераклеи, при длине пути почти в 1000 км. Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что Фазис в греческой литературной традиции часто называется крайним пунктом плавания кораблей, направлявшихся вправо от Боспора Фракийского, а также чрезвычайная скудость литературной традиции о греческих городах восточной части побережья Черного моря в классическую эпоху.

рике — им также нельзя было миновать Гераклеи, а Херсонес являлся для них первым прибежищем после следования по открытому морю. Другими словами, Гераклея и Херсонес были важными транзитными пунктами при плавании торговых караванов сокращенным морским путем, и они несомненно извлекали из этого обстоятельства немалые выгоды, в свою очередь оказывая существенную помощь доставлению товаров в порт конечного назначения. Этим без натяжки объяснилось бы торговое соглашение между Гераклеей, Херсонесом и Феодосией и энергичное заступничество Гераклеи за Феодосию, когда на нее напал правитель Боспора.

Наше предположение подтверждается, повидимому, двумя эпиграфическими памятниками, насколько нам известно, еще не вошедшими в широкий научный обиход у историков античного Причерноморья. Мы имеем в виду две афинские псефизмы, найденные на афинском акрополе во второй половине прошлого века. Оба постановления точно датированы. Одно из них датируется 361/60 г., другое — 330/29 г. Лучше сохранился более поздний памятник.[1] Это—мраморная плита, на которой вырезано 5 почетных декретов в честь одного и того же лица, некоего Гераклида, уроженца Саламина на Кипре. Гераклид был крупным торговцем хлебом. В течение 5 лет, с 330 по 325 г., когда в Афинах ощущались нехватка хлеба и дороговизна, он несколько раз продавал афинскому народу пшеницу по дешевой цене и за это получил проксению и неоднократно был увенчан золотым венком. В самом раннем из этих постановлений в честь Гераклида, в декрете 330/29 г., после упоминания об услуге, оказанной Гераклидом, и о почестях, декретированных ему афинским демосом, имеется чрезвычайно интересное добавление;

ἐπειδὴ δε καταχθεὶς ὑπὸ τῶν Ἡρακλειωτῶν πλέων Ἀθήναζε παρειρέθη τὰ ἱστία ὑπ' αὐτῶν, ἑλέσθαι πρεςβευτὴν ἕνα ἄνδρα ἐξ Ἀθηναίων ἁπάντων ὅστις ἀφικόμενος εἰς Ἡράκλειαν ὡς Διονύσιον ἀξιώσει ἀποδοῦναι τὰ ἱστία τὰ Ἡρακλείδου καὶ τὸ λοιπὸν μηδὲν' ἀδικεῖν τῶν Ἀθήναζε πλεόντων.

«Поскольку он был обижен гераклейцами, когда он находился на пути в Афины, и у него были отняты паруса, то надлежит из всех афинских (граждан) избрать одного человека, который направится в Гераклею к Дионисию и потребует отдать паруса Гераклида и вообще не чинить обид плывущим в Афины».

---

[1] Syll.³, I, № 304. — AM, VIII, 1883, стр. 211 и сл. (Koehler). Перевод этой надписи помещен в сборнике «Античный способ производства в источниках» (Изв. ГАИМК, вып. 78, 1933, № 413, стр. 251 и сл.).

Это постановление, во-первых, может служить прекрасной иллюстрацией к тем трудностям, какие приходилось преодолевать античной морской торговле, и, в частности, пояснением к смыслу дарования торговым приморским городам права свободного входа и выхода из их гаваней. Гераклид доставлял пшеницу в Афины из Причерноморья. Из слов πλέων Ἀθήναζε (причастие настоящего времени, передающее непрерывность действия) следует сделать вывод, что Гераклид плыл в Афины из какого-то другого пункта, а не из Гераклеи, и лишь по пути зашел в Гераклейский порт. Отправным пунктом его путешествия не мог быть другой город южного или восточного побережья, поскольку тамошние города не вывозили хлеба. Речь идет, очевидно, о северном Причерноморье и скорее всего о Боспоре. Оттуда Гераклид из года в год возил пшеницу в Афины, а поскольку он совершил заход в Гераклею, ясно, что он не огибал западного побережья Черного моря, но пересек море от Тавриды к Пафлагонскому выступу и пошел затем вдоль южного побережья к фракийскому Боспору. На этом пути Гераклея была для него естественным пристанищем, первым пунктом, где корабль мог иметь надежную стоянку после трудного морского перехода. Гераклея, следовательно, представляла важный этап на пути следования кораблей из Херсонеса и Боспора, и гераклейцы несомненно извлекали немалые выгоды, взимая, надо думать, обычные пошлины и сборы на право въезда и выезда из гавани. Мы не знаем, что послужило причиной снятия гераклейцами парусов с корабля Гераклида. Подобные приемы наложения ареста на корабли известны в древности. Например, греческое войско Ксенофонта, охотившееся у Трапезунта за плывшими мимо этого города кораблями, приводило их к берегу и здесь снимало с них рули, чтобы они не могли следовать дальше и остались в распоряжении войска.[1] Может быть Гераклид уклонялся от внесения положенных сборов, может быть гераклейцы, чиня препятствия торговле Боспора, преследовали какие-то более широкие цели, чем получение транзитных сборов. На последнее как будто указывает то обстоятельство, что снятие парусов происходило если не по приказу, то во всяком случае с ведома тирана Гераклеи Дионисия. Однако мы видим, что терпящие урон торговцы находили защиту у заинтересованной стороны, т. е. в стране, получающей груз, — в Афинах. Афины на государственные средства снаряжают специальное посольство в Гераклею с требованием не чинить обид кораблям, плывущим к Афинам.

[1] Xenoph., Anab., V, 1, 11.

Мы видим, что дипломатии приходится вмешиваться в сложные торгово-политические отношения между греческими полисами Эгейского и Черного морей, вероятно существенно затрагивавшие также интересы Боспорского царства.

Дело в том, что случай с Гераклидом не единичен. Вторая из найденных на акрополе надписей, по всей вероятности, была весьма сходна по содержанию с надписью в честь Гераклида.[1] К сожалению, она плохо сохранилась, однако восстановление ее Кёлером в основном не возбуждает сомнений. Это — почетный декрет в честь человека по имени Протомах. С родины Протомаха (название города не сохранилось) в Афины явилось посольство с каким-то ходатайством относительно своего согражданина. На основании ходатайства афинский совет дарует Протомаху проксению и признает его «благодетелем» афинского народа за оказанные им услуги. Затем следует заключение, аналогичное последней части декрета в честь Гераклида из Саламина на Кипре. Постановляется выбрать из афинских граждан одного посла для отправки в Гераклею, посол потребует от гераклейцев возвращения... На этом надпись обрывается, но, по аналогии с декретом в честь Гераклида, надо полагать, как думал Вильгельм, что речь шла опять об отдаче снятых с корабля Протомаха частей с целью задержания корабля и груза. Таким образом выясняется, что задержание торгового транспорта, доставлявшего товары из Черного в Эгейское море, было в Гераклее не единичным, а довольно обычным явлением. Оно вошло в практику еще в 60-х годах IV в., т. е. в тот период, когда была в разгаре война Боспора с Феодосией, может быть в качестве одной из форм участия Гераклеи в этой борьбе на стороне Феодосии.

Из разобранных надписей выясняется особое положение Гераклеи как транзитного порта для товаров, шедших в Эгейское море из северо-восточного Причерноморья, из Херсонеса, Феодосии и Боспорского царства. С торговлей этих областей и городов были связаны и интересы Гераклеи. Этим, вероятно, объясняется и ее деятельное участие в борьбе Пантикапея с Феодосией, с которой, равно как и с Херсонесом, у нее, повидимому, были оживленные сношения. Обстановка становится понятной только в случае существования в это время, т. е. уже в первой половине IV в., прямого морского пути от Таврического полуострова к Пафлагонскому выступу.

---

[1] CIA, II, 87. — A. Wilhelm. Bemerkungen zu griechischen Inschriften. Archäologisch-Epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich-Ungarn. 1892, XV, стр. 4 и сл.

Только в этом случае роль Гераклеи как транзитного порта в торговле восточной половины северного Причерноморья с Эгейским миром выдвигается на первый план. Если мы правильно понимаем обе привлеченные надписи, то они достаточно ясно подчеркивают эту роль Гераклеи, а тем самым доказывают и существование краткого морского пути через Черное море еще в первой половине IV в. до н. э.

Отсюда следует также, что первоначальное экономическое значение нового морского пути вскоре переросло в значение политическое. Без открытия этого пути едва ли мыслимы были бы вмешательство боспорского царя Евмела в дела городов южного Причерноморья и его успешная борьба с черноморскими пиратами — гениохами, таврами и ахейцами,[1] а в более поздние времена «всечерноморская» политика Фарнака Понтийского,[2] а затем и события, связанные с деятельностью Митридата Евпатора. Поэтому освоение краткого морского пути через Черное море должно, как нам кажется, считаться крупным фактором в истории всего Причерноморья в целом.

[1] Имеется в виду рассказ Диодора (Diod., XX, 25=SC, I, стр. 477) о благодеяниях, оказанных Евмелом припонтийским городам, среди которых наряду с Византием и Каллатием упоминается и Синопа.

[2] См.: К. М. Колобова. Фарнак I Понтийский. ВДИ, 1949, № 3.

Раздел III

СИНОПА И АМИС В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Синопа и Амис до взятия Синопы Фарнаком в 183 г. до н. э.

Поход Александра Македонского на восток не затронул непосредственно южного побережья Черного моря. Путь македонских войск пролегал значительно южнее Северо-Анатолийских гор. До нас не дошло никаких известий об изъявлении Синопой или Амисом покорности завоевателю Малой Азии и освободителю греческих городов. Зато мы располагаем свидетельством, которое может быть истолковано как показатель осторожного отношения Синопы к современным политическим событиям. Арриан передает рассказ о встрече Александра после битвы при Гавгамеле в стране мардов, за много сотен километров от Синопы, с послами Синопы, направлявшимися к Дарию.[1] Следовательно, Синопа, несмотря на неоднократные военные поражения последнего Ахеменида и на почти уже осуществившееся крушение его власти, продолжала почитать его своим властителем. Однако, с другой стороны, Синопа не присоединилась и к греческой коалиции, направленной против Александра. Она, видимо, просто осталась в стороне от событий и фактически заняла нейтральную позицию. По словам Арриана, и сам Александр Македонский дал именно такую оценку ее поведению. Он отпустил домой захваченных в стране мардов послов Синопы, сказав при этом, что Синопа посту-

[1] Arr., Anab., III, 24, 4. — Q. Curtius Rufus, Hist. Alex., VI, 5, 6.

пила правильно, направив посольство к царю, так как она являлась подданным царя. В то же время он взял под стражу встреченных там же послов Спарты к Дарию как представителей враждебного ему государства.

Не сохранилось никаких сведений о том, каково было положение Синопы после образования мировой державы Александра. Надо полагать, что она, подобно прочим греческим городам Малой Азии, получила автономию после крушения державы Ахеменидов. Это тем более вероятно, что, по свидетельству Аппиана, соседнему с Синопой городу Амису Александр возвратил свободу и демократический образ правления.[1]

Если, таким образом, греческие города южного Причерноморья не были непосредственными участниками военных и политических событий, связанных с походом Александра на Восток, то они очень скоро почувствовали на себе последствия коренным образом изменившейся обстановки.

Как нами уже указывалось, в конце V и начале IV вв. многие племена Малой Азии достигли в своем социально-экономическом развитии ступени военной демократии. Создались крупные племенные объединения, которые либо стояли на грани образования государственности, либо уже перешагнули через эту грань. Во главе новых государственных объединений и союзов племен становились по большей части представители местной знати, но часто эту роль брали на себя знатные персы и даже наместники персидского царя — персидские сатрапы.

Мы уже дали обзор событий, связанных с сепаратистическими стремлениями некоторых сатрапов и царьков Малой Азии и выразившихся в крупных восстаниях целых областей против верховной власти царя царей. Греческие города, видимо, мало пострадали от этих междоусобий. Восстания были подавлены, и многие местные царьки остались в своих владениях в качестве вассалов царя Персии. Так закончился первый период борьбы за самостоятельность отдельных новых государственных образований Малой Азии. Но сепаратистические стремления проявились с новой силой при первых серьезных признаках крушения персидской державы, и в изменившейся

[1] App., Mithr., 8. Из этих слов Аппиана между прочим вытекает, что до Александра в Амисе был не демократический, а какой-то иной образ правления. Следует заметить, что Тарн (CAH, VI, 373) не верит свидетельству Аппиана на том основании, что города южного Причерноморья не представляли для Александра никакого интереса. Он, однако, допускает возможность демократического переворота в Амисе, произведенного именем Александра. Нам кажется, что скептицизм Тарна в данном случае вряд ли обоснован, поскольку дело идет о значительном городе Малой Азии.

общей обстановке они в целом ряде случаев привели к созданию сильных самостоятельных государств, просуществовавших не одно столетие. Греческие города южного Причерноморья оказались теперь в соседстве не только с разрозненными племенами, легко поддававшимися экономической эксплуатации со стороны греческих торговцев; наряду с такими отсталыми племенами появились теперь молодые государственные образования, вожди которых сами эксплуатировали подчиненные им народности и всячески стремились к приумножению своих владений за счет соседних областей, в том числе и богатых греческих городских центров. Таким образом, греческие полисы очутились в совершенно иной обстановке, чем это было при Ахеменидах, что и определило их дальнейшую судьбу в некоторых случаях уже очень скоро после распада царства Ахеменидов.

В 331 г., после битвы при Гавгамеле, Ариарат, повидимому, состоявший сатрапом Каппадокии,[1] объявил себя независимым от персидского царя. Тем самым он стал полновластным правителем Каппадокии. Ариарат I основал династию царей Каппадокии, продержавшуюся на престоле (с некоторыми, правда, перерывами) до 100 г. до н. э., т. е. до времени Митридата Евпатора. Каппадокийское царство почти не имело непосредственных сношений с греческими городами южного Причерноморья, поскольку становление этого государства и закрепление на престоле династии Ариаратов произошло, когда северная часть Каппадокии отошла к Понтийскому царству и Ариаратам досталась только южная ее половина, никак не соприкасавшаяся с Понтом Евксинским. Однако во времена Ариарата I, которому принадлежала еще не расчлененная Каппадокия, приморские греческие города должны были находиться в непосредственном с ним соприкосновении.

Роль Пафлагонии в истории греческих припонтийских колоний в эпоху эллинизма была также незначительна. Расцвет этого, повидимому, только еще начавшего слагаться в государство могучего союза племен[2] падает на конец V в. и первую треть IV в. до н. э. Когда Александр проходил через Малую Азию, пафлагонцы отправили к нему посольство в Анкару с изъявлением покорности на определенных условиях.[3] Впоследствии Пафлагония сперва принадлежала различным

---

[1] См.: E. T. Newell. The Küchük Köhne Hoard. Numismatic Notes and Monographs, № 46, 1931.

[2] См. главу 4.

[3] Arr., Anab. II, 4, 1. — Quint. Curt., III, 1, 23.

соперничавшим между собой династам, а затем северная ее часть вошла в состав Понтийского царства, а в южной части, начиная с первых десятилетий II в., появляются мелкие династы.[1] Объединенной Пафлагонии после первой половины IV в. более не существовало.

Большее значение для истории припонтийских греческих городов имела Вифиния, во владения которой входила береговая полоса Черного моря большой протяженности — от фракийского Боспора до Амастрия. Царь Вифинии Зибоет (326—279?) пробовал, однако без успеха, подчинить себе некоторые приморские греческие города.[2] Характерно, что он не решился напасть на Гераклею и направил свои усилия на гораздо более слабый Халкедон и совсем незначительную Астаку на Мраморном море. Потерпев неудачу, Зибоет, а насколько мы знаем — и Никомед I, не возобновляли попыток в этом направлении. Никомед иным способом обеспечил себе выход к морю, основав собственную столицу Никомедию на Мраморном море. Вифиния, таким образом, как бы обратилась лицом к Мраморному и Эгейскому, а не к Черному морю, почему она оказала значительно меньшее влияние на судьбу припонтийских греческих колоний, чем ее восточный сосед и постоянный соперник — Понтийское царство Митридатов.

Основатель этого царства, сыгравшего крупную роль в истории всего Причерноморья, Митридат II Ктист,[3] был потомком персидских династов, в течение многих лет правивших городом Киусом на Мраморном море. Когда по приказу Антигона отец будущего основателя Понтийского царства был убит за измену, Митридат бежал в Пафлагонию и поселился там в небольшом селении Кимиате на горе Олгассе.[4] Пользуясь смутными временами, он исподволь стал собирать вокруг себя окрестные племена Пафлагонии и соседней Каппадокии. В 302 г., когда против Антигона образовалась коалиция, состоявшая из Птолемея, Селевка, Лисимаха и Кассандра, Митридату II удалось поднять против врага этой коалиции пафлагонцев и каппадокийцев, и после разгрома Антигона Митридат остался вождем объединившихся вокруг него племен, составивших ядро будущего Понтийского царства.

---

[1] Th. Reinach. Trois royaumes de l'Asie Mineure. Paris, 1888.

[2] Там же.

[3] Митридатом I считался династ Киуса (337/36—302/01). В нашем изложении мы принимаем список понтийских царей, установленный Р. Х. Лепером [ИАК, 45, стр. 38; см. также: САН, IX, стр. 1023 (M. Rostovtzew)].

[4] Strab., XII, 3, 41.

Территория владений Митридата II ограничивалась первоначально плодородной долиной реки Ириса в северной Каппадокии и реки Амниады в северной Пафлагонии. На востоке Понтийское царство в эту эпоху вероятно граничило с Малой Арменией, на юге — с Каппадокией, на западе — с Вифинией и частично с южной Пафлагонией и Фригией. Столицей Понтийского царства стал город Амасея на реке Ирисе, расположенный к югу от Припонтийских гор, на большой дороге, соединявшей Средиземное и Черное моря. Но выхода к Черному морю Понтийское царство не имело, хотя его столица и находилась на расстоянии нескольких часов пути от Амиса и была соединена с этим городом удобной дорогой. Нетрудно было предвидеть, что цари Понта, владевшие плодородной, но замкнутой областью и с первых лет своего правления стремившиеся к расширению своих владений, обратят свое внимание на береговую полосу Черного моря с ее цветущими греческими городами и широкими возможностями для внешних сношений. Основание Понтийского царства означало, таким образом, для греческих колоний южного Причерноморья начало новой эпохи, появление в непосредственной от них близости нового соседа, гораздо более опасного, чем разрозненные припонтийские племена или местные вожди и царьки, действовавшие в этих областях при Ахеменидах, и гораздо более заинтересованного во владении греческими городами, чем цари Персии, Александр Македонский или диадохи. Внешняя история Синопы и Амиса в течение эпохи раннего эллинизма и сводится, по существу, к истории постепенного их подчинения сперва влиянию, а затем и власти понтийских царей, завершившейся захватом Синопы Фарнаком в 183 г.

После смерти Александра Македонского, при дележе его наследства, Каппадокия, Пафлагония и все области, пограничные с Евксинским Понтом, вплоть до Трапезунта, были отданы Евмену.[1] Эти области фактически перешли во власть Евмена в 322 г., после разгрома и казни Ариарата I Каппадокийского Пердиккой. Евмен правил ими до своей смерти в 316 г. Затем Малая Азия перешла во власть Антигона. Однако уже в 315 г. между Антигоном и коалицией диадохов (Селевк, Птолемей, Лисимах и Кассандр) произошел конфликт, в который косвенно был втянут Амис. Коалиция послала Антигону ультиматум с требованием возвратить ей часть захваченных Антигоном стран и областей. В частности, Кассандр

---

[1] Arr., De rebus successorum Alexandri, § 5. — Plut., Eum., 3. — Dexippus: FGH. II, A, № 100.

требовал для себя Каппадокию, Пафлагонию и Киликию. Не ожидая ответа Антигона, Кассандр послал в означенные области войско под начальством сатрапа Карии Асандра,[1] и часть этого войска, предводительствуемая Асклепиодором, прошла к Черному морю и осадила Амис. Антигон послал против войск Кассандра своего племянника Полемея, которому удалось заставить противника удалиться из Каппадокии. Таким образом, Амис не был захвачен войсками Кассандра и остался подвластным Антигону.

В 311 г. окончилась первая война между Антигоном и коалицией, и по мирному договору вся Малая Азия, за исключением Вифинии и части Писидии, возвращена была Антигону. Последний обещал греческим городам свободу и обязался не ставить в них своих гарнизонов, как это делал его противник Кассандр. Власть Антигона над Малой Азией продолжалась вплоть до крушения всех его планов и собственной гибели в битве при Ипсе в 301 г., после чего последовал новый передел наследства Александра противниками Антигона. Согласно этому новому распределению, вся северная половина Малой Азии, т. е. все области, расположенные севернее Тавра, в том числе и припонтийские города, отошли к Лисимаху. Нам почти ничего не известно об истории этих городов при Лисимахе, но о политике Лисимаха в отношении подвластных ему греческих городов вообще в настоящее время преобладает в науке мнение, что он следовал примеру Антигона,[2] т. е. имел в городах своих наместников, однако не держал там гарнизонов и не нарушал их самоуправления.

Впрочем, власть Лисимаха над северными областями Малой Азии была в значительной мере фиктивной, так как обширные области в этих районах не подчинились ему и имели собственных правителей, власть которых к тому времени уже настолько утвердилась, что многие из них стали принимать титул царей. Это относится прежде всего к Вифинии и понтийской Каппадокии, превратившейся впоследствии в Понтийское царство.

Как мы видели выше, понтийская Каппадокия в первое время своего существования не соприкасалась с морем, но обладание выходом к морю, видимо, входило в планы уже первого царя Понта Митридата Ктиста, так как он вступил в сношения с припонтийскими городами под предлогом защиты их от посягательств со стороны различных претендентов. В 281 г. был

---

[1] Diod., Bibl., XIX, 57, 4; 60, 2.
[2] RE, s. v. Lysimachus, Sp. 23 (Geyer).

убит Лисимах, и к тому же году относится свидетельство гераклейского историка Мемнона [1] о том, что Гераклея, опасаясь нападения со стороны Селевка, стала искать союзников и отправила с этой целью послов к царю Понта Митридату, византийцам и халкедонянам. К союзу присоединились царь Вифинии Зибоет, а также города Киус и Тия. Союз оказался настолько сильным, что ни Селевк, ни его преемник Антиох не были в состоянии подчинить себе север и северо-запад Малой Азии.[2] С этого времени наследники Александра теряют власть над припонтийскими городами, и последние становятся самостоятельными, однако ненадолго. За исключением Гераклеи, сумевшей сохранить свою свободу до подчинения Риму в I в. до н. э., все остальные греческие города постепенно в течение III и II вв. подпали под власть понтийских царей и вошли в состав Понтийского царства.

Через два года после заключения союза против Селевка между Гераклеей и Митридатом Ктистом, т. е. в 279 г., Митридат, согласно сообщению того же Мемнона,[3] овладел первым греческим городом побережья — Амастрием. В это время союзница Митридата — Гераклея Понтийская, заключив союз с царем Вифинии Никомедом I против Антиоха, «освобождала», т. е. прибирала к рукам, более мелкие греческие города побережья — Тию, Киерон, а также область фракийского племени финов, действуя не только силой, но и подкупом. Однако в Амастрии Гераклею постигла неудача. По словам Мемнона, гераклеоты «стремились завладеть им при помощи силы или денег, но успеха они не имели, так как владевший этим городом Евмен, движимый безрассудным гневом, предпочел отдать его даром Ариобарзану, сыну Митридата, а не гераклеотам за деньги». Ариобарзан, сын и преемник Митридата Ктиста, некоторое время был соправителем своего отца, и добровольное подчинение Амастрия Ариобарзану означало большую удачу политики Митридата Ктиста в деле продвижения его царства на черноморское побережье.

Сохранилось еще одно известие о выступлении царей Понта в качестве «защитников» северо-запада Малой Азии от сторонних притязаний, на этот раз от Птолемея Филадельфа. У Стефана Византийского под словом Ἀγκύρα — πόλις Γαλατίας

---

[1] Memnon, XI.

[2] Мемнон в главе XI рассказывает, что Селевк послал управителя Афродисиа в города Фригии и припонтийские города. Это, очевидно, была неудачная попытка овладеть этими областями.

[3] Memnon, XVI.

приводится отрывок из сочинения Аполлония из Афродисии[1] — греческого писателя III в. до н. э., уроженца Египта, в котором повествуется, что Митридат Ктист и Ариобарзан, действуя совместно, с помощью недавно пришедших в Малую Азию галатов, преследовали присланных Птолемеем египтян до моря и сняли якоря с их судов, после чего ими было основано в Галатии три города: Анкира, Пессинунт и Тавия. Так как эти военные действия произошли, по словам Аполлония, вскоре после нашествия галатов в Малую Азию, что имело место в 278 г., то столкновение понтийских царей с войсками Птолемея Филадельфа может быть приблизительно отнесено к 275—270 гг. К сожалению, отрывок Аполлония не уточняет, до какого именно моря преследовали египтян цари Понта — Мраморного или Черного, однако более вероятно последнее, так как, если бы речь шла о Мраморном море, то в этих событиях неминуемо должен был бы участвовать царь Вифинии. Что же касается египетской экспедиции в Черное море при Птолемее Филадельфе, то она не заключает в себе ничего невероятного, поскольку имеется достаточно указаний на стремление первых Птолемеев распространить свое владычество не только на Эгейское, но и на Черное моря, о чем подробнее будет сказано ниже. Таким образом, рассказ Аполлония подтверждает, что в 70-х годах III в. цари Понта, уже владевшие Амастрием, старались не допустить к Черному морю возможных соперников своей власти.

Ко времени первых царей Понта — Митридата Ктиста и Ариобарзана — относится, по всей вероятности, и подчинение Понтийскому царству города Амиса. Это, повидимому, стало уже свершившимся фактом, когда в 250 г. умер Ариобарзан. Мемнон[2] рассказывает, что Митридат III был в то время еще ребенком. Галаты были настроены враждебно по отношению к Понтийскому царству, а так как они не боялись мальчика Митридата, то стали делать набеги и опустошать его царство. В стране наступил голод. «Тогда гераклейцы, — говорит Мемнон, — стали посылать хлеб в Амис, откуда подданным Митридата легко было получать провиант и таким образом избавиться от голода».

В этом повествовании ничего прямо не сказано о подчинении Амиса Понтийскому царству. Мемнон отмечает только

---

[1] Apollonius Aphrodisiensis: Historicorum Graecorum Fragmenta (K. O. Müller), v. IV, стр. 312. — RE, s. v. Apollonios, № 73. — F. Susemihl. Alexandrinische Litteratur-Geschichte. Leipzig, 1891, Bd. I, стр. 648 и сл.

[2] Memnon, XXIV.

роль Амиса как посредника при доставке продовольствия в царство Митридата, что предполагает налаженные связи между Амисом и Понтийским царством. Однако имеются другие данные, которые, повидимому, говорят в пользу того, что Амис в это время входил если не в состав, то в сферу влияния Понта. На это указывают некоторые новые явления в монетных выпусках Амиса.

До эпохи эллинизма Амис чеканил монету по персидской мере веса. После Александра монеты его переходят на родосскую систему. Амис выпускает драхмы и триоболы родосского веса с прежними эмблемами, т. е. головой богини или нимфы на аверсе и совой на реверсе, но уже без надписи ΠΕΙΡΑ — Пирей, из чего можно заключить, что город вернулся теперь к своему первоначальному наименованию.[1] На этих монетных сериях вскоре появляются монограммы, хорошо известные по монетам первых царей Понта, что может считаться доказательством частичного, по крайней мере, контролирования монетного дела Амиса царями Понта.[2] С другой стороны, следует отметить, что данные серии монет во многом еще хранят традиции монетных выпусков Амиса IV в. В этом отношении они коренным образом отличаются от монет того же города времени позднего эллинизма; последнее обстоятельство показывает, что дело идет пока скорее лишь о некоем протекторате или контроле над Амисом со стороны царей Понта, а не о включении этого города в состав царства.[3] Цари Понта, видимо, еще не чувствовали себя для этого достаточно сильными, особенно при наличии по соседству такого значительного города, как Синопа, где политика Митридатов вряд ли встречала сочувствие. Лишь после того, как было сломлено упорное сопротивление Синопы, цари Понта почувствовали себя полноправными хозяевами в причерноморских областях Малой Азии. Но на осуществление этого плана, может быть, задуманного еще Митридатом Ктистом, потребовалось больше столетия.

Присоединение Амастрия к Понтийскому царству и установление протектората над Амисом произошли в первой половине и середине III в. Первое нападение на главный греческий

[1] WBR, Amisos, №№ 8—11.

[2] WBR, стр. 53. Что касается бронзовых монет Амиса с изображением головы юноши в персидском головном уборе (WBR, табл. VII, *6*), то отнесение их к III в. Рейнаком ошибочно (см.: F. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung des Mithridatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens. Numism. Zeitschr., 1912, H. 2, стр. 169—184, особенно стр. 170 и сл. (группа 1).

[3] Об этом прежде всего свидетельствует продолжение выпуска Амисом серебряной монеты.

полис южного Причерноморья — Синопу — относится к 220 г.[1] Третья четверть века была заполнена для Понтийского царства борьбой за расширение своих границ на юго-запад. Когда же его экспансия в этом направлении приостановилась, цари Понта обратились в сторону Синопы, мешавшей их господству на черноморском побережье.[2] Обеспечив себя от нападений с тыла, со стороны Антиоха Великого, Митридат III открыто напал на Синопу. Благодаря Полибию, известны некоторые подробности этого события.

Первое открытое нападение понтийских царей на Синопу успеха не имело, надо думать, главным образом вследствие отсутствия у нападающих сильного флота. Понтийский царь, видимо, не сумел также обеспечить внезапности нападения, и жители Синопы имели возможность заручиться помощью извне и провести приготовление к осаде. Из рассказа Полибия видно, что Митридат III пытался подойти к Синопе с суши и, возможно, отрезал ее от материка. Синопцы испугались, что Митридат поведет осаду не только с суши, но и с моря, и поспешили обратиться за помощью к греческим городам, с которыми они находились в дружественных отношениях. Полибий рассказывает только о посольстве, отправленном с этой целью на Родос, — в это время самой крупной военно-морской силе в Эгейском море, но аналогичные посольства были направлены и в другие греческие государства, в которых Синопа могла надеяться получить помощь. В храме Асклепия на острове Косе стояла стела с надписью, представлявшей собой копию с декрета Синопы в честь послов Коса, оказавшего Синопе деятельную поддержку в войне с Митридатом.[3] Что же касается Родоса, то в ответ на просьбу о помощи там, согласно словам Полибия, были выбраны три уполномоченных, которые на отпущенные для этой цели средства (вероятно в форме займа Синопе) в количестве 14 000 драхм приготовили 10 000 керамиев вина, 300 талантов обработанного волоса и 100 талантов обработанных жил для метательного оружия, 1000 комплектов тяжелого вооружения, 3000 золотых статеров и, кроме того, 4 машины для метания камней вместе с обслуживающим

---

[1] Polyb., IV, 56.

[2] Как было замечено Рейнаком (WBR, стр. 201), на мелких монетах Синопы начала III в. появляется эмблема — нос корабля, копирующая эмблему монет Кнуса, что, может быть, указывает на сношения между Понтом и Синопой уже в это время (см.: WBR, табл. XXV, *26*, и нашу табл. I, *10*).

[3] Надпись эта не издана. Содержание ее изложено вкратце в AA, 1903, стр. 198; AM, 1905, стр. 182 (R. Herzog).

персоналом. Синопские послы привезли все это в свой город. Затем синопцы, боясь, чтобы Митридат не произвел высадки севернее города, на выдающемся далеко в море мысе, и не начал осаждать город не только с юга, но и с севера, стали всячески укреплять палисадами и рвами удобные для высадки пункты и располагать на них сторожевые отряды. Полибий ничего не сообщает о дальнейшем ходе войны между Митридатом III и Синопой, однако совершенно ясно, что на этот раз Синопа отстояла свою самостоятельность и сохраняла ее еще более 40 лет. Лишь в 183 г. царю Фарнаку I удается овладеть этим городом и на долгие годы закрепить его за Понтийским царством. К сожалению, нам не известны подробности захвата Синопы Фарнаком. Более или менее ясна лишь общая политическая обстановка того момента, когда Фарнак осуществил свой смелый замысел.

Фарнак, видимо, воспользовался некоторым затишьем, наступившим в Малой Азии после битвы при Магнесии в 190 г. и заключения мирного договора в Апамее в 188 г. Антиох III должен был удалиться за Тавр. Римские легионы покинули Малую Азию после совершенного ими под предводительством Манлия похода на галатов. Вся западная половина Малой Азии до реки Галиса вошла в сферу прямых политических интересов Рима. Царство Фарнака находилось в большей своей части за пределами этой границы. Руки у него были развязаны, и в то же время он мог надеяться на временное бездействие своих главных врагов и конкурентов Пергама и Вифинии. Момент был благоприятный, и Фарнак не замедлил им воспользоваться для захвата Синопы — первого шага на пути к достижению вставших перед ним очень широких задач, связанных с расширением своего влияния в Черном и Эгейском морях.[1] Осуществление этих замыслов было возможно только при обладании большим флотом и необходимыми для его содержания ресурсами. Заключив союз с царем Армении Митридатом и с галатами, Фарнак внезапным ударом овладел Синопой. Об этом событии мы узнаем только из чрезвычайно краткого сообщения Страбона.[2] Описав местоположение Синопы, Страбон продолжает: «Хотя этот город и был таковым (т. е. трудно доступным для врагов, — *М. М.*), он все же был дважды взят — первый раз Фарнаком, который напал на него внезапно и неожиданно (παρὰ δόξαν), и вторично Лукуллом». Из этих

---

[1] О Фарнаке и его политике см.: К. М. Колобова, ук. соч., стр. 27 и сл.

[2] Strab., XII, 3, 11.

слов можно вывести заключение, что Фарнак достиг своей цели не при помощи регулярной осады и открытых военных действий, но путем внезапного нападения, обмана и захвата города врасплох. Весьма вероятно, что репутация Фарнака как «самого беззаконного царя» сложилась именно на основании этого события.[1] Во всяком случае падение Синопы и переход этого города в руки Фарнака произвели исключительно сильное впечатление на современников-греков. В сожалении о печальной участи, постигшей Синопу, отразилось большое значение и высокий престиж этого города в греческом мире. Полибий начинает свой приведенный выше рассказ о нападении Митридата III на Синопу в 220 г. со слов: «И это (нападение Митридата, — *М. М.*) стало как бы началом и первым проявлением тех бедствий, которые синопцам пришлось исчерпать до конца», намекая, конечно, на взятие Синопы Фарнаком. В следующем после падения Синопы (182) году в Рим прибыли послы Родоса, особенно заинтересованного в судьбе Синопы греческого государства.[2] Им было дано специальное задание обратить внимание Сената на несчастия, постигшие Синопу. Одновременно с послами Родоса в Рим приехали послы Фарнака и Евмена Пергамского. Всем им было сообщено о предстоящей отправке Сенатом в Малую Азию специальной комиссии для расследования положения Синопы и других спорных вопросов. О прямых результатах работы этой сенатской комиссии в Малой Азии мы сведений не имеем, по крайней мере в том, что касается положения Синопы, однако несомненно, что Фарнак добился у римлян оставления этого города за ним. Синопа осталась в его владении не только после обследования, произведенного сенатской комиссией, но также и по окончании в общем неблагоприятной для понтийского царя войны между ним и большой коалицией враждебных ему государств, когда ему пришлось поступиться некоторыми из своих завоеваний.[3]

О государственном устройстве и социальном составе населения Синопы в период раннего эллинизма мы очень плохо осведомлены. В рассказе Тацита о переносе из Синопы в Александрию статуи Сараписа[4] упоминается царь Синопы Скидрофемид, судя по его имени, не грек, скорее всего представитель местной знати, в какой-то своей части слившейся с верхушкой греческого общества. С другой стороны, из того же

---

[1] Polyb., XXVII, 17 (см.: К. М. Колобова, ук. соч., стр. 28).
[2] Polyb., XXIII, 9. — Liv., XI, 2.
[3] К. М. Колобова, ук. соч., стр. 29 и сл.
[4] Tacit., Hist., IV, 83, 84. Подробнее об этом см. главу 8, стр. 234 сл.

рассказа Тацита ясно, что Скидрофемид созывал, когда он находил нужным, народное собрание, а из упоминавшейся уже нами надписи вытекает, что в Синопе в какой-то период III в. функционировал городской совет, выделявший сроком на 1 месяц коллегии пританов, непосредственно ведавших делами города.[1] Как мы увидим впоследствии, народное собрание созывалось в Синопе и при Митридатах, а Рим после завоевания Синопы восстановил там как народное собрание, так и совет, что предполагает существование этих государственных учреждений и в период автономии. Из городских магистратов Синопы этого периода мы знаем по синопским клеймам только астиномов.

Синопа и Амис в составе Понтийского царства

Захват Синопы Фарнаком знаменует собой важный этап в истории Понтийского царства и всего Причерноморья в целом. При Ахеменидах Синопа и Амис были окраинными городами огромного государства. Центральная власть знала о их существовании благодаря ежегодно вносимой дани и изредка появлявшимся при дворе посольствам. В чрезвычайных случаях города посылали свои корабли в предпринимаемые царем военные экспедиции. В остальном они были свободны, хотя цари оказывали известное давление на выбор существовавшей там формы правления. При Митридате положение стало иным. Синопа и Амис превратились в главные городские центры Понтийского царства, и верховная власть широко использовала их богатые ресурсы для осуществления своей смелой внешней политики. Судьба обоих городов отныне тесно переплетается с историей Понтийского царства, и в дальнейшем мы попытаемся, во-первых, осветить, какие изменения повлекло за собой включение их в царство Митридатов в том, что касается их экономики, социального состава и внутреннего устройства, и, во-вторых, показать, какую значительную роль сыграли оба города как при возвышении Понта, так и при его крушении во время 3-й войны Митридата Евпатора с Римом.

Наши источники чрезвычайно скупы относительно сведений о государственном устройстве Синопы и Амиса при Митридатах и не дают нам почти никаких материалов для суждения о тех конкретных условиях, в которых жили оба города, когда они находились в составе Понтийского царства. Как известно, эллинистические монархи в своей политике по отношению к греческим городам держались двух различных линий пове-

[1] Rob., 40; см. также главу 4, стр. 99.

дения. Одни из них, по примеру Александра Македонского, рассматривали греческие города как свободных союзников, другие, по примеру Антипатра, видели в них своих подданных [1] и ставили в них свои гарнизоны. С течением времени между этими двумя основными направлениями создался целый ряд промежуточных форм: подданство выражалось главным образом в налогах; в города вместо гарнизонов назначались царские правители или же главные магистраты города не выбирались гражданами, а назначались царем.[2] Вообще говоря, форма подчинения городов центральной власти могла иметь и имела множество вариантов, что же касается свободы городов, которая в начале эпохи эллинизма еще понималась иногда серьезно, по крайней мере в смысле внутреннего самоуправления, то с течением времени эта свобода стала эфемерной и никогда не мешала монарху принимать по отношению к городам те мероприятия, какие он считал необходимыми.

В греческих городах, подвластных Митридатам, повидимому, были сохранены какие-то старые органы самоуправления и организации граждан. На это указывают нам следующие факты. Клейма на синопских амфорах времени подчинения Синопы понтийским царям продолжают называть астинома — магистрата, повидимому, в известной мере контролировавшего экспорт Синопы,[3] и во всяком случае магистрата выборного, функции которого были связаны с производством или торговлей и, может быть, хозяйством города. Отсюда мы вправе сделать вывод о том, что магистратура астиномов продолжала существовать в Синопе и при понтийских царях. В Синопе, повидимому, продолжало функционировать и народное собрание. По крайней мере, в рассказе гераклейского историка Мемнона об осаде Синопы Лукуллом повествуется о созыве там тогдашними правителями города народного собрания.[4] Наконец, имеется еще одно свидетельство, касающееся, правда, не Синопы, а другого греческого приморского города, входившего в состав Понтийского царства, — Абонутейха, из которого явствует, что и там сохранились при Митридатах некоторые

---

[1] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, стр. 76 и сл. — А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 143 и сл.

[2] Примеры различных форм вмешательства монархов во внутренние дела полисов см.: А. Б. Ранович, ук. соч.; В. Тарн, ук. соч.

[3] См.: Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 43 и сл.

[4] Memnon, LIII. Рассказ Мемнона подробно разобран нами в главе 10.

древние установления времен полисной автономии.[1] Надпись прекрасно сохранилась и датирована 137 г. до н. э., т. е. царствованием Митридата Евергета, отца Митридата Евпатора. В это время Абонутейх входил в состав Понтийского царства (в прескрипте обозначено, что надпись составлена при Митридате Евергете), но надо полагать, что этот небольшой и слабо защищенный город подпал под власть понтийских царей раньше Синопы, тем более, что он расположен не очень далеко от Амастрия, еще в начале III в. завещанного его правителем Евменом понтийским царям.[2]

Надпись содержит постановление в честь некоего Алкима, сына Менофила, стратега, повидимому уроженца Абонутейха, и присуждение ему ряда экстраординарных почестей. О чрезвычайно интересном содержании надписи мы будем говорить несколько позднее. Сейчас укажем только, что постановление вынесено общим собранием фратрий города. Следовательно, уже через значительный промежуток времени после присоединения Абонутейха к Понтийскому царству в нем еще существовало такое древнее, восходящее еще к пережиткам родового строя, деление граждан, как фратрии. Из надписи выясняется, кроме того, что среди членов фратрии имелись старейшины и что существовал устав (νόμος) фратрий, куда общее собрание имело право вносить дополнительные параграфы и вписывать имена своих «благодетелей». Постановления фратрии, вырезанные на мраморных стелах, выставлялись для всеобщего обозрения перед храмом Зевса Поарина — вероятно главным храмом города. Все происходило, следовательно, как в доброе старое время, когда греческие полисы были автономны, но самое содержание постановления, к которому мы еще вернемся, громко свидетельствует о новых отношениях, сложившихся между греческим городом и чествуемым лицом, видным администратором Понта.

Таким образом, имеются основания предполагать, что цари Понта оставили за греческими городами побережья какую-то долю автономии во внутреннем управлении. В то же время Митридаты, по примеру других эллинистических монархов, заботились об украшении своих столиц богатыми зданиями [3]

---

[1] Р. Х. Лепер. Греческая надпись из Инеболи. ИРАИК, т. VIII, стр. 153 и сл. — Th. Reinach. A stele from Abonouteichos. Numismatic Chronicle, V, 1905, стр. 113 и сл.

[2] См. стр. 175.

[3] В отношении Амиса Страбон определенно свидетельствует, что Митридат Евпатор украсил его храмами (Strab., XII, 3, 14). Говоря о Синопе, он отмечает, что она «была окружена прекрасно сложенными

и всячески поощряли развитие науки, литературы и искусства, выставляя себя в роли покровителей эллинской культуры. Синопа IV и III вв. дала греческому миру ряд выдающихся ученых и поэтов, но их деятельность развертывалась главным образом за пределами их родины. Так было с основателем кинической философской школы Диогеном [1] и с выдающимися поэтами новой аттической комедии — Дифилом, Диодором [2] и Дионисием.[3] Уроженец Синопы историк Батон написал сочинение Περσικά и ряд других произведений, касавшихся истории различных областей Греции, но не самой Синопы.[4] Вероятно при Митридатах в Синопе жили и работали эпикуреец, философ Тимофей Патрий [5] и астроном Биллар, который изготовил сферу (σφαῖρα), т. е. большой, вращающийся вокруг своей оси глобус, который, по всей вероятности, изображал суточное вращение небесного свода вокруг земли, а может быть и движение планет (последнее при помощи особых добавочных механизмов).[6] Этот глобус был выставлен в Синопе для всеобщего обозрения и увезен затем Лукуллом в Рим вместе со знаменитой статуей легендарного основателя Синопы — Автолика, работы Сфеннида. Возможно, как думают Низе и Робинзон, что историк Диофант, упоминаемый Агатархидом и составивший сочинение Ἱστορίαι Ποντικαί, был не кто иной, как знаменитый полководец Митридата Евпатора того же имени.[7] Вероятно в эпоху позднего эллинизма жил и ученый Феопомп Синопец, который писал о землетрясениях (περὶ σεισμῶν).[8] В Синопе работали и выдающиеся грамматики, поскольку одно из семи древних изданий Гомера появилось на свет в Синопе.[9] В Амисе

стенами и украшена замечательными гимнасием, агорой и портиками», не указывая, кто построил эти здания (Strab., XII, 3, 11). Цицерон также называет Синопу и Амис городами, в которых находились дворцы царя и которые были украшены и обставлены многими произведениями искусств (Cicer., De Imp. Cn. Pomp., § 21).

[1] См. главу 4, стр. 111 и сл.

[2] IG, II, 3, 3343 (см.: A. Wilhelm. Urkunden dramatischer Aufführungen in Athen. Wien, 1906, стр. 60; RS, стр. 270 и сл.).

[3] RS, стр. 271 и сл.

[4] FGH, III, A, стр. 77—79. — Strab., XII, 3, 11. — F. Susemihl, ук. соч., Bd. I, стр. 635 и сл.

[5] Strab., XII, 3, 11. Время жизни этого философа определяется различно — IV—II вв. до н. э. (см.: RE, s. v. Timotheos, № 17).

[6] Strab., XII, 3, 11.— RE, s. v. Billaros.

[7] Niese. Rhein Mus., XLII, стр. 569. — RS, стр. 272. — F. Susemihl, ук. соч., Bd. I, стр. 647.

[8] Historicorum Graecorum Fragmenta (K. O. Müller), v. III, стр. 622, 48. Упоминается Флегоном из Тралл.

[9] Schol. Il., I, 235, 298, 423; II, 258; V, 461. — RS, стр. 133.

при Митридате процветали поэт Мирин,[1] ученик Диоскорида из Тарса, грамматик Тиранион, учитель Страбона, математики Деметрий, сын Ратена, и Дионисиодор.[2] При дворе Митридата постоянно находилась целая плеяда греческих ученых, поэтов и художников, в том числе знаменитые ученые Диодор из Адрамитиона и Метродор из Скепсиса.[3] Митридат, так же как и его предки, посвящал произведения искусства в греческие храмы, и статуи его, в том числе и колоссальные, сделанные из золота и серебра, фигурировали в триумфе Помпея.[4] Митридат был также первым лицом, собравшим большую дактилотеку, т. е. коллекцию резных камней, посвященную Помпеем в храм Юпитера Капитолийского (рис. 22).[5] Огромное собрание всякой драгоценной утвари хранилось в сокровищнице Митридата в Талаврах.[6]

Однако, несмотря на широкую строительную деятельность Митридатов в их столицах и на всяческое содействие развитию наук и искусств, несмотря на предоставление городам некоторых прав на самоуправление, положение греческих городов в Понтийском царстве коренным образом отличалось от того, в котором они находились в период автономии и подчинения Ахеменидам. Не говоря уже о том, что Синопа и Амис лишились теперь всякой самостоятельности в сношениях с внешним миром, Митридаты властно вмешивались и в их внутреннюю жизнь, когда того требовали обстоятельства; всячески поощряя расширение их торговли, они и тут провели ряд мероприятий, направленных к тому, чтобы поставить хозяйственную жизнь городов на службу общегосударственным интересам.

Мы не знаем наверное, стояли ли в Синопе и Амисе постоянные царские гарнизоны, подобно тому, как это имело место в прежней столице царства Амасее.[7] В военное время защита Синопы, а вероятно и Амиса, поручалась не гражданскому

---

[1] Syll.[3], № 721. — BCH, IV, 1880, стр. 362 (Homolle). В «Anthologia Palatina» сохранилось несколько эпиграмм, приписываемых некоторыми учеными этому поэту (VI, 108 и 251; VII, 703; XI, 67).

[2] Strab., XII, 3, 16. О Дионисиодоре см.: RE, s. v. Dionysodoros, № 19; о Деметрии — RE, s. v. Demetrios, № 117; о Гистиее и Тираннионе — F. Susemihl, ук. соч., Bd. II, 1892, стр. 179—183.

[3] RM, стр. 282.

[4] App., Mithr., 116 (см.: RM, стр. 286).

[5] Plin., Nat. Hist., XXXVII, 1, 11.

[6] App., Mithr., 115. Из Амиса, вероятно, происходит мраморная голова статуи, изображающая, по мнению Кюмона, голову Персея, которой приданы черты лица Митридата (RA, 1905, 1, стр. 180 и сл.; F. Cumont, Le Persée d'Amisos; см. также рис. 3 и 4 и стр. 187 — бронзовая посеребренная статуэтка Персея).

[7] OGIS, № 365.

ополчению, а сильным чужеземным отрядам, находившимся под командой начальников, которые не были гражданами защищаемых городов.[1] Рассказ Мемнона об осаде Синопы римскими войсками Лукулла, который будет подробно разобран нами в одной из следующих глав, показывает, что в это критическое для Синопы время граждане Синопы не принимали участия в обороне города. А поскольку в довольно многочислен-

Рис. 22. Гемма с портретом Митридата. Эрмитаж.

ных упоминаниях древних писателей о составе войск Митридата нигде не встречается указания на отряды греческих городов, то весьма вероятным становится предположение о том, что греческие города, как таковые, при Митридате не имели собственных вооруженных сил, ни сухопутных, ни морских, хотя отдельные граждане, конечно, могли служить в царских войсках, где они растворялись в массе набранных со всех областей Греции наемников.[2]

[1] См. главу 10, стр. 262 и 269.

[2] О войсках понтийских царей см.: RM, стр. 264 и сл.; RE, s. v. Mithradates, № 12. Гриффис (G. T. Griffith. The mercenaries of the hellenistic world. Cambridge, 1933, стр. 186) склоняется к тому, что при Митридате Евпаторе граждане греческих городов не были, вообще говоря, обязаны нести военную службу, за исключением тех периодов, когда

Новое положение старых припонтийских городских центров отразилось весьма ярко на их монетных выпусках. Как мы видели выше и увидим в главе 8, в VI—III вв. Синопа и Амис выпускали обильные серии серебряных монет, а Синопа в III в. чеканила даже золото. В течение всего этого времени оба города были единственными городскими центрами Пафлагонии и Каппадокии, обладавшими монетными дворами. Только в IV в. царь Каппадокии Ариарат I и какие-то ближе не известные нам местные династы чеканили свою монету, но это, во-первых, были явления кратковременные, а во-вторых, эти монетные выпуски стремились подражать монетам Синопы, тем самым доказывая широкую популярность последних.

Совершенно другой характер приобретают монетные выпуски Синопы и Амиса после подчинения этих городов Митридатам. Отныне чеканка монет из благородных металлов становится прерогативой понтийских царей, а монетные выпуски греческих городов сводятся лишь к меди крупных, средних и мелких номиналов.[1] При этом наряду с Синопой и Амисом медную монету чеканит теперь также целый ряд других городов и поселений. Это, во-первых, города побережья: Амастрий, Абонутейх и вновь основанный Фарнаком I город-крепость Фарнакия; во-вторых, старые монетные центры припонтийской Каппадокии и вошедшие в состав Понтийского царства области Пафлагонии, а также вновь основанные понтийскими царями города и крепости: Амасея, Кабира, Комана Понтийская, Газиура, Лаодикея, Хабакта, Талаура, Пимолиза. Выпуски всех этих монетных дворов по существу ничем друг от друга не отличаются. Рейнак [2] подчеркивает чрезвычайное единообразие всех городских выпусков медных монет Понтийского царства как по фактуре, так и по весу и эмблемам, а Имхоф-Блумер замечает, что на монетах разных городов встречаются одни и те же монограммы. Что касается эмблем, то характерно полное исчезновение с монет Синопы и Амиса прежних

наступало опасное положение. В рассказе Мемнона об осаде Синопы упоминаются синопские военные корабли, но они, как явствует из того же рассказа, находились под командой чужеземных начальников и, следовательно, принадлежали к царскому, а не к синопскому флоту, хотя и стояли в Синопском порту.

[1] См.: WBR, Sinope, №№ 59—73; Amisos, №№ 14—42; F. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung des Mithridatischen Reiches... О расхождении взглядов этих двух нумизматов см. главу 9, стр. 219 и сл. Здесь отметим только, что Имхоф-Блумер относит все городские медные монеты Понта к царствованию Митридата Евпатора, тогда как Рейнак полагает, что выпуск их начался при его предшественниках.

[2] WBR, стр. 4.

сюжетов, заимствованных из их собственных культов и легенд. Отныне на монетах этих, как и на монетах прочих понтийских городов, можно видеть почти исключительно изображения, так или иначе связанные с культами и легендами династии Митридатов: с Персеем, Дионисом и другими божествами, изображения которых часто помещаются и на царских монетах (табл. III, *5*, *7*, *8*).

Унификации веса, размеров и типов понтийского городского чекана соответствует и унификация стиля изображений и языка легенд. Все изображения даны в греческой трактовке, и надписи всегда начертаны греческими буквами. Таким образом, выпуски отдельных монетных дворов отличаются друг от друга только двумя признаками: первое отличие состоит в том, что выпуски Синопы и особенно Амиса несравненно обильнее выпусков других городов; второе отличие заключается в легендах. На всех монетах греческими буквами обозначено, обычно в родительном падеже единственного или множественного числа, имя города, выпустившего монету, — ΣΝΩΠΗΣ, ΚΩΜΑΝΩΝ, ХАВАКТΩN и т. д. Только присутствие этих надписей и позволяет отличить друг от друга выпуски отдельных монетных дворов Понтийского царства (ср. табл. I, *13* и III, *5*).

Вряд ли можно сомневаться в том, какая идея положена в основу монетной реформы, проведенной в Понтийском царстве. Цари Понта стремились к единообразию монет, имевших хождение в государстве и за его пределами при торговых оборотах понтийских купцов. Монеты Синопы и Амиса обращались наравне с монетами Пимолизы и Хабакты. Так несомненно было на основной территории Понтийского царства, подтверждением чему могут служить монетные клады, зарытые в Амастрии и Амисе. Один из них состоял из 116 медных монет митридатской эпохи, большая часть которых принадлежала к монетам Амастрия, 2 монеты были из Дия, а 8 — из Синопы.[1] В другом амастрийском кладе — более 300 медных монет той же эпохи. Из них 296 монет Синопы, затем имеются монеты Амиса, Амастрия, Кабиры, Команы и Хабакты.[2] Из Амиса происходит клад, состоявший из 93 медных монет той же эпохи. Из них 76 монет Амиса, 8 — Амастрия, 8 — Синопы и 1 — Кабиры.[3]

Такие же монеты обращались на равных основаниях и в северном Причерноморье, на территориях, подвластных или за-

[1] Sydney P. Noe, ук. соч., № 41.
[2] Там же, № 42.
[3] Там же, № 906.

висимых от Митридата. По свидетельству А. Н. Зографа,[1] при работах на Днепрострое «против Кичкаса рефуллером были высосаны 6 городских понтийских монет митридатовского времени». Две из них принадлежали Амису, две — Амасее и по одной — Газиуре и Талауре. Амасея расположена на расстоянии примерно 100 км от берега моря, Газиура находилась в самом центре понтийской Каппадокии, а Талаура — где-то на южных склонах Парнадра, по дороге к Малой Армении, но их монеты, видимо, имели хождение в Приднепровье наравне с монетами Амиса.

Путем унификации монетных серий цари Понта насаждали денежное хозяйство в своем царстве. В этой денежной реформе сказалась и определенная тенденция политики понтийских царей по отношению к греческим городам побережья. Последние как бы ставились тем самым в принципе в одинаковое положение с прочими подвластными царям населенными пунктами. В то же время это способствовало уничтожению границ, которые в прежнее время отделяли греческие города-государства от окружавших их районов, и города в известной мере вливались тем самым в состав территориального государства Митридатов.

С проблемой слияния греческих городов с сельскохозяйственными областями Понтийского царства несомненно связан вопрос о размерах территорий Синопы и Амиса и о методах и форме их эксплуатации. Никакими прямыми свидетельствами по этому вопросу мы, к сожалению, не располагаем, и мнения отдельных исследователей расходятся здесь коренным образом. В ряде работ и особенно подчеркнуто в своем последнем большом труде [2] М. И. Ростовцев утверждает, что все крупные города южного Причерноморья — Синопа, Гераклея и Амис — обладали крупными и плодородными территориями и это давало им возможность самим производить все необходимое для жизни. Никаких оснований для такого утверждения Ростовцев не приводит. Надо думать, что он механически переносит на припонтийские города те условия, которые, как известно по эпиграфическим памятникам, существовали в западных районах Малой Азии. Противоположной точки зрения придерживается Джонс.[3] Его аргументы сводятся к общим рассуждениям и к толкованию двух письменных свидетельств. Что касается первых, то они, на наш взгляд, не выдерживают критики. Джонс вообще счи-

[1] А. Н. Зограф. Находки понтийских монет митридатовского времени в Ольвии. Ольвия, I, 1940, стр. 295.
[2] SEHHW, особенно стр. 592 и 1273.
[3] JC, стр. 155.

тает города южного Причерноморья торговыми транзитными пунктами, извлекавшими средства к жизни только из торговой деятельности и потому не нуждавшимися в больших хорах. Как мы видели, этот популярный в буржуазной науке взгляд очень односторонен, так как Синопа, а вероятно и Амис, были не только транзитными портами, но и крупными, по античным масштабам, производственными центрами. Для обоснования своего мнения о крайне незначительных хорах Синопы и Амиса в период вхождения этих городов в состав Понтийского царства Джонс ссылается, далее, на рассказ Плутарха о благодеяниях, оказанных Лукуллом Амису после взятия и разрушения этого города римскими войсками.[1] Согласно Плутарху, Лукулл стремился всячески облегчить тяжелое положение Понтийских Афин и между прочим прирезал к их территории 120 стадий земли (примерно 22 км; измерение, надо думать, велось по линии берега моря). Джонс понимает это свидетельство Плутарха в том смысле, что вся территория Амиса при Лукулле равнялась 120 стадиям и что, следовательно, до этого времени при понтийских царях город фактически был лишен хоры. Однако данный текст Плутарха допускает и другое толкование. Плутарх употребляет здесь глагол προσορίζω (εἴκοσι καὶ ἑκατὸν σταδίων χώραν προσορίσας), что может означать и прибавление 120 стадий к ранее принадлежавшей Амису территории. Но даже и при таком толковании слов Плутарха все же создается впечатление о незначительности территории Амиса при Митридатах, поскольку присоединение к ней 120 стадий воспринималось как благодеяние. Наконец, Джонс, вслед за Рейнаком, обратил еще внимание на то обстоятельство, что Страбон ведет описание Понта по округам, названия которых — Σιδήνη, Γαζελονίτις и др., — за одним исключением, имеют окончания на ηνη и ιτις, что выдает их доримское происхождение. Отсюда Джонс делает вывод, что эти округа соответствуют административным делениям Понтийского царства — эпархиям,[2] а поскольку взятые в совокупности они покрывают почти всю территорию Понта, то для сколько-нибудь обширных городских территорий нехватает места.

---

[1] Plut., Luc., XIX.

[2] Гипотеза о делении Понтийского царства на территориальные округа (ἐπαρχίαι), которые в свою очередь подразделялись на более мелкие районы (ὑπαρχίαι), принимается и Ростовцевым (САН, IX, стр. 215). Во главе эпархий стояли, вероятно, стратеги. Если это было так, то отпадала необходимость возлагать на города административные функции по сбору податей с сельских районов. В статье «Mithridates» (RE) отрицается деление Понтийского царства на округа.

Таким образом, имеются некоторые основания полагать, что цари Понта не увеличили, а скорее сократили хоры Синопы и Амиса до весьма небольших размеров. При настоящем состоянии наших знаний невозможно разрешить этот важный вопрос окончательно в ту или иную сторону. Но если бы точка зрения Джонса, хотя бы облеченная в менее категорическую форму, подтвердилась в дальнейшем, то это помогло бы нам понять тот факт, что Риму, расширившему до больших размеров территории Синопы и Амиса, удалось в очень короткий срок после завоевания привлечь ранее враждебную ему часть населения этих городов на свою сторону.

Значительное расширение числа монетных дворов, чеканивших монету при Митридатах, наглядно говорит о том, что цари Понта, как и другие эллинистические монархи, усиленно занимались основанием новых городов. Эта деятельность коснулась и побережья Черного моря и, в частности, тех его районов, которые прежде контролировались Синопой через ее колонии и служили материальной базой для ее промышленности и торговли. Уже Фарнак I, захватив Синопу, властно вмешался в дела восточной части береговой полосы и произвел там крупные преобразования, направленные к более полному освоению этих районов.

Главным источником для ознакомления с переменами, происшедшими в восточной части побережья в течение эпохи эллинизма, является Страбон, писавший примерно спустя 200 лет после царствования Фарнака.[1] Однако многие из отмеченных им явлений несомненно относятся к более ранним временам, что видно из сообщаемых им исторических справок. Сравнивая описания Страбона с описанием тех же мест в Анабасисе Ксенофонта, можно установить целый ряд перемен, происшедших в бывших владениях Синопы за 400 лет, отделяющих Ксенофонта от Страбона, а именно частичное исчезновение старых и появление новых городов и перемещение населявших эти местности племен.

Весьма крупным новым явлением было основание Фарнаком, вероятно тотчас же после захвата Синопы, нового города, который стал называться по имени своего основателя — Фарнакией. Фарнакия была построена на берегу моря, между колониями Синопы Котиорой и Керасунтом, на месте современного турецкого города Герасуна.[2] Многие современные путе-

[1] Текст перипла Псевдо-Скимна, составленный много раньше Географии Страбона, сильно испорчен в той части, которая касается описания этого побережья.

[2] О локализации древней Фарнакии см. гл. IV, стр. 71 и сл.

шественники отмечают в Герасуне внушительные остатки древних оборонительных стен, заставляющие смотреть на Фарнакию как на город-крепость (рис. 23).[1] Заселение нового города произошло путем перемещения туда жителей древней колонии Синопы Котиоры, которая после этого захирела и превратилась в деревню.[2] Фарнак, следовательно, прибегнул в данном случае к насильственному переселению жителей из старого города в новый и таким образом круто изменил сложившуюся в данной местности в прежние времена обстановку.

В каких целях было предпринято Фарнаком это преобразование? Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо сведений о мероприятиях Фарнака по отношению к наиболее значительной из колоний Синопы — Трапезунту. Вряд ли это умолчание случайно, и едва ли оно должно пониматься как признание того факта, что Фарнак оставил в Трапезунте все по-старому, хотя этот город и перешел в его власть. Дело в том, что, по свидетельству Страбона,[3] Понтийское царство при вступлении на престол Митридата Евпатора простиралось на восток только до области тибаренов (живших западнее Трапезунта) и до Малой Армении. В другом месте Страбон рассказывает, что халдеи (т. е. халибы) и тибарены были подчинены правителям Малой Армении, власть которых простиралась до Трапезунта и Фарнакии.[4] Страбон тут же прибавляет: «А когда возросла власть Митридата Евпатора, то он стал господином Колхиды и всех этих областей, которые были уступлены ему Антипатром, сыном Сизиса», т. е. правителем Малой Армении. Таким образом выясняется, что восточная часть интересующего нас отрезка побережья с городом Трапезунтом принадлежала в течение какого-то промежутка времени, предшествовавшего эпохе Митридата Евпатора, правителям Малой Армении. Как известно из Полибия,[5] правитель Малой Армении Митридат, современник Фарнака, был его союзником во время войны Фарнака с враждебной ему коалицией, продолжавшейся 4 года и окончившейся мирным договором 179 г. Перед началом войны, направляя свои войска на запад и юг, Фарнак несомненно позаботился об обеспечении своего тыла:

[1] W. Hamilton, ук. соч., I, стр. 247. — Vital Quinet. La Turquie d'Asie, I, стр. 75. — Р. Х. Лепер. Экскурсия в Самсун. ИРАИК, XIII, 1908, стр. 314 и сл. Напомним, что во время 3-й войны с Римом Митридат Евпатор отправил в Фарнакию как в особо надежно укрепленное место своих жен и сестер.

[2] Arr., Peripl., 16.

[3] Strab., XII, 3, 1.

[4] Strab., XII, 3, 28.

[5] Polyb., XXV, 2.

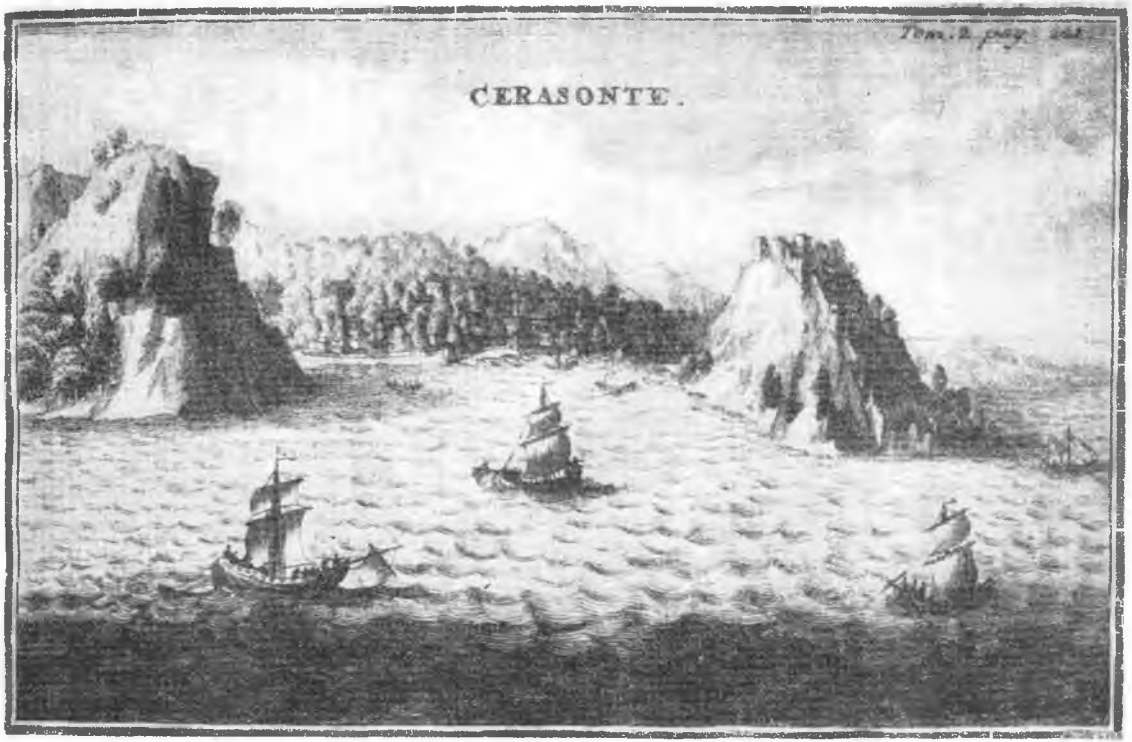


Рис. 23. Фарнакия.

естественно предположить, что заключение союза с Митридатом стоило ему уступки Трапезунта и прилегающих областей. У восточной границы Понтийского царства появился, таким образом, сосед, гораздо более сильный, чем обитавшие во времена Ксенофонта вокруг колоний Синопы разрозненные племена, и весьма вероятно, что главной причиной основания города-крепости Фарнакии была необходимость создания прочной защиты для района богатых рудных месторождений не только против набегов морских разбойников, но и против возможных покушений со стороны Малой Армении.

Значительные изменения в общей обстановке произошли в этом районе и в отношении расселения там местных племен. Во времена Ксенофонта между Трапезунтом и мысом Ясонием обитали четыре племени: колхи, моссинойки, халибы и тибарены. Страбон уже не застает в этом районе колхов и моссинойков. Он дважды упоминает о том, что в его время близ Трапезунта и Фарнакии жили халдеи (т. е. халибы) и тибарены,[1] и рядом с ними называет еще сакков, ранее, по его словам, именовавшихся макронами. Таким образом, ко времени Страбона из рассматриваемого района исчезли колхи и моссинойки, остались в нем халибы и тибарены и вновь появились сакки, которые, если верить отождествлению их с макронами, во время похода греческого войска Ксенофонта обитали много южнее, на расстоянии двух суток пути от Трапезунта. У нас нет никаких указаний на причины, повлекшие за собой эти перемены. Нельзя предполагать, что моссинойки и колхи ассимилировались с соседними племенами. Повидимому, имело место добровольное или вынужденное переселение. Судя по рассказу Ксенофонта, колхи, жившие у Трапезунта, были во вражде с макронами, а во времена Страбона макроны занимали Трапезунтский район, колхи же обитали тогда значительно далее на восток, примерно на границах Колхидской низменности.[2] Возможно, что оставление колхами района Трапезунта произошло вследствие военных столкновений между ними и макронами. Что же касается моссинойков, то они, судя по словам того же Страбона, тоже переселились на восток, в высокогорный район Скадизи, находящийся к востоку от Париадра. Страбон описывает образ жизни этого племени, которое носило теперь название хептакометов, и отождествляет его с ксенофонтовскими моссинойками.[3] Во времена Ксенофонта мос-

---

[1] Strab., XII, 3, 18 и 28.
[2] Strab., XI, 2, 17—19; 3, 1—6; XII, 3, 18.
[3] Strab., XII, 3, 18.

синойки занимались преимущественно пастушеским скотоводством и потому не были тесно связаны с прибрежной полосой, богатой рудными месторождениями. Вероятно они покинули прежние места в результате каких-нибудь потрясений, которые могли иметь место в связи с частыми сменами верховной власти в период войн между диадохами, когда прибрежная полоса входила сначала в царство Ариарата I, затем досталась Евмену, после него Лисимаху, еще позже поделена была между Фарнаком и Малой Арменией и, наконец, перешла в руки Митридата Евпатора. Моссинойки не подчинились Митридату Евпатору, так как древние историки не упоминают отрядов моссинойков среди войск понтийского царя, тогда как они неоднократно называют входившие в состав армий Митридата воинские соединения, состоявшие из тибаренов и халдеев-халибов.[1]

Весьма интересен тот факт, что из прежнего населения этих районов продолжали сидеть на своих местах те два племени, которые, согласно древней традиции, занимались главным образом добычей и обработкой металла, — халибы и тибарены. Уход в другие местности грозил разрушить их веками сложившийся хозяйственный уклад. Поэтому они предпочли остаться на насиженных местах и продолжать прежнюю деятельность, хотя и в новых условиях, в качестве подданных понтийского царя. Страбон описывает условия их жизни следующими словами:[2] «Современные халдеи в древности назывались халибами, и Фарнакия построена на их территории. На море она (Фарнакия, — *М. М.*) имеет возможность производить улов пеламиды, первый лов которой производится в данных местах, а на суше она обладает рудниками, в настоящее время только железными, но в прежние времена дававшими также серебро. Вообще говоря, береговая полоса в этих местах очень узка, так как горы, богатые рудными месторождениями и лесами, поднимаются непосредственно над ней, и лишь небольшие участки ее обработаны. Но для горняков имеется возможность зарабатывать себе пропитание путем обработки руды, а для тех, кто трудится на море, — путем ловли рыбы, особенно пеламиды и дельфинов». Фарнакия находилась, следовательно, в самом центре богатых рудных месторождений, и на нее работали окрестные рудокопы и металлурги. Страбон в своем описании не проводит разграничения между производственной деятельностью населения Фарнакии и окрестных племен. Может быть, это указывает на иные, чем прежде.

---

[1] App., Mithr., 69. — Plut., Luc., XIV, XIX.
[2] Strab., XII, 3, 19.

формы эксплуатации природных богатств страны, уже не в порядке товарообмена между греческими купцами и местными непосредственными производителями, а в порядке государственной повинности, наложенной как на местные племена, так и на греческое население города. В таком случае Фарнакия могла служить не только крепостью против восточных соседей и пиратов, но одновременно она выполняла основные функции по организации и надзору над сбором металла во всем районе.

Фарнакия была самым крупным, но не единственным новым городом, основанным Митридатами на побережье. Страбон отмечает на побережье между Амисом и Фарнакией еще три укрепленных поселения: Сиде, Хабакту и Фабду.[1] Они, вероятно, служили защитой против пиратов, но тот факт, что Хабакта при Митридате Евпаторе чеканила монету, указывает, повидимому, и на ее участие в торговле. Негреческие названия этих пунктов говорят о том, что первоначально это были местные поселения, превращенные Митридатами в города, которые способствовали прочному освоению всей береговой полосы и дальнейшему втягиванию местного населения в экономическую и политическую жизнь государства. При помощи всех этих опорных пунктов обеспечивалась организованная добыча драгоценного продукта прибрежных районов — железа и доставка его путем каботажного плавания в крупные порты — Синопу и Амис, откуда оно затем поступало на внешние рынки. Как мы увидим в следующей главе, цари Понта не только не препятствовали торговле этих городов, но всячески поощряли ее, и весьма вероятно, что царская казна в той или иной форме была в ней непосредственно заинтересована. Коренные преобразования Митридатов в этой части их владений вызывались, таким образом, государственными интересами и были вполне целесообразны ввиду новой сложившейся обстановки. Они основывались на значительно подвинувшемся вперед социально-экономическом развитии местного населения и представляли собой попытку объединения этого населения и греческих городов в составе единого территориального государства.

Наши источники почти ничего не сообщают о социальных сдвигах, происшедших в средних и низших слоях населения Синопы и Амиса в результате приобщения их к Понтийскому царству. То немногое, что нам известно, касается гончарных мастерских и будет нами приведено в следующей главе. Здесь отметим только, что рост производства глиняной тары во II и начале I в. до н. э. осуществлялся за счет его экстенсивного

[1] Strab., XII, 3, 16.

расширения — увеличения количества мастерских, а следовательно, и рабочих, в первую очередь рабов. Так, по наблюдениям Б. Н. Гракова, обстояло дело в гончарном производстве, и нет никаких оснований думать, что в других отраслях производства дело обстояло иначе. Таким образом, можно думать, что рабский труд применялся теперь в Синопе и Амисе более широко, чем в прежнее время, а это в свою очередь вело к конкуренции и обнищанию мелких свободных производителей, которые, возможно, искали выхода из создавшегося положения, поступая наемниками в царские войска. Положение богатых слоев населения — крупных торговцев, навклеров, собственников больших эргастериев, надо полагать, укрепилось благодаря поощрению торговли со стороны Митридатов. В то же время перед представителями высших слоев городского населения открылись новые возможности блестящей карьеры на царской службе. Отдельные представители этого социального слоя переступали теперь замкнутые границы полиса и выходили на широкую арену общегосударственной военной и гражданской деятельности. С этой стороной протекавшего в городах социального процесса мы довольно хорошо знакомы благодаря целому ряду сохранившихся эпиграфических памятников и литературных свидетельств.

Вернемся прежде всего к надписи из Инеболи, которой мы уже касались в связи с упоминаемыми там фратриями. Сообщаем перевод этого документа:[1] «В добрый час! При царе Митридате Евергете, в 161 году (137 год до н. э.), месяце Дионе (октябрь) фратрии постановили: Даипп, сын Критона, жрец, предложил: „Поскольку Алким, сын Менофила, стратег, почтенный общим собранием (τοῦ κοινοῦ) золотым венком, в ответ на оказанную честь возвеличил фратрии многими разнообразными знаками уважения и пожертвованиями и сверх того одарил их 200 драхмами серебра и некоторых старейшин золотыми венками, то фратрии постановили восхвалить его и сделать приписку в устав фратрий, согласно которой провозглашение его увенчаний и восхвалений, которое по постановлению (какой-то более ранний декрет, — *М. М.* надлежало производить ежегодно в течение всей его жизни, должно быть продолжено и при его потомках, благодаря чему эта почесть будет закреплена за ним и его потомками на вечные времена. Это постановление вырезать Матрию на белокаменной стеле и выставить ее перед храмом Зевса Поарина“».

---

[1] Перевод дается по тексту Лепера с некоторыми исправлениями, внесенными в него Рейнаком.

Перед нами почетный декрет, который отличается от других постановлений того же рода некоторыми весьма интересными подробностями. Из текста документа выясняется, что в прошлом Алким, сын Менофила, уже был однажды увенчан золотым венком и восхвален фратриями с последующим, согласно обычаю, ежегодным провозглашением этих почестей во всеуслышание. В данном постановлении отмечается, что Алким в ответ на оказанную ему честь отблагодарил почтившее его собрание многими дарами и знаками уважения, а также денежной суммой в 200 драхм и вместо одного полученного им золотого венка целым их, так сказать, набором, предназначенным для старейших членов фратрий. В ответ на эти действия Алкима фратрия вновь воздает ему хвалу и делает специальную приписку в своем уставе о продлении публичных провозглашений почестей, оказанных Алкиму, на вечные времена.

Насколько нам известно, этот декрет единичен в своем роде. Многочисленны случаи, когда «благодетели» в ответ на оказанные им почести вновь и вновь проявляют свою щедрость к прославившим их городам, но совершенно необычны такие отношения между коллективным органом власти и «благодетелем», когда последний одаривает в десятикратном размере тех людей, которые вынесли постановление в его честь, тем самым как бы выказывая не благодарность, а милость за оказанное ему отличие. Такие отношения между коллективом и отдельным лицом немыслимы в греческом полисе, где каждый, даже выдающийся деятель все же прежде всего член коллектива и исполнитель воли последнего. Алким в надписи назван стратегом. Этот титул различно понимается отдельными исследователями. Лепер считает Алкима одним из военачальников царя Понта. Ростовцев склонен принять это предположение Лепера, но, повидимому, он скорее думает о стратеге — правителе области, поскольку имеются некоторые основания полагать, что во главе отдельных районов Понта (эпархий) стояли управители, именовавшиеся стратегами.[1] Наконец, Рейнак[2] допускает обе возможности: Алким, по его мнению, мог быть или магистратом города Абонутейха, или царским правителем. Нам кажется, что городская магистратура здесь исключена оттого, что содержание надписи несовместимо с нормальными отношениями между магистратом и коллективом в греческом полисе. Наоборот, эти отношения становятся вполне понятными, если предположить, что Алким, уроженец Абонутейха

[1] САН, IX, стр. 215.
[2] Numismatic Chronicle, V, 1905.

и член его фратрии, теперь облечен высокой властью (все равно гражданской или военной), дарованной ему не его согражданами, а монархом, благодаря чему Алким высоко вознесся над прочими гражданами своего родного города. В его лице мы, следовательно, имеем представителя высшей знати государства, выходца из греческого города южного Причерноморья, оторвавшегося от своей среды и вышедшего на широкую арену государственной деятельности. Надпись из Инеболи особенно интересна тем, что она показывает нам, во что вылились отношения коллектива граждан греческого города к такому выделившемуся из их среды государственному деятелю Понтийского царства.

Алким — не единственный представитель населения греческих городов южного Причерноморья, сделавший блестящую карьеру на службе понтийских царей и ставший деятелем общегосударственного масштаба. Среди ближайших сподвижников последних царей Понта был целый ряд уроженцев Синопы и Амиса, и о некоторых из них мы располагаем даже сравнительно подробными биографическими сведениями, главным образом потому, что они были предками Страбона.

Неизвестно, из какого города был Леокрит, полководец Фарнака I.[1] У Митридата Евергета, отца Митридата Евпатора, состоял на службе в качестве военачальника и доверенного лица припонтийский грек, уроженец Амиса, Дорилай. Этот Дорилай, обычно именуемый Дорилаем Старшим в отличие от его племянника Дорилая Младшего, был прадедом Страбона с материнской стороны, и Страбон передает[2] следующие подробности о его жизни. Он называет Дорилая «тактиком» (ἀνὴρ τακτικός) и другом Митридата Евергета. Ввиду большой опытности Дорилая в военном деле Митридат поручил ему набор наемников для армии. Разъезжая с этой целью, Дорилай не раз побывал во Фракии и Греции, а также на Крите. Когда он находился на этом острове, до него дошло известие об убийстве в Синопе его покровителя Митридата Евергета, и, так как власть в Понтийском царстве принадлежала теперь людям, враждебно к нему настроенным, Дорилай решил остаться на Крите. Два его сына, Лагет и Стратарх, и дочь вернулись впоследствии в Понт по специальному приглашению Митридата Евпатора, который был очень дружен с Дорилаем Младшим, их двоюродным братом, и Страбон еще видел в живых Стратарха, когда тот был глубоким старцем.

---

[1] Polyb., XXV, 4 и сл. (под 181 г.). — Diod., Bibl., XXIX, 23.
[2] Strab., X, 4, 10; XII, 3, 33.

Что касается Митридата Евпатора, то среди его ближайших сподвижников было значительное количество уроженцев Синопы и Амиса. Широко известен полководец Митридата Диофант, сын Асклепиодора, родом из Синопы, сыгравший крупную роль в истории северного Причерноморья.[1]

Помимо Диофанта, мы имеем сведения еще о четырех припонтийских греках, на этот раз уроженцах Амиса, занимавших высокие военные и гражданские должности в Понтийском царстве при Митридате VI и принадлежавших к ближайшему окружению царя.

На острове Делосе найдены были архитектурные части и скульптурные украшения небольшого здания, что дало возможность произвести реконструкцию памятника и выяснить его назначение. Этот памятник Митридата (наименование, установившееся за ним теперь в науке)[2] находится на участке святилища Кабиров — богов самофракийских, — на северной стороне его нижней террасы. Он был непосредственно пристроен к входу в святилище, как это показано на плане (рис. 24) и реконструкции (рис. 25) этой части священного участка. Строение сложено из мрамора и представляет собой небольшую открытую часовню с двумя ионийскими колоннами между двумя антами на фасаде. Размеры его 5.20×3.90 м при вышине в 4.65 м. У середины задней стены внутри часовни помещалась четырехугольная база от статуи, на передней поверхности которой начертана надпись:[3] «Царя Митридата Евпатора Диониса, сына царя Митридата Евергета, жрец Гелианакс, сын Асклепиодора, афинянин, (посвятил) ради его доблести и неизменного благорасположения к афинскому народу». Сохранилась частично и сама статуя, стоявшая на этой базе (рис. 26). Митридат был представлен в одежде римского военачальника, в тунике и панцыре и с палудаментумом за плечами. Он стоял, опираясь на ствол дерева. Статуя Митридата занимала центральное место, но она была не единственной в часовне.

---

[1] С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, № 3. — В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 301 и сл., а также 536 и сл. — В. В. Струве. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3.

[2] Explorations Archéologiques de Délos. Fasc. XVII, 1935, Le Sanctuaire des dieux de Samothrace (E. Chapoutier). Chap. II, стр. 13—42, Le Monument de Mithridate. Другая реконструкция того же памятника появилась в «Archäologischer Anzeiger» в 1948 г. (см.: AJA, 1951, 1, 73). Она принадлежит датскому архитектору Ризому (Sven Risom), который производил раскопки на месте в 1913 г.

[3] ID, 1568=Explorations Archéologiques de Délos, XVI, стр. 39=Durrbach, № 134 (неполный текст).

Сохранился еще один постамент и фрагмент статуи. Чьи статуи стояли в часовне наравне со статуей Митридата, установить пока не удается. Общая посвятительная надпись, вырезанная на архитраве часовни, гласит, что часовня была посвящена богам, которым служит жрец Гелианакс, воздвигнувший храмик со всеми его украшениями великим самофракийским богам Диоскурам—Кабирам и Митрадату Евпатору Дионису. Поэтому естественно предположить присутствие в храмике

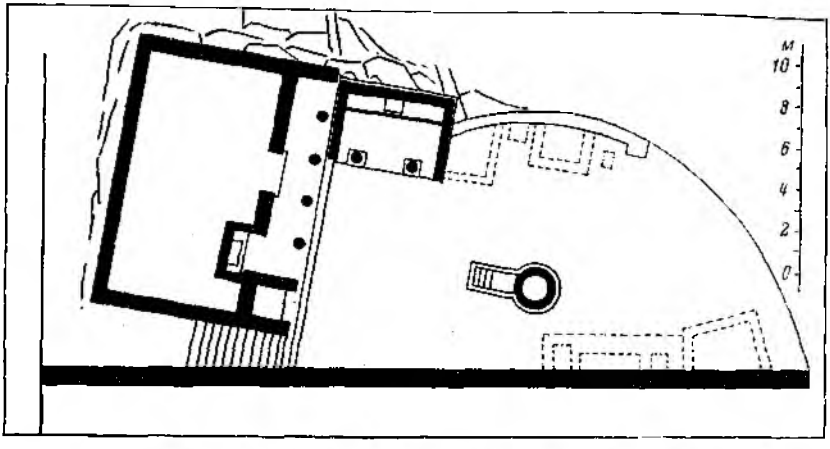


Рис. 24. План памятника Митридата и святилища Кабиров.

двух статуй Диоскуров—Кабиров, к которым, следовательно, приравнивался и Митридат Дионис.

Кроме статуй, часовня украшена была еще серией рельефных круглых медальонов с представленными в фас портретными бюстами. Таких медальонов всего 13 (рис. 27). Один из них помещается на фронтоне часовни, остальные расположены в один ряд по верхнему краю трех стен здания с внутренней его стороны. Медальоны образуют сплошной фриз, огибающий все здание, причем 6 медальонов помещаются на задней стене, а на боковых стенках их находится по три. Медальоны окаймлены двойными рамками, а заключающиеся в рамках бюсты высечены прямо в камнях кладки. Все бюсты представлены впрямь. По роду одежды они делятся на две категории. Два бюста облачены в римские тоги, а остальные — в римскую же военную одежду — тунику и панцырь, иногда с палудаментумом, иногда без него. Головы были сработаны отдельно и насажены

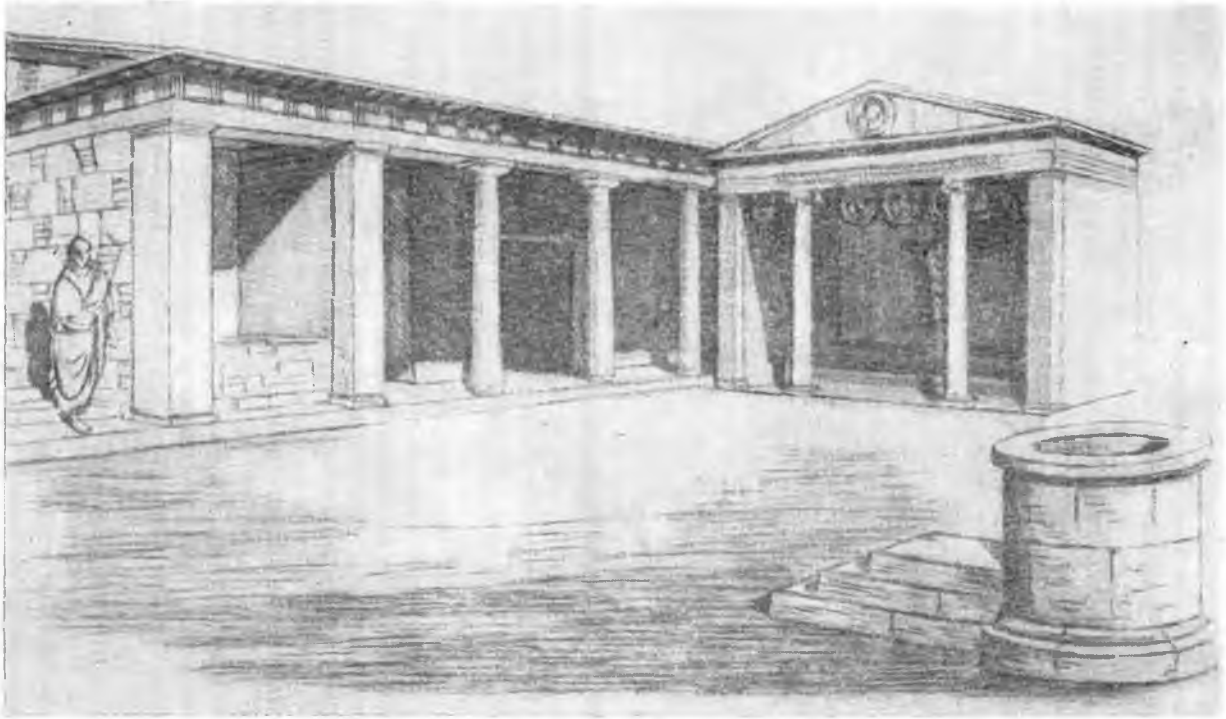


Рис. 25. Реконструкция памятника Митридата и входа в святилище Кабиров.

на бюсты при помощи железных шипов. Найдена была только одна голова, принадлежавшая четвертому медальону, считая слева направо. Это — портрет Диофанта, сына Митара.[1] При всех медальонах имелись пояснительные надписи, из которых мы узнаем, что фриз представлял собой собрание портретов союзников и ближайших сподвижников Митридата.

Как уже указывалось, на архитраве часовни вырезана посвятительная надпись следующего содержания: «Жрец Гелианакс, сын Асклепиодора, афинянин, пожизненный жрец Посейдона Азийского и в течение года жрец великих богов самофракийских, Диоскуров—Кабиров, за афинский народ и римский народ (посвятил) храм и находящиеся в нем статуи и медальоны богам, которым он служит, и царю Митридату Евпатору Дионису. При правителе острова Феодоре, сыне Диодора из Суния».[2]

Рис. 26. Статуя Митридата из памятника Митридату.

Упоминание здесь правителя острова Феодора, сына Диодора, а на постаменте для статуи — архонта Эхекрата дает возможность точно датировать весь памятник 102/01 г. до н. э.[3] Не останавливаясь на крупном значении этого памятника

[1] Впрочем Дуррбах (D u r r b a c h, ук. соч., № 136b) считает восстановление надписи под этим медальоном сомнительной, так как Диофант, сын Митара, по литературным данным известен лишь с 73 г.

[2] ID, 1562=D u r r b a c h, № 133.

[3] Издатели этого памятника отмечают крайнюю небрежность его постройки. Стены сложены из неправильных по величине квадров, так что высота одного и того же ряда кладки непостоянна; строители прибегали во многих случаях к затычкам, а внешняя отеска камней неравномерна и очень груба. Такая же небрежность заметна и в отношении колонн и ант, а также в скульптурной работе и при вырезании надписей. Очевидно работы производились наспех, может быть потому, что Гелианакс только в течение года был жрецом Кабиров.

для истории Митридата, мы обратим наше внимание на портретные медальоны, которые сохранили нам сведения не только о союзниках Митридата, но и об окружавших его помощниках. Таких портретов, как мы уже говорили, 13. Надписи при двух

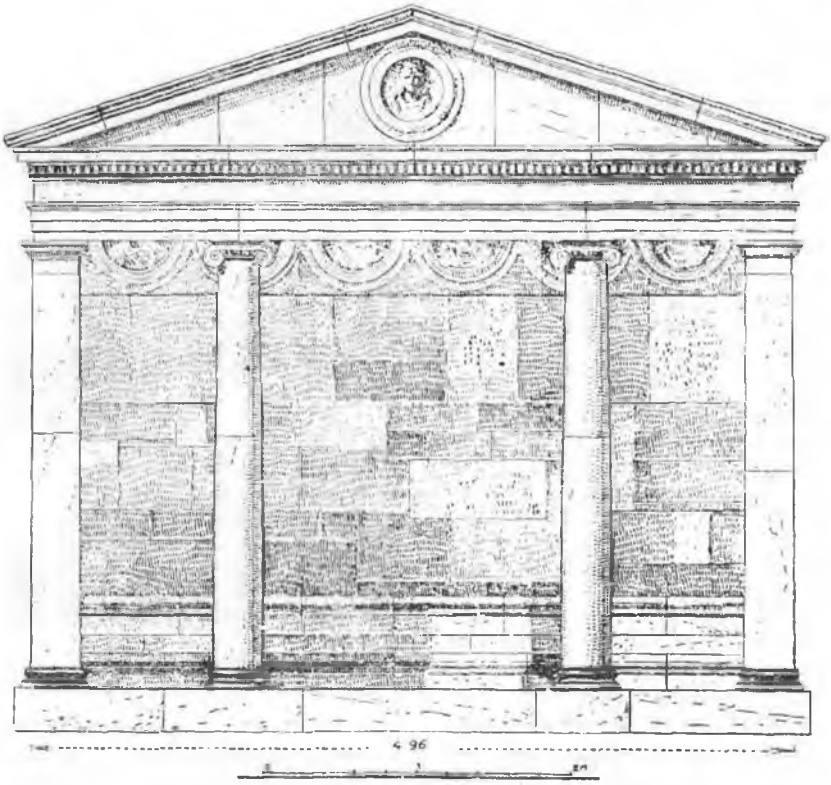


Рис. 27. Фасад памятника Митридата.

из них, к сожалению, исчезли. в одном медальоне Гелианакс поместил портрет своего отца Асклепиодора,[1] в двух медальонах находились бюсты царственных союзников Митридата — каппадокийского царя Ариарата VII Филометора и царя Антиоха Епифана Филометора Каллиника;[2] наконец, еще в двух медальонах помещались, повидимому, портреты приближенных

[1] ID, 1903.
[2] ID, 1576 и 1552=Durrbach, № 136g и 136h.

парфянского царя царей Аршака VII.[1] В остальных 6 медальонах были портреты ближайших помощников Митридата. Для нас чрезвычайно интересен тот факт, что четверо из этих шести человек — уроженцы города Амиса.

К сожалению, сильно пострадала надпись под медальоном, помещенным во фронтоне храмика. Поэтому мы не знаем имени гражданина Амиса, портрет которого находился на этом особо почетном месте. Сохранились только три последние буквы имени его отца — ρου и затем полностью его этникон — Ἀμισηνον.[2] Нечитаем также и титул изображенного лица, вероятно πρῶτος φίλος или σύντροφος, потому что далее следуют слова β]ασιλέως [Μιθραδάτου] Εὐπάτορος и имя посвятившего медальон жреца Гелианакса. Бюст задрапирован в тогу.

Почти полностью сохранилась надпись под портретом второго гражданина Амиса — Гая[3] (медальон крайний слева), причем и в этой надписи, так же как вероятно было и в предыдущей, обозначен только придворный титул изображенного лица. Гай представлен был в военной форме. Надпись гласит: «Гая, сына Гермайя, амисенца, сверстника царя Митридата Евпатора, жрец Гелианакс, сын Асклепиодора, афинянин, богам (посвятил)».

Восстановление слова σύντροφος сомнению не подлежит, поскольку речь идет о готовой формуле, повторяющейся в других соседних надписях. Гай, следовательно, именуется здесь «сверстником» или товарищем детства царя. Это — высокий придворный титул, принятый при дворах многих эллинистических монархов.[4] При дворе Митридата он, повидимому, имел не одно формальное значение. Возможно, что с ним связано было признание верности Митридату в его юные годы, когда ему приходилось скрываться от своей матери и ее сторонников. В медальоне на Делосе Гай был представлен в воинском снаряжении, следовательно, он, вероятно, был военным. Гай состоял приближенным царя в течение всего его продолжительного царствования, так как имя его упоминается

---

[1] ID, 1581 и 1582=Durrbach, № 136i.

[2] ID, 1569. Дуррбах (Durrbach, № 136a) читал [Δο]ρυλάου, но Руссель категорически отрицает возможность такого чтения и в свою очередь предлагает имя Εὐδώρου (с вопросительным знаком) как возможное имя отца этого амисенца.

[3] ID, 1570=Durrbach, № 136d. О Гермайе, отце Гая, см.: BCH, VII, стр. 361 и комментарий Дуррбаха. Дуррбах считает полководца Митридата — Гермайя, упоминаемого Мемноном (Memnon, 40, 3) при рассказе о событиях в начале 3-й войны с Римом, — сыном Гая.

[4] См.: OGIS, комм. к надписи № 247.

Плутархом[1] при описании событий, последовавших за смертью Митридата. Рассказывая о том, как после доставки тела Митридата в Понт Помпей удивлялся количеству и великолепию оружия и одежд царя, Плутарх тут же прибавляет, что некий Публий успел здесь своровать стоившие 400 талантов ножны меча Митридата и продать их Ариарату, а Гай — σύντροφος Митридата — захватил диадему царя и тайно передал ее Фаусту, сыну Суллы.

В другом медальоне помещался портрет Паппия, сына Менофила, амисенца. Посвятительная надпись гласит:[2] «Жрец Гелианакс, сын Асклепиодора, афинянин, Паппия, сына Менофила, амисенца, одного из первых друзей царя Митридата Евпатора и главного врача и начальника следствия, богам (посвятил)».

Этот приближенный царя имел не только придворный титул, но он также занимал и две чрезвычайно ответственные должности, теснейшим образом связанные с охраной жизни и здоровья царя. По своему положению при дворе он имел один из высших придворных титулов — «первого друга царя». Данный титул был введен при дворах многих эллинистических монархов, где обычно, так же как и при дворе понтийского царя, существовало две категории друзей: низшая — просто φίλοι — и высшая — πρῶτοι φίλοι.[3] Кроме того, в надписи поименованы и две должности Паппия. Он был ἀρχιατρός, т. е. главный врач, и τεταγμένος ἐπὶ τῶν ἀναχρίσεων. Относительно значения этого последнего наименования между комментаторами надписи еще не достигнуто полного согласия. Самый термин не оставляет сомнений в том, что должность связана с юрисдикцией. Гейер полагает, что имеется в виду должность верховного судьи,[4] а Диттенбергер[5] считает, что речь идет о должности главного следователя или, вернее, начальника следствия и специально по делам о покушениях на жизнь царя. Это последнее предположение имеет, как нам кажется, все основания считаться правильным. Ведь соединение должности главного врача (несомненно при особе царя) с должностью главного судьи было бы мало понятным, тогда как именно врач был наиболее подходящим лицом для ведения следствий в делах о заговорах против царя, поскольку, как известно, при убийствах в придворных кругах и всякого

[1] Plut., Pomp., 42.
[2] ID, 1573 = Durrbach, № 136c.
[3] Примеры см.: OGIS, комм. к надписи № 91.
[4] RE, s. v. Mithradates, № 12.
[5] OGIS, комм. к № 374.

рода придворных переворотах в эллинистических монархиях яд играл главную роль, и сам Митридат Евпатор путем принятия антидотов еще с юношеских лет приобрел иммунитет против его действия.[1] Никаких известий о Паппии, сыне Менофила, кроме разобранной надписи, не сохранилось.

Много лучше, чем о Паппии, мы осведомлены о четвертом приближенном царя Понта, портрет которого также находился в Делосском храме Митридата. Это тоже уроженец Амиса — Дорилай, в отличие от его дяди Дорилая Старшего обычно именуемый Дорилаем Младшим. Дорилай Младший приходился двоюродным дедушкой Страбону с материнской стороны, и этот писатель оставил довольно много сведений о замечательной карьере своего родственника.[2]

Надпись при медальоне с портретом Дорилая на делосском памятнике[3] отредактирована почти так же, как остальные уже знакомые нам надписи. Дорилай, сын Филетайра, амисенец, назван там, подобно Гаю, сверстником Митридата Евпатора (σύντροφος); кроме того перечисляются его должности: ὁ ἐπὶ τοῦ ἐγχειριδίου и τεταγμένος ἐπὶ τῶν δυνάμεων βασιλέως Μιθραδάτου Εὐπάτορος. Оба эти термина не вполне ясны и толкуются различно. Впрочем, расхождение во мнениях здесь не очень велико, так как ясно, что речь идет о каких-то воинских званиях или должностях.[4] ὁ ἐπὶ τοῦ ἐγχειριδίου, т. е. «начальник кинжала», скорее всего означает начальника личной охраны Митридата, а ὁ ἐπὶ τῶν δυνάμεων по аналогии со званием γραμματεὺς τῶν δυνάμεων, что означает «секретарь высшего командования», Диттенбергер понимает как должность, близкую к начальнику штаба, тогда как Рейнак называет Дорилая военным министром.[5] Из других источников хорошо известно, что Дорилай был одним из главных предводителей войска Митридата. В такой именно роли он выступает уже в самом начале 1-й войны против Рима.[6] Затем, опять-таки как один из высших военачальников, он принимал деятельное участие в борьбе Митридата с Суллой.[7] Страбон особенно подчеркивает чрезвычайную привязанность Митридата к своему σύντροφος и почести, которыми он его осыпал.[8] Между прочим он возвел его в сан верховного

[1] RM, стр. 53.
[2] Strab., XII, 3, 33.
[3] ID, № 1572. = Durrbach, № 136 f.
[4] См.: OGIS, комм. к № 372.
[5] RM, стр. 56 и 122.
[6] App., Mithr., 17.
[7] RM, стр. 187 и сл.
[8] Strab., X, 4, 10; XII, 3, 33.

жреца богини Ма — Энио, храм которой находился в Понтийской Комане. Грек по происхождению стал, таким образом, верховным священнослужителем в культе главного божества Каппадокии и достиг вершин почета в Понтийском государстве. По словам того же Страбона,[1] верховный жрец храма в Комане имел право носить диадему и считался вторым по значению лицом в государстве, после царя.

Однако высокое положение и милости, оказанные ему царем, не удержали Дорилая от измены. Насколько можно вывести из не совсем ясного в данном случае текста Страбона, Дорилай составил крупный заговор, целью которого было восстание против Митридата и передача всего царства Риму с условием предоставления ему, Дорилаю, верховной власти над Понтом. Другими словами, Дорилай стремился к тому, чтобы стать уже не вторым, а первым лицом в Понте, если не царем, то по крайней мере правителем под покровительством Рима. У Дорилая было, повидимому, немало сообщников, в том числе среди его родственников. Надо думать, именно в этой связи были казнены двоюродный брат Дорилая Тибий и его сын Теофил. Заговор был раскрыт. Страбон не сообщает ничего о смерти Дорилая, но говорит только, что после его падения и все его родные пришли в упадок. Время гибели Дорилая также не указывается точно, но, видимо, он погиб в начале 3-й войны против Рима.[2] Это можно вывести из продолжения рассказа Страбона, где он повествует об измене другого своего родственника, брата Дорилая и родного деда матери Страбона. Не называя его по имени, он говорит, что его дед, видя плохое положение дел Митридата в войне против Лукулла и гневаясь на него за недавнюю казнь двоюродного брата Тибия и его сына Теофила, решил отомстить за них и за самого себя. Получив заверение от Лукулла, он побудил гарнизон 15 укрепленных пунктов перейти на сторону Рима. Никакой награды за переход к Риму дед Страбона, однако, не дождался. Сменивший вскоре Лукулла Помпей отказался выполнять обязательства своего предшественника, и дед Страбона остался ни с чем. Поскольку возмущение 15 гарнизонов произошло незадолго до смещения Лукулла и казни Тибия и Теофила были еще недавними событиями, то заговор Дорилая скорее всего должен быть отнесен к началу 3-й войны Митридата против Рима.

---

[1] Strab., XII, 3, 32.

[2] Плутарх, надо полагать, ошибается, когда сообщает о смерти Дорилая при взятии Лукуллом Кабиры (Plut., Luc., XVII).

Перед нашими глазами прошла целая галлерея уроженцев греческих припонтийских городов, всю свою жизнь посвятивших службе царю и достигших на этом поприще высокого положения и больших почестей. Об этих лицах можно с полным правом сказать, что они порвали с прежним укладом жизни в полисах и стали государственными деятелями нового типа.

Ранее (глава 4) мы особенно подчеркивали как характерное явление в истории Малой Азии IV в. возникновение там, еще под властью Ахеменидов, резко обособленной от прочего населения верхушки общества, состоявшей из персидских сатрапов и магнатов, местных династов, царьков и вождей, выдвинувшихся в результате социально-экономического развития местных племен и народностей. Среди различных представителей этой знати не существовало этнической обособленности. Они часто вступали между собой в брачные союзы и поддерживали друг друга в борьбе, направленной к отделению от монархии Ахеменидов и учреждению самостоятельных царств. Из рядов этой знати после распада монархии Александра Македонского вышли и основатели династий малых эллинистических государств Малой Азии. Среди этих правителей еще в III в. появляется полугрек Филетайр, основатель династии Атталидов в Пергаме, который был уроженцем причерноморского города Тии. После консолидации малых малоазийских эллинистических государств и укрепления положения царствующих династий вокруг царей сгруппировалась родовая аристократия — верхний слой господствующего класса, из рядов которой цари черпали своих помощников. Греки, уроженцы Синопы и Амиса, о которых мы говорили выше, покинули свои родные города для того, чтобы влиться в эту среду. Как видно на примере предков Страбона, они часто при этом роднились с персидскими и местными семьями, принадлежавшими к аристократической касте. Страбон упоминает дядю своей матери, правителя Колхиды в последние годы царствования Митридата Евпатора, по имени Моаферн и, следовательно, по всей вероятности перса.[1] Среди предков Страбона значится и некий Тибий, о котором мы уже упоминали выше. В жилах этого Тибия, видимо, текла пафлагонская кровь, на что указывает его имя.[2] Весьма показательны для характеристики этих сподвижников понтийских царей — выходцев из Синопы и Амиса — те цели, к которым они стремились. Дорилай Младший и его

---

[1] Strab., XI, 2, 18; XII, 3, 33.
[2] Strab., XII, 3, 12.

товарищи по заговору вовсе не собирались бороться за свободу и независимость своих родных городов. Они стремились — и это типично для всей общественной среды, к которой они принадлежали, — к личным целям: к власти и богатству. Свой переход на сторону римлян Дорилай обусловливал получением, хотя бы из рук нового хозяина, высшей власти в Понтийском царстве.

Таким образом, мы приходим к выводу, что включение греческих полисов южного Причерноморья в состав Понтийского царства имело одним из своих последствий выделение из состава социальной верхушки этих городов — вероятно из местной торговой аристократии — группы лиц, совершенно порвавших со старым укладом жизни и интересами своей родины и целиком влившихся в высший социальный слой Понтийской монархии. Эти люди были ближайшими помощниками и опорой царей Понта. Однако, когда личные интересы диктовали им иную линию поведения, они не останавливались перед изменой. Как показали события 3-й войны Митридата Евпатора с Римом, более надежными союзниками понтийских монархов были богатые торговцы Синопы и Амиса, деятельность которых встречала всяческую поддержку со стороны верховной власти. Что же касается широких масс городского населения, то они не имели причин быть довольными своим положением, которое, надо думать, постепенно, по мере роста конкуренции со стороны рабского труда, ухудшалось. Как мы увидим ниже, эти настроения сыграли большую роль в решающие годы борьбы Понтийского царства с Римом.

Глава 8

ПРОИЗВОДСТВО И ТОРГОВЛЯ

В предыдущей главе мы старались показать, что захват Синопы Фарнаком явился важным событием, своего рода поворотным пунктом в истории этого города, а также соседнего Амиса. С этого момента оба города навсегда утратили свою самостоятельность и вошли в состав сначала Понтийского царства, а после его крушения — государства римлян. Но когда мы обращаемся к рассмотрению производства и торговли городов юго-восточного Причерноморья в эпоху эллинизма, то здесь мы не замечаем резкого поворота, связанного с событиями 183 г. до н. э. Так, в отношении керамической тары для масла и вина, т. е. той отрасли производства и торговли Синопы, которая при настоящем состоянии наших знаний лучше всего поддается учету, не наблюдается никакого перерыва или ярко

выраженного изменения в организации процесса изготовления продукта и в общем направлении торговли. Растет лишь объем торгового оборота, достигая высшей точки в царствование Митридата Евпатора, т. е. в тот период, когда все берега Черного моря находились либо в полном подчинении, либо в зависимости от царя Понта. Насколько можно судить по отрывочным данным о торговле Синопы и Амиса за пределами Черного моря, там наблюдается такое же положение вещей. Широкий размах торговли этих городов в Эгейском и Средиземном морях, который может быть установлен для III в. до н. э., продолжается и после захвата Синопы Фарнаком, с той разницей, что товары направляются теперь в основном на остров Делос, который в это время стал главным транзитным портом восточного Средиземноморья. Из этих фактов явствует, что цари Понта не только не препятствовали производству и торговле Синопы и Амиса, но, наоборот, всячески их поощряли, видя в них один из источников дохода государства, а также действенное средство для расширения своего политического влияния как в Причерноморье, так и за его пределами.

В наших источниках не встречается никаких указаний на расширение ассортимента товаров, производившихся в это время в Синопе и Амисе и вывозившихся через эти порты на внешние рынки. Номенклатура товаров осталась, надо полагать, прежняя,[1] но производились и экспортировались они в бо́льших количествах. «Производство (синопских, — *М. М.*) амфор, — говорит Б. Н. Граков, — в эпоху Митридата Евпатора достигает небывалых размеров. Абсолютное число штемпелей, относящихся к VI (и отчасти к V) группе, составляет без малого половину всех известных»[2] (рис. 28).

Увеличение экспорта предполагает увеличение производства. Анализ имен фабрикантов на штемпелях синопской керамической тары позволил Б. Н. Гракову сделать ценные наблюдения, касающиеся организации этой отрасли производства в Синопе. По его словам, количество рабских и

---

[1] На широкую известность в это время синопского корабельного леса указывает Феофраст (Theophr., Hist. Plant., IV, 5, 6). В псевдо-Аристотелевском сочинении «О чудесных слухах» восхваляется халибское или амисское высокосортное железо (Ps.-Aristot., § 48 = SC, I, стр. 380). Даимах причисляет синопскую сталь к самым лучшим сортам этого продукта (FGH, II, A, 65, фрагм. 4). Продолжают находить сбыт и синопская красная краска, мед, воск и орехи, как это видно по приводимым ниже данным. Дельфийские манумиссии и другие источники указывают на продолжение работорговли.

[2] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 152.

негражданских имен среди имен фабрикантов, равнявшееся в течение IV—III вв. примерно 15%, начиная с 220 г. заметно растет.[1] Поскольку фабриканты, носившие рабские имена, были, надо полагать, вольноотпущенниками, т. е. в прошлом рабами, работавшими в той же отрасли производства, то Б. Н. Граков делает отсюда вывод об увеличении применения рабского труда в керамических мастерских Синопы во II—начале I в. до н. э. В то же время, исходя из того факта, что ко-

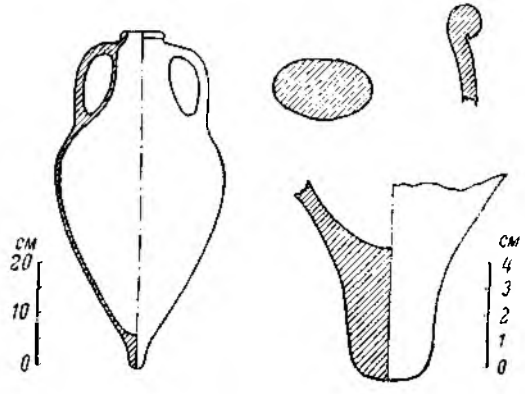


Рис. 28. Синопская амфора II в. до н. э.

личество клейм с негражданскими именами фабрикантов невелико, он приходит к заключению, что мастерские, принадлежавшие вольноотпущенникам, никогда не были крупными. Если так обстояло дело в керамических эргастериях, где, по мнению Б. Н. Гракова, «труд рабов являлся основным... и должен был быть применяем широко», то нет оснований думать, что в других отраслях производства существовало иное положение. Применение рабского труда там постепенно росло, что имело своим последствием ухудшение экономического положения мелких свободных производителей. Рост производства следует отнести за счет экстенсивного его расширения, а не усовершенствования техники и повышения производительности труда.[2]

[1] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 160 и сл.

[2] Ничего не известно о производстве предметов художественного ремесла в Синопе эллинистической эпохи. Зато можно с уверенностью говорить о том, что Амис был значительным художественно-промышленным центром. Кроме изделий из бронзы, названных в главе 7 (стр. 185, прим. 6), см. также пару медальонов с рельефными изображениями головы вакханки — украшения ложа (The Collection of Jewels, Plate and other

Экономический кризис, охвативший в эпоху эллинизма многие греческие города ввиду трудностей, связанных со сбытом их продукции, не коснулся Синопы и Амиса, как и многих других периферийных греческих городов. Наоборот, период раннего эллинизма был для Синопы периодом экономического расцвета, что нашло свое отражение и в ее монетных выпусках.

Около 320 г. Синопа прекратила чекан драхм и их подразделений, украшенных традиционными эмблемами города — головой Синопы на аверсе и морским орлом и дельфином на реверсе, выпускавшихся в течение ста с лишним лет. До недавнего времени считалось, что в течение нескольких последующих десятилетий Синопа ограничивалась выпуском мелких серебряных подразделений драхмы.[1] Однако недавно благодаря

---

works of Art, bequested to the British Museum by Baron F. Rotschild London, 1899, табл. I, № 1). Ювелирные изделия в собрании Нелидова: L. Pollak, ук. соч., №№ 160, 175 и 219 — серьги; № 404 — браслет; № 327 — ожерелье; № 498 — золотые штампованные бляшки. В музее Стамбула хранится большое собрание терракот, происходящих из Амиса (O. Hamdy-Bey. Catalogue des figurines grecques de terre cuite. Constantinople, 1908, №№ 1922—1922 K, 3508—3554. Издатель подчеркивает высокую художественность этих изделий, их иногда очень значительные размеры и богатую полихромию. Единичные экземпляры терракот того же происхождения рассеяны по различным музеям Западной Европы. Образцы амисских терракот, хранящиеся в музее Берлина и в Лувре, были определены и описаны Р. Цаном и изданы Ростовцевым (SEHHW, I, табл. IV, стр. 575; см. наши рис. 29—32). Цан сообщает, что эти терракоты были найдены вместе с фрагментами рельефной пергамской керамики. Некоторые особенности стиля и состав глины не оставляют сомнений в том, что терракоты были изготовлены в мастерских Амиса. В том же труде Ростовцева (SEHHW, I, табл. XIX) и в книге Женуйак (H. de Genouillac. Céramique Cappadocienne) опубликовано несколько образцов своеобразной керамики, происходящей из Кара-Самсуна и его окрестностей. В эту категорию входят фигурные вазы в виде сидящих на земле с поджатыми ногами животных и птиц [рис. 33 и 34. Впрочем Блюмель (C. Blümel. Antike Kunstwerke. Berlin, 1953, стр. 10) предположительно относит подобные сосуды к VII в. до н. э.]. Сосуды снабжены двумя отверстиями — одним на голове и другим на груди — и расписаны красной и коричневой краской по белой облицовке. Глина коричневая, хорошо промытая. Такие вазы находят вместе с эллинистической керамикой. По своей форме эти вазы примыкают к местной каппадокийской керамике. Кроме того, в Амисе выделывались ритоны в виде голов животных обычной греческой формы, расписанные в той же технике (рис. 35, а также см.: H. de Genouillac, ук. соч., № 168), и расписные вазы, украшенные ветками плюща, исполненными темнокоричневой матовой краской (см. фрагмент такой вазы — рис. 36), а также расписные вазы эллинистической эпохи с геометрическим и растительным орнаментом (см.: H. de Genouillac, ук. соч., №№ 163 и 169; H. T. Bossert, Alt-Anatolien, № 1119).

[1] WBR, стр. 193, Pl. XXV, №№ 30 и 31.

работе Нюэлля[1] выяснилось, что параллельно с мелкими номиналами Синопа, в подражание монетам Александра Македонского, чеканила обильные серии золотых статеров. Эти монетные выпуски, с обычными эмблемами монет Александра, отличаются от таких же монет, выпускавшихся другими монетными дворами, буквами ΣΙ на оборотной стороне монеты.[2]

Рис. 29. Терракота из Амиса. Голова женщины.

Рис. 30. Терракота из Амиса. Голова Диониса.

Синопа чеканила их, повидимому, в течение всего III в.[3] Открытый в 1895 г. в Бессарабии, недалеко от Измаила, так называемый Анадольский клад монет,[4] зарытый в начале III в. до н. э.,

---

[1] E. Newell. The Alexandrine coinage of Sinope. Amer. Journ. of Numism., 1918, стр. 117 и сл. Выводы Нюэлля были целиком приняты А. Н. Зографом (Статеры Александра Македонского из Керченских и Таманских находок. Тр. Отд. античн. мира Гос. Эрмитажа, т. 1, 1945, стр. 86—99, в частности стр. 96 и сл.).

[2] До статьи Нюэлля эти буквы понимались как сокращенное название города Сидона, против чего говорит ряд соображений, высказанных Нюэллем в указанной статье.

[3] А. Н. Зограф (Статеры Александра Македонского..., стр. 97) датирует их приблизительно 290—220 гг.

[4] Е. М. Придик. Анадольский клад золотых статеров 1895 года. ИАК, III, 1902, стр. 58—92.

содержал, среди монет других городов, 12 золотых статеров Синопы, принадлежавших к ранним выпускам этой серии.

Чрезвычайно показателен также переход Синопы с эгинской на аттическую монетную систему, имевшую в это время наиболее широкое распространение благодаря тому, что она была положена Александром в основу его монетных выпусков.

Вероятно в конце III в., когда прекращается в Синопе выпуск монет — подражаний Александру Македонскому, на смену им появляются новые серии монет аттического веса — тетра-

Рис. 31. Терракота из Амиса. Голова смеющегося мальчика.

Рис. 32. Терракота из Амиса. Группа целующихся.

драхмы и дидрахмы,[1] а также их мелкие подразделения и, наконец, серии монет бронзовых.[2] Интересно отметить, что на некоторых из этих серий как крупных, так и мелких номиналов сохраняется тип головы Синопы в зубчатом венце, подражающий эмблеме монет Амиса (табл. I, *11* и *12*).[3] Но в остальном эмблемы синопских монет теперь сильно изменяются. Они часто имеют прямое отношение к религиозным культам этого города, по преимуществу к культам Аполлона и Посейдона, заимствованным из метрополии.[4]

Совершенно ясно отражена на синопских монетах эпохи раннего эллинизма засвидетельствованная приведенными выше цитатами из Полибия и Ливия тесная экономическая и политическая связь Синопы с Родосом. На тетрадрахмах конца III и

[1] WBR, №№ 46 и сл.
[2] WBR, № 54.
[3] WBR, Pl. XXV, 33; XXVI, 2; Pl. Suppl. O. № 15.
[4] WBR, Pl. XXV, 32; XXV, 33; XXVI, 1; Pl. Suppl. O. № 12.

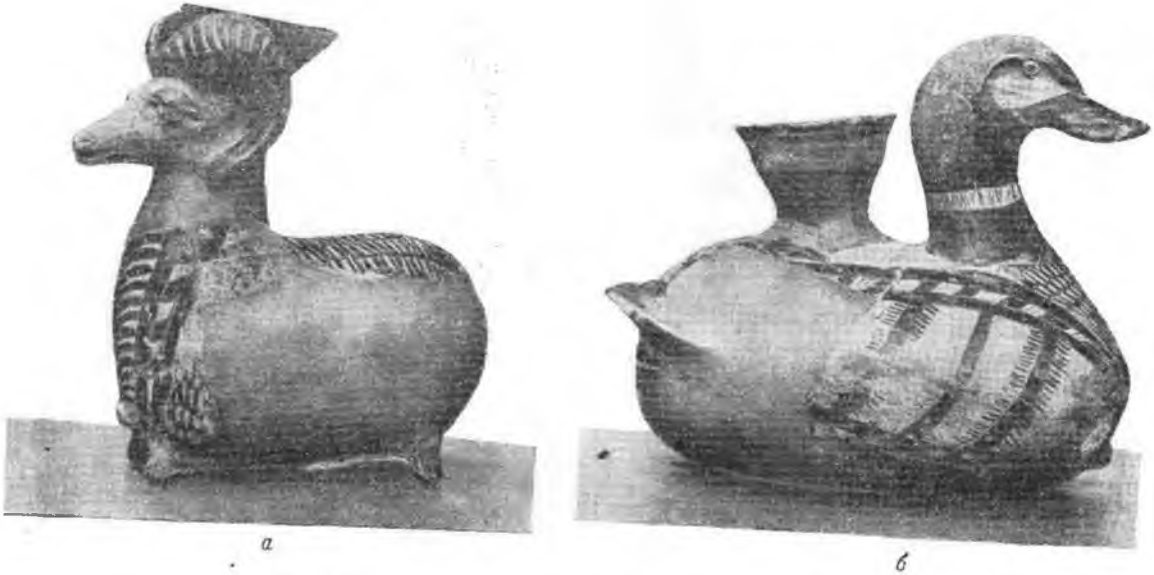


Рис. 33. Ритоны из Амиса. Баран (*а*) и утка (*б*).

начала II в. с типом головы Синопы на аверсе встречается контрамарка в виде головы Гелиоса — явное указание на тор-

Рис. 34. Фрагменты ритонов.

Рис. 35. Ритон в виде головы быка.

говые сношения с Родосом.[1] Мало того, как отмечают Бабелон и Рейнак, в III в. в Синопе была выпущена серия мелких

[1] WBR, табл. XXV, *32* и *33*. См. также нашу табл. I, *11* и *12*.

серебряных монет, принадлежащих не к принятой в это время Синопой аттической системе веса, а к системе родосской.[1]

Что касается Амиса, то этот город, насколько нам известно, не чеканил в III в. золотой монеты. Он продолжал выпускать серебряные драхмы и триоболы с прежними эмблемами, но без подписи ΠΕΙΡΑ.[2] Весьма показательно изменение системы их веса. Амисские монеты III в. следуют уже не персидской, а родосской системе. Как указывалось в главе 7, Амис подпал под влияние Понта вероятно еще в середине III в. С этим связано появление на его монетах монограмм, характерных для монет понтийских царей.[3]

Рис. 36. Черепок расписной вазы.

После завоевания Синопы Фарнаком происходит резкое изменение монетных серий как Синопы, так и Амиса. Прекращается выпуск не только золотых, но и серебряных монет. За греческими городами остается лишь право чеканить медные монеты, причем совершенно изменяется характер их эмблем, которые отныне имеют прямое отношение к правящей династии.[4]

Обзор внешней торговли Синопы и Амиса в эпоху эллинизма мы начнем с припонтийских областей, так как, благодаря работам главным образом советских ученых, мы располагаем тут богатыми материалами, которые позволяют нарисовать конкретную картину синопского экспорта в другие причерноморские города. Но до того, как приступить к этому обзору, необходимо высказать несколько предварительных замечаний. Прежде всего о датировке последних трех групп синопских амфор. В последние годы при раскопках Ольвии и Мирмекия были зарегистрированы случаи, когда синопская тара последних трех групп по Гракову, находимая в определенных комплексах или культурных слоях, не совпадала по времени с другими

---

[1] WBR, стр. 179. Ср.: Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 121 и сл.

[2] WBR, Amisos, №№ 8 и сл.

[3] WBR, стр. 53.

[4] См. главу 7 (стр. 187) и ниже, стр. 219 и сл.

материалами того же места находки.[1] Это ставит вопрос о необходимости пересмотра хронологических границ, установленных Б. Н. Граковым для его IV—VI групп синопских клейм, причем, насколько можно судить по уже имеющимся наблюдениям, придется, видимо, несколько отодвинуть эти границы назад. В тесной связи с этой задачей находится другая, тоже, как нам кажется, вполне назревшая для пересмотра, проблема. Мы имеем в виду классификацию и датировку медных понтийских монет, в том числе и монет Синопы и Амиса II—I вв. до н. э.

Как известно, между взглядами двух видных нумизматов, занимавшихся этими монетами, Ф. Имхоф-Блумера и Т. Рейнака, существуют серьезные расхождения.[2] Главное из них заключается в том, что Имхоф-Блумер относит все монеты понтийских городов, разбитые им по признакам сходства стиля, фактуры и надписей на 7 хронологических групп, ко времени правления Митридата Евпатора, тогда как Рейнак относит некоторые городские монетные выпуски ко времени более раннему, а именно — к десятилетиям, предшествовавшим воцарению Митридата VI. А. Н. Зограф и Б. Н. Граков полностью приняли точку зрения Имхофа-Блумера, и Граков в значительной мере основал на ней датировку последних групп синопских клейм. Нам кажется, что, несмотря на бесспорные положительные стороны классификации, предложенной Имхоф-Блумером, и выделение им отдельных групп понтийских монет, его датировка в целом не вполне убедительна. Этот вопрос требует специального исследования, и мы можем высказать здесь только несколько предварительных замечаний. Строго говоря, единственный объективный довод для датировки, проводимой Имхоф-Блумером, касается его V группы, которую он датирует приблизительно 90—80 гг. на том основании, что самнитский золотой статер,[3] относимый к 90—88 гг., повидимому, копирует амисскую медную монету V группы. Кроме того, Имхоф-Блумер высказывает предположение, что изображения мальчика на монетах Амиса и Амасеи I группы (табл. III, *6*) и юноши в персидской тиаре (табл. III, *9*) на монетах Амиса

---

[1] См.: А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки. Автореферат. Л., 1951, стр. 12.

[2] Последние работы обоих авторов на эту тему следующие: F. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung des Mithridatischen Reiches..., стр. 169—184; WBR, изд. 2-е, 1925.

[3] Friedländer. Die oskischen Münzen. Leipzig, 1850, стр. 73. — Th. Reinach. Trois Royaumes..., стр. 198.

и Синопы II группы представляют собой портрет Митридата Евпатора. Однако, согласно исторической традиции, Митридат в возрасте от 11 до 18 лет скрывался в горах Париадра, имея основания бояться покушений на свою жизнь со стороны своей матери — царицы Лаодики и ее партии. Мало вероятно, чтобы в это время главные города Понта чеканили монеты с его изображениями, не говоря уже о том, что юноша в тиаре на монетах совершенно не похож на хорошо нам известный облик Митридата Евпатора. Кроме того, отнесение всех медных городских монет Понта ко времени правления Митридата VI заставило бы нас согласиться с тем, что Синопа и Амис в течение почти 70 лет после падения Синопы вовсе не чеканили монет, а это трудно совместимо с широким размахом их торговли на протяжении этих десятилетий. На основании этих соображений мы считаем крайне желательным заново проработать вопросы датировки понтийских медных монет и синопских керамических клейм IV—VI групп, что, вероятно, внесет некоторые изменения и в наши представления о причерноморской торговле Синопы в ее развитии во времени.

В настоящей работе мы условно принимаем прежнюю датировку и классификацию монет и клейм, так как разрыв с установившимися взглядами без предварительных специальных исследований был бы преждевременным и мог бы внести лишнюю путаницу в эти сложные вопросы.

Подготовляемый в настоящее время Б. Н. Граковым к изданию третий том IosPE, куда войдут все керамические клейма, найденные в северном Причерноморье вплоть до последних лет, несомненно значительно обогатит наши знания о синопской торговле маслом и вином. Однако и в настоящее время, благодаря основной работе Б. Н. Гракова «Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов» и ряду публикаций материалов, найденных в отдельных районах Причерноморья после выхода в свет названной книги, наши представления об этой отрасли торговли Синопы приобрели довольно ясный и конкретный характер.

Огромный проработанный Б. Н. Граковым материал позволил ему, как известно, сделать ряд общих наблюдений над развитием синопского импорта в северном Причерноморье. Так, им была установлена постепенность развития этой отрасли торговли от IV в. до н. э. до времени Митридата Евпатора. Затем им было определено, что главная масса синопских товаров, перевозимых в синопской клейменой таре, шла в восточную половину северного Причерноморья, тогда как западная половина побережья потребляла их в значительно меньших

количествах.[1] Наконец, тем же ученым были установлены случаи находки синопских клейм в степных районах, в приднепровских курганах, близ Киева и на Кубани,[2] что указывает на проникновение синопских товаров в Скифию, конечно, через посредство греческих городов побережья. Эти общие выводы и наблюдения нашли себе подтверждение в позднейших находках. Благодаря публикации памятников, найденных в Мирмекии и Тиритаке, мы располагаем цифровыми данными о количестве синопских клейм, происходящих из этих малых городов Боспора.[3]

А. А. Нейхардт, проработавшая клейма Синопы, Гераклеи Понтийской и Херсонеса Таврического, найденные в Тиритаке и Мирмекии за 1935—1950 гг., сообщает, что «клейма синопской группы количественно представляют самую значительную часть клейм в материалах Боспорской экспедиции — их около 500 экземпляров», и далее указывает, что большая их часть — около 280 экз. — относится к трем последним группам (IV—VI), которые, согласно классификации Б. Н. Гракова, датируются временем от 183 до 70 г. до н. э. Более подробные сведения можно получить о клеймах из Мирмикия и Тиритаки раскопок 1932—1934 гг. и 1935—1940 гг. Из изученных Е. М. Придиком и поддавшихся датировке клейм Синопы одно клеймо относится к I группе, т. е. к IV в. до н. э., 17 клейм — ко II и III группам, т. е. ко времени от начала III в. до 183 г., и 56 — к трем последним группам. Данные, опубликованные в статье Е. М. Штаерман, говорят о том, что в течение кампаний 1935—1940 гг. в Мирмекии и Тиритаке найдено было 309 синопских клейм, что составляет почти половину всех клейм, обнаруженных в этих городах за указанные годы. По группам этот материал распределяется следующим образом: I группа — 8 клейм, II — 21, III — 63, IV —61, V — 59 и VI — 60 (часть синопских клейм прочитать не удалось).

Согласно наблюдениям Т. Н. Книпович,[4] в Танаисе количественно преобладают клейма родосские III—II вв. до н. э.,

---

[1] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 31.

[2] Там же.

[3] А. А. Нейхардт, ук. соч. — Е. М. Придик. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, №4, 1941, стр. 173—193. — Е. М. Штаерман. Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 387—394. О торговле Синопы с Боспором см. также: И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем, ВДИ, 1951, № 2, стр. 106—116.

[4] Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1940, стр. 74 и сл.

тогда как синопских клейм значительно меньше. На Кубани, по опубликованным предварительным данным, синопские амфоры находятся в значительных количествах, причем число клейм IV—VI групп более чем в три раза превышает число клейм I—III групп и всего больше там встречается клейм VI группы.[1]

В Ольвии количество синопских клейм в процентном отношении к клеймам других производственных центров значительно сокращается. По определению Е. М. Штаерман, сославшейся на неопубликованную работу Б. Н. Гракова, количество синопских клейм, найденных в Ольвии, равно 28% к числу клейм другого происхождения.[2] К сожалению, здесь не дается указаний на распределение этих клейм по группам. Дальше на запад, в Тире, согласно работе Е. М. Штаерман, синопские клейма составляют 21% от общего числа обнаруженных там клейм. Преобладают клейма трех ранних групп; особенно много клейм III группы, которых насчитывается 44, тогда как клейм последних трех групп всего 28.

Находки синопских клейм на амфорах и черепицах в западном Причерноморье также носят массовый характер. Опубликованные до настоящего времени данные показывают, что главные места находок — это греческие города побережья: Одесс[3] (ныне Сталино) и Каллатий.[4] Однако, так же как и на северном Причерноморье, греческие товары и здесь проникали в глубь материка, и в частности керамика с астиномными клеймами встречалась в долине Добровицы,[5] северного притока Дуная. Примерный подсчет синопских керамических клейм по сравнению с клеймеными керамическими изделиями других центров позволяет установить большой удельный вес синопского импорта. Так, например, в Каллатии синопский ввоз значительно превосходит ввоз из Фазоса, а также Родоса, не говоря уже об изделиях других центров. Следует еще добавить, что хотя большинство синопских клейм, происходящих из западного Причерноморья и принадлежащих астиномам и фабрикантам, относится к трем последним группам Гракова и, следовательно, в основном датируется временем после подчинения Синопы понтийским царям, все же некоторое их количество, правда

[1] Н. В. Анфимов. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье. ВДИ, 1951, № 1, стр. 110—127.

[2] Е. М. Штаерман. Керамические клейма из Тиры. КСИИМК, вып. XXXVI, стр. 31 и сл.

[3] Известия Болгарского археологического института, VIII, 1934, стр. 24—43 (К. Шкорпил).

[4] Dacia, I—V/VI. Остальную литературу, разбросанную по различным изданиям, см.: G. Cantacuzene, Dacia, III/IV, стр. 617.

[5] Dacia, III/IV, стр. 612.

значительно меньшее, входит в состав I—III групп [1] и, следовательно, должно быть отнесено к эпохе раннего эллинизма. Таким образом, уже сейчас можно установить, что торговля Синопы с западным Причерноморьем развивалась постепенно, начиная с IV в., и достигла высшей точки в эпоху позднего эллинизма.

Важным свидетельством о торговле Синопы с северо-западным и западным Причерноморьем следует считать упомянутую выше (стр. 213 и сл.) находку синопских золотых статеров в Анадольском кладе.[2] В 1895 г. в селе Анадоле в Бессарабии был случайно обнаружен клад монет, состоящий почти исключительно из золотых статеров чеканки монетного двора македонских царей от Филиппа II до Деметрия Полиоркета. Среди 694 статеров Александра Македонского 12 экземпляров (№№ 454—465) принадлежат к описанному выше синопскому выпуску золотых монет типа статеров Александра, с буквами ΣΙ. Состав клада характеризуется преобладанием в нем монет чекана главных городских центров западного Причерноморья. Поэтому надо полагать, что Анадольский клад был зарыт в землю каким-то лицом или лицами, связанными преимущественно с западным Причерноморьем, и присутствие в кладе синопских монет, повидимому, свидетельствует о торговой связи Синопы с районом западного и северо-западного Причерноморья.[2]

Золотой статер, принадлежащий к тем же сериям золотых монет Синопы, найден был и в станице Таманской.[3]

Что касается восточного берега Черного моря, то из-за отсутствия там планомерных раскопок греческих городов мы лишены пока возможности судить об импорте туда синопских товаров, но происходящие из Колхиды и Мцхеты отдельные монеты Синопы и Амиса показывают, что торговая деятельность этих городов простиралась и на эти районы.[4]

---

[1] Например: Dacia, II, стр. 430 и 458; V/VI, стр. 253 и сл.; Ephemeris Dacoromana, II, стр. 409. См. также: Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I веках до нашей эры, стр. 134.

[2] В связи с вопросом о сношениях южного Причерноморья с западным следует упомянуть находку медной монеты Амиса в Aquae Calidae, где находился целебный источник. В песке, окружающем источник, найдено было более 3000 монет разных периодов античности и византийской эпохи, которые были брошены туда исцелившимися больными. Монета Амиса определяется как автономная; более точной ее датировки не дано (см.: AA, 1911, стр. 349—353; А. Н. Зограф. Находки монет в предполагаемых античных святилищах на Черноморье. СА, VII, стр. 155 и сл.).

[3] А. Н. Зограф. Статеры Александра Македонского, стр. 85—99, особенно стр. 96 и сл.

[4] А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет на Кавказе. Тр. Отд. нумизматики Гос. Эрмитажа, I, 1945, стр. 64, № 78

Наряду с клейменой керамической тарой, в которой экспортировалось масло и вино, в Синопе продолжали производиться и другие керамические изделия, например: лутерии, пифосы, кровельная черепица[1] и архитектурные терракоты,[2] которые также играли заметную роль в синопской причерноморской торговле. Нет оснований сомневаться в том, что Синопа и Амис продолжали в эпоху эллинизма поставлять в припонтийские порты и другие товары, которые с давних пор служили предметом их торговли, как то: сталь, железо, вероятно корабельный лес и другие продукты, не поддающиеся пока фиксации и учету с количественной стороны.

Таким образом, перед нами раскрывается ясная в основных своих чертах картина широкого развития черноморской торговли Синопы в период от первой половины IV в., когда освоен был краткий путь по морю с юга на север Понта, и до царствования Митридата Евпатора, когда весь Понт находился во власти или под протекторатом Понтийского царства. При этом включение Синопы и Амиса в состав царства Митридатов не только не нарушило этой торговли, но, наоборот, дало ей новый, могучий импульс, приведший к небывалому до той поры объему торговых оборотов между югом и севером в царствование Митридата Евпатора.[3] Помимо уже приводившихся нами цифровых данных, о резком увеличении импорта

(тетрадрахма Митридата Евпатора, найденная близ Сухуми), №№ 194 и 195 (монеты Амиса начала I в. до н. э. из Сухуми и села Рохи). Согласно сообщениям Н. В. Хоштария и А. М. Апакидзе, монеты Амиса были найдены в последние годы в селении Вани в Колхиде и близ Мцхеты.

[1] И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем, ВДИ, 1951, № 2, стр. 111 и сл. — Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». Ольвия, I, Киев, 1940, стр. 151.

[2] И. Д. Марченко. О терракотовых антефиксах Пантикапея, стр. 167—185, в частности стр. 173. Автор выделяет группу синопских антефиксов, которую он датирует примерно I в. до н. э.

[3] Одним из необходимых условий процветания черноморской торговли Синопы и Амиса при Митридатах должна была быть успешная борьба с пиратством. В прежнее время такую борьбу вел царь Боспора Евмел, о чем рассказывает Диодор (Diod., Bibl., XX, 25). Но впоследствии, после ослабления Боспорского царства, роль защитника черноморской торговли от морских разбойников, надо полагать, перешла к царям Понта, особенно заинтересованным в безопасности морских путей и достаточно сильным для обезвреживания пиратов. Прямых свидетельств о борьбе Митридатов с черноморскими пиратами, правда, не сохранилось, но в главе 7 (стр. 191 и сл., 196) мы уже указали на защитную роль построенных Митридатами береговых крепостей. Что же касается борьбы с ними в открытом море, то, как указал мне акад. В. В. Струве, самый факт развития торговли предполагает подавление пиратства.

клейменой синопской тары VI и отчасти V групп свидетельствуют еще один эпиграфический памятник и — особенно наглядно — необычайное обилие находимых на севере медных монет понтийских городов времени Митридата Евпатора.

Эпиграфический памятник — это найденный в Херсонесе почетный декрет в честь синопейца Менофила, сына Менофила, датируемый Латышевым концом II в. до н. э.[1] Заслуга Менофила заключалась в том, что он «всегда и во время своего пребывания в Херсонесе сделал много полезного для народа». Скорее всего в лице этого гражданина Синопы следует видеть торговца, который имел с Херсонесом какие-то торговые сношения, в связи с чем ему приходилось иногда жить в этом городе.

Особое внимание привлекают к себе нумизматические памятники времени Митридата VI — находки монет понтийских городов южного Причерноморья в других припонтийских странах. Этот материал, обработанный пока только частично А. Н. Зографом и Л. П. Харко, особенно наглядно раскрывает чрезвычайное оживление торговых сношений между югом и севером в «понтийский» период истории Причерноморья.[2] Приведем несколько цифровых данных. Согласно классификации и учету понтийских монет, найденных в Ольвии, в течение 14 кампаний там обнаружено было 85 монет времени Митридата и всего 6 монет более ранних и одна более поздняя. Среди митридатовских монет преобладали монеты 3-й группы Имхоф-Блумера, предположительно датируемые 111—105 гг. На Боспоре находки понтийских городских монет митридатовского времени носят еще более массовый характер. Не говоря о многочисленных сведениях, разбросанных по отчетам о старых, дореволюционных раскопках, касающихся находок на Боспоре медных понтийских монет (эти сведения не поддаются сейчас более точному учету вследствие того, что монеты не были своевременно точно определены и датированы), мы приведем здесь лишь цифры, которые дают нам данных недавних раскопок в Мирмекии и Тиритаке и некоторые наблюдения А. Н. Зографа, неоднократно высказывавшегося по вопросу о причинах поразительно большого количества понтийских монет митридатовского времени, находимых на Боспоре. В Мирмекии и

[1] IOSPE, I², № 351.

[2] А. Н. Зограф. 1) Находки монет митридатовского времени в Ольвии. Ольвия, I, Киев, 1940, стр. 293—299; 2) Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, стр. 157—172; 3) Находки античных монет на Кавказе. Тр. Отд. нумизматики Гос. Эрмитажа, I, 1945, стр. 29—85. — Л. П. Харко. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. МИА, № 25, стр. 357—386.

Тиритаке понтийские медные монеты митридатовского времени занимают первое место среди монет иностранных. Так, раскопки 1932—1934 гг.[1] дали 6, а раскопки 1935—1948 гг. — 28 таких монет.[2] А. Н. Зографом приводятся данные о монетах этой категории, обнаруженных на Таманском полуострове и в Грузии.[3] Но особенно ясно о широком обращении интересующих нас монет на Боспоре, как это неоднократно было отмечено А. Н. Зографом, говорят два обстоятельства. Это, во-первых, вхождение их в больших количествах в монетные клады[4] и, во-вторых, тот факт, что медные монеты архонта Асандра представляют собой перечеканки последних серий медных понтийских митридатовских монет.[5]

Чем объясняется такое бросающееся в глаза резкое увеличение числа понтийских монет, завозимых в северное Причерноморье в митридатовское время? А. Н. Зографом выдвинуто было по этому вопросу несколько предположений.

Так, он был склонен объяснять массовое появление понтийских монет на северном побережье Черного моря завозом их жителями Понта, переселенными на север согласно «плану систематического освоения Митридатом северо-западной части Черноморья путем создания в разных местах опорных пунктов в виде поселений преданных царю жителей Понта». Эта гипотеза основана на толковании С. А. Жебелевым ольвийского декрета в честь капитана корабля амисенца.[6] С. А. Жебелев, как известно, предложил понимать под армениймцами, упоминающимися в надписи, не арменов, а греков — жителей пригорода Синопы Армены.[7] Детальный разбор гипотезы С. А. Жебелева убедил нас в ее ошибочности. В ольвийской надписи речь идет не о жителях Армены, а о настоящих арменах, вероятно из Малой Армении, переселяемых в Ольвию в качестве гарнизона. В таком случае предположение А. Н. Зографа о существовании у Митридата какого-то плана «систематического освоения северо-западной части Черного моря путем

[1] МИА, № 4, №№ 26, 94, 106, 150 (?), 197, 247; из них 4 монеты Амиса.

[2] МИА, № 25, стр. 361.

[3] А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе, №№ 62, 78, 187—195.

[4] А. Н. Зограф. Находки монет митридатовского времени в Ольвии, стр. 293. В кладе 1897 г. находилось 66 понтийских митридатовских монет.

[5] *Там же*, стр. 297; ЗАМ, стр. 187 и 188.

[6] IOSPE, I², 35.

[7] С. А. Жебелев. Ольвия и Митридат Евпатор. Ольвия, I, 1940, стр. 281 и сл. Разбору этой работы С. А. Жебелева мы надеемся посвятить особую статью.

создания в разных местах опорных пунктов в виде поселений преданных царю жителей Понта» лишается всякого основания и не может быть принято, тем более что и преданность царю понтийских греков весьма сомнительна. В посмертно изданном труде А. Н. Зографа «Античные монеты» встречается другое объяснение указанного явления.[1] Там высказывается предположение о том, что медные выпуски понтийских городов, наравне с золотой и серебряной монетой Митридата, служили для оплаты наемников, чем можно было бы объяснить и тот факт, что наиболее распространены здесь крупные и средние номиналы. Не отрицая вероятности этого предположения, нельзя, однако, не вспомнить, что на Боспоре в митридатовское время обращались другие крупные медные монеты, выпускаемые, повидимому, чиновниками Митридата со специальной целью оплаты наемников,[2] — явление, параллельное тому, которое наблюдается в это же время в малоазийских владениях Митридата.[3] Таким образом, городской понтийский чекан вряд ли мог иметь своим прямым назначением оплату наемников на северном Причерноморье, хотя данные монеты и могли частично служить этим целям. Но в военные издержки входят не только те суммы, которые идут на вербовку и оплату солдат, но также и покупка и заготовка всего необходимого для войны. Роль северного Причерноморья как базы снабжения огромных армий Митридата хорошо известна. Тех 180 000 медимнов пшеницы, которые, по словам Страбона,[4] Боспор ежегодно выплачивал Митридату в виде дани, конечно, не хватало.[5] Остальные массы зерна и других необходимых для военных целей продуктов, надо полагать, заготовлялись путем закупки, и это открывало широкие возможности проникновения на северное Причерноморье городской понтийской монеты. Как бы то ни было, в силе остается тот факт, что, говоря словами А. Н. Зографа, «широкое распространение монет и притом не высшего, а второго сверху номинала далеко от места их выпуска свидетельствует, что эта медная монета стала играть роль, выходящую далеко за пределы ее первоначального назначения — служить чисто местным средством денежного обращения».[6] Об этих словах А. Н. Зографа вспоми-

[1] ЗАМ, стр. 185.

[2] F. Imhoof-Blumer. Griechische Münzen. München, 1890, стр. 44 и сл. — ЗАМ, стр. 187.

[3] Revue Numismatique, 1913 (A. Baldwin). — ЗАМ, стр. 186.

[4] Strab., VII, 4, 6.

[5] Вспомним, что, по словам Аппиана (App., Mithr., 69), понтийский царь перед началом 3-й войны с Римом «собрал в разных местах *побережья до 2 000 000 медимнов хлеба*».

[6] А. Н. Зограф. Ольвия, I, стр. 298.

нает и Л. П. Харко, комментируя факт находки в Мирмекии скопления в одном месте 6 монет Амиса одного типа. «На основании этой находки, — говорит он, — возникает предположение, что монеты Амиса имели свой курс обращения на Боспоре и предназначались для каких-то особых платежей».[1] Нам кажется, что в этой связи интересно вспомнить еще о двух явлениях в области нумизматики Боспора и Понта митридатовской эпохи. Это, во-первых, отмеченная А. Н. Зографом общая тенденция монетных выпусков Боспора к параллелизму с монетными выпусками Понтийского царства и, в частности, стремление приравнять медные монеты по фактуре и стилю к городским монетным выпускам Понта.[2] Данное обстоятельство показывает, что монетное дело Боспора в период подчинения Боспора Митридату обнаруживало тенденцию если не к слиянию, то к максимальному сближению с понтийскими монетными выпусками. А этот факт в свою очередь напоминает нам ту денежную реформу, которая была проведена Митридатом, а может быть, одним из его ближайших предшественников, в монетном деле Понтийского царства,[3] когда состоялась унификация монетных выпусков различных городов царства, ранее самостоятельных и не имевших друг с другом ничего общего. Монетный сепаратизм отдельных городов должен был уступить место подчинению общегосударственным экономическим интересам.

При Митридате Евпаторе Боспор вошел в состав Понтийского царства и другие причерноморские области также либо прямо подчинились царю, либо находились под его протекторатом. Нам кажется весьма вероятным, что, наблюдая практические результаты унификации монетного обращения в своих коренных владениях, Митридат задумал распространить эту меру на другие части своего обширного царства. В связи с этой целью понтийские медные монеты получили свой курс обращения в северном Причерноморье, и все монетные выпуски Боспорского царства стали равняться по монетному делу Понта. Грандиозный по античным масштабам план унификации монетного обращения в Понте, может быть, и был бы осуществлен хотя бы частично, если бы Митридату удалось удержать созданное им Всепонтийское царство. Крушение и распад этого царства привели к тому, что и задуманная широкая денежная реформа осталась неосуществленной.

Переходим теперь к рассмотрению свидетельств о связях

[1] Л. П. Харко. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг., стр. 361.
[2] ЗАМ, стр. 186 и сл.
[3] См. главу 7.

Синопы со странами, расположенными за пределами Черного моря. В настоящей главе мы приведем данные, касающиеся за немногими исключениями эпохи раннего эллинизма. Дело в том, что свидетельства, относящиеся ко II и началу I в. до н. э., сосредоточиваются почти целиком на острове Делосе, который, как известно, служил в это время главным транзитным портом восточного Средиземноморья, и документы, освещающие сношения Синопы и Амиса с Делосом, дают гораздо более подробную и цельную картину, чем те разрозненные упоминания, которые существуют для раннего эллинизма. Поэтому целесообразнее выделить сношения с Делосом в особую главу.[1]

Связи Синопы с внепонтийскими странами в период раннего эллинизма были весьма обширны и обнимали многие районы и пункты восточного Средиземноморья. Не все относящиеся к этому вопросу свидетельства указывают непосредственно на торговые сношения; иногда речь идет о связях культурных или об участии синопцев в культах и празднествах Греции. Есть и такие свидетельства, которые не позволяют высказать суждение о занятиях упомянутых в надписях лиц, как, например, эпитафии. Однако во многих случаях указания на культурные связи подразумевают наличие торговых сношений, на базе которых они возникли, почему мы и приводим ниже все без исключения данные о внешних связях Синопы и Амиса.

В главе, посвященной торговле Синопы и Амиса в VI—IV вв., мы уже говорили о многочисленных надгробных надписях уроженцев Синопы, найденных в Афинах и Пирее, датируемых IV—I вв. до н. э.[2] Многие из этих надгробий несомненно относятся ко времени раннего эллинизма, как, например, надгробие Диона и его сыновей, известных авторов новой аттической комедии, Дифила и Диодора. Концом III или первой половиной II в. датируется надгробие Эвноя, сына Папа, недавно обнаруженное на афинской агоре.[3] В Афинах найдено и несколько клейменых ручек от синопских остродонных амфор: две были обнаружены на акрополе,[4] одна на Пниксе[5] и одна на агоре.[6]

---

[1] См. главу 9.

[2] См. главу 4, стр. 87 и 93.

[3] Hesperia, 1934, III, стр. 95, № 127.

[4] AM, XXI, 1906, стр. 177, № 13; стр. 178, № 14 = Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 34. Здесь же имеется указание еще на одну синопскую ручку амфоры, купленную в Афинах.

[5] V. Grace. Standard pottery containers of the ancient greek world. Hesperia, Suppl. VIII, 1949, стр. 175—189, табл. 20, № 13. Яма, в которой найдена была ручка, заполнена во II в. до н. э. Издатель относит клеймо к I группе Гракова.

[6] Hesperia, 1934, III, стр. 276, № 221. Астином — Гиппон, сын Дионисия; эмблема — лавровая ветвь.

Помимо Афин можно назвать еще ряд пунктов как на греческом материке, так и в Малой Азии и на островах, где сохранились следы связей с Синопой в эпоху эллинизма. Так, в Дельфах найдена была надпись III в. до н. э., содержащая проксению в честь некоего синопейца, благодетеля Дельф, имя которого не сохранилось.[1]

В списке проксенов маленького городка Клиторы в Аркадии перечисляется несколько синопейцев — проксенов этого города;[2] надпись относится к концу IV или началу III в. до н. э. В святилище Амфиарая в Оропе, с которым у Синопы существовали сношения еще в IV в., найдено было два декрета о проксениях в честь двух синопейцев, повидимому, братьев. Оба декрета датируются концом III в.[3] Синопейца же, по всей вероятности, называет и сильно фрагментированный декрет I в. до н. э. из Теген.[4] Большой интерес представляет начертанная между 232 и 220 гг. надпись из Гистиеа на острове Эвбее. Это — постановление народного собрания граждан Гистиеи о даровании проксении, всяких привилегий, в том числе и торговых, синопским гражданам на началах равноправия, т. е. при условии дарования гражданам Гистиеи таких же привилегий в Синопе. Постановление состоялось в порядке ответа послам Синопы, прибывшим в Гистиею с целью возобновить давнишние дружественные отношения.[5] Из Антинароса происходит одно керамическое синопское клеймо, относящееся к клеймам группы IV по Гракову.[6]

На сношения Синопы со своей метрополией, и в частности на старую культовую традицию, указывает происходящая из Дидимы сильно фрагментированная надпись, относимая издателями к 224/23 г. до н. э.[7] На камне начертан инвентарь приношений в храм Аполлона в Дидиме. В числе приношений находится и серебряная чаша, пожертвованная некиим синопейцем Эвтеоном.

Торговые сношения Синопы с Самосом удостоверяются находкой в местечке Тигани на Самосе остродонной синоп-

---

[1] BCH, 1882, стр. 225, № 58 = Rob., № 82.
[2] IG, V, Pars 2, № 368.
[3] SEG, v. I, fasc. 1, 1923, №№ 104 и 107.
[4] IG, V, Pars 2, № 148.
[5] IG, XII, Pars 9, № 1186. — A. Wilhelm. Eine Proxenienliste aus Histiaia. Arch.-Epigr. Mitt. aus Oesterreich, XV, стр. 114.
[6] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., прим. 93 к гл. I.
[7] 7-er vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Milet. Berlin, 1911, стр. 63, N 11.

ской амфоры с клеймом астинома Гистиеа и фабриканта Орта.[1]

Особенно интенсивными были торговые сношения с Родосом, о чем достаточно отчетливо говорят приведенные выше факты из истории Синопы. С Родоса происходят два надгробия граждан Синопы, которые, повидимому, следует датировать эпохой раннего эллинизма.[2] Там же работал синопский скульптор Клерий, подпись которого на постаменте статуи была найдена в городе Линдосе.[3]

Трудно сейчас решить, какие именно продукты служили объектами торговли между Синопой и Родосом. Возможно, что с Родоса в Синопу доставлялось между прочим вино, на которое во всем Причерноморье существовал такой большой спрос. Это подтверждается находкой в Синопе родосских керамических клейм,[4] а также сильным влиянием, оказанным, согласно наблюдениям Б. Н. Гракова, родосскими керамическими клеймами на такие же клейма Синопы.[5]

Следует еще иметь в виду, что Родос во второй половине III в. занял главенствующее положение в Эгейском море, и Синопа по этой причине была очень заинтересована в дружбе с этим городом для развития своих торговых связей, особенно с царством Птолемеев, так как, по свидетельству Диодора, морской путь в Александрию из Понта Евксинского шел через Родос.[6]

Целый ряд литературных текстов и письменных документов свидетельствует о торговых и культурных связях, существовавших в период раннего эллинизма между Синопой и Александрией.

Как мы видели выше, торговые сношения между Синопой и Египтом существовали, может быть, еще в VI—V вв.,[7] но в III в. они сильно развились и окрепли. Большой интерес с этой стороны представляет известная легенда о перенесении

---

[1] AM, 54, 1929, стр. 60.

[2] IG, XII, Pars 1, №№ 465 и 466.

[3] RE, Suppl. V, Sp. 831 (Hiller von Gertringen). Датировки надписи не дано.

[4] Rob., № 5.

[5] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 32.

[6] Diod., Bibl., III, 34, 7. В литературе высказывались предположения об участии Синопы на стороне Родоса в войне этого государства в союзе с Селевкидами против Птолемеев (см.: H. v. Gelder. Geschichte der alten Rhodier, стр. 110 и сл.; цит. по: Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 28).

[7] См. главу 4, стр. 87.

статуи Сераписа из Синопы в Александрию.[1] В основных чертах эта легенда сводится к тому, что царю Птолемею (по одним рассказам, Птолемею Сотеру, по другим — Филадельфу) явился во сне некий бог и приказал ему привезти из Понта в Александрию статую божества, которая станет источником всяких благ для Египта. Установив путем опроса лиц, бывавших в Понте, что речь идет о статуе в храме Юпитера—Плутона близ Синопы, Птолемей отправил посольство с богатыми дарами к Скидрофемиду, тирану Синопы, с просьбой уступить ему статую Юпитера—Плутона. Скидрофемид не решился удовлетворить эту просьбу, за что его постигли всякие несчастия, а сами синопейцы решительно воспротивились увозу культовой статуи. В конце концов, по одной версии легенды, статуя была выкрадена послами, по другой — она сама ушла из храма и, воссев на корабль, приплыла в Александрию. Эта типичная храмовая легенда подвергалась многочисленным толкованиям со стороны современных ученых, среди которых существуют различные на нее взгляды. Для наших целей важны два вывода, которые вытекают из приведенного рассказа. Предпосылками для создания легенды должны были быть, во-первых, существование в Синопе широко известного культа подземного бога, имевшего сходные черты с Сарапсом,[2] во-вторых, знакомство лиц,

---

[1] Tacit., Hist., IV, 83, 84. Разные версии этой легенды сохранились и у ряда других античных авторов. Сводку источников и литературы см.: E. Schmidt, Die Einführung des Sarapis in Alexandrien. Heidelberg. Diss., 1909; RE, s. v. Sarapis (Roeder); D. Magie. Aegyptian deities in Asia Minor in Inscriptions and coins. AJA, 1953, № 3, стр. 165—187.

[2] Б. Н. Граков (Древнегреческие керамические клейма..., стр. 25 и сл., табл. 16, №№ 5 и 6; ср.: WBR, Pl. XXVII, 21, 30) обратил внимание на своеобразный образ некоего божества, изображение которого встречается на монетах Синопы. На монетах 137 г. н. э. представлена только голова бога в фас (табл. II, *1*), а на монетах Септимия Севера — вся статуя (табл. II, *2*). Сопоставляя эти изображения со сходной эмблемой на керамических синопских клеймах II в. до н. э., Граков приходит к заключению, что перед нами образ какого-то коренного местного божества, вероятно синопского Сераписа, т. е. праобраза Сераписа александрийского. Бабелон и Рейнак (WBR, стр. 194), наоборот, предостерегают от отождествления этого божества с Сарапсом, указывая на отсутствие сходства между ними и изображениями александрийского Сераписа на синопских монетах первых веков нашей эры. С этим взглядом едва ли можно согласиться, так как вполне допустимо, что в Синопе сохранился древний культ пафлагонского бога, судя по легенде — прообраза Сераписа; когда же был создан культ и образ александрийского Сераписа, то это божество, в преображенном виде, вернулось в Синопу, тем более что александрийский бог еще в эпоху эллинизма проник во многие города Малой Азии. Гипотеза Б. Н. Гракова кажется нам весьма вероятной еще вследствие длительности культа «пафлагонского Сераписа»

окружавших царя Египта, с южным Причерноморьем и, в частности, с культами Синопы. В этом смысле выбор Синопы как места, откуда, согласно легенде, прибыла в Александрию статуя нового бога, не случаен. Он отражает оживленные сношения, существовавшие при первых Птолемеях между Египтом и Понтом, экономические и политические интересы, связывавшие обе эти страны.

Интерес первых Птолемеев к Понту основывался, надо думать, на стремлении расширить сферу своего влияния за пределы Эгейского моря, над которым они фактически властвовали, в сторону проливов и Евксинского Понта. Именно к этому времени относится ряд свидетельств о сношениях Птолемеев с различными припонтийскими странами. Так, известно, что в 254/53 гг. царь Боспора Перисад II вел через своих послов переговоры с Птолемеем Филадельфом,[1] возможно, как думает В. Ф. Гайдукевич,[2] с целью «размежевания сфер влияния в хлебной торговле между Египтом и Боспором на рынках Эгейского моря». Имеются источники, из которых можно вывести заключение о прямой экономической и политической заинтересованности Птолемеев в греческих городах южного Причерноморья. Так, Мемнон[3] сообщает, что Птолемей Филадельф, достигнув зенита своей славы, стал посылать блестящие дары греческим городам. В Гераклею он послал 500 артаб[4] зерна и построил на ее окраине храм Геракла из проконесского мрамора. Выше уже упоминалось о военной экспедиции, предпринятой Птолемеями в юго-западную часть южного побережья Черного моря и отбитой усилиями понтийских царей — Митридата I и Ариобарзана. Возможно, что это была попытка прямого военного вмешательства в дела припонтийских областей. Тот же Стефан Византийский, сохранивший

в Синопе, удостоверяемой керамическими клеймами и монетами, а также монументальностью его статуи, представлявшей собой, судя по монетам Септимия Севера, сложное сооружение с целым рядом добавочных фигур и аксесуаров. Все это говорит в пользу того, что речь идет о каком-то выдающемся культе и божестве, занимавшем особо видное место в Пантеоне Синопы, каковым, судя по легенде, и был культ Юпитера—Плутона в Синопе.

[1] Symbolae Osloenses, V, 1927, стр. 33 (H. J. Bell). — С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Изв. АН СССР, 1934, стр. 670 и сл. — Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии, стр. 260.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 77.

[3] Memnon, I, 25.

[4] Артаба — персидская мера сыпучих тел, равная приблизительно 60 л.

известие об этом походе, сообщает также, что город Тий, расположенный на южном берегу Черного моря, между Гераклеей и Амастрием, в течение некоторого времени носил название «Вереника»,[1] что, может быть, указывает на какую-то степень зависимости этого города от Птолемеев.

Исключительно интересные сведения о товарах, доставлявшихся в Александрию из южного Причерноморья, несомненно через Синопу, и о синопских гражданах, переселившихся в Египет, сохранились среди документов, начертанных на папирусах. Два из них датированы 259 г. В первом содержится подробный счет на расходы по оплате пошлин и других сборов в таможне Пелузия с партии товаров, следовавшей в Александрию на двух судах в адрес крупного импортера Аполлония. Среди прочих товаров там числятся мед и понтийские орехи.[2] На втором папирусе сохранился счет за доставку партии товаров сухим путем, вероятно из порта на склады того же Аполлония, и здесь также упоминаются понтийские орехи.[3] Третий папирус содержит счет на материалы, которыми пользовался мастер-живописец по имени Феофил, работавший в технике энкаустики.[4] Среди прочих материалов — клея, воска и т. д. — значатся и два кратера синопского милтоса, т. е. синопской красной краски.

Два папируса сохранили интересные сведения о некоем синопейце Деметрии.[5] Это деловые расписки. Во время составления этих документов Деметрий находился на службе во втором конном полку (ἱππαρχία) Птолемеев, являясь в то же время владельцем (κάτοικος) 70 арур земли[6] близ города Крокодилополя. Дело происходило при Птолемее Филопаторе, т. е. в начале II в. до н. э. Первый из указанных папирусов содержит расписку, выданную Деметрием трем лицам — судя по их именам, местным жителям — Маррею, Архоану и Фанезу, арендовавшим у него землю. Деметрий удостоверяет получение от них 900 артаб пшеницы в счет уплаты долга. Во втором папирусе содержится расписка того же Деметрия в получении от Маррея арендной платы за один год — 75 артаб пшеницы. Возможно, что факт поступления синопейца в армию Птолемеев и обоснование

---

[1] Steph. Byz., s. v. Βερενίκαι.

[2] C. C. Edgar. Zenon Papyri, v. I. Le Caire, 1925, № 59012, I. 48 Catalogue general des Antiquitées du Musée du Caire.

[3] Там же, № 59013, строки 23—24.

[4] Там же, v. IV, 1931, № 59767, стр. 3 и 4. Упоминания о синопской красной краске встречаются также в папирусе Holmiensis, 3, 7, 19, 21, 38.

[5] B. Grenfell and A. Hunt. The Amhurst Papyri. Part II, №№ XLII и LV.

[6] Арура равняется примерно одной трети гектара.

его в Египте в качестве землевладельца надо понимать в том смысле, что в период усиленной угрозы городу со стороны понтийских царей, а может быть, и уже после захвата Синопы Фарнаком, Деметрий эмигрировал на чужбину в Египет, где у него, очевидно, имелись какие-то связи. Вступив там в армию Птолемеев, он получает во владение большой земельный надел, а местные жители арендуют у него землю.

Надо полагать, что именно развитие торговли Синопы в Средиземном море и было причиной того, что ей пришлось принять участие в военных столкновениях эллинистических государств. Страбон сообщает, что флот Синопы участвовал во многих битвах эллинов за пределами Кианей,[1] и весьма вероятно, что он имеет в виду битвы эпохи эллинизма — периода широкой экспансии торговли Синопы, еще сохраняющей свою политическую самостоятельность.

Внешняя торговля Амиса шла, повидимому, независимо от торговли соседней Синопы и в тех же примерно направлениях, но в значительно более скромных размерах, если судить по количеству свидетельств, оставивших след в исторической традиции. Так, в Афинах, наряду с описанными выше надгробиями синопейцев, встречаются, хотя и в значительно меньшем числе, надгробия жителей Амиса.[2] Одно надгробие было найдено на Родосе.[3] На Родосе же обнаружена база от групповой статуи с надписью, из которой явствует, что мастер, изваявший группу, был некий Зенон, родом из Амиса.[4] В самом Амисе было найдено надгробие эллинистической эпохи, водруженное на могиле женщины (имя ее не сохранилось), уроженки города Олинфа.[5] Афины и Родос — таково в то время, насколько мы можем судить, основное направление развития внешних сношений Амиса за пределами Черного моря.

Обзор сохранившихся до нашего времени следов сношений Синопы и Амиса со странами восточного Средиземноморья, при всей своей вынужденной краткости и лаконичности, показывает все же оживление и расширение этих связей в III и начале II вв. до н. э. по сравнению с предыдущей эпохой. Находки на острове Делосе, относящиеся почти исключительно к тому времени, когда Синопа и Амис уже вошли в состав Понтийского царства, не оставляют никаких сомнений в том, что цари Понта.

---

[1] Strab., XII, 3, 11.
[2] CIG, II, Pars III, №№ 2776—2779. — Hesperia, 1948, № 1, стр. 46, № 40, табл. 19 (III в. до н. э.).
[3] IG, XII, Pars 1, № 400.
[4] Clara Rhodos, II, стр. 194, № 22.
[5] Studia Pontica, III, стр. 6, № 1b.

начиная с Фарнака I, всячески поощряли также и средиземноморскую торговлю своих столиц, искусно используя ее не только в экономических, но и в политических целях.

Глава 9

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СИНОПЫ И АМИСА С ОСТРОВОМ ДЕЛОС ПРИ МИТРИДАТАХ

Захват Синопы Фарнаком I стал в известном смысле поворотным пунктом в истории Понтийского царства, так как из государства континентального оно превратилось скоро в сильную морскую державу. Многие древние писатели называют Синопу самым значительным городом «тех мест»,[1] т. е. Причерноморья, а Страбон, кроме того, объясняет, на чем главным образом зиждилось это выдающееся положение Синопы. Он говорит: «. . . построив флот, Синопа царствовала на море по ту сторону Кианей и даже принимала участие во многих битвах эллинов за их пределами». Другими словами, Синопа эпохи эллинизма характеризуется здесь как главная морская держава Черного моря, имевшая также немалое значение в общеэллинских делах, и эти слова определяют путь, по которому направилось дальнейшее развитие царства Митридатов. Овладев почти неограниченными для того времени военно-морскими ресурсами Синопы и унаследовав ее широко развитую морскую торговлю, царство Митридатов действительно стало Понтийским царством, обращенным лицом к Евксинскому Понту.

Уже Фарнак ясно понял, какие широкие перспективы раскрылись перед ним благодаря захвату Синопы. Он же сделал первые выводы из создавшегося нового положения, действуя с поразительной быстротой и целеустремленностью, — факт, заставляющий подозревать, что соответствующие планы давно лелеялись Митридатами. Прежде всего, он перенес свою резиденцию из Амасеи в новую столицу — Синопу.[2] Затем, исполь-

---

[1] Strab., XII, 3, 11. — Diod., Bibl., XIV, 31. — Steph. Byz., s. v. Σινώπη, и др.

[2] По этому вопросу, правда, существуют между учеными разногласия, связанные с установлением начала понтийской эры и со списком царей Понта. Мы следуем в данном случае Р. Х. Леперу, который предложил началом понтийской эры считать осень 297 г. (ИАК, 45, 1912, стр. 29 и сл.), в отличие от Рейнака, который считал таковым 302 г. (см.: Th. Reinach. Trois Royaumes...; RM, стр. 473). Р. Х. Лепер обратил также внимание на то, что список царей Понта следует начинать не с Митридата Ктиста, а с его отца — династа города Кнуса, тоже но-

зуя давнишние торговые связи этого города, а также Амиса, он простер свое влияние на северное и западное Причерноморье и выступил в качестве активной политической силы «за пределами Кианей», на Делосе и в Афинах. Тем самым были намечены пути, по которым развивалась в дальнейшем политика преемников Фарнака, завершившаяся борьбой Митридата Евпатора с Римом за мировое господство.

Мы уже говорили о том сильном впечатлении, которое произвело в Греции, особенно на Родосе, вероломное нападение Фарнака на Синопу, из-за которого он заслужил наименование «самого беззаконного из царей». Однако Фарнаку удалось очень скоро рассеять враждебные настроения, и через несколько лет после взятия Синопы те же греки стали именовать его своим другом и благодетелем.

Для восстановления своего доброго имени в эллинском мире Фарнак широко использовал торговые связи Синопы и Амиса. Очень скоро после того, как указанные города окончательно вошли в состав Понтийского царства, торговым контрагентам этих городов в Эгейском и Средиземном морях пришлось убедиться в том, что никакого захирения их торговых сношений не произошло; скорее наоборот: пользуясь поддержкой со стороны Митридатов, крупные экспортеры Синопы и Амиса еще шире развили свою деятельность.

Примерно к этому же времени относится важное изменение в общих условиях средиземноморской торговли. В 168 г., через два года после победы Рима над Персеем, независимый остров Делос, древний общеэллинский культовый центр, расположенный в самом центре Эгейского моря, так сказать на перекрестке всех морских путей с севера на юг и с востока на запад, был по ходатайству Афин отдан Римом во владение этому городу. Рим якобы отблагодарил этим Афины за верность в минувшей войне, а на самом деле он имел в виду собственные торговые интересы.[1] На Делосе еще с III в. до н. э. начали обосновываться

сившего имя Митридата. В таком случае Митридат Евпатор без натяжек становится Митридатом VI, тогда как Рейнак, по примеру Э. Мейера (E. Meyer. Geschichte des Königreichs Pontos. Berlin, 1878, стр. 53), принимает в число царей Понта весьма проблематичного Митридата, якобы царствовавшего с 220 по 185 гг.

[1] Материалы, добытые раскопками на Делосе, опубликованы в настоящее время в двух монументальных серийных изданиях: памятники археологические — в «Explorations Archéologiques de Délos»; памятники эпиграфические — в «Inscriptiones Graecae» (XI, fasc. 4) и в «Inscriptions de Délos». В советской научной литературе появилось несколько статей, в которых были критически переработаны многие выводы западноевропейских ученых, касающиеся Делоса как транзитного порта средиземно-

италийские купцы и ростовщики, деятельность которых усиливается в начале II в., особенно после мира с Антиохом в 189 г. Это был так сказать передовой отряд римской экономической экспансии на Востоке, и именно для того, чтобы открыть перед ним широкое поле деятельности, Делос был отдан Афинам с одновременным объявлением его свободным портом. Тем самым одним ударом прежний торговый гегемон восточного Средиземноморья — Родос — был лишен своего господствующего положения, и доходы его катастрофически упали. Место Родоса как транзитного порта мирового значения (в античном смысле этого слова) занимает теперь Делос.

Еще в эпоху самостоятельности Делоса значение этого острова как культового центра постепенно вытеснялось его торговым значением. Со 166 г., с момента объявления Делоса porto franco, а особенно со времени разрушения Коринфа в 148 г., Делос, номинально колония Афин, на деле становится своеобразной космополитической торговой республикой. Здесь при наличии афинских магистратов фактическая власть принадлежит постоянным резидентам острова, населению, чрезвычайно пестрому по своему этническому составу, в котором, однако, преобладают, с одной стороны, римляне и италики, с другой — уроженцы Востока: Сирии, Финикии и Александрии, и где также немало представителей Малой Азии.[1] Маленький остров, площадью всего в 5 км², вмещает наряду с многочисленными храмовыми участками (к основному культу Аполлона, Артемиды и Латоны со временем присоединяется много других, по большей части чужеземных культов — Сараписа, Изиды и др.) значительный город с жилыми кварталами и общественными зданиями и внушительные сооружения при его трех действующих портах, главным образом амбары и склады. Делос никогда не был крупным промышленным центром, а его сравнительно

морской торговли. Статьи эти следующие: Н. Н. Залесский. 1) Римляне на острове Делосе. Уч. зап. Лен. Гос. унив., серия истор. наук, вып. 15, 1947, стр. 134—168; 2) Вновь опубликованное постановление Делосского союза беритских посейдониастов. ВДИ, 1940, № 2; 3) Делосские надписи. ВДИ, 1946, № 3; Я. А. Ленцман. 1) Дар Масиниссы. ВДИ, 1948, № 4; 2) Рынок рабов на Делосе. ВДИ, 1950, № 1; 3) К вопросу об источниках эллинистического пиратства. ВДИ, 1946, № 4.

[1] Начиная примерно со 130 г. посвятительные надписи на Делосе редактируются уже не от имени афинских клерухов, а от имени афинян, италиков и других торговцев, постоянно проживающих и временно пребывающих на Делосе (см.: Я. Л. Ленцман. Рынок рабов на Делосе, стр. 65).

немногочисленное население,[1] конечно, не могло потреблять и сотой доли доставлявшихся на Делос товаров. Привозимые туда со всех концов античного мира товары не залеживались там, но тотчас же находили покупателей среди поджидавших на острове купцов, которые развозили их затем по странам назначения. Делос был типичным пунктом транзитной торговли, с быстрым товарооборотом, что прекрасно иллюстрируется сложившейся об этом острове поговоркой: «Купец, причаль, выбери, все распродано»,[2] а также своеобразным расположением складов, которые целиком ориентированы на порты, а не на город.[3]

По свидетельству надписей, торговцы, которые вели дела на Делосе, делились на две категории, на постоянных и временных жителей острова — οἱ κατοικοῦντες и οἱ παρεπιδημοῦντες или οἱ καταπλέοντες. Среди постоянного и текучего населения этого своеобразного торгового центра древнего мира, расцвет которого продолжался около 80 лет и закончился катастрофами 88 и 69 гг., заметное место занимали граждане греческих городов, входивших в состав Понтийского царства, о чем свидетельствует ряд надписей. Другой ряд надписей и вещественных памятников говорит о большом внимании к Делосу со стороны понтийских царей, начиная от Фарнака I и кончая Митридатом Евпатором. Остановимся сначала на первом роде документов, дающих прямые указания на граждан Синопы и Амиса, непосредственно связанных с делосским торжищем.

Среди делосских надписей заметное место занимают надписи, связанные с палестрами и гимнасием.[4] Это, с одной стороны, посвящения посещающего гимнасий юношества в честь своих педагогов, затем списки эфебов и παρεύτακτοι и списки победителей на состязаниях; с другой — посвящения гимнасиархов в честь различных «благодетелей», которые своими дарами поддерживали возглавляемое ими учреждение.

Весьма интересен список эфебов, составленный при гимнасиархе Аристоне в 119/18 г., т. е. в первые годы правления Митридата Евпатора.[5] В нем перечислены 41 эфеб, 28 παρεύτακτοι, т. е. юношей, только что вышедших из эфебии и продолжающих регулярно посещать гимнасий, и несколько ἀλειφόμενοι, т. е.

---

[1] Численность населения Делоса в конце II в. исчисляется примерно в 20—30 тыс. человек [см.: BCH, XXXII, стр. 115 (P. Roussel)].

[2] Strab., XIV, 5, 2.

[3] CAH, VIII, стр. 650.

[4] На Делосе были один гимнасий и три палестры (см.: Durrbach, комм. к № 117).

[5] ID, № 2518 = BCH, 1931, стр. 438 и сл.

прежних учеников гимнасия, не утерявших с ним связи и участвующих в гимнасических торжествах. Состав юношей по их происхождению чрезвычайно пестрый, число афинян (6 эфебов и 3 παρεύτακτοι) меньше числа юношей, происходящих, например, из Антиохии (7 эфебов, 5 παρεύτακτοι, 4 ἀλειφόμενοι). Обращает на себя внимание значительное количество эфебов римлян и италиков (6 чел.). Из других центров (Тир, Птолемаида, Берит, Сидон, Александрия и т. д.) в списке значится по 1, 2, 3 человека. Из причерноморских областей в нем фигурируют два эфеба из Гераклеи и 1 παρεύτακτος из Амиса, некий Σάτυρος Ἀμισηνός (строка 23).

В другой, несколько более ранней надписи, относящейся к 123/22 г., т. е. к последним годам царствования Митридата V Евергета, и представляющей собой посвящение эфебов в честь пайдотриба Антигона, встречается имя синопейца — Πασίων Ἐργασίωνος Σινωπεύς.[1] Таким образом, мы видим, что в делосском гимнасии воспитывались юноши из семей граждан Синопы и Амиса, конечно обосновавшихся на постоянное жительство на Делосе с целью ведения каких-то торговых операций. Выходцы из Синопы и Амиса, постоянные резиденты Делоса (с одним из них мы сейчас познакомимся ближе), видимо, были заинтересованы в благоустройстве делосского гимнасия, так как об этом учреждении заботились и понтийские цари. Это вытекает из того факта, что в числе статуй понтийских царей, стоявших на Делосе, имелось по крайней мере три воздвигнутые гимнасиархами: статуя Митридата Евергета — посвящение Селевка из Марафона, гимнасиарха, справлявшего эту должность в 129/28 г.,[2] и статуи Митридата Евпатора и его брата Хреста, воздвигнутые Дионисием, сыном Неона, афинянином, который был гимнасиархом в 116/15 г.[3]

Благодаря двум другим надписям можно получить представление об одном постоянном резиденте на Делосе, уроженце Амиса. Это некий Протос, сын Фарнака. Одна из упомянутых надписей начертана на надгробном памятнике, воздвигнутом Протосом в память своих друзей.[4] Другая надпись высечена на постаменте статуи Протоса, посвященной Аполлону, Арте-

---

[1] ID, № 1924 = BCH, XXXII, стр. 414 и сл., № 2.

[2] ID, № 1558 = Durrbach, № 99.

[3] ID, № 1560 = Durrbach, № 113. Сохранились только базы статуй с надписями.

[4] Эта неоднократно издававшаяся надпись считалась одно время потерянной, но она была обнаружена А. Вильгельмом в Национальном музее Афин и вновь издана им в «Oesterreichische Jahreshefte» (IV, 1901, Beilage, стр. 17 и сл.).

миде и Латоне четырьмя его сыновьями.[1] Обе надписи относятся, по мнению их издателей, к середине II в. до н. э., следовательно ко времени правления Митридата IV Филопатора-Филадельфа или Митридата V Евергета. Первая надпись начертана на мраморной стеле и облечена в стихотворную форму. Чрезвычайно напыщенным языком она повествует о гибели двух братьев, уроженцев города Амиса. Фарнак и Мирон, сыновья Паппия, во время сильной бури с трудом спаслись на остров Серифа, расположенный примерно в 70 км к западу от Делоса. Однако местные жители напали на них с оружием в руках, и оба брата погибли в этой схватке. «Протос поставил на Ренейе эту стелу над кенотофием своих друзей в память об их несчастной судьбе».

Постамент со второй надписью был найден на Делосе. Он стоял между двумя экседрами на участке, расположенном к северо-западу от портика Антигона.[2] На верхней поверхности постамента имеются углубления, служившие для прикрепления статуи. Надпись гласит: «Протоса, сына Фарнака, амисенца, их отца, Фарнак, Евфрон, Протагор и Аполлонид (посвятили) Аполлону, Артемиде, Латоне».

Из этих эпиграфических памятников можно почерпнуть ценные сведения по интересующему нас вопросу о понтийских гражданах, связанных с Делосом торговой деятельностью и принадлежащих к его оседлому населению или к периодически его посещавшим торговцам. К разряду последних, надо думать, принадлежали два погибших на Серифе брата амисенца. По всей вероятности, они были застигнуты бурей в пути во время одного из своих рейсов между Евксинским Понтом и Делосом и отброшены далеко на запад. Относительно причины их гибели на Серифе Вильгельм предполагает, что местные жители напали на приставших к острову чужеземцев, приняв их за пиратов, что весьма вероятно, если вспомнить обстановку того времени, когда пираты держали в страхе берега и острова Эгейского моря и совершали постоянные набеги для охоты за людьми, которых они затем продавали в рабство. Погибшие Фарнак и Мирон были хорошо известны на Делосе: их кенотафий был воздвигнут на Ренейе их другом Протосом, повидимому не временным, а постоянным жителем Делоса. Фарнак, Мирон и Протос были родом из Амиса, и весьма вероятно, что существовавшая между ними связь была обусловлена не только общностью происхождения, но и общими

[1] ID, № 1984.
[2] Explorations Archéologiques de Délos, V, стр. 51, рис. 70; ср. рис. 65.

торговыми интересами. Мы, правда, не знаем на Делосе союза понтийских торговцев, какие засвидетельствованы для выходцев из некоторых других городов. Однако из разбираемых надписей можно с большой долей вероятия вывести заключение, что, воздвигая кенотафий Фарнака и Мирона, Протос действовал не только как их друг, но и как видный представитель амисенцев, постоянно живущих на Делосе и ведущих там торговые операции при помощи навклеров и эмпоров, какими, вероятно, были погибшие на Серифе мореплаватели. А о том, что Протос был видным и зажиточным постоянным резидентом Делоса, говорит, во-первых, то обстоятельство, что он поставил памятник своим друзьям на Ренейе, а не на родине в Амисе, и, во-вторых, посвящение его статуи на священном острове Аполлона, произведенное четырьмя его сыновьями, вероятно проживавшими вместе с отцом.

Известен еще один гражданин Амиса, которого скорее всего также следует считать постоянным жителем Делоса. Имя его встречается в надписи, из которой между прочим видно, что в торговых сношениях между Понтом и Делосом участвовали также афиняне, жившие на Делосе.[1] Надпись датируется 20-ми годами II в. и относится, следовательно, к последним годам правления Митридата Евергета. Начертана она на постаменте статуи Дионисия, сына Боэта, афинянина, посвященной Гермогеном, сыном Хайрея, амисенцем. Надпись гласит: «Дионисия, сына Боэта, афинянина, почитаемого друга царя Митридата Евергета, Гермоген, сын Хайрея, амисенец, ради оказанных ему милостей, благодеяний (посвятил) Аполлону, Артемиде, Латоне». Дионисий принадлежит к хорошо известной нам афинской семье, имевшей тесные связи с Делосом. На основании нескольких делосских надписей Русселю удалось даже составить родословное дерево (стемму) этой семьи в трех поколениях.[2] Неизвестно, за какие заслуги Дионисий получил почетный, придворный титул «друга царя Митридата Евергета».[3] Руссель предполагает, что он получил его во время какой-то деловой поездки в Понт, что вполне правдоподобно. Но возможно и другое предположение, а именно, что он, пребывая на Делосе, оказывал покровительство понтийским купцам, каковым был воздвигший ему памятник амисенец Гермоген, и что царь Понта в благодарность за эти услуги пожаловал его почетным титулом «друга». Так или иначе,

---

[1] ID, № 1559. — Durrbach, № 100.
[2] P. Roussel. Délos Colonie Athénienne. Paris, 1916, стр. 67.
[3] Об этом титуле (πρῶτος φίλος) см.: Durrbach, комм. к № 100.

совершенно ясно, что в лице Дионисия мы имеем члена известной афинской семьи, тесно связанной с Делосом, вероятно живущей на этом острове [1] и принимавшей участие в каких-то, повидимому торговых, делах между Понтом и Делосом, за что царь Понта пожаловал ему придворный титул.

Итак, между Понтийским царством и Делосом через посредство торговцев Синопы и Амиса и при поддержке со стороны понтийских царей в период возвышения Делоса как мирового рынка велась оживленная торговля, и нас, конечно, должен интересовать вопрос, какие продукты мог поставлять Понт на международное торжище. К сожалению, источники ничего определенного на этот счет не говорят, и потому здесь возможны только более или менее вероятные догадки.

Среди амфорных клейм, найденных на Делосе, имеются 6 клейм Синопы, принадлежащих к трем последним группам Б. Н. Гракова, из них одно — к IV, два — к V и три — к VI группе.[2] Это количество совершенно ничтожно, если сравнить его, например, с количеством клейм Книда, найденных на том же острове (3695 экз.). О вывозе синопского масла, а тем более вина на Делос, конечно, не может быть и речи. Но возможно, что в синопской таре экспортировалась синопская красная краска. Мы имеем прямое свидетельство о применении этой краски в середине II в. до н. э. в строительных работах, производившихся в Ливадии в Беотии.[3] Весьма возможно, что торговые корабли Понта привозили на Делос и пользовавшееся широкой известностью синопское железо. Но поскольку остров Аполлона служил в это время главным образом местом купли и продажи рабов,[4] то возникает вопрос — не мог ли Понт через Синопу и Амис участвовать в такого рода торговых операциях. Никакими прямыми свидетельствами по этому вопросу мы не располагаем, однако некоторые косвенные данные и общие соображения подтверждают это предположение. Так, в дельфийских надписях о манумиссиях, относящихся ко II в. до н. э., значится ряд рабов — уроженцев областей, прилегавших к Понтийскому царству или входивших в его состав.[5] Там названо три раба каппадокийца, один пафла-

[1] Два племянника и племянница Дионисия были погребены на Ренейе (P. Boussel, ук. соч., стр. 67).

[2] V. Grace. Timbres amphoriques trouvés à Délos. BCH, 1952, стр. 514—540, см. стр. 517 и сл., табл. XXVI.

[3] Syll.³, № 972, строки 155 и 189.

[4] См.: Я. А. Ленцман. Рынок рабов на Делосе. ВДИ, 1950, № 1.

[5] C. Wescher et P. Foucart. Inscriptions recueillies à Delphes, №№ 131, 134, 186 — рабы каппадокийцы; № 31 — раб пафлагонец; № 229 — рабыня тибаренка; №№ 150, 212, 273 — рабы армены;

гонец, одна рабыня тибаренка, четыре армена, одна арменка и одна колхидянка. Главная масса рабов, привозимых для продажи на Делос, поглощалась, как известно, италийскими латифундиями, где в течение II и I вв. до н. э. неуклонно возрастал спрос на рабскую рабочую силу. Источники очень скудны по вопросу об этническом составе римских рабов, особенно для эпохи республики.[1] Однако и тут имеются упоминания о рабах каппадокийцах [2] и вифинцах.[3] Скорее всего эти рабы, уроженцы северных областей Малой Азии и Закавказья, попадали в Грецию и Италию через посредство главного невольничьего рынка того времени — Делоса, куда они доставлялись понтийскими купцами. Это тем более вероятно, что работорговля, повидимому, практиковалась Синопой и Амисом непрерывно в течение всей античности. Мы уж видели, что на рабов пафлагонцев имелся большой спрос в Афинах V и IV вв.,[4] а в эпоху римской империи поток рабов, привозимых в Италию из северных областей Малой Азии, был весьма значителен.[5]

Наибольшее количество найденных на Делосе эпиграфических и археологических памятников, освещающих сношения Понтийского царства с островом Делосом, не имеют прямого отношения к Синопе и Амису. Они связаны непосредственно с понтийскими царями и свидетельствуют о неуклонной и целеустремленной понтийской политике, направленной к укреплению своего влияния на Делосе и через Делос в Афинах. Это по большей части надписи, начертанные на различных памятниках, статуарных и архитектурных, посвященных богам, почитаемым на Делосе, в которых упоминаются цари Понта. Таких посвятительных надписей на острове найдено сравнительно много — больше, чем аналогичных надписей, упоминающих Атталидов, Ариаратов и царей Вифинии. Относительно назначения этих приношений, их официального или частного характера в науке существуют различные мнения. Многие исследователи полагают, что все эти посвящения выражают

№ 246 — рабыня арменка. Рабыня колхидянка упомянута в «Sammlung der griechischen Dialektinschriften» (Göttingen, 1884 и сл., № 2218).

[1] Сведения о происхождении римских рабов, заимствованные из литературных и эпиграфических источников, собраны в статье: M. Bang. Die Herkunft der römischen Sklaven. Röm. M., 1910, стр. 223 и сл. Необходимо отметить, что по своим взглядам Банг является ярким представителем теории расизма.

[2] Cicer., Post red. in Sen., 6, 14.

[3] Diod., Bibl., XXXVI, 3, 1.

[4] См. главу 4, стр. 84.

[5] См. главу 14, стр. 340.

признательность понтийским царям за пожертвования различным учреждениям Делоса. Однако Руссель[1] придерживается того взгляда, что приношения эти представляют собой знаки благодарности отдельных лиц понтийским царям за оказанные им лично благодеяния. Подкрепляя свой взгляд убедительными доводами и указывая между прочим на то, что в обширных списках пожертвований в делосские храмы никаких приношений понтийских царей не значится, Руссель приходит к выводу, что Митридаты задаривали не храмы и другие учреждения Делоса, а отдельных влиятельных лиц, стремясь главным образом к установлению хороших отношений с Афинами, так как все эти лица — афинские граждане. Как бы ни толковать нижеприводимые памятники, как официальные или частные, в том смысле, как их понимает Руссель, они все равно очень ясно свидетельствуют о целеустремленной политике Митридатов в Эгейском море, о включении Делоса и Афин в сферу их экономических и политических интересов.

Особняком среди ряда памятников, к разбору которых мы сейчас приступаем, стоит большая и много раз издававшаяся надпись в честь Фарнака I Понтийского.[2] Это единственный несомненный официальный документ — выставленное на Делосе постановление афинского народного собрания, в котором Фарнак и его жена Ниса превозносятся как «благодетели» и потомки благодетелей афинского народа, причем им декретируются всякие почести и в том числе постановка бронзовых статуй на Делосе. Таким образом, мы встречаемся с тем фактом, что Фарнак к концу своего царствования сумел превратиться из «самого беззаконного царя» в «друга и благодетеля» Афин, моральный авторитет которых еще был значителен в эллинском

---

[1] P. Roussel, ук. соч., стр. 68 и 320.

[2] В последнем издании (ID, № 1497 bis) приведена и вся литература. Эта надпись обычно датировалась последними годами царствования Фарнака — 172/71 г., так как годом смерти Фарнака принимался 170/69 г., согласно гипотезе Э. Мейера (E. Meyer. Geschichte des Königreichs Pontus, стр. 81), который полагал, что относящийся к событиям 170/169 г. отрывок из Полибия, содержащий характеристику Фарнака, приурочен к смерти этого царя. Однако Руссель возражал против этой датировки надписи еще в своем вышедшем в 1916 г. труде «Délos Colonie Athénienne» (стр. 3—7 и 355—357). Против доводов Русселя возражал Дуррбах (Durrbach, № 73), но при издании надписи в «Inscriptions de Délos» Руссель настаивает на своей датировке, указывая на то, что дата архонта Тихандра, при котором состоялось постановление в честь Фарнака, согласно последним исследованиям (см.: Hesperia, IV, стр. 94; BCH, LIX, 1935, стр. 224), должна быть перенесена с 170/69 на 160/59 г. В таком случае и дата смерти Фарнака переносится на какой-то из последующих годов.

мире. Содержание надписи дает возможность если и не установить с полной ясностью, то высказать весьма вероятное предположение о том, как совершилось это превращение. К сожалению, та часть надписи, в которой говорится о заслугах Фарнака, содержит большие лакуны, не позволяющие полностью восстановить текст. Однако совершенно ясно, что речь идет о денежных делах, о каких-то денежных обязательствах Фарнака по отношению к Афинам.[1] Упоминается ранее состоявшееся соглашение, согласно которому Фарнак обязан был выплачивать Афинам какие-то суммы в определенные сроки. Данный декрет прославляет Фарнака за то, что он принял приехавших к нему афинских послов, вручил им определенную сумму в счет своих обязательств, несмотря на то, что дела его еще не восстановились и что ему пришлось, в угоду Афинам, отказать другим заимодавцам. Эта сумма была, однако, меньше всего долга, так как Фарнаку пришлось тут же заключить с явившимися к нему афинскими послами новый договор. Денежные затруднения Фарнака вполне понятны: по мирному договору 179 г. он был обязан заплатить своим противникам, царям Пергама, Вифинии и Каппадокии, огромную контрибуцию.[2] Очевидно, Фарнак еще в конце своего царствования имел много заимодавцев, среди которых Афины занимали особо привилегированное положение. Относительно характера обязательств Фарнака Афинам Дуррбах указал, что это не мог быть заем, поскольку Афины во II в. до н. э. не располагали достаточными средствами для предоставления займов и сами рады были принимать денежные дары от «благодетелей» на поддержание различных афинских учреждений. Надо полагать, что Фарнак добровольно взял на себя какие-то обязательства этого рода, причем скорее всего это были периодически выплачиваемые взносы. Вступая в подобные отношения к Афинам, Фарнак поддерживал старую традицию рода Митридатов, на что намекает и разбираемая надпись (строка 10). Известно, что далекий предок Фарнака, первый из известных нам династов Киуса Митридат, сын Оронтобата, живший в первой половине IV в., подарил афинской академии статую Платона работы мастера Силаниона, а его сын и преемник Ариобарзан вместе с тремя сыновьями получил афинское гражданство, очевидно тоже ценой каких-то

---

[1] О характере денежных обязательств Фарнака по отношению к Афинам см. особенно: Durrbach, № 73; Oesterreiche Jahreshefte, XXIV, 1929, стр. 168—174 (A. Wilhelm).

[2] Polyb., XXVI, 6.

«благодеяний».[1] Фарнак, следовательно, мог опереться на давнишнюю дружбу династии с Афинами, когда он решил вступить в число «благодетелей» этого города. Но когда мог Фарнак принять такое решение? Вряд ли после надолго разорившей его войны. Более вероятно, что это произошло еще до окончания военных действий, когда Фарнаку сопутствовал успех и когда, с одной стороны, ему необходимо было загладить дурное впечатление, вызванное во всем эллинистическом мире захватом Синопы, а с другой стороны, он уже начал выступать в роли «защитника» и «освободителя» греческих городов Причерноморья, что было весьма удобно для завязывания добрых отношений с Афинами. Как видно из разбираемой надписи, Фарнак успел в своем намерении; он настолько дорожил добрыми отношениями с Афинами, что и после постигших его неудач, при трудном финансовом положении, не отказывался от своих обязательств и выполнял их в первую очередь, преимущественно перед уплатой долгов остальным заимодавцам.

Успех политики Фарнака по распространению и укреплению своих связей в Эгейском море подтверждается еще одним найденным на Делосе памятником.[2] К востоку от портика Филиппа V Македонского стояла ныне частично восстановленная экседра. На двух обломках профилированной плиты из голубоватого мрамора сохранились надписи — одна полностью, другая в виде небольшого фрагмента. Обе надписи посвятительные, относящиеся к статуям, украшавшим экседру. Первая надпись гласит: «Лаодику, сестру царя Фарнака и Митридата, Асклепиодор и Гермоген, сыновья Асклепиодора, и Агафанакс, сын Эпигена, родосец (посвятил)». На этом месте экседры, следовательно, стояла статуя Лаодики, дочери Митридата III и сестры Фарнака и Митридата IV. Памятник воздвигнут был еще при жизни Фарнака, т. е. во всяком случае до 160 г. н. э. Это следует из того обстоятельства, что Лаодика названа здесь сестрой Фарнака и Митридата, тогда как после смерти Фарнака она стала женой Митридата IV, который занял престол ввиду того, что сын Фарнака, будущий Митридат V Евергет, еще был малолетним.[3] От второй надписи, надо думать, примерно такого же содержания, как и первая,

---

[1] RM, стр. 4 и сл.; 138 и сл.

[2] ID, № 1555—1556. — Explorations Archéologiques de Délos, VII, табл. I, стр. 136, рис. 203.

[3] Тот факт, что Митридат Евергет был сыном, а не племянником Фарнака, как прежде думали, доказывается надписью — ID, № 1557.

сохранились лишь имена Асклепиодор и Агафанакс.[1] Так как они совпадают с именами посвятителей статуи Лаодики, то мы вправе предполагать, что те же лица посвятили и вторую статую экседры. Кого изображала эта статуя, мы не знаем, но вряд ли могут быть сомнения в том, что весь памятник имел прямое отношение к Фарнаку. Большой интерес представляют имена посвятителей. Еще Теодор Рейнак при первом издании надписей [2] заметил, что имя одного из лиц, соорудивших памятник, и имя его отца, Асклепиодора, совпадают с именем отца жреца Гелианакса, воздвигнувшего памятник Митридата на том же Делосе. На этом основании он высказал весьма вероятное предположение о том, что Асклепиодоры — члены одного рода, в течение 2—3 поколений связанного, с одной стороны, с Делосом, с другой — с династией Митридатов. Это было бы еще одной интересной чертой, характеризующей отношения между царями Понта и влиятельными лицами на Делосе как отношения прочные, переходящие по наследству от отца к сыну. Такие «свои люди» Митридатов на Делосе конечно играли немалую роль как проводники политики Понта в Эгейском море.

Заслуживает внимания еще одна подробность первой надписи, а именно этникон третьего посвятителя статуи Лаодики Агафанакса — Ῥόδ[ιος]. Прежде всего следует заметить, что поскольку две последние буквы этого слова не сохранились, то, как это было высказано Русселем, весьма возможно, что то было окончание не единственного, а множественного числа, другими словами, что не только Агафанакс, но и род Асклепиодоров происходит с острова Родоса.[3] Это предположение остается пока недоказанным, но во всяком случае Агафанакс, сын Эпигена, был родосцем. Его участие в постановке памятника, имевшего прямое отношение к Фарнаку, является поэтому фактом знаменательным. Это — показатель того, что граждане Родоса, которые в 183 г. отправляли посольство в Рим с жалобой на Фарнака за беззаконный захват Синопы, очень скоро примирились с создавшимся положением и про-

---

[1] Рейнак (BCH, 1910, стр. 431) восстанавливает последнюю букву имени Ἀσκληπιόδορο как ς и у него получается имя посвятителя в именительном падеже. Не правильнее ли было бы восстановить в соответствии с первой надписью эту букву как ο и считать это имя именем отца первых двух посвятителей?

[2] BCH, 1910, стр. 431 и сл.

[3] Дуррбах (Durrbach, № 133) замечает, что предположение о происхождении Гелианакса из Родоса встречает поддержку в самом его имени, связанном с Гелиосом — главным божеством Родоса.

должали, переселившись на Делос,[1] поддерживать сношения с новым хозяином Синопы.

Политика Фарнака, направленная к расширению влияния Понта в Эгейском море, для чего использовались им старые торговые связи Синопы и Амиса, продолжалась неустанно и в нарастающих масштабах преемниками Фарнака на понтийском престоле. Об этом свидетельствуют в первую очередь опять-таки памятники, найденные на острове Делосе. Надписей с именами брата Фарнака, Митридата IV Филопатора-Филадельфа, наследовавшего престол после Фарнака, правда, на Делосе не обнаружено, что вероятно объясняется кратковременностью правления этого царя.[2] Однако эта лакуна не означает собой перерыва в сношениях Понта с Делосом, так как к середине II в. относятся разобранные выше свидетельства о деятельности амисских торговцев на этом острове. О сношениях Понта с Делосом во времена Митридата Евергета говорит ряд надписей. Кроме упомянутых выше надписи эфебов с именем синопейца Пасиона и посвящения гимнасиарха Селевка из Марафона, сюда относится надпись на базе статуи Митридата V, посвященной неким Эсхилом, сыном Зопира.[3] Занимал ли Эсхил какое-нибудь официальное положение на Делосе, остается неясным, поскольку конец надписи не сохранился.

Весьма многочисленны надписи и памятники архитектуры и скульптуры, происходящие с Делоса и относящиеся к Митридату Евпатору. Они знаменуют собой усиленное внимание этого царя к району Эгейского моря в связи с его общими политическими целями. Мы уже говорили о тех надписях, которые имеют отношение к делосскому гимнасию. Остальные памятники, связанные с Митридатом Евпатором, группируются вокруг отдельных культов, справлявшихся на Делосе. В главе 7 нашей работы мы останавливались подробно на так называемом «Памятнике Митридата», воздвигнутом в 102/1 г. жрецом Кабиров—Диоскуров Гелианаксом, сыном Асклепиодора, возможно потомком того Асклепиодора, который посвятил статую Лаодики в экседре Фарнака.[4] Гелианакс был не единственным из делосских жрецов, которого соединяли с Ми-

---

[1] О родосцах на Делосе см.: Я. А. Ленцман. Дар Масиниссы, стр. 63 и сл.

[2] Согласно датировке Русселем надписи Фарнака на Делосе, этот царь умер после 160 г. В то же время Митридат V воцарился до 149 г. (см.: App., Mithr., 10).

[3] ID, № 1557.

[4] См. стр. 200 и сл. настоящей книги.

тридатом тесные узы. Другим таким лицом был жрец Сараписа Дикай, сын Дикайя (из дема Иониды). Он посвятил Сарапису часовню, как гласит сильно попорченная надпись на найденном в Сарапейоне эпистилии, «за народ афинский, народ римский, царя Митридата Евпатора Диониса и своих родителей».[1] Тот же жрец Дикай посвятил в храме Сараписа еще какую-то статую, от которой сохранилось два фрагмента базы с сильно попорченной надписью. Статуя была посвящена Изиде-Афродите[2] за царя Митридата Евпатора и за мать Дикайя. Дикай известен и по другим источникам. Он был жрецом Сараписа в 94/93 или 92/91 гг. В это время, следовательно, была воздвигнута часовня, а статуя, надо думать, — несколько позднее, поскольку в надписи на ее базе упоминается только мать Дикайя. Отец его, фигурирующий в надписи на эпистилии, к этому времени вероятно умер. Эти посвящения, таким образом, лишь немногими годами предшествуют разрушению Делоса войсками Митридата. К более раннему времени, к первым годам царствования Митридата, относится надпись на мраморной стеле, также происходящей из храма Сараписа.[3] Это — посвящение Зевсу Урию, богу покровителю мореплавания (точнее — богу покровителю попутного ветра), за Митридата Евпатора и его брата Митридата Хреста. Памятник был, следовательно, воздвигнут между 115 и 111 гг. Имя посвятителя не сохранилось. Наконец в том же святилище найден был еще один фрагмент верхней части профилированной базы с надписью, от которой сохранилось только два слова — имя Митридата Евпатора в родительном падеже.[4]

У Митридата имелись, повидимому, также связи со жрецами Асклепия. В Асклепейоне найдена была сильно попорченная надпись,[5] на которой ясно читается имя царя Митридата; остается не установленным, о каком именно Митридате идет речь. Здесь же сохранилось слово ἱερεύς. Посвятитель

---

[1] ID, № 2039. Фрагмент этой надписи издан Рейнаком (RM, № 7). Надпись столь сильно попорчена, что Руссель при издании ее в «Inscriptions de Délos» предложил два ее различных восстановления, которые, однако, не отличаются друг от друга по смыслу.

[2] ID, № 2040. Руссель указывает на другие свидетельства о почитании на Делосе богини Изиды-Афродиты.

[3] ID, № 1561 = Durrbach, № 114. Святилище Сараписа на Делосе, так же как и все перечисленные здесь, находившиеся в нем памятники, связанные с Митридатом, разобраны в книге Русселя «Cultes égyptiens à Delos», к сожалению, оставшейся мне недоступной.

[4] ID, № 1564.

[5] ID, № 1568.

того приношения, к которому относится надпись, следовательно, тоже был жрецом.

На горе Кинтии, средоточии культа Зевса и Афины, найдена была еще одна надпись, к сожалению, столь сильно пострадавшая, что прочесть на ней можно только отдельные слова и буквы.[1] В 5-й строке читается начало имени Μιθρα, а в 4-й — слово ὑπὲρ. Содержание этой надписи, вероятно связанной с Митридатом, восстановить невозможно. Наконец в этой связи следует еще упомянуть один статуарный памятник. Из святилища Аполлона на Делосе происходит хранящаяся в Афинском национальном музее колоссальная мраморная голова юноши, высотой вместе с шеей 0.55 м.[2] Эта голова, как видно по сохранившимся на ней следам, была частью колоссальной статуи. Ее принимали либо за изображение бога, либо за портрет юноши-царя, скорее всего Александра Македонского. Последнему издателю — Михаловскому — удалось заметить на плече остатки предмета, весьма похожего на наплечники панцыря. Это обстоятельство, а также индивидуальные черты лица заставили Михаловского склониться в сторону толкования головы как портрета. Сопоставление с портретами Митридата Евпатора на монетах привело его к выводу о том, что колоссальная статуя изображала Митридата в первые годы его царствования.

Длинный ряд памятников, прошедший перед нашими глазами, дает определенные указания на сношения, установившиеся после падения Синопы между Понтийским царством и Делосом, сношения не случайные, эпизодические, а регулярные и сознательно поддерживаемые Митридатами. Пребывание на Делосе постоянных резидентов—граждан Синопы и Амиса, регулярные рейсы понтийских кораблей между Делосом и Евксинским Понтом, связи понтийских торговцев с влиятельными на Делосе афинянами, сопряженные со втягиванием последних в их торговые операции, и, наконец, постоянные «благодеяния», оказываемые понтийскими царями видным гражданам Делоса, — все это указывает на экономические связи понтийских греческих городов с новым мировым рынком, сознательно укрепляемые Митридатами с политическими целями. Экономическая и политическая экспансия Понтийского царства, начавшаяся после захвата Синопы Фарнаком, коснулась, следовательно, не только Причерноморья. Внимание

[1] ID, № 1566.

[2] Последнее ее издание см.: Explorations Archéologiques de Délos, XIII, 1932; C. Michalowski. Les Portraits Hellénistiques et Romains, табл. VII, стр. 5 и сл.

Фарнака и его преемников обратилось и на Эгейское море. Как в Евксинском Понте, так и в Греции проводниками при осуществлении политических планов Митридатов послужили давние торговые связи Синопы и Амиса. Корабли этих городов с давних пор возили товары в Афины, на Родос и в Египет, и цари Понта воспользовались этим для укрепления своего влияния в Эгейском море. Делос был пунктом, сыгравшим большую роль в деле проникновения Рима на Восток, сначала экономического, а затем и политического.[1] Митридаты, видимо, и здесь попытались противопоставить себя Риму. Конечно, они не могли состязаться с италиками на Делосе ни в смысле объема торговых и денежных операций, ни в отношении влияния на общественные дела. Как показали последующие события, они все же сумели обеспечить себе сторонников во враждебных Риму кругах населения как вероятно самого Делоса, так и несомненно Афин, и их «благодеяния» сыграли при этом не последнюю роль. Когда произошел открытый разрыв между Митридатом Евпатором и Римом, то Афины встали на сторону Митридата, но на Делосе, благодаря господству там италиков, случилось обратное, и войскам Митридата под начальством Архелая пришлось брать его открытой силой. Краткий период господства Митридата в Афинах ознаменовался режимом террора, введенным там ставленником Митридата, афинянином Аристоном. Опираясь на воинский отряд в 2000 человек, предоставленный ему Архелаем из состава понтийской армии, он навел ужас на население Афин, искореняя симпатии к Риму. Многие из жителей города искали спасения в бегстве и, согласно рассказу Плутарха, направились тогда в Амис.[2] Там они осели и получили права гражданства. Амис, как нами указывалось, еще в V в. принял большую партию афинских клерухов, и с той поры жители Амиса считались потомками афинян. Но, конечно, не воспоминания многовековой давности заставили афинян, искавших спасения от Аристона, направиться в Понт. Правда, еще жива была старая традиция, как видно из того же рассказа Плутарха, но это было возможно только благодаря крепким связям между

---

[1] См.: И. Н. Залесский. Римляне на острове Делосе, стр. 140 и сл.

[2] Plut., Luc., XIX. Фергуссон (W. S. Fergusson. Hellenistic Athens. London, 1911, стр. 448, прим. 2) высказывает предположение, что люди бежали из Афин главным образом из-за страха перед грозящим голодом, который действительно и наступил, так как странно было бы им бежать от ставленника понтийского царя в город, подвластный понтийскому царю.

населением обоих городов, существовавшим при последних Митридатах и усиленно ими поддерживаемым, как это видно из фактов, изложенных в этой главе.

Что касается дальнейшей судьбы Делоса, то этот остров в течение войн Митридата с Римом дважды подвергался разгрому и разграблению: первый раз — войсками Митридата под начальством Архелая в 88 г. и второй раз — союзниками Митридата, пиратами, в 69 г.[1]

Взятие Делоса войсками Митридата в 88 г. описывается древними авторами как опустошение острова.[2] Рассказывается об учиненной резне среди как постоянного, так и временного населения острова, о разграблении торговых складов, похищении и отправке в Афины драгоценных приношений из храмов и разрушении Делоса до основания. Однако, судя по данным раскопок, античные авторы, писавшие о событиях на Делосе 88 г., несколько сгустили краски. Руссель[3] замечает по этому поводу, что явные следы намеренных разрушений заметны лишь на агоре италиков, где были свалены со своих пьедесталов все статуи. Основываясь на своих наблюдениях, Руссель приходит к выводу, что Делос после взятия его войсками Митридата обезлюдел и лишился большей части своих богатств, но он не был разрушен. Когда после победы Суллы Делос вновь был отдан Афинам, на нем снова появились италики, которые по старой традиции принялись там хозяйничать под покровительством афинских эпимелегов, и опять на Делос стали заезжать греческие торговцы (в том числе и из Гераклеи Понтийской). Италики тогда восстановили свою агору и подняли сверженные статуи на постаменты. Возможно, что именно к этому времени относится сознательное изуродование портретов сподвижников Митридата, украшавших посвященный жрецом Гелианаксом «памятник Митридата» в святилище Кабиров, который был нами описан в главе 7. Все головы были намеренно сбиты с бюстов, и единственная обнаруженная раскопками вдали от постройки голова оказалась нарочито попорченной — у нее отбита вся нижняя часть лица и изувечены глаза и уши.[4]

Никаких сведений о возобновлении там синопейцами и амисенцами торговой деятельности в этот период существования острова мы не имеем. Впрочем возрождение торговли на Делосе после 88 г. не приняло широких размеров. Этому мешала постоянная угроза со стороны необычайно разросшегося пи-

[1] Об этих событиях см.: P. Roussel, ук. соч., стр. 315 и сл.
[2] App., Mithr., 28. — Paus., III, 23, 3 и сл.
[3] P. Roussel, ук. соч., стр. 325 и сл.
[4] Explorations Archéologiques de Délos, XIII, табл. VIII, стр. 9 и сл.

ратства, фактически парализовавшего мореходство в Эгейском море. Для Делоса угроза превратилась в действительность. В 69 г. остров был вторично опустошен, на этот раз пиратами, которые продали жителей в рабство,[1] и от этого разгрома Делос уже никогда оправиться не мог и быстро захирел. Свою историческую роль мирового торжища и форпоста римской экономической экспансии на восток он к этому времени уже сыграл, так как Италия теперь торговала с восточными странами через собственные италийские порты. Делос потерял свое значение и для греческих городов южного Причерноморья, хотя сношения их с Афинами возобновились очень скоро после падения Митридата.

Глава 10

ЗАВОЕВАНИЕ СИНОПЫ И АМИСА РИМОМ И КОНЕЦ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА

В современной историографии утвердилось мнение Моммзена и Теодора Рейнака, будто упорное сопротивление, оказанное греческими городами Понтийского царства войскам Лукулла во время 3-й войны Митридата с Римом, объясняется главным образом «непреодолимым отвращением» греков к переходу под власть римлян, сулившему им «малозавидную участь их собратьев в Вифинии и Азии».[2] Если, как говорит Рейнак,

[1] FGH, № 257, фрагм. 13, стр. 1164 (Флегон из Тралл).

[2] RM, стр. 348. Приводим точный перевод этого места. «Упорное сопротивление городов Понта — исторический факт столь же достопримечательный, сколь бесплодный. Римляне приписывали его исключительно (действиям) царских гарнизонов: греческое население будто бы было терроризировано киликийскими наемниками, кондотьерами и евнухами Митридата. Это то же объяснение, которое давалось фильэллинскими писателями эпохи империи сопротивлению Афин Сулле; оно, надо думать, имеет такую же цену. Правда заключается в том, что греки Понта, хотя они и не были слишком сильно преданы Митридату, испытывали непреодолимое отвращение к завоеванию римлянами, которое сулило им незавидную долю их братьев в Азии и Вифинии. Это чувство в достаточной мере объясняет занятую позицию, совершенно так же, как личные интересы и широкие обещания Лукулла объясняют многочисленные измены среди понтийской знати». Сходным образом объяснял причину упорного сопротивления приморских городов и Моммзен (История Рима, III, 1941, стр. 55). По его мнению, это было проявление мужества отчаяния населения, «отчасти воодушевленного привязанностью к царю и охраняемому им греческому свободному городскому строю, отчасти терроризированного шайками привезенных царем пиратов». См. опровержение этого мнения В. П. Дзагуровой (ВДИ, 1951, № 1, стр. 312, прим. 1) по отношению к Гераклее Понтийской, впрочем не входившей в состав Понтийского царства и потому находившейся в другом положении, чем Синопа и Амис. Точка зрения Руге (RE, s. v. Mithradates, Sp. 2186) совпадает с мнением Моммзена.

историческая традиция и приписывала факт длительного сопротивления городов исключительно действиям царских гарнизонов, терроризировавших население, то в этом сказалась только тенденция римской историографии. На самом же деле, по мнению этого ученого, население греческих городов Понта связывало свои интересы с интересами Митридата, почему оно и защищало свои города с таким ожесточением. Нам кажется, что внимательное рассмотрение источников не оправдывает выводов Теодора Рейнака и что последние нуждаются в существенных коррективах.

Взятие войсками Лукулла Синопы и Амиса считалось в древности крупным событием в ходе борьбы Митридата с Римом, чем оно и было на самом деле, как мы постараемся показать в дальнейшем. Поэтому античная историография уделила осаде этих городов много внимания, и даже уцелевшая до нашего времени небольшая часть этой литературы сравнительно богата.[1] Но имеем ли мы право утверждать, как это делает Рейнак, что во всех дошедших до нас кратких или сравнительно пространных описаниях осады греческих понтийских городов отразилась тенденциозность римской историографии? Это бесспорно прежде всего относительно поздних авторов Евтропия и Оросия. У Евтропия, который, так же как и Оросий, видимо, целиком основывается на Тите Ливии,[2] находится, правда, только краткое упоминание о взятии Синопы Лукуллом. То же справедливо и относительно упомянутых мест из Цицерона. Оросий несколько более подробен. Он упоминает двух начальников гарнизона Синопы и говорит об их беззаконных действиях, выставляя Лукулла спасителем города и обнаруживая таким образом проримскую ориентацию своего источника. Ту же тенденцию можно установить и для биографии Лукулла Плутарха и для описания осады Синопы и Амиса в «Митридатовых войнах» Аппиана. Оба эти автора в основном несомненно пользовались римскими источниками и проводили римскую точку зрения на описываемые события. Так, внимание Плутарха, который в биографии Лукулла уделяет много места описанию осады Синопы и Амиса, обращено главным образом на слова и поступки римского полководца. О военных действиях говорится всего в нескольких

---

[1] Cicer., De Imp. Gn. Pomp., 21. — Cicer., Pro lege Manilia, VIII, 21. — Memnon, §§ 53—55. — Strab., XII, 3, 11 и 14. — Plut., Luc., XIV, XV, XIX, XXIII. — App., Mithr., 78, 82 и 83. — Eutrop., Hist. Rom., VI, 8, 2.—Oro., Hist. adversus paganos, libri VII (C. Zangenmeister), VI, 3, 2.

[2] RM, стр. 432.

словах. Зато полностью приводятся достопамятные изречения Лукулла, явно рассчитанные на поучение потомства, и пространно рассказывается о знамениях, при помощи которых боги направляли его действия. Рейнак полагает, что в описании борьбы Лукулла с Митридатом Плутарх пользовался главным образом сохранившимися до нашего времени только в кратких отрывках «Историями» Саллюстия.[1] Что же касается чудесного сна и явления Лукуллу героя-эпонима Синопы Автолика, пригласившего его вступить в город, то эти мотивы заимствованы Плутархом, надо думать, из поэмы Архия, уроженца Антиохии, друга Цицерона, которому римский оратор посвятил одну из своих речей. Архий специализировался на воспевании деяний римских полководцев, сначала Мария, а затем Лукулла. Этого последнего он сопровождал во время похода против Митридата и написал эпическую поэму на данную тему, полную всяких чудесных явлений.[2] Для истории осады Синопы и Амиса биография Лукулла Плутарха дает поэтому мало ценного материала.

Вопрос об источниках «Митридатовых войн» Аппиана, как известно, весьма сложен. Пользуясь, повидимому, трудами авторов, писавших об этих войнах много времени спустя после самих событий, он комбинировал их между собой, не проявляя при этом достаточной критики.[3] Как бы то ни было его рассказ об осаде Синопы и Амиса характеризуется примерно теми же чертами, как и рассказ Плутарха. Здесь опять центральное место занимает Лукулл, его великодушие к побежденным, благородство и покровительство, оказанное ему божественными силами. Только между прочим, так же как и у Плутарха, попадаются ценные для восстановления реального хода событий замечания.

Совершенно иной характер носят тексты Страбона и Мемнона. Оба автора в том, что касается описания ими интересующих нас событий, свободны от римских влияний и основываются на местном предании, устном или письменном, а может быть на том и другом. Страбон имел полную возможность слышать рассказы очевидцев и участников событий 3-й войны Митридата с Римом. Он родился в 64 или 65 г. до н. э., т. е. вероятно еще при жизни Митридата, и его близкие родственники, как было нами изложено в главе 7, играли весьма важную роль в государственной жизни Понтийского царства.

---

[1] RM, стр. 434.
[2] RM, стр. 427. — RE, s. v. Licinius Archias (Reitzenstein).
[3] О. И. Севастьянова, ВДИ, 1946, № 4, стр. 231 и сл.

Родиной его был город Амасея, расположенный всего в нескольких десятках километров от Амиса. В этом городе Страбон жил и тогда, когда он писал свою Географию. К сожалению, в этом труде о взятии Синопы и Амиса Лукуллом сказано очень мало. Не подлежит сомнению, что события эти были подробно изложены в другом, не сохранившемся труде Страбона — с Ὑπομνήματα ἱστορικά. Не желая повторяться, Страбон только упомянул о них в Географии, но тем не менее его свидетельство об осаде Синопы, в котором в одной-двух фразах резюмируются общее положение города во время осады и причины его падения, чрезвычайно ценно.

Особенно большое значение для воссоздания истории осады двух столиц Понтийского царства имеют соответствующие главы из хроники Мемнона. Относительно времени жизни историка Гераклеи Понтийской, а следовательно, и времени составления им своей хроники, мнения ученых, как известно, расходятся.[1] Рейнак склонен был считать его современником Флавиев или первых Антонинов,[2] однако Лакер, с которым согласна и В. П. Дзагурова, выдвигает веские доводы в пользу более ранней датировки и считает его современником Юлия Цезаря.[3] В таком случае весьма возможно, что подробные и полные драматизма описания осады Гераклеи и Синопы (осада Амиса описана менее конкретно) основаны на рассказах людей, лично переживших эти события. Но даже если и не настаивать на этом предположении, то в силе остается утверждение, что описание двухлетней осады римлянами Гераклеи и Синопы (главы 47—54) восходят к местным источникам.[4] Эта точка зрения подтверждается между прочим сравнением версии Мемнона об осаде Синопы с версиями Плутарха и Аппиана. У Мемнона, в отличие от Плутарха и Аппиана, излагаются внутренние события жизни города во время осады, самому штурму отведено всего несколько слов; чудеса отсутствуют, и о великодушии Лукулла сказано очень кратко. Хроника Мемнона, следовательно, свободна от проримской тенденциозности, а так как она к тому же и наиболее обстоятельна, то именно на ней и должно главным образом основываться восстановление истории осады Синопы. Но прежде чем обратиться непосредственно к событиям, связанным с захватом греческих понтийских городов римскими войсками, необходимо в самых общих

[1] См. «Введение» к переводу хроники Мемнона В. П. Дзагуровой. ВДИ, 1951, № 1, стр. 283 и сл., особенно стр. 287.
[2] RM, стр. 452 и прим. 2 на той же странице.
[3] RE, s. v. Lokal-Chronik.
[4] В. П. Дзагурова, ВДИ, 1951, № 1, стр. 287.

чертах напомнить, как развертывалась борьба Лукулла с Митридатом.

В течение зимы 73/72 г. Митридат потерял под Кизиком почти всю свою огромную армию, с которой он начал 3-ю войну против Рима.[1] Пользуясь своим превосходством на море, Митридат в течение нескольких месяцев еще господствовал в Пропонтиде и корабли его доходили до Греции, но в начале лета 72 г., после нескольких неудачных действий его флота, царю Понта пришлось спасаться со всеми своими морскими силами из Никомедии в Евксинский Понт. Черное море встретило Митридата страшной бурей, разбросавшей его эскадру и потопившей 60 кораблей и около 10 000 человек. Чтобы спастись с тонущего корабля, Митридату пришлось пересесть на легкое судно предводителя киликийских пиратов Селевка, доставившее его к Гераклее Понтийской. Ему удалось привлечь этот город, сохранявший до тех пор нейтралитет, на свою сторону, но задерживаться в этих местах он не рискнул, так как у него не было армии, которую он мог бы противопоставить наступающему войску римлян. Через Синопу и Амис он направляется в Кабиру, расположенную в Каппадокии, у границы Малой Армении, и здесь, надеясь на трудно доступную, гористую местность, в течение зимы 72/71 г. он развивает энергичную деятельность по сбору и обучению свежей армии, с которой он надеялся отвоевать оставленные им области, рассчитывая в то же время на помощь Армении, Персии и Боспора. Греческие города понтийского побережья и крепости Митридата внутри страны были на это время предоставлены своим силам или, вернее, они были отданы Митридатом под охрану водворенных там крупных гарнизонов, назначением которых было охранять эти центры от римлян до возвращения Митридата.

Тем временем Лукулл начал свое продвижение на восток. Еще летом 72 г., покорив города Вифинии, из которых некоторые, как, например, Киус (Пруса Приморская) и Никея, добровольно перешли на его сторону, он последовал за Митридатом. Не надеясь на быстрый захват Гераклеи и Синопы, он не задерживался около этих городов, но, поручив их бло-

[1] Относительно хронологии событий первой половины войны Лукулла с Митридатом в современной историографии существует, как известно, несогласие между отдельными исследователями (см. по этому вопросу: RE, s. v. Mithradates, Sp. 2181). Некоторые историки относят начало военных действий в 3-й войне Митридата с Римом к 74 г. (например: CAH, IX, гл. «Rome and the East» (H. A. Ormerod)]; другие, как, например, Рейнак и Руге, — к 73 г. В нашем изложении мы придерживаемся датировки Рейнака и Руге, основанной на точно известной дате смерти Сертория.

каду отдельным отрядам, сам с большей частью своей армии направился через Галатию в Каппадокию, куда и прибыл осенью 72 г. Главной целью его было не преследование разбитого противника и не покорение городов и крепостей (многие крепости в это время, впрочем, добровольно переходили на его сторону), а доставление отдыха своей армии. Если Вифиния и Галатия были совершенно разорены войнами, то в Каппадокии царствовало изобилие. Лукулл осадил Амис и Фемискиру, но, видимо, не форсировал захвата этих не сдавшихся ему городов,[1] так как он рассчитывал овладеть ими без труда, если ему удастся окончательно разбить Митридата. С этой последней целью он и двинулся на восток во главе своих отдохнувших за зиму легионов весной 71 г., поручив осаду Амиса своему легату Луцию Мурене. Встреча Лукулла с Митридатом кончилась, как известно, полным разгромом армии понтийского царя у Кабиры летом 71 г. и бегством Митридата к царю Армении Тиграну. Осада Синопы и Амиса тем самым вступила в новую фазу. Если до битвы при Кабирах эти города могли надеяться на скорое освобождение от осады войсками Митридата, то теперь дальнейшее сопротивление было в сущности безнадежным, так как неоткуда было ждать помощи. Лукулл вернулся сперва к Амису и начал переговоры о сдаче города. Однако переговоры были безрезультатны, и Амис продолжал сопротивление. Тогда Лукулл еще в том же 71 г. силой овладел сначала расположенной рядом с Амисом царской резиденцией Евпаторией, а затем и самим Амисом. Синопа сопротивлялась еще дольше. Зимой 71/70 г. Лукулл и его войска отдыхали. Но весной 70 г. римский полководец появился перед Синопой и овладел ею, повидимому, летом того же года. Незадолго перед этим пала Гераклея Понтийская. Осенью 70 г. сдалась и Амасея — прежняя столица Понтийского царства.[2]

Таким образом, налицо имеется бесспорный факт упорного и длительного сопротивления римлянам обеих греческих резиденций Митридата — Синопы и Амиса. Амис оборонялся свыше года, а Синопа — около двух лет. Можно ли, однако, объяснить упорство греческих городов ненавистью их греческого населения к римскому завоеванию, как это делает Рейнак, или причины здесь иные, более сложные и глубокие?

---

[1] См. ниже, стр. 267.

[2] О последовательности захвата римлянами крупных городов Понта см.: RM, стр. 349, прим. 1.

Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к нашим источникам и остановимся прежде на Синопе, так как история ее осады лучше освещена древними писателями.

В упомянутом выше кратком тексте, касающемся взятия Синопы Лукуллом, Страбон дает сжатую и достаточно выразительную характеристику условий, в которых находилось в то время население Синопы. Оно, по его словам, испытывало одновременно двойную осаду — одну снаружи войсками Лукулла, другую изнутри, со стороны тирана, который расположился в самом городе. Далее Страбон поясняет это последнее утверждение. «Дело в том, — говорит он, — что поставленный царем начальник гарнизона Бакхид всегда подозревал предательство со стороны жителей города и произвел много бесчинств и убийств, тем самым сделав людей неспособными ни к мужественной защите, ни к сдаче на (почетных, — *М. М.*) условиях». Этими словами Страбон в сущности отрицает активную роль граждан при защите города. Во главе Синопы в это время стоял поставленный царем начальник гарнизона, тиран, как его называет Страбон; в его руках находилась полнота власти, и он пользовался ею не только для оказания сопротивления римлянам, но и для терроризирования населения, которое он, как мы увидим, не без основания подозревал в желании сдаться римским войскам. Таким образом, в словах Страбона никак нельзя заметить того непреодолимого отвращения греков к римскому завоеванию, о котором говорит Рейнак в вышеприведенных словах. Вернее обратное: находясь, по выражению Страбона, в двойной осаде, население Синопы держалось пассивно, и меньшим злом оно, повидимому, считало подчинение римлянам, а не гарнизону Митридата.

Развернутую картину социальной борьбы внутри города во время описываемых событий дает Мемнон. Его рассказ по существу совпадает с приведенной выше характеристикой Страбона. Противоречие между обоими источниками имеется только в том, что Страбон называет начальником гарнизона Синопы и тираном Бакхида, тогда как Мемнон говорит о трех стратегах, в руках которых сосредоточена была власть над Синопой и ее гарнизоном, — Селевке, Клеохаре и Леониппе. Предпочтение в данном случае надо отдать Мемнону, во-первых, потому, что версия Мемнона находит себе подтверждение у Оросия, который называет Селевка и Клеохара как лиц, начальствующих в Синопе, а во-вторых, потому, что евнух Бакхид, в то время когда Синопа еще находилась в осаде, был послан Митридатом в Фарнакию для предания смерти укрывавшихся

в этой крепости жен и сестер царя и, следовательно, не мог руководить обороной Синопы.[1]

Согласно описанию Мемнона, осада Синопы может быть разделена на два периода. Первый период описывается Мемноном следующим образом:[2] «(1)... Леонипп, которому вместе с Клеохаром Митридат вверил Синопу, отчаявшись в успехе, отправил послов к Лукуллу с предложением перехода на его сторону. Клеохар вместе с Селевком (он тоже был стратегом Митридата, равноправным с вышеназванными, — *М. М.*), узнав о предательстве Леониппа, созвали народное собрание и обвинили Леониппа. Но (граждане) не захотели начать против него дела, так как они считали его поступок правильным. (2) Партия Клеохара, опасаясь любви к Леониппу народа, ночью устроила засаду и убила его. Народ был возмущен этим событием, а Клеохар и его партия, получив полноту власти, стали править, как тираны, надеясь таким образом избежать наказания за убийство Леониппа».

В приведенных немногих словах Мемнона заключаются чрезвычайно ценные сведения о внутреннем положении Синопы во время ее осады римлянами. Во-первых, поименно называются три вождя (Мемнон называет их стратегами), которые были назначены Митридатом фактическими правителями города, когда он сам удалился в Кабиры. Это — Леонипп, Клеохар и Селевк. Версия Мемнона подтверждается сведениями, сообщаемыми Оросием.[3] Он называет, правда, только двух правителей Синопы — Селевка и Клеохара и не упоминает о Леониппе, но это расхождение легко объяснимо. Оросий рассказывает только о бегстве правителей Синопы перед взятием города римлянами, а тогда, действительно, в живых были только два названных им лица.

Итак, можно считать установленным, что Митридат поставил во главе Синопы правительство из трех лиц, причем Мемнон подчеркивает, что все они были равноправны и назывались стратегами. Однако, несмотря на то же звание, функции правителей были видимо различны.

Военное командование находилось в руках Селевка. Хотя Мемнон умалчивает об этом, но из других источников[4] из-

---

[1] Plut., Luc., XVIII.
[2] Memnon, 53, 1—2.
[3] Oros., Adv. pag., VI, 3, 2.
[4] Plut., Luc., XXIII. Численность гарнизона в точности не известна. Судя по тому, что, согласно Плутарху, после двух лет осады Лукулл застал там еще 8000 киликийцев, можно думать, что воинский отряд, защищавший столицу, состоял не менее чем из 10 000 человек.

вестно, что гарнизон Синопы во время осады состоял из киликийцев числом примерно в 10000 человек, а Селевк известен в истории Митридата именно как начальник киликийских пиратов. Оросий в вышеприведенном тексте называет его archipirata, т. е. «вождь пиратов», а несколько выше[1] он же рассказывает, как Селевк спас Митридата во время бури в Черном море и доставил его на своем легком пиратском корабле в Гераклею. Затем и сам Мемнон в дальнейшем описании осады Синопы, рассказывая о морском бое между синопскими триэрами и флотом Цензорина, упоминает о том, что синопскими кораблями командовал Селевк. Что же касается двух других стратегов, то Леонипп нам ближе не известен, а Клеохара Оросий называет «spado», т. е. «евнух». Как известно, евнухи играли выдающуюся роль при дворах восточных монархов, в том числе и Митридата, а также в гражданском управлении, но в военном деле они никогда видных постов не занимали. В тексте Мемнона имеются впрочем, как мы сейчас увидим, и дальнейшие указания на то, что Леонипп и Клеохар были гражданскими правителями.

Итак, первый период осады Синопы характеризуется тем, что наряду с начальником гарнизона, состоявшего из киликийцев, в Синопе распоряжались еще два правителя, возглавлявших гражданское население. Как поделены были их функции, мы не знаем, но зато из рассказа Мемнона совершенно ясно выступает борьба партий[2] внутри города, борьба, носившая, повидимому, характер социальной борьбы, причем во главе враждовавших партий стояли оба представителя власти. За Леоннппом стоял «народ», т. е. демократические слои населения, а Клеохар возглавлял другую, враждебную народу партию — сторонников царя, скорее всего партию богатых людей и прежде всего крупных торговцев-рабовладельцев.[3]

---

[1] Oros., Adv. pag., VI, 2, 24.

[2] Мемнон неоднократно употребляет выражение *οἱ περὶ Κλεοχάρην*. Дзагурова переводит его «сторонники Клеохара». Нам кажется более правильным переводить «партия Клеохара», как это делал и К. О. Мюллер при издании Мемнона (Fragmenta Historicorum Graecorum: «factio»).

[3] Автор настоящего труда отдает себе ясный отчет в том, что его предположение о согласии демократических слоев населения Синопы пойти на сговор с римлянами расходится с общепринятыми взглядами современных историков, которые считают, что демос греческих городов Малой Азии был предан Митридату. Против моей концепции возражает и акад. В. В. Струве в своем отзыве на мою работу. Не имея возможности в рамках настоящей монографии ответить на все выдвинутые им аргументы, я полагаю, однако, что ясный в этом случае текст Мемнона, в котором говорится о поддержке Леонппа народным собранием и затем о грозившем после убийства Леонппа народном возмущении, не допу-

В первые месяцы осады между этими партиями шла борьба, причем в это время еще функционировали органы самоуправления — народное собрание, и следовательно, еще не наступило, как несколько времени спустя, царство террора.

Борьба между партиями шла вокруг вопроса о том, продолжать ли защиту города или перейти на сторону римлян. Леонипп готов был на сговор с Лукуллом, и, как оказалось, он выражал желания большинства населения, так как народное собрание, созванное Селевком и Клеохаром с целью обвинения Леониппа в предательстве, неожиданно для этих стратегов одобрило действия Леониппа. И более того—выяснилось, что Леонипп пользуется у народа такой популярностью, что партия Клеохара испугалась и прибегла к убийству из засады для того, чтобы лишить враждебную партию ее главы. Когда Леонипп был таким образом устранен, то, по словам Мемнона, Клеохар и его партия получили полноту власти. Боясь народного возмущения из-за убийства Леониппа, они стали править «как тираны», надеясь подавить гнев народа и избежать наказания за преступление.

К сожалению, нет определенных указаний на время, когда произошел внутренний переворот в осажденной Синопе. Рейнак [1] полагает, что Леонипп задумал сдаться Лукуллу, когда тот лично повел осаду, т. е. уже летом 70 г.; однако едва ли это верно. Более вероятно, на наш взгляд, что правление трех стратегов в Синопе продолжалось с осени 72 до лета 71 г., а вопрос о переходе на сторону римлян был поднят Леониппом в связи с разгромом новой армии Митридата под Кабирой в начале лета 71 г. и бегством Митридата в Армению. После этих событий надежда на скорое освобождение Синопы из осады исчезла, и восстановление царства Митридата в Малой Азии могло мыслиться теперь лишь как отдаленная и весьма проблематическая возможность. В этих условиях вполне понятно желание демократических слоев населения Синопы

скает другого толкования, и это дает нам право держаться иной, а не общепринятой точки зрения на данный вопрос. Мы полагаем, что приверженность *демоса делу Митридата, несомненно существовавшая* во время 1-й войны Митридата с Римом, впоследствии сильно ослабела. Поэтому не удивительно, что в некоторых греческих городах широкие слои населения готовы были ему изменить в критическую минуту. Так было, повидимому, в Синопе и в некоторых других городах Понта и Вифинии. Проримская ориентация Кизика хорошо известна. Но в других городах могло иметь место и обратное явление. Ведь несомненно, что греческие города никогда не придерживались единой линии поведения, и их ориентация была различной в зависимости от конкретных условий, в которых находился каждый город.

[1] RM, стр. 355.

обеспечить себе сносные условия сдачи путем добровольного перехода на сторону римлян. Однако, как мы видели, эта попытка успеха не имела вследствие противодействия части населения города, интересы которой были, видимо, тесно связаны с политикой Митридата, а также вследствие того, что эта партия располагала сильной поддержкой в лице состоявшего из киликийцев крупного военного гарнизона. Синопа продолжала сопротивление и при слабой надежде на конечный успех, но она держалась теперь исключительно благодаря военным действиям гарнизона и установлению террора внутри города.

С этого момента начинается второй период осады Синопы. Мемнон рассказывает о нем в следующих словах:[1] «В это время (после убийства Леониппа, — *М. М.*) Цензорин, командующий флотом, вез на 15 триэрах хлеб с Боспора (конечно имеется в виду Боспор Фракийский)[2] для римского лагеря и пристал к берегу недалеко от Синопы. Выйдя в море против Цензорина, синопские триэры Клеохара и Селевка под командой Селевка вступили в бой. Они победили италов и в качестве добычи захватили грузовые суда». Этот успех придал партии Клеохара еще больше смелости. «Радуясь успеху, партия Клеохара стала править городом еще более сурово, предавала граждан смерти без суда и совершала много других жестокостей».[3] Для Синопы, следовательно, наступило время террора. Хотя обстановка на театре военных действий сложилась далеко не благоприятно для Митридата и общая тяга населения Синопы к переходу на сторону римлян должна была сильно возрасти, эти настроения не имели возможности пробиться наружу, так как они жестоко подавлялись сосредоточившей в своих руках всю власть и опиравшейся на киликийский гарнизон партией сторонников Митридата — партией Клеохара. Интересно отметить, что даже в это время флот Синопы еще был сильнее флота римлян и римские суда не были в состоянии блокировать Синопу с моря и полностью отрезать ее от внешнего мира, т. е. прежде всего от Боспорского царства, откуда, как это явствует из дальнейшего, Синопа получала продовольствие.

Синопа продержалась, таким образом, повидимому, до начала летней кампании 70 г. Общая обстановка для сторонников Митридата все время ухудшалась. От Понтийского царства в Малой Азии ничего не осталось, кроме немногих

[1] Memnon, 53, 3.
[2] RM, стр. 355, прим. 1.
[3] Memnon, 53, 4.

еще сопротивлявшихся изолированных пунктов (Синопы, Амасеи, Гераклеи и нескольких укрепленных замков). Амис пал еще в 71 г., так же как Фарнакия. Положение было в сущности безнадежным, и в связи с этим в лагере синопских правителей начались новые разногласия. Вот как рассказывает об этом Мемнон:[1] «Клеохар был сторонником продолжения войны, а Селевк хотел уничтожить всех синопейцев и передать город римлянам за большое вознаграждение. Но ни одно из этих намерений не было выполнено, и, тайно погрузив имущество на грузовые суда, они отправили их к Махару, сыну Митридата, который в это время находился в Колхиде». Итак, Селевк, доверенный Митридата киликийский пират, ставший во главе синопского гарнизона, мысленно уже изменил понтийскому царю, отчаявшись в восстановлении его могущества. Город Синопа как таковой его не интересовал, и он стал смотреть на него, как на товар, который может быть продан римлянам за большую цену после его ограбления. Клеохар и стоявшая за ним часть граждан Синопы еще питали какие-то надежды на успех и стояли за продолжение войны. До открытого разрыва между Селевком и Клеохаром не дошло. Обстоятельства были таковы, что это грозило им обоим немедленной гибелью. В то же время Селевк, вероятно, убедился в неосуществимости своих планов, а Клеохар не мог не понять бесполезности дальнейшего сопротивления. Оба правителя сошлись на том, что в виду грозных событий наступила пора подумать о себе самих. Они на всякий случай погрузили награбленное у жителей имущество на грузовые суда и отослали его в сохранное, как они думали, место — к сыну Митридата Махару, правителю Боспора, находившемуся в то время в Колхиде. Сами они не спешили с отъездом, так как знали, что вследствие неспособности римлян блокировать Синопу с моря бегство для них во всякое время обеспечено.

Однако летом 70 г. в осаде Синопы наступил кризис. Мемнон повествует об этом следующим образом:[2] «(1)... В то время (когда оба стратега отправили свое имущество к Махару) римский полководец Лукулл подошел к городу и начал его осаду. Махар, сын Митридата, отправил послов к Лукуллу с предложением дружбы и союза. Тот принял их с радостью и сказал, что будет считать союз действительным, если Махар не будет посылать синопейцам продовольствия. Тот не только исполнил требуемое, но даже отослал все заготовленное для

[1] Memnon, 53, 5.
[2] Memnon, 54, 1—2.

сторонников Митридата Лукуллу. (2) Узнав об этом, сторонники Клеохара, отчаявшись в благополучном исходе борьбы, погрузили несметные богатства на корабли, разрешили солдатам грабить город (дело было ночью) и на кораблях бежали в крайнюю, восточную часть Понта (заселенную сенегами и лазами), а оставшиеся (в Синопе, — *М. М.*) корабли они подожгли. Когда пламя разгорелось, Лукулл увидел, что произошло, и велел приставить лестницы к стенам. Они (римляне, — *М. М.*) перешли по ним через стены, и началась великая резня, но затем Лукулл из жалости запретил убивать. Так была взята Синопа. А Амасея еще сопротивлялась, но вскоре и она предалась римлянам».

Из приведенного текста мы прежде всего узнаем одну из причин долгого сопротивления Синопы. Отрезанная римскими войсками от материка, столица Понтийского царства неминуемо должна была бы погибнуть от голода. Ее спасало море, на котором римляне еще не были полновластными хозяевами. По морскому пути наместник Митридата на Боспоре, его сын Махар, снабжал осажденную Синопу продовольствием. Это была главная поддержка Синопы, дававшая ей возможность не сдаваться. Поэтому когда она рухнула, и притом в тот момент, когда Лукулл, замышлявший поход в Армению и не желавший оставить у себя в тылу непокоренные города, сам явился под Синопу и энергично повел осаду, то исчезла и последняя надежда на успех, и наступил последний акт трагедии Синопы. Ставленники Митридата, тираны, в течение долгого времени терроризировавшие население и этой ценой удержавшие город от сдачи на приемлемых условиях, в критическую минуту бросили на произвол судьбы не только город, но и своих солдат и позаботились только о собственном спасении и обогащении. Впрочем они поступили совершенно так же, как правители и начальники гарнизонов Амиса и Гераклеи Понтийской, — факт, прекрасно характеризующий ближайших помощников типичного эллинизованного деспота, каким был Митридат Евпатор.

Римляне вошли в Синопу без всякого труда, так как гарнизон после бегства начальников был занят грабежом. По свидетельству Плутарха,[1] все киликийцы были уничтожены. Начавшаяся резня граждан была прекращена Лукуллом.

Прежде чем перейти к выводам из только что изложенной, восстановленной по Мемнону, истории осады и взятия Синопы, необходимо обратиться к истории осады Амиса, города, испытавшего сходную с Синопой судьбу.

---

[1] Plut., Luc., XXIII.

Сведений об осаде Амиса мы имеем меньше, чем об осаде Синопы. Мемнон — наш главный источник по истории осады Синопы, — черпавший, как мы видели выше, свои сведения из каких-то местных источников, для Амиса изменил этому методу работы и обратился к какому-то, повидимому римскому, источнику.[1] Вероятно таким образом следует объяснить, что его внимание тут почти исключительно направлено на личность римского полководца, на примененную им военную хитрость и проявление милосердия к жителям захваченного города. О ходе военных действий он ничего почти не сообщает. Такой же характер носят и рассказы Плутарха [2] и Аппиана.[3] Поэтому сведения наши об осаде Амиса очень фрагментарны и иногда даже противоречивы.

Так, согласно рассказам Плутарха [4] и Аппиана,[5] Лукулл самолично начал осаду Амиса еще летом 72 г., когда он впервые во главе своей армии углубился во внутренние области Понтийского царства. Под Амисом он провел всю зиму 72/71 г. и только весной пошел против Митридата в Кабиру, поручив ведение осады Мурене. Относительно того, как протекала осада Амиса до похода Лукулла в Кабиру, показания источников расходятся. Согласно Аппиану, военные действия у Амиса, у соседней Евпатории и у расположенного недалеко от них на Фермодонте города Фемискиры с самого начала приняли ожесточенный характер: возводились осадные сооружения, надземные и подземные, и происходили жестокие столкновения между осаждавшими и осажденными. Иначе описывает этот первый период осады Плутарх.[6] Он сообщает, что Лукулл, придя в Каппадокию, провел некоторое время у Амиса, «ведя осаду не очень энергично», а когда пришла зима, он оставил Мурену руководить осадой, а сам пошел на Кабиру. Весьма важно, что версия Плутарха находит себе подтверждение в сохранившемся отрывке из сочинения современника событий, а именно в отрывке из «Историй» Саллюстия,[7] где говорится об осаде Амиса, протекавшей, пока Митридат был в Кабире, без столкновений. Если сопоставить эти

[1] Memnon, 55.
[2] Plut., Luc., XIX.
[3] App., Mithr., 83.
[4] Plut., Luc., XV.
[5] App., Mithr., 78.
[6] Plut., Luc., XV.
[7] Sallustius, ed. Kritz. Leipzig, 1856, Fr. IV, 1: Amisum assideri sine proeliis audiebat. См.: RM, стр. 335, прим. 1, где высказываются справедливые сомнения, касающиеся фантастического характера описания Аппианом осады Фемискиры.

известия с общим положением на фронте летом 72 и зимой 72/71 г., то они покажутся нам более достоверными, чем версия Аппиана. Действительно, войска Лукулла, проведя много месяцев в боевой обстановке, под Кизиком и затем в Вифинии и Галатии — областях, совершенно опустошенных войной, — оказались, придя в Каппадокию, среди всяческого изобилия. Митридат был временно обезврежен, и, имея в виду предстоявшее решительное с ним столкновение, Лукулл воспользовался представившейся возможностью и дал своим войскам отдохнуть в плодородных областях северной Каппадокии, ограничившись обложением укрепленных городов и крепостей. В частности, Амис не был полностью изолирован. Так же как и под Синопой, римляне не были в силах блокировать город с моря, и Митридат, находясь в Кабире, не терял связи со своей второй столицей. Согласно словам Аппиана, он послал туда из Кабиры «много продовольствия, оружия и войска». Конечно помощь шла морем, так как с суши город был окружен. Скорее всего она шла через находившуюся еще под властью Митридата Фарнакию.

Положение коренным образом изменилось после победы Лукулла при Кабире и бегства Митридата к Тиграну в Армению весной или в начале лета 71 г. Прекратилась помощь Амису со стороны царя, и город был предоставлен собственным силам. Осада в то время, пока Лукулл был в отсутствии, велась, видимо, более энергично, чем прежде. Амис оборонялся успешно благодаря главным образом действиям стратега Каллимаха, военного инженера, весьма опытного и искусного в ведении осадной войны. Он изобретал все новые и новые хитрости и наносил осаждавшим большой урон.[1] Успех окрылил защитников Амиса, ибо, когда Лукулл, победив Митридата при Кабире и покорив затем значительную часть Малой Армении, а также Фарнакию, сменил Мурену в командовании осаждавшими Амис войсками и предложил осажденному городу сдаться, последний, несмотря на изменившиеся в неблагоприятную для него сторону обстоятельства, ответил отказом.[2] Если бы можно было думать, что Амис защищался собственными силами, тогда один факт отказа в ответ на мирные предложения Лукулла полностью подтвердил бы вышеизложенную точку зрения Рейнака на упорство, проявленное греческими городами в защите от римлян. Однако именно этот факт, т. е. активная роль граждан Амиса как защитников своего города,

[1] Plut., Luc., XIX.
[2] Memnon, 55.

кажется нам в высшей степени сомнительным. Наши источники, правда, нигде не упоминают о чужеземном гарнизоне, оставленном Митридатом в Амисе, но едва ли этот город мог быть в указанном отношении исключением из общего правила. Поручение Митридатом в данной войне охраны городов и укрепленных пунктов не местному населению, а чужеземным гарнизонам проводилось последовательно и повсеместно. Оно засвидетельствовано не только для Аполлонии, Гераклеи Понтийской и Синопы, но также и для ряда городов Вифинии и для укрепленных поселений во внутренних областях Понта. Едва ли Амис был оставлен без такой же защиты. Это невероятно само по себе, но наличие там гарнизона подтверждается и другими наблюдениями и соображениями. Во-первых, согласно приведенному выше свидетельству Аппиана, Митридат в течение зимы 72/71 г. посылал в Амис не только продовольствие и оружие, но также и воинскую силу — конечно отряды из своего войска, а не местное ополчение. Во-вторых, встает вопрос, кем был защитник Амиса инженер Каллимах. Рейнак называет его Callimaque d'Amisos и, видимо, считает его уроженцем Амиса. Однако никаких определенных сведений на этот счет в литературной традиции не сохранилось. В то же время искусство Каллимаха в ведении осадной войны требовало большого опыта, а поскольку в Амисе его нельзя было приобрести, так как этот город в течение многих десятилетий находился вне сферы военных действий, то более вероятно предположение о том, что Каллимах был одним из многочисленных в то время кондотьеров, которому Митридат в 72 г. поручил защиту Амиса. Плутарх называет Каллимаха стратегом, и весьма вероятно, что он возглавлял гарнизон Амиса, так же как Селевк возглавлял гарнизон Синопы, а Коннакорик — гарнизон Гераклеи. В таком случае следует предполагать, что от него, а не от жителей Амиса исходил и отказ в ответ на мирное предложение Лукулла. А ему, даже после разгрома армии Митридата, не было причин сдаваться. Во-первых, он очевидно имел основания опасаться мести со стороны римлян, и последующие события показали, что в этом отношении он не ошибался.[1] Во-вторых, в случае критического положения Амиса, Каллимах всегда мог спастись морским путем. Этой возможностью ему и пришлось в конце концов воспользоваться,

---

[1] Каллимах был казнен Лукуллом после того, как он был захвачен в плен в городе Нисибисе, в обороне которого он принимал живое участие (Plut., Luc., XXXII). Лукулл обвинил его в поджоге Амиса.

совершенно так же, как в аналогичных обстоятельствах поступили начальники гарнизонов Гераклеи и Синопы.

Наши источники, включая и Мемнона, рассказывают о военной хитрости, при помощи которой Лукулл овладел сначала Евпаторией (город был построен Митридатом рядом с Амисом, но имел свои собственные, отдельные от Амиса городские стены), а затем и Амисом. Хитрость состояла в том, что штурм был произведен в те часы, когда римское войско обычно предавалось отдыху, отчего защитники в это время ослабляли бдительность. Так были захвачены сперва Евпатория, а затем и сам Амис. При этом отмечается, что, как только римские солдаты овладели небольшой частью городской стены Амиса, сопротивление города совершенно прекратилось, а Каллимах бежал на кораблях, предварительно предав город огню. Из этих рассказов можно вывести заключение, что сопротивление Амиса сильно ослабело, так что предпринятый Лукуллом ночной штурм увенчался успехом без особого труда со стороны нападающих. Каллимах, видимо, уже считал игру проигранной и готовился к бегству, а настроение граждан было таково, что при первом успехе врагов они без боя предались своей участи, а кто успел — бежал из города. Эту легкую победу Лукулла римская историческая традиция представила как результат удачной военной хитрости полководца, а на самом деле падение Амиса объясняется теми же причинами, что и падение Синопы, т. е. прежде всего отсутствием у населения энтузиазма к делу Митридата, а также изменением в благоприятную для римлян сторону общей обстановки после бегства Митридата к Тиграну. Характерно, что начальники гарнизонов обоих больших греческих приморских городов, Синопы и Амиса, поступили совершенно одинаковым образом: в критическую минуту, не чувствуя за собой поддержки населения, они убежали с награбленным имуществом. А население после бегства начальников никакого сопротивления не оказало. Мы знаем, что в Синопе большая часть граждан задолго до падения города высказывалась за переход на сторону римлян, и нет никаких оснований полагать, что граждане Амиса были настроены иначе.

Таким образом, внимательный анализ источников заставляет нас весьма значительно отойти от приведенных выше взглядов буржуазных ученых и прежде всего Рейнака на характер и причины продолжительного сопротивления римлянам греческих городов Понтийского царства. Нет никаких оснований говорить о том, что сопротивление оказывалось гражданами городов, по словам Рейнака, правда, не слишком

привязанными к Митридату, но питавшими непреодолимое отвращение к римскому владычеству.[1]

На самом деле, как мы видели выше, никакого единения граждан Синопы в борьбе против римлян не было. Наоборот, военный кризис привел к обострению внутренних социальных противоречий, к открытой борьбе партий, причем большинство населения вовсе не было склонно отстаивать дело Митридата до конца. Леонипп и его политика отражали чаяния народной демократической партии Синопы, несомненно огромного большинства ее населения, стремившегося выйти из войны путем сдачи римлянам на почетных условиях. Только путем прямого насилия удалось Клеохару удержать синопцев от такого шага. При этом он опирался на военную силу гарнизона, начальник которого был с ним заодно, а также и на часть населения Синопы. Не сохранилось никаких прямых указаний на то, какие социальные слои или группы населения поддерживали Клеохара, но поскольку за Леоннппом стоял демос, то под сторонниками Клеохара надо скорее всего подразумевать состоятельные слои населения и в первую очередь тех богатых си-

[1] В своей последней большой работе (SEHHW, стр. 935 и сл.) Ростовцев проводит точку зрения, будто еще со времен 1-й войны Митридата с Римом на стороне Рима были социальные верхи населения греческих городов, тогда как демос всецело поддерживал Митридата, так как римская политика в провинции Азии и насильственные поборы публиканов ложились тяжелым бременем на небогатых людей и сравнительно мало задевали интересы людей состоятельных. По мнению Ростовцева, в избиении римлян и италиков участие принимала только «чернь», а у представителей высших социальных слоев руки остались чисты, хотя они и не отказались от своей доли добычи. Проводя такой взгляд, Ростовцев основывается, как он сам говорит, главным образом на своем внутреннем убеждении, а кроме того, на засвидетельствованном надписью из Нисы (SyllI.[3], № 741) проримском настроении Херемона, сына Пифодора, а также на том факте, что не все греческие города Малой Азии, как, например, Магнесия на Сипиле, Стратоникея и др., были на стороне Митридата. Наконец Ростовцев еще подчеркивает, что мероприятия Митридата в городах (снятие долгов, отпущение рабов на свободу) были направлены на облегчение участи низших слоев населения и часто во вред интересам богачей. Положения Ростовцева нам кажутся ошибочными. Что касается взгляда на Митридата как на покровителя и защитника социальных низов населения греческих городов, то неправильность этого взгляда применительно к книге акад. Я. А. Манандяна «Тигран II и Рим» была раскрыта и убедительно доказана Е. С. Голубцовой (Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951, стр. 48 и сл.). Причины, в силу которых отдельные города остались верными Риму, нам не известны. Скорее всего, как, например, в Кизике, это были торговые интересы крупных рабовладельцев. Что же касается надписи из Нисы, то она говорит только об отдельном представителе верхушки греческого общества, и, хотя он вероятно был не одинок, это еще не дает права считать его настроения типичными для всего социального слоя.

нопских торговцев и собственников крупных мастерских, деятельность которых, как мы видели в других главах нашей работы, находила столь широкую поддержку у понтийских монархов.

Правда, войны Митридата в значительной мере парализовали внешнюю торговлю Синопы, но, с другой стороны, необходимо учесть, что римское завоевание грозило сильными бедствиями именно этим социальным слоям в греческих городах. В то время как неимущие слои населения не могли ожидать от римлян особого изменения экономических условий, в которых они жили при Митридате, а выходцы из Синопы и Амиса, занимавшие высокое положение в гражданском и военном управлениях Понтийского царства, как это видно на примере деда Страбона, нередко рассчитывали использовать победу Рима в личных целях и поэтому изменяли Митридату, богатые торговцы имели все основания опасаться римского владычества: ведь купцы-италики в это время уже успели прибрать в свои руки значительную часть греческой торговли в восточном Средиземноморье, а черноморская торговля, которая занимала такое видное место в экономике Синопы, еще не была в конец расстроена, и крупные экспортеры могли надеяться удержать ее в своих руках и в дальнейшем, даже в случае вытеснения Митридата с берегов Эгейского моря.[1] Нет ничего удивительного в том, что эти слои населения греческих городов цеплялись за малейшую надежду сохранить за собой свои экономические и социальные привилегии; в то время они думали, будто это зависит от сохранения господства Митридата. Поэтому они и оказались ярыми его сторонниками. Ради этой цели они не остановились перед тем, чтобы заключить союз с киликийским гарнизоном против своих сограждан и в течение двух лет боролись с римлянами и с собственным народом руками этих наемных пиратов, а в критическую минуту они бросили как свой город, так и своих наемников на верную

---

[1] В иных условиях находился Кизик — город, оказавший отчаянное сопротивление Митридату в начале 3-й войны с Римом. Доходы этого города зависели от транзитной торговли между Черным и Эгейским морями. Рынки сбыта для товаров Понта в Эгейском море в это время находились в руках Рима, и Кизик страдал от перерыва торговых сношений между Понтом и Грецией. В его интересах была скорейшая ликвидация создавшегося положения, а поскольку еще свежи были воспоминания о поражениях Митридата в Греции во время 1-й войны с Римом, Кизик предпочел встать на сторону Рима и не ошибся в своих расчетах.

гибель, заботясь только о своем личном спасении и о сохранении своего имущества.[1]

Таким образом выясняется, что дружное и единодушное сопротивление, оказанное Синопой и Амисом римскому завоеванию, — это миф, созданный буржуазной историографией. И если присмотреться к судьбе других греческих городов, отвоеванных Лукуллом у Митридата, то придется признать, что Синопа и Амис не были исключениями. Интересно сохранившееся у Плутарха попутное замечание о большом количестве греков, содержавшихся Митридатом в плену в темницах и укрепленных замках Малой Армении вместе с находившимися у него на подозрении членами его семьи.[2] Речь здесь, очевидно, может итти только о греках, занимавших видное положение и заподозренных в симпатиях к римлянам.

Но особенно показателен тот факт, что борьба партий, которую мы установили для осажденной Синопы, происходила, видимо, и в городах Вифинии перед их завоеванием римлянами после бегства Митридата от Кизика. Первой пала Апамея.[3] По словам Аппиана, там произошло ужасное избиение сбежавшихся под защиту храмов апамейцев. Избиение предполагает ожесточенное сопротивление города, и Рейнак высказывает мнение,[4] что расправа была произведена ради устрашения других городов, чтобы заранее сломить их сопротивление. Возможно, что Рейнак в данном случае прав. Однако следует заметить, что Мемнон рассказывает о том же событии иначе. По его словам, «апамейцы сопротивлялись, насколько могли, но в конце концов, открыв ворота, впустили осаждавших». Отсюда следует, что среди граждан Апамеи, так же как в Синопе, вероятно, была партия, склонная признать главенство Рима. Иначе римским войскам пришлось бы итти на штурм, а не входить в город через ворота.

---

[1] Сторонники того мнения, что греческие города Понта в течение 3-й войны Митридата с Римом были полностью на стороне Митридата, забывают также о возможности вновь перейти под власть царя Понта, которая открылась перед Синопой и Амисом в 67 г., когда римляне вынуждены были очистить все завоеванные ими за пределами провинции Азии территории и Митридат вновь стал полновластным господином в унаследованном от своих предков царстве. Между тем в наших источниках не содержится никаких намеков об отпадении в это время Синопы и Амиса от римлян, и надо полагать, что его и не последовало, несмотря на общую благоприятную для этого обстановку.

[2] Plut., Luc., XVIII, а также XV, где рассказывается о беглых греках, скрывавшихся в пещерах.

[3] App., Mithr., 77. — Memnon, 41.

[4] RM, стр. 333.

В дальнейшем римляне захватывали города Вифинии уже при прямом содействии граждан этих городов. Относительно Никеи Аппиан передает,[1] что римляне взяли этот город, так как гарнизон Митридата бежал, а Мемнон прибавляет к этому еще одну подробность.[2] По его словам, «понимая, что жители Никеи склоняются на сторону римлян, понтийцы (понтийский гарнизон, — *М. М.*) ночью ушли к Митридату в Никомедию, и римляне без труда овладели городом». Проримская партия Никеи имела, следовательно, явный перевес, и гарнизон счел за благо тайно удалиться. Еще решительнее поступили граждане Киуса (Прусиада на море). Согласно рассказу Мемнона,[3] граждане этого города сами выгнали митридатовский гарнизон при приближении «римского флота под командой Триария и с готовностью приняли его». Следует иметь в виду, что города Вифинии ко времени начала 3-й войны Митридата с Римом, когда происходили только что описанные события, успели на собственном опыте познакомиться как с пребыванием под властью Митридата, так и с римским правлением. Вряд ли у них еще остались иллюзии относительно «свободы», которую нес им Митридат. Они несомненно отдавали себе ясный отчет в том, что речь идет для них о смене господина, а не о получении свободы.

Таким образом обнаруживается, что в греческих городах имелись партии, склонявшиеся к покорности Риму, и, зная, как обстояло дело в Синопе, вряд ли мы ошибемся, если предположим, что это были широкие массы малоимущих и неимущих слоев населения, тогда как на стороне Митридата была численно небольшая, но сильная партия богатых торговцев, сильная главным образом благодаря военной поддержке со стороны поставленных Митридатом в городе гарнизонов из чужеземных наемников. Союз групп состоятельных граждан с гарнизонами и был той силой, которая в некоторых городах и, в частности, в Синопе и Амисе сумела организовать длительное сопротивление римлянам, руководствуясь своими личными интересами и наперекор желаниям широких слоев населения.

---

[1] App., Mithr., 77.

[2] Memnon, 41, 3.

[3] Memnon, 41, 2. Мемнон, правда, назвав город Прусиадой Приморской, тут же называет его Киером, т. е. Прусиадой у Горы. На самом деле Мемнон имеет в виду Прусиаду Приморскую, т. е. Киус. Это следует из того обстоятельства, что город был взят морскими силами Триария. Однако Аппиан (App., Mithr., 77) говорит о взятии Прусиады у Горы (Киера) и притом не Триарием, а Барбой. Остается, таким образом, неясным — имеется ли в виду Киус или Киер (см. примечание Дзагуровой к данному тексту Мемнона).

Это сопротивление дорого обошлось городам, и участь тех полисов Вифинии, которые сумели во-время справиться со сторонниками Митридата и его гарнизонами, была гораздо более завидной.[1]

Внимательный анализ источников показывает, таким образом, что нет никаких оснований говорить о непреодолимом отвращении населения греческих городов к переходу под власть Рима. Широкие слои свободных граждан греческих городов не питали особой симпатии к Риму, но они также не склонны были «стоять на смерть» за Митридата, и это несомненно была одна из причин неудачи понтийского царя в его борьбе с Римом.

Взятие римлянами греческих городов южного берега Черного моря и особенно Синопы должно оцениваться как весьма значительное событие в истории борьбы Митридата с Римом, а также в истории всего Причерноморья в целом. Невольно вспоминаются слова, влагаемые Мемноном в уста советников римского полководца Мурены в начале так называемой 2-й войны Митридата с Римом.[2] Римский военачальник находился в нерешительности относительно того, куда направить главный удар своей армии. И тогда, по словам Мемнона, «многие советовали Мурене двинуться к Синопе и повести войну за царскую резиденцию, так как если бы он взял ее, то легко овладел бы и остальным». В рассказе Мемнона отразилось определенное мнение современников событий о большом значении Синопы как одной из ключевых позиций Понтийского царства. Значение это основывалось, конечно, не на роли Синопы как царской резиденции и столицы Митридата. Синопа была лишь одной из многих, хотя, правда, главной, резиденцией Митридата Евпатора, и во время войны с Римом царь по большей части находился в других городах и областях страны, и поэтому захват столицы вряд ли мог иметь решающее значение с точки зрения дезорганизации управления. Хорошо известно также, что накопленные Митридатом различными способами огромные богатства, которые позволяли ему содержать и постоянно пополнять большую армию, хранились не в Синопе, а в многочисленных газофилакиях в Малой Армении. Таким

[1] Иначе протекала осада Гераклеи Понтийской, где граждане принимали активное участие в обороне города и выказали готовность идти на большие жертвы ради победы над римлянами. Это объясняется тем, что Гераклея была автономным, хотя и союзным Митридату городом. Она действительно защищала свою свободу, а не интересы Митридата. Город пал в результате прямого предательства начальника гарнизона Галата Коннакорика и правителя Гераклеи Дамофила.

[2] Memnon, 36, 3.

образом, и с точки зрения подрыва мощи армии понтийского царя, падение Синопы никак не могло расцениваться как решающий фактор. И тем не менее суждение, высказанное советниками Мурены, имело под собой реальное основание. Дело в том, что падение Синопы положило конец преобладанию Митридата на море — одной из важнейших опор могущества Понтийского царства. И если взятие Синопы Фарнаком I в 183 г. превратило незначительное до того времени царство первых Митридатов в державу, постепенно распространившую свое влияние на все берега Евксинского Понта и выдвинувшуюся в первый ряд среди прочих эллинистических государств Малой Азии, претендовавших на господствующее положение в Эгейском море, то потеря Синопы — крупнейшей морской базы с неограниченными для того времени ресурсами — сразу лишала понтийского царя одного из важнейших источников его могущества и в значительной мере предопределила конечный распад его царства. Напомним вкратце, какую крупную роль играл флот в борьбе Митридата с Римом.

В начале 1-й войны с Митридатом римляне обладали флотом, которым командовали Минуций Руф и Гай Попилий.[1] Стоял он у Византия, имея очевидно задание запереть проливы.[2] Эта угроза жизненным интересам Понта, однако, скоро была ликвидирована. Римский флот частью рассеялся, частью был захвачен Митридатом,[3] и царь Понта с этого момента безраздельно царствовал как в проливах, так и в Эгейском море.

Луций Корнелий Сулла по прибытии в Грецию очень скоро убедился в необходимости иметь в своем распоряжении флот, которого у него не было. Поэтому он не замедлил отправить состоявшего при нем квестора Луция Лукулла в морскую экспедицию, поручив ему собрать военные корабли из различных дружественных Риму областей и городов Средиземноморья.[4] Поручение Суллы было им успешно выполнено, однако с большим запозданием. Одерживая крупные победы на суше, в Афинах, при Херонее и Орхоменах, Сулла не мог полностью ими воспользоваться и добиться решающих результатов. Не помогло и предпринятое римским военачальником строительство собственного флота в Фессалии,[5] а также частичные

[1] О численности флотов обоих противников во время войн Митридата с Римом см.: J. Kromayer. Die Entwicklung der Römischen Flotte vom Seeräuberkriege des Pompeius bis zur Schlacht bei Actium. Philologus, Bd. 56, 1897, стр. 426—491.

[2] App., Mithr., 17.

[3] App., Mithr., 19.

[4] Plut., Luc., III. — App., Mithr., 56.

[5] App., Mithr., 51. — RM, стр. 191.

победы наконец прибывшего на место военных действий собранного Лукуллом флота. Время было упущено. Поход Гая Флавия Фимбрии в Малую Азию, с одной стороны, и действия марианцев в Италии, с другой, заставили Суллу пойти на компромиссный мир с Митридатом, мир, ни в коей степени не гарантировавший восстановления длительного спокойствия на Востоке.

Важно отметить, что одним из главных требований, предъявленных Суллой Митридату, было требование о выдаче римлянам всего понтийского флота, находившегося под начальством Архелая и состоявшего в конце войны из 70 крупных судов.[1]

Потеря флота была очень тяжела для Митридата, но она не была невознаградимой. Со свойственной ему энергией царь Понта начал восстанавливать свою морскую мощь тотчас же по окончании войны и заключении мира в Дардане в 85 г. под предлогом снаряжения экспедиции против отпавшего от него Боспорского царства.[2] Все необходимое для этого было у него под рукой благодаря неисчерпаемым ресурсам Синопы в корабельном лесе и других материалах и наличии там старого и широко поставленного кораблестроительного дела, не говоря уже о больших кадрах опытных моряков. Корабельный лес имелся и в других подвластных Митридату областях — близ Трапезунта и в Колхиде.[3] Митридат полностью использовал все эти ресурсы. Когда выяснилась неизбежность нового столкновения с Римом, он, по словам Аппиана,[4] в течение всей зимы 74/73 г. заготовлял лес и строил корабли, а весной 73 г. им было произведено испытание нового флота.[5]

В результате этих мероприятий в начале 3-й войны Митридата с Римом соотношение сил обоих противников на море было приблизительно таким же, как и в начале 1-й войны, и первые столкновения этих сил привели к сходным результатам. Римляне опять пытались запереть проливы.[6] Свободный проход через проливы был необходим Митридату не только для его военных, но и для политических целей. Поэтому он в первые же дни войны направил туда свой главный удар и, обладая бесспорным преимуществом на море, достиг быстрого и решаю-

---

[1] App., Mithr., 55 и 58.
[2] App., Mithr., 64.
[3] Strab., IX, 3, 18. Страбон говорит, что из Колхиды Митридат получал самую большую помощь для своих морских сил.
[4] App., Mithr., 69.
[5] App., Mithr., 70.
[6] App., Mithr., 71. — Plut., Luc., VIII.

щего успеха: 4 корабля противника были им сожжены, а остальные 60 взяты в плен.

Эта победа открыла перед Митридатом широкие перспективы. Понтийский флот опять, как и 15 лет тому назад, получил свободу действий не только в проливах, но и в Эгейском море. Римский сенат уже видел перед собой возможность нового нашествия понтийских армий в Европу и спешно отпустил 3000 талантов на постройку флота.[1]

Однако Митридат на этот раз не пытался перебросить свои войска в Грецию. Он очевидно предварительно хотел прочно завладеть Малой Азией и с этой целью обложил Кизик, а своим господством на море воспользовался для посылки эскадры из 40 кораблей в Испанию, к Серторию,[2] своему союзнику против Рима, и второй эскадры на остров Крит, вероятно ради совместных действий на море с пиратами, с которыми он в это время заключил тесный союз.[3]

Однако очень скоро, в конце того же 73 г., обстановка стала складываться неблагоприятно для Митридата.[4] Под Кизиком он встретил неожиданное упорное сопротивление, осада этого города кончилась для понтийского царя катастрофой — потерей почти всей армии и бегством при помощи флота в Лампсак. В начале 72 г. был убит Серторий, и тем самым рушились надежды Митридата на совместные с ним действия против Италии. Отряды понтийского флота, отправленные в Испанию и на Крит, получили приказ вернуться. Но Лукуллу удалось разбить морские отряды Митридата, действовавшие в Эгейском море; его флот вошел в Пропонтиду, где находились главные морские силы Понта, с заданием запереть суда Митридата в Никейской бухте, в то время как сам Митридат находился в Никомедии. Этот план не удался, и Митридат вместе со всем своим флотом успел выйти через Боспор в Евксинский Понт. Здесь, однако, разразилась страшная буря, разметавшая и погубившая почти всю эскадру.[5] Сам царь спасся на легкой пиратской бригантине, доставившей его в Гераклею Понтийскую, откуда он затем не без труда добрался до Синопы и Амиса.

Так погиб военный флот Митридата, созданный им перед началом 3-й войны с Римом. Казалось бы римляне могли теперь

---

[1] Plut., Luc., XIII.
[2] Memnon, 43 и 48.
[3] App., Mithr., 63.
[4] Вероятно именно поэтому Лукулл и отказался от средств, отпущенных сенатом на постройку флота.
[5] См. выше, стр. 258.

ввести свой победоносный флот в воды Евксинского Понта и стать там полновластными хозяевами. Однако у Митридата, видимо, сохранились еще значительные военно-морские силы, сосредоточенные в портах, принадлежавших его царству или союзным черноморским городам; поэтому, осадив Гераклею, Синопу и Амис с суши, римляне не смогли осуществить их блокаду со стороны моря. Потребовалось еще много времени и усилий, прежде чем римские корабли завоевали свободу действий в водах южной части Понта, окончательно вытеснив оттуда вражеские суда. Эту борьбу можно проследить почти шаг за шагом.

В начальный период осады Гераклеи, Синопы и Амиса Черное море еще почти полностью находилось во власти Митридата. Это можно установить благодаря следующим фактам. Согласно рассказу Мемнона,[1] римский полководец Котта, осаждавший Гераклею, после неудачных попыток взять город штурмом принялся опустошать поля гераклейцев, надеясь захватить город при помощи голода. Тогда жители Гераклеи «снова отправили послов к херсонесцам и феодосийцам в Скифию и к династам Боспора, прося о помощи; и посольство возвратилось с успехом». Никто, следовательно, в это время не мешал гераклейским кораблям пересекать Черное море, а кораблям союзников Гераклеи на северном берегу Черного моря привозить в осажденный город продовольствие. В это же время, как мы видели выше, Синопа получала помощь по морю от Махара, а в Амис сам Митридат, находясь в Кабирах, направлял не только продовольствие, но также оружие и даже воинские отряды, конечно, тоже морским путем и скорее всего через Фарнакию.

Но вскоре положение стало изменяться. После повторных неудачных попыток взять Гераклею прямой атакой с суши, Котта послал за флотом Триария, находившимся еще за пределами Понта.[2] Триарий появился перед Гераклеей с эскадрой, состоявшей из 43 кораблей. Произошел морской бой с 30 гераклейскими судами. Триарий одержал победу и заставил уцелевшие корабли гераклейского флота искать спасения во внутренней гераклейской гавани. Римская эскадра встала в большой гавани этого города, тем самым лишив уцелевшие

[1] Memnon, 49, 4.

[2] Memnon, 49, 5. Когда последовал этот вызов, установить трудно, но скорее всего это было летом 71 г. В это время уже были захвачены союзные с Митридатом города западного побережья Понта, а с другой стороны, экспедиция Цензорина к Синопе (см. стр. 264) вряд ли могла состояться до победы Триария над флотом Гераклеи.

суда Гераклеи возможности выходить в открытое море. Интересно, что, одержав и эту победу, римляне не почувствовали себя уверенно даже в прилегавших к Гераклее районах Черного моря. Это можно заключить из того обстоятельства, что, согласно рассказу Мемнона, они опасались выходить из гавани Гераклеи на морские просторы в полном составе, боясь, очевидно, нападения превосходящих митридатовских морских сил, и предпочитали патрулировать вход в гавань, выходя из нее поодиночке с целью не допускать подвоза продовольствия по морю на грузовых судах в осажденную Гераклею.

Опасения Триария имели под собой весьма серьезные основания, как это показало следующее событие. Римское верховное командование после победы над флотом Гераклеи решило воспользоваться морским путем для доставки продовольствия войскам, осаждавшим Синопу.[1] Однако это предприятие, как было нами изложено выше, закончилось полной неудачей. Стоявшие в гавани Синопы понтийские триеры при вести о приближении римского каравана судов вышли в море под начальством пирата Селевка и, одержав победу, отняли у римлян грузовые суда с продовольствием и доставили их в Синопу. Произошло это, повидимому, уже после бегства Митридата в Армению,[2] когда понтийской сухопутной армии уже не существовало и Каппадокия, Пафлагония и Малая Армения были в руках римлян.

Измена Махара, видимо, тоже еще не принесла с собой коренного изменения в соотношении сил на Черном море. Правда, правителю Боспора удалось направить заготовленное им для Синопы продовольствие римлянам, и синопские триеры не сумели этому помешать, но измена сына Митридата была неожиданна, и синопейцы, вероятно, не успели принять соответствующих мер. С другой стороны, для все еще продолжавшегося бессилия римского флота в Черном море показательно бегство из Амиса и Синопы митридатовских правителей этих городов, когда положение последних стало отчаянным. Бежали они не тайком, а открыто, успев погрузить на суда награбленное имущество и поджечь город и оставленные в гавани суда. В Синопе, по словам Мемнона,[3] Лукулл увидел происходившее в городе при свете пожара и велел начать штурм города. Но никакого преследования бежавших предпринято не было.

---

[1] Memnon, 53, 3. См. также стр. 264 настоящего труда.
[2] См. стр. 263.
[3] Memnon, 54, 3.

Совсем иначе сложилась общая обстановка на Евксинском Понте после захвата римлянами портов южного Причерноморья. По мирному договору в Дардане Митридат лишился почти всего флота, но, обладая Синопой, он, как мы видели выше, сумел очень быстро возместить потерю. Однако после падения Синопы и Амиса у него отнята была всякая возможность вновь построить сильный флот, а вместе с тем из его рук выбито было то оружие, силой которого держалось Понтийское царство. Неукротимая энергия понтийского царя оказалась бессильной против этого факта.

Как известно, борьба Рима с Митридатом затянулась еще на несколько лет после побед Лукулла в Малой Азии и Армении, главным образом из-за внутренних противоречий в самом Риме и в его правящих кругах, а также из-за недовольства римских солдат Лукуллом. Одно время счастье как будто даже снова перешло на сторону Митридата, и ему удалось отвоевать обратно царство своих предков (67 г.). Наши источники ничего не говорят о том, овладел ли Митридат при этом и приморскими греческими городами. Надо думать поэтому, что вряд ли это ему удалось. Во всяком случае эта последняя полоса военных удач была столь кратковременной, что царь, даже в случае захвата Синопы и Амиса, не мог принять никаких мер для восстановления флота.

Когда во главе римских войск стал Помпей и армия Митридата, отступившая в горную область Малой Армении, вновь была разбита наголову, престарелому царю пришлось искать спасения в бегстве на Боспор по трудному пути, вдоль восточного берега Черного моря.

Римляне теперь были уже полными хозяевами этого моря. Часть большого флота, построенного в целях борьбы с пиратами, осталась в подчинении у Помпея, когда он возглавил все римские военные силы на Востоке. Когда Помпей во время своих походов по Закавказью в 65 г. вышел на восточный берег Черного моря, то римская эскадра Сервилия ради встречи с ним пришла в тот самый дальний угол Понта ἐσχάτῃ τοῦ Πόντου, куда римляне не осмеливались заходить еще в период осады Гераклеи, Синопы и Амиса (сюда именно бежали по морю правители этих городов), и спокойно бросила якорь в устье Фазиса.[1]

Помпей пытался преследовать Митридата и с этой целью хотел пробиться через Иберию и Албанию, но, встретив упорное сопротивление со стороны местных войск, ограничился при-

[1] Plut., Pomp., 34.

казом флоту Сервилия установить блокаду Боспора. Сам он пошел походом на Албанию, а затем занялся покорением газофилакий в Малой Армении. Известия о проводимых на Боспоре приготовлениях Митридата к походу на Италию, видимо, мало его беспокоили. Проведя весну 64 г. в Амисе, где он занимался организацией завоеванных Римом прежних владений Митридата в Малой Азии и Закавказье,[1] он подтвердил приказ флоту о строгой блокаде берегов Боспора [2] и предании смерти всех пытающихся ее прорвать и сам со своим войском ушел в Сирию. Согласно рассказу Плутарха, Помпей перед уходом к Красному морю будто бы сказал: «Я предоставляю бороться с Митридатом врагу, который сильнее его, — голоду».[3] Это изречение римского полководца едва ли достоверно. Трудно себе представить, чтобы Помпей так грубо ошибался в ресурсах Боспорского царства и не знал, что именно там находится одна из житниц древнего мира, почему блокада его берегов никак не могла вызвать там голода. Но Помпей также несомненно был хорошо осведомлен о том, что дезорганизация и даже полное прекращение морской торговли грозило Боспору разрушением его экономики, полным крушением того экономического и социального строя, который установился там со времени основания греческих городов. Подобная угроза не могла не вызвать соответствующей реакции у населения городов и прежде всего у социальной верхушки, что в свою очередь должно было отразиться на положении Митридата как царя Боспора и на возможности осуществления им своих грандиозных замыслов. Дальнейшие события доказали правильность этой дальновидной политики.

О последних годах жизни Митридата, проведенных на Боспоре, и о смерти царя Понта писали многие как советские, так и зарубежные историки, причем неизбежно затрагивался вопрос о причинах, вызвавших восстание против Митридата и конечную гибель всех его грандиозных планов. Большинство исследователей разделяет давно установившееся мнение, что главными причинами недовольства Митридатом на Боспоре было, с одной стороны, наложенное им на население непосильное бремя налогов и чуть ли не поголовная насильственная вербовка в армию не только свободного населения, но и рабов, а с другой — морская блокада, парализовавшая торговлю.[4]

---

[1] Plut., Pomp., 38.
[2] Plut., Pomp., 39.
[3] Plut., Pomp., 39.
[4] Иная точка зрения была выдвинута Д. П. Каллистовым в его статье «Этюды по истории Боспора в римский период» (ВДИ, 1938, № 2,

Нам кажется, что изложенная выше история взятия римлянами городов южного Причерноморья и постепенного захвата ими главенствующего положения на море дает некоторые новые данные для освещения событий на Боспоре, предшествовавших гибели Митридата, и выясняет важные для этого переворота предпосылки.

Заслуживает особого внимания тот факт, что обстановка, сложившаяся в городах северного Причерноморья в последние годы царствования Митридата, была совсем не похожа, можно даже сказать — противоположна обстановке, которую мы застаем в городах южного Причерноморья во время осады их римскими войсками. В Синопе и Амисе на стороне Митридата оставались богатые торговцы и промышленники, которые видели в Митридате прямого защитника их торговых интересов. Демос в этих городах, наоборот, склонялся к переходу на сторону римлян. На Боспоре же мы видим, что, в то время как местное, негреческое население вовсе не принимает участия в восстании, а широкие слои городского населения держатся до времени пассивно, инициативу берут на себя именно те социальные слои, которые в Синопе и Амисе оставались до конца верными понтийскому царю, та самая правящая верхушка, которая в прошлом была обязана Митридату сохранением своего привилегированного положения. Должны были существовать какие-то весьма серьезные причины для перемены ориентации правящих кругов в греческих городах Боспора, и таковыми никак не могло быть несогласие с политикой Митридата по отношению к скифам, поскольку такая политика уже велась в течение десятилетий и была в основном выгодна и для городов.

Многие исследователи истории Боспора и Понтийского царства Митридата отмечали, что восстание против Митридата вовсе не носило характера народного восстания. И действительно, в отличие от восстания Савмака, в нем не принимали

стр. 276—286). Д. П. Каллистов полагал, что главной причиной отхода от Митридата рабовладельческой части населения греческих городов была политика Митридата по отношению к окружавшим Боспор варварским племенам, направленная к тому, чтобы заручиться их поддержкой в ущерб интересам городов. Это предположение не встретило поддержки среди других исследователей (см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 306—310; В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. Уч. зап. Моск. Гос. пед. инст., т. XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 28, прим. 2; Е. С. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, стр. 51 и сл.), и сам Д. П. Каллистов в последнее время отказался от своей точки зрения (см.: Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952, стр. 150).

участия широкие слои эксплуатируемого населения Боспора. Это отнюдь не была социальная революция или борьба двух враждебных этнических элементов. Более того, целью восстания не было и свержение чужеземной власти в лице понтийского царя. Нам кажется, что совершенно прав Н. И. Новосадский, который применяет к разбираемым событиям термин «дворцового переворота».[1] Дело шло об устранении лично Митридата, непримиримого врага Рима, не желавшего капитулировать ни при каких обстоятельствах, вопреки явной невозможности дальнейшей борьбы и несмотря на крайне тяжелое положение, в котором очутились его подданные на Боспоре и прежде всего греческие города, экономика которых была в корне подорвана морской блокадой.

Какие перспективы сулил греческим городам Боспора подготовленный Митридатом поход на Италию? Не говоря уже о непосильных тяготах, связанных с организацией новой армии, греческие города не могли не сознавать, что, даже в случае удачного вторжения Митридата в Италию, о чем можно было думать лишь как об отдаленной и весьма проблематичной возможности, им, т. е. городам, грозило неминуемое разорение, так как при полном господстве римлян на Черном море они не могли рассчитывать на возобновление нормальных торговых операций, даже в случае снятия блокады, ибо Боспор Фракийский и все порты Черного моря находились во власти римлян. Борьба с римлянами на море с целью снятия блокады была теперь, видимо, совершенно немыслима. Наши источники не говорят о постройке Митридатом нового флота на Боспоре, хотя многие новые историки пишут об этом как о факте. Аппиан[2] упоминает только о кораблях, которые были забраны (ἡρήκεσαν) стратегами Митридата во время его болезни и предоставлены в его распоряжение. Речь идет, вероятно, об отобрании кораблей у греческих городов Боспора, а не о постройке новых. Остается под вопросом, обладал ли Боспор необходимым для этого сырьем; доставка же корабельного леса с восточного или южного побережья была в то время невозможна. Аппиан,[3] рассказывая про сооружение военных машин для новой армии царя, говорит, что Митридат делал это φειδόμενος οὔτε τινὸς ὕλης — выражение, которое многие

---

[1] Н. И. Новосадский. Последние годы борьбы Митридата с Римом. Тр. Секц. археол. Инст. истор. Российск. Ассоц. научных институтов общ. наук, т. IV. 1928, стр. 347.

[2] App., Mithr., 108.

[3] App., Mithr., 107.

современные авторы (Рейнак, Руге и др.) понимают как разборку деревянных строений.

С другой стороны, главенство Рима не несло с собой для городов Боспора той угрозы, которая отпугивала греков Синопы и Амиса, угрозы превращения области в римскую провинцию и, как следствие этого, появления публиканов. Для торговцев греческих городов Боспора речь шла в сущности только о смене одной супрематии другой, и при данных обстоятельствах все выгоды были на стороне заблаговременного перехода на сторону новой и более могучей силы. Ведь, оказав ей содействие, можно было рассчитывать заручиться ее покровительством и с ее помощью восстановить порвавшиеся торговые связи со странами, которые все уже так или иначе находились в зависимости от Рима.

Мы полагаем поэтому, что отход от Митридата состоятельных слоев населения рабовладельческих городов Боспора и поднятое ими восстание были в значительной мере результатом прямого коммерческого расчета, причем, конечно, использована была вся невыгодная для царя общая обстановка, породившая недовольство Митридатом в широких слоях городского населения и, в частности, в армии. А решающим фактором, принудившим верхние слои греческого общества к активным действиям, следует признать морскую блокаду, которая могла быть осуществлена римлянами только после того, как они в длительной борьбе завоевали господство на море. Одним из главных этапов этой борьбы было, как мы старались показать, взятие Синопы Лукуллом, и в этом смысле можно говорить о том, что судьба Синопы имела большое влияние на гибель Митридата и на судьбу Боспора.

Раздел IV

СИНОПА, АМИС И ТРАПЕЗУНТ ПОД РИМСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ

Глава II

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (ОТ ВЗЯТИЯ СИНОПЫ И АМИСА ДО ПРИНЦИПАТА АВГУСТА)

Те же античные писатели, которые рассказывают об осаде Синопы и Амиса войсками Лукулла, передают сведения и о первых мероприятиях римского военачальника в захваченных греческих городах в связи с переходом последних под власть Рима. Нами уже указывалось, что почти все литературные источники, касающиеся падения Синопы и Амиса, передают историческую традицию в римской версии, в сильной степени тенденциозной и направленной к прославлению завоевателя как друга и освободителя греков.[1] Особенно характерен в этом отношении рассказ Плутарха, где Лукулл выставлен как ревнитель демократии и поклонник греческой культуры, действующий согласно ниспосланным ему свыше предначертаниям. Так, в Синопе Лукулл будто бы осаждал не самый город, а лишь засевший в нем царский гарнизон, который погубил многих синопцев и поджег город.[2] Лукулл же, войдя в город, предал смерти восьмитысячный гарнизон киликийцев, а гражданам Синопы возвратил их имущество и вообще много позаботился о городе, повинуясь велениям явившегося ему во сне героя — основателя Синопы, Автолика. Ни о каких актах насилия со стороны войска или со стороны самого Лукулла Плутарх не упоминает. Рассказ этот, конечно, неточен и не сходится с версией, сохранившейся в хронике Мемнона, и с некоторыми замечаниями Страбона. Согласно Мемнону,[3] когда

---

[1] См. стр. 255 и сл.
[2] Plut., Luc., XXIII.
[3] Memnon, LIV.

римские солдаты оказались внутри городских стен, то началась страшная резня, прекращенная затем Лукуллом из чувства жалости. А Страбон[1] сообщает, что Лукулл, правда, оставил в целости все прочие украшения города, но все же присвоил статую Автолика работы Сфеннида, которая, согласно рассказам Плутарха и Аппиана,[2] чудесным образом указала ему путь в Синопу, а также знаменитую сферу (σφαῖρα) Биллара.[3]

В описании взятия Амиса тенденциозность Плутарха проявилась еще более ярко. По его словам, Амис был подожжен защитником города Каллимахом непосредственно перед бегством последнего по морю. Лукулл приказал идущим на штурм солдатам тушить пожар, но те не слушались его и требовали отдать им город на разграбление.[4] Лукуллу пришлось уступить, и на следующее утро, войдя в город, он увидел страшные разрушения и пролил слезы о том, что на его долю выпал жребий разрушителя Коринфа Муммия, тогда как он хотел бы уподобиться спасителю Афин — Сулле. О том, как поступали победители с побежденными жителями Амиса, можно судить по судьбе выдающегося грамматика Тиранниона — учителя Страбона.[5] Он был захвачен римлянами в Амисе, и Мурена, один из высших римских военачальников, попросил Лукулла отдать его ему. Лукулл согласился, и тогда Мурена отпустил Тиранниона на свободу. Другими словами, Тираннион, как и прочие пленники, считался рабом, и Мурена с согласия Лукулла оказал ему милость и превратил его в вольноотпущенника.

Итак, не приходится сомневаться в том, что, вопреки Плутарху, взятие Синопы и Амиса сопровождалось всякого рода эксцессами. Римляне обошлись с жителями, как с побежденными

---

[1] Strab., XII, 3, 11.
[2] App., Mithr., 83.
[3] См. главу 7.
[4] Plut., Luc., XIX. Солдаты Лукулла и раньше высказывали недовольство своим предводителем, который, по их мнению, слишком редко разрешал им грабить греческие города (см.: Plut., Luc., XIV). Разногласия на этой почве между военачальником и его солдатами были одной из главных причин конечной неудачи Лукулла (см.: RM, стр. 375 и сл.). Стремление воинов Лукулла к обогащению прекрасно иллюстрируется анекдотом, сохранившимся у Горация (Horat., Epist., II, 2, 26 и сл.). Там рассказывается о некоем легионере, который, потеряв все свои сбережения, проявляет большую храбрость при штурме неприступной горной крепости, за что и получает крупную денежную награду. После этого никакие увещания не в состоянии побудить его участвовать во взятии следующей крепости. «Пусть идет тот, кто потерял свой пояс» (т. е. зашитые в пояс деньги), — говорит он в ответ.
[5] Plut., Luc., XIV.

и покоренными силой оружия врагами, а не как с носителями высшей культуры, порабощенными Митридатом, как это старалась изобразить римская историография, с которой во многом соглашается и современная зарубежная наука.[1] Однако в то же время из наших источников с полной ясностью вытекает, что вслед за допущенными эксцессами и расправой над побежденными Лукулл изменил образ действия и предпринял ряд шагов, направленных к сохранению и восстановлению городов. Конечно, он поступил таким образом не как защитник эллинской культуры, а из соображений политических. Лукулл прекрасно понимал, что гибель или разорение эллинских городов противоречили интересам Рима. Отсюда — заботы, проявленные Лукуллом по отношению к Синопе и Амису после перехода этих городов под власть римлян, отсюда и ряд общих мероприятий по урегулированию способов взимания налогов и долгов, целью которых было облегчение экономического положения городского населения.

Амис, видимо, особенно сильно пострадал от военных действий. Население частью погибло, частью бежало, и перед глазами Лукулла наутро после штурма предстал лежащий в развалинах, опустошенный город. Лукулл тотчас же приступил к его восстановлению и заселению.[2] По словам Плутарха, пробыв в Амисе довольно долго, он за это время успел восстановить большую часть разрушенных зданий, принял обратно беженцев и вновь поселил там греков из других мест. В то же время он отправил обратно, снабдив одеждой и деньгами, тех афинян, которые во время 1-й войны Митридата с Римом бежали из своего города, как бы подчеркивая этим, что после победы Рима они будут там в безопасности. Сверх того, Лукулл увеличил территорию Амиса на 120 стадий [3] и, наконец, даровал ему свободу.[4]

Стараниями Лукулла Амис был, видимо, довольно быстро восстановлен. По крайней мере весной 64 г. Помпей избрал именно этот пункт для длительного там пребывания во время

---

[1] Критические замечания на точку зрения буржуазной науки по данному вопросу см.: Е. С. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, стр. 31 и сл.

[2] Аппиан говорит о заселении Амиса после Синопы, но поскольку Синопа пала в 70, а Амис в 71 г. и Лукулл занялся восстановлением Амиса тотчас же после его взятия, то приходится признать здесь ошибку Аппиана.

[3] Об увеличении Лукуллом территории Амиса см. главу 7, где дан разбор неправильного, на наш взгляд, толкования этого свидетельства Плутарха Джонсом.

[4] App., Mithr., 83.

проводившейся им реорганизации римских владений на Востоке.

Наши источники менее подробны в том, что касается восстановления Синопы, но нет оснований думать, что политика Лукулла по отношению к этому городу была иной, чем в Амисе. Начавшийся было во время штурма грабеж был приостановлен римским полководцем, и он возвратил гражданам их имущество и «вообще много заботился о городе»,[1] а также «сохранил все его убранство» (т. е. очевидно все его общественные здания и хранившиеся в них произведения искусства), за исключением статуи Автолика и сферы Биллара. Страбон отмечает[2] прекрасные городские стены Синопы, гимнасий, агору и портики, порты, рейды и сооружения для ловли рыбы. Вряд ли все эти здания и сооружения могли быть возведены в период упадка, пережитый Синопой после 70 г. Скорее всего это были те самые общественные постройки и произведения искусства, о которых упоминал Цицерон в 66 г.[3] Они, надо думать, были возведены в то время, когда Синопа была столицей Понтийского царства (Страбон подчеркивает особую заботу Евпатора об этом городе), а вероятно частично еще в эпоху расцвета Синопы как свободного полиса. В таком случае все эти постройки пережили осаду Лукулла. Это во всяком случае справедливо относительно царской усыпальницы Митридатов, в которой по повелению Помпея был похоронен Митридат Евпатор.[4] Так же как Амису, Лукулл даровал Синопе свободу,[5] что указывает на особое желание полководца привлечь эти города на сторону Рима, так как лишь очень немногие греческие города Малой Азии пользовались в это время такой привилегией.[6]

Для привлечения граждан греческих городов и в частности Синопы и Амиса на свою сторону не меньшее, а может быть, и большее значение, чем упомянутые заботы об этих городах, имели общие мероприятия Лукулла по урегулированию долговых обязательств и взиманию налогов. Лукулл был одним из первых римских политических деятелей, понявших гибельность для римской политики на Востоке чрезмерных поборов, взимавшихся в греческих городах восточных провинций.[7]

---

[1] Plut., Luc., XXIII. — Memnon, LIV.
[2] Strab., XII, 3, 11.
[3] Cicer., De imp. Gn. Pomp., 21.
[4] App., Mithr., 113. — Dio Cass., XXXVII, 14.
[5] App., Mithr., 83.
[6] JGC, стр. 116.
[7] Повидимому, уже Сулла после 1-й войны с Митридатом частично отказался от услуг публиканов для сбора φόρος и контрибуции. Города сами собирали деньги и вносили их посланцам Суллы, специально назна-

Урок 1-й войны с Митридатом в этом отношении не пропал для него даром. Перед отъездом в Италию Сулла поручил Лукуллу получить с городов наложенную на них при заключении мира в Дарданах контрибуцию.[1] Лукулл проявил при этом необыкновенную для римского администратора мягкость. Сохранились декреты, изданные городом Тиатирой, прославляющие снисходительность Лукулла.[2] Впоследствии, уже во время 3-й войны с Митридатом,[3] Лукулл провел ряд мероприятий, целью которых было обуздать произвол публиканов, римских ростовщиков и администраторов при взимании налогов и долгов и тем облегчить положение греческих городов.[4] Так, он запретил заимодавцам брать больше 12% за ссуды (обычно брали 48% годовых), затем целиком отменил взимание процентов на проценты за прошлые годы. Кроме того, он разрешил заимодавцам брать в свою пользу не более одной четверти годового дохода должника. Введен был вновь, вероятно существовавший еще при эллинистических царях, 25%-й налог на урожай, на дома и рабов. Согласно свидетельству Плутарха, эти мероприятия вызвали взрыв негодования в Риме против Лукулла, но положение греческих городов благодаря им сильно и быстро улучшилось.

Синопа и Амис не были обложены Суллой контрибуцией, так как во время заключения мира в Дардане они входили в состав Понтийского царства и не были подвластны Риму, и вообще 1-я война Митридата с Римом прямо их не коснулась. Поэтому реформы Лукулла, проведенные в 71 г., т. е., может быть, уже после падения Амиса, но еще до взятия Синопы, не имели к ним непосредственного отношения. Тем не менее факт заступничества верховного представителя власти — Рима за интересы греческих городов, обуздание им непомерных аппетитов публиканов и ростовщиков не могли не сыграть крупной, а возможно, и решающей роли в изменении настроений верхних социальных

чаемым для этой цели (см.: App., Mithr., 62, 63; Plut., Sulla, 25; Plut., Luc., XX и XLI). Впрочем, мнения современных ученых по этому вопросу расходятся.

[1] Plut., Luc., IV.

[2] JC, IV, 702 и 1191.

[3] Согласно Аппиану (App., Mithr., 83) и Плутарху (Plut., Luc., XXIII), это произошло в 71 г., после бегства Митридата к Тиграну. Лукулл, видимо, единолично занялся устройством дел в Малой Азии, не дожидаясь прибытия специально отправленной к нему с этой целью сенатской комиссии. Последняя приехала на место с большим запозданием, когда Лукулл потерял уже почти все им завоеванное и войска перестали ему повиноваться (см.: Plut., Luc., XXXV и XXXVI; Dio Cass., 36; 43, 2; 46, 1; Cicer., Ad. Att., XIII).

[4] Plut., Luc., XX и XXIII.

слоев населения греческих городов бывшего Понтийского царства. Так было заложено основание для взаимопонимания, установившегося между Римом и высшими слоями греческого общества, негласного союза, на котором покоилась римская политика на Востоке в течение всей эпохи римской империи.

Как мы постарались показать в предыдущей главе, демократические слои населения многих греческих городов Вифинии и Понта еще во время 3-й войны Митридата с Римом склонялись к переходу под власть Рима путем измены делу Митридата. Главной движущей силой в данном случае скорее всего была надежда на более спокойные условия жизни в смысле отсутствия внешних потрясений, поскольку длительные войны Митридата принесли грекам много бедствий. Что же касается богатых рабовладельцев, то благодаря политике Лукулла, а затем Помпея для них выяснилась возможность сохранения и даже укрепления их привилегий, и они очень быстро изменили свою ориентацию. Рабовладельцы поняли, что Риму нужны в целях осуществления его политики на Востоке экономически сильные и в то же время послушные им города и что для достижения этой цели главной опорой Рима должны стать они сами. Это открывало перед ними широкие перспективы личного обогащения и укрепления своего влияния внутри города, а иногда и за его пределами.

За особые заслуги перед Римом, а иногда и просто за крупную взятку многие получали римское гражданство, а вместе с ним и особо привилегированное положение по отношению не только к собственным согражданам, но и к другим греческим городам. Известны случаи, когда подобные римские граждане из греков выступали в качестве ходатаев перед сенатом или римскими правителями за другие греческие города.[1] Некоторые из таких выдвинувшихся греков с помощью римлян достигли даже царского престола, как, например, уроженец Лаодикеи во Фригии Полемон, царь Понта и Боспора, или гражданин города Нисы в Карии Херемон и его переселившиеся затем в Траллы потомки, один из которых, Пифодор, женился на дочери Антония и стал отцом царицы Пифодориды.[2]

Римское завоевание принесло, таким образом, большие преимущества богатым греческим рабовладельцам, и переход

---

[1] М. И. Ростовцев. Цезарь и Херсонес. НАК, 63, 1917. Юлий Сатир, ходатайствовавший за Херсонес, возможно, был уроженцем одного из городов южного Причерноморья.

[2] Syll.³, № 741. — Strab., XIV, 1, 42. — SEHHW, стр. 822 и сл.

их на сторону Рима вполне оправдывался их личными интересами. Что же касается до малоимущих граждан, которые, как мы видели, в критические минуты отошли от Митридата, то порядок, установленный Римом, был сопряжен для них с тяжелыми экономическими жертвами, которые им приходилось нести, находясь под двойным гнетом собственной социальной верхушки и Рима. Если широкие слои населения надеялись на улучшение своего положения с переходом к Риму, то им пришлось скоро разочароваться. Не сохранилось никаких прямых указаний на проявление этого недовольства в рассматриваемый нами период. Но позднее, уже в эпоху империи, когда никакие внешние потрясения не прерывали хода жизни и окреп установленный Римом в городах порядок, римской администрации приходилось неусыпно следить за сохранением спокойствия в греческих городах. Малейший намек на протест вызывал со стороны римлян энергичные контрмеры, и тем не менее время от времени недовольство прорывалось наружу и приводило подчас к крупным революционным выступлениям.

Помпей, в 66 г. сменивший Лукулла на Востоке, немедленно отменил все распоряжения своего предшественника, и те, видимо, не успели даже получить утверждения сенатом.[1] Однако это не помешало ему два года спустя, весной 64 г., при предпринятой им реорганизации римских владений на Востоке во многих отношениях придерживаться политики, намеченной Лукуллом, и, в частности, подтвердить и расширить ряд мероприятий последнего по отношению к греческим городам.

Распоряжения Помпея по организации новых завоеванных Римом областей Малой Азии известны нам лишь в общих чертах, главным образом благодаря сведениям, сохранившимся в *Географии* Страбона и в письмах Плиния Младшего к Траяну.

Известно в частности, что он слил Вифинское царство, завещанное Риму царем Никомедом III, с западными районами бывшего царства Митридатов в единую римскую провинцию Вифинию-Понт, в состав которой вошли и города Синопа и Амис. Не сохранилось точных указаний о том, каким стало при нем государственно-правовое положение этих городов. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что Помпей, идя дальше по пути, намеченному Лукуллом, сделал очень много для установления того порядка, который существовал там в течение эпохи Римской империи. Это вытекает из того факта, что при Траяне и позже, когда Дион Кассий писал свою историю,

[1] Plut., Pomp., 32.

т. о. в начале III в. н. э., в провинции Вифиния-Понт еще действовала Lex Pompeia («Закон Помпея»), где между прочим были сформулированы права и обязанности отдельных греческих городов, и как города, так и римские администраторы руководились этим законом.[1] Поэтому можно думать, что уже после мероприятий, проведенных Помпеем, греческие города фактически стали главной опорой римской политики на Востоке как в смысле управления приписанными к ним обширными территориями, так и в отношении хозяйственном и военном — вследствие их часто выгодного стратегического положения.

Помощь городов в административном отношении была совершенно необходима Риму. Римская система управления, через посредство ежегодно сменяемых правителей провинций, была мало эффективна. Римляне в это время не располагали штатом чиновников, и потому они принуждены были управлять страной при помощи зависимых от Рима местных царьков и автономных и свободных, но в сущности контролируемых ими городов.[2] Так как в Понте городов было немного и страна была в этом смысле отсталой, то Помпей занялся урбанизацией области. Путем восстановления и расширения существовавших уже при Митридатах укрепленных населенных пунктов, основания новых городов и включения в свою систему греческих городов побережья он создал сеть из 11 городов Понта,[3] между которыми и поделена была значительная часть территории Понтийского царства. Таким образом, города получили в управление обширные сельские районы, одним из важнейших последствий чего было более тесное слияние города с деревней, городского населения с сельским, греков с окружающими варварами. В этом смысле, как говорит Ранович,[4] «включение Понта в состав Римской империи означало для него движение вперед. Сельское население оказалось втянутым непосредственно в общение с городским, и это способствовало этническому и культурному смешению греков с варварами».

Порядок, установленный Помпеем, просуществовал недолго, так как он был нарушен ходом событий, связанных с борьбой партий в Риме, в которую втянуты были и восточные провин-

---

[1] Plin., Epist., X, 79, 80, 112, 114, 115. — Dio Cass., XXXVII, 20.

[2] JC, стр. 157 и сл.

[3] Strab., XII, 3, 1. Вопрос о том, какие именно города входили в число этих одиннадцати, остается спорным (см.: JC, стр. 422, прим. 20). Однако не подлежит сомнению, что как Синопа, так и Амис принадлежали к ним.

[4] ВПРИ, стр. 72.

ции. Однако при организации римских владений на Востоке Август вернулся к здравым с точки зрения римской власти принципам, положенным в основу реформ Помпея; мероприятия этого государственного деятеля, таким образом, возродились и остались в силе в течение нескольких веков.

Почти ничего не известно о жизни Синопы и Амиса в течение двух десятилетий, отделяющих их переход под власть Рима от событий, связанных с междуусобной войной Цезаря и Помпея и с походом царя Боспора Фарнака в Малую Азию с целью воссоздания великого Понтийского царства его отца, Митридата Евпатора.

Некоторые указания на зависимое тогда положение этих городов дает монетное дело. В Синопе выпуск монет после захвата города Римом, видимо, прекратился вплоть до времени Августа. Существует, правда, ряд медных монет, приписываемых Синопе и относящихся ко времени Цезаря и к первым годам правления Августа,[1] но принадлежность их Синопе мало вероятна. Не вызывающие сомнений новые монетные выпуски Синопы начинаются с 23 г. до н. э., т. е. уже со времени принципата Августа.[2] Амис чеканил монеты в 61—59 гг. и в 56 г.,[3] однако этот чекан находился под контролем римских проконсулов провинции Вифиния-Понт Гая Попирия Карбона и Гая Цецилия Корнута. Эти имена начертаны на реверсах монет. Не менее показательны в том же отношении монетные эмблемы: на аверсе помещается бюст богини Ромы, а на реверсе — Рома Никефора, восседающая на груде сложенного на земле оружия.

Значительный интерес представляет надпись, недавно найденная в окрестностях Афин.[4] Она начертана на мраморной

---

[1] См.: WBR, Sinope, №№ 74—80. Под № 73А Бабелон и Рейнак публикуют медную монету Синопы с изображением головы философа Диогена на аверсе и буквами C.I.F. и лавровым венком на реверсе (табл. I, *14*). Эта монета несомненно принадлежит Синопе, но отнесение ее Бабелоном и Рейнаком ко времени Цезаря сомнительно. Первый издатель монеты Ж. Бабелон (см.: Revue Numismatique, 1914, стр. 14—19), основываясь на характере букв и на стиле изображения, относ ее ко времени Траяна. Он же выдвинул ту мысль, что поводом к помещению на монете портрета Диогена была постановка в городе статуи философа. По биографии Диогена, составленной Диогеном Лаэрцием, известно, что в Синопе было несколько бронзовых статуй основателя кинической школы. В тяжелые годы гражданских войн Синопа вряд ли имела возможность ставить в честь своих выдающихся граждан мемориальные памятники.

[2] WBR, №№ 81 и сл.

[3] WBR, Amisos, №№ 45 и 46. См. также нашу табл. III, *10*, *11*.

[4] E. Vanderpool. Two inscriptions near Athens. Hesperia, 1945, XIV, № 2, стр. 147 и сл.

стеле и плохо сохранилась. Содержание ее не поддается восстановлению. Однако уцелело имя архонта, что позволяет датировать надпись, а также имя прославляемого лица. Архонт Лисандр занимал эту магистратуру в Афинах в 52/51 гг. до н. э. Прославляемое лицо — некий Моним, сын Деметрия из Амиса. По другим отрывкам надписи можно установить, что Моним состоял членом какого-то товарищества и как таковой был агонотетом, т. е. судьей, на гимнических состязаниях. Амис к этому времени, следовательно, восстановил традиционные связи с Афинами, которые, надо думать, были прерваны митридатовскими войнами.[1]

Два десятилетия относительного спокойствия в жизни Синопы и Амиса сменились в начале 40-х годов новым длительным периодом военных и политических потрясений, сопряженных с чрезвычайными контрибуциями и принудительными мобилизациями. Римские власти впервые обратились к городам Понта с требованием напрячь свои силы для оказания военной помощи римской армии во время гражданской войны, разгоревшейся между Цезарем и Помпеем. Требование это исходило от того самого Помпея, который за 15 лет перед тем подчинил Риму огромные новые пространства на Востоке и раздавал царства зависимым от Рима мелким царькам и «свободу» греческим городам. Теперь, в 49 г., после перехода Цезарем Рубикона, Помпей с многочисленным штатом своих сторонников бежал в Грецию с тем, чтобы собрать там военные силы, способные раздавить противника. Весь Восток находился в его власти, и он, по словам его друга Цицерона,[2] решил «взволновать все страны, все моря, поднять царей-варваров, привести в Италию вооруженные дикие племена». С этой целью, еще находясь в Брундизии, Помпей отправил на Восток своего тестя Сципиона и сына Гнея.[3] Имеются сведения о неоднократном обращении Помпея к царю Боспора Фарнаку с требованием посылки вспомогательных войск против Цезаря, что, однако, не было выполнено Фарнаком.[4]

Поборы и мобилизации коснулись также Синопы и Амиса. В армии Помпея находился крупный понтийский отряд копей-

---

[1] К I в. до н. э., вероятно, относится и сильно поврежденная стихотворная надпись из города Кавака, расположенного к югу от Самсуна-Амиса (Studia Pontica, III, стр. 27, № 16). В надписи сохранилось слово Ἀθηναῖον, по мнению Кюмона, — этникон погребенного или автора эпиграммы. Кюмон датирует надпись II или I в. до н. э.

[2] Cicer., Ad. Att., VIII, 11, 2.

[3] Plut., Pomp., 46.

[4] Bell. Alex., 69. — Dio Cass., XLI, 65.

щиков, пращников и стрелков из лука,[1] который, видимо, был почти полностью уничтожен во время битвы при Фарсале.[2] Но главный вклад приморских городов Понта в военные силы Помпея состоял из боевых судов. Флот Помпея, по словам Плутарха,[3] насчитывал 500, а по словам Аппиана,[4] 600 военных кораблей с полным составом экипажа и огромного количества грузовых и ластовых судов. Набраны они были из Египта, Сирии, Финикии и из греческих городов Греции и Малой Азии, в том числе из Вифинии и Понта.[5] Мы не знаем, каким количеством понтийских, т. е. синопских и амисских, кораблей располагал Помпей, но сохранились сведения о том, что часть этих сил вместе с кораблями других греческих городов после битвы при Фарсале поступила в распоряжение Цезаря и помогала ему в его военных действиях в Александрии.[6] Неизвестный автор «Записок об Александрийской войне» передает, что флот Цезаря во время боев в Александрии зимой 48/47 г. состоял из девяти родосских, восьми понтийских, пяти киликийских и двенадцати азиатских кораблей, среди которых было десять крупных судов, видимо квинкверем и квадрирем. Часть этих крупных судов, быть может, входила в состав понтийского отряда. Это можно вывести из того обстоятельства, что во время морской битвы перед Фаросом сильный родосский флот охранял правый фланг цезарианского флота, а охрана левого его фланга была поручена понтийским кораблям. Таким образом, есть основания полагать, что сравнительно скоро после событий 3-й войны Митридата с Римом Синопа и Амис уже построили вновь сильные военные флоты, которыми по мере надобности распоряжались теперь римские военачальники.

Синопа и Амис в ближайшие после этого годы сами вновь стали ареной военных действий, когда царь Боспора Фарнак предпринял поход в Малую Азию с целью восстановить в полном объеме Понтийское царство своего отца. Его широкие планы, вероятно, созревали в течение долгого времени, чем и объясняются упомянутые выше неоднократные отказы Фарнака прислать Помпею военную помощь. Однако открытое выступление сына Митридата против Рима произошло, видимо, не раньше лета 48 г., по всей вероятности после получения

---

[1] App., Bell. Civ., II, 49. — Caes., Bell. Civ., III, 4.
[2] Caes., Bell. Civ., III, 93.
[3] Plut., Pomp., 48.
[4] App., Bell. Civ., 41.
[5] Caes., Bell. Civ., III, 3.
[6] Bell. Alex., 13 и 14.

известия о битве при Фарсале, которая произошла 6 июня 48 г. Показательна в этом отношении попытка сподвижника Помпея Кассия привлечь Фарнака на сторону Помпея, имевшая место уже после бегства Помпея в Египет. Согласно свидетельству ряда авторов,[1] после бегства Помпея многие из его наиболее знатных сподвижников собрались на острове Керкире и поделили между собой стоявшие там военные суда, не теряя надежды собрать при их помощи новую армию для продолжения войны с Цезарем. Один из них, Люций Кассий,[2] отплыл в Евксинский Понт, к царю Боспора Фарнаку, с целью поднять его против Цезаря. Очевидно, в это время сторонники Помпея еще смотрели на Фарнака как на союзника, обязанного Помпею своим престолом. Однако Кассий не достиг Черного моря. Приблизясь к Геллеспонту, он увидел, как Цезарь со своим войском переправлялся через пролив в Малую Азию. Переправа происходила с помощью лодок, так как крупных судов у Цезаря не было. Кассий, имевший в своем распоряжении, по одной версии,[3] 10 военных кораблей, а по другому, правда, мало правдоподобному свидетельству,[4] целых 70 трирем, мог бы нанести здесь Цезарю поражение и во всяком случае помешать его переправе в Малую Азию. Однако он предпочел просить о прощении и сдался Цезарю со всем своим флотом. Экспедиция его на Боспор, таким образом, не состоялась.

Перейдя Геллеспонт, Цезарь пробыл в провинции Азии неделю, так как он спешил по следам Помпея. Правителем Азии и прилегавших к ней провинций он назначил своего легата Домиция Кальвина,[5] причем в это время еще нет речи о какой-либо угрозе со стороны Фарнака. Повидимому, лишь спустя значительное количество времени после проезда Цезаря через Азию к Домицию Кальвину явился царь Дейотар, который правил между прочим и Малой Арменией,[6] с жалобой на Фарнака по случаю занятия и опустошения последним Малой Армении, а также царства Ариобарзана — Каппадокии и части Понта.[7] Когда именно состоялось свидание Дейотара с Домицием Кальвином, об этом источники наши умалчивают, но можно думать, что оно произошло спустя много времени

[1] App., Bell. Civ., II, 88. — Suet., Caes., 63. — Dio Cass., 42, 6, 2.

[2] Аппиан ошибочно идентифицирует его с Кассием — убийцей Цезаря (см.: RE, s. v. Cassius, № 14).

[3] Suet. Caes., 63.

[4] App., Bell., Civ., II, 88.

[5] Bell. Alex., 34, 1.

[6] Strab., XII, 3, 13.

[7] Bell. Alex., 34.

после проезда Цезаря через Азию, по всей вероятности поздней осенью или зимой 48 г.[1] К этому времени, следовательно, Фарнак уже успел захватить Колхиду, Малую Армению и части Каппадокии и Понта. Вслед за жалобой Дейотара Кальвин начал переговоры с Фарнаком, а вскоре затем и выступил против него в поход.

Дальнейшее течение событий хорошо известно. Поход Домиция Кальвина против Фарнака закончился неудачной для римлян битвой при Никополе,[2] после которой римскому полководцу пришлось отступить на запад, в провинцию Азию. Фарнак счел цель свою достигнутой, тем более что имелись основания надеяться на окончание карьеры Цезаря в Египте. В это время Фарнак «захватил всеми своими войсками Понт и вел себя там, как победитель и жестокий тиран... Он взял с боя много городов и разграбил имущество римских и понтийских граждан. . . Вообще, никто против него не защищался, и он занимал Понт, хвастаясь, что вернул себе отцовское царство».[3] Торжество Фарнака продолжалось недолго. В июне или июле 47 г., удачно закончив войну в Египте, Цезарь неожиданно появился в Сирии и затем, почти не задерживаясь в пути, через Киликию достиг Каппадокии и Понта. 2 августа произошла знаменитая битва при Зеле, после которой Фарнак бежал в Синопу, а Цезарь, спешивший в Рим, даже не нашел нужным лично его преследовать. Фарнак сдался тому самому Домицию Кальвину, которого он победил при Никополе, был им отпущен на свободу и возвратился на Боспор,[4] где он вскоре умер от раны, полученной в сражении с Асандром.

Сведения о судьбе Синопы и Амиса во время этих событий неравномерно распределены между обоими городами. В то время как о борьбе Амиса упоминает ряд авторов, о взятии Синопы Фарнаком говорит только один Аппиан.[5] Вряд ли это замал-

---

[1] Это следует из того, что после свидания Дейотара с Кальвином последний, согласно требованию Цезаря, отправил ему в помощь два легиона, из которых один, следовавший сухим путем через Сирию, опоздал и прибыл в Египет, когда война уже была окончена (Bell. Alex., 9 и 34). Согласно Аппиану (App., Bell. Civ., II, 90), Цезарь пробыл в Египте 9 месяцев, а так как война в Египте началась не сразу после прибытия туда Цезаря, то с некоторой долей вероятности можно предположить, что окончание ее пришлось на начало лета 47 г. Клотц (RE, s. v. Julius Caesar, Sp. 238) предполагает, что Цезарь находился в Египте с начала октября 48 г. по июнь 47 г.

[2] Bell. Alex., 38. Согласно вычислениям Юдейха (W. Judeich. Caesar im Orient. Leipzig, 1885, стр. 65), она произошла в декабре 48 г.

[3] Bell. Alex., 41 (перевод М. М. Покровского).

[4] App., Mithr., 120.

[5] App. Mithr., 120.

чивание случайно. Скорее, как нам кажется, в нем следует видеть признаки того, что Синопа, в отличие от Амиса, не оказала Фарнаку должного с точки зрения римлян сопротивления. Поэтому римская историография предпочла не останавливаться на судьбе этого города.[1]

По словам Аппиана, Синопа пала в начале войны, еще до выступления Домиция Кальвина и вскоре после подчинения Фанагории. Изложение последовательности событий у Аппиана в том, что касается похода Фарнака, несколько запутано. Но поскольку Аппиан далее сообщает о намерении Фарнака взять Амис, чему помешало выступление Домиция Кальвина, и мы из ряда источников знаем, что Амис действительно пал после битвы при Никополе, то и свидетельство Аппиана приобретает известную вероятность. Никаких подробностей о взятии Синопы Фарнаком Аппиан не сообщает, и остается неясным, взяли ли ее те войска, которые захватили Колхиду и Малую Армению,[2] или в Синопу отправилась с Боспора особая экспедиция по морю. Как бы то ни было, самый факт подчинения Синопы Фарнаку не подлежит сомнению, так как последний искал там пристанища после сражения при Зеле, о чем рассказывает тот же Аппиан. Весьма вероятно, что Синопа была взята в начале войны, так сказать, с налета и неожиданно, причем она не сопротивлялась.

Гораздо определеннее сведения о судьбе Амиса. Намерению Фарнака овладеть этим городом вслед за Синопой первоначально помешало дипломатическое, а затем и военное вмешательство Домиция Кальвина. Но после победы при Никополе Фарнак вновь обратился против Амиса. По словам Диона Кассия,[3] он сильно возгордился, покорил и другие города Понта и взял Амис, хотя тот и оказал длительное сопротивление, разграбил его и казнил все взрослое мужское население. Аппиан рассказывает об этом событии примерно то же, что и Дион Кассий, упоминая также о жестоких репрессиях по отношению к его населению.[4] Интересна характеристика, даваемая Ап-

---

[1] Особенно знаменательно, что даже Страбон (S t r a b., XII, 3, 11), перечисляя известные ему случаи захвата Синопы врагами, умалчивает о взятии Синопы Фарнаком, хотя он, конечно, хорошо был осведомлен об этом событии.

[2] Главные силы Фарнака двигались по суше, по крайней мере начиная с Колхиды. По словам Страбона (S t r a b., XI, 2, 17), они разграбили в стране мосхов храм Левкотеи, основание которого приписывалось Фриксу.

[3] D i o C a s s., XLII, 46.

[4] A p p., Bell. Civ., II, 91. Аппиан говорит об обращении жителей Амиса в рабство и оскоплении их сыновей. На оскопление, видимо, намекает и автор «Записок об Александрийской войне» (Bell. Alex., 41).

пианом Амису. Он прямо называет этот город дружественным Риму (ῥωμαΐζούση). Наконец Страбон [1] тоже упоминает о захвате Амиса Фарнаком и о даровании ему свободы Цезарем после битвы при Зеле.

Все дошедшие до нас античные исторические сочинения, повествующие о походе Фарнака в Малую Азию, носят тенденциозный, проримский характер, в связи с чем трудно установить, нашло ли предприятие Фарнака поддержку среди городского и сельского населения прежнего Понтийского царства. Ведь Рим был заинтересован в том, чтобы представить царя Боспора насильником и тираном, а себя освободителем угнетенных. Однако, даже отдавая себе ясный отчет в предвзятости точки зрения античных писателей на этот вопрос, все же нельзя не заметить, что ряд данных свидетельствует об отсутствии у бывших подданных Митридата горячего энтузиазма к восстановлению Понтийского царства. Показательно в этом отношении прежде всего поведение обеих бывших столиц Митридата Евпатора — Синопы и Амиса. Амис, который за четверть века перед тем длительно и ожесточенно защищался против войск Лукулла, теперь упорно сопротивлялся войскам сына Митридата, и это в такой момент, когда Фарнак одержал блестящую победу над римлянами и, казалось, был недалек от полного осуществления своих замыслов. Не сохранилось никаких указаний или даже намеков на причину такой разительной перемены в ориентации граждан Амиса. Однако, принимая в соображение факты, изложенные выше, скорее всего следует приписать это обстоятельство не только общей перемене обстановки, но главным образом политике Рима, сумевшего найти общий язык с представителями наиболее влиятельных в городе состоятельных слоев населения. На чем основано было иное поведение Синопы, объяснить трудно ввиду молчания наших источников. Политика, проводившаяся Римом в Синопе, вряд ли чем-нибудь отличалась от его политики по отношению к Амису, и налицо должны были бы быть одинаковые результаты. Если Синопа стала легкой добычей Фарнака, то, может быть, здесь имела значение внезапность нападения, тогда как Амис получил возможность привести себя в боевую готовность. Как бы то ни было, Синопа не проявила большой приверженности и к делу Фарнака. Когда последний после поражения при Зеле бежал в Синопу и к этому городу подступили преследовавшие его римские войска, то Синопа не оказала им никакого сопротивления и капитулировала вместе с Фарнаком.

---

[1] Strab., 3, 14.

Отсутствие во временно отвоеванных Фарнаком областях Малой Азии сильных стремлений к отпадению от Рима особенно ярко обнаруживается в том, что Цезарь после победы над Фарнаком, видимо, не провел почти никаких репрессивных мер по отношению к областям, которые оказались под властью Фарнака. По свидетельству Диона Кассия,[1] он отдал обратно своим «союзникам», т. е. подвластным Риму царькам (кроме Дейотара) и городам, все, что было ими потеряно. Амис за верность Риму награжден был статусом civitas libera, а в Синопе вскоре поселена была колония италиков. Но самым ярким показателем того, что Рим был в сущности уверен в лойяльности Малой Азии, может служить освобождение Фарнака после его капитуляции. Правда, Цезарь в это время спешил в Рим и, не желая задерживаться на Востоке, мог пойти на известную уступку по отношению к Фарнаку. Но если вспомнить страх Рима перед Митридатом Евпатором, даже после потери им почти всех его владений, то огромный сдвиг в общей обстановке, происшедший в Малой Азии примерно за 20 лет, станет очевидным. Цезарь имел основания не бояться Фарнака и считать его поход авантюрой, а не серьезной угрозой власти Рима на Востоке.

Как указывалось выше, Цезарь, покидая Восток, предоставил Амису свободу, привилегию, которую он раздавал не очень щедро.[2] Цезарем в данном случае руководило не только желание вознаградить Амис за его верность Риму и за причиненные ему Фарнаком опустошения. В годы, следовавшие за победой над Фарнаком, несмотря на войну, которую он вел с последними сторонниками Помпея в Африке и Испании, и на требовавшие его пристального внимания дела в Риме и Италии, Цезарь не терял из виду Восток и, в частности, Причерноморье. Он замышлял поход на Парфию и также собирался вмешаться во фракийские дела. Это требовало создания на Черном море надежных опорных пунктов. Имея основание полагаться на верность Амиса, он надеялся укрепить это положение вещей дарованием ему свободы. Еще важнее, чем верность Амиса, для него была верность Синопы как крупнейшей морской базы. Но Синопа вела себя во время войны с Фарнаком несколько двусмысленно, и поэтому ее верность надлежало обеспечить другим способом. В 46 или 45 г. Цезарь отправил в Синопу колонию италиков.[3] Новые граждане вошли в состав населения

[1] Dio Cass., XLI, 64; XLII, 48.
[2] См.: М. И. Ростовцев. Цезарь и Херсонес, стр. 4 и сл.
[3] Strab., XII, 3, 11. — Plin., Nat. Hist., VI, 2. — Plin., Epist., X, 91.

города в виде весьма значительной по своему влиянию и численности группы переселенцев. Во времена Страбона им принадлежали часть города и земельные участки на территории Синопы. Вероятно в то же время этот город приобрел положение римской колонии, а на колонии в этот период распространялся jus Italicum, связанный с целым рядом привилегий.[1] Синопа стала официально именоваться Colonia Julia Felix, и с года основания Цезарем колонии (46—45) повелась в Синопе новая эра.

Те пятнадцать лет, которые отделяют победу Цезаря над Фарнаком от битвы при Акциуме, были годами тягчайших испытаний для римских восточных провинций и особенно для расположенных в них греческих городов. В прежние годы среди верховных правителей этих провинций встречались люди, сознававшие гибельность безудержного ограбления подвластных им областей и городов и стремившиеся ввести эксплуатацию в рамки закона, но в наступившее после убийства Цезаря смутное время власть находилась в руках людей, действовавших только ради достижения своих ближайших целей. На города они смотрели, как на источник средств для набора и содержания армии и флота, необходимых им в интересах собственного возвышения или победы их партии.[2] Положение особенно осложнялось тем, что вследствие смут в самом Риме в провинциях иногда появлялось одновременно несколько претендентов на роль верховного правителя. Так как эти лица принадлежали к различным политическим партиям, то они вступали друг с другом в конфликты и вели междоусобную войну за счет подчиненных им городов и областей. Так было, например, в 44—43 гг., когда правитель провинции Азии Гай Требоний — один из убийц Цезаря — пал в борьбе с цезарианцем Долабеллой, в свою очередь погибшим при столкновении с Кассием, бежавшим на Восток после мартовских ид. Греческие города должны были помогать любому претенденту, фактически державшему их в своей власти, а после его падения победитель рассматривал эти города как пособников своего врага и поступал с ними соответственно, налагая на них тяжелые наказания и контрибуции. Когда Брут и Кассий, устранив своих соперников, стали полными хозяевами восточных провинций, они наложили на города чудовищную контрибуцию. В течение одного года города обязаны были выплатить подать, полагавшуюся с них за 10 лет. Некоторые города — Родос, Лаодикея, Ксанф и

---

[1] О Jus Italicum в Синопе см. главу 15.

[2] Изложение этих событий см.: Н. А. Машкин. Принципат Августа. М.—Л., 1849, стр. 198 и сл.

Тарс — отказались подчиниться и пробовали отстоять свое право силой оружия, но безуспешно. Ксанф был совершенно разрушен, и в нем почти не осталось жителей, а Родос, Лаодикея и Тарс, тоже сильно пострадавшие, были доведены до полной нищеты — жители под страхом казни должны были отдать не только все общественные деньги и ценности, но и собственные частные средства. Остальные города подчинились и ценой неимоверного напряжения выплатили контрибуцию и отдали свои военные корабли. Благодаря таким мероприятиям главари партии оптиматов добились своей цели. По словам Плутарха, Брут и Кассий, «которые бежали из Италии как самые презренные изгнанники, без денег, без оружия, без военных кораблей, не имея ни одного солдата, ни одного города..., вскоре встретились друг с другом, обладая флотом, пехотой, конницей и деньгами и располагая силами, достаточными для борьбы за владычество над Римом».[1]

О том, как пережили эти события Синопа и Амис, нам точно не известно, так как источники на этот счет молчат. Самое это умолчание говорит скорее о том, что их не постигли особые катастрофы, подобные тем, которые выпали на долю перечисленных выше четырех городов. Но, с другой стороны, вряд ли можно думать, чтобы их не коснулись денежные поборы и другие чрезвычайные мероприятия Брута и Кассия. В частности, весьма вероятно, что в составе сильного флота партии оптиматов, господствовавшего на море даже после битвы при Филиппах и частично перешедшего затем к Сексту Помпею, были и корабли Синопы и Амиса. На это как будто указывают слова Плутарха [2] о том, что Брут, переправившись в Азию, стал собирать флот под Кизиком и в Вифинии.

Победа цезарианцев при Филиппах (декабрь 42 г.) и гибель Кассия и Брута не принесли городам облегчения. Прибывший в 41 г. в Эфес Антоний был встречен населением, как избавитель от бед, как новый Дионис. «Население, — говорит Плутарх,[3] — назвало его Дионисом Харидотом и Мейлихием (т. е. подателем радостей и милостивым). Таковым он и оказался для отдельных лиц, для большинства же он был Дионисом Оместом и Агрионеем (т. е. кровожадным и свирепым)». В Эфесе перед собравшимися представителями греческих городов провинции Азии и близлежащих областей Антоний произнес речь,[4] в которой он

---

[1] Plut., Brutus, 32. Эта встреча произошла в Смирне в начале 42 г.
[2] Plut., Brutus, 32.
[3] Plut., Ant., 24.
[4] Plut., Ant., 24. — App., Bell. Civ., V, 4—6.

изображал себя снисходительным и милостивым: вместо того, чтобы жестоко покарать тех, кто поддерживал оптиматов, он ограничился легким наказанием — требованием уплаты такой же контрибуции, какую за год перед этим получили Брут и Кассий. Только убедившись в невозможности для городов собрать требуемую сумму, он пошел на небольшую уступку: контрибуция должна была равняться подати за 9, а не за 10 лет, и на выплату давалось два года, а не один.

Затем Антоний предпринял объезд Малой Азии. Останавливаясь в главных городах, он творил суд, взимал деньги и проводил реорганизацию управления. При этом он в корне изменил систему управления, введенную Помпеем и оставленную в силе Цезарем.[1] В то время как Помпей распределил большую часть территории Понта между городами, Антоний возродил и частично создал заново ряд зависимых от Рима царств, поставив во главе их угодных ему династов и даже подчинив последним некоторые города. Таким образом, он как бы частично вернулся к положению вещей, существовавшему на севере Малой Азии в эпоху эллинизма. В числе прочих царств Антоний возродил и царство Понтийское (40 г.), поставив во главе его Дария, сына Фарнака[2] и внука Митридата Евпатора, которого, однако, вскоре сменил Полемон из Лаодикеи.[3] Этот факт с предельной ясностью подтверждает исчезновение страха перед возможной оппозицией Риму в бывшем царстве Митридата. Пафлагония, в которую вошли между прочим понтийские города Неаполь и Помпейополь, была отдана династу Дейотару Филадельфу.[4] В некоторых греческих городах Малой Азии Антоний отменил самоуправление и водворил там тиранов. Это засвидетельствовано для Милазы, Тарса и Коса.[5]

Ничего не известно о положении Синопы после реорганизации, проведенной Антонием. Мы не знаем, вошла ли она в состав Пафлагонии или, что более вероятно, осталась самостоятельной, на положении италийской колонии. Что же касается Амиса, то он в эти годы вновь пережил потрясения и смуты, характер которых, однако, неясен. Страбон сообщает, что Амис, так же как и Амасея, были Антонием «переданы царям».[6] Тут же он добавляет, что Амис был приведен тираном Стратоном в печальное состояние, из которого его вывел Август, даровавший

---

[1] JC, стр. 167.
[2] App., Bell. Civ., V, 75.
[3] Dio Cass., XLIX, 25.
[4] CAH, X, стр. 34.
[5] SEHHW, стр. 1007 и сл.
[6] Strab., XII, 3, 14 и 39.

ему свободу после битвы при Акциуме. Это свидетельство Страбона толкуется различно.[1] Некоторые исследователи полагают, что Стратон был поставлен тираном в Амисе самим Антонием, подобно тому как это имело место в других вышеперечисленных греческих городах.[2] Однако вряд ли текст Страбона допускает такое толкование. Там говорится: Ἀντώνιος παρέδωκεν (Ἄμισον) βασιλεῦσιν, т. е. «царям», а не «царю». Возможно поэтому, что Страбон имел в виду Дария и сменившего его Полемона. Кроме того, следует заметить, что Страбон явно различает два своих свидетельства. Сообщив о передаче Амиса царям, он начинает следующую фразу словом εἶτα «потом», «после этого», т. е. после царей тиран Стратон привел Амис в плохое состояние. Таким образом, точная интерпретация текста Страбона говорит скорее в пользу того, что Амис был сначала отдан Антонием новым царям Понта — Дарию, а затем Полемону, после чего некий Стратон взял там власть в свои руки.

Во всяком случае годы пребывания Антония на Востоке были тяжелыми и смутными годами для греческих городов Малой Азии и в том числе для Амиса и Синопы. Чрезвычайные налоги и контрибуции, взимавшиеся Антонием особенно усиленно в период подготовки армии и флота для решительного столкновения с Октавианом, вновь довели города римских восточных провинций до нищеты. Надо думать, что и Синопа, несмотря на свое положение римской колонии, не избежала общей участи, так как Антоний при взимании контрибуций не делал различия между коренными жителями и переселенцами из Италии. Согласно рассказу Плутарха,[3] когда Антоний и Клеопатра находились на Самосе, непосредственно перед разрывом с Октавианом, приказано было всем царям, династам, тетрархам, народам и всем городам между Сирией и Меотийским озером, с одной стороны, и Арменией и Иллирией, с другой, свозить туда все заготовленное ими для войны. Синопе и Амису, как городам приморским, наверное, пришлось послать свои корабли в огромный флот, собранный тогда Антонием. Флот этот, как повествует тот же Плутарх,[4] состоял из 500 военных кораблей, из которых многие имели 7 и даже 10 рядов весел и были роскошно отделаны. Характерно, однако, что боеспособность

[1] См.: JC, стр. 427, где подробно разбирается данный текст Страбона.
[2] SEHHW, стр. 1007 и сл. В другой статье М. Ростовцева — «Цезарь и Херсонес» (стр. 18) проводится иная и, как нам кажется, более правильная точка зрения.
[3] Plut., Ant., 61.
[4] Plut., Ant., 67.

этих судов не соответствовала их размерам: они были плохо вооружены, и на них не было полного комплекта матросов. Возможно, что в этом отразилось истощение ресурсов городов как в средствах, так и в людях.

Таким образом, благосостояние Синопы и Амиса, которое, видимо, начало восстанавливаться в течение первых двух десятилетий их существования под римским владычеством, к к концу правления Антония пришло снова в полный упадок. Однако мероприятия, положенные в основу организации этих городов Лукуллом, Помпеем и Цезарем, успели доказать свою целесообразность и не были забыты за смутные годы гражданских войн. Победитель Антония Октавиан Август вновь обратился к ним, когда поручил Агриппе организацию римских восточных провинций; с некоторыми несущественными изменениями они оставались затем в силе в течение всего периода Римской империи.

Глава 12

ГОРОДА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭПОХУ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. РОЛЬ СИНОПЫ, АМИСА И ТРАПЕЗУНТА В РИМСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

Битва при Акциуме, положившая конец длительной междоусобной войне римлян, имела решающее значение и для римских восточных провинций. Правда, троекратное при Августе закрытие дверей храма Януса в Риме как символ прекращения войн полностью не оправдывалось событиями, но военные действия происходили теперь только на периферии империи, а на огромных пространствах римских владений, в Италии и большинстве провинций, после многих десятилетий, наполненных непрестанными потрясениями, теперь, наконец, водворилось спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. И для городов Южного Причерноморья, непосредственно втянутых в военные действия во время 3-й войны Митридата с Римом, затем при походе Фарнака в Малую Азию, а после того жестоко страдавших от частых смен верховных правителей и от непосильных поборов со стороны претендентов на единоличную власть в Риме, — для этих захиревших городских центров после победы Августа наступил длительный период глубокого мира. Почти три века длился период спокойствия, когда даже самая мысль о возможности новых военных катастроф казалась нереальной, и только в III в. н. э., с началом кризиса Римской империи, сопровождавшимся опустошительными нашествиями

варваров, достигавших и южного берега Черного моря, угроза войны приблизилась к городам, расположенным на этом побережье. Один из этих городов — Трапезунт — в 257 г. действительно стал добычей боранов и остготов.[1] Остальные крупные города юго-восточного побережья, видимо, отделались испугом, хотя в 264 г. готы опустошили Каппадокию и овладели частью ее городов,[2] а в 266 г. совершен был варварами морской поход в Гераклею Понтийскую, которая была захвачена и разграблена.[3] Не подвергаясь варварским набегам, без внешних потрясений, Синопа и Амис пережили кризис III в. н. э. и эпоху поздней римской империи, а затем таким же образом перешли под власть Византии.

Длительный мир, выпавший на долю городов юго-восточного Причерноморья после того, как они вошли в состав Римской империи, куплен был ценой полного отказа от политической самостоятельности. Как мы видели, зависимость этих городов от Ахеменидов в VI—IV вв. выражалась в формах, совместимых не только с полной внутренней автономией, но и с известной самостоятельностью в сношениях с внешним миром. Когда цари Понта наложили свою руку на приморские греческие города, положение последних сильно изменилось. Из автономных полисов Синопа и Амис превратились в столицы молодого царства, правители которого проводили политику объединения под своей эгидой всего Причерноморья, опираясь в значительной мере на ресурсы обоих названных городов. Подчинение Риму положило начало новому периоду в истории Синопы и Амиса. После консолидации Римской империи эти города утратили не только свою самостоятельность, но и ведущую роль, которую они играли при Митридатах, и превратились в колесики и винтики огромной государственной машины, созданной и управляемой Римом в целях расширения его владений и эксплуатации обширных завоеванных территорий. Это не значит, конечно, что интересующие нас города полностью утратили свой веками сложившийся уклад и свою культуру, но

---

[1] Зосим, I, 32, 33=SC, I, стр. 790—791 (см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 446 и сл.).

[2] В 264 г. варвары пришли с Боспора Киммерийского, повидимому, через Трапезунт в Каппадокию и Вифинию (Historiae Augustae Scripteres. Gallieni duo, § 11=SC, II, стр. 299).

[3] Historiae Augustae. Scripteres. Gallieni duo, § 12. В связи с набегами варваров стоит, может быть, находящееся на монетах Синопы времени Каракаллы и Геты изображение пленного варвара с завязанными за спиной руками (табл. II, *9*, а также: WBR, табл. XVIII, *5*, *9*) и римского императора, скачущего на коне и поражающего лежащего варвара (табл. II, *7*, а также: WBR, Suppl., Pl. II).

их экономика, социальный строй и государственное устройство получили теперь определенную направленность, связанную в первую очередь с общегосударственными интересами Римской империи. История греческих городов юго-восточного Причерноморья в первые века нашей эры неотделима, таким образом, от истории восточных римских провинций в целом, и в задачу исследователя входит определение той роли, которую сыграли эти города в проведении римской политики на востоке. Этой задаче и посвящена настоящая глава нашего исследования.

В первые же годы принципата Августа, а именно в начале 27 г. до н. э., римские провинции были поделены между сенатом и императором. Учрежденная еще Помпеем провинция Вифиния-Понт, в состав которой входили Синопа и Амис, отошла при этом к сенату.[1] Сенатской она оставалась затем в течение долгого времени и, по всей вероятности, лишь при Марке Аврелии перешла в управление императора, так как в 165 г. во главе ее стоит уже не проконсул-преторий, а легат Августа — legatus Augusti pro praetore, назначавшийся из консуляров.[2] При новом административном делении империи, проведенном Диоклецианом, Вифиния и Понт оказались во втором диоцезе Понтийском, управляемом викарием,[3] а при Константине как Синопа, так и Амис вошли в состав вновь учрежденной провинции, названной в честь матери императора Еленопонтом. При Юстиниане к Еленопонту были присоединены все города юго-восточного побережья Черного моря, вплоть до Трапезунта.[4]

---

[1] Dio Cass., LIII, 12. — Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 469.

[2] CIG, 4152d. — Luc., Pseudom., 58. — Digest., L, 2, 3, 2. — RE, s. v. Bitynia, Sp. 529 и сл.

[3] RE, s. v. Diocesis, Sp. 729 и сл.

[4] W. Ramsay. Historical Geography of Asia Minor, стр. 317 и сл. Переделы и перекройки территории бывшего Понтийского царства Митридатов между отдельными провинциями, а также распределение городов между отдельными союзами (κοινά) происходили и в течение I—III вв., отчасти в связи с аннексией Римом новых областей, отчасти по неясным для нас причинам (см.: V. Chapot. La frontière nord de la Galatie et les Koinas du Pont. Anatolian Studies presented to Sir W. M. Ramsay. Manchester Univ. Press., 1923, стр. 93 и сл.). Повидимому, еще в конце I в. до н. э. значительная часть Понтийского царства с городами Амасеей, Команой и Севастополисом-Гераклеополем была присоединена к провинции Галатии и стала именоваться Галатским Понтом — Pontus Galaticus. При Августе прибрежные части Понтийского царства, находившиеся к востоку от области Амиса, были отданы вассальному царю Полемону I, и к его владениям присоединена была также Колхида. После смерти Полемона, в 8 г. н. э., его вдова Пифодорида наследует азиатские владения своего мужа и, выйдя замуж за Архелая, царя Каппадокии и Малой Армении, расширяет подвластную ей территорию,

Причисление провинции Вифиния-Понт к провинциям сенатским означает сохранение там в принципе республиканской системы управления, возглавляемой проконсулом-претором, ежегодно посылавшимся сенатом. Видимость сохранения республиканских традиций, о чем, как известно, всегда особенно заботился Август, была, таким образом, налицо. Но это была только видимость, а фактически положение дел коренным образом изменилось.

включив в нее области Архелая. При Тиберии эта часть Понта, вероятно, была аннексирована Римом, однако Калигула в 38 г. вновь отдал ее в управление вассальному царю, внуку Полемона I и Пифодориды, Полемону II, отделив от нее Малую Армению, которая была подчинена брату Полемона II—Котису. В 64 г., при Нероне, Полемоновский Понт был окончательно аннексирован Римом; то же самое произошло и с Малой Арменией в 72 г., при Веспасиане. Трудности в определении границ отдельных областей и провинций на территории Понтийского царства Митридатов возникают в связи со сведениями, сообщаемыми Птолемеем. Географ Птолемей, живший в середине II в. н. э., не включает в состав Полемоновского Понта Керасунт и Трапезунт и говорит, что эти города принадлежали к Каппадокийскому Понту, а Абонутейх, Синопу и Амис он причисляет к Галатскому Понту (Ptol., V, 6, 1). С другой стороны, ряд надписей (CIG, V, 8660. — Dessau. Inscriptiones Latinae Selectae, №№ 1359, 1364, 9013) упоминает некий Pontus Mediterraneus — Понт Средиземный — название, не известное по литературным источникам и, очевидно, имеющее в виду область, не включавшую прибрежной полосы. Эти трудности и противоречия современные исследователи (WBR, стр. 4; JC, стр. 168 и сл.) разрешают следующим образом. К Средиземному Понту они причисляют все города, кроме Керасунта и Трапезунта, входившие в состав бывшего Полемоновского Понта и Галатского Понта, составлявших теперь единый κοινόν с центром в Неоцезарее. Обе эти провинции были слиты и образовали Средиземный Понт. Что же касается приморских городов, то названные ученые думают, что сведения Птолемея неверны. Основываются они при этом на том, что Синона и Амис несомненно принадлежали к провинции Вифиния-Понт еще в последние годы царствования Траяна, как это видно из переписки Траяна с Плинием, а для города Абонутейха это засвидетельствовано Лукианом (Luc., Alex., 57) для 167 г. В то же время из найденной в Гераклее надписи (IGR, III, 79), относящейся к концу II или началу III в., известно, что тогда существовал κοινόν 10 городов Понта. К этому союзу Рейнак и Джонс причисляют главные города побережья (от Халкиды до Трапезунта или Диоскуриады) и называют эту прибрежную область, пользуясь терминологией Птолемея, Понтом Каппадокийским. Если это так, то, следовательно, в конце II и в III вв. существовали два Понта: Средиземный, отдаленный от моря, и Каппадокийский, прибрежный, — положение вещей, напоминающее эпоху раннего эллинизма (см. главу 7). Во всяком случае в течение примерно двух веков после битвы при Акциуме Синопа и Амис входили в состав провинции Вифиния-Понт. По этим вопросам, кроме уже указанной литературы, см.: F. Cumont. 1) La Galatie maritime de Ptolemée. Revue des Etudes Grecques, XVI, 1903, стр. 25 и сл.; 2) Studia Pontica, III, стр. 2 и сл.

В 23 г. до н. э. Август, по постановлению сената, был облачен высшим империем (imperium maius) и тем самым фактически поставлен выше проконсулов, управлявших сенатскими провинциями.[1] Император имел теперь право вмешиваться в дела этих провинций, когда находил это нужным, и он широко пользовался этим правом при посредстве собственных представителей-наместников с неограниченными полномочиями и ответственных только перед главой государства.

Провинция Вифиния-Понт принадлежала к числу сенатских провинций, которые императоры никогда не выпускали из своего поля зрения. В течение I и II вв. туда постоянно направлялись особо уполномоченные представители императоров; к их числу относился и Плиний Младший, в письмах к Траяну живо описывавший обстановку, в которой протекала его деятельность. Из этой переписки мы узнаем между прочим, что полномочные представители посылались в Вифинию-Понт, правда, нерегулярно, от случая к случаю,[2] но во время исполнения своих обязанностей они располагали в сущности неограниченной властью, действуя согласно прямым инструкциям императора и вмешиваясь во все стороны жизни провинции. Причины, заставившие центральную римскую власть уделять столько внимания провинции, расположенной достаточно далеко от Италии и не имевшей особо важного значения с экономической точки зрения, связаны со стратегическим ее положением как ближайшего тыла, в некотором роде базы военных операций, проводившихся Римом в Закавказье и Парфии, а в начальные десятилетия империи также и в северном Причерноморье.[3]

Еще со времен Помпея обозначилось стремление Рима распространить свою власть за пределы Малой Азии, в Армению и Парфию. Поражения, понесенные Крассом и Антонием, только на время приостановили римскую экспансию на восток, и победоносная Парфия в свою очередь пыталась расширить свои владения в западном направлении. В этом столкновении двух могущественных держав Армения играла роль своего рода буфера, а иногда и трамплина, которым пытались завладеть обе стороны путем завоевания или дипломатическим путем, возводя на престол Армении угодных им ставленников. Дипломатическое давление и активное военное вмешательство во внутренние дела этого государства, военные походы Нерона, Флавиев и императоров II и III вв. на восток требовали надежного

[1] Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 396.
[2] Plin., Epist., X, 32.
[3] См.: А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э. — J. Sölch, Klio, XIX, 1925, стр. 161 и сл.

тыла, каким и стала Малая Азия, в частности ее северные районы и припонтийские города.

Здесь, не по самому берегу, который представлял в этом отношении непреодолимые трудности, а по долинам рек, тянущимся с запада на восток между горными цепями Северо-Анатолийских гор, пролегали во время римской империи две дороги, соединявшие Мраморное и Эгейское моря с Арменией и восточной границей империи.[1] Более северная из этих дорог шла от Византия и Никомедии через Сангарий на города Вифиниум и Кратейя, откуда она поднималась к северо-востоку до долины реки Амниады; следуя по течению этой реки, она достигала Галиса и направлялась далее через Фаземон к месту слияния Ириса и Лика, а затем по долине этой последней реки вплоть до Никополя. Второй путь шел вверх по Сангорию до Таттея, откуда он отклонялся на восток и, пройдя через Даблы и ряд других городов, достигал Анкиры. С конца I в. н. э. этот город стал важнейшим узлом дорог, где сходились пути, ведшие на северо-восток, к Понту Евксинскому, на восток, к границе империи, и на юг, к Цезарее и Киликийским воротам.

Северная дорога, наиболее близкая к городам южного Причерноморья, существовала еще при Митридатах. В I в. н. э., особенно со времени Веспасиана, она приобрела важное стратегическое значение. В Риме осознана была необходимость создания постоянной продовольственной базы для обслуживания армии и соответствующей системы путей сообщения, без чего военное вмешательство Рима в дела Востока не могло иметь успеха.[2] С этой целью при Нероне был аннексирован Полемоновский Понт, благодаря чему к Риму отошли и прибрежные районы от города Сиде-Полемониум до Трапезунта, а также значительный военный флот царя Полемона. Через порты юго-восточного Причерноморья, преимущественно через Трапезунт, армия Корбулона, действовавшая в Армении, в царствование

[1] О дорогах Малой Азии см.: J. A. Munro. Roads in Pontus. JHS, 1901, стр. 52 и сл. — Th. Broughton. Roman Asia. An economic Survey of ancient Rome, v. IV, 1938, стр. 862 и сл.; список найденных мильных камней см. на стр. 866 и сл.

[2] О римской экспансии в Закавказье см.: F. Cumont. L'Annéxion du Pont Polémoniaque et de la Petite Arménie. Anatolian Studies presented to Sir W. M. Ramsay, Manchester, 1923, стр. 109—119; М. И. Ростовцев. Новые латинские надписи. ИАК, 33, стр. 9 и сл.; А. И. Амиранашвили. Иберия и римская экспансия в Азии. ВДИ, 1938, № 4, стр. 161—173; W. Schur. Die Orientpolitik des Kaisers Nero. Beiheft Klio, № 15, 1923; О. В. Кудрявцев. 1) Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона. ВДИ, 1948, № 3, стр. 52—65; 2) Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона. ВДИ, 1949, № 3, стр. 46—62.

Нерона снабжалась хлебом и сушеной рыбой северного Причерноморья, транспортирование которых морем охранялось флотом.[1]

Широкая система транспорта и снабжения армии была разработана и осуществлена при императоре Веспасиане. Восточная граница империи проходила в это время от Самосаты вверх по Евфрату до Эризы (соврем. Эрдзижан) и далее на север до Черного моря через припонтийские горные цепи по линии, выходящей к морю несколько восточнее Трапезунта.

Вдоль своей восточной границы римляне не построили постоянного оборонительного сооружения — лимеса, вроде того, который охранял западную границу империи, а именно непрерывного рва с валом, укрепленного поставленными на некотором расстоянии друг от друга фортами — кастеллами. В лимесе на востоке не было необходимости, так как там имелись достаточно надежные природные заграждения в виде рек и высоких гор. Только на некоторых пунктах высились укрепленные сторожевые башни,[2] с которых можно было обозревать границу. Кроме того, для охраны последней, а также в виде постоянной угрозы Армении Веспасиан, после аннексии Малой Армении и Коммагены, учредил в непосредственной близости от границы два постоянных лагеря — местопребывание двух легионов. Один из этих лагерей находился в Мелитене, где с 70 г. и до поздних веков античности стоял XII легион (Fulminata).[3] Другой лагерь находился в Сатала, к северу от Эризы. Первоначально там, вероятно, стоял XVI легион (Flavia), учрежденный Веспасианом.[4] Но со времен Адриана и до V в. н. э. там пребывал XV легион (Apollinaris).[5]

---

[1] Tacit., Ann., XIII, 39.

[2] Ф. Кюмон дал подробное описание пограничного участка от Эризы до Трапезунта (Studia Pontica, II, стр. 328 и сл.). Он отметил здесь остатки нескольких фортов, расположенных на стратегически важных пунктах. Установить время, к которому относятся эти сооружения, ему не удалось, но он склонен считать их постройками V—VI вв., возведенными на месте более древних сооружений.

[3] RE, s. v. Legio, Sp. 1707. В Трапезунте найдена была посвятительная надпись, свидетельствующая о пребывании в этом городе вексилляции XII легиона под начальством центуриона (см.: CIL, III, Suppl. 6745).

[4] RE, s. v. Legio, Sp. 1765.

[5] RE, s. v. Legio, Sp. 1747. В Трапезунте найдена надпись врача (?) этого легиона (CIL, Suppl. 6747). Кюмон, посетивший Саталу, видел там значительные остатки крепостных сооружений и выросшего вокруг крепости города (Studia Pontica, II, стр. 343 и сл.). Он относит их ко времени Юстиниана, однако, по его словам, многое указывает на то, что крепость, построенная Веспасианом, находилась на том же месте. Об этом свидетельствует прежде всего местонахождение крепости, чрезвычайно выгодное со стратегической точки зрения, так как оттуда легко

Кроме лагерей и фортов при Веспасиане, очень скоро после аннексии Малой Армении и Коммагены, была построена легатом Каппадокии Помпеем Коллегой (в 76 г.) большая стратегическая дорога вдоль восточной границы империи, соединившая Трапезунт с Саталой, Мелитеной и Самосатой.[1] Эта дорога смыкалась и с большой северной дорогой, прорезавшей Малую Азию с запада на восток, от Византия и Никомедии до Никополя, так как при том же императоре эта последняя дорога была продолжена от Никополя до Эризы и Евфрата. Римляне неустанно расширяли и поддерживали как две главные магистрали, так и ряд других дорог, частично существовавших еще во времена Ахеменидов и Митридатов, частично сооруженных римлянами. Второстепенные дороги шли по большей части с севера на юг и соединяли порты Черного моря с пролегавшими по продольной оси Малой Азии большими магистралями. Вдоль этих дорог, основных и второстепенных, найдено значительное количество римских мильных камней с именами императоров от Веспасиана до Константина.[2] В горных местностях встречаются аналогичные придорожные надписи, высеченные на скалах.[3] Наконец сохранились и частично продолжают действовать до наших дней многие римские мосты, обеспечивавшие переправу через реки транспорту, следовавшему по дорогам. Все это красноречиво говорит о неустанных заботах римского правительства, направленных на сооружение и поддержание в северных районах Малой Азии густой сети путей сообщения, имевшей в первую очередь стратегическое, но также и торговое значение, последнее в связи с усиленной урбанизацией Малой Азии в I и особенно во II в. н. э. По общему плану эту сеть дорог можно сравнить с сетью улиц в городах, построенных по принципу шахматной планировки, где параллельные друг другу главные артерии перерезают город на всем его протяжении по длинной оси, а перпендикулярно к ним проложены также параллельные друг другу узкие улицы, пересекающие эти артерии и обеспечивающие циркуляцию по поперечному к глав-

---

было защищать вход в долину реки Лика, через которую открывался доступ в Каппадокию, и очень удобное в смысле снабжения крепости водой и продовольствием. Кроме того, в Сатале в большом числе находятся кирпичи с маркой «LEG. XV» или «LEG. XV. Ap.», которые ясно говорят о пребывании именно на этом месте XV легиона.

[1] Studia Pontica, II, стр. 343—351 (F. Cumont).

[2] Список мильных камней см.: Th. Broughton, ук. соч., стр. 866 и сл.

[3] L. Robert. Études Anatoliennes, стр. 291 и сл. — IGR, III, №№ 15 и 83.

ным улицам направлению. Передвижение огромных масс римских войск, перемещаемых с запада на восток при подготовке крупных военных операций в Армении и Парфии, происходило по большим магистралям Малой Азии. Поперечные дороги служили при этом для доставки им снаряжения и продовольствия, которое в значительной своей части поступало из северного Причерноморья через порты южного побережья. Последние приобретали, таким образом, важное значение передаточных пунктов снабжения армии и как таковые они неизбежно должны были находиться всегда под усиленным контролем со стороны римлян.

Для того чтобы обеспечить правильное функционирование всей этой сложной системы, необходимо было еще обезопасить плавание по Черному морю. С этой целью римляне провели в I и II вв. целый ряд мероприятий.

Остается еще невыясненным, к какому времени относится постройка в Синопе и Амисе больших молов, защищавших их гавани с востока.[1] В Трапезунте, по свидетельству Арриана, до царствования Адриана имелась только стоянка для судов, пригодная лишь в летнее время. Император Адриан, лично посетивший этот город, велел построить там гавань, которую Арриан видел уже готовой.[2] Это, конечно, еще повысило роль Трапезунта, который после аннексии его Римом в 63 г. получил status «свободного» города,[3] как порта снабжения римских войск в Закавказье. В память этого события воздвигнуты были на высоком холме, ограждавшем город с востока, алтари

---

[1] Синопский мол и сейчас еще виден под водой (см.: W. Hamilton. Researches in Asia Minor, I, стр. 286, а также план гавани Синопы, составленный русскими моряками в 70-х годах XVIII в., на нашем рис. 5). По мнению К. Леман-Хартлебена (K. Leman-Hartleben. Die antiken Hafenanlagen des Mittelmeeres. Klio, Bd. XIV, Beiheft, Leipzig, 1923, стр. 281), этот мол относится к византийской эпохе, так как его направление вполне согласуется с направлением византийских стен города. В Амисе можно видеть остатки двух молов, сложенных из больших блоков конгломерата (K. Leman-Hartleben, ук. соч., стр. 242 и сл.; Studia Pontica, II, стр. 113, карта X).

[2] Arr., Peripl., 24. Сомнения, высказанные Брандисом (Rhein. Mus., N. F., LI, стр. 122) в правильности сообщения перипла, были опровергнуты В. Руге (RE, s. v. Trapezous). В настоящее время можно еще наблюдать остатки мола при гавани (K. Leman-Hartleben, ук. соч., рис. XXXV). Мол образует полукруг, выдающийся в море примерно на 150 м. Вход в гавань находился не в середине мола, но был отодвинут немного на восток, так как самые опасные в этих местах ветры дуют с северо-запада и северо-северо-запада (рис. 37).

[3] Plin., Nat. Hist., VI, 4, 11: Trapezus liberum.

с начертанными на них надписями, храм Гермеса и статуя Адриана, указующая рукой на море.[1]

Помимо стихии кораблям, совершавшим плавание по Черному морю, угрожала еще большая опасность со стороны активизировавшихся в I в. н. э. пиратов, которые, согласно свидетельству Страбона и других авторов, обитали на восточном берегу Черного моря, к северу от Питиунта и, свободно разъезжая по морю на своих легких судах — камарах, нападали не только на корабли, но и на береговые районы и доходили даже до западного побережья Черного моря.[2] Чтобы защитить от них прибрежные селения и города, римляне возвели целый ряд укреплений на берегу моря и держали там свои гарнизоны. Вероятно, некоторые из этих укреплений, а именно те из них, которые находились между Амисом и Трапезунтом, построены были еще Митридатами, так как о них упоминает Страбон, называя их χωρία ἐρυμνά.[3] Это Сиде, Хабакта и Фабда. Хабакта даже чеканила свою монету при Митридате Евпаторе.[4] Плиний называет еще Castellum Tripolis между Фарнакией и Трапезунтом,[5] а Арриан φρούριον — Фадисака между Амисом и Полемониумом.[6] Арриан во время своей инспекторской поездки вдоль побережья от Трапезунта до Севастополиса-Дискуриады посетил целый ряд римских фортов и стоявшие там гарнизоны, иногда весьма значительные. Так, в Апсаре, в устье Чороха, стояло 5 когорт, т. е. половина легиона (от 2 до 3 тыс. человек), в крепости у устья Фазиса — «400 отборных воинов», в Севастополисе — значительный отряд всадников. Судя по надписи, найденной близ города Нолы в Италии, в которой упоминается заслуженный центурион Марций Плеторий Целер, служивший одно время начальником гарнизона в Понтийском Апсаре, римские гарнизоны понтийского побережья состояли частично из милиции (numeri), частично, вероятно, из вспомогательных

---

[1] Arr., Peripl., 1, 2. См. также главу 15, стр. 407 и сл., 410 настоящей книги. Русская археологическая экспедиция, работавшая в Трапезунте во время первой мировой войны, обнаружила там остатки греческой надписи на мраморной плите, встроенной в наличник двери храма богородицы златоглавой. Сохранилась лишь одна строка, в которой упоминается имя Адриана: «Адриану Августу трибунской власти»; это — древнейшая из известных греческих надписей Трапезунта (Изв. Акад. Наук, 1916, № 16, стр. 1474).

[2] Strab., XI, 2, 12. — Ovid., Ex Ponto, IV, 10, 25. — Plin., Nat. Hist., VI, 5, 16. Плиний сообщает о разграблении пиратами богатого города Пития (соврем. Пицунта).

[3] Strab., XII, 3, 16.

[4] WBR, стр. 104—105. См. также главу 7, стр. 187 настоящей книги.

[5] Plin., Nat. Hist., VI, 3.

[6] Arr., Peripl., 22.

войск.[1] В Трапезунте до восстания Аникета стоял отряд воинов, служивших ранее в войсках Полемона, а затем получивших римское гражданство и реорганизованных в когорты по римскому образцу.[2] Но после подавления восстания, судя по найденным в этом городе надписям, там находился гарнизон, состоявший из вексилляций XII и XV легионов, имевших постоянные лагери в Сатале и Мелитене на восточной границе империи.[3]

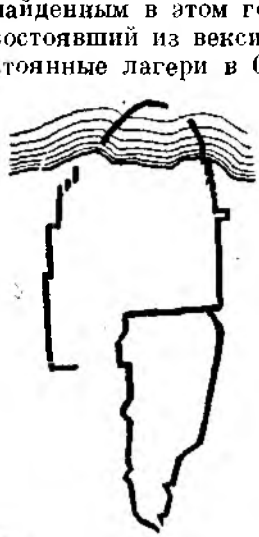


Рис. 37. План порта Трапезунта.

Следы некоторых из этих сооружений сохранились и до наших дней. Так, Ф. И. Успенский, возвращаясь в 1916 г. из Трапезунта в Батум, обратил внимание на остатки древней крепости, построенной на берегу моря, у устья Чороха, в 9 верстах к югу от Батума.[4] С большой долей вероятности он отождествил эти развалины с крепостью Апсаром, упомянутой Плинием и Аррианом. Ф. И. Успенский следующим образом описывает это строение: «В 9 верстах от Батума по направлению к Трапезунту внимание путешественника останавливает древнее сооружение, весьма хорошо сохранившееся. Это укрепление построено на устье Чороха, почти на самом морском берегу; северная сторона его составляет 255.5, а восточная 270 шагов, т. е. оно занимает площадь почти в 69 тысяч квадратных шагов или аршин. Стены построены весьма солидно, внизу толщина стены доходит до 3 аршин. Старая кладка, сохранившаяся в нижних частях, состоит из больших тесаных камней; верхняя же, очевидно, новая, сложена из мелкого камня, скрепленного цементом. На всех 4 сторонах в укрепление ведут ворота, которые защищены башнями с обеих сторон. Каждая сторона крепости снабжена двумя особыми башнями; кроме того, на каждом угловом повороте по башне. В последние с внутренней стороны ведут лестницы... В самой середине, где сохранилась турецкая постройка недавнего времени, заметны остатки более старых сооружений, о которых можно судить по неровностям

[1] CIL, X, 1, № 1202.
[2] Tacit, Hist., III, 47.
[3] CIL, III, Suppl. №№ 6745 и 6747.
[4] Ф. И. Успенский. Старинная крепость в устье Чороха. Изв. Акад. Наук, 1917, № 2, стр. 163 и сл.

почвы». Конечно, только подробное обследование крепости может решить вопрос о времени ее постройки. Однако весьма вероятно, что воздвигавшиеся на побережье в более поздние времена укрепления, вплоть до турецких, строились на местах более древних крепостей. Большое значение с этой точки зрения имеет находка в развалинах турецкой крепости близ Сухуми фрагмента латинской надписи, упоминающей императора Адриана и Флавия Арриана, автора Перипла.[1] По всей вероятности, то была строительная надпись, связанная с крепостным сооружением, воздвигнутым в Севастополисе-Диоскуриаде по приказу Адриана. Вероятно на месте римской крепости у устья Фазиса, описанной Аррианом, была впоследствии построена турецкая крепость, которую в начале XIX в. видел и подробно описал Дюбуа де Монтиерё.[2]

Римские гарнизоны, расставленные вдоль побережья, охраняли приморские поселения и города от набегов пиратов и от нападений со стороны незамиренных горных племен, еще во времена Арриана враждебно относившихся к чужеземным поселенцам.[3] Они же охраняли гавани и стоянки для судов и тем содействовали безопасности морских сообщений. Некогда небезопасное плавание от храма Зевса Урия в устье Боспора Фракийского вдоль северного берега Малой Азии до Трапезунта и Диоскурпады не представляло теперь больших затруднений, поскольку на пути имелись многочисленные стоянки для судов, охраняемые гарнизонами, и несколько хорошо оборудованных гаваней. Но только сильный флот был в состоянии обуздать пиратов и защитить корабли, особенно во время плавания по открытому морю, от их нападений. До аннексии царства Полемона Рим не располагал в Черном море постоянными военно-морскими силами. Но аннексия Полемоновского Понта повела за собой и передачу Риму довольно значительного флота, находившегося в распоряжении этого вассального царя.[4] При Нероне этот флот насчитывал 40 боевых единиц и 3000 человек экипажа.[5] При Полемоне постоянным местом стоянки его флота

---

[1] Записки Одесского общества истории и древностей, XXVII, Заседание 365, стр. 4—6. — ИАК, 33, табл. 1, стр. 12 (М. Ростовцев).

[2] ВДИ, 1938, № 2, стр. 309 и сл. Перипл Арриана разбирается в этой статье, озаглавленной «К исторической географии древней Колхиды», главным образом с точки зрения отождествления упомянутых в перипле пунктов с современными географическими названиями. Автор, видимо, не был знаком с упомянутым выше отчетом Ф. И. Успенского.

[3] Arr., Peripl., 15.

[4] Tacit, Hist., III, 47.

[5] Joseph Fl., Bell. jud., II, 367.

был Трапезунт.[1] С переходом к Риму понтийского флота радиус его действия расширился. В 69 г., во время восстания Аникета, который сам при Полемоне служил в его флоте, часть судов продолжала стоять в этой гавани, но лучшие корабли находились тогда в Византии, где они сражались на стороне Веспасиана против Вителлия.[2] Некоторые исследователи полагают, что Трапезунт продолжал, однако, оставаться главной морской базой понтийского флота и после перехода его к Риму.[3] И действительно, Трапезунт находился довольно близко от той части кавказского побережья, где укрывались пираты, за которыми должны были следить римские корабли. Но, с другой стороны, нельзя забывать о том, что в Трапезунте до 30-х годов II в. не было гавани, что сильно снижало его значение как морской базы. Поэтому нам кажется более вероятным, что римский понтийский флот базировался в Синопе, а не в Трапезунте, так как это было выгодно во многих отношениях. Там имелась прекрасная гавань, расположенная в середине морского пути вдоль южного Причерноморья и в конечном пункте морского перехода от южного берега Крыма. Отсюда военные корабли могли держать под надзором транспорты, переплывавшие Евксинский Понт по краткому морскому пути, отсюда им ближе было до Боспора Фракийского и Пропонтиды, которые, видимо, также входили в сферу действия флота. При Домициане он находился в Перинфе,[4] при Септимии Севере участвовал в осаде Византия,[5] при Каракалле мы находим его в Кизике,[6] а при Юстиниане вновь в Перинфе.[7] Подтверждением нашему предположению о Синопе как главной базе понтийского флота римлян может служить происходящая из этого города посвятительная надпись в честь наварха Гая Нумисия Прима.[8] Но даже если принять гипотезу Моммзена о Трапезунте как главной базе римского понтийского флота, роль крупных портов южного Причерноморья как опорных пунктов при крейсиро-

---

[1] Tacit., Hist., III, 47. См. также: А. И. Болтунова. Восстание Аникета. ВДИ, 1939, № 2, стр. 57 и сл.

[2] Tacit., Hist., III, 83.

[3] Th. Mommsen. Römische Geschichte, V, стр. 306. — RE, s. v. Classis, Sp. 26, 43 (Fibiger).

[4] A. Dumont. Inscriptions et monuments figurés de Thrace, стр. 36, № 72a.

[5] Dio Cass., 74, 12, 1.

[6] Dio Cass., 79, 7, 3. В Кизике найдено было надгробие префекта этого флота Криспина (см.: CIG, II, 36, 94).

[7] Procop., Bell. Vand., XII, 3.

[8] CIL, III, Suppl. 6980. См. стр. 366 и сл. настоящей книги. Надпись, к сожалению, точно не датирована.

вании судов вдоль северного побережья Малой Азии сама собой очевидна.

Впрочем, имеются основания полагать, что провинция Вифиния-Понт, ее приморские города и в первую очередь та же Синопа играли видную роль в проведении Римом своей политики не только в Закавказье и на Ближнем Востоке, но и в северном Причерноморье и особенно в Боспорском царстве.

Убедясь во время войны с Митридатом в крупном значении северного Причерноморья в качестве возможного источника ресурсов и базы для нападения на подчиненные им области, римляне считали необходимым следить за течением дел на Боспоре и придавать этому течению желательное для них направление путем выбора носителя верховной власти.[1] Однако Боспор в течение долгого времени стремился, и часто успешно, сбросить с себя римскую опеку, в чем он сильно отличался от зависимых царств Малой Азии. Многие правители Боспора в течение целого столетия после гибели Митридата Евпатора занимали престол вопреки желанию Рима или действовали наперекор римской политике. Посаженный на боспорский престол Помпеем Фарнак в удобную минуту открыто восстал против Рима. Его преемник Асандр воцарился против воли Цезаря и впоследствии, несмотря на свои независимые действия, получил признание вероятно через Антония, который не имел времени заняться Боспором и счел за благо согласиться с создавшимся там положением. Затем, уже при Августе, на Боспоре самовольно воцарился Скрибоний. Но после битвы при Акциуме обстановка изменилась: Рим не пошел теперь на компромисс, и Агриппа, уполномоченный Августа на Востоке, поручил Полемону, царю Понта, изгнать Скрибония и принять боспорский престол. Заметим мимоходом, что это распоряжение Августа лишний раз подчеркивает, как велика была происшедшая со времени Митридата Евпатора перемена в настроении населения Малой Азии и, в частности, греческих городов южного Причерноморья по отношению к господству Рима. Как нами указывалось,[2] уже во время Цезаря обнаружились ясные при-

---

[1] По этому вопросу см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 317 и сл.; В. Н. Дьяков. Пути римского проникновения в северное Причерноморье: Понт и Мезия. ВДИ, 1940, № 3/4, стр. 71 и сл.; Д. П. Каллистов. Политика Августа в северном Причерноморье. ВДИ, 1940, № 2, стр. 65 и сл.; Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 529 и сл., где указана и дальнейшая литература; Е. С. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, стр. 85 и сл.

[2] См. главу 11.

знаки установившегося взаимопонимания между римской властью и влиятельными социальными слоями греческих городов южного Причерноморья, что несомненно было одной из главных причин неудачи попытки Фарнака восстановить царство своего отца во всем его объеме. Цезарь был так уверен в покорности населения областей бывшего царства Митридатов в Малой Азии, что после капитуляции Фарнака отпустил его на свободу. Немного времени спустя Антоний сам возрождает Понтийское царство в Малой Азии уже как надежную опору Рима на Востоке. Наконец Август идет еще дальше: он пытается воссоздать Понтийское царство в его расширенных, как при Митридате Евпаторе, границах, с обширными владениями не только в Малой Азии, но и на северном Причерноморье, посадив на престол Боспора вассального Риму царя Понта Полемона. Этот смелый план, ставивший Боспор в прямую зависимость от Рима, натолкнулся, однако, на сопротивление. Боспорцы не пожелали принять римского ставленника. Они сами умертвили Скрибония и воспротивились появлению Полемона на Боспоре. Тогда Агриппа стал готовить военную экспедицию против непокорных, и только эта угроза заставила последних подчиниться и принять Полемона в качестве царя. Интересно, что переговоры с Боспором, а затем и подготовку военного вмешательства Агриппа вел, находясь в Синопе (в 14 г. до н. э.).[1] Совершенно так же, как во времена экспедиции Диофанта, Синопа, очевидно, и при Августе служила главным опорным пунктом и базой для предполагавшегося похода в северное Причерноморье. Эту роль она, надо думать, выполняла и впоследствии, по крайней мере до того времени, когда Фракия при Тиберии стала зависимым от Рима царством, а затем при Клавдии (46 г.) превратилась в римскую провинцию. С этих пор военное вмешательство Рима в дела северного Причерноморья производилось уже силами легионов и военно-морских подразделений, базировавшихся в Мэзии, как это впервые произошло при подавлении восстания Митридата VIII на Боспоре в 44/45 г. н. э.[2] Однако известная связь между политикой Рима на Боспоре и римскими правителями провинции Вифиния-Понт наблюдается и в это и в последующее время. Одним из полководцев, предводительствовавших римскими войсками в экспедиции против Митридата VIII, был Гай Юлий Аквила, вероятно уроженец Вифинии, впоследствии назначенный прокуратором провинции Вифиния-Понт,[3] а другому прокуратору этой про-

[1] Dio Cass., LIV, 24.
[2] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 327 и сл.
[3] RE, s. v. Julius, № 81.

винции, Юнию Цилону, было поручено привести пленного Митридата VIII в Рим.[1] Когда Плиний Младший состоял правителем той же провинции Вифиния-Понт, в начале второго десятилетия II в. н. э., тогдашний царь Боспора Савромат I вел сношения с Римом через Плиния: посольства и гонцы, направляемые Савроматом в Рим, снабженные личными письмами Савромата к Плинию, ехали через Вифинию, и Плиний предупреждал Траяна о предстоящем прибытии этих посольств, снабжал их подорожными и иногда задерживал их, когда это требовалось обстоятельствами.[2] Еще во второй половине II в. боспорский царь Тиберий Юлий Евпатор (154—170 гг.) отсылал дань римскому императору через правителя Вифинии Луция Лоллиана Авита.[3]

Из всего сказанного достаточно ясно выступает особо важное значение провинции Вифиния-Понт и, в частности, входивших в ее состав приморских городов для осуществления римской политики на Востоке, как в Закавказье, так и в северном Причерноморье. В течение нескольких столетий эти города выполняли функции опорных пунктов и тыла римской восточной армии и римского понтийского флота. Через них по морю и суше шло снабжение войск в Закавказье и в северных районах Малой Азии; они служили базами для военных действий в Черном море и рассматривались в Риме как необходимое звено в организации и эксплуатации восточных провинций и дальнейшей экспансии Рима на восток. При этих условиях совершенно понятно особое внимание, уделяемое этой провинции и городам юго-восточного Причерноморья римским правительством, внимание, выразившееся в даровании городам особых льгот с целью привлечения их на свою сторону и в то же время в неусыпном и особо строгом над ними контроле из боязни выхода их из повиновения.

Об экономических условиях, в которых жили Синопа и Амис в I—III вв., о их социальном укладе, государственном устройстве и культуре мы будем говорить в особых главах настоящей работы. Здесь ко всему сказанному о роли, отводимой городам юго-восточного Причерноморья в римской политике на Востоке, мы присоединяем несколько синопских надписей, представляющих интерес для характеристики взаимоотношений между римской властью и Синопой.

---

[1] RE, s. v. Junius, № 66. О наградах, полученных Аквилой и Цилоном в связи с этими операциями, см.: Tacit., Ann., XII, 21.

[2] Plin., Epist., X, 63, 64, 67.

[3] Lucian., Alex., 57. Об Авите см.: RE, s. v. Lollianus, № 3.

С этой точки зрения знаменателен тот факт, что из примерно 70 надписей, найденных до сего времени в Синопе и ее окрестностях, 12 представляют собой посвящения в честь римских императоров, членов их семей и крупных должностных лиц, направляемых в Синопу с определенной миссией. Посвящения воздвигнуты по большей части городом, а не частными лицами.

1. Rob., № 36, стр. 309 и сл. Надпись вырезана на большом блоке сероватого мрамора — очевидно постаменте для статуи, встроенном в настоящее время в северную городскую стену Синопы, около главных ворот. Высота его 0.98 м, ширина 0.49 м.

Γάϊον Μάρκιον
Κηνσωρίνον
πρεσβευτήν,
καίσαρος τὸν
κηδέμονα τῆς
πόλεως ὁ δῆμος.

«Гая Марция Цензорина, легата Цезаря, благодетеля города (посвятил) народ».

О Гае Марции Цензорине сохранилось довольно много сведений.[1] Известно, что он был консулом в 8 г. до н. э., затем проконсулом в Азии, где он и умер во 2/3 г. н. э. Поскольку он управлял провинцией Азией, то Синопа не была подчинена ему непосредственно. Но Цензорин выполнял поручения Августа и вне границ подвластной ему провинции.[2] Надо полагать, что Цензорин направлен был Августом со специальной миссией также и в Синопу, после чего, по постановлению народного собрания, ему была воздвигнута в этом городе статуя.

2. IGR, III, 94 (Rob., № 37; RA, 1916, стр. 335, № 4). Постамент для статуи из красного мрамора. В настоящее время он встроен в стену мечети Kepheli-Djami.

Ἀγριππείναν Γερ
μανικοῦ Καίσαρος
ὁ δῆμος.

«Агриппину (жену) Цезаря Германика (посвятил) народ». Тацит сообщает,[3] что Германик был послан Тиберием на Во-

[1] См.: RE, s. v. Marcius, № 44.

[2] См.: Joseph Fl., Antiquit., 16, 6, 2. Кроме надписи в честь Цензорина, найденной в Пергаме (Altertümer von Pergamon. Die Inschriften, Bd. VIII, Berlin, 1890, № 422), сохранилась еще такая же надпись из Милазы в Карии.

[3] Tacit., Ann., II, 53, 54.

сток в 18 г. н. э. Германика сопровождала его жена Агриппина. «Движимые желанием посетить древние, прославленные места, — рассказывает Тацит, — они достигли узкого места Пропонтиды» (т. е. Боспора Фракийского). На обратном пути они заезжали на Самофраку, в Илион и в города Азии. Судя по рассказу Тацита, Германик и Агриппина не были в Синопе. Но римский историк тут же сообщает, что они оказали помощь провинциям, истощенным внутренними распрями (имеются в виду междоусобные войны конца Республики) и несправедливостями магистратов (т. е. римских провинциальных властей). Надо думать, что во время пребывания Германика и Агриппины на Востоке Синопа, как это было в то время в обычае, направила к ним посольство с каким-то ходатайством и что Агриппина чем-то «облагодетельствовала» Синопу, за что ей и была поставлена статуя.

3. CIL, III, Suppl. № 12220. Латинская посвятительная надпись, начертанная на разбитой колонке, вмурованной в крепостную стену Синопы. Это — посвящение в честь Антонина Пия. Надпись содержит титулатуру императора. Так как Антонин Пий назван там консулом в четвертый раз, то посвящение относится к 145 г. н. э. В конце надписи буквы «P. P.», которые могут быть расшифрованы как «Pater Patriae», «Pecunia Publica» или «Poblice Positus». Следовательно, возможно, что и это посвящение было воздвигнуто городом Синопой.

4. CIL, III, Suppl. № 6978=239. Латинская посвятительная надпись, вырезанная на круглой каменной базе.

Divo·Anto
nino·Divi
Antonini Pii·F·
C·J·F·

Посвящение (вероятно, статуя императора), воздвигнутая в честь Марка Аврелия, следовательно между 161 и 180 гг. н. э. Посвятителем является Colonia Julia Filix, т. е. город Синопа.

5—8. Четыре латинские надписи, вырезанные на четырех архитектурных фрагментах, относящихся, повидимому, к одному зданию, посвященному римским императорам Марку Аврелию, Луцию Веру и Коммоду.

5. CIL, III, Suppl. № 12221. Начало посвятительной надписи в честь Марка Аврелия, вырезанной на фрагменте колонны, найденной в Синопе, близ дома русского консульства. Сохранились имена и часть титулов императора.

6. CIL, III, Suppl. № 12222. Часть такой же надписи в честь Марка Аврелия, начертанной на камне, вмурованном в западную стену цитадели Синопы.

7. CIL, III, Suppl. № 12219. Часть такой же надписи в честь Луция Вера. Надпись начертана на фрагменте антаблемента, украшенного букраниями и гирляндами, найденном в Синопе, около юго-западной стены цитадели.

8. CIL, III, Suppl. № 6977-238. Длинная посвятительная надпись в честь Коммода, вырезанная на большом куске эпистилия, найденном в стене Синопы. Сильно фрагментированная надпись содержит, как и предыдущие надписи, только имена и титулы императора. Она относится, повидимому, к 181 или 182 г.

9. CIL, III, Suppl. № 6981-240. Фрагмент латинской надписи, начертанной на части колонны, найденной в Синопе, близ мечети.

num Severum
um · consular
D· D·

Вероятно посвящение одному из Северов, воздвигнутое по постановлению декурионов (членов совета) Синопы (D. D. — Decurionum Decreto).

10. CIL, III, Suppl. № 6979. Фрагмент большого камня, происходящего, по словам местных жителей, из эдикулы. На нем сохранилась средняя часть 14 строк латинской надписи. Содержание надписи не поддается восстановлению. Повидимому, это эдикт четырех императоров — Галерия, Лициния, Максимина и Константина, изданный в связи с вражескими нашествиями и предписывающий какие-то мероприятия против них в провинциях.

К этим надписям следует еще прибавить два плохо сохранившихся и не поддающихся датировке фрагмента.

11. CIL, III, Suppl. № 14402c. Надпись найдена в Синопе. В первой строке сохранились буквы «SARI» («Caesari»), во второй — «cen».

12. Rob., № 74. Обитый со всех сторон кусок местного камня, найденный в $2^1/_2$ часах пути на восток от Синопы.

Imp] era[tori
]cae[
]Pontius[
]sacerd[
sacrum.

Посвящение какому-то римскому императору, повидимому от частного лица, скорее всего жреца (sacerdos). Робинзон, основываясь очевидно на имени «Pontius», предполагает, что посвятителем был раб. Однако буква «P» в этом слове неясна, и, кроме того, в строке могли находиться как преномен, так и когномен.

Глава 13

ПРОИЗВОДСТВО И ТОРГОВЛЯ

В предыдущих главах мы старались выяснить большое значение Синопы и Амиса как крупных центров производства и торговли Причерноморья.[1] Как известно, установление и консолидация Римской империи способствовали росту производства в римских провинциях, что, в свою очередь, вместе с другими создавшимися в первые века нашей эры условиями — безопасностью перевозок, широким развитием международных сношений и т. д. — привело к оживлению торговли, продолжавшемуся вплоть до кризиса III в. н. э.

Нет оснований сомневаться в том, что эти общие условия благоприятно отразились и на экономической жизни Синопы и Амиса, производство и торговля которых в I—III вв. пережили новый период подъема. Это видно прежде всего из широких связей, в основном несомненно торговых, поддерживаемых в это время Синопой и Амисом в Причерноморье, Малой Азии и во всей восточной половине Средиземноморья от Италии до Передней Азии. Что касается отраслей производства, с давних пор процветавших в Синопе и Амисе, то они, повидимому, очень скоро возродились после потрясений, пережитых в I в. до н. э., и продолжали снабжать экспортную торговлю этих городов прежними товарами. Однако наряду с этим в хозяйственной жизни Синопы и Амиса под главенством Рима обнаружились и новые явления, на которых мы и сосредоточим наше внимание в настоящей главе.

Значительное изменение в экономику Синопы и Амиса внесло расширение их территорий. Цари Понта, в их стремлении к централизации управления государством, оставили городам лишь незначительные земельные наделы.[2] Помпей в этом отношении круто порвал с традицией времен Митридатов и при организации провинции Вифиния-Понт наделил города большими территориями. После некоторых колебаний римской политики в не-

[1] См. главы 4, 8 и 9.
[2] См. главу 7, стр. 189 и сл.

реходный период Август возродил мероприятия Помпея, которые затем продолжали оставаться в силе и при его преемниках. Римская власть руководилась при этом практическими соображениями. Не обладая развитым бюрократическим аппаратом, она стремилась возложить на города ответственность за сбор налогов, сняв эти функции с римской администрации.[1] Поэтому в эпоху империи, после ликвидации вассальных царств, учрежденных в Малой Азии Помпеем, почти вся территория бывшего Понтийского царства была поделена между городами старыми и вновь учрежденными, и эти города стали центрами весьма значительных земельных округов.

За неимением достаточных указаний можно только догадываться о размерах территорий Синопы и Амиса, приписанных к ним Помпеем. Для времени Августа в этом отношении мы располагаем довольно подробным описанием южного Причерноморья в Географии Страбона. Страбон ведет описание с запада на восток, начиная от Боспора Фракийского.[2] Перечисляя населенные пункты, расположенные по берегу моря к востоку от мыса Карамбиса, он называет Кинолис, Антикинолис, Абонутейх и Армену,[3] и только о последней он говорит, что это деревня (κώμη) синопейцев, обладающая гаванью. Остальные перечисленные Страбоном города и поселения находились в его время, следовательно, за пределами западной границы области Синопы. Где именно проходила эта граница, остается неясным. К тому же в текст географа здесь, видимо, вкралась ошибка. Страбон перечисляет названные поселения в приведенном выше порядке, согласно которому город Абонутейх находится восточнее Кинолиса и Антикинолиса. Между тем ряд древних периплов помещает Кинолис и Антикинолис восточнее Абонутейха.[4] Город Абонутейх, переименованный еще в древности в Ионополь, находится на месте современного турецкого города Инеболи, на расстоянии от Синопы примерно в 120 км по прямой линии. Город Кинолис помещался на месте современного города Гинолу,[5] а о местоположении Антикинолиса известно только, что он отстоял от Армены на 510 стадий, т. е. примерно на 90 км.[6] О западной границе области Синопы можно,

---

[1] Н. А. Машкин. История древнего Рима, стр. 463. — JC, стр. 157 и сл.
[2] Strab., XII, 3, 2 и сл.
[3] Strab., XII, 3, 10.
[4] Pomp. Mela, I, 19. — Anon., Peripl., 20.
[5] RE, s. v. Kinolis.
[6] Arr., Peripl., 20—21.

следовательно, сказать только, что она проходила где-то между Кинолисом и Арменой, отстоящей от Синопы на 8—9 км.

Точного определения восточной и южной границ Синопитиды Страбон также не дает, но на основании его текста можно по этому поводу высказать довольно вероятные предположения. После описания города Синопы Страбон продолжает свой рассказ:[1] «Отсюда недалеко до устья реки Галиса». Далее следует описание течения Галиса, начиная от его истоков, после чего, прежде чем перейти к областям к востоку от этой реки, Страбон как бы снова возвращается назад и окидывает взглядом всю Синопитиду. Он говорит: «Как Синопитида, так и вся гористая местность вплоть до Вифинии, расположенная над описанными прибрежными местностями, богата корабельным лесом, прекрасным и расположенным удобно для перевозки (εὐκατακόμιστον). В Синопитиде произрастает также клен и горный орех, из которых делают столы, и вся обработанная земля, что находится немного выше моря, засажена оливковыми деревьями». На этом кончается описание Синопы и ее территории, и далее следует рассказ об областях к востоку от Галиса. Получается впечатление, что восточной границей Синопитиды служило нижнее течение Галиса. И это тем более вероятно, что в перипле Арриана, составленном, правда, через 100 с лишним лет после Географии Страбона, Галис определенно называется рекой пограничной между Синопитидой и Амисеной.[2] Если этот вывод правилен, то в таком случае область Синопы простиралась вдоль изогнутой линии морского берега примерно на 100 км, а может быть, и значительно больше, если принять во внимание неопределенность западной границы. С другой стороны, из приведенных слов Страбона явствует, что Синопитида включала не только полуостров Инжебурун и низменную прибрежную полосу земли, но также и горные районы, т. е. часть цепей Северо-Анатолийских гор. На какое расстояние простиралась территория Синопы в глубь материка, в точности определить невозможно, однако у того же Страбона сохранилось указание, что Синопитида соприкасалась с районом горы Олгас.[3] Отсюда можно сделать вывод, что протяженность ее в этом направлении равнялась примерно 50 км. После реорганизации, произведенной при Августе, согласно этим приблизительным расчетам, территория Синопы, следовательно, простиралась по

[1] Strab., XV, 3, 12.

[2] Arr., Peripl., 22. Здесь сказано: «Река Галис в том месте, где она вливается в Понт, разграничивает область Синопы от области амисенцев».

[3] Strab., XII, 3, 40.

берегу моря более чем на 100 км и, по крайней мере местами, она захватывала внутренние районы на глубину до 50 км. В нее входили как приморская низменность, так и горные местности.

Еще более определенные сведения дает Страбон о территории Амиса. «По ту сторону устья Галиса, — говорит он, — находится Газелонитида, которая простирается до Сарамены».[1] Как видно из следующего параграфа Географии, в Сарамене расположен был город Амис, и эта область, следовательно, составляла часть Амисены. Расстояние от Амиса до устья Галиса равняется около 60 км по берегу моря. Часть этой приморской территории принадлежала Сарамене, другая — Газелонитиде, так как последняя область, судя по описанию Страбона, примыкала к устью Галиса и, следовательно, к морю. Газелонитида от моря распространялась довольно далеко вглубь материка. Город Газелон, от которого область получила свое название, отождествляется с современной Бафрой[2] — городом, отстоящим от берега приблизительно на 40 км. Во времена Страбона часть Газелонитиды принадлежала Амису, а другая часть, отданная Помпеем Дейотару Галатскому, затем неоднократно переходила от одного местного царька к другому. Остается неясным, какая часть Газелонитиды принадлежала Амису, а какая — местным царькам. Наиболее вероятным нам представляется, что Амис владел приморской частью Газелонитиды, а царьки — отдаленной от моря. В таком случае западная граница Амисены проходила по Галису, и эта река служила границей между областями Синопы и Амиса, как это было впоследствии, во времена Арриана.[3] Страбон называет Газелонитиду плодородной равниной (πάμφορος), особо отмечая разведение там мягкорунных овец и наличие редкого в других местах животного — газели.

Восточная граница области Амиса определяется Страбоном довольно точно.[4] Он кратко описывает область Сидену и перечисляет ряд укрепленных пунктов на ее побережье: Сиде, от которой область получила свое название, Хабакту и Фабду. «До этого пункта, — говорит он, — простирается Амисена». Местонахождение этих поселений, правда, в точности не уста-

---

[1] Strab., XII, 3, 13.

[2] RE, s. v. Gadilon.

[3] Arr., Peripl., 22. Джонс (JC, стр. 171 и сл.) предлагает иное решение этого вопроса. Он полагает, что западная, примыкающая к Галису часть Газелонитиды не принадлежала Амису во время Страбона, а что впоследствии Амис получил ее от Полемона II в обмен на Сидену, в которой на месте города Сиде Полемон основал город Полемоний.

[4] Strab., XII, 3, 16.

новлено, но из текста Страбона[1] можно с большой долей вероятности вывести заключение, что они находились между долиной Фермодонта и мысом Ясонием, недалеко от последнего. В таком случае территория Амиса с запада на восток по прямой линии в направлении морского берега занимала примерно 150 км, а поскольку береговая линия тут очень извилиста, то фактически она имела гораздо большее протяжение.

Южную границу Амисены установить труднее,[2] но из того же описания Страбона ясно, что местами по крайней мере она отстояла от моря на значительное расстояние, причем в область Амисену входили также две вдающиеся в горы равнины — Фемискира и Сидена и, вероятно, часть этих гор. Из упомянутых двух равнин особым плодородием славилась Фемискира, подробно описанная Страбоном.[3] Орошаемая двумя полноводными реками — Фермодонтом и Ирисом, она не знала засухи и неурожаев. Тучные пастбища давали возможность выращивать стада рогатого скота и табуны коней. Часть земли засеивалась разными сортами проса, а местности, расположенные у подножья гор, покрыты были культивированными и дикими фруктовыми деревьями — яблонями, грушами, виноградом и орешником. В этих лесах водилось также много всякой дичи. Долина Фермодонта еще в глубокой древности пользовалась громкой славой как родина легендарных амазонок и место, в котором находилась их столица Фемискира. Амис эпохи Римской империи особо гордился обладанием этой долиной и при Септимии Севере даже выпускал монеты с изображением реки Фермодонта[4] (табл. III, *15*).

Амис в эпоху Августа обладал, следовательно, весьма значительной и богатой территорией, где, правда, повидимому, на сравнительно небольших участках, сеялись хлебные злаки, процветало садоводство, а также скотоводство и коневодство.

Едва ли не впервые за всю многовековую историю Синопы и Амиса эти города оказались центрами столь обширных и богатых территорий. В ранние века своего существования они,

---

[1] Ср. также: Strab., XII, 3, 17 (описание побережья к востоку от Амиса).

[2] О границах Амисена см. статью Ф. Кюмона в «Revue des Etudes grècques» (XIV, 1901, стр. 33 и сл.).

[3] Strab., XII, 3, 15.

[4] WBR, стр. 85, № 108; стр. 87, № 112. По свидетельству П. А. Чихачева (Памятники древности в Малой Азии. Тр. Вост. отд. Археол. общ., СПб., 1856, стр. 273), долина Фемискира и в настоящее время «страна чудная, покрытая превосходными лесами, но совершенно необитаемая в течение лета по причине пагубного влияния болот, в ней находящихся».

возможно, располагали значительными территориями, но не подлежит сомнению, что последние все же были гораздо более ограниченными, чем во времена Страбона. Установленный Помпеем и закрепленный Августом порядок в отношении земельных владений Синопы и Амиса удержался, видимо, на долгое время. Во всяком случае в 30-х годах II в., судя по периплу Арриана, морская граница области Амиса почти полностью совпадала с описанием Страбона. Может быть, существовал только некоторый прирост на западе за счет отхода к Каппадокии такой же примерно площади на востоке.[1]

В жизнь Синопы и Амиса включились, таким образом, новые сравнительно обширные области с негреческим населением. Наши источники, к сожалению, не дают нам никаких прямых указаний на формы эксплуатации этих земельных участков. Имеются только указания косвенные, на основании которых позволительно высказать некоторые предположения, но выяснить этот вопрос в целом не представляется возможным. Как мы увидим ниже,[2] городу Синопе со времени вывода туда Цезарем колонии италиков дарован был Римом статус италийского права, одной из прерогатив которого было, при условии фиксации этого пункта в договоре с Римом, квиритское право на землю. В этих случаях земля юридически считалась собственностью граждан, а не арендованной ими собственностью римского народа.

Подтверждением такого именно положения дел в Синопе при Августе может служить текст Страбона, касающийся италиков, переселившихся в Синопу. Им, по его словам, принадлежала часть города и его территории νυνὶ δὲ καὶ Ῥωμαίων ἀποικίαν δέδεκται καὶ μέρος τῆς πόλεως καὶ τῆς χώρας ἐκείνων ἐστί.[3]

Другая часть территории Синопы и Амиса, надо думать, считалась общественным достоянием, как это было в других провинциях Малой Азии. Весьма вероятно также, что на их землях находились императорские имения, но никакого бесспорного документального подтверждения этого предположения мы пока не имеем.[4] Наконец, небольшими земельными

---

[1] См. выше, стр. 328, прим. 3.

[2] См. стр. 358.

[3] Strab., XII, 3, 11. Интересно отметить, что среди надписей, найденных в окрестностях Синопы, встречаются надписи латинские. Так, в местечке Кумнети, в $1^1/_2$ часах езды к востоку от Синопы, Робинзон обнаружил саркофаг с надписью: L. Erennius Pompeianus ann. XXVI (Rob., № 72). Может быть, то был член италийской колонии Синопы, владелец земельного участка.

[4] Об императорских имениях в провинции Вифиния-Понт см.: ВПРИ, стр. 80. Одна из надписей Синопы (Rob., № 61) упоминает прокура-

участками, возможно, владели храмы. Однако нет оснований предполагать существование на территории Синопы и Амиса таких храмовых хозяйств с обширными земельными владениями, обрабатываемыми иеродулами, т. е. храмовыми рабами, какие, по словам Страбона,[1] находились в соседней Комане.

О формах эксплуатации территорий Синопы и Амиса мы ничего не знаем. Здесь возможны только догадки главным образом на основании аналогий с другими городами Малой Азии и некоторых косвенных указаний источников. Весьма вероятно, что пригородные земельные участки Синопы, которые, согласно описанию Страбона, были отведены под великолепные огороды и фруктовые сады,[2] представляли собой наделы мелких земельных собственников, обрабатываемые собственными силами при помощи домашних рабов. В каких размерах применялась рабская сила в крупных поместьях и на территории, принадлежавшей городу, не известно. Надо полагать, что главная масса непосредственных производителей состояла, однако, не из рабов, а из мелких арендаторов. На это, может быть, намекает одно из писем Плиния к Траяну, где речь идет о порядке взыскания городами Понта денег за аренду.[3] Наиболее веским аргументом в пользу этого предположения служат соображения общего характера. Часть вновь приписанных к Синопе и Амису территорий, как, например, долина Фемискиры, славившаяся своим плодородием, была густо заселена местными жителями, которые вели здесь хозяйство в течение многих веков, вероятно еще на общинных началах.[4] Не сохранилось никаких указаний на порабощение этого населения, и надо думать, что присоединение его к административному управлению в городах принесло с собой распад общинного владения землей и переход к иным формам землепользования. Судя по аналогиям, такой формой стала аренда. Бывшие общинники сделались мелкими арендаторами городской, вероятно и частновладельческой земли,[5] находившимися в той или иной степени зависимости от города, помещика, а возможно, и крупных арендаторов, не

тора, но нельзя с уверенностью сказать, что речь идет об императорском прокураторе, а не о простом агенте.

[1] Strab., XII, 3, 34.

[2] Strab., XII, 11.

[3] Plin., Epist., X, 108. Возможно, конечно, что дело идет здесь об аренде на городские строения.

[4] Недалеко от Синопитиды, в области Амасеи, находилась плодородная равнина, носившая название χιλιόκωμον, т. е. «Равнина тысячи деревень».

[5] См.: ВПРИ, стр. 64.

обязательно греков,[1] разбивавших свою землю на участки и сдававших их в аренду мелким арендаторам.

В каких конкретных условиях протекал на территориях Синопы и Амиса процесс превращения мелких арендаторов в полузависимых и зависимых, прикрепленных к земле наследственных колонов, — об этом нам ничего не известно. По доступным нам материалам можно только проследить, как мы увидим в следующей главе, другую сторону этого социального процесса — образование сословия наследственной служилой аристократии, сословия декурионов, привилегированное положение которого основывалось на крупной собственности и главным образом на собственности земельной. Кроме того, наступление кризиса III в. ознаменовалось в Синопе, а также в Амисе прекращением выпуска монет, и хотя имеются сведения о внешней торговле, которую вели эти города при Диоклетиане,[2] в основном хозяйство их очевидно стало в это время замкнутым, натуральным. Образование сословия декурионов и переход к натуральному хозяйству — неотъемлемые признаки основных социально-экономических сдвигов, которые наблюдаются в восточных провинциях Римской империи в первых веках нашей эры и непременным условием их является образование крупных поместий, обрабатываемых зависимыми, прикрепленными к земле непосредственными производителями, и надо полагать, что те же явления в тех или иных формах наблюдались и в интересующих нас городах.

Несколько больше, чем о формах эксплуатации земли, приписанной к Синопе и Амису, мы знаем о сельскохозяйственных продуктах, там добывавшихся.

Расширение территории создало условия для развития сельского хозяйства в бо́льших размерах, чем это было возможно в прежние века. Есть основания полагать, что известный рост сельскохозяйственного сектора в экономике обоих городов действительно имел место в это время за счет плодородных равнин, впервые вошедших в состав их территорий. Возросло земледелие и, в частности, хлебопашество. О panicum как любимой еде понтийцев говорит Плиний.[3] Страбон же прямо указывает на долину Фемискиру, где можно было сеять разные сорта проса — λέλυμος и κέγχρον — в неограниченном

---

[1] Лукиан (Lucian, Alex., § 9) говорит о пафлагонцах, живущих около Абонутейха и ставших приверженцами пророка Александра, что «это люди по большей части суеверные и богатые».

[2] ВПРИ, стр. 77.

[3] Plin., Nat. Hist., XVIII, 101: Ponticae gentes nullum panico praeferunt cibum.

количестве.[1] Страбон, как мы видели, говорит также об обширных плантациях оливы в Синопитиде, о великолепных садах и огородах в ближайших окрестностях Синопы и о прекрасных пастбищах в Фемискире и Газелонитиде, дававших возможность разводить рогатый скот, табуны коней и тонкорунных овец. Что же касается виноградарства, то в этой отрасли сельского хозяйства, видимо, не наблюдалось особого подъема и в первые века нашей эры. Страбон ничего о нем не говорит,[2] молчат и другие источники. Изображения Диониса и виноградной кисти среди монетных эмблем также не особенно часты.[3] Видимо, и в эту эпоху производство вина занимало лишь второстепенное место в хозяйстве Синопы и Амиса.

Подъем сельского хозяйства в Синопе и Амисе нашел отражение и в монетных эмблемах этих городов. Богиня Деметра, до этого времени не изображавшаяся на монетах Амиса, теперь появляется там в качестве одной из наиболее популярных эмблем, и, что особенно показательно, на союзных монетах Амис—Милет и Амис—Никея эта богиня даже олицетворяет собой Амис[4] (табл. III, *12* и *13*). О монетах Амиса времени Септимия Севера с изображением реки Фермодонта, протекающей через Фемискиру, мы уже говорили. Среди эмблем на монетах Синопы обращают на себя внимание монеты времени Калигулы, Нерона и Домициана, на которых изображена пахота на волах[5] (табл. II, *8*). Не следует, однако, преувеличивать значение подъема сельского хозяйства и, в частности, хлебопашества в хозяйстве Синопы и Амиса. Вновь вошедшие в состав территорий этих городов районы в большей своей части представляли собой горные местности, мало пригодные для земледелия. Зерновые культуры могли развиваться лишь в двух-трех плодородных равнинах (Фемискира, Сидена, Газелонитида) и на узкой прибрежной полосе земли. Поэтому нет оснований думать, будто Синопа и Амис превратились в крупных производителей хлебных злаков. Возможно, что они в большей степени могли теперь удовлетворять собственные потреб-

---

[1] Strab., XII, 3, 15; см. также XII, 3, 38, где область Фаземон, прилегавшая с юга к Синопитиде и Амисене, называется σιτοφόρος, т. е. «хлебородная».

[2] Страбон (Strab., XII, 3, 30), правда, называет εὔοινος — долину Фанарою, но эта последняя была расположена к югу от Северо-Анатолийских горных цепей и не входила в состав Синопитиды или Амисены.

[3] Кисть винограда встречается на монетах Амиса времени Веспасиана, но лишь в качестве второстепенной эмблемы, на аверсе, рядом с портретом императора (WBR, Amisos, № 74).

[4] WBR, Amisos, №№ 130 и 130A.

[5] WBR, Sinope, №№ 93, 98 и 103.

ности в этих продуктах, и это позволило им сравнительно легко, без крупных потрясений, перенести длительный кризис III в., когда расстроилась международная торговля,[1] однако едва ли они могли экспортировать хлеб в сколько-нибудь значительных количествах.

Из сельскохозяйственных культур в Синопитиде попрежнему на первом месте стояла маслина, о чем очень ясно свидетельствуют вышеприведенные слова Страбона,[2] согласно которым вся обработанная полоса земли, расположенная несколько выше линии берега, от Галиса до полуострова Инджебурун была в его время засажена оливковыми деревьями.[3] Другими словами, посадки тянулись на десятки километров, и даже если обработанная полоса земли не была широкой, то все же плантации олив Синопитиды были столь грандиозны, что они могли иметь в виду только широкий экспорт, а никак не одно местное потребление.[4] Экспорт оливкового масла предполагает производство тары для этого продукта, т. е. дальнейшее функ-

[1] ВПРИ, стр. 84.

[2] Strab., XII, 3, 12.

[3] О широком развитии производства масла свидетельствует и значительное количество каменных гирь для давления масла, найденных в Понте; см.: Studia Pontica, I, стр. 14 и сл.; JHS, XVIII, 1898, стр. 209 (Paton); ср. A. C. Drachmann. Ancient oil mills and presses. København, 1932. Такие же гири применялись в винодельнях Боспора (см.: В. Ф. Гайдукевич, МИА, № 25, стр. 132 и сл.). Их устройство свидетельствует о сравнительно развитой технике прессования.

[4] В связи с приведенным свидетельством Страбона возникает вопрос о давности описанных им насаждений оливы. Ведь если правильны наши соображения о размерах территории Синопы при Митридатах, то необходимо сделать вывод о том, что та часть Синопитиды, в которой, по словам Страбона, расположены были плантации оливы, не принадлежала Синопе, когда этот город был столицей Понтийского царства. Здесь возможны два истолкования. Либо виденные Страбоном обширные насаждения были сравнительно недавнего происхождения, будучи заложены только после перехода этих областей к Синопе, т. е., по всей вероятности, после организации провинции Вифиния-Понт Помпеем. Это само по себе вполне возможно. Однако с этим плохо согласуется то обстоятельство, что широкий экспорт Синопой масла начался во всяком случае не позже середины IV в. до н. э. и вряд ли мог питаться одними пригородными насаждениями, о которых также говорит Страбон (Strab., II, 1, 15). Поэтому мы предпочитаем другое объяснение, которое сводится к тому, что местное население будущей области Синопы уже занималось разведением оливы, когда данная территория еще не принадлежала этому городу, так же как это имело место в долине Фанарое, не входившей в состав Синопитиды или Амисены (Strab., II, 1, 15). Культура оливы могла развиваться там местными жителями ввиду большого спроса на сырье для выделки масла со стороны Синопы, куда местные жители сбывали этот продукт. Когда же область отошла к Синопе, то разведение оливы продолжалось на тех же землях и теми же людьми, которые теперь арендовали земельные участки у города.

ционирование керамического производства, которое было так широко развито в Синопе в IV—I вв. до н. э. Так как обычай клеймения амфор прекращается во всем античном мире в начале I в. до н. э., то исчезают и синопские амфоры с именами астиномов. Однако характерные особенности синопской глины позволили выдвинуть в последнее время ряд предположений о принадлежности некоторых видов керамических изделий, находимых в северном Причерноморье и датируемых I в. до н. э. — III в. н. э., синопской керамической мастерской.

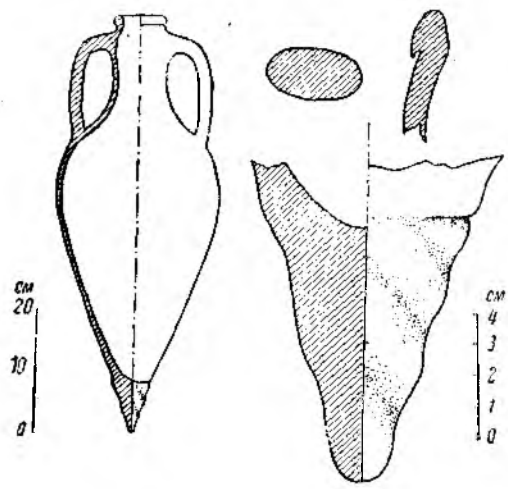


Рис. 38. Синопская амфора (I в. до н. э.—I в. н. э.)

В одной из своих работ, посвященных изучению керамической тары и кровельной черепицы, И. Б. Зеест обращает внимание на ряд неклейменых изделий южного Причерноморья, относящихся к интересующему нас сейчас периоду и находимых в большом количестве на территории Боспорского царства.[1] К Синопе И. Б. Зеест определенно относит тип остродонной амфоры с острой конической ножкой, вылепленной от руки, с винтообразными на ней бороздками, распространенный повсеместно на Боспоре в I в. до н. э.—I в. н. э. (рис. 38).[2] В дальнейшем, ссылаясь на наблюдения Т. Н. Книпович,[3]

[1] И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем, стр. 106—116.

[2] Там же, стр. 112 и сл., рис. 5.

[3] Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». Сб. «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 151.

И. Б. Зеест склоняется к приписанию синопским мастерским некоторых типов светлоглиняных амфор II—IV вв., встречаемых на Боспоре также в массовом количестве.[1] Наконец к тому же производственному центру И. Б. Зеест предположительно относит и светлоглиняную черепицу римского времени, также хорошо известную по находкам на Боспоре.[2] Одновременно с указанной статьей И. Б. Зеест появилось в печати высказанное В. Ф. Гайдукевичем предположение о том, что так называемые узкогорлые амфоры римского времени принадлежат Синопе (рис. 39).[3] Тот же автор высказался и за синопское происхождение одного типа лутериев, находимого в римских слоях в северном Причерноморье (рис. 40).[4] Все приведенные здесь соображения советских ученых заслуживают полного внимания. В частности, опознание синопской тары римского времени для оливкового масла и вина, находимой на северном Причерноморье в очень большом количестве, прекрасно согласовалось бы с отмеченными Страбоном огромными насаждениями оливы в Синопитиде. Надо надеяться, что синопские амфоры римского времени подвергнутся в дальнейшем детальному изучению и точной регистрации по местам находок, что позволит составить ясное представление о вывозе масла и вина из Синопы и после прекращения обычая клеймить керамическую тару. По этому вопросу пока можно только привести наблюдения И. Б. Зеест, которые сводятся к тому, что, «начиная с рубежа нашей эры и вплоть до III века продукция южнопонтийских центров полностью господствует на Боспоре. Этот импорт начинает затухать во II—III вв. н. э., в связи с изменениями в эконо-

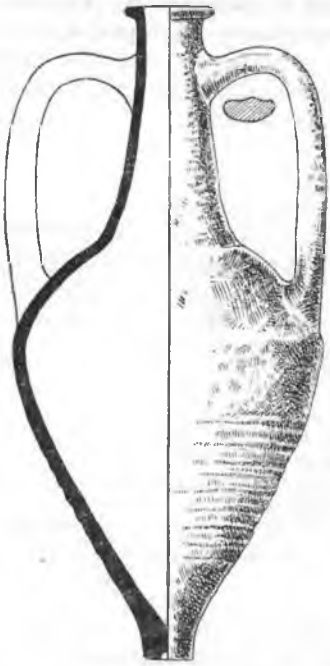


Рис. 39. Синопская узкогорлая амфора.

[1] И. Б. Зеест, ук. соч., стр. 115.
[2] Там же, стр. 116.
[3] ВДИ, 1951, № 2, стр. 190.
[4] МИА, № 25, стр. 201.

мике Боспора и сокращением его внешних торговых связей, и резко прекращается в середине III в. н. э., в результате нашествия готов».[1]

Говоря о ремеслах, существовавших в Синопе и Амисе в первые века нашей эры, следует еще упомянуть, что в надпи-

Рис. 40. Синопский лутерий.

сях этих городов упоминаются кузнец, литейщик бронзы и камнетес. Происходящие из Амиса и Синопы памятники скульптуры свидетельствуют о существовании там скульпторов по камню. Работали в этих городах, видимо, и ювелирные мастерские. Обильные серии бронзовых монет удостоверяют наличие там мастеров монетного дела. Об этих памятниках мы будем говорить подробнее в главе 15.

---

[1] И. Б. Зеест, ук. соч., стр. 116.

Мы не будем останавливаться здесь на других, уже известных нам продуктах Синопы, как то: соленой рыбе, корабельном лесе, деревянной мебели, поскольку приводившиеся нами в своем месте свидетельства древних авторов в своем большинстве относятся к римской эпохе и могут служить подтверждением тому, что экспорт этих товаров продолжался и в первые века нашей эры.[1] Особо следует упомянуть только о некоторых растениях, произраставших на приписанных теперь к Синопе и Амису территориях, из которых в древности приготовлялись лекарства и яды.[2]

В Понте в диком виде росла лакрица,[3] которую Плиний считал лучшей после киликийской. Тот же писатель называет еще гелиант — лист мирта, растущего в Фемискире;[4] амонион, т. е. кардамон, из которого приготовляли очень распространенный в древности бальзам;[5] азарум — дикий нард — в древности лечебное средство против истерии и колик;[6] аристолохию (Aristolochia rotunda L.), иначе кирказон, корень которого имеет целебные свойства;[7] абсинтиум — вид полыни[8] и скордион — растение с запахом чеснока.[9]

Несмотря на то, что районы Трапезунта, Керасунта и Котиоры, с давних времен служившие основной сырьевой базой для синопской торговли железом, были теперь отторгнуты от Синопы, металл продолжал, повидимому, поступать в этот порт, как и прежде, и попрежнему вывозился оттуда на внешние рынки. Другими словами, Синопа продолжала и при римском владычестве оставаться главным транзитным портом юго-восточного побережья Черного моря.

Кроме железа из прибрежных районов, расположенных далее на восток, через Синопу вывозились и другие продукты. Месторождения серебра в стране халибов в римскую эпоху, правда, видимо, уже иссякли,[10] но возможно, что добыча меди

---

[1] Следует только отметить, что с отходом к Амису Газелонитиды, славившейся мягкорунными породами овец, в этом городе, повидимому, развилось производство шерстяных изделий. В эдикте Диоклетиана о ценах упоминаются понтийские ковры (CIL, III, 1942, 19, 19).

[2] Verg., Ecl., 8, 94.

[3] Plin., Nat. Hist., XXII, 24.

[4] Plin., Nat. Hist., XXIV, 165.

[5] Plin., Nat. Hist., XII, 49. Ср.: Феофраст. Исследование о растениях, 1951, стр. 543

[6] Plin., Nat. Hist., XII, 47.

[7] Plin., Nat. Hist., XXV, 95; Феофраст. Исследование о растениях, стр. 525.

[8] Plin., Nat. Hist., XXVI, 91; XXVII, 45.

[9] Plin., Nat. Hist., XXV, 63.

[10] Strab., XII, 3, 19.

или латуни еще продолжалась.[1] Понтийский мед и воск пользовались широкой известностью и в эпоху Римской империи, так как о них неоднократно упоминают как Страбон, так и Плиний.[2] Вероятно через Синопу и Амис экспортировалась на запад и вишня, обильно произраставшая в окрестностях города Керасунта. Согласно свидетельству Плиния,[3] римляне впервые познакомились с вишнями через римского полководца Лукулла во время войны с Митридатом. В том названии, которое получили эти плоды на латинском языке, — cerasi — запечатлялось имя города, из окрестностей которого они происходили.

Продолжали поступать в Синопу для дальнейшего следования по морю в другие порты и некоторые продукты, добывавшиеся в Анатолийском хинтерлянде. Что касается знаменитой красной краски, добывавшейся в Каппадокии и в прежние времена вывозившейся через Синопу, то вывоз ее во времена Страбона производился, очевидно, уже через другие порты.[4] Подтверждение сообщению Страбона можно усматривать в том обстоятельстве, что изготовлявшаяся, повидимому, в Синопе черепица этого времени, о которой мы говорили выше, в отличие от черепицы того же происхождения IV—III вв. до н. э. не покрывалась красной краской.[5]

Источники римского времени называют ряд камней, в том числе полудрагоценных, находимых в Каппадокии и Понте, а частично даже на территории Амиса. Это алебастр,[6] phengitis,[7] берилл,[8] хризэлектр,[9] оникс,[10] опал и яшма,[11] голубая, зеленая и красная. В Понте добывались также квасцы, которые могли применяться, в частности, для окрашивания шерсти.[12] Некоторые из этих минеральных богатств обрабатывались на месте и использовались как украшения оружия, другие (речь идет

---

[1] Plin., Nat. Hist., VII, 197.

[2] Strab., XI, 2, 17; XII, 3, 18. — Plin., Nat. Hist., IV, 11; XI, 59; XII, 3; XV, 65; XXI, 74, 77, 83.

[3] Plin., Nat. Hist., XV, 25.

[4] Strab., XII, 2, 10. См. главу 4, стр. 79 и сл.

[5] М. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем, стр. 116.

[6] Plin., Nat. Hist., XXXVI, 61.

[7] Plin., Nat. Hist., XXXVI, 163.

[8] Plin., Nat. Hist., XXXVII, 79.

[9] Plin., Nat. Hist., XXXVII, 127.

[10] Strab., XII, 2, 10.

[11] Plin., Nat. Hist., XXXVII, 84, 130. Необходимо помнить, что древние названия цветных камней не соответствуют названиям современным.

[12] Plin., Nat. Hist., XXXV, 183, 184.

о больших кусках прозрачного камня) шли на экспорт.[1] Из Понта вывозилась также смола.[2]

Каппадокия и Пафлагония были источником еще одной чрезвычайно важной в экономике античного общества статьи экспорта — рабской рабочей силы. Говоря о торговле Синопы и Амиса в классическую и эллинистическую эпохи, мы уже останавливались на этом вопросе и, в частности, старались показать значительность экспорта рабов при Митридатах через остров Делос. Для первых веков нашей эры мы располагаем интересными сведениями по данному вопросу, из которых вытекает, что деятельность Синопы и Амиса в этом направлении продолжала быть весьма оживленной. Поставив перед собой задачу выяснить, из каких источников черпалась рабская сила, доставлявшаяся в Италию во время поздней республики и империи, немецкий исследователь Банг[3] проанализировал надписи и литературные источники и пришел к выводу, что $^{2}/_{5}$ всех рабов Италии, происхождение которых поддается определению, вывозилось из Малой Азии — Фригии, Вифинии, Каппадокии, Понта и Пафлагонии.[4] Портами отправления для рабов, вывозившихся из Каппадокии, Понта и Пафлагонии, были, надо полагать, в основном Синопа и Амис,[5] роль которых в этой отрасли торговли была, следовательно, весьма значительной.

Обзор материальных ресурсов, которыми обладали Синопа и Амис в первые века нашей эры, и тех отраслей производства, которые процветали там в это время, показывает, что необходимые предпосылки для возрождения под римским владычеством прежней широкой внешней торговли этих городов были налицо. Рим не препятствовал, а поощрял рост производительных сил и торговли в подвластных ему провинциях, и совокупность этих условий дала новый расцвет торговой деятельности Синопы и Амиса в первые века нашей эры.

---

[1] Strab., XII, 2, 10.

[2] Plin., Nat. Hist., XII, 72; XIV, 128.

[3] M. Bang, ук. соч., стр. 223 и сл. В этой статье собраны ценные данные, полученные в результате просмотра большого количества источников. Необходимо, однако, подчеркнуть, что общие взгляды автора на пригодность или непригодность тех или иных племен и народностей к рабству совершенно неприемлемы, так как в них отразилась теория расизма. По вопросу о вывозе рабов из Малой Азии см. также: RE, s. v. Sklaverei, Suppl. 6.

[4] M. Bang, ук. соч., стр. 248.

[5] W. Ramsay. Asianic elements in greek civilisation, 1927, стр. 119, прим. 2. Этот автор также полагает, что портами отправления рабов из Каппадокии были Синопа, Амис и Трапезунт. Рабы из Понта вывозились и в Египет (см.: Berliner griechische Urkunden, III, 937, 9).

Определение стран, куда направлялись товары Синопы и Амиса в первые века нашей эры, встречается с некоторыми затруднениями, связанными с двумя обстоятельствами. Во-первых, керамическая тара этого времени, которая с большой долей вероятности приписывается Синопе, не подвергалась еще столь детальной регистрации по месту находок, как клейменая тара эпохи эллинизма. Поэтому сейчас невозможно учесть, в какие порты Причерноморья преимущественно вывозилось синопское масло и вино, и от нашего внимания ускользают также возможные колебания в развитии этого экспорта в разные периоды. Во-вторых, значительно меньше сведений об экспорте дают теперь монеты. Синопа и Амис, как и другие города Малой Азии в первые века нашей эры, выпускали только медную монету (о небольших выпусках серебряных монет Амиса см. ниже, стр. 343), предназначенную исключительно для удовлетворения потребностей внутреннего рынка и имевшую хождение только в области каждого отдельного города, к тому же лишенную определенного номинала.[1] Во внешней торговле эти монеты роли не играли, и потому нельзя ожидать сколько-нибудь значительных их находок за пределами областей выпускавших их городов. Положение меняется в конце II и в III в., когда серебряная монета как императорского, так и провинциального чекана деградирует и постепенно выходит из обращения, а ее место начинает занимать городской медный чекан, который становится более полновесным, причем на монетах теперь обозначается определенный номинал.[2] Медные монеты городов начинают теперь встречаться в областях, отдаленных от места чекана, и для этого времени они служат надежным указанием на торговые связи. Указанные общие положения справедливы и по отношению к Синопе и Амису. Для изучения внешних торговых связей первых двух веков нашей эры монеты не дают никакого материала, являясь в то же время ярким показателем развития торговли на внутреннем рынке.

В качестве главного источника сведений о торговле Амиса и Синопы в первые века нашей эры остаются, таким образом, надписи, найденные в различных странах и упоминающие эти города или их граждан. Количество таких надписей невелико, кроме того, не все они обязательно говорят о связях торговых. Считая, однако, что культурное общение между городами очень

---

[1] ЗАМ, стр. 53. — RE, s. v. Münzwesen, Sp. 488 (Regling).
[2] RE, s. v. Münzwesen, Sp. 489.

часто развивалось на почве торговых интересов, мы включили в наш обзор и эти надписи.[1]

Интересные данные об общем подъеме торговли в первые века нашей эры в Малой Азии дают малоазийские монеты.[2] В течение этого периода там наблюдается огромный рост городского чекана, который зависит прежде всего от увеличения числа городов, чеканивших собственную монету. В I в. до н. э. собственную монету выпускало 140 городов Малой Азии, в I в. н. э. — 173 города, во II в. — 270 городов, в III в. — 295 городов. Кроме того, монеты каждого выпуска со временем становились многочисленнее, судя по количеству дошедших до нас экземпляров отдельных серий. В этих явлениях сказалась быстрая урбанизация Малой Азии, развитие ее производительных сил и внутренней торговли. Отчасти, по мнению Боша, в этом отразилась и деградация серебряного императорского и провинциального чекана. С оживлением торговли в Малой Азии связано также появление в большом количестве союзных монет, выпускавшихся совместно двумя или тремя городами. Это явление, вызывавшееся часто сакральными причинами, обычно приводило к укреплению торговых связей.

Наряду с ростом монетного обращения в некоторых городах Малой Азии наблюдается и прекращение выпуска монет еще до наступления общего монетного кризиса III в. Девять городов прекращают свой чекан в I в. и 16 городов во II в. н. э., в том числе и такой богатый в прошлом город, как Родос. Кроме того, ряд городов выпускает свою монету не непрерывно, а с промежутками, от случая к случаю. Синопа и Амис принадлежат к городам, чеканившим монеты систематически, вплоть до середины III в., и притом во все увеличивавшихся количествах. Это бесспорно говорит об их хозяйственном росте в течение интересующего нас периода, об оживлении их торговли на

---

[1] Что касается Трапезунта, то этот город, как и в предшествующие времена, не вел самостоятельной сколько-нибудь значительной внешней торговли, а вывозил свои товары через посредство Синопы и Амиса. Это можно вывести из полного отсутствия надписей, происходящих из других стран и упоминающих граждан Трапезунта (см. стр. 72). Монеты Трапезунта, выпуск которых после длительного промежутка (с IV в. до н. э.) возобновился при Траяне и кончился при Филиппе Младшем, за одним исключением не обнаружены в отдаленных от Трапезунта местностях. Исключение составляет монета, найденная в Дура-Ейропос (см. ниже, стр. 346), куда она легко могла быть завезена случайно, так как путь в Переднюю Азию из понтийских стран шел через Трапезунт. Экспорт другого города побережья — Керасунта, выпускавшего свою монету от времени Адриана до Александра Севера, находился, видимо, в таком же положении, как и экспорт Трапезунта.

[2] C. Bosch. Die Kleinasiatischen Münzen. AA, стр. 422 и сл.

внутреннем рынке как следствии втягивания в товарооборот обширных сельских местностей, входивших теперь в состав их областей.

Амис начал чеканить свою монету очень скоро после захвата города римлянами, а именно в 61 г. до н. э.[1] Последний известный нам выпуск амисских монет относится к 253 г. В течение трех веков Амис, как и большинство других городов Малой Азии, выпускал монеты двух типов: во-первых, медные монеты неопределенного номинала с портретами римских императоров на лицевой стороне и, во-вторых, в меньшем количестве, медные монеты «квази-автономные», без изображений императоров и с эмблемами, имеющими прямое отношение к самому городу.[2] Кроме того, в виде редкого исключения из общего правила, установленного для греческих городов в эпоху империи, при Адриане и Антонинах Амису был разрешен выпуск серебряных монет (табл. III, *17*). Номинал их не поддается точному определению, и качество их серебра низкопробно.[3] Легенды на монетах Амиса неизменно составлены на греческом языке. Амис выпускал и союзные монеты трех типов. Это, во-первых, монеты, символизирующие союз Амиса с Римом, — указание на статус Амиса как союзного города. Первая серия монет этого типа выпущена была во второй половине I в. до н. э.[4] В дальнейшем они чеканились также при Траяне, Адриане и Септимии Севере.[5] Значение данного союза несомненно политическое. Второй тип союзных монет Амиса знаменует союз Амиса с Милетом (табл. III, *12*). Эти монеты были выпущены в 236/37 г.,[6] при императоре Максимине, портрет которого помещен на лицевой стороне монеты. На аверсе — изображение Аполлона, символизирующее Милет, и Деметры с колосьями в руке, символизирующей Амис. Легенда Ἀμισοῦ ἐλευθερᾶς. Ἀμισηνῶν. Μιλησιῶν и буква ο-ὁμόνοια. Этот тип союзных монет, может быть, указывает на торговые связи между Амисом и Милетом, но возможно, что тут имели значение и давнишние религиозные связи.[7] Третий тип союзных монет Амиса — это монеты Амис—Никея, выпущенные при императоре Максимине (табл. III, *13*). На лицевой стороне помещается портрет Максимина, на реверсе — Деметра с ко-

---

[1] См. стр. 294.
[2] ЗАМ, стр. 72.
[3] WBR, стр. 53; Amisos, №№ 79—108.
[4] См. стр. 294.
[5] WBR, Amisos, №№ 45, 46, 75, 83a, 112a.
[6] WBR, Amisos, № 130.
[7] См. главу 8, стр. 230.

лосьями в руке — символ Амиса и Афина-Паллада — символ Никеи.[1] По поводу этих последних монет Бош высказал очень интересные предположения, сводящиеся к тому, что поводом для их выпуска были оживленные торговые сношения, завязавшиеся между Амисом и Никеей в первой половине III в. Исходит он из следующих соображений. Среди монет Никеи встречаются медные монеты начала III в., на реверсе которых изображен бог Сангарий — олицетворение одной из крупных рек Вифинии, впадающей в Черное море.[2] Иногда на протянутой вперед правой руке бога помещается корабль, иногда у его ног виден нос корабля. Другими словами, эти монеты подчеркивают значение реки Сангария и движущихся по реке судов, привозящих и увозящих товары. У Страбона сохранились сведения о том, что Сангарий был судоходен от устья до впадения в него реки Галла.[3] Из этих наблюдений Бош делает вывод, что в начале III в. движение судов по Сангарию было весьма значительным. Товары шли по Мраморному и Черному морям и по Сангарию вплоть до устья Галла, откуда они сухим путем доставлялись в Никею, на что требовалось не более 4 часов. Примерно через 25 лет после выпуска описанных монет Никеи были выбиты союзные монеты Никеи и Амиса. Не сохранилось никаких сведений о культовых связях между этими городами, и поэтому Бош приходит к выводу, что поводом для выпуска этих монет были оживленные торговые связи, осуществлявшиеся по водному пути — Черному морю и Сангарию.

О сношениях Амиса с городами западных районов Малой Азии свидетельствуют еще три надписи. Одна из них относится к самому началу изучаемого периода. Место ее находки — Пергам.[4] Надпись начертана на мраморной плите от постамента, на котором, вероятно, стояла статуя Августа. Этот император в надписи назван спасителем и основателем города. Статуя и надпись были сооружены гражданами Амиса и их согражданами римлянами.[5] Вторая надпись была найдена близ города Нотиона в Ионии.[6] Ее содержание связано не с торговыми, а с религиозными сношениями между Амисом и знаменитым святилищем Аполлона в Кларосе, куда Амис в 132 г. направил теорию. Наконец в самом Амисе было найдено надгробие

---

[1] WBR. Amisos. № 130a.
[2] G. Bosch, ук. соч., рис. 5 и стр. 438 и сл.
[3] Strab., XII, 3, 7.
[4] IGR, IV, 314=Altertümer von Pergamon, VIII, 2, стр. 514.
[5] Об этой последней формуле см. стр.356, прим. 2.
[6] OGIS³, № 530.

с эпитафией некоего Гераклида, сына Кларосa из города Тии.[1]

После перехода под власть Рима Синопа начала выпускать свою монету несколько позже Амиса.[2] Прекратился ее чекан в царствование императора Галлиена (около 270 г.). Монетные выпуски Синопы еще более обильны, чем монетные серии Амиса, и они также следуют друг за другом без перерывов. Поскольку Синопа была италийской колонией, легенды на ее монетах всегда на латинском языке; серии монет без портретов лиц императорского дома редки, а на реверсе монет иногда помещаются чисто римские эмблемы, как, например, волчица, кормящая Ромула и Рема. Коренная монетная эмблема Синопы — голова нимфы Синопы — появляется только однажды при императоре Августе,[3] и затем она окончательно исчезает из нумизматики этого города.

Союзных монет Синопа не выпускала, но на ее торговые связи с внутренними районами Малой Азии указывает надпись, относимая издателями ко II в. н. э. и найденная в городе Татарли в южной части Великой Фригии.[4] Надпись, вырезанная на алтаре, свидетельствует о почете и уважении, которыми пользовались уроженец «Красы Понта» Синопы Максим и его жена Элия Скрибония в том удаленном от Синопы городе (имя его не сохранилось), куда они переселились, надо полагать, в связи с торговыми делами.

Об оживленной торговле Синопы и Амиса с Закавказьем можно догадываться по описанию Страбоном Команы Понтийской, о которой говорится как об известном эмпории для жителей Армении.[5] Монет этих городов императорской эпохи на Кавказе, судя по таблицам А. Н. Зографа, не найдено.[6] Зато там встречаются в большом числе провинциальные римские серебряные тетрадрахмы, дидрахмы и драхмы, выпускавшиеся в Кесарии Каппадокийской[7] от времени императора Тиберия до Коммода. Эти монеты, очевидно, и обслуживали торговлю восточных областей Малой Азии с Закавказьем.

Единичные экземпляры поздних монет припонтийских городов Малой Азии проникали в Дура-Ейропос. На полу так

---

[1] Studia Pontica, III, стр. 13, № 7а.
[2] См. стр. 294.
[3] WBR, Sinope, № 90b.
[4] MAMA, IV, № 133.
[5] Strab., XII, 3, 36.
[6] А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе.
[7] А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе, №№ 178—184, 200—202. См. также статью Сайденхама (Sydenham) в «Numismatic Chronicle» 1930, стр. 1 и сл.

называемого «христианского здания» был найден дупондий Синопы 210 г. с портретом Геты.[1] В том же городе обнаружено было по одной монете Трапезунта и Гераклеи Понтийской.[2] Столь же скудны находки в Дура-Ейропос монет других крупных старых торговых городов Малой Азии — Милета, Смирны, Византия и других, а также Родоса. С этим резко контрастирует количество монет новых городов, расположенных во внутренних областях Малой Азии, — в Каппадокии и Понте. Комана[3] представлена 7 экз. монет, 14 монет из Зелы,[4] 34 из Неокесарии[5] и 111 монет из Амасеи.[6] Торговля Малой Азии с Востоком перешла, повидимому, к молодым городам хинтерлянда, оттеснившим на второй план старые приморские торговые центры.

Связи понтийских городов с Родосом, прежде столь прочные и оживленные, после разгрома Римом своего конкурента на востоке, видимо, ослабели. Некогда цветущий город настолько захирел, что во II в. н. э. даже перестал чеканить монету. К началу I в. н. э. относится, повидимому, найденная на Родосе[7] урна, содержавшая прах гражданки Амиса Афинаиды. Более поздних свидетельств о связях Синопы или Амиса с Родосом на этом острове, насколько нам известно, не обнаружено.

Зато полностью были возобновлены вековые связи Синопы и Амиса с Афинами, о чем, как и в прежние времена, свидетельствуют многочисленные надгробия граждан этих городов, находимые в Афинах и Пирее.[8] Под этими надгробиями были похоронены не случайно умершие на чужбине граждане другого города, а многолетние резиденты, обосновавшиеся на новом месте ради, надо думать, коммерческих целей. Об этом можно заключить из того факта, что многие надгробные надписи называют умерших в Афинах жен и дочерей граждан Синопы и Амиса. Встречаются и такие случаи, когда дочери граждан Синопы и Амиса выходят замуж за греков — уроженцев других городов, как, например, Авга, дочь Фарнака, амисенка, жена Тевтрака анкирца,[9] и ряд жен граждан Афин. Все это

[1] The excavations of Dura-Europos. Final Report VI. The coins (A. Bellinger), 1949, № 2043, табл. XLI.

[2] Там же, №№ 2044 (244/45 г.) и 2049 (Гета).

[3] Там же, №№ 2024—2031.

[4] Там же, №№ 2032—2042.

[5] Там же, №№ 1995—2023b.

[6] Там же, №№ 1918—1994c.

[7] Annuario della Scuola Archeologica d'Atene, II, 1916, стр. 178, № 181.

[8] Для Амиса см.: IG, III, 2, №№ 2265a—2277. Для Синопы см.: IG, IV, 2, №№ 1950, 2907—2914, 3345, 3633; IG, II, 5, Suppl. № 3343b; CIG, II, 3, №№ 3357, 3359.

[9] IG, III, 2, № 2265a.

свидетельствует о длительном пребывании амисенцев и синопейцев в Афинах, совершенно так же, как это было отмечено нами для Делоса эпохи эллинизма.[1] Связи Синопы с Афинами подтверждаются и одной надписью, найденной в Синопе. Это — эпитафия умершего в Синопе афинянина.[2] К числу умерших в Афинах синопейцев принадлежит и 22-летний юноша Поппилий, сын знатных и богатых родителей, принадлежавших к высшему сословию граждан; отец Поппилия дважды был архиереем, а мать была жрицей Афины.[3] Пребывание Поппилия в Греции, возможно, не было связано с торговыми целями, что относится и к двум другим гражданам Синопы, посетившим Грецию один — ради лечения, другой — для участия в гимнических состязаниях. В храме Асклепия в Эпидавре стояла надпись, начертанная на мраморной стеле.[4] Синопсец Тиберий Клавдий Север благодарит в ней Аполлона Малеата и Асклепия за исцеление от опухоли на шее и от рака уха, свершившееся при Марке Аврелии Пифодоре, который был жрецом в 224 г. н. э. Вторая надпись происходит из Аттики.[5] В ней перечисляются многочисленные победы Валерия Эклекта из Синопы в Олимпии, Дельфах, Аргосе, в Афинах, Риме и многих других городах. Этот знаменитый атлет был членом городского совета и гражданином целого ряда городов Малой Азии и Греции, вероятно тех городов, где им были одержаны победы.

Надпись относится к 248 г. Она показывает, что в это время можно было получить гражданство и звание члена высшего органа самоуправления в городе как приз на атлетических состязаниях.

Другая сходная надпись, найденная в Синопе и воздвигнутая ἐκ δόγματος βουλῆς (вероятно перевод латинского выражения «ex Decurionum Decreto»), прославляет знаменитого кулачного бойца Марциана Руфа, синопейца. Перечисляются 50 его побед в крупных состязаниях в Риме, Неаполе, Никополе в Эпире, Немее (?), Истме, Дельфах, Олимпии, Афинах, Аргосе, на играх союзов городов Азии, Вифинии, Понта, Галатии,

---

[1] См. главу 10, стр. 241.
[2] Rob., № 56.
[3] IG, III, 2, № 1450 = Rob., № 88.
[4] CIG, IV, 956 (см.: С. А. Жебелев. Религиозное врачевание в древней Греции. Зап. Русск. Археол. общ., 1893, стр. 369—429. Текст надписи дается здесь в первоначальном, не вполне правильном чтении). См. также: P. Cavvadias. Fouilles d'Epidaure. Athènes, 1893, стр. 34, № 6.
[5] IG, III, 1, 120.

Каппадокии и Македонии и в Антиохии. К этому прибавляется 150 побед на играх меньшего значения.[1]

Впервые мы находим теперь следы сношений Амиса и Синопы и с более западными областями Средиземноморья, в чем несомненно сказываются новые условия, создавшиеся в эпоху Римской империи. Следы эти пока еще очень слабы, но все же они показательны. На севере Балканского полуострова, близ современного города Скопле, был случайно найден большой клад серебряных монет, содержавший свыше 1000 единиц.[2] За исключением 8 монет эпохи республики, почти все остальные монеты клада являются денариями, выпущенными при различных императорах — от Веспасиана до Филиппа Младшего. В кладе оказалась также одна серебряная монета Амиса с портретом императора Адриана на аверсе и изображением Афины на реверсе. Она выбита в 132 г. н. э. Наконец имеется одна надпись, из которой можно заключить о пребывании синопских резидентов и в столице империи, в Риме. Это — стихотворное надгробие маленького мальчика Корнунтия, родом из Синопы, умершего и погребенного в Риме.[3]

Обращаемся теперь к черноморской торговле Синопы и Амиса, которая, надо полагать, как и в предыдущие века, была главной ареной торговой деятельности этих городов. Но тут особенно остро чувствуется оскудение наших источников. Исчезают монеты Синопы и Амиса в находках северного, западного и восточного Причерноморья; нет и клейменой тары, которая для IV—I вв. до н. э. служила надежной опорой при изучении торговых связей Синопы в припонтийских странах.

Судя по точно классифицированным и датированным находкам в раскопках последних лет, монеты Синопы и Амиса эпохи империи встречаются в северном Причерноморье только в виде очень редких экземпляров, что особенно бросается в глаза, если вспомнить обилие монетных находок, относящихся к эпохе Митридата Евпатора. Так, при раскопках Мирмекия и Тиритаки с 1932 по 1940 гг. было найдено 22 монеты[4] Амиса и 7 монет

[1] RA, 1916, стр. 354 и сл., № 10. В «Anthologia Palatina» (ed. Didot, XVI, 25) находится эпиграмма Филиппа, составленная в честь синопейца Дамострата — шестикратного победителя в борьбе на италийских играх. Эпиграмма относится к I в. н. э.

[2] S. P. Noe. A bibliography of greek coin hoards, № 1150. — W. Kubitschek. Ein Denarfund aus der Gegend von Usküb. Numism. Zeitschr., 1908, стр. 37 и сл. О типе найденной в этом кладе монеты Амиса см.: WBR, Amisos, № 80, табл. VIII, 27.

[3] IG, XII, 14, № 1787 = W. Kaibel, ук. соч., № 702.

[4] МИА, 4, стр. 163 и сл., №№ 26, 106, 197, 247; МИА, 25, стр. 363 и сл., №№ 23, 54, 103, 125, 153, 2286, 2295. 2304, 2362, 2435, 2459, 2536, 2552—2557.

Синопы[1] эпохи Митридата Евпатора. При этом не было обнаружено ни одной монеты этих городов первых веков нашей эры. Мы уже говорили выше о тех причинах, которые обусловили обращение медных монет городов Малой Азии только на внутренних рынках, по всей вероятности, лишь в пределах их областей. Отсутствие монет Синопы и Амиса императорской эпохи в северном Причерноморье ни в коем случае не может поэтому рассматриваться как доказательство прекращения или снижения объема торговли между южным и северным Причерноморьем. Торговля шла, но расчет производился при помощи другой монеты.[2]

Главным нашим источником при исследовании черноморской торговли Синопы и Амиса в первые века нашей эры впредь до более подробного изучения неклейменой синопской тары этого времени (см. выше, стр. 335 и сл.) являются, таким образом, надписи, к рассмотрению которых мы и переходим.[3]

Прямым свидетельством о торговых сношениях Ольвии с Синопой может служить известный ольвийский декрет в честь ольвиополита Феокла, сына Сатира. Среди 19 городов, участвовавших в посмертном увенчании Феокла за то, что он делал много добра проживавшим в Ольвии иностранцам — гражданам этих городов, находится и Синопа. Следовательно, в Ольвии в конце II или начале III в. н. э. имели постоянное пребывание синопейцы, занимавшиеся там торговой деятельностью, в чем им помогал ольвиополит Феокл.

Сходное явление зафиксировано и для Херсонеса. Там во II в. н. э. издан был почетный декрет в честь синопского навклера Гая Кайя Евтихиана. За его доброе отношение ко всем, преимущественно же к городу херсонеситов и к отдельным его гражданам, выказанное им и во время его неоднократных пребываний в Херсонесе, когда он принимал между прочим участие в общественных делах, народ и совет Херсонеса даровали ему проксению и право свободного въезда и выезда ему и его по-

---

[1] МПА, 4, № 94; МПА, 25, №№ 29, 81, 154, 2274, 2440, 2576.

[2] IOSPE, I², 40. Среди монет, найденных на острове Левка (Фидониси) и на Тендровой косе, находятся монеты Синопы и Амиса. Однако ни в списке Мурзакевича (Зап. Одесск. общ., II, стр. 414), ни в списках А. Н. Зографа не указана дата этих монет (см.: А. Н. Зограф. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье, стр. 152 и сл.).

[3] Робинзон (Robinson, № 84, стр. 331) упоминает фрагментированную надпись из Томи. Надпись эта, видимо, посвящение Сарапису в благодарность за откровение во сне от имя рек сына Полидора Синопейца: Σαραπιδ . . . ος Πολυδώ[ρου] κατὰ ὄναρ Σινωπεύς. Надпись не датирована.

томским и другие привилегии.[1] Перед нами, следовательно, синопский навклер, который вел постоянную торговлю с Херсонесом, оказывая услуги херсонесцам в Синопе, и сам неоднократно живал в Херсонесе, принимая участие в его общественных делах, и завоевал там широкую популярность.

Все найденные на Боспоре эпиграфические памятники, относящиеся к гражданам Синопы и Амиса римской эпохи, представляют собой надгробия.[2] Среди них имеется ряд надгробий девушек и женщин из синопских и амисских семей, надо думать, длительно проживавших в Пантикапее. Одна стихотворная эпитафия называет Клеопатру, дочь Мениска, гражданку Амиса.[3] Кайбель датирует эту надпись I в. до н. э. К этому следует заметить, что, поскольку Клеопатра называется в эпиграмме Вифинской Пенелопой, а Амис вошел в состав провинции Вифиния-Понт только при Помпее, то надпись не может быть старше второй трети этого века.

Амисянка Ника была женой боспорца Филемона, сына Фарнака. Муж и жена погребены были вместе. Их надгробие с краткой эпитафией и рельефом, изображающим мужа, жену и маленького раба, найдено было на Глинище.[4] Перед нами, следовательно, случай брака боспорца и амисенки.

Уроженка Синопы Феофила, дочь Гекатея, умерла до брака. Ее стихотворная эпитафия была найдена в Керчи.[5] В эпитафии неоднократно упоминаются родители Феофилы, оплакивающие смерть дочери. Надо думать, это была целая синопская семья, длительно жившая в Пантикапее.

Вероятно на Глинище было найдено надгробие синопейца Поплия Игнатия Онесифора, умершего в возрасте 45 лет[6] и погребенного в 124 г. н. э. На Боспоре умер и другой уроженец Синопы — 25-летний Тиберий Клавдий Менуллион, надгробие которого было найдено на берегу Керченской бухты.[7] О роде занятий двух последних граждан Синопы в их эпитафиях

---

[1] IOSPE, I², 364.

[2] Надгробные памятники иностранцев, граждан припонтийских городов, умерших и погребенных в северном Причерноморье, в некоторых случаях изготовлялись на родине умерших и в готовом виде присылались к месту захоронения. См. надгробие навклера из Тии: ИАК, 58, стр. 24, № 9. Приводимые нами надгробия синопейцев все, повидимому, сделаны были в Пантикапее.

[3] IOSPE, II, 286. Надпись находилась в Керченском музее и во время Крымской войны, в 1856 г. была увезена оттуда англичанами в Британский музей. См. также: W. Kaibel, ук. соч., № 250.

[4] IOSPE, II, 287.

[5] ИАК, 14, стр. 124 и сл., № 47.

[6] ИАК, 10, стр. 67 и сл., № 71.

[7] ИАК, 18, стр. 132, № 49.

ничего не говорится. Их принадлежность к сословию торговцев остается под сомнением. Нижеприводимые две эпитафии показывают, что, живя в Пантикапее, синопейцы занимались там иногда и другой, не торговой деятельностью.

Так, Минодор, сын Аполлония, гробница которого была украшена мраморной стелой, родился в «венчанной морем» Синопе, затем «изрубил многие кровавые доспехи супостатов», погиб, сраженный ударом копья, и погребен в земле Боспорской. Минодор, следовательно, долго служил в наемных войсках боспорских царей и умер, имея от роду 61 год. После себя он оставил жену и детей.[1] Латышев относит стелу к I или II в. н. э.

Фарнак, сын Фарнака, умер в Пантикапее в молодых летах. Метрическая надпись на его могиле рассказывает о судьбе этого юноши. Из своей отчизны — Синопы — он удалился «на запад (sic!) по доблести» и на Боспоре стал пайдотрибом, т. е. учителем гимнастики в местном гимнасии. Остается неясным, какие именно причины заставили его покинуть родину. Возможно, что Фарнак бежал оттуда и искал на Боспоре убежища. Родители его, как показывает эпитафия, остались в Синопе, а в Пантикапее его усыновил некий Хематион, который и поставил памятник на его могиле.[2]

Приведенные нами данные о производстве и торговле Синопы и Амиса в первые века нашей эры показывают, что общий рост производительных сил, характерный для Малой Азии этого времени, а также оживление торговых сношений, как внутренних, так и внешних, не миновали и интересующих нас городов.

Привлеченные нами материалы, касающиеся торговых сношений Синопы и Амиса с другими странами античного мира в первые века нашей эры, несмотря на их отрывочность и скудость, могут служить основанием для некоторых наблюдений о размахе и направлении этой торговли. Довольно ясно выступает перед нами тот факт, что многовековые торговые сношения южного и северного берегов Черного моря продолжались и при новой обстановке, сложившейся в припонтийских странах в результате римской экспансии на восток, и притом, повидимому, в прежних широких, на античный масштаб, размерах. Это явление вполне закономерно, поскольку первые века нашей эры принесли с собой подъем производи-

---

[1] IOSPE, II, 298. Напомним, что еще в IV в. до н. э. в армии боспорских царей служили пафлагонцы (см.: IOSPE, II, 296).

[2] IOSPE, II, 299.

тельных сил как в Боспорском царстве, так и в южном Причерноморье, а товарообмен между югом и севером был попрежнему взаимно выгоден, так как север был богат хлебом, которого не доставало на юге, а юг мог снабжать север необходимыми для него продуктами: оливковым маслом, металлом и, вероятно, корабельным лесом. Большой подъем ремесла и торговли, наблюдаемый в Малой Азии в первые века нашей эры, требовал и усиления государственных поставок, что несомненно повышало роль городов южного Причерноморья как транзитных портов.

Важным новым фактором, влиявшим на эту торговлю, было практиковавшееся в это время Римом снабжение продовольствием через южнопонтийские порты своих войск, расквартированных на севере Малой Азии и в Закавказье и следовавших по крупным северомалоазийским магистралям с запада на восток при подготовке военных походов в Армении и Парфии. Какое-то участие в этих операциях должны были принимать боспорские и южнопонтийские моряки и торговцы, и это, надо полагать, содействовало дальнейшему сближению между севером и югом.

Возродилась также торговля Синопы и Амиса со странами, расположенными за пределами Черного моря, причем наряду с возобновлением давнишних связей наметились и некоторые новые области, в которых развернулась деятельность синопских и амисских торговцев, а также прекращение таковой на некоторых прежних рынках сбыта. Так, нет никаких следов возобновления торговли с Родосом и с Александрией, давнишними контрагентами Синопы и Амиса в их средиземноморской торговле. Сравнительно незначительны указания и на сношения с Передней Азией по дороге Амис—Цезарея—Тарс. Судя по количеству монет, найденных в Дура-Ейропос, торговля Амиса и Синопы в этом направлении была теперь в руках других городов — Амасеи и Цезареи, расположенных по тому же торговому пути, но южнее. Это явление, надо думать, связано с развитием городов Малой Азии, включившихся теперь в международную торговлю. С урбанизацией Малой Азии и включением в хозяйство городов обширных сельских местностей связано и расширение торговых сношений Синопы и Амиса с другими городами Малой Азии, о чем свидетельствуют между прочим описанные выше союзные монеты. Чрезвычайно оживилась, повидимому, и внутренняя торговля Синопы и Амиса, если судить по их обильным монетным выпускам этого периода. Имеются указания и на торговые сношения со странами, расположенными у Эгейского моря, где особенно бросается в глаза возобновление прежних оживленных связей с Афинами, а также

с более западными районами, которые в прежнее время находились за пределами прямых торговых интересов южнопонтийских городов, — с северными Балканами и Италией. Новый период подъема торговли Синопы и Амиса продолжался, видимо, до кризиса III в. Однако даже наступление кризиса не сразу прекратило эту деятельность, поскольку монетные выпуски Синопы продолжались до 70-х годов III в. А после консолидации империи при Диоклетиане внешняя торговля южных припонтийских городов в какой-то мере снова возродилась. Выпуск монет, правда, не возобновлялся, но в эдикте Диоклетиана о ценах встречаются упоминания о понтийских коврах[1] и о ценах на фрахт скота, привозимого (или вывозимого — эта часть надписи плохо сохранилась) из Синопы и Трапезунта.[2]

Глава 14

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Как нами уже говорилось,[3] провинция Вифиния-Понт, в которую входили Синопа и Амис, в 27 г. до н. э., при дележе провинций на сенатские и императорские, отошла к сенату. Сенатской она, видимо, оставалась в течение примерно двух столетий; императорской она стала, по всей вероятности, сравнительно поздно, а именно при императоре Марке Аврелии.[4]

В течение первых двух веков нашей эры на территории бывшего Понтийского царства Митридатов неоднократно производились переделы, и административные деления имели неустойчивые границы.[5] Что касается Синопы и Амиса, то оба эти города входили в состав провинции Вифиния-Понт, во всяком случае до последних лет царствования Траяна, как это видно из переписки императора с Плинием, а по всей вероятности и вплоть до Марка Аврелия.

Возможно, как думают Рейнак и Джонс, пытаясь примирить противоречивые в этом отношении показания источников, что с конца II в. образована была особая провинция, куда

[1] CIL, III, стр. 1942, 19, 19.

[2] См. вновь найденный фрагмент надписи о тарифах Диоклетиана, опубликованный в «Monumenti Antichi» (XXXVIII, 1939) и известный мне по «Revue Archéologique» (1947, № 4, стр. 227—230).

[3] См. главу 12, стр. 308.

[4] В 165 г. провинцией управляет уже не проконсул, а legatus Augusti pro praetore [см.: CIL, 4152d; Lucian, Pseudom., 57; RE, s. v. Bithynia, Sp. 529 и сл. (Brandis)].

[5] V. Chapot, ук. соч., стр. 93 и сл. — Studia Pontica, III, стр. 2 и сл. — WBR, стр. 4 и сл. — JC, стр. 168 и сл.

вошли все приморские города Понта, от Халкедона до Трапезунта, а может быть, и до Диоскуриады, которую оба исследователя, пользуясь терминологией Птолемея, называют Понтом Каппадокийским в отличие от другого Понта — Средиземного, куда входили города бывшего Понтийского царства, отдаленные от моря, а также некоторые города Галатии.[1]

Пока провинция Вифиния-Понт оставалась сенатской, система управления в ней формально была прежней, т. е. такой, какой она была при республике. Однако фактически дело изменилось коренным образом. Во время республики провинции рассматривались как объект жестокой эксплуатации, где царил произвол и где римская администрация и публиканы, с одобрения центральной власти, грабили население без всяких ограничений, словно спешили использовать открывшиеся перед ними возможности, не будучи уверенными в прочности завоевания. Римские императоры рассматривали провинции как источник постоянных доходов, который требовал от римской власти больших забот для его поддержания. «Империя, — говорит Энгельс, — не только не устранила этой эксплоатации, а, напротив, превратила ее в систему».[2] Надо было создать условия для подъема экономики провинции, так как развитие ее производительных сил было выгодно для Рима. Предпосылкой для достижения этой цели было общее умиротворение империи и оживление торговли как внутренней, так и внешней. Для населения провинций и особенно для городов были созданы известные льготы и гарантии от произвола римской администрации на местах. Так, Август перенес рассмотрение дел о вымогательствах и притеснениях со стороны проконсулов в сенат,[3] и известен ряд случаев, когда жалобам давался законный ход и дела решались не в пользу проконсулов.[4] Вводятся и ограничения в деятельность откупщиков, продолжавших в начале империи взимать налоги в сенатских провинциях.[5] Что же касается городов, которые постепенно становятся главной опорой римской власти в провинции, то им обеспечивается внутреннее самоуправление, связанное с различными льготами в зависимости от того положения, которое каждый отдельный город занимал в иерархии провинциальных городов: среди городов «свободных», «свободных и неприкосновенных»,

---

[1] Подробнее об этом см. главу 12, стр. 308, прим. 4.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., XVI, ч. 1, стр. 125.

[3] Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 469. — С. И. Ковалев. История Рима. Л., 1948, стр. 501.

[4] ВПРИ, стр. 76.

[5] Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 469.

«свободных и союзных» или городов с италийским правом. Все эти мероприятия в известной мере облегчили положение провинций в эпоху империи по сравнению с порядками, царившими там раньше, во время республики. Облегчение состояло главным образом в том, что эксплуатация в известной мере была введена в законные рамки и эксцессы в этом отношении не поощрялись. Однако сама эксплуатация никоим образом не отменялась. Она попрежнему тяжелым гнетом лежала на плечах главным образом средних и низших слоев населения, лишая их возможности улучшить свое материальное положение.

Римская центральная власть прекрасно понимала опасность, которую таило в себе экономическое угнетение трудящихся, и неустанно заботилась об удержании в своих руках контроля над всеми провинциальными делами. Одним из действительных для этого средств была отправка в сенатские провинции особо уполномоченных представителей императора, обладавших в сущности неограниченной властью. Эти уполномоченные по мере надобности наводили порядок в городах, если в этом с точки зрения императора встречалась необходимость, вмешиваясь во все дела и мало считаясь с автономией, льготами и привилегиями городов. Кроме того, в целях упрочения своей власти Рим вел в провинциальных городах последовательную и неуклонную социальную политику, которая сводилась ко всяческой поддержке богатых слоев населения, поощрению приобретения ими крупных богатств за счет труда непосредственных производителей и открытию перед ними пути к блестящей карьере на службе у Рима. Через службу в римских войсках могли пробиться к материальному благополучию и правовому привилегированному положению и отдельные представители средних, а может быть, и низших слоев населения, которые затем как бы составляли резерв для пополнения провинциальной знати. Эти общественные круги и составляли социальную опору римской власти в городах и постепенно стали главными проводниками там римской политики, помогая римлянам всячески эксплуатировать несостоятельных сограждан, полузависимое население и рабов. Этот процесс постепенного образования высшего, привилегированного социального слоя — сословия декурионов — в провинциальных городах ясно прослеживается также в Синопе и Амисе.

Что касается конкретных условий, в которые были поставлены эти города, то юридическое положение Амиса было весьма привилегированным по сравнению с положением большинства других городов Малой Азии. Однако преимущества, которыми пользовался этот город, для нас не совсем ясны, поскольку

источники в данном случае не вполне согласны между собой. Страбон говорит, что Амису была возвращена свобода Августом после битвы при Акциуме.[1] Свободным городом называет Амис также Плиний Старший.[2] О том, что Амис получил свободу тотчас же после битвы при Акциуме, а не в 14 г. н. э., во время пребывания в Малой Азии Агриппы, свидетельствует тот факт, что эра Амиса начинается с этого события.[3]

С другой стороны, сохранилось несколько свидетельств о том, что Амис причислен был к городам не только свободным, но и союзным. Союзные города составляли категорию еще более юридически привилегированных городов, чем города свободные. Их права гарантировались особым двухсторонним договором, утверждавшимся римским сенатом и входившим в состав Закона Провинции (Lex Provinciae), т. е. основного закона той провинции, к которой были причислены данные города. «Свободным и союзным» городом называет Амис Плиний Младший в своем письме к императору Траяну.[4] «Свободным, автономным и союзным римским городом» называет Амис и надпись 132 г., найденная в храме Аполлона в Кларосе на берегу Эфесского залива, касающаяся посылки Амисом теории в этот храм.[5] Эти два свидетельства носят официальный характер, и потому употребленная в них терминология сомнений вызвать не может, но поскольку оба они относятся уже ко II в., то можно было бы думать, что Амис стал союзным городом не при Августе, а в более позднее время.[6] Однако с этим предположением не согласуются данные нумизматики. Среди монетных выпусков Амиса

---

[1] Strab., XII, 3, 14.

[2] Plin., Nat. Hist., VI, 2, 7. В посвятительной надписи, найденной в Пергаме (IGR, IV, 314), Август назван спасителем и основателем (κτίστης) Амиса. Статую, к которой относится надпись, воздвиг, как гласит надпись, ὁ δῆμος Ἀμισηνῶν καὶ οἱ συνπολιτευόμενοι Ῥωμαῖοι. Канья (Cagnat) считает этих римлян проживающими в Амисе римскими гражданами, а Броутон (Th. Broughton, ук. соч., стр. 703 и сл.) полагает, что то были водворенные в Амис римские колонисты, причем их переселение туда не было, однако, оформлено в колонию.

[3] См.: WBR, стр. 53 и прим. 4. Так как фактически эра Амиса имеет своим отправным годом не 31, а октябрь 32 г. до н. э., то Рейнак предполагает здесь скорее всего какую-то комбинацию с местным календарем.

[4] Plin., Epist., X, 92.

[5] OGIS, 530.

[6] Такой точки зрения придерживается Кунтц (Cuntz) в статье, опубликованной в журнале «Hermes» (1926, стр. 200). Основываясь на том, что Плиний Старший (Plin., Nat. Hist., VI, 7) называет Амис «свободным» городом, а Плиний Младший (Plin., Epist., X, 92, 93) — «свободным и союзным», он высказал предположение о том, что статус «свободного и союзного» города был предоставлен Амису Траяном (см.: MRR, стр. 145, прим. 3).

эпохи Римской империи имеются монеты, которые датируются первыми годами единоличного правления Августа.[1] На аверсе помещается голова Аполлона — бога, особо почитавшегося Августом, так как его покровительству принцепс приписывал свою победу над Антонием при Акциуме. На реверсе монет — две стоящие женские фигуры, которые пожимают друг другу руки, — известный монетный символ заключения союза. Левая женщина безоружна — она персонифицирует Амис, правая держит в левой руке щит и копье. Это — Рома, защитница Амиса. Композиция в целом символизирует союз, заключенный между Римом и Амисом, а голова Актийского Аполлона не позволяет отодвигать дату выпуска этих монет ко времени, далекому от 31 г. до н. э. — года победы при Акциуме. Таким образом, следует, на наш взгляд, отдать предпочтение свидетельствам надписей и монет и считать, что Амис еще при Августе получил статус свободного и союзного города и, в противоположность многим другим городам, долго сохранял свое привилегированное положение. Во II в. н. э., при Адриане и Антонине Пие, Амис получил даже в виде редкого исключения право чеканить не только медную, но и серебряную монету.[2] Что же касается приведенных нами слов Страбона и Плиния, то можно думать, что оба эти писателя не имели в виду дать точную формулировку юридического положения Амиса и потому они легко могли упустить слово «союзный».

Мы не осведомлены в точности, какие именно преимущества получали города свободные и союзные. Вряд ли привилегии были во всех случаях одинаковы. Но самый факт дарования Августом этого статуса Амису весьма знаменателен, так как император был чрезвычайно скуп на раздачу подобных привилегий. В восточных римских провинциях права союзного города были даны им, кроме Амиса, еще только им самим основанному городу Никополю, расположенному на побережье Эпира, против того места, где происходила битва при Акциуме, а также Митилене и Книду.[3]

Еще более юридически привилегированное положение, чем Амис, занимала Синопа. Этот город числился среди тех провинциальных городских общин, которые пользовались италийским правом (ius Italicum).[4] Какие права и привилегии соединя-

---

[1] WBR, Amisos, №№ 47—48a.

[2] WBR, Amisos, №№ 79—108 и наша табл. III, *17*.

[3] IGC, стр. 131.

[4] Digest., L, XV, 1, 10. Некоторые ученые, правда, сомневаются в причислении Синопы к этой группе провинциальных городов (см.: Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire..., III, 746 и JGC,

лись в древности с этим юридическим понятием, нам в точности не известно, и мнения современных ученых по этому вопросу расходятся. Однако все исследователи согласны между собой относительно того, что ius Italicum является самым привилегированным статусом, доступным для городов римских провинций. По всей вероятности, при даровании ius Italicum провинциальный город получал всю полноту прав, присущих городам Италии.[1] Ведь огромное большинство городских общин с италийским правом являлось колониями римских граждан (Coloniae civium Romanorum), и самое присвоение этим общинам названных прав вытекало из необходимости закрепить за переселенцами те права, которыми они пользовались у себя на родине. Одним из главных преимуществ населения Италии после 88 г. до н. э. было квиритское, т. е. неограниченное право собственности на землю, и современные ученые согласны между собой в том, что право это было сохранено за колонистами и после того, как они были принуждены уступить свои земельные наделы ветеранам Суллы, Цезаря и Октавиана и переселиться в провинции. Поэтому, в то время как в провинциях вся земля, согласно нормам римского права, считалась собственностью римского государства, а местные жители получали земельные участки только во временное пользование и вносили за это определенную плату в виде налога (tributum soli), граждане городов с италийским правом считались полными хозяевами своей земли и могли распоряжаться ею без всяких ограничений.

Из той же концепции вытекает и дальнейшая привилегия — освобождение от прямых налогов, как tributum soli, так, повидимому, и tributum capitis, привилегия, сохраненная за городами с италийским правом вплоть до реформы Диоклетиана.[2] Несомненным можно считать и право этих городов на самоуправление, конечно, лишь в отношении их внутренних дел.[3]

Трудно сказать, существовали ли с самого начала среди особо привилегированных городов, обладавших италийским правом, известные градации, или все они находились в равном положе-

---

стр. 325, прим. 72), однако, как нами будет показано, вряд ли следует разделять подобные сомнения. По вопросу о правах городов с италийским правом см.: Th. Mommsen. Römisches Staatsrecht, III. Leipzig, 1888, стр. 807 и сл.; J. Marquardt. Römische Staatsverwaltung, V², 1. Leipzig, 1881, стр. 90.

[1] RE, s. v. ius Italicum, Sp. 1241 и сл. (Premerstein.).

[2] См.: RE, s. v. ius Italicum, Sp. 1248.

[3] Если правы ученые, отстаивающие полное приравнение провинциальных городов с италийским правом к городам Италии, то в таком случае к списку их привилегий следует прибавить еще ряд более мелких преимуществ, как то: свободу от гарнизонов и военных постоев.

нии. Их права и обязанности, так же как это имело место относительно «свободных» и «союзных» городов, в каждом отдельном случае фиксировались в особых договорах, входивших в состав «Закона Провинции». Но надо думать, что в основных чертах юридическое положение всех городов рассматриваемой категории было сходным и, несмотря на условность всяких юридических норм, при наличии фактически неограниченной воли монарха, оно обеспечивало за городскими общинами значительные реальные преимущества. Однако следует оговориться. Если так было в начальный период империи, то со временем между городами, пользовавшимися ius Italicum, образовались весьма существенные различия. В Дигестах Ульпиана[1] отмечается, что города, обладавшие ius Italicum, не освобождались от налогов, если это не было специально оговорено в Lex Provinciae.

Некоторые современные ученые, как мы уже упоминали, сомневаются на основании неполной ясности соответствующего текста Ульпиана в причастности Синопы к ius Italicum. Нам кажется, что сомнения эти напрасны, так как включение Синопы в число пользовавшихся этим правом городов может быть подтверждено рядом прямых и косвенных доказательств. Во-первых, вифинский город Апамея, упоминаемый в том же тексте Дигест рядом с Синопой, действительно обладал италийским правом, что подтверждается монетными выпусками этого города.[2] Во-вторых, существует целый ряд фактов, указывающих на то, что государственное устройство Синопы в первые века нашей эры было иным, чем в старых греческих полисах, и соответствовало устройству других городов, обладавших италийским правом, являясь сколком с организации государственной власти в самом Риме. Мы увидим ниже, что во главе органов самоуправления Синопы стояло два эфора или дуовира, которые соответствовали двум римским консулам. Помощниками дуовиров были два астинома или эдила, а городской совет состоял из декурионов. Кроме того, город Синопа, как и Рим и другие города с италийским правом, был разделен на избирательные округа (vici).[3] Монеты Синопы времени Римской империи снабжены всегда легендами на латинском языке, как на монетах римских колоний, в то время как другие города восточных провинций сохраняют греческие легенды.[4]

---

[1] Digest., 15, 8 (см.: ВПРИ, стр. 45).

[2] На это указывает встречающееся на монетах Апамеи изображение статуи Марсия, стоявшей на римском форуме, — символ обладания города италийским правом.

[3] Надпись см.: RA, III, 1916, стр. 339, № 6

[4] RE, s. v. Münzwesen, Sp. 489.

На монетах Синопы часто встречаются также буквы «D. D.» («Decurionum Decreto» — «по постановлению декурионов», т. е. членов городского совета), что также указывает на обладание италийским нравом.[1] Таким образом, вопрос о причислении Синопы к городам с италийским правом решается, как нам кажется, в положительном смысле. Вряд ли могут также существовать сомнения и относительно времени преобразования полиса Синопы в римскую колонию. Как мы уже указывали в главе 11,[2] колония была основана Юлием Цезарем в 46/45 г. до н. э., и, следовательно, тогда же там создались условия, предполагавшие предоставление городу италийского права. Крупное значение этого события для города нашло свое отражение в переименовании Синопы в Colonia Julia Felix, а также во введении нового летосчисления, новой эры Синопы, исчислявшейся от года установления там римской колонии.[3] Уже на первых монетах, выпущенных этим городом после перехода под власть Рима и относящихся к 23 г. до н. э., т. е. ко времени единоличного правления Августа, обозначены буквы «C. J. F.» («Colonia Julia Felix») — новое название Синопы — и год выпуска монет согласно новой эре города.[4] Таким образом, имеются достаточные основания полагать, что Синопа получила ius Italicum вместе с переселением туда колонии при Цезаре и во всяком случае не позднее Августа, сравнительно широко раздававшего италийское право выведенным при нем из Италии колониям.[5]

Что касается третьего крупного города юго-восточного Причерноморья — Трапезунта, то он перешел под власть Рима почти 100 лет спустя после Синопы и Амиса. До 63 г. он был главным портом полемоновского Понта. Римляне пользова-

---

[1] Head., Historia Nummorum, Sp. 489.

[2] См. стр. 301 и сл.

[3] Об эре Синопы см.: W. Kubitschek. Die Zeitrechnung der Stadt Sinope. Numism. Zeitschr., 1908, стр. 67—72.

[4] WBR, Sinope, № 81, табл. XXVI, *31*.

[5] J. Marquardt, ук. соч., стр. 92. Сообщая о выводе колонии италиков в Синопу, Страбон (Strab., XII, 3, 11) говорит: «В настоящее время она (Синопа, — *М. М.*) приняла также колонию римлян, и часть города и территории Синопы принадлежит им». Основываясь на этом тексте, Джонс (JGC, стр. 173) и Д. Маджи (MRR, стр. 1267) высказывают предположение, что колонисты жили в Синопе обособленно, не сливаясь с коренным населением города. Не отрицая такой возможности, мы, однако, полагаем, что одних слов Страбона недостаточно для решения вопроса в указанном смысле. Что же касается надписей, привлекаемых Маджи в этой связи, то в них, правда, речь идет от лица колонии, но не следует забывать, что город в целом назывался в это время Colonia Julia Felix.

лись им для снабжения действовавшей в Армении в 58 г. н. э. армии Корбулона,[1] но аннексия города вместе с полемоновским Понтом произошла лишь в 63 г. Вероятно тогда же Трапезунт получил статус свободного города. Так его именует Плиний,[2] и от этой даты начинается и эра города на монетах, выпуск которых возобновился при Траяне. О внутреннем устройстве Трапезунта и его органах самоуправления ничего не известно.

Переходим теперь к рассмотрению тех немногочисленных сведений, которыми мы располагаем относительно органов самоуправления в Синопе и Амисе.

То немногое, что нам известно о государственных установлениях Амиса, говорит о сохранении ряда учреждений, функционировавших в этом городе еще во время автономии. Таковыми были, во-первых, совет и народное собрание. При императоре Траяне для узаконения финансовых мероприятий исполнительной власти там требовалось согласие совета и народного собрания,[3] из чего, повидимому, вытекает, что эти последние установления продолжали быть в Амисе во II в. н. э. постоянно действующими учреждениями.[4] Известно также, что в Амисе существовало деление населения по филам. Одна из фил носила название Себастеиды в честь Августа. Надпись, которая сохранила эти сведения, датируется ее издателями III в. н. э.[5] Таким образом, можно думать, что деление на филы просуществовало в Амисе по крайней мере до кризиса III в. Для Амиса засвидетельствовано еще одно чисто греческое установление, а именно эфебия, как это явствует из той же эпитафии Мекия Юлиана, который был эфебом в тот год, когда стефанефором был Демен.[6]

Что касается городских магистратов, то для Амиса с этой точки зрения интересна посвятительная надпись в честь одного

---

[1] Tacit., Ann., XIII, 39.

[2] Plin., Nat. Hist., VI, 11. Как отмечает Рейнак (WBR, стр. 147), Трапезунт на своих монетах никогда не называл себя свободным городом. Рейнак полагает, что он лишился этой привилегии при Траяне, но может быть это произошло после восстания Аникета?

[3] Plin., Epist., X, 110. Плиний называет их греческими именами «boulé» и «ecclesia».

[4] А. Ранович (ВПРИ, стр. 73) на основании 48-й речи Диона Хризостома высказывает предположение, что во время Диона народное собрание в городах провинции действовало нерегулярно и созывалось лишь от случая к случаю, с разрешения римских властей.

[5] ИРАИК, IX, стр. 256 (Р. Х. Лепер)=Studia Pontica, III, стр. 9, № 3в — эпитафия Мекия Юлиана.

[6] Там же. Некоторые исследователи, основываясь на данных нумизматики, полагают, что Амис был центром судебного округа (см.: Th. Broughton, ук. соч., стр. 709).

гражданина этого города,[1] имя которого не сохранилось полностью, но может быть частично восстановлено, как Μάρ[κος] ...ιος Ἀντων[εῖνος]. Надпись гласит:

...ἀπὸ προγόνων βασι
Λ]έων τετράρχω[ν
στεφα]νεφόρων ἀγω
νοθέτων ἀρ]χιερέων Μάρ
κον]... ιον Ἀντων[εῖνον.

«От предков царей, тетрархов, стефанефоров, агонотетов, архиереев Марка... Антонина».

Кюмон и Канья датируют эту надпись эпохой Римской империи без более точного определения. Нам кажется, что время надписи поддается некоторому уточнению. Имя гражданина, в честь которого была воздвигнута надпись, указывает на то, что он жил не раньше времени правления династии Антонинов.

В надписи приводится своеобразная генеалогия чествуемого лица. Предки последнего перечисляются не поименно, а по титулам и справлявшимся ими магистратурам. На первый взгляд может показаться странным, что гражданин Амиса насчитывает в числе своих предков царей и галатских тетрархов. Однако, если мы вспомним ряд фактов из истории Малой Азии I в. до н. э. и I в. н. э., когда по решению верховных римских правителей простые граждане становились вассальными Риму царями (достаточно назвать царя Полемона — ритора из Лаодикеи) и когда, как мы видели на примере предков Страбона,[2] греческие богатые семьи охотно роднились с местной знатью, то генеалогия Марка Антонина не покажется нам невероятной. Помимо царей и тетрархов среди предков Марка Антонина были и магистраты, должности которых тут же перечисляются, откуда мы узнаем о существовании в Амисе I—II вв. ряда магистратур. Это, во-первых, стефанефор — древний почетный титул первого архонта, архонта эпонима

[1] Эта надпись была одновременно издана Р. Х. Лепером (ПРАИК. IX, стр. 250 и сл.) и Кюмоном (Revue des Etudes Grecques, XVII, стр. 331); затем она была переиздана Канья (IGR, III, № 1436) и Кюмоном (Studia Pontica, III, стр. 8, № 3). Лепер коренным образом расходится с другими издателями в датировке и толковании надписи, относя ее к I в. до н. э. и связывая ее с Марком Антонием триумвиром. Ошибочность мнения Лепера была доказана другими издателями надписи, ссылавшимися при этом на аналогичную, но лучше сохранившуюся надпись из Анкары (IGR, III, № 173).

[2] См. главу 7, стр. 209.

текущего года.[1] Стефанефоры существовали в Милете еще в VI в. до н. э., а в эпоху эллинизма и римскую эпоху этот титул получил чрезвычайно широкое распространение в Малой Азии и на островах Эгейского моря. Существование стефанефоров в Амисе свидетельствует о функционировании в этом городе коллегии архонтов, а значение стефанефора как эпонима подтверждается приводившимся нами надгробием Мекия Юлиана, где говорится, что умерший был эфебом, когда стефанефором был Демеп.

Среди предков Марка Антонина значатся и агонотеты, т. е. устроители игр как гимнических, так и мусических.[2] В римскую эпоху эта должность была иногда наследственной в тех случаях, когда какой-нибудь гражданин учреждал новые периодически справлявшиеся игры. Город избирал его тогда почетным агонотетом. Он носил это звание пожизненно и имел право завещать его своему сыну. По большей части, однако, агонотеты выбирались применительно к каждому отдельному случаю. Юридически агонотеты занимали какое-то среднее положение между магистратурой и литургией, но несение этой должности всегда было связано с крупными расходами. Агонотеты не только определяли состав участников игр, были распорядителями и судьями состязаний, но обязаны были также оказывать участникам игр широкое гостеприимство, а иногда и раздавать угощение публике в течение всего празднества.

На этом кончается перечисление предков Марка Антонина, занимавших гражданские должности. Но среди них были еще архиереи, т. е. верховные жрецы. Эта должность была выборной и годичной, но функции архиереев были различны.[3] Архиерей мог быть старшиной коллегии жрецов при культе определенного божества. Но нередко архиерей стоял во главе культа императора.

Из других источников можно установить для Амиса еще должность официального писца — Ἀμισηνῶν σημειογράφος, упоминание о котором встречается на происходящей из Амиса эпитафии некоего Евлога.[4] На официальный характер этой должности указывает слово Ἀμισηνῶν, т. е. города Амиса.

---

[1] JGC, стр. 46 и сл., а также стр. 163 и сл.

[2] JGC, стр. 163, ср. стр. 234.

[3] RE, s. v. Ἀρχιερεύς. Архиереи — служители культа императора носили особые повязки, украшенные портретами императоров (см.: L. Robert. Études Anatoliennes, табл. IV, *1* и указанную в тексте к этой таблице литературу).

[4] Studia Pontica, III, стр. 8, № 3а. Кюмон (там же, стр. 7, № 1а) называет еще должность астинома, основываясь на найденном в Амисе фрагменте плоского кирпича (brique plate) с клеймом, на котором зна-

Как ни скудны приведенные нами свидетельства о государственном устройстве Амиса, они все же позволяют установить два факта: во-первых, существование в Амисе самоуправления и, во-вторых, сохранение этим городом, если не считать жреческих должностей архиерея и понтарха (о нем см. стр. 370), установлений, унаследованных от тех времен, когда Амис был автономным полисом.

Иное положение вещей мы застаем в Синопе, переименованной в Colonia Julia Felix. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения показывают, что органы самоуправления этого города были преобразованы по образцу Рима, как это обычно для всех римских колоний. О народном собрании Синопы прямых сведений не сохранилось, но некоторые посвящения были воздвигнуты от лица демоса[1] или демоса и совета, что, видимо, указывает на функционирование в Синопе народного собрания. Город Синопа был разделен на округа, которые, как в Риме, носили название «vici».[2] Городской совет называется иногда βουλή,[3] иногда σύνκλητος — обычный греческий термин для обозначения римского сената.[4] Члены совета именуются декурионами или, по-гречески, συνκλητικός,[5] а иногда βουλευτής.[6] Кроме того, в Синопе действовала еще коллегия старейшин πρεσβυτικός[7] — герусия, учреждение, встречающееся во многих городах Малой Азии в эпоху империи, по всей вероятности выполнявшее функции культового характера.[8]

Интересные сведения о магистратурах Синопы дают надписи и прежде всего надпись, найденная в амфитеатре этого города.[9] Сохранность ее далеко не полная. Не хватает трех

чатся имена астинома Форбанта и фабриканта ΣΕΙΔΩΝΥΟ (вероятно Ποσειδώνιος). Эти имена встречаются в списках Б. Н. Гракова (Древнегреческие керамические клейма, стр. 196 и 208), и надо полагать, что «плоский кирпич» — не что иное как плоская синопская черепица, привезенная в Амис из Синопы. Астином здесь, следовательно, синопский, а не амисский.

[1] IGR, III, 94. — RA, 1916, стр. 338, № 5. См. также стр. 322.

[2] RA, 1916, стр. 339, № 6.

[3] IGR, III, 96=W. Kaibel, ук. соч., № 875 =RA, 1916, стр. 338, № 5.

[4] IGR, III, 95.

[5] IGR, III, 95. См. также монеты Синопы с буквами «D. D.» (WBR, Sinope, №№ 81, 85, 89, 90b, 92 и др.) и надпись, воздвигнутую по постановлению декурионов (CIL, III, Suppl. 6981).

[6] IG, III, 1, 29=Rob., 89.

[7] IGR, III, 95.

[8] См.: RE, s. v. Gerontes, Gerusia, Sp. 1267.

[9] IGR, III, 95. См.: L. Robert. Les gladiateurs dans l'Orient grec. Paris, 1940, стр. 130, № 78 и стр. 285.

первых строк и конца надписи, а в сохранившихся строках много лакун, которые, однако, почти все без труда восстанавливаются.

[Κλαύδιον . . . . . .]
. . . . . συ . . . . . .
. . . . . ος γενόμενον γυμ
νασιάρχον ἄρχοντα τοῦ
πρεσβυτικοῦ Ποντάρχην ἐπιτε
λέσαντα ταυροκαθαψία
καὶ κυνηγέσιον καί [μονομα
χίαν[1] μεγαλοπρεπῶς, ἔκγονον
Κλαυδίου . . . . . .
ἀδελφὸν δὲ τῆς κρατίστης
συνκλητικῆς Κλαυδίας
Παύλης ἱερείας Θεᾶς
Εἴσιδος οἱ συνπροστάται
καὶ ὁ συνέφορος ἐπ'εὐ[νοίᾳ τῇ εἰς αυ
τοὺς . . . . . .

«... Клавдия... Тимнасиарха, архонта коллегии старейшин, понтарха, великолепно справившего бои быков, охоту и бой гладиаторов, потомка (или сына) Клавдия... брата отличнейшего члена совета Клавдии Павлы, жрицы богини Изиды, товарищи по магистратурам и товарищ по эфорату за расположение к ним».

Это — почетный декрет в честь некоего гражданина Синопы, изданный по постановлению его коллег по магистратурам.[2] Имя этого гражданина, помещавшееся в первых строках надписи, не сохранилось. Оно предположительно восстанавливается как Клавдий по именам упоминающихся в той же надписи отца (или предка) чествуемого и его сестры Клавдии Павлы. Не полностью, повидимому, сохранился и список занимавшихся Клавдием должностей. Так, в качестве одного из посвятителей надписи значится товарищ чествуемого по эфорату (συνέφορος), а между тем в сохранившемся тексте нет упоминаний о том, что Клавдий был эфором. Перечисляются только следующие его должности: гимнасиарх, архонт кол-

[1] Слово Μονομαχίαν восстановлено Робером на основании списка надписи, сделанного путешественником Паскалем Фукаром (Pascal Foucart), видевшим эту надпись в лучшей сохранности.

[2] О порядке издания почетных декретов в греческих городах Малой Азии в эпоху Римской империи см.: L. Robert. Les gladiateurs. . ., стр. 257.

легии старейших и понтарх. Гимнасиарх — выборный начальник гимнасия, на обязанности которого лежали заботы о воспитании молодого поколения, связанные с некоторыми хозяйственными и культовыми функциями.[1] О герусии — коллегии старейшин — мы уже говорили выше. Архонт герусии — очевидно председатель этой коллегии.

Должность гимнасиарха и архонта герусии не привлекает к себе особого внимания, но на должности эфора следует остановиться более подробно. В качестве лиц, посвятивших памятник Клавдию, значатся не только συνπροστάται, т. е. товарищи Клавдия по магистратурам, но и συνέφορος, т. е. его товарищ по эфорату. Отсюда мы узнаем о существовании в Синопе должностных лиц — эфоров и о том, что эфорами одновременно состояли два лица — в данном случае посвятитель и чествуемый.[2] Последний, надо думать, еще продолжал состоять эфором, когда в честь его была воздвигнута надпись, о чем вероятно и было упомянуто в первых несохранившихся строках. Интересно также выделение эфората из прочих магистратур, чем, вероятно, подчеркивалось его особо важное значение. Эфорат был, повидимому, высшим органом исполнительной власти в Синопе, и греческое название эфор соответствовало римскому наименованию «duovir» для магистратов, стоявших во главе управления в римских колониях по образцу двух консулов в Риме. Такое толкование термина «эфор» в разбираемой надписи подкрепляется тем, что дуовиры как высшие магистраты Синопы известны нам по латинским надписям, к разбору которых мы сейчас и переходим.

Первая латинская надпись найдена в Синопе. К сожалению, издатели не дают более точной ее датировки и передают самую надпись в транскрипции.[3] Надпись эта гласит:

C · NVMISIO Sp · f ·
Qui · PRIMO · NA
VARCHO · SACER(D)

---

[1] Гимнасиарх Синопы Гай Секстилий Максим упоминается в синопской надписи (RA, 1916, стр. 338, № 5). Этот же гражданин состоял также кеистархом (ξυναρχήσαντος). Рейнак предполагает, что это временная должность организатора гимнических состязаний. Кеистархи назначались, повидимому, императором от случая к случаю. Д. Маджи (MRR, стр. 1267) предлагает читать не ξυναρχήσαντα, а συναρχήσαντα. В таком случае Секстилия Максима следует причислить к дуовирам Синопы (см. ниже).

[2] Канья (IGR, III, 95) говорит по этому поводу: «Apud Sinopenses binos ephoros simul hunc magistratum egisse ex hoc titulo apparet».

[3] CIL, III, Suppl. 6980 (см.: MRR, стр. 470).

IMP · CAESARIS · AVG ·
AED · IIVIR · ITER · IIVIR
QVINQ · NVMISIA ·
PAVLLA · FILIA · EIVS ·

«Гаю Нумисию Приму, сыну Спурия, из трибы Квирины, наварху, жрецу императора Цезаря Августа, эдилу, дважды дуовиру, дуовиру квинквеналу Нумисия Павла, его дочь».

Надпись, видимо, посвятительная, воздвигнутая в честь человека, занимавшего в течение своей жизни целый ряд ответственных должностей. Поскольку надпись на латинском языке и имя чествуемого чисто римское и к тому же Нумисий Прим в надписи называется навархом, т. е. командующим флотом, очевидно понтийским флотом Рима, можно было бы думать, что перед нами почетная надпись в честь римлянина, воздвигнутая в Синопе в связи с какими-то заслугами Нумисия перед городом. Однако этому противоречит тот факт, что надпись начертана по приказанию дочери чествуемого и, следовательно, носит не общественный а частный характер. Мы поэтому склонны думать, что Нумисий был гражданином Синопы.[1]

Какие же сведения дает эта надпись относительно самого Нумисия? Во-первых, он был римским гражданином, на что указывает не только его имя, но и приписание его к римской трибе Квирине. Во-вторых, в надписи перечисляются занимавшиеся им должности, которые названы там латинскими терминами. Самой низкой из перечисленных должностей является эдилитет. Нумисий был эдилом, т. е., по греческой терминологии, астиномом Синопы. О существовании астиномов в Синопе в эллинистическую эпоху мы хорошо осведомлены благодаря клеймам на синопской керамической таре. В римских колониях эдилы были прямыми помощниками дуовиров, подобно тому как в Риме эдилы были помощниками консулов.

Затем надпись сообщает, что Нумисий дважды был дуовиром и однажды дуовиром квинквеналом. Мы уже говорили, что дуовирами в римских колониях в эпоху Римской империи назывались высшие магистраты, соответствовавшие римским кон-

---

[1] В Малой Азии известно много случаев обмена лицами греческого происхождения при получении ими римского гражданства греческого имени полностью на римское (без греческого «cognomen»; см.: W. Ramsay. Social Basis..., стр. 11—50, №№ 2, 4). Нередко встречаются также почетные надписи в честь провинциалов, римских граждан, достигших высокого положения на римской службе; они составлены на латинском, а не на греческом языке (там же, №№ 1, 8, 11, 25—27).

сулам.[1] Если мы вспомним только что разобранную нами надпись Клавдия, то придем к заключению, что Нумисий, по терминологии этой надписи, дважды был эфором Синопы. Кроме того, Нумисий Прим был дуовиром квинквеналом. Через каждые пять лет дуовиры получали титул дуовиров квинквеналов, и тогда они справляли еще обязанности цензора, главной из которых было составление списка декурионов, т. е. членов совета города. О существовании должности цензора в городах провинции Вифиния-Понт известно по письмам Плиния к Траяну.[2] Далее Нумисий называется жрецом императора Цезаря Августа, т. е. августалом. Августалы в римских провинциях стояли во главе культа императора Августа, справляемого отдельным городом в отличие от понтархов и архиереев, возглавлявших культ императора, который был установлен koinón городов целой провинции.[3] Из этой надписи мы узнаем, следовательно, о существовании в Синопе собственного культа императора Августа. Наконец, Нумисий Прим называется в надписи еще наархом, т. е. командующим флотом, очевидно римским понтийским флотом. Перед нами, следовательно, интересный пример блестящей карьеры гражданина Синопы. Получив или унаследовав от своих родителей римское гражданство, он последовательно занимал в своем родном городе ряд муниципальных должностей вплоть до самых высших и даже стал начальником римских военно-морских сил в Черном море.[4]

Третья надпись, знакомящая нас с магистратурами Синопы, также посвятительная, начертана на постаменте, на котором некогда стояла статуя.[5]

Sacerdoti
omnium Caesarum
T · Veturio T · fil · (C)ol ·

---

[1] См.: MRR, стр. 415.

[2] Plin., Epist., X, 79, 112, 114, 115. Эта должность, судя по указанной надписи, была введена в провинции Вифиния-Понт Помпеем (см.: RE, s. v. Censores, Sp. 1907; Duoviri, Sp. 1825).

[3] См.: MRR, стр. 470. О культе Августа и августалах см.: М. Н. Крашенинников. 1) Римские муниципальные жрецы и жрицы. СПб., 1891; 2) Августалы и сакральное магистерство. СПб., 1895.

[4] Интересно вспомнить, что командующим флотом царя Полемона был его вольноотпущенник Аникет.

[5] RA, 1916, стр. 339 и сл., № 6. Надпись имеет лакуну: конец 5 и начало 6 строки. Те слова, которые помещают там лица, списавшие надпись, — Panec, Ingrati Annon — не имеют смысла.

Campestri, auguri, II viro
II viro guinguenali II viro III...
...sacerdoti dei Mercuri
conditori patriae, IIII misso legato
a colonia in Urbem sine viatico
semel quidem ad divum Hadrianum
III autem ad optimum maximumque dominum or
bis imp · Caes · T · Aelium Hadrianum
Antoninum Au(g) · Pium ·
Ex d(ecurionum) d(ecreto)
vicus...

«Жрецу всех Цезарей, Титу Ветурию, сыну Тита, из трибы Коллины, Кампестру, авгуру, дуовиру, дуовиру квинквеналу, дуовиру в третий раз... основателю города, четыре раза отправленному послом от колонии в Город (Рим, — *М. М.*) без подорожной, один раз к божественному Адриану и три раза к самому милостивому, величайшему властелину земли, императору Цезарю Титу Элию Адриану Антонину Августу Пию, по постановлению декурионов, район...».

Надпись, надо полагать, относится к царствованию Антонина Пия, скорее всего к последним его годам. Чествуемый Тит Ветурий Кампестр — римский гражданин и, видимо, сын римского гражданина, приписанный к трибе Коллине,[1] был понтархом,[2] авгуром, дважды был дуовиром и однажды дуовиром квинквеналом, наконец жрецом бога Меркурия, т. е. Гермеса. Четыре раза он ездил послом от колонии Синопы в Рим, один раз к Адриану и три раза к Антонину Пию, причем особо отмечается то обстоятельство, что он ездил не на общественные, а на собственные средства. Статуя была воздвигнута по постановлению совета одним из районов города Синопы. Большинство должностей, занимавшихся Ветурием, уже известно нам по предшествующим надписям. Мы вновь встречаемся здесь с дуовиром и квинквеналом, а также с понтархом. Новыми здесь являются две жреческие должности — жреца Меркурия—Гермеса и авгура.

В общем эта надпись лишний раз подтверждает факт реорганизации органов самоуправления Синопы по римскому

[1] Рейнак, ссылаясь на Моммзена (Th. Mommsen, ук. соч., III, 443), отмечает, что к этой трибе было приписано много уроженцев Азии, получивших римское гражданство.

[2] Вспоминая надпись в честь Клавдия, мы полагаем, что именно так следует переводить латинский термин «sacerdos omnium Caesarum». Рейнак полагает, что Ветурий был жрецом культа императоров города Синопы, но такой культ нами пока не засвидетельствован.

образцу. Исполнительная власть находилась в руках двух дуовиров-эфоров, а помощниками их состояли эдилы-астиномы. Законодательная власть принадлежала совету, члены которого — декурионы — назначались цензорами-дуовирами квинквеналами, и народному собранию. Среди жреческих должностей имеется должность авгура, т. е. жреца-прорицателя. Авгуры — чисто римская жреческая коллегия; при основании римских колоний в Италии и в провинциях в них учреждались по образцу Рима и коллегии авгуров.[1]

Особо следует сказать о понтархах, засвидетельствованных как для Синопы, так и для Амиса. Это — должность верховного жреца культа императора союза городов Понта, подобно тому как Азиарх был главой того же культа союза городов провинции Азии. Как таковая, она в сущности стоит вне магистратур одного города. Известно, что объединения греческих городов в эпоху Римской империи носили культовый характер. Города объединялись с целью совместного отправления официального культа богини Ромы, олицетворявшей Рим и римского императора. Один из союзных городов становился центром этого культа, и там специально для этой цели воздвигался храм, при котором ежегодно совершались религиозные церемонии с вознесением молитв за благоденствие императора, сената и римского народа, сопровождавшиеся играми, в которых принимали участие все города союза. Общее руководство в этих празднествах принадлежало главному жрецу — κοινόν'α. Перед нами, следовательно, новое установление, целью которого была поддержка престижа римской власти и римского императора, и главный жрец был высшим представителем этого установления.

На территории Понта существовало, повидимому, не одно, а несколько таких объединений городов. Многое, однако, еще неясно в вопросе о том, какие именно города входили в тот или иной союз и какой город считался среди них центральным. В настоящее время может считаться установленным, что Синопа и Амис входили в состав союза десяти приморских понтийских городов, называвшегося κοινὸν τῶν ἐν Ποντῳ πόλεων. Основанием для этого служит надпись, происходящая из Гераклеи Понтийской.[2] Она представляет собой надпись посвятительную. В ней говорится о том, что совет, народ и союз городов Понта почтили архиерея Понта Аврелия

---

[1] RE, s. v. Augures, Sp. 2343 и сл. (Wissowa).

[2] IGR, III, 79. См. также надпись из Амастрия, изданную в книге: L. Robert. Études Anatoliennes, стр. 259, а также: IGR, III, 87 и 90.

Александра Тимофея. По начертанию букв Канья датирует надпись II—III вв. н. э. Из того факта, что означенная надпись находилась в Гераклее, обычно выводится заключение о том, что именно Гераклея была центром этого союза. Однако надписи с упоминанием понтархов найдены были также в Амисе и в Синопе, и потому вряд ли можно считать этот вопрос окончательно решенным. Понтархом, как мы видели, был видный гражданин Синопы Клавдий. Точно датированная 209/10 г. н. э. посвятительная надпись, найденная в Амисе, называет понтархом гражданина этого города Марка Юлия Юлиана.[1] Во всяком случае как Синопа, так и Амис входили в состав κοινὸν'α городов Понта, и из состава их граждан выдвигались неоднократно жрецы-понтархи, возглавлявшие культ императоров в провинции Вифиния-Понт.

Наличие органов самоуправления в соединении с привилегиями, присущими городам свободным и союзным, должно было, согласно официальной римской точке зрения, означать восстановление в этих городах условий, при которых они жили до включения их в состав Понтийского царства Митридатов. Само собой разумеется, что выражавшееся в этом взгляде преклонение римлян перед свободой греческих городов автономного периода было чистой фикцией агитационного порядка, и действительность далеко расходилась с официальной фразеологией. Прежде всего автономия городов никак не распространялась на вопросы внешней политики, которые были целиком изъяты из ведения органов самоуправления. Последние ведали только узким кругом внутренних дел города, как то: выбором магистратов, городскими финансами, городским благоустройством и т. п., но и тут самостоятельность их решений была условной, и у городов не было никаких гарантий в соблюдении на деле дарованных им привилегий.[2] В одном из своих писем Плиний дает краткое, но чрезвычайно меткое определение зависимого положения даже самих привилегированных городов. Он говорит (письмо 92), обращаясь к Траяну: «Город Амис, свободный и союзный, по милости твоей управляется собственными законами». Другими словами, самоуправление Амиса в конечном счете зависело от милости императора. И действительно, деятельность органов самоуправления находилась под постоянным контролем римской провинциальной администрации. Для этой цели, в некоторых по

[1] IGR, III, 97=Studia Pontica, III, стр. 7, № 2. См.: L. Robert. Les Gladiateurs..., стр. 130, № 78, и стр. 285. Подробнее об этой надписи и надписи в честь Клавдия см. ниже, стр. 279 и сл.

[2] JGC, стр. 131 и сл.

крайней мере городах, находился специально присланный туда представитель Рима, так называемый ecdicus — адвокат, на обязанности которого лежала защита финансовых интересов города от всяких попыток нанести им ущерб. Фактически же это был посредник между городскими магистратами и проконсулом, управлявшим провинцией, наблюдавший за деятельностью органов самоуправления.[1] Такой экдик засвидетельствован и для Амиса.[2] Но кроме того, по мере надобности, как только император находил это необходимым, он, в силу присущего ему высшего imperium'а, имел право отправлять в провинцию своих наместников, обладавших неограниченной властью и ответственных только перед императором. Действуя от лица главы государства,[3] наместник стоял выше сенатской провинциальной администрации и по своему усмотрению мог вмешиваться в работу органов самоуправления, что оправдывалось высшими интересами государства — «упорядочением обычаев и установлением порядков, которые навсегда обеспечат этой провинции мирную жизнь (perpetua quies)».[4] Провинция Вифиния-Понт, имевшая крупное стратегическое значение с точки зрения римской политики на востоке, особенно часто видела в своих пределах императорских наместников. В I в. н. э. там действовали при императоре Клавдии Юний Цилон и Гай Юлий Аквила,[5] затем, в 78 г., Люций Антоний Насон.[6] При Траяне туда в качестве legatus pro praetore был послан Плиний Младший, а после смерти последнего, последовавшей, может быть, в Вифинии, Траян назначил ему преемника-друга Плиния Гая Юлия Корнута Тертулла, который продолжал и успешно довел до конца мероприятия своего предшественника.[7] В 136/37 г. легатом Вифинии был Юлий Север.[8]

Сохранившаяся переписка Плиния с Траяном позволяет нам составить ясное представление о том, как действовали наместники императора в сенатских провинциях, каков был круг занимавших их вопросов и как они соблюдали автономию провинциальных городов. В последнем отношении особенно характерны письма, касающиеся учреждения кассы

---

[1] JGC, стр. 244. — RE, s. v. Ecdicus.
[2] Plin., Epist., X, 110.
[3] Plin., Epist., X, 18.
[4] Plin., Epist., X, 117.
[5] RE, s. v. Unius, № 66; Julius, № 81.
[6] RE, s. v. Antonius, № 80.
[7] RE, s. v. Julius, № 196, особенно Sp. 574.
[8] RE, s. v. Julius, № 484.

взаимопомощи в Амисе[1] и урегулирования финансов в Апамее.[2] Амис, согласно союзному договору, зафиксированному в Lex Pompeia, имел полное право учредить у себя подобную кассу, однако город не решился действовать в этом деле самостоятельно. Он направил соответствующее ходатайство к императорскому легату, а последний также не счел возможным взять на себя ответственность при решении этого, казалось бы, мелкого дела и обратился за инструкцией к Траяну. Траян дал свое согласие, не считая возможным нарушать закон Помпея, однако с рядом оговорок, обнаруживающих опасения императора перед созданием в городе общественных союзов. «Мы можем им (жителям Амиса, — *М. М.*) в этом не препятствовать,— писал он Плинию, — особенно если они будут употреблять подобные сборы не на восстания и недозволенные союзы, а на поддержку нуждающихся бедняков». Но соблюдение закона Помпея вовсе не было обязательным для того же Траяна. Так, город Апамея обладал италийским правом и, следовательно, принадлежал к категории самых привилегированных провинциальных городов. Он, между прочим, имел право самостоятельно распоряжаться своими финансами, и проконсулы, правители провинции, не проверяли их отчетов. Однако, когда Плиний захотел познакомиться с финансовым положением города и потребовал письменные отчеты, то таковые были ему представлены. Плиний подробно с ними познакомился и переслал их Траяну. Интересно, что, по мнению императора, этим не были нарушаемы права города. «Просмотр твой,— писал он Плинию,—будет происходить по моей воле и будет совершаться без нарушения их особых прав».[3]

Плиния интересуют буквально все стороны жизни городов и провинции в целом, и он вмешивается во все их дела именем императора.[4] А на случай неповиновения под его командой находится значительная военная сила.[5]

Очень много внимания Плиний уделяет финансам городов и вскрытию злоупотреблений при управлении городским имуществом. Он проверяет расходы и доходы городов[6] и заботится

---

[1] Plin., Epist., X, 92 и 93.

[2] Plin., Epist., X, 47 и 48.

[3] Это, видимо, надо понимать как чистую казуистику. В договоре говорилось о том, что Апамея не была обязана представлять финансовый отчет проконсулу, и, действительно, Траян этого не требовал. А про контроль со стороны легата никаких оговорок не было. Следовательно, договор не был нарушен.

[4] Plin., Epist., X, 18.

[5] Plin., Epist., X, 21.

[6] Plin., Epist., X, 17a, 18, 23, 47, 48.

об изыскании источников пополнения кассы, не останавливаясь перед такими мерами, как насильственная отдача в заем свободных городских сумм состоятельным гражданам.[1] С финансовыми вопросами тесно связано городское строительство, которым, как известно, соревнуясь между собой, усиленно занимались в это время города Малой Азии. Плиний единолично или советуясь с Траяном принимает решения о прекращении строительства ненужных с его точки зрения зданий и о доведении до конца других, по его мнению, полезных.[2] В частности, он поднимает вопрос об обеспечении Синопы питьевой водой, так как этот город страдает от недостатка воды, и предлагает для этой цели построить акведук протяжением в 16 римских миль (римская миля равна примерно 1.5 км). Средства, необходимые для этой стройки, он изыскивает сам,[3] и он же организует наблюдение за строительством. Благоустройство провинции и отдельных городов также является предметом забот Плиния. Размах его деятельности в этом направлении очень широк. Он выдвигает грандиозный план преобразования природы — соединения озера Боакс с Мраморным морем посредством канала в целях облегчения транспорта товаров из внутренних областей Вифинии,[4] и он же приказывает изготовить насосы и ведра для тушения пожаров в Никомедии.[5] С пристальным вниманием следит он за порядком зачисления новых лиц в списки граждан [6] и новых членов в городской совет,[7] отдавая предпочтение людям богатым, и он же творит суд и расправу по делам как гражданским, так и уголовным [8] и всячески заботится о поддержании престижа римского императора, в положенные дни торжественно справляя молитвы и обеты за его здравие и благоденствие.[9]

Этим кратким перечислением далеко не исчерпывается многосторонняя деятельность Плиния в качестве наместника императора в провинции Вифиния-Понт. Но и из сказанного

---

[1] Plin., Epist., X, 54 и 55.
[2] Plin., Epist., X, 23, 24, 37, 40, 70, 75, 83, 84.
[3] Plin., Epist., X, 90, 91. Интересно, что Траян высказывает сомнение в том, сможет ли город оплатить постройку акведука. Общественные средства Синопы были очевидно не очень велики. Ряд путешественников XIX и начала XX вв. видели остатки этого сооружения у городской стены Синопы (см.: RS, стр. 131).
[4] Plin., Epist., X, 41, 42, 61.
[5] Plin., Epist., X, 33.
[6] Plin., Epist. X, 114, 115.
[7] Plin., Epist., X, 79, 80.
[8] Plin., Epist., X, 58.
[9] Plin., Epist., X, 35, 36, 52, 53, 88, 89, 102, 103.

ясно, что городская автономия в годы пребывания Плиния на своем посту была совершенно призрачна. В лучшем случае органы самоуправления могли только обратиться к наместнику с ходатайством по тому или иному вопросу. Иногда они, как это делали апамейцы, неудачно пытались отстаивать свои особые права, дарованные им тем же Римом, когда между городом и легатом возникали разногласия, но по большей части они послушно и без всякого протеста выполняли предписания легата. В этом отношении Плиний был совершенно прав, когда он тотчас же после прибытия в свою провинцию охарактеризовал ее в письме к Траяну как послушную и верную по отношению к императору.[1]

О глухом недовольстве правлением Рима в широких массах населения провинции и о формах проявления этого недовольства мы будем говорить ниже. Что же касается лойяльного поведения органов городского самоуправления, то оно было главным образом результатом социальной политики, неуклонно проводившейся Римом в первые века нашей эры и приведшей в конце концов к перерождению всей системы управления в городах. Так, народное собрание в течение I и отчасти II в. еще продолжало в теории оставаться высшим законодательным органом, выбиравшим магистратов и утверждавшим постановления совета. Но постепенно его деятельность становится простой формальностью.[2] Собрание только штемпелюет кандидатуры, предлагаемые советом, и совет обладает правом veto над постановлениями народного собрания. Деятельность этого последнего постепенно замирает, собрания созываются нерегулярно, а затем, за ненадобностью, они вовсе прекращаются.[3]

Власть сосредоточивается теперь в руках городского совета, и римская администрация принимает все меры к тому, чтобы членами совета состояли только представители богатых слоев населения. В провинции Вифиния-Понт соответствующие мероприятия восходили, повидимому, еще к Помпею.[4] В состав совета механически включались магистраты, отбывшие должность. Свободные вакансии периодически заполнялись цензором, причем основным критерием для выбора, кроме возрастного, был имущественный ценз. Наконец иногда сам император назначал по своему усмотрению отдельных членов, и в та-

---

[1] Plin., Epist., X, 17, B.

[2] JGC, стр. 177 и сл.

[3] В большинстве городов это происходит в конце II в., а в некоторых городах в начале III в.

[4] Plin., Epist., X, 79, 112, 114. См. также: JGC, стр. 171.

ких случаях (так было при Траяне) новые члены вносили в городскую кассу одну или две тысячи денариев в качестве вступительного взноса. Вероятно ради увеличения этого источника общественных доходов установили обычай назначать членами совета граждан не только данного города, но и других городов той же провинции, так что одно лицо могло состоять членом совета нескольких городов. Какими соображениями руководствовались римляне при назначении в члены совета, видно из слов Плиния в письме его к Траяну, в котором обсуждается возможность снижения возрастного ценза для поступления в совет.[1] Плиний считал, что «гораздо лучше допускать в курию детей благородного сословия, чем из простонародья». Если прибавить к этому, что должность члена совета становилась постепенно наследственной и что с течением времени магистраты стали выбираться только из состава совета, то станет очевидным, что малоимущие граждане не имели почти никаких шансов приобрести влияние на общественные дела.

В прямой связи с социальной политикой Рима и с отмиранием демократических установлений в городах находился и социальный процесс обособления высшего слоя городского населения, в руках которого сосредоточивались богатство и власть. Правящая верхушка группировалась вокруг курии, как называли римляне городской совет, и члены его получили поэтому название куриалов. Сословие куриалов — крупных рабовладельцев — не было, правда, замкнутым и могло пополняться вновь разбогатевшими гражданами, но в основном оно все же было стабильным, и известно немало случаев, когда члены одной семьи из поколения в поколение занимали видные должности в своем городе, а иногда, как явствует из примеров, приведенных выше (стр. 364 и сл.), перед ними открывалась блестящая карьера на римской службе, и они достигали высокого положения в римском государстве.[2] Не только экономически и политически, но и в правовом отношении сословие куриалов было поставлено в привилегированное положение,[3] и оно превратилось в главную опору римской власти в восточных провинциях империи. Правда, куриалы несли огромные расходы, связанные с отправлением магистратур и с заседанием в совете, поскольку правительство возлагало теперь материальную ответственность за сбор налогов в городе и на его территории на декурионов, а магистраты обязаны были из собствен-

[1] Plin., Epist., X, 79.
[2] W. Ramsay. The social basis..., стр. 11—47.
[3] JGC, стр. 180.

ных средств проводить пышные празднества и раздачи денег населению, жертвовать на постройку общественных зданий и на другие мероприятия, на которые нехватало оскудевших общественных средств. Отправление магистратур превратилось, таким образом, в почетную, но тяжелую обязанность, от несения которой намеченные кандидаты часто старались отделаться путем фиктивного зачисления в профессии, освобожденные от несения общественных должностей и литургий.[1] Правительство, испытывая нехватку кандидатов, всячески боролось с подобными уклонениями куриалов, прибегая к прямому принуждению. Сперва введен был обычай так называемой ὀνομασία,[2] при которой намеченное в магистраты лицо могло снять свою кандидатуру только путем апелляции к управителю провинции и пожертвовав в городскую кассу три четверти своего состояния, т. е., надо думать, примерно сумму, которую ему пришлось бы потратить, приняв магистратуру. Впоследствии, уже при императоре Константине, куриалы были прикреплены к своему родному городу и не имели возможности избежать обязанностей, связанных с участием в городском совете и с несением магистратур.

Скудость наших сведений о внутренней организации Синопы и Амиса не позволяет проследить шаг за шагом пути перерождения в этих городах органов самоуправления в лишенный всякой самостоятельности централизованный административный аппарат. В частности, в нашем распоряжении нет никаких данных о положении вещей в поздней империи. Однако, опираясь на отрывочные свидетельства эпиграфики и античных авторов, можно частично осветить одну сторону этого сложного процесса и установить, что перерождение протекало здесь примерно в таких же формах, как и в других городах восточных римских провинций. Об этом говорят интересные данные, касающиеся образования в этих городах сословия куриалов.

В переписке Плиния с Траяном упоминается гражданин Амиса Юлий Пизон,[3] которому грозит разорение. За 20 лет до возникновения о нем дела, следовательно еще в конце I в. н. э., Пизон, как сообщает Плиний, «дал очень много городу и потратил на это почти все свое состояние». Очевидно, он сделал это в порядке обязательных издержек, связанных с несением высших магистратур. По окончании срока службы

[1] JGC, стр. 184—189.
[2] JGC, стр. 185.
[3] Plin., Epist., X, 110, 111.

он остался без средств, и его преемники по магистратуре, с согласия совета и народного собрания, возместили ему из общественных сумм часть потраченных им денег в размере 40 000 денариев.

В последующие годы Траян запретил трату общественных средств на подобные цели, и, ссылаясь на это распоряжение императора, экдик Амиса потребовал от Пизона возврата дарованных ему денег. Протест Пизона и требование экдика были переданы Плинию, который не нашел возможным сам принять решение и направил дело к Траяну. Император решил дело в пользу Пизона, чтобы, как он писал Плинию, «не подрывать благосостояния многих людей», под которыми он конечно разумел представителей сословия богатых рабовладельцев, находящихся под особым покровительством римских властей. Этот случай наглядно показывает обстановку, в которой складывалось привилегированное сословие куриалов. Юлий Пизон, как показывает его имя, пользовался правом римского гражданства [1] и был богатым человеком, способным потратить на нужды города большие средства. Угроза разорения была нереальной, так как представители того же сословия позаботились о предоставлении своему собрату весьма значительной суммы из общественных средств, частично переложив, таким образом, понесенные им убытки на плечи широких масс налогоплательщиков, а император поддержал их в этом отношении. Интересно отметить, что, несмотря на запрещение Траяна выдавать вспомоществования из общественных средств разорившимся магистратам, этот обычай получил в дальнейшем широкое распространение и был узаконен в римском законодательстве.[2]

Тот гражданин Амиса Марк... Антонин, о котором говорит надпись, относящаяся, повидимому, ко II в., явно принадлежал к родовой знати, о чем свидетельствует перечисление в надписи его предков.[3] При этом особенно знаменателен

---

[1] Римское гражданство в эпоху ранней империи давалось в провинциях по представлению верховного правителя — проконсула, который собирал на местах сведения о кандидатах с точки зрения их способности оказаться полезными римской власти. В таких случаях новые граждане принимали praenomen и nomen gentile лица, исхлопотавшего ему римское гражданство, которое затем передавалось по наследству от отца к сыну. Возможно, что отец или дед Юлия Пизона получил римское гражданство через посредство Гая Юлия Аквила, наместника Клавдия в Вифинии-Понте.

[2] Digest., LII, 8 (см.: JGC, стр. 342, прим. 49).

[3] См. выше, стр. 362, и надписи из Анкары (IGR, III, 174 и 175).

тот факт, что упоминаются не имена предков, а только занимавшиеся ими должности. Самым важным в глазах Антонина и его сограждан было, следовательно, то обстоятельство, что предки Антонина из поколения в поколение занимали высокие посты, и это как бы давало их потомку право на высокие почести. Кем был сам Марк... Антонин и по какому случаю была начертана надпись, к сожалению, установить нельзя из-за плохой сохранности последней. Судя по имени чествуемого он, так же как Юлий Пизон, был римским гражданином.

Еще один представитель правящего сословия Амиса упоминается в другой, также посвятительной надписи, происходящей из этого города.[1] В ней говорится: «В 241 году (по эре Амиса), когда понтархом были Марк Юлий Юлиан и Секстиллия Кирилла, его жена, (посвятила) группа (φαφίλα) гладиаторов Калидона». Из этого текста следует, что в 209/10 г. н. э. главным жрецом культа императоров союза городов Понта состоял Марк Юлий Юлиан. В качестве понтарха он справил на свои средства празднество, в программу которого входили бои гладиаторов. Гладиаторы ланисты Калидона остались довольны приемом и посвятили в честь устроителей игр какое-то приношение. Особого внимания заслуживает тот факт, что наряду с Марком Юлием Юлианом (тоже римским гражданином) названа и его жена, которая делит с мужем звание понтарха. Случай этот не единичен в практике городов восточных римских провинций.[2] За чрезвычайные заслуги мужа или за крупные пожертвования в пользу культа императоров женщинам присваивались титулы понтарха или архиерея.[3] На этом примере ясно видно, как привилегированное положение мужа распространяется и на его семью.

Процесс образования сословия куриалов еще яснее обозначается на примере знатного гражданина Синоны Клавдия, в честь которого была воздвигнута почетная надпись, приводившаяся нами выше (стр. 365). Как мы видели, Клавдий занимал ряд высоких гражданских должностей и, кроме того, был понтархом. В качестве понтарха он справил на свои средства великолепные игры, в программу которых входили бои

---

[1] IGR, III, 97 = Studia Pontica, III, стр. 7, № 2. См.: L. Robert. Les gladiateurs..., стр. 130, № 78, и стр. 285.

[2] IGR, III, 3342; ср. 2511 и 3677.

[3] См.: P. Paris. Quatenus feminae res publicas in Asia Minor Romanis imperantibus attigerint. Paris, 1896 (эта работа мне недоступна) и ряд примеров в упомянутой работе Рамсея (W. Ramsay. The social basis...).

быков [1] и гладиаторов.[2] Клавдий был, следовательно, одним из самых видных и богатых граждан Синопы. Таковым был и его отец (или предок) Клавдий, упоминаемый в надписи как лицо, хорошо известное в городе; такой же была и его сестра, Клавдия Павла, которая была жрицей богини Изиды и членом городского совета. Здесь перед нами, следовательно, по крайней мере, два поколения декурионов, причем преемственность идет и по мужской и по женской линии.

Об аналогичном явлении говорят еще три синопские надписи. Это, во-первых, посвятительная надпись в стихотворной форме, начертанная на мраморном постаменте статуи девушки.[3] Статуя была воздвигнута по постановлению совета у храма Сараписа за выдающиеся заслуги отца чествуемой. В чем состояли эти заслуги, прямо не говорится — очевидно они еще были всем памятны. Упоминается только, что отец девушки имел какое-то отношение к управлению свободным городом Амисом, т. е. вероятно, согласно распространенному в это время обычаю, состоял членом совета другого города той же провинции,[4] и что его особенно почитали римские императоры; это, надо думать, означало дарование ему титула «лица, известного Августам».

Вторая надпись — это подробно разобранная нами выше надпись в честь наварха Гая Нумисия Прима.[5] В ней отразилась блистательная карьера гражданина Синопы, достигшего высокого положения не только в родном городе, но и в римских военно-морских силах. Знаменателен здесь тот факт, что надпись воздвигнута дочерью этого гражданина, стремившейся таким образом закрепить высокое положение, достигнутое ее отцом, имея, очевидно, в виду и собственные интересы.[6] И, нако-

---

[1] Ταυροκαθαψία. Этот вид боя быков состоял в том, что несколько всадников, преследуя быка, старались его утомить, а затем спешивались, хватали его за рога и убивали (см.: L. Robert. Les gladiateurs..., стр. 318 и сл.).

[2] В надписи сохранилось только окончание слова — χιων, но восстановление слова как μονομαχίων, видимо, сомнению не подлежит (см.: L. Robert. Les gladiateurs..., стр. 131, № 80).

[3] IGR, III, 96. Эта неоднократно издававшаяся надпись считалась надписью надгробной, но Л. Робер (L. Robert. Études Anatoliennes, стр. 297 и сл., № 14) недавно убедительно доказал ее посвятительный характер. Кюмон (Studia Pontica, III, стр. 3) высказывает предположение, что отец девушки был куратором Амиса.

[4] См. выше, стр. 376.

[5] См. выше, стр. 366.

[6] К сословию куриалов Синопы принадлежал и Валерий Эклект, знаменитый атлет, получивший гражданство во многих городах Малой Азии и Греции в результате своих блестящих выступлений на играх (см. выше, стр. 317).

нец, третья надпись, также уже разобранная нами, воздвигнутая в честь Тита Ветурия, из которой можно сделать заключение, что не только сам Ветурий, но и его отец были римскими гражданами. Таким образом, мы видим, что как в Синопе, так и в Амисе привилегированное сословие куриалов постепенно выделялось из массы населения, причем обнаруживалась тенденция к передаче сословных привилегий по наследству.

Как указывает Рамзей,[1] социальная политика Рима по отношению к Малой Азии выражалась не только в поддержке богатой верхушки общества как своей социальной опоры, но и в попытках привлечь на свою сторону некоторые элементы средних и низших общественных слоев с целью расширить социальную базу, на которой основывалась власть Рима. К подобного рода мероприятиям, может быть, следует отнести освобождение от обязанности несения магистратур представителей некоторых профессий, которым таким образом давалась возможность богатеть и служить своего рода резервом для пополнения сословия куриалов. От несения магистратур, повидимому со II в. н. э., освобождались навклеры — собиратели государственных налогов, врачи, преподаватели, военнослужащие и атлеты — участники священных игр.[2] Освобождение их от повинностей мотивировалось, вероятно, вынужденными по роду занятий длительными отлучками из города. Но самый факт освобождения являлся крупной льготой, и недаром многие богатые люди стремились фиктивно приписаться в навклеры,[3] чтобы сохранить свое состояние в неприкосновенности. Но наиболее эффективным средством привлечения на сторону Рима отдельных граждан средних и даже низших слоев населения была служба в римских войсках.[4] Уроженцы провинций, часто простые крестьяне, прослужив 20 лет в римском легионе или 25 в римских вспомогательных войсках, получали missio honesta — почетную отставку вместе с дарованием римского гражданства, значительной денежной суммы и часто земельного участка. Они возвращались на родину обеспеченными людьми, в течение длительного пребывания в римских войсках до известной степени латинизированными и потерявшими связь со своими согражданами, по отношению к которым они занимали теперь привилегированное положение. Естественно, что их интересы были отныне крепче связаны с Римом, чем с родным городом, они становились сторонниками

[1] W. Ramsay. The social basis..., стр. 6 и сл.
[2] JGC, стр. 189.
[3] Там же.
[4] W. Ramsay. The social basis..., стр. 6 и сл.

Рима и проводниками его политики. Такая социальная прослойка римских ветеранов имелась, повидимому, и в Синопе; о ней свидетельствует несколько надгробий.[1]

Первое из них представляет собой фрагмент мраморного саркофага, украшенный рельефными изображениями (рис. 41).[2] Сохранилась часть боковой стенки саркофага, на которой

Рис. 41. Стенка саркофага.

изображена женщина, сидящая на стуле. Она одета в пеплос и длинный плащ; ноги ее покоятся на низкой скамейке. Слева

[1] О том, как далеко от Причерноморья засылались иногда уроженцы Синопы, служившие в римских войсках, можно видеть на примере некоего Тита Мания Магнуса из Синопы, приписанного к трибе Pollia; в качестве центуриона XXII легиона Primigenia Pia Fidelis он возглавлял состоящий из бриттонов отряд numeri на германском лимесе. Повествующая об этом надпись (CIL, XIII, 6502; см.: RA, 1916, стр. 340) относится к середине II в. Она была найдена в долине реки Неккар в Оденвальде.

[2] A. Salač. Note sur trois inscriptions de Sinope. BCH, 1920, стр. 357 и сл. — RA, 1916, стр. 345 и сл., № 7. Согласно заметке в «Archäologischer Anzeiger» (1931, стр. 176), этот саркофаг происходит не из Синопы, а из Самсуна. В надписи на саркофаге говорится об уплате штрафа Синопе в случае осквернения гробницы, что не согласуется с указанием о находке саркофага в Самсуне.

от нее стоит служанка, которая держит в левой поднятой руке какой-то предмет, видимо маленький ящичек. Под стулом стоит ларец, а за фигурой женщины виднеется шкафчик, на котором стоит круглая плетеная корзинка.[1] Под этим главным изображением находился лишь частично сохранившийся орнаментальный фриз. Справа от сидящей женщины на стенке саркофага вырезана надпись билингва — на латинском и греческом языках. Латинская надпись, которая находится наверху, начертана буквами больших размеров. Для греческой надписи не хватило места, и потому буквы ее, в первой строке еще равные по величине буквам латинской надписи, затем становятся все меньше и меньше и, кроме того, теснее прижимаются друг к другу. Обе редакции надписи в общем совпадают, хотя латинская версия несколько более подробна. В надписях сообщается, что Публий Элий Помпей, ветеран центурии в в Карнунте, в Верхней Панонии при жизни соорудил саркофаг своей жене Нумерии Прокопе, прожившей 50 лет, и себе самому. Далее следует обычная угроза возможным осквернителям гробницы, каковые обязаны будут заплатить штраф в 5000 денариев блистательнейшему государству, колонии синопейцев.[2]

Рейнак и Салач датируют надпись примерно вторым десятилетием II в. н. э. Составление надписи на двух языках заставляет думать, что ветеран стоявшей в Карнунте центурии (какого легиона, в надписи не указано) был греком, получившим римское гражданство; отбыв срок службы в римском войске, он вернулся на родину в Синопу. О состоятельности ветерана можно судить по пышности его гробницы.

Вторая надпись была вмурована в стену церкви в современном городке Каруза, находящемся на территории древней Синопы, где ее видел и списал Робинзон.[3] Края камня обломаны со всех сторон, отчего начальные и заключительные буквы строк во многих случаях не сохранились. Первая часть надписи на греческом, вторая — на латинском языках.

---

[1] Эта группа умершей женщины и служанки является интересным и, насколько мне известно, не имеющим аналогий возрождением в новых формах композиций надгробных рельефов классической эпохи.

[2] Вторая строчка этой надписи — Carnuntum Pannoniae Superioris, — так же как слово χαρ(ουντον) в греческой надписи, написаны мелкими буквами между двумя строчками дополнительно, когда остальные строчки уже были готовы. Рейнак считает, что Элий Помпей был родом из Карнунтума, а Салач исправляет чтение Рейнака и допускает истолкование этого места в том смысле, что центурия, в которой служил Элий Помпей, стояла в Карнунтуме.

[3] Rob., № 51. Робинзон не датирует надписи более точно.

Σ] ἑξτος Ἐγν[άτιος
Ἐγνατίου ο...
Πρ]ῶτης σπείρης
P]UBLILIA URB...
EGN.

Буквы 5-й строки начертаны другим, более крупным шрифтом. Повторение имени усопшего в конце надписи — явление довольно распространенное.[1] Покойник носит римские имена Секста и Игнатия, но полное имя его составлено не по римскому, а по греческому образцу: вместо когномена дано имя отца в родительном падеже. Это обстоятельство, так же как греческий язык надписи, указывает на греческое происхождение покойного. Римское имя и римское гражданство он, видимо, унаследовал от отца, поскольку тот также носит римское имя Игнатия, но упоминание в 3-й строке первой спейры, что соответствует латинским словам «первая манипула», указывает на то, что Секст Игнатий служил в римских войсках. Имя жены грека Секста Игнатия латинское, и начертано оно латинскими буквами. Возможно, она принадлежала к потомкам италийских колонистов Синопы. Тот факт, что эта надпись находилась в сельской местности, может быть, указывает на то, что Секст Игнатий получил земельный надел по окончании срока военной службы и жил там, занимаясь сельским хозяйством.

Примерно такой же смысл имела вероятно надпись, упоминаемая Робинзоном и найденная в местечке Ортой, в часе пути от Синопы.[2] Судя по краткому ее описанию, дело идет, повидимому, о верхней части мраморного надгробия, увенчанного фронтоном. Латинская надпись в 4 строки плохо читается. Имя покойного, повидимому, Salvius. Он называется v. n., т. е. vir nobilis. Во второй строке несколько букв, первые из них неясны, а затем следуют буквы «gioni», что, возможно, следует дополнить как «legioni». В таком случае это скорее всего опять была бы эпитафия бывшего военнослужащего, поселившегося после выхода в отставку на полученном им земельном участке.[3] Греком, получившим римское гражданство, был, судя по его имени, также синопеец, посвятивший в Синопе

[1] Rob., № 51.
[2] RS, стр. 277, прим. 1.
[3] К этой группе эпиграфических памятников не относится надпись, вмурованная в стену Синопы и представляющая собой посвятительную надпись Квинта Лициния Макрина из XXII легиона Primigenia Pia Fidelis (см.: CIL, III, Suppl. 14402b). Тот же Квинт Лициний Макрин

алтарь Зевсу Гелиосу Λούκιος Σεπ[τί]κιος Ἀπολλαυστός.[1] Судя по форме омеги, надпись относится ко II или III вв. н. э.

Помимо уже приведенных данных, в наших источниках сохранились еще некоторые, правда, немногочисленные, сведения о лицах, живших в Синопе и Амисе и принадлежавших к различным сословиям и профессиям. Касаются они главным образом верхних и средних слоев общества.

Так, в Синопе мы знаем трех навклеров. С одним из них, крупным торговцем, проксеном Херсонеса Гаем Каем Евтихианом, мы уже знакомы.[2] Другой навклер, по имени Маркион, живший во II в. н. э., известен как основатель одной еретической христианской секты.[3] О его богатстве можно судить по тому факту, что, приехав в Рим в 140 г., он пожертвовал в пользу местной христианской общины значительную сумму — в 200 000 сестерций. Сведения о третьем навклере Синопы, Юлии Каллинике, сохранила его надгробная стела, относящаяся к III в.[4] Судя по тому, что стела сделана из мрамора и украшена портретом умершего и длинной стихотворной надписью, Каллиник тоже принадлежал к людям состоятельным. Другая стела, по своей форме сходная с надгробием Каллиника, принадлежала, видимо, молодому ритору. Она относится к началу III в.[5] Надпись на саркофаге, найденном в окрестностях Синопы, называет врача Атерия Максима.[6] Посвятительная надпись под ныне утраченным памятником называет имя человека, изваявшего памятник: Χρήσστος Σινωπεὺς Λειτουργὸς ἐποίει.[7] В Синопе найден был саркофаг Антонии Сабины, жены Гая скульптора.[8] В одной надгробной надписи упоминается кузнец.[9] Метрическая посвятительная надпись называет скульптора в бронзе (χαλκοτύπος) Евлалия, искусство которого в передаче человеческого тела сравнивается с искусством Гефеста.[10] В находящемся в Синопе саркофаге погребен был Квинт Лициний Фругис, προξενητής, т. е. торговый посред-

известен как центурион IV легиона (Flavia) в Дакии около 105 г. Синопская надпись является до настоящего времени единственным свидетельством о пребывании на Востоке вексилляции XXII легиона, постоянным местопребыванием которого был Майнц (см.: RE. s. v. Legio, Sp. 1812).

[1] Rob., № 25.
[2] IOSPE, I², 364.
[3] См. главу 15, стр. 424.
[4] См. главу 15, рис. 44.
[5] См. главу 15, рис. 45.
[6] CIG, III, 4165=Rob., № 44.
[7] Rob., № 87.
[8] RA, 1916, стр. 334 и сл., № 2.
[9] Rob., № 62.
[10] CIG, III, 4158=Rob., № 38=W. Kaibel, ук. соч., № 907.

ник, маклер.[1] Надгробная надпись христианского времени — θέσις Ἀγαθοδώρου φροντιστοῦ, — видимо, воздвигнута была неким управляющим или агентом.[2] Греческое слово φροντιστής — перевод латинского термина «procurator». Вряд ли здесь имеется в виду императорский прокуратор, на обязанности которого было наблюдение за правильным поступлением доходов в фиск из императорских имений. Для этого памятник слишком скромен. Фрагмент плохо сохранившейся посвятительной надписи упоминает некоего философа.[3] О философе кинике, видимо, говорит начало составленной в чрезвычайно туманных выражениях стихотворной эпитафии некоего Персея.[4]

Из надгробий Амиса можно назвать только одно, сохранившее сведения о профессии погребенного. Это — надгробие врача по имени Трептос.[5] Стихотворная эпитафия говорит о широкой практике покойного. Другая надгробная стела с рельефным изображением, видимо, стояла на могиле ритора.[6]

Кроме только что отмеченных единичных надписей с упоминанием кузнеца и двух скульпторов, в наших источниках нет никаких сведений о ремесленниках, мелких торговцах, свободных и полусвободных земледельцах. Поэтому мы лишены возможности проследить, в каких конкретных формах протекал в Синопе и Амисе общий для римских провинций Востока процесс прикрепления ремесленников к коллегиям и земледельцев к земле. Эдикт, изданный Каракаллой в 212 г., распространявший права римского гражданства почти на все свободное население империи, коснулся, конечно, и городов юго-восточного Причерноморья. Однако в то время эти права, как известно, уже не давали тех привилегий, которые были присущи им раньше, и поэтому мероприятие Каракаллы не оказало большого влияния на социальное положение общественных прослоек.

Немного больше мы знаем о рабах. Сохранившиеся, правда, очень скудные, данные частично содержат косвенные указания на начавшийся кризис рабовладения. Так, в городах провинции Вифиния-Понт существовали, как и в других

---

[1] RA, 1916, стр. 332 и сл., № 1. Под № 61 Робинзон опубликовал небольшой фрагмент надписи, представляющей собой, повидимому, деловой счет, в котором исчисляются проценты. Счет ведется в денариях.

[2] Rob., № 61.

[3] Rob., № 35.

[4] Rob., № 57. См. главу 15.

[5] Studia Pontica, III, стр. 14, № 7b. См. главу 15.

[6] См. главу 15, рис. 47.

местах, городские рабы, которые обслуживали бани, очистку клоак и другие стороны городского хозяйства, за что они получали жалованье. Однако в крупных центрах этой провинции уже при Траяне городских рабов нехватало, и их обязанности часто выполняли лица, осужденные по суду на работы в рудниках или на поступление в гладиаторские школы.[1]

Некоторым из домашних рабов удавалось, повидимому, овладеть профессией и достигнуть известности и благосостояния. Выходцем из рабства был, повидимому, уже упоминавшийся нами амисский врач, эпитафия которого сохранилась до настоящего времени,[2] на что намекает его имя Θρέπτος. Правда, это имя встречается в Греции как имя собственное,[3] но связь с понятием θρέπτος — «вскормленник» вряд ли подлежит сомнению. В начале II в. н. э. это понятие стало, повидимому, чем-то в роде юридического термина. Определение его содержания мы находим в ответном письме Траяна на запрос Плиния о том, каким является правовое положение θρέπτοι.[4] Свой ответ, основанный на справках, произведенных в его личной канцелярии, Траян начинает со следующих слов: Questio ista quae pertinet ad eos, qui liberi nati, expositi, deinde sublati a quibusdam et in servitute educati sunt, saepe tractata est («Вопрос этот, касающийся детей, рожденных свободными, выброшенных, затем подобранных кем-либо и воспитанных в рабстве, рассматривался часто»). Таким образом, речь здесь идет о детях свободных родителей, выброшенных за неимением средств для их воспитания и ставших затем рабами подобравших и вскормивших их лиц. Как явствует из ответа Траяна, многие из таких вскормленников, выйдя из детского возраста, добивались прав свободного человека, и Траян встает в этом вопросе на их сторону, указывая Плинию, что «не следует отказывать в праве на свободу тем, кто будет по таким основаниям претендовать на нее, и не надо им откупаться путем выплаты за свое содержание». Амисский врач, возможно, был именно таким выброшенным ребенком, приемышем, вос-

---

[1] Plin., Epist., X, 31, 32.

[2] См. стр. 386 настоящей книги.

[3] См.: Pape-Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884, s. v. Θρέπτος.

[4] Plin., Epist., X, 65, 66. Следует отметить, что обширная полемика, развернувшаяся по поводу предположения С. А. Жебелева о рабском происхождении Савмака, основанного на толковании слова ἐκτρέψαντα в Херсонесской надписи в честь Диофанта, проходит мимо приводимых предельно ясных слов Траяна. Подробный и обстоятельный разбор всех выставленных за и против гипотезы С. А. Жебелева аргументов см.: В. В. Струве. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3, стр. 23—40.

питанным в рабском состоянии и затем вновь обретшим свободу. Для характеристики тяжелого экономического положения широких кругов свободного населения провинции Вифиния-Понт знаменательно, что, по признанию Плиния, вопрос о «вскормленных» вырос в целую проблему, которую римская администрация на местах не решалась разрешить своими силами.[1]

Из Амиса же происходит еще одна надгробная надпись, заключающая первые пять строк эпитафии некоего Итала, как с полным основанием полагает Кюмон, раба италийского происхождения.[2] Эпитафия выражает ту мысль, что Итал может похвалиться только одним единственным счастьем из доступных смертным; он прожил столько лет, сколько ему было положено Мойрами, и всегда свято соблюдал верность всем своим господам. Судя по тому, что Итал соорудил для себя мраморную стелу, на которой, повидимому, была вырезана не одна, а несколько эпитафий, можно думать, что он достиг известного благосостояния.

Среди синопских эпиграфических материалов не сохранилось бесспорных надписей рабов. Но если правильна догадка Робинзона относительно сильно фрагментированной надписи, посвященной одному из римских императоров,[3] то в таком случае мы опять имеем дело с одним из представителей этого класса населения, достигших известного благосостояния. Это дало ему возможность воздвигнуть приношение в честь римского императора.

Таких выходцев из рабов, отпущенных на волю и достигших известного положения в обществе, было теперь больше, чем раньше, в связи с наступившим кризисом рабовладения. Однако основная масса рабов — главная рабочая сила, добывающая материальные средства для жизни общества, — оставалась бесправной и не имела возможности выбиться из подневольного состояния.

Интересное описание условий эксплуатации местонахождений сандарака (реальгара), расположенных на территории Помпейополя, по соседству с Синопитидой, оставил нам

---

[1] Рейнак предполагает (RA, 1916, стр. 332, № 1), что Квинт Лициний Фругис (R o b., № 45) и его брат или родственник Луций Лициний Фругис (R o b., № 73) были вольноотпущенниками Луция Лициния, в качестве проконсула управлявшего провинцией Вифиния-Понт при Августе. Надписи относятся к I в. н. э.

[2] Studia Pontica, III, стр. 14, № 7с. Судя по формам букв, надпись относится к III в. н. э.

[3] R o b., № 74, см. выше, стр. 324 и сл.

Страбон.[1] «Гора Сандаракургион, — говорит он, — внутри пуста из-за горных разработок, так как рабочие прорыли в ней огромные штреки. Работы производились откупщиками, которые использовали труд проданных за преступления рабов. Дело в том, что, помимо тяжелого труда, воздух в разработках, как говорят, смертелен и почти невыносим из-за тяжелого запаха глыб (руды) и люди обречены там на скорую смерть. И, более того, работы в подземных ходах часто прерываются из-за их нерентабельности, поскольку рабочих более 200 человек и они непрерывно выбывают из строя вследствие болезни или смерти».

Эксплуатация рабского труда в ее самых тяжелых формах была следующим образом охарактеризована Карлом Марксом (Капитал, т. I, 1951, стр. 240 и сл.): «Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, где дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме— в производстве золота и серебра. Насильственный труд, убивающий работника, является здесь официальной формой чрезмерного труда. Достаточно почитать Диодора Сицилийского».[2] Такие формы труда существовали, следовательно, и в провинции Вифиния-Понт. Согласно описанию Страбона, в I в. н. э. труд рабов в горных разработках, в условиях примитивной техники, оказывался нерентабельным, и это влекло за собой перебои в производстве.

---

[1] Strab., XII, 3, 40.

[2] Полный перевод этого текста из Библиотеки Диодора Сицилийского (III, 12) дан мной в сборнике «Эллинистическая техника» (М.—Л., 1948, стр. 18—21). Диодор, со слов греческого географа Агатархида (III—II вв. до н. э.), рассказывает: «В отдаленнейшей части Египта, близ границ Аравии и Эфиопии, находится местность, изобилующая многочисленными и богатыми золотыми рудниками, откуда золото добывается в большом количестве, но ценою тяжелого труда и больших затрат... Цари Египта посылают на эти золотые рудники осужденных преступников и военнопленных, а также многих преследуемых по ложным обвинениям и заключенных под стражу по личной вражде; иногда ссылают туда только самих осужденных, иногда и всех их родственников и таким образом одновременно осуществляют наказание преступников и получают громадные доходы от плодов их труда. Число осужденных на эти работы очень велико; работают они непрерывно, причем ноги их закованы в цепи; не только днем, но и в течение всей ночи они не имеют никакого отдыха, и все возможности к бегству для них отрезаны... Здесь не встретишь никакой жалости или снисхождения к больным и немощным, к старикам и к слабым женщинам. Все должны, принуждаемые к тому побоями, работать без устали до тех пор, пока смерть не положит конца их мукам и горю. В чрезмерных своих мучениях эти несчастные представляют себе будущее еще более ужасным, чем настоящее, и с нетерпением ожидают смерти, которую они предпочитают жизни».

Приведя имеющиеся налицо очень скудные сведения о социальном составе населения Синопы и Амиса, уместно будет добавить несколько слов о различных этнических элементах этого населения. К сожалению, и по этому вопросу источники наши совершенно недостаточны, и мы лишены возможности дать сколько-нибудь обстоятельный на него ответ. Постараемся собрать здесь те разрозненные факты, которые проливают на него некоторый свет.

Ни один литературный источник не содержит в себе прямых сведений о местном элементе среди населения Синопы и Амиса первых веков нашей эры. Только относительно маленького приморского городка Абонутейха—Ионополя, расположенного в той же провинции Вифиния-Понт и, так же как Синопа, на пафлагонской земле, можно по этому вопросу почерпнуть некоторые сведения из знаменитого произведения Лукиана «Александр или лжепророк». Рассказывая о проделках этого обманщика, Лукиан неоднократно подчеркивает, что своими успехами Александр был обязан главным образом пафлагонцам, людям, по его словам, по большей части богатым, но суеверным и необразованным, готовым все принимать на веру. Они жили в окрестностях Абонутейха, но сбегались в город толпами, чтобы видеть чудеса нового пророка. Из этих слов можно заключить, что пафлагонцы были преимущественно сельскими жителями, но что они свободно общались с городским населением. Во времена Лукиана многие из них обладали известным достатком, но плохо воспринимали греческую культуру, отчего Лукиан называет их необразованными.

Недлинный список личных имен, сохранившихся в надписях Синопы и Амиса (на монетах интересующего нас периода личных имен нет), показывает, что огромное большинство жителей этих городов носило имена греческие или латинские. Последние могли принадлежать как переселенцам из Италии, так и грекам, получившим римское гражданство. В небольшом числе попадаются и имена иного происхождения.

Несомненно местным следует считать имя Μάνης. Вместе с неясным патронимиконом оно начертано на обломке стелы, найденном на предполагаемом месте некрополя Синопы.[1] Робинзон приводит многочисленные аналогии из литературных текстов, доказывающие фригийское или пафлагонское происхождение этого имени. В эпиграфических материалах, опубликованных в первом выпуске «Monumenta Asiae Minoris Antiqua» и происходящих из восточной Фригии, это имя

[1] RS, стр. 447.

встречается особенно часто (22 раза), тогда как на памятниках других районов Малой Азии, опубликованных в том же издании (вып. III—VI), оно, правда, попадается, но лишь в виде единичных примеров.

Имя Μάης, видимо, иранское или малоазийское.[1] В греческих областях оно встречается очень редко.[2] На синопских надгробных надписях оно попадается дважды: во-первых, на одной надписи, найденной на территории Синопы,[3] и, во-вторых, на эпитафии гражданки Синопы, умершей в Афинах.[4] В Афинах же найдено надгробие гражданина Амиса по имени Μάης Μάου.[5] Носил это имя и один милетянин, погребенный в Афинах.[6] Встречается оно и в северном Причерноморье.[7] В надписях Синопы и Амиса можно найти еще два, видимо, местных, имени, для которых, насколько мне известно, аналогий не находится. Это патронимикон на упомянутом надгробии, найденном на территории Синопы, читаемый как Σαροάνδης, и имя гражданки Амиса, погребенной в Афинах, — Σάσας.[8] Кроме того, в Амисе и Синопе мы встречаемся с иранским именем Φαρνάκης,[9] которое, впрочем, в этих местах могло принадлежать и неиранцу. Само собой очевидно, что разбор имен собственных не дает нам в данном случае сколько-нибудь ясного представления о смешении греческого населения с местным в греческих городах юго-восточного Причерноморья в первые века нашей эры. Больше дает знакомство с их культурой того же времени, к чему мы вернемся в главе 15.

Как видно из только что изложенного, конкретные данные о социальном и этническом составе населения интересующих нас городов в первые века нашей эры столь бедны, что, основываясь только на них, невозможно было бы даже наметить направление, в котором развивалось населявшее их общество.

---

[1] Иранским его считает Юсти: J u s t i. Namenbuch (см.: IOSPE, IV, № 285).

[2] В словаре Pape-Benseler «Eigennamen» приведено всего два таких случая: один раз для Родоса и один для Македонии.

[3] R o b., № 49.

[4] IG, III, № 2910.

[5] IG, III, № 2272.

[6] IG, III, № 2746. Для малоазийской локализации имени см. еще: OGIS, № 375; MAMA, III, № 233.

[7] IOSPE, I², № 104 (Ольвия) — надпись видимо I в. н. э.; II, №№ 172, 427 и 452; IV, №№ 285, 318, 319, 322 (Боспор) — почти всегда в сочетании с варварским патронимиконом.

[8] CIA, II, 3, № 2779.

[9] Амис: Studia Pontica, III, № 5 — надгробие; Studia Pontica, III, № 10 — резной камень, найденный в Самсуне, с изображением фортуны и именем владельца Φαρνάκου. Синопа: IOSPE, II, № 299.

Разрозненные факты становятся понятными только в рамках общего исторического процесса, протекавшего в это время в восточных римских провинциях. Учитывая ход этого общественного развития и его основные этапы, мы получаем возможность понять историческое значение приведенных выше фактов, касающихся непосредственно Синопы и Амиса, и вывести из них заключение о том, что социальные сдвиги происходили там в основном в тех же направлениях, как и в других городах Малой Азии. Из массы свободных граждан, при деятельной поддержке со стороны Рима, постепенно выделяется обособленный высший социальный слой, обладающий правовыми привилегиями, богатством и властью. Формирование этого сословия декурионов отчетливо прослеживается в Амисе и Синопе. Оно предполагает обратный процесс на другом полюсе того же общества — обнищание народных масс, испытывающих на себе двойной гнет Рима и собственных эксплуататорских классов и не имеющих почти никакой возможности улучшить свое материальное положение. Эта сторона единого социального процесса в том, что касается Синопы и Амиса, за неимением данных, остается для нас в тени, но по некоторым общим явлениям можно догадываться о глубоком недовольстве, которое накапливалось в это время среди угнетенных.

Само собой разумеется, что римская историография постаралась либо совсем замолчать, либо исказить значение тех противозаконных действий, в которых выражалось недовольство эксплуатируемых. Однако, несмотря на это, сквозь мираж мирной и благополучной жизни, созданный и поддерживаемый римлянами, пробиваются признаки, говорящие о том, что широкие слои угнетенных жили в это время в состоянии постоянного брожения, всегда готового вылиться в открытый протест, а римская администрация и местная знать отдавали себе ясный отчет в таком положении вещей и в сущности жили в вечном страхе перед возможными революционными вспышками.

Насколько можно судить по нашим источникам, высший социальный слой местного общества окончательно примирился с утерей политической самостоятельности, найдя в римской власти твердую опору для своих привилегий. Он полностью отказался от борьбы с Римом, и личное честолюбие каждого отдельного лица находило удовлетворение в занятии высокого положения в родном городе, в получении римского гражданства и в допуске к римской государственной, военной и гражданской службе, а через нее и к высшим почестям, доступным римскому гражданину. Протесты против владычества римлян исходили

только из низов общества, сливаясь с социальным протестом, а местная аристократия вместе с римлянами рассматривала эти движения как бунты черни против разумного, установленного богами порядка.

Созданная Римом система эксплуатации провинции при помощи провинциальной знати оказалась чрезвычайно прочной главным образом потому, что широкие круги провинциального населения были неорганизованы и силы его распылены. Поэтому довольно частые, повидимому, революционные вспышки, и даже такие, которые принимали грозный для местных богачей характер, кончались безрезультатно и быстро подавлялись. Единственное крупное революционное выступление, происшедшее в юго-восточном Причерноморье в первые века н. э., — это восстание Аникета в Трапезунте осенью 69 г. Мы не будем подробно останавливаться на этом интересном событии ввиду того, что оно недавно было предметом специального исследования в советской науке и получило, как мы полагаем, правильную историческую оценку.[1] Остановимся только на некоторых его чертах, особенно для нас интересных в связи с общим ходом нашего изложения.

Возможно, Тацит прав, выставляя в качестве одного из мотивов восстания личную обиду инициатора и вождя движения Аникета, командующего царским флотом и человека, пользовавшегося большим влиянием, который не мог примириться с потерей своего высокого положения в царстве Полемона в результате превращения этого царства в римскую провинцию. Однако поднятое им восстание не могло бы достигнуть большого размаха, если бы оно не отвечало накопившемуся в широких слоях населения возмущению. Аникет как варвар, вероятно принадлежавший по рождению к одному из племен юго-восточного Причерноморья, и вольноотпущенник Полемона, т. е. бывший раб, был вполне подходящей фигурой для роли вождя движения протеста широких народных масс.

Воспользовавшись смутами, начавшимися после смерти Нерона в связи с борьбой претендентов на престол, Аникет объявил себя сторонником Вителлия и противником Веспасиана, признанного императором в восточных провинциях. Под этим предлогом он захватил Трапезунт, вырезал его римский гарнизон и сжег римские военные корабли, стоявшие перед городом. Трапезунт, прилегающее к нему побережье и восточная часть Понта оказались таким образом в его власти.

---

[1] А. И. Болтунова. Восстание Аникета. ВДИ, 1939, № 2, стр. 57—67.

Остается неясным, были ли у Аникета какие-нибудь дальнейшие планы действия и преследовал ли он какую-нибудь определенную конечную цель. Тацит трактует все событие как бунт местных племен и шайки соблазненных перспективой легкой наживы бедноты и явно не понимает глубоких причин, вызвавших массовое выступление восставших. Однако Веспасиан не склонен был рассматривать происшедшее как незначительный инцидент. Быстрота, с которой он направил против Аникета отборные войска под начальством опытного полководца, выдает его страх перед возможностью расширения восстания и дальнейшими тяжелыми потерями для Рима. Решающее значение для участи восставших имел удар в спину, нанесенный Аникету одним из местных царьков. Сговорившись с римлянами, он выдал им доверившегося ему Аникета. Давая общую оценку разобранным ею событиям, А. И. Болтунова характеризует их как акт стихийного протеста местных племен против политической и экономической экспансии Рима.[1] Присоединяясь к этому суждению, мы хотели бы только заметить, что если главная роль в восстании бесспорно принадлежала местным племенам, то им была оказана поддержка и теми, кого Тацит называет «беднотой», т. е., по всей вероятности, обездоленными низами греческого населения Трапезунта, солидаризовавшимися с местными племенами в их ненависти к римским захватчикам и их пособникам, высшим социальным слоям греческого и местного общества.

Такие же настроения несомненно господствовали и в широких слоях населения городов провинции Вифиния-Понт, но создавшееся и укрепившееся там положение исключало возможность крупных революционных выступлений. Накоплявшееся из поколения в поколение возмущение народных масс проявлялось в кратковременных чисто локальных взрывах, вроде тех, о которых упоминает Дион Хрисостом[2] для Прусы, Прусиады и Никеи, а также в росте пиратства и разбойничества. Греческий роман этого времени полон рассказов о пиратах и разбойниках, наводивших ужас на путешественников и на целые города. Сохранилась память и о некоторых исторически достоверных и широко известных разбойничьих атаманах. В частности, в соседней с Вифинией богатой и передовой провинции Азии в течение долгого времени подвизался некий Тиллибор или Тиллероб — фигура, в своем роде столь крупная, что историк Арриан потрудился составить его жизнеописание, к сожалению, не сохранившееся до наших дней. Краткое упо-

[1] А. И. Болтунова. Восстание Аникета, стр. 66.
[2] См. речи XXIX, XLV и XLVIII; ВПРИ, стр. 82.

минание об этом сочинении Арриана сохранилось у Лукиана.[1] «Арриан, — говорит этот писатель, — ученик Эпиктета, выдающийся человек среди римлян, всю жизнь имевший дело с наукой... не счел недостойным себя описать жизнь Тиллибора разбойника». И далее рассказывается, что Тиллибор, разбойничая в горах и лесах, бродил по Мисии и по склонам Иды, опустошая Азию. Тиллибор, судя по его имени, был местным уроженцем.[2] Если верить Лукиану, он развил чрезвычайно широкую деятельность, фактически господствуя в значительной части провинции, что предполагает поддержку со стороны местного населения и наличие крупного находившегося под его начальством отряда. Скорее всего в лице Тиллибора мы имеем своего рода античного Робин Гуда — пасынка современного ему социального уклада, покровителя угнетенных, на свой страх и риск создавшего государство в государстве — убежище для обиженных и гонимых элементов общества.

Может быть (высказываем это предположение с должной осторожностью) на социальную или политическую борьбу в Синопе указывает эпитафия Фарнака, сына Фарнака, юноши, родившегося в Синопе и умершего на Боспоре.[3] В ней говорится, что Фарнак удалился из своей отчизны «по доблести» — ἐγ δὲ Σινώπης πάτριδος ἐξ ἀρετᾶς πρὸς δύσιν οἰχόμενον — выражение, которое в данном контексте допускает мысль, что юноша участвовал в каких-то смелых и доблестных действиях и был затем принужден эмигрировать. В Пантикапее он преподавал гимнастику в гимнасии, а родители его, видимо, остались в Синопе, так как памятник на его могиле был поставлен не родными, а приемным отцом.

В переписке Траяна с Плинием выступает неприкрытый страх перед всегда готовым проявиться глубоким недовольством низших слоев населения провинции, страх, вынуждавший наместника и самого императора к принятию всевозможных, иногда суровых мер, направленных к подавлению малейших попыток нарушить установленный порядок. Так, мы видим, что представители римской администрации окружены особой охраной. Плиний имел в своем распоряжении несколько когорт,[4] а вольноотпущенника и прокуратора Траяна Максима, отправившегося на заготовку хлеба в Пафлагонию, сопрово-

---

[1] Luc., Alex., 2 (перевод Д. Н. Сергеевского).

[2] Имена Τιλλόροβος и Τιλλόβορος встречаются в надписях Малой Азии (см.: MAMA, IV, № 110, стр. 71; Glotta, 1913/1914, стр. 156, прим. 5; CIL, VI, 15295).

[3] IOSPE, II, 299.

[4] Plin., Epist., 21.

ждает по распоряжению Плиния сильный воинский отряд, и по возвращении из этой чрезвычайной миссии к нему прикомандировываются четыре воина — постоянная охрана его особы.[1]

Обдумывая мероприятия по улучшению жизненных условий в городах, Траян и Плиний рассматривают их прежде всего с точки зрения политической безопасности, тщательно избегая всего, что могло бы содействовать сплочению граждан в организованные коллективы. Мы уже указывали мельком на обмен письмами между Плинием и Траяном по поводу столь казалось бы невинного начинания, как учреждение кассы взаимопомощи в городе Амисе. Эти краткие послания настолько характерны, что мы считаем нелишним привести их здесь полностью.[2] Плиний пишет Траяну: «Город Амис, свободный и союзный, по милости твоей управляется собственными законами.[3] Поданное мне здесь прошение относительно кассы взаимопомощи присоединяю к этому письму: посмотри, владыка, что здесь и в какой мере следует разрешить или запретить». На это Траян ответил: «Если амисцам, прошение которых ты присоединил к своему письму, разрешено по законам союзного договора иметь кассу взаимопомощи, то мы можем им в этом не препятствовать, особенно если они станут употреблять подобные сборы не на восстания и недозволенные союзы, а на поддержку нуждающихся бедняков. В остальных городах, подчиненных нашему праву, такие учреждения следует запрещать». Итак, Амис, как город особо привилегированный, может завести у себя такое общественное учреждение, как касса взаимопомощи, но деятельность ее будет, видимо, протекать под контролем, иначе собранные средства могут тратиться не по назначению а на противоправительственные цели — восстания и создание нелегальных союзов. В других, непривилегированных, городах провинции кассы взаимопомощи безоговорочно запрещаются.

Еще показательнее обмен письмами между Плинием и Траяном по другому, еще более далекому от политики вопросу — об учреждении в Никомедии пожарной команды.[4] В этом городе пожаром было уничтожено много частных домов и несколько общественных зданий, и Плиний выдвинул проект создания там коллегии пожарников, человек в 150. При этом

---

[1] Plin., Epist., 27, 28, 85.

[2] Plin., Epist., 92, 93 (перевод М. Е. Сергеенко).

[3] Мы уже обращали внимание на эту замечательную формулировку положения свободного и союзного города.

[4] Plin., Epist., 33, 34.

он сразу же обещал принять меры, гарантирующие этот коллектив от возможного превращения в недозволенный союз. «Я буду следить, — говорит он, — чтобы в нее (эту коллегию, — *М. М.*) принимали только ремесленников (очевидно как людей, имеющих обеспеченный заработок) и чтобы они не пользовались данными правами для других целей; держать под контролем такое малое число людей будет нетрудно». На просьбу Плиния последовал, однако, категорический отказ Траяна. «Вспомни, — пишет он Плинию, — что этой провинции и особенно этим городам не давали покоя именно союзы подобного рода. Какое бы имя и по каким бы основаниям мы ни давали тем, кто будет вовлечен в такой союз (лакуна в тексте), в скором времени он превратится в тайное общество». Заключительная фраза этого письма императора полностью вскрывает истинное положение вещей в провинции Вифиния-Понт. Недовольство широких слоев населения установившимся порядком было столь сильно, что при малейшей возможности люди объединялись в кружки и союзы, носившие различные названия и преследовавшие различные цели — профессиональные, религиозные и др., но неизменно превращавшиеся в противоправительственные объединения, стремившиеся к изменению сложившегося порядка. Интересно отметить, что провинция Вифиния-Понт находилась в этом отношении в каком-то особом положении. Так называемые коллегии или гетерии — объединения религиозного, профессионального или бытового характера — существовали, как известно, в Риме, Италии и во многих провинциях, в том числе и на Востоке. Власти терпели их и открыто не преследовали. Иначе обстояло дело в Вифинии-Понте. По каким-то причинам, скорее всего ввиду важного стратегического значения провинции, Траян, как мы видели, с крайней подозрительностью относился ко всяким союзам, под какой бы вывеской они ни возникали. И кроме того Плиний, по прямому повелению Траяна, особым указом вовсе запретил всякие тайные общества, после чего, по словам того же Плиния, люди опасались даже сходиться для совместного принятия пищи.[1]

Итак, все эти наблюдения приводят нас к выводу, что рост производительных сил, развитие производства и торговли, городское и дорожное строительство — все это не способствовало увеличению благосостояния масс непосредственных производителей и шло лишь на пользу эксплуататоров — римского государства и местной знати. Экономический подъем провин-

[1] Plin., Epist., 96.

ций в сущности только увеличивал пропасть между богатыми и бедными, эксплуататорами и эксплуатируемыми и таким образом приближал кризис, разразившийся в Римской империи в III в. н. э. Возможно, как думает А. Ранович,[1] что провинция Вифиния-Понт, которая не испытывала большой нужды в импорте необходимых для жизни товаров и могла существовать, используя собственные природные богатства, проявила известную устойчивость в период великих потрясений IV и V вв., но тем не менее и там сложились такие условия, которые являлись предпосылкой для перехода к новой общественной формации.

Глава 15

КУЛЬТУРА ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В I—III вв. Н. Э.

При изучении культуры греческих городов, расположенных на периферии Римской империи, на первый план в качестве основной, ведущей проблемы выдвигается проблема варваризации. В греческих городах, основанных в варварских странах, процесс слияния греческой культуры с местными культурами начался задолго до образования Римской империи, но только в первые века нашей эры он принял ярко выраженные формы. Это объясняется тем, что высокоразвитая античная культура начала в это время клониться к упадку в результате наступления кризиса всей рабовладельческой системы, и культура племен и народностей, тесно соприкасавшихся с античным миром и частично политически с ним слитых, культура, часто отсталая, но таящая в себе свежие силы, зародыши нового подъема, получила больше простора для своего развития. Ее голос стал звучать громче не только среди варваров, но и среди греческого или полугреческого населения городов. Воздействуя на мировоззрения, сложившиеся в античном обществе, варварская культура содействовала их постепенному перерождению. Завершение этого сложного и многостороннего процесса падает на время, находящееся за пределами того периода, который нас непосредственно интересует. Но в течение первых веков нашей эры в Малой Азии можно наблюдать постепенное его нарастание и порой очень яркие проявления, что мы и постараемся показать применительно к трем крупнейшим городам юго-восточного Причерноморья на при-

[1] ВПРИ, стр. 79.

мерах, к сожалению, немногочисленных из-за скудости источников. Начнем с Трапезунта, так как этот город занимает несколько обособленное с данной точки зрения положение, и перейдем затем к Синопе и Амису, которые имеют в этом отношении много общего.

Согласно рассказу Зосима о захвате и разграблении Трапезунта боранами в 256 г. н. э.,[1] этот город в середине III в. был городом значительным и богатым. Он был окружен двойной стеной, в нем находились храмы и другие общественные здания. В настоящее время фундаменты строений античной эпохи погребены под византийскими зданиями и современными домами.[2] На виду находятся только отдельные античные архитектурные детали, использованные в строениях византийских и турецких.[3]

Некоторое представление об официальных культах Трапезунта можно получить благодаря монетным сериям этого города, начинающимся со времени Траяна и прекращающимся при Филиппе Младшем. В противоположность монетам Синопы и Амиса, в огромном большинстве сохранившим в качестве эмблем изображения богов греческого пантеона, в Трапезунте безусловно доминирует божество чужеземное — Митра. Получается впечатление, что во II—III вв. н. э. бог Митра был главным богом города, а остальные культы отошли перед ним на второй план.[4]

---

[1] Зосим, 33 = SC, I, стр. 791.

[2] Описания Трапезунта см.: Ф. И. Успенский. Отчеты о командировке в Трапезунт. Изв. Акад. Наук, 1916, стр. 1464 и сл.; 1918, стр. 207 и сл.; Studia Pontica, II, стр. 366 и сл. (F. Cumont).

[3] В кафедральном храме богородицы златоглавой на наличнике северных дверей сохранилась мраморная плита с остатками греческой надписи, упоминающей императора Адриана, — древнейшая из известных в настоящее время греческих надписей Трапезунта (Ф. И. Успенский. Отчет о командировке в Трапезунт. Изв. Акад. Наук, 1916, стр. 1474). Две колонны и капитель из серого мрамора нашли себе применение при постройке портика церкви св. Софии, три колонны находятся в часовне св. Василия (Studia Pontica, II). Над входом в церковь св. Анны вмурован в стену сильно выветрившийся рельеф, изображающий полулежащую мужскую фигуру — вероятно речного бога — и у его ног воина с круглым щитом (рис. 42). В ворота восточной стены Среднего города вмурован античный фриз, украшенный меандром (рис. 43).

[4] Монеты Трапезунта см.: WBR, Trapezous. Из греческих богов тут встречаются: Гермес, представленный в виде Лисипповской статуи (табл. II, *11*; храм и статую Гермеса упоминает и Арриан, см. ниже, стр. 408; см. также гемму из Трапезунта: H. Walters. Catalogue of gems... in the Britisch Museum, № 1395), Дионис, Тиха-Фортуна, а также Сарапис (табл. II, *14*) и Abundancia. Монеты Трапезунта с изображением Митры чрезвычайно многочисленны. Вначале изображается только полуфигура бога с лучами вокруг головы (табл. II, *12*), позднее

Это впечатление подтверждается и другими источниками. Высокий крутой холм, господствующий над городом с востока, называемый в настоящее время Боз-Тепе, был, видимо, центром культа Митры в Трапезунте. Здесь находилось святилище, остатки которого уцелели до наших дней, и здесь стояла статуя бога. Остатки строений античной эпохи были осмотрены Ф. И. Успенским во время первой мировой войны.[1] Обстановка военного времени позволила произвести лишь поверхностный осмотр, который, однако, привел Ф. И. Успенского к выводу об открытии им остатков святилища Митры. Кюмон посетил и описал другую часть того же, повидимому, святилища — естественную пещеру, находящуюся в крутом срезе того же холма. Ее неравномерные стены частично обложены правильной кладкой из тесаного камня. Примерно в центре пещеры бьет ключ чистой воды. По мнению исследователя, здесь находилась крипта храма Митры.[2]

Наблюдения этих ученых приобретают большую долю вероятности благодаря свидетельствам некоторых византийских писателей. В хронике Михаила Панарета и в других произведениях византийской эпохи находятся упоминания о холме Митры у Трапезунта, причем, по всей видимости, речь идет о холме Боз-Тепе.[3] А в одном из житий св. Евгения, покровителя и просветителя Трапезунта, время жизни которого относится к царствованию Диоклетиана, рассказывается о великом подвиге этого поборника христианства.[4] Ночью с помощью двух крестьян из соседних деревень он сбросил вниз стоявшую на высоком посвященном Митре холме статую этого бога и тем положил начало обращению населения в христианство.

Этот рассказ звучит таким образом, будто статуя Митры была своего рода символом язычества в Трапезунте.

Сопоставляя эти известия с данными нумизматики, нельзя не придти к выводу о выдающемся положении, которое зани-

---

добавляется протома коня (табл. II, *13*), и, наконец, появляется Митра-всадник, окруженный обычными спутниками и атрибутами (табл. II, *15* и *16*).

[1] Ф. И. Успенский. Отчеты о командировке в Трапезунт. Изв. Акад. Наук, 1918, стр. 234.

[2] Studia Pontica, II, стр. 367 и сл.

[3] А. Понадопуло-Керамевс. Сборник источников по истории Трапезунтской империи, ч. I. СПб., 1897, стр. 63. — F. Cumont. Textes et monuments relatifs aux mystères de Mithra, II, стр. 55. — Ф. И. Успенский. Отчеты о командировке в Трапезунт. Изв. Акад. Наук, 1918, стр. 234.

[4] А. Понадопуло-Керамевс, ук. соч., стр. 8, 11. — F. Cumont. Textes et monuments..., II, стр. 55.

Рис. 42. Рельеф в Трапезунте.

мал культ Митры в Трапезунте. Этот факт чрезвычайно интересен ввиду того, что греческие города, вообще говоря, охотно вводившие у себя чужеземные культы, сливая или не сливая их с собственными, остались в стороне от могучего течения, приведшего к распространению культа Митры в большей части Римской империи.[1] Культ и мистерии Митры не нашли себе там адептов даже тогда, когда эта религия была близка к тому, чтобы стать господствующей во всей Римской империи.[2] Тем значительнее победа, одержанная Митрой в Трапезунте, очевидно под воздействием каких-то причин, не имевших действенной силы в других греческих приэвксинских городах.

На запад Римской империи культ Митры был занесен солдатами, воевавшими на востоке и вероятно еще со времени походов Помпея познавшими переднеазиатского бога небесного света, ставшего затем в зороастризме божеством — носителем правды и справедливости. В Трапезунте, после аннексии его Римом, стоял значительный отряд римских войск, однако мало вероятно, чтобы господствующий в городе культ мог быть внедрен чужеземным гарнизоном. Гораздо больше оснований предполагать здесь воздействие культуры народов и племен, живших по соседству с этим выдвинутым далеко на восток греческим городом.

В Закавказье и на востоке Малой Азии бог Митра почитался, повидимому, задолго до появления там римских войск. В Армении, согласно специальному исследованию К. В. Тревер,[3] слияние местного бога Арди-Арегу с Митра-Михром произошло не ранее IV и не позднее II в. до н. э. Древней Грузии также не был чужд культ Митры, о чем свидетельствуют некоторые пережитки в праздничных обрядах сванов и гурийцев.[4]

---

[1] F. Cumont. Die orientalischen Religionen im Römischen Heidentum, 1910, стр. 174.

[2] В частности, мы не находим никаких признаков культа Митры в приэвксинских городах Малой Азии. В работе Кюмона (F. Cumont. Textes et monuments..., II, стр. 414) приводятся, правда, монеты Амиса, Амастрия и Киуса эпохи Митридатов, на которых якобы изображена голова Митры. Однако это явное недоразумение. Нет никаких оснований приписывать это изображение Митре только из-за головного убора — персидской тиары (см.: WBR. Amisos, № 13; Sinope, № 58).

[3] К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении. М.—Л., 1953, стр. 77—95, в частности стр. 86.

[4] Вопросу о культе Митры в древней Грузии посвящено исследование С. Н. Макалатия: Культ Джеге-Мисарони в древней Грузии. Тбилиси. 1938. Эта работа, написанная на грузинском языке, известна мне лишь по ссылке Ш. Я. Амиранашвили в его цитируемой ниже статье (стр. 96).

Рис. 43. Рельеф в Трапезуите, меандр.

Ш. Я. Амиранашвили связывает с ним изображения коня на серебряных чашах из Армази и Бори.[1]

Близкие соседи Трапезунта (вспомним, что Трапезунт в течение довольно долгого времени во II в. до н. э. и при Нифодориде непосредственно соприкасался с территорией, подвластной Малой Армении, и даже входил в состав этого государства)[2] восприняли, следовательно, культ Митры, повидимому, еще в эпоху эллинизма, и оттуда он легко мог проникнуть в Трапезунт. Почему именно население этого города так горячо отнеслось к новому культу и поставило бога Митру выше своих старых богов? Означает ли этот замечательный факт только сильное культурное влияние, или это результат этнического смешения населения, — этого мы, к сожалению, не можем проследить, но так или иначе воздействие местной среды на исконные религиозные представления греков сказывается тут с особенной силой.[3]

В одном из литературных памятников II в. н. э., а именно в перипле Арриана, содержатся чрезвычайно ценные сведения об обстановке, в которой во II в. н. э. происходило общение между местными племенами, с одной стороны, и населением греческих городов, а также римскими гарнизонами на побережье — с другой. Имеется в виду та часть перипла, которая касается кавказского побережья от Трапезунта до Диоскуриады—Себастополя, составленная на основании личных

---

[1] Ш. Я. Амиранашвили. Две серебряные чаши из раскопок в Армази. ВДИ, 1950, № 1, стр. 91—101.

[2] Strab., XII, 3, 28.

[3] Следует упомянуть, что Кюмон (F. Cumont. Textes et monuments..., I, стр. 362 и сл.; II, стр. 189, § 3 bis) склонен толковать изображения всадника Митры на более поздних монетах Трапезунта как образ синкретический, сливший воедино Митру и Мена. Основанием для него служит тот факт, что изображения Митры верхом очень редки, тогда как образ Мена всадника весьма распространен. К мнению Кюмона присоединяется Э. Вюст (E. Wüst; RE, s. v. Mithras, Sp. 2135). Поскольку культ Месяца, распространенный во всей Малой Азии (см. описание храма Мена в Кабирах в Каппадокии: Strab., XII, 3, 31), играл также выдающуюся роль в древней Грузии, то эта гипотеза не противоречила бы, а, наоборот, подтверждала бы местное происхождение культа Митры в Трапезунте. Однако против концепции Кюмона возражали, как нам кажется — с полным основанием, Бабелон и Рейнак (WBR, стр. 147), указывая на то, что у всадника на монетах Трапезунта отсутствует непременный признак бога Мена — серп месяца, тогда как прочие сопровождающие его атрибуты типичны для Митры, а не для Мена (о серпе-месяце как отличительном признаке бога Мена см.: Я. И. Смирнов. О фригийском боге Месяце. Сб. в честь Ф. Ф. Соколова, СПб., 1895, стр. 103 и сл.).

впечатлений автора во время инспекторской поездки в бытность его правителем Каппадокии, вероятно в 134 г.[1]

Размещение упоминаемых Арианом крепостей и населенных пунктов на современных картах не вызывает у исследователей почти никаких сомнений.[2] Менее ясны данные перипла, касающиеся названий местных племен и занимаемых ими территорий.[3] Однако проводимое Арианом деление племен на две категории выступает совершенно отчетливо. Это, во-первых, немирные горные жители и, во-вторых, племена, признавшие римскую власть, по крайней мере de jure, и населявшие главным образом прилегавшие к морю равнины.[4] К первым он относит саннов, отождествляя их с дрилами Анабасиса Ксенофонта. О них он сообщает: «Они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезунтцев, и живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы неаккуратно».[5] Это, следовательно, племя, не пожелавшее изменить свой образ жизни в связи с римской экспансией на восток; оно предпочло удалиться в высокогорную местность, сохраняя свою независимость и свой первобытно-общинный строй, и постоянно угрожало греческим городам и римским гарнизонам побережья.[6] Римляне не могли заставить их платить дань. По словам Арриана, они собирались (но так и не собрались) выгнать их из страны. Остальные местные племена управлялись царьками. Некоторые из них подчинялись царю Иберии Фарасману II — другу и союзнику римлян, большинство же было независимо. Почти все эти царьки были ставленниками Адриана, утвержденными им вероятно во время его поездки по восточным провинциям Римской империи, когда он посетил Трапезунт и, может быть, Себастополь, вероятно в 131 г. до н. э.[7] Эти племена, очевидно,

[1] Arr., Peripl., §§ 1—16 и 25, 26. О перипле Арриана и его композиции см.: М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 64 и сл. (немецкое издание — стр. 58—63).

[2] По вопросам локализации упомянутых в перипле пунктов кавказского побережья см.: ВДИ, 1938, № 2, стр. 307 и сл.

[3] См., однако, схему расселения этих племен, принятую в труде Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа «История Грузии» (ч. I, стр. 83).

[4] Arr., Peripl., § 15.

[5] Перевод П. Н. Прозорова в «Scythica et Caucasica».

[6] Как поступили в свое время и моссинойки-хентакометы (см. стр. 194 и сл. настоящей книги).

[7] Julius Dürr. Die Reisen des Kaisers Hadrian. Abhandl. d. Archäol. Epigraph. Seminars d. Univ. Wien, II, 1881, стр. 52 и сл. (см.: CIA, III, № 483). — W. Weber. Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrian. Leipzig, 1907, стр. 265 и сл.

аккуратно платили римлянам дань — по крайней мере, Арриан на них не жалуется — и входили с римскими гарнизонами и греческими городами в торговые сношения, на почве которых могло происходить и действительно происходило сближение местного и пришлого населения. Но, несмотря на это, римские гарнизоны, стоявшие в стратегических пунктах на берегу моря, знали, что они находятся на оккупированной, но не покоренной земле. Это вытекает из описаний в перипле римских приморских укреплений. Особенно интересно в этом отношении описание крепости, расположенной близ устья реки Фазиса.[1] «Самая же крепость, — говорит Арриан, — где помещаются 400 отборных воинов, мне показалась весьма сильной по природным свойствам местности и расположению на месте, очень удобном для защиты плавающих здесь. Вокруг стены проведен двойной ров: оба они широки. Прежде стена была земляная, и на ней стояли деревянные башни, но теперь стена и башни построены из обожженного кирпича; она построена на прочном фундаменте, на ней поставлены военные машины, одним словом, она снабжена всем необходимым для того, чтобы никто из варваров не мог даже приблизиться к ней, не говоря уже о невозможности угрожать осадой находящемуся в ней гарнизону. А так как и самая стоянка для кораблей должна была представлять безопасное убежище судам и потому, что все места вне укрепления населены отставными военными и некоторыми другими торговыми людьми, то я решил от двойного рва, окружающего стену, провести другой ров до самой реки, который окружит гавань и дома, стоящие вне стены».[2] Итак, римская крепость у устья Фазиса представляла собой весьма солидное сооружение, снабженное современной военной техникой и охраняемое гарнизоном из 400 отборных воинов. Она была рассчитана на оборону не только от нападений пиратов с моря, но и от набегов и возможной осады окрестными племенами с суши. Это достаточно определенно свидетельствует о настроениях местных жителей по отношению к римским воинским отрядам. Однако, несмотря на враждебность и обоюдную настороженность, между гарнизоном и окрестными

---

[1] Arr., Peripl., 12. Остатки этой крепости видел в 1829 г. французский путешественник Дюбуа де Монтперё (см.: ВДИ, 1938, № 2, стр. 312 и сл.). Об археологических разведках, проведенных в 1945 г. в районе устья Фазиса, см.: Нино Хоштариа. Археологические исследования в сел. Кулеви. Сообщ. АН ГрузССР, т. VII, № 1—2, 1946, стр. 81—86.

[2] Перевод П. И. Прозорова с несколькими исправлениями, касающимися терминов.

жителями развивались и мирные сношения. Вокруг крепости, вне ее стен и укреплений, постепенно росло поселение, в котором обосновались окончившие срок службы военные, а также люди, которые вели торговлю с ними и с римским гарнизоном. Среди последних могли быть и заезжие купцы, но поскольку Арриан говорит о постоянных жителях пригорода, то он скорее имеет в виду представителей местных племен, переселившихся под стены крепости для ведения выгодного для них обмена с поселенцами и гарнизонами. Другими словами, здесь, в устье Фазиса, происходил тот же процесс обрастания римских пограничных постов и крепостей гражданским населением, смешанным по своему этническому составу и состоящим из воинов в отставке и их семей и завязавших с ними торговые сношения местных жителей, процесс, наблюдаемый повсеместно на границах Римской империи и, как известно, во многих случаях приведший к образованию крупных городов со смешанным римско-варварским населением.

Что касается Трапезунта и его варварского окружения, то там, как известно из Анабасиса Ксенофонта, еще на грани V—IV вв. до н. э. часть окрестных племен поддерживала налаженные мирные сношения с греками.[1] Хотя мы не располагаем источниками, рисующими развитие этих сношений в последующие века, но, основываясь на многочисленных аналогиях, можно не сомневаться в постепенном их укреплении и расширении, сопровождавшемся, надо думать, увеличением процента местного элемента в населении города и соответственными культурными сдвигами. Сведения, заключающиеся в первых параграфах того же перипла Арриана, позволяют в известной мере судить о том, как далеко зашла варваризация Трапезунта в 30-х годах II в. н. э.

Эти параграфы представляют столь большой интерес, что мы считаем уместным привести их здесь полностью.[2] «Мы прибыли в Трапезунт, — пишет Арриан императору Адриану, — эллинский город, как говорит сам Ксенофонт, расположенный у моря, колонию Синопы. С радостью смотрели мы на Евксинский Понт с той самой горы, с которой на него взирали знаменитый Ксенофонт и ты. В настоящее время там стоят алтари, сложенные из грубого камня, отчего буквы на них недостаточно четки; а греческая надпись даже безграмотна, как это часто встречается среди варваров. Ввиду этого я приказал воздвигнуть мраморные алтари и вырезать надписи четкими буквами.

---

[1] Xenoph., Anab., V, 1—2. См. гл. 5 настоящего труда.
[2] Arr. Peripl., §§ 1, 2.

Стоит там и твоя статуя, удачная по общему замыслу, так как она указывает на море,[1] но в том, что касается художественного выполнения, (следует отметить) в ней отсутствие сходства, и вообще она нехороша. Поэтому пришли (сюда) статую, достойную твоего имени, но изваянную в той же общей схеме, так как эта местность как нельзя лучше подходит для (постановки) вековечного памятника.

«Построен там также неплохой храм из тесаного камня; однако статуя Гермеса недостойна ни храма, ни самой местности. Если ты найдешь возможным, то пришли мне статую Гермеса вышиной не более пяти футов; такая величина, как мне кажется, подойдет к размерам храма. И кроме того, пришли мне статую Филесия вышиной в 4 фута. Я считаю правильным, чтобы Филесий стал сопричастен храму и алтарю своего предка. Таким образом, одни будут приносить жертву Гермесу, другие Филесию, третьи обоим вместе, и все они доставят радость как Гермесу, так и Филесию; Гермесу тем, что они почтят его потомка, а Филесию потому, что они воздадут почести его предку».[2] Следует описание жертвоприношения, совершенного Арианом у этого храма.

В начале приведенного отрывка перипла Арриан вспоминает слова своего любимого писателя Ксенофонта, которыми тот характеризует Трапезунт: «Многолюдный эллинский город, на Евксинском Понте, колония Синопы в стране колхов».[3] Но последующие наблюдения Арриана заставляют признать, что в его время Трапезунт уже не заслуживал полностью названия эллинского города, так как его эллинская культура успела в сильной степени утратить свою чистоту, что нашло свое выражение в безграмотности греческих надписей и в отходе от норм греческого искусства при изготовлении статуй. Следует иметь в виду, что Арриан говорит не о рядовых алтарях, статуях и храмах, а о памятниках официальных, воздвигнутых, надо думать, от лица государства на самом видном месте города. Между тем из слов Арриана видно, что речь идет не о мелких погрешностях резчика надписи, а о ее прямой безграмотности, скорее всего об искажении правильного грамматического строя предложений и орфографических ошибках.

---

[1] Намек на сооружение порта в Трапезунте по приказу Адриана.

[2] О Филесии, потомке Гермеса, ничего не известно. Φίλησις — обычный эпитет Аполлона в Дидиме, близ Милета, но здесь речь идет о каком-то другом Филесии.

[3] Xenoph., Anab., IV, 8, 22.

Если мы будем искать параллели этому явлению в городах северного Причерноморья, то мы найдем их не в Ольвии, а в полуварварском Танаисе. Правда, ольвиополиты, принимавшие Диона Хрисостома в Ольвии, тоже говорили не на чистом греческом языке,[1] но надписи показывают, что официальные документы сохранили правильный строй языка вплоть до конца жизни города. Однако на эпиграфических документах такого полуварварского города, каким был Танаис первых веков нашей эры, искажение греческого языка официальных надписей приняло систематический и постоянный характер,[2] что заставило некоторых исследователей усмотреть здесь прямое влияние местного языка на греческий.[3]

Наблюдения Арриана, сравнение им надписей на алтарях Трапезунта с «варварскими» греческими надписями указывают, повидимому, что перед его глазами были эпиграфические памятники, сходные с танаисскими. Во всяком случае мы здесь имеем явления того же порядка. И если надписи Танаиса дают основание для постановки вопроса о влиянии сарматского языка на греческий как причине искажения последнего, то мы вправе предположить для нашего случая аналогичное воздействие языка местных племен, в стране которых находился Трапезунт, что в свою очередь предполагает этническую смешанность состава населения этого города.[4]

Из текста Арриана не вполне ясно, к какому времени следует отнести описанные им алтари, храм и статую Гермеса. Однако многое говорит в пользу того, что сооружение этих памятников произошло за короткий промежуток времени, отделявший посещения Трапезунта императором Адрианом

---

[1] Dion. Chrys., Orat., XXXVI, II, 48=SC, I, стр. 174.

[2] Т. Н. Клипович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 118 и сл.

[3] К. М. Колобова. К вопросу о сарматском языке. ИГАИМК, вып. 100, М.—Л., 1933, стр. 416—436.

[4] За исключением приведенного выше (стр. 399, прим. 3) небольшого фрагмента надписи с именем Адриана в Трапезунте пока не найдено ни одной греческой надписи довизантийского времени. Известны лишь латинские надписи, воздвигнутые военными, служившими в стоявших в городе отрядах римских войск (см.: Studia Pontica, II, стр. 365). Предполагавшееся издание Кюмоном трапезунтских надписей, к сожалению, насколько нам известно, не состоялось. «Варварские» греческие надписи встречаются, конечно, и за пределами Причерноморья, в других периферийных районах Римской империи. См., например, надписи из города Аксомиты в современной Абиссинии (OGIS, № 200) и из Нубии (OGIS, № 201). В некоторых случаях наблюдается даже искажение языка надписей на монетах. Этому вопросу посвящена работа Мюнстерберга в журнале «Monatsblatt der Numismatischen Gesellschaft in Wien», IX, стр. 255 и сл. Эта работа мне, к сожалению, не доступна.

и Аррианом. Иначе было бы непонятно, почему Арриан описывает их как что-то новое, неизвестное Адриану, хотя император сам незадолго перед тем любовался видом с той же возвышенности.

Несомненно новым, только что воздвигнутым памятником была статуя самого Адриана, о которой идет речь в перипле. Трапезунтцы почтили Адриана портретной статуей, которая должна была на вечные времена напоминать потомкам о благодеянии императора, выразившемся в устройстве постоянной гавани — мероприятии, связанном прежде всего с требованиями римской военной экспансии, но в то же время несомненно выгодном для города, особенно для его торговых кругов. Для постановки статуи выбрано было эффектное место наверху горы, господствующей над городом и гаванью. Арриан одобрил как местоположение статуи, так и ее композицию, учитывавшую главную идею, которую предполагалось в ней выразить. Однако он отнесся отрицательно к работе мастера, осуществившего на деле хороший замысел. Он отметил отсутствие портретного сходства и общий низкий уровень исполнения.

Критические замечания Арриана — человека, воспитанного в традициях античной культуры и посетившего крупные центры античного мира, — не могут вызвать у нас удивление. Если бы тот же Арриан увидел статую Неокла из Анапы,[1] изваянную выдающимся местным скульптором, который, однако, тоже отошел от норм греко-римского искусства, то он, вероятно, вынес бы о ней примерно такое же суждение, как о трапезунтской статуе Адриана. Между тем те официальные лица, вероятно городские магистраты, которые приняли статуи Адриана и Гермеса (последняя также была забракована Аррианом) и распорядились поставить их на виду у всех как украшение города, очевидно были о них высокого мнения. Перед нами, конечно, не простое расхождение художественных вкусов, а явление более глубокое. Не одни мастера, изготовлявшие трапезунтские статуи, но и население Трапезунта, включая высшее сословие, вероятно не отдавая себе в этом отчета, отошли от эстетических понятий, выработанных искусством Греции и Рима, восприняли иные критерии для оценки произведений искусства.[2] В этом, так же как и в утрате чистоты

---

[1] М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, 19, стр. 173, рис. 1; стр. 173, рис. 2; см. стр. 171 и сл.

[2] Не следует, однако, думать, что греческая культура в Трапезунте была в это время совершенно подавлена. Против такого вывода предостерегает, например, имя историка Никостата из Трапезунта, описавшего исторические события середины III в. н. э. от Филиппа Араба до войны

языка и порче письменности и в преимущественном почитании негреческого божества Митры, нельзя не видеть признаков далеко продвинувшейся варваризации культуры Трапезунта во II—III вв. н. э.

Несколько иное впечатление складывается у нас о культуре Синопы и Амиса первых веков нашей эры. Общее представление, создающееся на основании доступных нам данных, склоняется в сторону большей по сравнению с Трапезунтом устойчивости античных традиций, при общем снижении культурного уровня и появлении несомненных признаков начала варваризации.

В Синопе и Амисе первых веков нашей эры продолжались занятия наукой и искусством. Имеются сведения о распространении во II в. н. э. в городах Понта философских учений Платона, Хрисиппа, Пифагора и Эпикура.[1] Синопейцы гордились своим знаменитым соотечественником, основателем философской школы киников Диогеном и в римское время воздвигли ему статую и выпустили коммеморативные монеты с его изображением (стр. 294, прим. 1).[2] Две синопские надписи того же времени упоминают, повидимому, философов, проживавших в этом городе (стр. 386).[3] В Синопе, а также в Амисе процветало, повидимому, и ораторское искусство, столь модное в Малой Азии в первые века нашей эры. Об этом свидетельствуют надгробия риторов, о которых мы будем говорить ниже. Однако вместе с тем бросается в глаза тот факт, что литературная традиция не сохранила ни одного имени уроженца Синопы или Амиса, прославившего в первые века нашей эры свой город выдающимися заслугами в какой-либо области умственного труда, тогда как в прошлом те же города насчитывали среди своих граждан немало знаменитых в древности философов, грамматиков, историков, математиков и поэтов.[4] Какие-то неуловимые для нас причины, может быть, связанные с общими условиями жизни в этих городах, находившимися, как мы указывали, под особо строгим контролем со стороны римлян, способствовали некоторому упадку науки и литературы, в то время как в других городских центрах Малой

Валериана с персами. Точное время жизни этого историка не известно, так же как и место, где он писал свой труд (FGH, II, № 98, стр. 452).

[1] Luc., Alex., 25.

[2] E. Babelon. Diogène le Cynique. Rev. Numism., 1914, стр. 14—19.

[3] Rob., №№ 35 и 57.

[4] См. главу 7, стр. 184 и сл.

Азии выдвинулось в первых веках нашей эры немало крупных ученых и писателей.

О внешнем облике города Синопы мы знаем очень мало, так как и здесь, как в Трапезунте, остатки античных зданий погребены под строениями последующих эпох и никаких попыток произвести планомерное их расследование и изучение произведено не было.[1] Из приводившегося уже нами описания Страбона[2] явствует, что ко времени правления Августа город был окружен стеной и украшен многими общественными зданиями.[3]

Немало было в городе и статуй — культовых изображений богов, портретов римских императоров и членов их семей, местных деятелей и частных лиц и пр.[4] В городе недоставало питьевой воды, отчего сильно страдало население, но этот недостаток был устранен Плинием Младшим, построившим водопровод на протяжении 16 миль (около 24 км).[5] Остатки этого акведука видны и в настоящее время.

О состоянии города Амиса в первые века нашей эры ничего не известно, кроме определения, даваемого этому городу Страбоном: «в настоящее время он хорошо устроен».[6] Городище древнего Амиса не застроено, но оно расхищается в течение многих десятилетий, и над поверхностью земли не сохранилось почти никаких следов древних сооружений.[7]

Более подробными сведениями мы располагаем относительно культов Синопы и Амиса благодаря главным образом богатым монетным сериям этих городов. На реверсе монет принято было в это время помещать изображения божеств, официально почитаемых в данном городе, отчего эти изображения и могут быть приняты как свидетельства о существовании там того или иного культа. В отличие от Трапезунта, в Синопе и Амисе, если основываться на этих данных, безусловно доминировали культы греческие, в том числе и такие, которые существовали там искони, с самого основания колонии.

---

[1] См., впрочем, стр. 9, прим. 3 настоящего труда.

[2] Strab., XII, 3, 11.

[3] Фасады храмов изображены на некоторых монетах (см. ниже, стр. 413). На храм Сараписа намекает надпись IGR, III, № 96 (см.: L. Robert. Études Anatoliennes, стр. 297 и сл., № 14).

[4] Об изображении статуй на монетах см. ниже, о надписи на постаментах статуй см. стр. 332.

[5] Plin., Epist., X, 90, 91 (см.: RS, стр. 131 и приведенную там литературу).

[6] Strab., XII, 3, 14.

[7] См. главу 3, стр. 52.

Не сохранилось литературных текстов или надписей, упоминающих о культе Аполлона в Синопе, но монетные изображения показывают, что этот главный бог Милета занимал видное место в пантеоне его колонии. Аполлон появляется на монетных выпусках Синопы тотчас же после отказа от традиционных эмблем V—IV вв. — головы нимфы и орла на дельфине, что произошло в III в. до н. э., и удерживается там вплоть до II в. н. э. Эти изображения сводятся к немногим типам, среди которых доминирует древний статуарный образ бога. На наиболее ранних сериях монет с этим типом — тетрадрахмах аттического веса, III в. до н. э. — помещено изображение этой статуи в профиль (табл. II, *11*).[1] Она стоит на низком постаменте, в обычной архаической схеме, с немного выставленной вперед левой ногой. Перед статуей — треножник. Повидимому, ту же статую мы находим на монетных выпусках Синопы с портретом императора Тита и, далее, с портретом Сабины (табл. II, *4*).[2] Несмотря на некоторую неясность изображений, можно установить для Аполлона ту же схему постановки фигуры, как и на монетах III в. до н. э., хотя бог изображен здесь в фас. На обоих последних выпусках статуя Аполлона представлена в архитектурном обрамлении в виде арки, покоящейся на двух колоннах. Этот прием, по всей вероятности, должен был подчеркнуть культовый характер статуи — постановку ее в храме. Перечисленные монетные изображения позволяют, как нам кажется, сделать вывод о выдающемся месте, отведенном богу — покровителю Милета Аполлону среди прочих почитаемых в Синопе божеств, а также о существовании в Синопе храма этого бога с древней культовой статуей, сохранившейся, повидимому, по меньшей мере до II в. н. э.

Судя по количеству монетных выпусков с изображением Немезиды, эта богиня также пользовалась в Синопе большой популярностью (табл. II, *3*).[3] В некоторых случаях, например на монетах Юлии Домны и др., Немезида стоит под такой же аркой, какая встречалась нам уже на изображениях Аполлона или в здании с фронтоном. Очевидно и здесь это должно означать, что на монетах представлена культовая статуя Немезиды, стоящая в посвященном ей храме. Древнейшим центром

---

[1] WBR, Sinope, № 46. Возможно, что дидрахмы того же времени с головой Аполлона (WBR, Sinope, № 47) и изображения Аполлона на бронзовых монетах III—II вв. (WBR, Sinope, № 54) с небольшими вариантами копируют ту же статую.

[2] WBR, Sinope, №№ 101и 109.

[3] WBR, №№ 105, 114b и др. (от Траяна до Траяна Децня).

культа Немезиды в Малой Азии была Смирна. Оттуда в эпоху эллинизма культ перешел в Милет и затем распространился по всей Малой Азии.[1] Первоначальное представление о Немезиде как богине мщения — Ultrix — постепенно расширяется, и это божество, сливаясь с Тихой и Никой, обнаруживает стремление к универсализму. Синопская культовая статуя, поскольку можно рассмотреть ее изображение на монетах, имела черты сходства с культовыми статуями этой богини, поставленными в Смирне, в новом храме, воздвигнутом после вторичного основания города в начале III в. до н. э. и известном нам по монетам Смирны, выпущенным при Траяне и Луцилле.[2] Весьма вероятно поэтому, что культ Немезиды пришел в Синопу из Смирны.

Немногочисленные памятники свидетельствуют о культе в Синопе верховного греческого бога Зевса. Это — посвятительная надпись, найденная у Карусы,[3] и монеты времени Септимия Севера, на которых Зевс представлен сидящим на троне в обычной для этого бога схеме.[4]

Как и следовало ожидать для города, благосостояние которого целиком зависело от морской торговли, в Синопе почитался бог моря Посейдон. Этот культ бога покровителя Ионийского союза, как нами уже указывалось, был одним из коренных культов Синопы. Изображения Посейдона встречаются на монетах III в. до н. э.,[5] а затем на монетах II и III вв. н. э.[6]

Довольно многочисленны также монетные выпуски Синопы с изображением Диониса, начиная со времени Митридата и в первые века нашей эры от Клавдия до Галлиена.[7] Монетами и надписями засвидетельствованы для Синопы культы еще следующих богов и героев: Асклепия и Гигиеи,[8] Гер-

---

[1] О культе Немезиды см.: B. Schweitzer. Die Nemesis Regina. JDI, XLVI, 1931, стр. 175 и сл.; Roscher. Myth. Lex., s. v. Nemesis (Rossbach); RE, s. v. Nemesis (H. Herter), где дается обзор распространения культа Немезиды в Малой Азии (см. Sp. 2357).

[2] B. Schweitzer, ук. соч., стр. 207 и табл. IV, 2, 3.

[3] Rob., № 24.

[4] WBR, Sinope, № 122a. На монетах времени Митридата встречается изображение головы Зевса (WBR, Sinope, № 59).

[5] WBR, Sinope, № 48.

[6] WBR, Sinope, №№ 112 и 166. Посвятительная надпись в честь Посейдона и нимф (Rob., № 87) найдена была близ Кавзи-Мерсивана и, следовательно, не на территории Синопы.

[7] WBR, Sinope, №№ 73, 94a и др.

[8] Посвятительная надпись (Rob., № 28) и монеты времени Веспасиана с изображением Асклепия (WBR, Sinope, № 100b).

меса,[1] Афины,[2] Диоскуров,[3] Тихи-Фортуны,[4] Гелиоса[5] и, может быть, Афродиты,[6] Abundancia,[7] Геракла[8] и героя Флогия, спутника мифического основателя Синопы Автолика.[9]

Круг греческих богов и героев, почитавшихся в Синопе в первые века нашей эры, следовательно, очень обширен, тогда как боги пришлые насчитывались там единицами, и из них только Сарапис приобрел большую популярность.

Поразительно мало данных о почитании в Синопе великой малоазиатской богини Кибелы. Ее изображение встречается только на одном выпуске монет времени Каракаллы.[10] На монетах Амиса эта богиня вообще не фигурирует. Этот коренной местный культ, видимо, не сумел укрепиться в припонтийских греческих городах.

Большой популярностью пользовался в Синопе культ Сараписа. Надписи и особенно монеты не оставляют в этом сомнений. В книге Бабелона и Рейнака насчитывается 37 монетных серий с изображениями Сараписа в виде эмблемы, выпущенных в Синопе за время от Адриана до середины III в. н. э.[11] Образ Сараписа на монетах всегда сохраняет известный облик этого бога, восходящий к статуе работы Бриаксиса, стоявшей в Александрии. Некоторые дополнения к свидетельству монет дают надписи. Одна из них упоминает о жрице Изиды, из чего можно сделать вывод о существовании в Синопе храма этой богини.[12] На существование в Синопе храма Сараписа указывает другая надпись. Две надписи интересны тем, что из них мы узнаем о слиянии в Синопе Сараписа с другими богами. Так, одна из этих посвятительных надписей обра-

---

[1] Монеты времени Каракаллы (WBR, Sinope, № 132, 144). Надпись RA, 1916, стр. 339, № 6, где упоминается жрец Меркурия.

[2] Монеты времени Адриана (WBR, Sinope, № 107).

[3] Монеты времени Нерона (WBR, Sinope, № 100).

[4] Монеты III в. н. э. (WBR, Sinope, №№ 1226, 125, 1446, 149).

[5] Монеты времени Нерона (WBR, Sinope, № 94).

[6] Монеты времени Домициана (WBR, Sinope, № 1036). Изображение неясно и только предположительно идентифицируется с Афродитой.

[7] Монеты времени Домициана Цезаря (WBR, Sinope, № 102).

[8] Rob., № 27.

[9] Rob., № 31.

[10] WBR, Sinope, № 131a. Кибела представлена в обычной схеме — восседающей на троне.

[11] WBR, Sinope, № 108 и др. Изображаются: голова Сараписа (иногда рядом с головой Изиды), его бюст, целая фигура в стоящем положении. Сарапис, сидящий на троне, возлежащий на клине. Постоянными его атрибутами являются модий и скипетр.

[12] IGR, III, № 95. На храм Сараписа указывает надпись IGR, III, № 96.

щается к θεῷ Ἡλιοσαράπει, т. е. к Сарапису Гелиосу,[1] а другая к Зевсу — Гелиосу... милостивому Δεὶ Ἡλίῳ να... ·μένῳ ἐπηκό[ῳ];[2] под этим именем следует, как это и делает Робинзон, подразумевать того же Сараписа, тем более что и на монетах Синопы можно встретить изображения Сараписа со священной птицей Зевса — орлом.[3] Таким образом, Сарапис Синопы предстает перед нами как божество, если можно так выразиться, сугубо синкретическое, в котором слились черты Сараписа, Зевса и Гелиоса, а также какого-то местного, вероятно подземного, божества (о нем см. ниже), о существовании которого мы узнаем из легенды о перенесении культа Сараписа в Египет из Синопы.[4] Под известным эллинистическим образом Сараписа скрывается здесь, следовательно, божество пантеистическое. Этим обстоятельством, а также тем, что в Синопе издревле почиталось местное, родственное Сарапису божество, вероятно и объясняется выдающееся место, отведенное Сарапису в пантеоне Синопы.

В главе 8 настоящей работы нам уже приходилось говорить о местном, пафлагонском божестве подземного мира, изображения которого сохранились на керамических клеймах II в. до н. э. и на монетах Синопы II и III вв. н. э. Присоединяясь к предположению Б. Н. Гракова, отождествившего это божество с синопским Сараписом, мы высказали ряд соображений в пользу этой гипотезы. Тот факт, что коренное местное божество в его негреческом статуарном оформлении продолжало пользоваться в Синопе почитанием в первые века нашей эры, когда там, согласно свидетельству монет, процветал культ Сараписа в его греческом образе, не противоречит данному предположению, как, повидимому, думает Рейнак.[5] Он означает только, что старый культ не был поглощен культом александрийского Сараписа, еще в эпоху эллинизма завоевавшим всю Малую Азию,[6] а существовал парал-

[1] IGR, III, № 93 = Rob., № 30. О слиянии Сараписа с Гелиосом см. монеты Александрии: British Museum. Catalogue of coins. Alexandria, № 284, Pl. 15; RE, s. v. Sarapis, Sp. 2421.

[2] Rob., № 25. Зевса—Гелиоса—Сараписа упоминает надпись CIG, 2716, 2; 4042, 4262, 4683, 4713. Для Зевса-Сараписа см. монеты Александрии и Фригии (Head., Hist. Numm., 570 и 720; CIG, 2420).

[3] WBR, Sinope, № 113 и др.

[4] См. главу 8, стр. 231 и сл.

[5] WBR, стр. 194.

[6] О широком распространении культа Сараписа в Малой Азии см.: D. Magie. Egyptian deities in Asia Minor. AJA, v. 57, 1953, № 3, стр. 165—187; здесь же, на стр. 163, прим. 6, и стр. 167, прим. 43, дана литература о Сарапсе и о легендарном переселении бога из Синопы в Александрию.

лельно с ним, а это не может быть истолковано иначе, как доказательство прочного положения старого пафлагонского бога среди других богов Синопы.

Из трех крупных греческих городов юго-восточного Причерноморья Амис сумел, повидимому, сохранить свои эллинские культы в наиболее чистом виде.[1]

На многочисленных монетных сериях этого города из чужеземных богов встречаются только Сарапис и Изида, культ которых, как мы видели, распространен был во всей Малой Азии, но количество монетных выпусков Амиса с этими эмблемами невелико и не может итти в сравнение с обилием изображений тех же божеств на монетах Синопы.[2] За этим исключением все прочие монетные эмблемы передают изображения богов греческих, причем среди последних по количеству посвященных им монетных выпусков выделяются Афина и Ника, Деметра, Дионис, Гермес и Тиха. Популярность Афины не может вызвать удивления, если вспомнить, что эта богиня была главным божеством Фокеи — метрополии Амиса и Афин, пославших в Амис в V в. клерухию столь значительную, что с этого времени за Амисом утвердилась слава Понтийских Афин. Богиня Афина, ее атрибут — эгида, священная птица сова и постоянная спутница Ника являются наиболее устойчивыми и частыми эмблемами монетных выпусков Амиса, начиная с конца V в. до н. э. и кончая III в. н. э.[3] Первенствующая роль Афины подчеркивается еще тем, что на монетах первых веков нашей эры ее изображения иногда сопоставляются с изображениями Деметры, а эта богиня в то время олицетворяла Амис на союзных монетах[4] (табл. III, *12*, *13*).

---

[1] Главным и почти единственным источником при изучении культов Амиса служат монеты. Небольшие к ним добавления дают надписи и резные камни.

[2] WBR, Amisos, №№ 97, 98 и др. (Адриан и Каракалла).

[3] Сова — постоянная эмблема на реверсе монет Амиса V и IV вв. (WBR, Amisos, №№ 1 и сл.). Монетные серии I в. до н. э. и I в. н. э. иногда подражают старым монетным эмблемам Амиса, и на них фигурирует та же сова (WBR, Amisos, №№ 41 и 49). Эгида на монетах времени Митридата: WBR, Amisos, № 42; Афина (голова или целая фигура) — WBR, Amisos, №№ 17, 49, 50а и др.; Ника — WBR, Amisos, №№ 38, 42 и др. См. также нашу табл. III, *1—5*, *8*, *10*, *11*.

[4] WBR, Amisos, № 117 (времени Каракаллы). Билабель (F. Bilabel, ук. соч., стр. 30) почему-то не замечает обилия монетных выпусков Амиса с изображениями Афины и ее атрибутов. Указывая на монеты Амиса эпохи Митридата с изображениями Аполлона и на малое, по его мнению, количество монет с типом Афины, он делает отсюда неправильный вывод, считая это доводом в пользу милетского происхождения Амиса.

О росте значения Деметры в Амисе первых веков нашей эры мы говорили в главе 13.

Мы считаем возможным поставить это явление в связь с присоединением к территории Амиса долины Фермодонта, отличавшейся чрезвычайным плодородием, что естественно должно было повлечь за собой расширение земледельческого сектора в экономике города. Значение этого факта нашло себе отражение и в других монетных эмблемах Амиса,[1] а также в росте популярности другого бога, также связанного с земледелием, — Диониса. Этот бог, правда, фигурирует и на монетах Амиса эпохи Митридата, что, может быть, находится в связи с личностью самого Митридата как второго Диониса, но в первые века нашей эры значение Диониса, судя по количеству монетных серий с его изображениями, сильно возрастает.[2] Это, повидимому, было вызвано теми же причинами, что и усиление роли Деметры.[3]

Если изображения Деметры и Диониса на монетах Амиса символизируют сельское хозяйство этого города, то Гермес и Тиха-Фортуна имеют прямое отношение к его торговле (Тиха специально к торговле морской).

Гермес как покровитель торговли с его обычными в это время атрибутами — керикеем и мошной — изображался на монетах Амиса очень часто.[4] Образ его по своему оформлению ничем не отличается от аналогичных типов на монетах других городов того же времени. Тиха-Фортуна — тоже одно из самых распространенных изображений на монетах и резных камнях первых веков нашей эры. На монетах Амиса оно часто дается в традиционном оформлении.[5] Однако на ряде монет мы находим отступление от этого бесконечно повторяющегося типа. Здесь Тиха изображена сидящей (табл. III, *14*). На голове у нее зубчатый венец, в левой руке рог изобилия. Правую руку с веслом она протягивает вперед и концом весла опи-

---

[1] См. монеты Амиса с изображением речного бога Фермодонта при Адриане и С. Севере (WBR, Amisos, №№ 108a и 112; см. также нашу табл. III, *15*) и с изображениями амазонок (WBR, Amisos, №№ 127b, 129a, 130e — Элагабал-Максим).

[2] WBR, Amisos, №№ 51, 60, 63—66 и др.

[3] Страбон (Strab., XII, 3, 15) рассказывает о произрастании в изобилии в долине Фермодонта хлебных злаков, винограда и фруктов.

[4] WBR, Amisos, №№ 58, 59 и др.

[5] WBR, Amisos, №№ 72, 78a, 78b, 81, 81a, 109, 109a, 111, 113a, 113b, 116 (Тиха с Деметрой), 120, 121, 125, 126. См. также резной камень, происходящий из Амиса (H. Walters. Catalogue of the engraved gems in the British Museum, № 1732), на котором вырезаны изображение Тихи и надпись — имя собственника печати: Φαρνάκου (Studia Pontica, III, стр. 21, № 101).

рается на выступающую из воды рогатую голову, которую Рейнак объясняет как олицетворение Евксинского Понта, а Имхоф-Блумер — как богиню Талассу.[1] Благосостояние Амиса ставится, таким образом, в прямую зависимость от мореходства.

Из прочих греческих богов, изображенных на монетах Амиса, следует еще выделить Зевса и Посейдона. Голова Зевса встречается еще на монетах времени Митридата.[2] Изображения этого бога сохраняются и на монетах первых веков нашей эры.[3] О культе Посейдона свидетельствуют посвятительная надпись в честь Посейдона и нимф, найденная близ Амиса,[4] и шесть монетных выпусков Амиса.[5] Сюда же, по всей вероятности, следует отнести и интересную монетную эмблему, изображающую горный пейзаж, дистильный сельский храм с культовой статуей восседающего на троне божества, алтарь и жертвенное животное (табл. III, *16*).[6] Рейнак считает это божество Зевсом, но морское чудовище, помещенное под главным изображением, указывает скорее на Посейдона.

На монетах Амиса встречаются еще изображения следующих греческих богов: Геры,[7] Асклепия, одного или с Гигиеей,[8] Аполлона,[9] Артемиды,[10] Диоскуров,[11] Афродиты,[12] Эрота[13] и Ареса.[14] На одном резном камне, происходящем из Амиса, изображена Немезида (?) на носу корабля.[15]

Нередко на монетах Амиса можно видеть и персонификации отвлеченных понятий Справедливости (Justitia)[16], Безопасности (Securitas),[17] Изобилия (Abundantia)[18] и Благочестия

---

[1] WBR, Amisos, №№ 81 и 127, стр. 132 и др. — F. Imhoof-Blumer. Kleinasiatische Münzen, Bd. I, Wien, 1901, табл. I, *1*, стр. 1, № 4.
[2] WBR, Amisos, № 14 bis.
[3] WBR, Amisos, №№ 77b, 79 и др.
[4] Rob., 87.
[5] WBR, Amisos, №№ 82, 137 и др.
[6] WBR, Amisos, № 90 (Адриан).
[7] WBR, Amisos, №№ 91, 100a, 102.
[8] WBR, Amisos, №№ 84, 113 и др.
[9] WBR, Amisos, №№ 22, 47, 48 и др.
[10] WBR, Amisos, №№ 19, 20, 99, 101.
[11] WBR, Amisos, №№ 36, 94.
[12] WBR, Amisos, №№ 52, 106, 129b.
[13] WBR, Amisos, № 37.
[14] WBR, Amisos, №№ 29, 144b, 154a.
[15] H. Walters, ук. соч., № 1702.
[16] WBR, Amisos, №№ 71, 108.
[17] WBR, Amisos, №№ 92, 93, 104.
[18] WBR, Amisos, № 102.

(Pietas).[1] Из греческих героев на монетах можно видеть только Геракла.[2] Персей, игравший видную роль в нумизматике Амиса времени Митридата, очевидно в связи с легендарной генеалогией царей Понта, после захвата Амиса Римом уже не появляется на монетах этого города.

Итак, обзор монет и других источников, из которых можно черпать сведения о культах Амиса, приводит нас к выводу о том, что этот город в своих официальных культах в первые века нашей эры полностью сохранил греческий облик. В то же время чрезвычайно показательно отсутствие в Амисском пантеоне великих божеств Каппадокии — Энио или Ма, богатые и знаменитые храмы которой находились довольно близко от Амиса, в Комане Понтийской,[3] и бога Мена (Месяца), почитавшегося в Кабире—Себасте.[4] Эти главные культы местного населения Каппадокии и Понта не сумели проложить себе путь в Амис, и в этом нельзя не видеть признака отрицательного отношения этого города к верованиям коренных жителей окружавших их областей.

До сих пор мы имели дело с официальными культами Синопы и Амиса, с богами, признанными городом как таковым. Круг этих богов, как мы могли убедиться, состоял почти исключительно из богов эллинских. Совсем иная картина представляется нашим глазам, если мы обратимся к источникам частного характера, в которых сохранились известия о верованиях, укоренившихся среди населения Синопы и Амиса, но не получивших там официального признания.

Мы прежде всего встречаемся здесь с «богом всевышним» — θεὸς ὕψιστος, культ которого в эпоху эллинизма и в первые века нашей эры проник в Сирию, Малую Азию, Александрию, Грецию, Фракию и в северное Причерноморье. Две посвятительные надписи, происходящие из Синопы и ее окрестностей, обращены к этому чуждому грекам божеству. Одна из них начертана на мраморном алтаре, посвященном θεῷ μεγάλῳ ὑψίστῳ — «богу великому всевышнему» от лица человека, имя которого не сохранилось, и его жены Руфины.[5] Вторая обращается к θεῷ ὑψίστῳ от имени пяти братьев — Элия, Трептиона, Понтиана, Севера и Макера.[6]

---

[1] WBR, Amisos, № 103.
[2] WBR, Amisos, №№ 23, 39, 40, 77c и др.
[3] Strab., XII, 2, 3; 3, 32.
[4] Strab., XII, 3, 31.
[5] Rob., № 26. Найдена в окрестностях Синопы.
[6] Rob., № 29. Найдена в Синопе.

Вопрос о происхождении культа «бога всевышнего» и о связанных с ним религиозных представлениях, как известно, не получил еще своего окончательного разрешения в науке.[1] Весьма возможно, как думают Кюмон и некоторые другие ученые, что в основу этого божества заложены черты бога Израиля Иеговы, но не подлежит сомнению, что со временем, по мере распространения культа среди различных племен и народностей, представление это менялось и сливалось с чертами других, не семитических божеств. Согласно общему стремлению того времени к единобожию, «бог всевышний» путем синкретизма превратился во всемогущего бога, царящего на небесах и оттуда управляющего миром, причем характер этого божества в различных областях древнего мира был не вполне идентичен в зависимости от влиявших на него местных культов. Имеются основания полагать, что в Малой Азии связь «бога всевышнего» с Иеговой была довольно тесной и что культ этот распространился там через рассеянных по разным областям еврейских переселенцев.[2] Эта точка зрения находит себе подтверждение и в новых надписях, опубликованных в «Monumenta Asiae Minoris Antiqua».[3] Синопские надписи, к сожалению, не дают материала для суждения о характере культа «всевышнего бога», воспринятого некоторыми жителями Синопы. На их основании можно только установить проникновение этого культа в общественную среду Синопы, причем интересно отметить, что имена лиц, посвятивших надписи, греческие и римские. Таким образом, мы пока не можем утверждать, будто почитание «всевышнего бога» в Синопе предполагает существование в этом городе еврейской колонии,

---

[1] В советской науке в последнее время им занималась Т. Н. Книпович в связи с вопросом о фиасах Танаиса (Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 109—116). К указанной в этой работе литературе, относящейся главным образом к культу этого бога в северном Причерноморье, следует прибавить: E. Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes, Bd. III³, стр. 10 и сл.; F. Cumont. Die Orientalischen Religionen. . ., стр. 75 и сл.; RE, s. v. Hypsistos (Jessen), где на столбце 447 приводится список источников по этому вопросу, касающихся Малой Азии; новые материалы опубликованы в MAMA, III, стр. 10, № 1—4 и V, №№ 186, 211, 212.

[2] F. Cumont. Die Orientalischen Religionen..., стр. 76.

[3] Четыре алтарика, посвященные этому богу, происходят из Селевкии в Киликии, где находилась многочисленная еврейская колония (MAMA, III, стр. 10, №№ 1—4). То же относится и к двойному алтарю из восточной Фригии (MAMA, V, № 211, табл. 49). Стела из Дорилея была посвящена лицами, носившими еврейские имена (MAMA, V, № 186, табл. 45).

хотя такой вывод и не лишен вероятности ввиду общих условий распространения этого культа в Малой Азии.

В область суеверий переносит нас другая синопская надпись.[1] Робинзон, открывший и опубликовавший ее, дал ей неправильное толкование. Надпись состоит из имен шести божеств, помещенных одно под другим в одну колонку:

ΘΕΜΙϹ
ΗΛΙΟϹ
ϹΕΛΗΝΗ
ΕΡΜΗϹ
ΥΔΡΗΧΟΟϹ
ϹΕΙΡΙΟϹ

Робинзон заметил среди них имена четырех астральных божеств и вывел отсюда заключение о существовании в Синопе астральных культов. На самом деле, как было затем установлено[2] это эпитафия-акростих. Первые буквы имен богов дают в своей совокупности имя умершего — Θήσευς. Такие надгробные надписи были найдены и в других местах античного мира. Предполагается, что перечисленные божества имеют отношение к гороскопу покойного. Другие ученые объясняют этот обычай как астрономическое суеверие: подобрав названия светил, из начальных букв которых складывалось имя умершего, родные поручали тем самым покойника защите астральных божеств.

Еще более поразительный и пока не объясненный образчик суеверия или пережиточного, примитивного культа мы находим в одном изображении на синопских монетах времени Александра Севера (табл. II, *6*).[3] Представлена человеческая нога, обутая в сапог; бедро задрапировано материей, а на верхнем срезе бедра лежит голова быка. В этом необычайном образовании можно было бы видеть простой апотропей для отражения злых духов, но с подобным толкованием не согласуется пылающий или увенчанный гирляндами алтарь, помещенный перед изображением ноги. Он указывает на совершение жертвоприношений перед этим идолом, как перед божеством. Помещение подобной эмблемы на монетах равносильно, повидимому, признанию этого фетиша как одного из официально почитае-

---

[1] Rob., № 64 (см.: RS, стр. 267).
[2] Archiv für Religionswissenschaft, XIII, 1910, стр. 475 и сл.
[3] WBR, Sinope, № 145 и др.

мых божеств Синопы — факт весьма показательный для характеристики культуры этого города в III в. н. э.

Амис также дал два памятника, свидетельствующих о распространении там в частном быту негреческих верований и суеверий. Это, во-первых, эпитафия одной девушки, умершей в юности. Она взывает от имени покойной к Гелиосу — мстителю за невинно убиенных. Перед нами проявление особой веры в Гелиоса как бога всевидящего, судью и карателя беззакония, родиной которой, по всей вероятности, была Малая Азия.[1]

Из Амиса происходит еще один интересный с точки зрения распространения суеверий памятник.[2] Это талисман — серебряный лист длиной в 0.067 м, свернутый в трубочку и вложенный в бронзовый футляр цилиндрической формы. На серебре начертана длинная греческая надпись, начало и конец которой состоят из магических формул, обращенных преимущественно к египетским и иудейским богам Кмефи, Сету, Абриао, Моисею и др. В середине текста — моления о спасении от несчастий, болезней, злоумышлений и отравления.

Подводя итоги обзору культов и верований Синопы и Амиса первых веков нашей эры, мы приходим к выводу, что в религиозной жизни этих городов замечается некоторая двойственность. Культы официальные обнаруживают большой консерватизм. Пантеон Синопы и особенно пантеон Амиса остаются в основном эллинскими, унаследованными от предков, и религиозные искания, свойственные времени, обнаруживаются лишь в синкретизме, стремлении к однобожию, как это видно на примере Зевса—Сараписа—Гелиоса и Немезиды—Фортуны. Но основание, на котором продолжали стоять бережно охраняемые традиционные культы, было расшатано. Народные массы в городах не были склонны почитать тех богов, которые были идеологической опорой их эксплуататоров. Вместе с тем, не обладая классовым сознанием, не умея бороться за свои права, они искали утешения у новых восточных богов, привлекавших их пышностью ритуала и обещаниями загробного блаженства, а также во всевозможных таинственных верованиях и суевериях местного и чужеземного происхождения.

---

[1] Studia Pontica, III, стр. 16, № 9. О надгробных памятниках с обращениями к Гелиосу-мстителю см. мою статью в СА, XIX, стр. 221—230.

[2] Studia Pontica, III, стр. 20, № 10g. — Archiv für Religionswissenschaft, XII, 1909, стр. 24—32.

Мы познакомились с несколькими конкретными примерами, иллюстрирующими это положение и имеющими прямое отношение к Синопе и Амису, но в этой связи следует вспомнить о двух литературных произведениях, касающихся провинции Вифиния-Понт в целом и живыми красками рисующих состояние религиозного брожения, охватившее во II в. н. э. широкие народные массы и серьезно угрожавшее ниспровергнуть старых богов.

Повествование Лукиана «Александр или Лжепророк», местом действия которого является маленький приморский город Пафлагонии — Абонутейх, описывает местных жителей, греков и пафлагонцев, как людей легковерных, готовых с радостью и благоговением принять любого шарлатана, выдающего себя за посланца богов. Обманщик Александр долго морочил им головы, выдавая дрессированного змея по имени Гликон за нового Асклепия, а себя самого — за пророка. Верующие стекались к нему толпами не только из окрестностей Абонутейха, но со всей Малой Азии, и слава его достигла даже Италии. Популярность нового пророка была столь велика, что по его просьбе римские власти согласились на переименование города Абонутейха в Ионополь и эмблемой на его монетах стал змей Гликон.[1]

Картина борьбы старых и новых культов раскрывается в письме Плиния к Траяну, где речь идет о попытках Плиния искоренить христианство из подвластной ему провинции.[2] «Зараза этого суеверия, — говорит он, — прошла не только по городам, но и по деревням и поместьям», что привело к частичному запустению старых храмов. Несколько христианских надгробий, найденных в Синопе и Амисе, не датированы и, возможно, относятся к более поздним векам. Но имеются другие данные, указывающие на то, что Синопа не осталась в стороне от движения, охватившего всю провинцию. Гражданином и уроженцем Синопы был Маркион,[3] сын епископа, а по социальному положению навклер, основатель одного из самых распространенных на востоке и западе Римской империи во II—IV вв. христианского учения, признанного

---

[1] E. Babelon. Le faux prophète Alexandre d'Abonuteichos. Rev. Numism., 1900, табл. I. — F. Cumont. Alexandre d'Abonuteichos. Bruxelles, 1887.

[2] Plin., Epist., X, 96. Существует, правда, мнение, что это письмо подверглось впоследствии христианской обработке (см.: ВПРИ, стр. 82 и сл.).

[3] О Маркионе см.: A. Harnack. Marcion das Evargelium vom fremden Gott. Leipzig, 1924². — RE, s. v. Markion (Lietzmann).

церковью еретическим, но сыгравшего весьма видную роль в истории раннего христианства. Время жизни Маркиона падает примерно на первые три четверти II в. н. э. Следовательно, уже на рубеже I и II вв. Синопа насчитывала среди своего населения много последователей новой религии, организованных в общину, возглавляемую епископом, и вышеприведенные слова Плиния о широком распространении христианства в провинции Вифиния-Понт в полной мере относятся также к Синопе.[1]

Обратимся теперь к рассмотрению памятников искусства и художественного ремесла, которые могут дать нам представление об этой стороне культуры Синопы и Амиса. К сожалению, доступные нам материалы, за исключением богатых серий монет, случайны и отрывочны, и поэтому невозможно проследить по ним эволюцию художественного стиля в первые века нашей эры. В частности, они не дают ничего для суждения о развитии процесса «варваризации» искусства. Все же на некоторых памятниках стоит остановиться, потому что они раскрывают отдельные черты, характерные для искусства интересующих нас центров, а их сюжетное содержание представляет значительный интерес с точки зрения общего культурного облика этих городов.

Происходящие из Синопы скульптурные произведения этой эпохи относятся к категории надгробных памятников. Это саркофаги и надгробные стелы.[2] Особенного внимания заслуживают надгробия навклера Каллиника и юноши-ритора Нарцисса.[3] Памятник Каллиника представляет собой мраморную стелу высотой в 1.34 м и шириной в 0.70 м, заканчивающуюся наверху полукругом с акротериями на углах

---

[1] Письмо X, 96 Плиний писал, находясь в восточной части провинции, неподалеку от Амиса (см. W i l c k e n. Plinius Reisen von Bithynien und Pontus. Hermes, 1914, стр. 120—136).

[2] Упомянем здесь следующие произведения первых веков нашей эры, происходящие из Синопы: 1) фрагмент стенки мраморного саркофага с изображением женщины, сидящей на стуле, и ее служанки (рис. 41); 2) один цельный и другой фрагментированный детские мраморные саркофаги, украшенные рельефными изображениями эротов и гирляндами (G. M e n d e l, ук. соч., № 41, II в. н. э., и № 453 — римская эпоха); 3) фрагмент такого же саркофага, вмурованный в стену Синопы (W. H a m i l t o n, ук. соч., I, стр. 272). См. также: RS, стр. 263 и сл., где кратко описаны некоторые памятники скульптуры, виденные Д. Робинзоном в Синопе.

[3] Об этой и следующей стелах см.: A. S a l a ć. Notes sur trois inscriptions de Sinope. BCH, 1920, стр. 355 и сл.; D. R o b i n s o n. Notes on two inscriptions of Sinope. Amer. Journ. of Philol., 1922, v. XLIII, стр. 71 и сл.; RA, 1916, стр. 329 и сл., №№ 7 и 9.

(рис. 44). Нижняя ее часть, грубо отесанная, видимо, была впущена в постамент. Распределение фигурных украшений и надписи на стеле весьма своеобразны. Фон верхней части стелы несколько углублен, что создает впечатление ниши; в последней помещено впрямь два бюста, расположенных в различных планах. На переднем плане в большем рельефе дан бюст навклера Юлия Каллиника, на заднем плане — бюст его ранее умершего брата Каллигона. Средняя часть стелы заполнена греческой метрической надписью. Внизу, в плоском рельефе, изображен большой коммерческий корабль с поднятым и наполненным ветром парусом, управляемый кормчим, фигура которого видна на корме. За ним следует только слегка процарапанный на мраморе маленький кораблик. Эти последние изображения служат прямым указанием на профессию Каллиника, в то же время они как бы символизируют жизненный путь обоих братьев по житейскому морю. Метрическая надпись, выдержанная в довольно правильных ямбических триметрах, рассказывает, что много плававший Каллиник отправился в свое последнее плавание по волнам Леты. Его не поглотили морские пучины, но погубила твердая земля, наслав на него тяжкий недуг. Он умер имея 32 года от роду и последовал за своим ранее умершим младшим братом Каллигоном, прожившим благородно 14 лет. Свершилось решение Мойр. Здесь лежит навклер Юлий Каллиник. Наверху, между головами портретных бюстов: «Прощай, идущий мимо».

Вторая, также мраморная, стела того же типа (рис. 45) имеет в высоту 1.27 м при ширине в 0.6 м. Ниша здесь значительно глубже, и в ней, так же как и на первой стеле, помещается портретный бюст, представленный тоже строго впрямь, но в сильном рельефе. Все изображение — голова, плечи и грудь — здесь пластичнее, чем на стеле Каллиника, и работа смелее и увереннее. Изображен юноша с энергичными чертами лица. Волосы его переданы в виде нескольких рядов завитых круглых локонов, облегающих череп наподобие шапки. Одежда состоит из нательной рубашки, складки которой видны на левом плече, и верхней одежды с рукавами и открытым воротом — подобие туники. Метрическая греческая надпись оплакивает смерть прекрасного Нарцисса, отличавшегося многими добродетелями и талантами и по своему красноречию подобного Нестору. Основываясь на том, что особенно подчеркивается ораторский талант покойного, можно думать, что Нарцисс скорее всего был ритором.[1]

[1] Салач и Робинзон считают его подававшим большие надежды учеником риторской школы.

Рис. 44. Стела Каллиника.

Анализируя стелу Каллиника, Салач обращает внимание на прическу обоих братьев и сравнивает ее с прической времени Клавдиев. Тем самым он, повидимому, склоняется к датировке стелы первой половиной I в. н. э. Этот вывод нам кажется ошибочным. Ко времени Клавдиев не подходит ни характер плоского рельефа, ни трактовка лица (см. зрачки глаз), ни самая передача волос при помощи насечек. Эти признаки указывают на гораздо более позднее время, а именно — на вторую четверть III в. н. э., так как подобную трактовку волос насечками мы находим на портретах Элагабала и Александра Севера.[1] Стела Нарцисса относится, надо полагать, к несколько более раннему времени. Это вытекает из характера работы в целом, из большей объемности головы и бюста и из прически Нарцисса, которая близка к портретам Каракаллы и Геты. Мы склонны поэтому отнести стелу Нарцисса к первой четверти III в. н. э.[2]

Среди надгробных стел римского времени в греческих припонтийских городах памятники Каллиника и Нарцисса занимают особое место. Они примыкают к типу стел, недавно подробно изученных Д. П. Димитровым.[3] В этой работе автор дает общий обзор стел этого типа, найденных в других районах древнего мира, и ставит вопрос об источнике, откуда эти памятники распространились.[4] Главный результат исследования Д. П. Димитрова сводится к установлению того факта, что во всех областях, расположенных к востоку от Италии, подобные надгробия появляются после проникновения туда римлян. Сопоставляя это наблюдение с тем фактом, что надгробия с портретными бюстами всего раньше появляются в Риме, где они особенно многочисленны, автор приходит к выводу, что именно Рим был тем центром, откуда надгробия этого типа распространились в восточных римских провинциях. Этот главный и основной вывод автора кажется нам бесспорным. Менее убедительна, на наш взгляд, попытка проследить пути распространения подобных стел через северную Италию по Дунаю и далматскому побережью. Едва ли необходимо постулировать какой-то определенный маршрут проникнове-

---

[1] Ср. также портретные головы на стелах из северо-восточной Македонии (Д. П. Димитров. Портретътъ върху античнитѣ надгробни плочи отъ римско време в Североизточна Македония. Изв. на Бълг. археол. инст., т. XIII, 1939, рис. 44—45).

[2] Ср. мужской портрет на стеле из Македонии (Д. П. Димитров, ук. соч., рис. 35).

[3] Д. П. Димитров, ук. соч.

[4] Синопские стелы в работе Димитрова не упоминаются.

Рис. 45. Стела Нарцисса.

ния римской формы надгробий на Восток. Переселявшиеся на Восток римляне ехали туда различными путями, и вместе с ними переселялся и их тип надгробных стел, который прививался затем на новых местах. Местные жители воспринимали его, часто приспосабливая его форму к привычным им типам надгробных памятников. Именно поэтому на Востоке встречается много вариантов римских надгробий этой категории. То же можно наблюдать и на синопских стелах. Сохраняя основной признак римского надгробия, они обнаруживают и оригинальные черты, как то: сильно удлиненную форму, профилировку, верхнее завершение в виде арки с акротериями и, наконец, распределение на стеле надписи и фигурных изображений. Что же касается помещения двух бюстов на одной стеле и притом в различных планах, то этот прием имеет многочисленные аналогии на македонских стелах.[1]

Однако все эти отличия второстепенны. В основном описанные стелы сохраняют тип римских надгробий, и в этом нельзя не видеть сильного культурного влияния италийских переселенцев, которое сказывается и в целом ряде других сторон культуры Синопы первых веков нашей эры. На примере тех же только что описанных бюстов Каллиника и Нарцисса можно видеть, что в Синопе носили римскую одежду — тунику. Мы уже указывали на относительно большой процент латинских надписей, найденных в Синопе, и латинских имен, встречающихся и в греческих надписях. Особенно интересны следы взаимных влияний греческого языка на латинский и латинского на греческий, замеченные Рейнаком при изучении некоторых происходящих из Синопы надписей. Это касается как употребления в латинских надписях привычных греческих формул — conditor patriae=κτιστὴς τῆς πόλεως[2] и sine viatico=ἄνευ ἐφοδίων,[3] так и латинизмов в греческих надписях: ἐξ ἑκατοαρχίας (ἐξ — латинизм), βιωσάσῃ ἔτεσιν — (дательный падеж ἔτεσιν соответствует обычному в это время в латинских надгробных надписях vixit annis вместо annos).[4]

Наряду со стелами римского типа в Синопе существовали надгробия, по форме и содержанию изображений ближайшим образом связанные с малоазийскими надгробиями эллинистического и римского времени (рис. 46).[5] Плита в горизонталь-

[1] Д. П. Димитров, ук. соч., рис. 47, 48, 50 и др.
[2] RA, 1916, стр. 329 и сл.
[3] RA, стр. 339 и сл., № 6.
[4] RA, стр. 350 и сл., № 8.
[5] AA, 1933, стр. 129, рис. 13. Находится в музее Стамбула (1.69 м. × 0.59 м). Верхняя и нижняя части плиты отбиты, так что первоначально стела была еще выше.

Рис. 46. Стела в Стамбуле.

Рис. 47. Стела с изображением ритора из Амиса.

ном направлении делится на три части: верхнюю с анфемием, сохранившуюся только частично, среднюю гладкую, на которой вероятно помещалась сбитая теперь надпись, и нижнюю, отведенную под рельефное изображение, скомпанованное по схеме сцен, представляющих загробную трапезу. Однако обычный в этих последних композициях стол с яствами тут отсутствует. Это обстоятельство указывает, повидимому, на то, что содержание этого изображения иное, хотя в нем и удержана общая схема сцен с загробной трапезой.[1] От многочисленных боспорских стел со сходными композициями [2] синопское надгробие отличается более вытянутыми пропорциями и помещением надписи над изображением, а не под ним. Это два варианта одного и того же типа надгробий. Живая передача аканфа и пластическая трактовка фигур на синопской стеле говорят в пользу ее датировки I в. н. э.[3]

Большинство дошедших до нас скульптурных произведений Амиса той же эпохи также принадлежит к категории надгробных стел. Встречаются стелы трех форм. Во-первых, гладкие плиты с надписями и без изображений; [4] во-вторых, невысокие стелы с рельефными изображениями и надписями, но без архитектурного оформления; [5] и, наконец, высокие, узкие стелы с рельефными изображениями и надписями, увенчанные треугольным фронтоном.[6] К последней категории принадлежит стела, изображенная на рис. 47. Это высокая плита, увенчанная треугольным фронтоном.[7] Изображение заполняет целиком все поле стелы, обрамленное профилированной рамкой. Представлен человек, стоящий на высоком пьедестале. На нем

---

[1] В статье Э. Пфуля (E. Pfuhl. Die Darstellung der Buchrolle auf Grabreliefs. JDI, 1907, стр. 126 и сл.) собран ряд надгробных рельефов типа загробной трапезы, но с иным содержанием. Так, на рис. 10 возлежащий держит в руке свиток, а на столе стоят письменные принадлежности. Мужчина на нашей стеле охарактеризован, повидимому, как палестрит: он держит повязку и арибалл.

[2] G. Kieseritzky. K. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, №№ 687—737.

[3] Вторая подобная стела описана Робинзоном (RS, стр. 263). Она встроена в стену Синопы и изображает, по словам Робинзона, загробную трапезу.

[4] Studia Pontica, III, стр. 8—13, №№ 3a, 3b, 6, 7a, 7c, 10b.

[5] Studia Pontica, III, №№ 4 и 7; № 4 изображает младенца с птицей и шаром в руках, сидящего на подушке.

[6] Там же, №№ 3, 5, 7, 9 и 10.

[7] В. I. 865 м. Шир. 0.58 м; находится в музее Стамбула [G. Mendel, ук. соч., III, № 888; Studia Pontica, II, стр. 115; III, стр. 17, № 10 (F. Cumont)]. В каталоге Менделя значится, что стела высечена из голубоватого крупнокристаллического мрамора. Кюмон называет материал известняком.

туника и большой плащ. В левой руке он держит свиток. Голова человека несомненно портретная. Преклонный возраст

Рис. 48. Стела с изображением ритора из Тии.

и тяжелые черты лица переданы без прикрас. Скульптор, изваявший это изображение, не был очень искусным мастером своего дела. Это заметно по ряду погрешностей в постановке

фигуры (ступни не стоят на пьедестале, а висят в воздухе), в пропорциях рук и в неумелой передаче соотношения форм тела и складок гиматия. Скульптор, видимо, копировал хорошо ему известную и очень распространенную, как мы увидим, композицию. Но в передаче головы и лица он проявил наблюдательность, хотя и тут римское портретное искусство оказало на него влияние. Оба издателя стелы относят ее к I в. н. э. Нам кажется, что можно говорить о второй половине I в. н. э., так как портретная голова на амисском надгробии сходна по стилю с портретами времени Флавиев.

На лицевой стороне пьедестала была высечена метрическая надпись, впоследствии уничтоженная. Уцелели только последняя строка и несколько букв предыдущей строки. Последняя строка надписи содержит в себе сентенцию о неизбежности смерти для всех людей: τὸ θανεῖν πᾶσι πάρεστι βροτοῖς. Имя и профессия погребенного остаются для нас, таким образом, неизвестными, но о роде его занятий можно, как нам кажется, высказать довольно вероятное предположение.

Издавая эту стелу, Кюмон назвал ее рельеф изображением статуи. Мендель не повторил этого определения, но и не опроверг его. Мы полагаем, что на стеле представлен живой человек, а не статуя, несмотря на высокий постамент, на котором стоит фигура. В этом нас убеждает сходная по сюжету мраморная стела, найденная в городе Тии на южном побережье Черного моря (рис. 48).[1] Изображенный на ней человек облачен в те же одеяния, как и только что разобранная нами фигура, идентична и поза; только на второй стеле, вероятно более ранней, она передана более свободно. Стоит он также не на земле, а на искусственном возвышении. Кисть левой руки отбита, и остается неизвестным, держала ли она свиток. Зато ясно видно, что приближающийся слуга несет киботион, т. е. ящичек, в котором хранились свитки. Если перед нами статуя, то появление около нее слуги со свитками непонятно. Совершенно ясно, что художник имел в виду представить живого человека, а его поза, возвышение, на котором он стоит, и свитки указывают на его профессию. Скорее всего перед нами ритор, поднявшийся на бему для произнесения речи перед аудиторией. Так же следует конечно понимать и изображение на стеле из Амиса.[2]

---

[1] L. Robert. Études Anatoliennes, табл. XV, № 2.

[2] Надгробные стелы и статуи, изображающие стоящую фигуру, закутанную в плащ и со свитком в руке, чрезвычайно многочисленны в Малой Азии и припонтийских областях, и не все они, конечно, изображают риторов. Совершенно ясно, что такая фигура превращается в это

Хорошо сохранилась еще одна небольшая надгробная плита из Амиса, интересная главным образом сюжетом изображения (рис. 49).[1] На рельефе представлена битва двух гладиаторов димахайров, т. е. вооруженных двумя кинжалами. Налево стоит победитель, на что указывает большая пальмовая ветвь за его спиной. Повергнув противника на землю, он отставил щит и снял шлем и, взяв в обе руки по кинжалу, собирается нанести смертельный удар побежденному. Тот полулежит на земле и поднимает правую руку, моля о пощаде. Стихотворная эпитафия сообщает, что под стелой в чужой земле покоится не побежденный, а победитель Диодор. «Здесь я лежу, победитель, несчастный Диодор. Сокрушив противника Деметрия, я не сразу предал его смерти, и вот губительная Мойра и ужасное коварство предателя[2] убили меня, и я удалился из светлого мира в Аид. Я лежу в земле автохтонов — ἐν γαίῃ αὐτοχθόνων (т. е. «в чуждой земле») и погребен я добрым другом из благочестия». Надо сказать, что амисский ваятель, не будучи первоклассным мастером, сумел довольно живо и наглядно передать редкий случай из гладиаторской практики.[3] Для нас эта плита,

---

время в ходячую схему, используемую применительно к разным случаям. В зависимости от этого меняются детали, указывающие на различное содержание, вкладываемое в изображение. Так, известная боспорская стела (В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 388, рис. 64) показывает Стратоника просто как ученого мужа, автора бессмертных сочинений. Однако в тех случаях, когда человек представлен стоящим на пьедестале, можно видеть в нем не просто лицо, преданное литературным занятиям, а литератора-профессионала, декламирующего свое произведение, или ритора, произносящего речь. Родиной подобных изображений на стелах является, повидимому, Малая Азия. Там они находятся уже в эллинистическую эпоху (см.: E. Pfuhl, ук. соч., стр. 121, рис. 7; стр. 123, рис. 9). Подобные изображения на стелах первых веков нашей эры там особенно многочисленны (см.: G. Mendel, ук. соч., №№ 888, 898, 899, 910 и др.). Из Малой Азии они распространились по всем приповтийским странам, в частности на Боспор и в Херсонес (см.: ИАК, I, стр. 40, рис. 38; G. Kieseritzky, K. Watzinger, ук. соч., № 489, табл. XXXIV, где стела ошибочно стоит под № 486; № 530, табл. XXXVI; № 523 и указанную выше стелу Стратоника). Может быть, появление этой композиции на стелах Малой Азии связано с широким развитием там ораторского искусства и школ риторики.

[1] Studia Pontica, III, стр. 11 и сл., № 7. — Catalogue des sculptures de Bruxelles, 1914, № 80. — L. Robert. Les gladiateurs. . ., стр. 130 и сл., № 79; ср. стр. 50 и 305. Плита мраморная, высотой в 0.46 м, находится в музее Брюсселя. Кюмон датирует рельеф I в. н. э.

[2] Употребленное здесь слово σούμμαρος не известно в греческой лексике. По предположению Кюмона, это может быть terminus technicus и обозначает гладиатора, не обученного в гладиаторской школе, или же это простое ругательство.

[3] Робер (L. Robert. Les gladiateurs. . ., стр. 305) вспоминает о сходном случае, описанном Светонием в биографии Калигулы (§ 30).

несомненно изготовленная в Амисе, интересна как свидетельство о существовании в этом городе довольно искусных скульпторов, умевших справиться со сложной композицией, а главным образом как доказательство проникновения в этот город чисто римского развлечения — боев гладиаторов.

Луи Робер посвятил обширную монографию исследованию вопроса о боях гладиаторов на греческом востоке Римской империи.[1] Ему удалось опровергнуть общепринятое мнение, будто игры гладиаторов не были там популярны, и доказать их широкое распространение в греческих городах Малой Азии. При этом, не соглашаясь с большинством исследователей, он подчеркивает, что насадителями этого вида романизации греческих провинций были представители высших социальных слоев — правители городов и жрецы. Ценой крупных затрат из своих частных средств, в порядке обязательных литургий, они устраивали кровавые зрелища, и это было одним из действенных средств отвлечения широких народных масс от социальной борьбы. Стела Диодора доказывает распространение этого римского установления в Амисе,[2] а надпись, прославляющая щедрость одного из магистратов Синопы,[3] не оставляет сомнений в том, что бои гладиаторов и травля диких зверей процветали также и в этом городе. Нельзя не рассматривать этих фактов в свете социальной политики, проводившейся в городах с одобрения и с поддержкой Рима. Частные средства, тратившиеся видными магистратами и жрецами на зрелища, окупались сторицей, поскольку это помогало социальной верхушке сохранить свои привилегии. Ради этой цели в сущности боролись и умирали на арене сотни людей и зверей, а устроители игр прославлялись в официальных надписях как благодетели и отцы города.

Обращает на себя внимание еще происходящая из Амиса бронзовая монументальная статуя.[4] Сохранность ее очень плоха, но можно установить портретный характер головы и позу изображенного человека. Он представлен в известной схеме римских статуй, так называемых arringatori, однако, в отличие от последних, всегда изображавших оратора

---

[1] См. выше, стр. 364, прим 9.

[2] На бои гладиаторов в Амисе указывает еще надпись, опубликованная в IGR, III, 97. В городе Амасее, соседнем с Амисом, найдена была мраморная надгробная стела с изображением борьбы бестиария с медведем (Studia Pontica, II, стр. 167).

[3] IGR, III, 95.

[4] A. Joubin. Quelques bronzes inédites du Musée de Constantinople. RA, 1893, II, стр. 209. — Catalogue sommaire des Musées Ottomans. Bronzes et bijoux. Constantinople, 1911, стр. 3, № 3.

Рис. 49. Гладиаторы.

в полном облачении, он представлен нагим. Судя по характеру работы, этот памятник следует считать работой местного мастера. Очевидно, техника бронзового литья статуй не была забыта в Амисе и в римскую эпоху.[1]

То же самое следует сказать и о ювелирном деле и о художественной обработке драгоценных металлов и цветных камней.[2] Как мы видели выше, существование этих отраслей худо-

---

[1] В музее Стамбула хранятся еще следующие скульптурные произведения, происходящие из Амиса: 1) мраморная статуэтка, служившая украшением фонтана (G. Mendel, ук. соч., № 319): пьяный Эрот спит, растянувшись на плаще; в руках у него гирлянда цветов и кувшинчик, через который изливалась вода; в ногах — ящерица; 2) мраморная голова ребенка, относимая издателем ко II в. н. э. (там же, № 436); 3) бронзовая статуэтка ребенка, одетого в тунику; подлинность последней под сомнением (Catalogue sommaire..., стр. 14, № 57); 4) полуфигура ребенка из свинца (Catalogue sommaire..., стр. 52, № 383).

[2] Железный перстень из Амиса с интальей (Catalogue sommaire..., стр. 81, № 186); золотые перстни из Амиса: двойной перстень с цветными пастами (L. Pollak, ук. соч., № 463, табл. XVIII—II в. н. э.), золотой перстень с камеей (там же, № 455, табл. XVIII—II в. н. э.), золотой перстень с выпуклым гранатом, на котором вырезан вглубь козерог (там же, № 453, табл. XVIII—III в. н. э.), золотой перстень с интальей на сардере, попугай и колос (H. Walters, ук. соч., № 2480); части золотых ожерелий из Амиса (L. Pollak, ук. соч., №№ 367 и 368). В виде подвески к ожерелью носилась найденная в Амисе камея, изображающая Эрота, опирающегося на перевернутый факел (там же, № 390; ср.: Antiquitées du Bosphore Cimmérien, табл. XII, *a*, № 15; там же, №№ 250, 251, табл. XI, и 8325, табл. XIII). Золотые серьги в виде щитков из Амасея (там же, № 282, табл. XII); золотые серьги в виде двух раковин.

Чрезвычайно интересный образец местного стиля, судя по его краткому описанию в «Fasci Archeologici» (III, № 2367), был недавно найден близ Амиса. В 1948 г. турецкий археолог Махмуд Акок раскопал курган, находящийся у деревни Лордюге, близ Самсуна—Амиса. В центре высокого (16 м) кургана находилась прямоугольная в плане погребальная камера, крытая коробовым сводом (2.70×1.85 м), к которой вел дромос длиной в 4.15 м. Гробница оказалась разграбленной; в ней найдены были бронзовые изделия и глиняные сосуды. Главный интерес памятника заключается в фресках, которыми были покрыты стены камеры. Они выполнены красной и черной красками и расположены поясами. Изображены, как говорит заметка в «Fasci archeologici», в довольно примитивном стиле, повидимому, сцены охоты. Охотники, пешие и конные, преследуют львов, оленей и коз. Кроме того, встречаются изображения павлинов и рыб, а также растительных и геометрических орнаментов. Издатель датирует сооружение I в. н. э. Более близкое знакомство с этим памятником, надо надеяться, даст много материала для суждения об искусстве Амиса и, может быть, откроет перед нами широкие перспективы в смысле аналогий с боспорскими расписными склепами. Результаты раскопок изданы в турецком журнале: Belleten Türk Tarih Kurumi, XII, 1948, стр. 835—854, табл. 168—181. К сожалению, эта работа мне не доступна.

жественного ремесла можно проследить в Амисе с V—IV вв. до н. э.

Итак, известные в настоящее время памятники изобразительного искусства Синопы и Амиса позволяют установить наличие в этих городах художественной деятельности в первые века нашей эры. Правда, основанная на них попытка дать развернутую историю развития искусства неминуемо потерпела бы неудачу за отсутствием достаточных точек опоры. Однако имеющийся в нашем распоряжении материал все же позволяет провести некоторые наблюдения. Основное из них сводится к тому, что на сохранившихся памятниках не заметно признаков сколько-нибудь ярко выраженной варваризации стиля. Даже надгробия Нарцисса и Каллиника, относящиеся ко времени, непосредственно предшествующему наступлению кризиса III в., не обнаруживают отклонений от стиля современного римского портретного искусства. Наоборот, нетрудно заметить, что изваявшие их местные мастера старались не отстать от модных в столице художественных течений. Другие синопские и амисские надгробия тесно связаны с греко-римским искусством Малой Азии и других припонтийских стран. Что же касается обильных монетных серий этих городов, то и в них мы не видим того катастрофического падения художественного мастерства, которое свойственно, например, боспорским монетам III в. н. э. На последних выпусках этих городов, правда, можно обнаружить некоторое огрубение стиля изображений, но оно мало чем отличается от аналогичного явления, наблюдаемого на одновременных монетах Рима.

Чем объяснить такую относительную устойчивость античных художественных традиций в интересующих нас городских центрах? Прежде всего не следует забывать, что те немногие памятники, которые доступны сейчас для изучения, либо связаны с состоятельными слоями населения, либо, как монеты, носят официальный характер. Поэтому мы не имеем права полностью отрицать начала варваризации искусства в Синопе и Амисе в первые века нашей эры. Однако, если вспомнить то, что известно об искусстве Трапезунта II в. и искусстве Боспора II и III вв., то придется признать значительную разницу между этими областями, с одной стороны, и Синопой и Амисом — с другой. В этих последних городах процесс варваризации искусства и всей культуры протекал замедленными темпами, что находит свое объяснение в общих исторических условиях. Во-первых, Синопа и Амис были расположены гораздо ближе к центрам античной культуры, чем далекая окраина античного мира. Во-вторых, окружавшее их местное

население, благодаря римской политике урбанизации и ее тенденции к политико-правовому и культурному уравнению свободных граждан независимо от их этноса, было в значительной степени эллинизовано. В-третьих, и самое главное, территория, на которой расположены были Синопа и Амис, не испытала разрушительных набегов и нашествий варварских племен и сумела поэтому сохранить свои естественные ресурсы, что помогало этим городам сравнительно легко переносить первые проявления наступающего кризиса рабовладельческой системы. Все эти причины, вместе взятые, и привели к тому, что античная культура в южнопонтийских городах довольно упорно сопротивлялась новым веяниям, и, насколько можно судить по доступным нам фактам, процесс ее перерождения значительно затянулся там по сравнению со многими другими периферийными центрами и областями античного мира. Но конечный результат — трансформация надстроечных явлений из-за перестройки базиса — конечно от этого не изменился.

Табл. I. Монеты Синопы.

Табл. II. Монеты Синопы (*1—9*) и Трапезунта (*10—16*).

Табл. III. Монеты Амиса.

ОПИСАНИЕ МОНЕТ, ПРИВЕДЕННЫХ В ТАБЛИЦАХ I—III

Таблица I. Монеты Синопы

1 — Æ. Драхма. VI в. до н. э. Ав. — голова орла и дельфин; рев. — Quadratum incusum. Эрмитаж.

2 — Æ. Драхма первой половины V в. до н. э. Ав. — голова орла; рев. — quadratum incusum. Эрмитаж.

3 — Æ. Драхма V в. до н. э. Ав. — голова Синопы; рев. — орел на дельфине. Надпись: ΣΙΝΩ. Эрмитаж.

4 — Æ. Драхма IV в. до н. э. Ав. — голова Синопы; рев. — орел на дельфине. Надпись: ΣΙΝΩ. Эрмитаж.

5 — Æ. Драхма середины IV в. Те же эмблемы. Надпись: ΔΑΤΑ — имя сатрапа Датама.

6 — Æ. Драхма второй половины IV в. Те же эмблемы. Арамейская надпись. Подражание драхмам Синопы.

7 — Æ. Гемидрахма второй половины IV в. Ав. — голова Синопы. Эрмитаж.

8 — Æ. Гемидрахма того же времени. Рев. — орел стоит. Эрмитаж.

9 — Æ. Триобол? начало III в. Ав. — голова Синопы в зубчатом венце. Эрмитаж.

10 — Æ. Триобол? Начало III в. Рев. — нос корабля и звезда. Надпись: ΣΙΝΩ. Эрмитаж.

11 — Æ. Тетрадрахма конца III—начала II в. Ав. — голова Синопы в башенном венце, контрамарка — голова Гелиоса; рев. — статуя Аполлона, треножник, контрамарка — голова Афины. Надпись: ΣΙΝΩ; монограмма. Эрмитаж.

12 — Æ. Дидрахма того же времени. Ав. — голова Синопы в зубчатом венце, контрамарка — голова Гелиоса; рев. — Посейдон, контрамарка — голова Зевса. Монограмма.

13 — Æ. Эпоха Митридатов. Ав. — голова Афины; рев. — Персей с головой Медузы. Надпись: ΣΙΝΩΠΗΣ. Эрмитаж.

14 — Æ. Римская эпоха. Ав. — портрет Диогена; рев. — буквы «C.J.F.» («Colonia Julia Felix») в лавровом венке.

Таблица II. Монеты Синопы (*1—9*) и Трапезунта (*10—16*)

1 — Æ. Рев. — голова Плутона в фас; ав. — портрет Адриана. Эрмитаж.

2 — Æ. Рев. — статуя Плутона; ав. — портрет Септимия Севера. Эрмитаж.

3 — Æ. Рев. — Немезида; ав. — портрет Антонина Пия. Эрмитаж.
4 — Æ. Рев. — Статуя Аполлона; ав. — портрет Сабины.
5 — Æ. Рев. — Сарапис; ав. — портрет Антонина Пия.
6 — Æ. Рев. — нога, на ней голова быка, перед ней алтарь; ав. — портрет Александра Севера.
7 — Æ. Рев. — римский император верхом на коне повергает варвара; ав. — портрет Геты.
8 — Æ. Рев. — пахота; ав. — портрет Калигулы. Эрмитаж.
9 — Æ. Рев. — пленный варвар; ав. — портрет Каракаллы.
10 — Æ. Драхма IV в. Ав. — мужская голова, рев. — стол, на котором лежит виноград; буквы ΤΡΑ (Трапезунт).
11 — Æ. Рев. — Гермес; ав. — портрет Элагабала.
12 — Æ. Рев. — бюст Митры; ав. — портрет Траяна.
13 — Æ. Рев. — бюст Митры и голова коня; ав. — портрет Коммода.
14 — Æ. Рев. — Сарапис; ав. — портрет Каракаллы.
15 — Æ. Рев. — Митра всадник; ав. — портрет Геты. Эрмитаж.
16 — Æ. Рев. — Митра всадник с сопровождающими; ав. — портрет Александра Севера.

Таблица III. Монеты Амиса

1 — Æ. Сикл, конец V в. Ав. — голова Амисы. Эрмитаж.
2 — Æ. Сикл, конец V в. Рев. — сова. Внизу буквы: ΠΕΙΡΑ. Эрмитаж.
3 — Æ. Сикл, IV в. Ав. — голова Амисы; рев. — сова; имя магистрата: ΣΩΧΑ. Ср. WBR, стр. 59.
4 — Æ. Сикл, IV в. Ав. — голова Амисы без венца; рев. — сова.
5 — Æ. Эпоха Митридатов. Ав. — голова Афины; рев. — Персей с головой Медузы. Надпись: ΑΜΙΣΟΥ. Монограмма.
6 — Æ. Эпоха Митридатов. Ав. — голова мальчика; рев. — рог изобилия и шапки Диоскуров. Надпись: ΑΜΙΣΟΥ. Эрмитаж.
7 — Æ. Эпоха Митридатов. Ав. — голова Диониса; рев. — циста. Надпись: ΑΜΙΣΟΥ. Эрмитаж.
8 — Æ. Эпоха Митридатов. Ав. — Ника с лавровой ветвью. Рев. — эгида. Надпись: ΑΜΙΣΟΥ.
9 — Æ. Эпоха Митридатов. Ав. — голова юноши в персидской тиаре; рев. — меч в ножнах. Надпись: ΑΜΙΣΟΥ. Эрмитаж.
10 — Æ. 61—59 гг. до н. э. Ав. — бюст богини Ромы; надпись: ΑΜΙΣΟΥ. Рев. — Рома сидит на сложенном оружии; надпись: ΕΠΙ ΓΑΙΟΥ ΠΑΠΕΙΡΙΟΥ ΚΑΡΒΩΝΟΣ.
11 — Æ. 59 г. до н. э. Те же эмблемы. На рев. надпись: ΕΠΙ ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΚΙΛΙΟΥ ΚΟΡΝΟΥΤΟΥ.
12 — Æ. Союзная монета Амис—Милет. Рев. — Аполлон и Деметра; надпись: ΑΜΙCΟΥ. ΕΤ. CΙΝ. ΑΜΙCΗΝΩΝ — ΜΙΛΗCΙΩΝ Ο (μονοια). Ав. — портрет Максимина.
13 — Æ. Союзная монета Амис—Никея. Рев. — Афина и Деметра; надпись: ΑΜΙCΗΝΩΝ ΝΙΚΑΕΩΝ Ο (μόνοια). Ав. — портрет Максимина.
14 — Æ. Рев. — Тиха сидит, нога ее покоится на голове морского божества; ав. — портрет Траяна.
15 — Æ. Рев. — речной бог Фермодонт; надпись: ΘΕΡΜΩΔΩΝ. Ав. — портрет Септимия Севера.
16 — Æ. Рев. — сельское святилище со статуей Посейдона (?); внизу морское чудовище. Ав. — портрет Адриана.
17 — Æ. Ав. — портрет Антонина Пия; рев. — Тиха-Фортуна.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории.
ВПРИ — А. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э. М.—Л., 1949.
ЗАМ — А. Н. Зограф. Античные монеты. Матер. и исслед. по археол. СССР, 16, М.—Л., 1951.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИРАИК — Известия Русского Археологического института в Константинополе.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
СА — Советская археология.
AA — Archäologischer Anzeiger.
AJA — American Journal of Archaeology.
AM — Mitteilunger des Deutschen archäologischen Instituts. Athenishe Abteilung.
BCH — Bulletin de Correspondence Hellénique.
CAH — Cambridge Ancient History.
CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum.
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.
Durrbach — F. Durrbach. Choix d'Inscriptions de Délos, fasc. I, 1921; fasc. II, 1923, Paris.
FGH — F. Jacoby. Fragmente griechischer Historiker. Berlin.
GGM — Geographi Graeci Minores.
ID — Inscriptions de Délos.
IG — Inscriptiones Graecae.
IGR — Inscrptiones Graecae ad Res Romanas pertinentes.
IOSPE — Inscriptionnes Orae Septentrionalis Ponti Euxini.
JC — A. H. M. Jones. The cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937.
JDI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
JGC — A. H. M. Jones. The greek City from Alexander to Justinian. — Oxford, 1940.
JHS — Journal of Hellenic Studies.
MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua.
MRR — David Magie. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950.

OGIS — W. Dittenberger. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae.
RA — Revue Archéologique.
RE — Pauly—Wissowa—Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
RM — Th. Reinach. Mithridate Eupator roi de Pont. Paris, 1890.
Rob. — D. Robinson. Inscriptions from Sinope. Amer. Journ. of. Archaeol., 1905.
Rom. M. — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Römische Abteilung.
RS — D. Robinson. Ancient Sinope. Amer. Journ. of Philol. v. XXVII, 1906.
SC — Scythica et Caucasica. — В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе.
SEG — Supplementum epigraphicum Graecum.
SEHHW — M. Rostovtzeff. Social and economic History of the Hellenistic. World, 1941.
Syll. — W. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecarum.
WBR — W. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, t. I, fasc. 1. 2-e édit, Paris, 1925.

УКАЗАТЕЛИ

I. ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. Современные исследователи и древние авторы

Авдиев В. И. 20
Агатархид — греческий географ (III—II в. до н. э.) 184, 389
Аджан А. А. 133
Акургал Экрем (Akurgal Ekrem) 112
Амиранашвили Ш. Я. 402, 404
Аммиан Марцеллин — римский историк (ок. 330—400 гг. н. э.) 39
Андерсон (Anderson, J. G. C.) 6
Аноним, неизвестный автор перипла (V в. н. э.) 31, 72, 73
Анфимов Н. В. 222
Апакидзе А. М. 224
Аполлодор из Афин — греческий писатель (II в. до н. э.) 49, 50
Аполлоний из Афродисии — греческий писатель (III в. до н. э.) 176
Аполлоний Родосский — греческий поэт (III в. до н. э.) 39
Аппиан — греческий историк (II в. н. э.) 42, 116, 170, 185, 195, 207, 227, 249, 253, 255—257, 267—269, 273, 274, 276—278, 284, 287—290, 296—300, 304
Аристотель — греческий философ (384—322 гг. до н. э.) 4, 68, 83, 106, 211
Аристофан — греческий комический поэт (ок. 450—388 гг. до н. э.) 84
Арриан — историк и римский государственный деятель (ок. 96—180 гг. н. э.) 11, 31, 71—73, 125, 145, 169, 171, 173, 192, 314—317, 327, 328, 330, 394, 395, 399, 404—410
Архий — поэт, уроженец Антохии (I в. до н. э.) 256
Ахмеров П. Б. 160

Бабелон (Babelon E.) 6, 11, 86, 87, 90, 102, 106, 157, 161, 217, 232, 294, 404, 411, 415, 424
Банг (Bang M.) 244, 340
Батон — историк, уроженец Синопы 184
Баур (Baur V. C.) 59, 62
Бациева С. И. 69
Беллингер (Bellinger A.) 346
Бёклер (Buckler W. H.) 65
Белов Г. Д. 145, 156
Белох Ю. 55
Бердзенишвили Н. 26, 118, 405
Бертье-Делагард А. А. 154
Билабель (Bilabel F.) 5, 40, 43, 44, 46—49, 55, 99, 111, 417
Биллар — астроном 184, 287, 289
Биттель (Bittel K.) 24, 65
Блаватская Т. В. 8, 97, 223
Блюмель (Blümel C.) 213
Болдуин (Baldwin A.) 227
Болтунова (Амиранашвили) А. И. 311, 318, 393, 394
Боссерт (Bossert H. T.) 21, 42, 213
Бош (Bosch C.) 342, 344
Брандис (Brandis C. G.) 314
Брашинский И. В. 97
Броутон (Broughton Th.) 311, 313, 356, 361
Брун (Brunn H.) 116

Бюрхнер (Bürchner L.) 10, 47, 69

Ваддингтон (Waddington W.)6, 11
Валерий Флакк — эпический поэт (I в. н. э.) 4, 39
Ван-Гельдер (Van-Gelder H.) 231
Вандерпуль (Vanderpool E.) 294
Ватцингер (Watzinger K.) 432, 435
Вебер (Weber W.) 405
Вергилий Марон Публий — римский поэт (70—19 гг. до н. э.) 68
Вешер (Wescher C.) 84, 243
Виганд (Wiegand Th.) 94
Вильгельм (Wilhelm A.) 94, 167, 184, 230, 240, 241, 246
Вилькен (Wilcken U.) 425
Винклер (Winckler G.) 40
Витрувий Марк Поллион — архитектор и писатель (I в. до н. э.) 125
Вольтерс (Walters H.) 399, 418, 419, 438
Вуллей (Wolley C.) 78
Вэд-Джери (Wade-Gery H. T.) 71, 97
Вюст (Wüst E.) 404

Гайдукевич В. Ф. 45, 150, 163, 200, 233, 283, 307, 319, 320, 334, 336, 435
Гамильтон (Hamilton W.) 6, 35, 71—73, 192, 314, 425
Гейер (Geyer) 206
Гекатей Милетский — греческий историк (конец VI—нач. V в. до н. э.) 24, 25, 29, 38, 150
Геродиан — греческий историк (III в. н. э.) 46—48
Геродот — греческий историк (ок. 480—425 гг. до н. э.) 14, 15, 19, 22—24, 28, 31, 40, 43, 44, 46, 65, 77, 96, 103, 119, 124, 125, 129, 148, 150
Герцог (Herzog R.) 178
Гесиод — греческий поэт (VIII в. до н. э.) 44
Гётце (Goetze A.) 22
Гизингер (Gisinger F.) 48
Гиллер фон Гертринген (Hiller von Gaertringen F.) 231
Гиппал — греческий ученый (I в. до н. э.) 152
Гиршфельд (Hirschfeld G.) 4
Голенко К. В. 93
Голубцова Е. С. 271, 283, 288, 319
Гомер 41, 143, 184
Гораций Флакк Квинт — римский поэт (65—8 гг. до н. э.) 287
Граков Б. Н. 10, 68, 91, 98, 109, 143, 158—161, 182, 197, 211, 212, 218—222, 229—233, 243, 364, 416.
Грегуар (Grégoire H.) 6
Грейс (Grace V.) 229, 243
Гренфель (Grenfell B.) 234
Гриффит (Griffith G. T.) 186
Гюзальян Л. Т. 133, 134

Даимах — греческий историк III в. до н. э. 211
Даремберг (Daremberg Ch.) 151, 357
Дёдлей (Dudley Donald R.) 112
Деметрий из Каллатии — греческий историк 49, 50
Деметрий, сын Ратена — математик (I в. до н. э.) 185
Дессау (Dessau H.) 309
Дзагурова В. Н. 9, 254, 257, 262, 274
Джавахишвили И. А. 26, 41, 118, 130, 405
Джанашиа С. 26, 118, 405
Джафар-Заде М. 132, 133
Джонс (Jones A. H. M.) 189—191, 288, 309, 328, 353, 360, passim на др. стр.
Димитров Д. П. 428, 430
Динсмор (Dinsmoor B.) 60
Диоген — основатель философской школы киников, уроженец Синопы (IV в. до н. э.) 111, 112, 184, 294, 411
Диоген Лаэртский — греческий ученый и писатель (III в. н. э.) 112, 294
Диодор — поэт новой аттической комедии 94, 184, 229
Диодор из Адрамитиона — греческий ученый 185
Диодор Сицилийский — греческий историк (ок. 80—29 гг. до н. э.) 29, 97, 122, 125, 132, 139—141, 148, 149, 152, 168, 174, 224, 231, 236, 244, 389
Дион Кассий — римский историк (155—ок. 235 гг. н. э.) 289, 290, 292, 293, 295, 297, 299, 301, 304, 308, 318, 320
Дион Хризостом — греческий философ и ритор (I—II вв. н. э.) 361, 394, 409

Дионисий — поэт новой аттической комедии 184
Дионисий Византийский — греческий писатель (I—II вв. н. э.) 92
Дионисий из Халкиды на Эвбее — греческий историк (IV в. до н. э.) 47, 51
Дионисиодор — математик (I в. до н. э.) 185
Диоскорид — греческий грамматик, житель Тарса (II в. до н. э.) 82, 185
Дитенбергер (Dittenberger W.) 206, 207
Дифил — поэт новой аттической комедии 94, 184, 229
Дмитревский А. А. 7
Драхманн (Drachmann A. C.) 334
Дрессель (Dressel H.) 87
Дурбах (Durrbach F.) 200, 203—207, 239, 240, 242, 245, 246, 248, 250
Дюбуа де Монперё (Dubois de Montpereux F.) — французский путешественник XIX в. 317, 406
Дюмон (Dumont A.) 318
Дюрр (Dürr Julius) 405
Дьяков В. Н. 283, 319

Евсевий — историк (IV в. н. э.) 36, 37, 43, 46, 52
Евстафий — византийский писатель (XII в. н. э.) 47, 55, 91
Евтропий — римский историк (IV в. н. э.) 255

Жебелев С. А. 36, 37, 44, 45, 145, 150, 151, 153, 155, 163, 200, 226, 233, 347, 387
Женуйак (Genouillac H., de) 21, 41, 213
Жубен (Joubin A.) 436

Залесский Н. Н. 238, 252
Зеест И. Б. 92, 158, 160, 221, 224, 335, 336, 337, 339
Зёлх (Sölch I.) 310
Зенгебуш (Sengebusch M.) 4
Златковская Т. Д. 8
Зограф А. Н. 93, 164, 189, 214, 219, 223, 225—228, 345, 349
Зосим — византийский историк (V в. н. э.) 307, 399
Зуземиль (Susemihl F.) 176, 184, 185

Иессен А. А. 24, 25, 42, 45
Имхоф-Блумер (Imhoof-Blumer F.) 177, 187, 219, 225, 227, 419
Иосиф Флавий — римский историк (ок. 37—105 гг. н. э.) 317, 322

Каввадиас (Cavvadias P.) 347
Кайбель (Kaibel W.) 348, 350, 364, 385
Каллистов Д. Н. 145, 163, 154, 282, 319
Кантакузин (Cantacuzene G.) 222
Кантор (Kantor Helene I.) 42
Канья (Cagnat R.) 356, 362, 366, 371
Каро (Karo G.) 78
Карпентер (Carpenter Rhys) 42
Катулл Гай Валерий — римский поэт (ок. 87—54 гг. до н. э.) 68
Кёлер (Koehler) 165
Кёрте А. (Körte A.) 60, 61
Кёрте Г. (Körte G.) 60, 61
Кизерицкий (Kieseritzky G.) 432, 435
Кине (Quinet Vital.) 6, 192
Клотц (Klotz) 298
Книпович Т. Н. 221, 224, 335, 409, 421
Кобылина М. М. 410
Колдевей (Koldewey R.) 61
Колобова К. М. 168, 179, 180, 409
Конце (Conze A.) 87, 115
Корнелий Непот — римский писатель (I в. до н. э.) 105
Кох (Koch H.) 56—59, 61, 62, 64
Крашенинников М. Н. 368
Крист (Christ W.) 51
Кромайер (Kromayer I.) 276
Ксенофонт — греческий историк (ок. 430—354 гг. до н. э.) 10, 20, 21, 23, 25, 29, 30, 31, 66, 69, 71—75, 77, 84, 89, 91, 92, 102—104, 118—132, 134—145, 155, 166, 191, 194, 405, 407, 408
Ктесий — греческий историк (IV в. до н. э.) 96
Кубичек (Kubitschek W.) 348, 360
Кудрявцев О. В. 311
Кук (Cook R.) 44
Кунтц (Cuntz) 356
Курций Руф Квинт — историк (I в. н. э.) 169, 171
Курциус (Curtius E.) 78, 79
Куфтин Б. А. 9, 24—26, 124, 132
Кюмон Е. (Cumont E.) 6
Кюмон Ф. (Cumont F.) 4, 6, 11, 52, 53, 70, 81, 146, 147, 185, 295, 309, 311—313, 329, 362, 363, 380, 388

400, 402, 404, 409, 421, 424, 432, 434, 435
Кюриель (Curiel R.) 81
Кьёлберг (Kjelberg L.) 56, 62, 65

Лакёр 257
Латышев В. В. 10, 26, 100, 150, 163, 225, 351
Леви Е. И. 9, 55
Леман-Хартлебен (Leman-Hartleben K.) 314
Лемб (Lamb W.) 21
Ленцман Я. А. 238, 243, 249
Леонтьев П. 7
Леонхард (Leonhard B.) 20, 42
Лепер Р. Х. 7, 52, 53, 71, 172, 183, 192, 197, 198, 236, 362
Ливий Тит — римский историк (59 г. до н. э.—17 г. н. э.) 215, 255
Лиф (Leaf W.) 67, 78, 79
Лукиан Самосатский — греческий писатель (II в. н. э.) 308, 309, 321, 332, 353, 390, 395, 411, 424

Маас (Maas P.) 39
Мавродин В. В. 148
Маджи (Magie D.) 14, 79, 82, 232, 360, 366, 416
Майрес (Myres J.) 36
Майури (Maiuri Amadeo) 94
Макалатия С. И. 402
Мак-Грегор (Mc-Gregor M. F.) 71, 97
Макриди-Бей (Macridy-Bey Th.) 56—59, 63, 64
Манандян Я. А. 271
Маркварт (Marquardt J.) 358, 360
Маркс К. 354, 389
Марциан — греческий писатель (ок. 400 г. н. э.) 31
Марченко И. Д. 161, 162, 224
Маршал (Marchall F. H.) 117
Массон М. Е. 82
Матвеев С. Н. 13, 14, 17
Махмуд Акок 438
Машкин Н. А. 302, 308, 310, 319, 326, 354
Мейер (Meyer E.) 20, 40, 55, 237, 245
Мейнеке (Meineke A.) 37
Мемнон — греческий историк, уроженец Гераклеи Понтийской (I в. до н. э.?) 175, 176, 182, 186, 187, 205, 233, 255—257, 260—268, 270, 273—275, 278—280, 286, 289
Мендель (Mendel G.) 115, 425, 432, 434, 435, 438
Менипп — философ киник, уроженец Синопы 112
Мёнро (Munro I. A.) 14, 78, 79, 311
Мерль (Merle H.) 42
Меритт (Meritt B. O.) 71, 97
Мещаников И. И. 130, 133—135
Мильтнер (Miltner E.) 65
Миннз (Minns E.) 164
Мирин — греческий поэт (I в. до н. э.) 82, 185
Михаил Панарет — византийский писатель 400
Михаловский (Michalowski C.) 251
Мищенко Ф. Г. 28, 31, 150
Моммзен (Mommsen Th.) 254, 318, 358, 369
Мурзакевич Н. Н. 349
Мюллер (Müller K. O.) 27, 37, 51, 55, 176, 184, 262
Мюнстерберг (Münsterberg R.) 409

Невская В. П. 8, 42
Нейхардт А. А. 219, 221
Нёльдеке (Nöldeke Th.) 22
Низе (Niese B.) 184
Никострат из Трапезунта — историк 410
Новосадский Н. И. 284
Ноэ (Noe Sydney P.) 87, 188, 348
Нюэлль (Newell E. T.) 81, 87, 108, 161, 171, 214

Овидий Назон Публий — римский поэт (43 г. до н. э.—17 г. н. э.) 315
Ормерод (Ormerod H. A.) 258
Оросий — римский писатель (кон. IV—нач. V в. н. э.) 255, 260—262

Павсаний — греческий писатель (II в. н. э.) 70, 146, 253
Пари (Paris P.) 379
Патон (Paton R.) 47, 334
Пек (Peek Werner) 93
Пендлбери (Pendlebury I. D. S.) 42
Перро (Perrot G.) 20, 73
Пиотровский Б. Б. 20, 78, 132, 133
Пифагор — греческий философ (ок. 580—500 гг. до н. э.) 411
Платон — греческий философ (427—347 гг. до н. э.) 246, 411

Плиний Младший — римский государственный деятель и писатель (I—II вв. н. э.) 11, 34, 292, 293, 301, 309, 310, 321, 331, 353, 356, 357, 361, 368, 371, 378, 387, 388, 395—397, 412, 424, 425
Плиний Старший — римский государственный деятель и ученый (24—79 гг. н. э.) 29, 68—71, 73, 80, 185, 301, 314—316, 332, 338—340, 356
Плутарх — греческий писатель (II в. н. э.) 39, 42, 47, 48, 97, 98, 101, 104, 110, 116, 145, 151, 153, 173, 190, 195, 206, 208, 252, 255—257, 261, 266—269, 273, 276—278, 281, 282, 286—290, 292, 295, 296, 303, 305
Покровский М. М. 298
Полемон из Илиона — греческий писатель (первая пол. II в. до н. э.) 51
Полибий — греческий историк (ок. 200—120 гг. до н. э.) 32, 34, 77, 125, 178—180, 192, 215, 245, 246
Полиен — греческий писатель (II в. н. э.) 93, 105—107
Поллак (Pollak L.) 117, 213, 438
Помпоний Мела — римский писатель (I в. н. э.) 4, 28, 73, 141
Попадопуло — Керамевс А. 400
Пржеворский (Przeworski S.) 21, 24, 25
Придик Е. М. 214, 221
Прозоров П. И. 405, 406
Прокопий Кесарийский — византийский писатель (кон. V—ок. 562 г. н. э.) 318
Псевдо-Аристотель см. Аристотель
Псевдо-Скилак см. Скилак-Псевдо
Псевдо-Скимн см. Скимн-Псевдо
Птолемей — греческий ученый (сер. II в. н. э.) 73, 309, 354
Пфуль (Pfuhl E.) 432, 435

Рамзей (Ramsay W. M.) 81, 94, 308, 340, 367, 376, 379, 381
Ранович А. Б. 182, 293, 310, 361, 398
Раубичек (Raubitschek A. E.) 98
Реглинг (Regling K.) 11, 87
Реданц (Rehdanz) 76
Рейнак С. (Reinach S.) 104
Рейнак Т. (Reinach Th.) 6, 11, 74, 86, 87, 90, 102, 157, 161, 172, 177, 178, 183, 187, 190, 197, 198, 207, 217, 219, 232, 236, 248, 250, 254—260, 263, 268—270, 273, 285, 294, 309, 353, 356, 361, 366, 369, 383, 388, 404, 415, 416, 419, 430 passim на др. стр.
Риддер (Ridder A., de) 99
Ризом (Risom Sven) 200
Риттер (Ritter C.) 6, 52
Робер (Robert L.) 99, 100, 313, 363—365, 370, 371, 379, 380, 412, 434—436
Робинзон Д. (Robinson D.) 4, 5, 11, 32, 34, 78, 86, 107, 111, 161, 181, 184, 230, 231, 322, 324, 325, 330, 347, 349, 383—386, 388, 390, 391, 411, 414—416, 420—422, 425, 426, 432
Робинзон Е. (Robinson E. G.) 74, 107, 157, 158
Ростовцев (Rostovzeff M. I.) 8, 38, 50, 68, 145, 146, 150, 151, 153, 172, 189, 198, 213, 271, 291, 301, 305, 311, 317, 405
Руденко С. И. 140
Руге (Ruge W.) 4, 26, 27, 70—72, 77, 254, 258, 285, 314
Руссель (Roussel P.) 205, 239, 242, 243, 245, 248—250, 253

Сайденхам (Sydenham E. A.) 345
Салач (Salač A.) 382, 383, 425, 426, 428
Саллюстий Криспи Гай — римский историк (86—34 гг. до н. э.) 256, 267
Сальо (Saglio E.) 151, 357
Светоний Транквилл Гай — римский историк (ок. 70—160 гг. н. э.) 297, 435
Севастьянова О. И. 256
Сельтман 112
Сергеевский Д. Н. 395
Сергеенко М. Е. 396
Сикс (Six I. P.) 85, 86, 107
Симонид из Коса — греческий лирический поэт (кон. VI—нач. V в. до н. э.) 86
Скилак - Псевдо — предполагаемый автор перипла (IV в. до н. э.?) 27, 73, 146
Скимн - Псевдо — предполагаемый автор перипла (кон. II—нач. I в. до н. э.) 15, 37, 38, 40, 42, 43, 45—51, 53, 55, 62, 65, 72, 148, 149, 154, 191

Смирнов Я. И. 7, 8, 404
Смит Е. (Smith E. B.) 60
Смит С. (Smith Sidney) 78
Статиль-Зауер (Statil-Sauer G.) 16
Стефан Византийский — греческий писатель (не раньше V в. н. э. Точное время жизни неизвестно) 4, 25, 29, 46—48, 69, 70, 73, 175, 233, 234, 236
Страбон — греческий географ (ок. 63 г. до н. э.—19 г. н. э.) 4, 11, 15, 16, 19, 22, 32, 34, 35, 39, 42, 53—55, 68, 69, 72, 73, 80, 81, 85, 91, 92, 101, 107, 116, 124, 139, 145, 148, 149, 152, 155, 157, 172, 179, 183—185, 190—192, 194—196, 199, 207—209, 227, 235, 236, 239, 255—257, 260, 272, 277, 286, 287, 289, 291—293, 297, 299—302, 304, 305, 315, 326—334, 336, 338—340, 344, 345, 356, 357, 360, 362, 389, 404, 412, 418, 420
Струве В. В. 21, 96, 102, 200, 224, 262, 387

Тарн В. 152, 170, 182
Тацит — римский историк (ок. 55—120 гг. н. э.) 147, 180, 232, 312, 316—318, 321—323, 361, 393, 394
Тексие (Texier Ch.) — французский путешественник XIX в. 52
Тимофей Патрий — философ эпикуреец, синопеец (II в. до н. э.?) 184
Тираннон — грамматик, учитель Страбона (I в. до н. э.) 185, 287
Томашек (Tomaschek W.) 125, 126
Тораманян Т. 132
Тревер К. В. 402
Трубников Н. В. 25
Тюменев А. И. 97, 155, 156
Тэтбу де Мариньи — французский путешественник XVIII—XIX в. 35

Ульпиан — римский юрист (III в. н. э.) 359
Успенский Ф. И. 70, 147, 316, 317, 399, 400

Феопомп — греческий историк (IV в. до н. э.) 22, 53—55, 65, 101, 102
Феопомп Синопеец — ученый, сейсмограф 184
Феофраст — греческий ученый (372—287 гг. до н. э.) 68, 80, 211, 338
Фергюссон (Fergusson W. S.) 252
Ферекид из Сироса — мифограф (V в. до н. э.) 39
Флавий Иосиф см. Иосиф Флавий
Флегон из Тралл — парадоксограф (II в. н. э.) 46, 47, 184, 254
Форрер (Forrer L.) 20
Фрезер (Frazer D.) 140
Фридлендер (Friedländer J.) 219
Фукар (Foucart P.) 84, 243, 365
Фукидид — греческий историк (ок. 460—395 гг. до н. э.) 97, 151, 154
Фуртвенглер (Furtwängler A.) 74

Хазлёк (Hasluck F. W.) 88
Хамди-Бей (Hamdy-Bey O.) 213
Харко Л. П. 225, 228
Харнак (Harnack A.) 424
Хёнт (Hunt A.) 234
Хертер (Herter H.) 414
Хид (Head B. V.) 360
Хомер де Хелль (Hommer de Hell) — французский путешественник XIX в. 6
Хоштария Н. В. 124, 125, 224, 406
Хрисипп — греческий философ-стоик (282—208 гг. до н. э.) 411

Цан (Zahn R.) 213
Цангенмейстер (Zangenmeister C.) 255
Цицерон Марк Туллий — римский государственный деятель и писатель (106—43 гг. до н. э.) 184, 244, 255, 256, 289, 290, 295
Цюхнер (Züchner W.) 94

Чихачев П. А. 6, 329

Шапо (Chapot V.) 308, 353
Шапутье (Chapoutier E.) 200
Швейцер (Schweizer B.) 414
Шелов Д. Б. 163
Шеффольд К. 63—65
Шиир (Shear T. L.) 61
Шипье (Chipiez Ch.) 20, 73
Шкорпил В. В. 222
Шлюмберже (Schlumberger D.) 81
Шмидт (Schmidt E.) 82, 232
Шмидт Р. В. 27, 28, 30
Штаерман Е. М. 221, 222
Штейн (Stein) 28

Штрейбер В. 35
Шур (Schur W.) 311
Шюрер (Schürer E.) 421

Эванс (Evans A. J.) 41
Эдгар (Edgar C. C.) 234
Элиан — греческий писатель (кон. II—нач. III в. н. э.) 68
Энгельс Ф. 354
Эней Тактик — греческий писатель (IV в. до н. э.) 105
Эпикур — греческий философ (341—270 гг. до н. э.) 411
Эратосфен — греческий географ и математик (275—195 гг. до н. э.) 49, 50
Эфор — греческий историк (IV в. до н. э.) 49, 50

Юдейх (Judeich W.) 106, 298
Юстин — римский историк (II в. н. э.) 97

2. Исторические лица

Авга, жена Тевтрака, амисенка 346
Август Гай Юлий Цезарь Октавиан — римский император (27 г. до н. э.—14 г. н. э.) 93, 286, 294, 304—306, 308—310, 319, 320, 322, 326, 327, 329, 330, 344, 345, 354, 356—358, 360, 361, 365, 368, 412
Аврелий Александр Тимофей — архиерей Понта 370, 371
Агатодор — прокуратор? 386
Агафанакс, сын Эпигена, родосец 247, 248
Агесилай — спартанский царь (401—361 гг. до н. э.) 104
Агриппа Марк Випсаний — римский полководец и государственный деятель (ок. 63—12 гг. до н. э.) 306, 319, 320, 356
Агриппина Старшая, жена Германика (г. рожд. неизв. — ум. 33 г. н. э.) 322, 323
Адриан Публий Элий — римский император (117—138 гг. н. э.) 46, 71, 147, 312, 314, 315, 317, 342, 343, 348, 357, 369, 399, 407, 409, 410, 415, 417—419
Аквила Гай Юлий — императорский наместник в пров. Вифиния-Понт 320, 372, 378
Александр — Лжепророк 332, 390, 424
Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) 23, 81, 82, 102, 109, 157, 169, 170, 173—175, 177, 182, 209, 214, 215, 223, 251
Александр Север — римский император (222—235 гг. н. э.) 342, 422, 428
Алким, сын Менофила — стратег, родом из Абонутейха 183, 197—199
Аминта I — царь Македонии (VI—V вв. до н. э.) 50
Аникет — руководитель восстания в Трапезунте в 69 г. 316, 318, 361, 368, 393, 394
Антигон — пайдотриб на Делосе 240
Антигон — диадох (323—301 гг. до н. э.) 172—174
Антиох I Сотер — сирийский царь (280—261 гг. до н. э.) 175
Антиох III Великий — сирийский царь (223—187 гг. до н. э.) 178, 179, 238
Антиох Епифан — сирийский царь (II в. до н. э.) 204
Антипатр — сподвижник Александра Македонского (400—319 гг. до н. э.) 182
Антипатр, сын Сизиса — правитель Малой Армении (I в. до н. э.) 192
Антоний Марк — римский государственный деятель и полководец (83—30 гг. до н. э.) 291, 303—306, 310, 319, 320, 357, 362
Антонин Пий — римский император (138—161 гг. н. э.) 323, 357
Антония Сабина, жена Гая — синопского скульптора 385
Аохоан — арендатор земли в Египте 234
Аполлонид, сын Протоса, амисенец 241

Аполлоний, отец Минодора, синопеец 351
Аполлоний — крупный импортёр в Александрии 234
Ариарамн — сатрап Каппадокии 96
Ариарат I — царь Каппадокии (IV в. до н. э.) 90, 107, 108, 112, 171, 173, 187, 195
Ариарат VII Филометор — царь Каппадокии (I в. до н. э.) 204, 206
Ариараты — династия царей Каппадокии (IV—I вв. до н. э.) 171, 244
Ариобарзан — сатрап Фригии (первая пол. IV в. до н. э.) 105
Ариобарзан, сын Митридата — династа Киуса в первой пол. IV в. до н. э. 246
Ариобарзан, сын Митридата Ктиста — царь Понта (266/265 — 250 (?) гг. до н. э.) 175, 176, 233, 297
Аристион — ставленник Митридата Евпатора в Афинах (I в. до н. э.) 252
Аристон — гимнасиарх на Делосе в 119/118 гг. до н. э. 239
Артаксеркс II Мнемон — царь Персии (405—358 гг. до н. э.) 20, 104—107
Артаксеркс III Ох — царь Персии (358—338 гг. до н. э.) 107
Архелай — полководец Митридата Евпатора 252, 253, 277
Архелай — царь Каппадокии и Малой Армении (нач. I в. н. э.) 308
Аршак VII — парфянский царь (138—128 гг. до н. э.) 205
Асандр — боспорский царь (47—17 гг. до н. э.) 226, 298, 319
Асандр — сатрап Карии (IV в. до н. э.) 174
Асклепиодор, отец Асклепиодора и Гермогена 247, 248
Асклепиодор, отец жреца Гелианакса, афинянин 200, 203—206, 249
Асклепиодор — полководец, осаждавший Амис в IV в. до н. э. 174
Асклепиодор, сын Асклепиодора 247—249
Астиаг — царь Мидии (VI в. до н. э) 49
Атерий Максим — врач, синопеец 385
Афинаида — гражданка г. Амиса погребенная на Родосе 346
Афинокл — руководитель афинских переселенцев в Амис 55, 101, 157
Афродисий — управитель, посланный Селевком в города Фригии 175

Бакхид — начальник гарнизона Синопы 260
Боэт — отец Дионисия, афинянин 242
Бриаксис — греческий скульптор 415
Брут см. Юний Брут

Валериан Публий Лициний — римский император (253—260 гг. н. э.) 411
Валерий Эклект — знаменитый атлет, уроженец Синопы 347, 380
Веспасиан Тит Флавий — римский император (69—79 гг. н. э.) 309, 311—313, 318, 333, 348, 393, 394, 414
Вителлий — римский император (69 г. н. э.) 318, 393

Гай Кай Евтихиан — синопский навклер 349, 385
Гай — скульптор, синопеец 385
Гай, сын Гермайя — сверстник Митридата Евпатора, амисенец 205—207
Галерий — римский император (293—311 гг. н. э.) 324
Галлиен — римский император (253—268 гг. н. э.) 345, 414
Гекатей — гражданин Синопы 350
Гекатоним — посол Синопы 75, 103, 104
Гелианакс, сын Асклепиодора — жрец 200, 201, 203—206, 248, 249, 253
Гераклид — крупный торговец хлебом, уроженец Саламина на Кипре 165—167
Гераклид, сын Клароса из г. Тиа, похороненный в Амисе 345
Гермай, отец Гая, амисенец 205
Германик Цезарь — племянник имп. Тиберия 322, 323
Гермоген, сын Асклепиодора 247
Гермоген, сын Хайрея, амисенец 242
Гета — римский император (211—212 гг. н. э.) 307, 346, 428

Гиппон, сын Дионисия — астином, синопеец 230
Гистией — астином, синопеец 231
Гистией — победитель на играх, синопеец 94

Даипп, сын Критона — жрец в Абонутейхе 197
Дамострат — победитель на играх, синопеец 348
Дамофил — правитель Гераклеи Понтийской 275
Дарий I Гистасп — персидский царь (521—485 гг. до н. э.) 19, 22, 31, 49, 136
Дарий III Кодоман — персидский царь (336—330 гг. до н. э.) 169, 170
Дарий, сын Фарнака, внук Митридата Евпатора (I в. н. э.) 304, 305
Датам — сатрап (IV в. до н. э.) 104—107, 109
Дейотар — тетрарх Галатии, правитель Малой Армении (I в. до н. э.) 297, 298, 301, 328
Дейотар Филадельф — царь Пафлагонии (I в. до н. э.) 304
Демен — стефанефор, амисенец 361, 363
Деметрий I Полиоркет — македонский царь (307—283 гг. до н. э.) 223
Деметрий, отец Монима (52/51 гг. до н. э.) 295
Деметрий, синопеец (II в. до н. э.) 234, 235
Деций — римский император (249—251 гг. н. э.) 413
Дикай, сын Дикайя — жрец Сараписа 250
Диодор — гладиатор в Амисе 435, 436
Диодор, отец Феодора, правителя о-ва Делоса 203
Диоклетиан — римский император (284—305 гг. н. э.) 308, 332, 338, 353, 358, 400
Дион, синопеец, отец Дифила и Диодора — аттических комических поэтов 229
Дион — приближенный тирана Сиракуз Дионисия Младшего (IV в. до н. э.) 145, 151, 153, 154
Дионисий Младший — тиран Сиракуз (367—344 гг. до н. э.) 153
Дионисий, сын Архиппа — притан Синопы (III в. до н. э.) 99
Дионисий, сын Боэта, афинянин 242, 243
Дионисий, сын Неона — гимнасиарх, афинянин 240
Дионисий — тиран Гераклеи Понтийской (IV в. до н. э.) 165, 166
Диофант — полководец Митридата VI Евпатора 184, 200, 320, 387
Диофант, сын Митара — полководец Митридата VI Евпатора 203
Долабелла — цезарианец 302
Домициан — римский император (81—96 гг. н. э.) 318, 333, 415
Домиций Кальвин — правитель провинции Азии, легат Цезаря 297—299
Дорилай Младший, амисенец, родственник Страбона 199, 207—210
Дорилай Старший, амисенец, прадед Страбона 199, 207

Евлалий — скульптор, синопеец 385
Евлог — гражданин Амиса 363
Евмел — боспорский царь (310/309—304/303 гг. до н. э.) 168, 224
Евмен II — пергамский царь (197—159 гг. до н. э.) 180
Евмен — диадох 173, 175, 183, 195
Евмен — правитель Амастрии (нач. III в. до н. э.) 175, 183
Евпатор Тиберий Юлий — боспорский царь (154/155—170/171 гг. н. э.) 321
Евфрон, сын Протоса, амисенец на Делосе 241

Зенон — скульптор, уроженец Амиса 235
Зибоет — царь Вифинии (326 — 279? гг. до н. э.) 172, 175
Зиэл — царь Вифинии (сер. III в. до н. э.) 155

Итал — раб в Амисе 388

Калигула Гай Юлий Цезарь — римский император (37—41 гг. н. э.) 309, 333, 435
Калидон — ланиста в Амисе 379
Каллигон, брат Юлия Каллиника, синопеец 426
Каллимах — стратег в Амисе (I в. до н. э.) 268—270, 287

Каракалла Марк Аврелий Антонин— римский император (211—217 гг. н. э.) 146, 307, 318, 386, 415, 417, 428
Кассандр — диадох (ок. 350—297 гг. до н. э.) 172—174
Кассий Лонгин Гай — претор (44 г. до н. э.), убийца Цезаря 297, 302—304
Кассий Луций — сподвижник Помпея (I в. до н. э.) 297
Квинт Лициний Макрин — легионер 384
Квинт Лициний Фругис — торговый посредник 385, 388
Кир Младший — персидский царевич (кон. V в. до н. э.) 29, 74, 75, 77, 120, 122, 123, 125, 138, 142
Кир Старший — персидский царь (558—529 гг. до н. э.) 49, 50
[Клавдий], синопеец 365, 366, 368, 369, 371, 379, 380.
Клавдий Тиберий Нерон Германик — римский император (41—54 гг. н. э.) 28, 320, 372, 378, 414
Клавдия Павла — жрица богини Исиды, синопеянка 365, 380
Клеайнет — лохаг в войске Ксенофонта 122
Клеопатра, амисенка 350
Клеопатра VII — царица Египта (51—30 гг. до н. э.) 305
Клеохар — стратег в Синопе 260—266, 271
Клерий — синопский скульптор 231
Коммод — римский император (180—192 гг. н. э.) 323, 324, 345
Коннакорик — начальник гарнизона Гераклеи Понтийской 269, 275
Константин I — римский император (306—337 гг. н. э.) 308, 313, 324, 377
Коос — основатель Синопы 37, 46—49
Корбулон—римский полководец (I в. н. э.) 311, 361
Корила — вождь пафлагонцев (V—IV вв. до н. э.) 23, 103, 104, 108
Корнелий Сулла Луций — римский полководец и диктатор (82—79 гг. до н. э.) 206, 207, 253, 254, 276, 277, 287, 289, 290, 358
Корнутий, синопеец, погребенный в Риме 348
Котис I — боспорский царь (45/46—60/61 гг. н. э.) 309
Котта Аврелий — римский полководец (I в. до н. э.) 279
Красс см. Лициний
Крез — царь Лидии (VI в. до н. э.) 19, 28
Кретин — основатель Синопы 37, 46—49
Криспин — префект римского флота 318
Критий см. Кретин
Критон, гражданин города Абонутейха 197
Ксеркс I — персидский царь (485—465 гг. до н. э.) 19, 23, 31, 97, 103, 125

Лагет, сын Дорилая Старшего (II—I вв. до н. э.) 199
Ламах—стратег, командующий афинским флотом (V в. до н. э.) 97, 98, 101
Ламах, сын Хорегиона — притан в Синопе 99
Лаодика, дочь Митридата III 247, 248
Лаодика — царица Понта, мать Митридата VI 220
Леокрит — полководец Фарнака I 199
Леон, синопеец (V в. до н. э.) 87
Леонип — стратег в Синопе 260—264, 271
Леохар — греческий скульптор (IV в. до н. э.) 116
Лисандр — архонт Афин в 52/51 гг. до н. э. 295
Лисимах — диадох (361—281 гг. до н. э.) 172—174, 195
Лициний — римский император (308—324 гг. н. э.) 324
Лициний Красс Марк — римский полководец и государственный деятель (консул 70 и 55 гг. до н. э.) 310
Лициний Лукулл Луций — римский полководец (кон. II в.—56 г. до н. э.) 107, 116, 179, 182, 184, 186, 190, 208, 254—261, 263, 265—270, 273, 276—278, 280, 281, 285—292, 300, 306, 339
Лукулл см. Лициний Лукулл
Луций Антоний Насон — императорский наместник в провинции Вифиния-Понт в 78 г. н. э. 372

Луций Вер — римский император (161—169 гг. н. э.) 323, 324
L. Erennius Pompeianus — член италийской колонии Синопы (?) 330
Луций Лициний — проконсул (I в. н. э.) 388
Луций Лициний Фругис — вольноотпущенник 388
Луций Лоллиан Авит — правитель Вифинии (II в. н. э.) 321
Луций Мурена — легат Лукулла (I в. до н. э.) 259, 267, 268, 275, 276, 287
Луцилла, жена римского императора Луция Вера 414

Макер, синопеец 420
Максим — прокуратор 395
Максим, синопеец 345
Максимин — римский император (235—238 гг. н. э.) 343
Максимин Дайя — римский импера- 313 гг. н. э.) 324
Манес, сын Майя, амисенец 391
Марий Гай — римский консул (I в. до н. э.) 256
Марк Аврелий — римский император (161—180 гг. н. э.) 308, 323, 324, 353
Марк Аврелий Пифодор — жрец (224 г. н. э.) 347
Марк. . . Антонин, амисенец 362, 363, 378, 379
Марк Юлий Юлиан — понтарх, амисенец (209/210 гг. н. э.) 371, 379
Маркион — навклер, синопеец (II в. н. э.) 385, 424, 425
Маррей — арендатор земли в Египте 234
Марциан Руф, синопеец — кулачный боец 347
Марций Плеторий Целер — центурион 315
Марций Цензорин Гай — легат Цезаря (I в. до н. э. — I в. н. э.) 322
Махар, сын Митридата VI Евпатора (I в. до н. э.) 265, 266, 279, 280
Мекий Юлиан — эфеб в Амисе 361, 363
Менофил, отец Алкима, житель Абонутейха (?) 183, 197, 198
Менофил, отец Паппия, амисенец 206, 207
Менофил, сын Менофила, синопеец 225
Минодор, сын Аполлония, уроженец Синопы 351
Минуций Руф — командующий римским флотом (I в. до н. э.) 276
Мирон, сын Паппия, амисенец 241, 242
Митридат — правитель Малой Армении (II в. до н. э.) 179, 192, 194
Митридат, сын Ариобарзана (IV в. до н. э.) 105
Митридат, сын Оронтобата — династ Киуса (первая полов. IV в. до н. э.) 246
Митридат I — династ Киуса (337/336—302/301 гг. до н. э.) 172, 233, 236
Митридат II Ктист — царь Понта (302/301—266/265 гг. до н. э.) 172—177, 236
Митридат III — царь Понта (250 ?—185 гг. до н. э.) 176—181, 247
Митридат IV Филопатор — Филадельф — царь Понта (170 ? — 150 ? гг. до н. э.) 241, 247—249
Митридат V Евергет — царь Понта (150 ? — 121 гг. до н. э.) 183, 197, 199, 200, 240—242, 247, 249
Митридат VI Евпатор — царь Понта (115—63 гг. до н. э.) 6, 102, 154, 168, 171, 181, 183—187, 189, 191, 192, 195, 196, 199—211, 219, 220, 224—227, 236, 237, 239, 240, 249—256, 258—285, 288—292, 294, 296, 300, 301, 304, 306, 315, 319, 320, 339, 348, 349, 414, 417—420.
Митридат VIII — боспорский царь (39/40—44 гг. н. э.) 320, 321
Митридат Хрест, брат Митридата Евпатора 240, 250
Митридаты — династия царей Понта 3, 35, 55, 172, 177, 181—185, 187—190, 196, 197, 224, 236, 237, 245, 246, 248, 250, 252, 253, 292, 293, 307—309, 311, 313, 315, 320, 325, 334, 340, 353, 371, 402
Моаферн — правитель Колхиды (I в. до н. э.) 209
Моним, сын Деметрии, амисенец (I. в. до н. э.) 295
Муммий — римский полководец (II в. до н. э.) 287

Мурена см. Луций Мурена

Нарцисс — ритор, синопеец 425, 426, 428—430, 439
Неон, отец Дионисия, афинянин 240
Нерон — римский император (54—68 гг. н. э.) 309—312, 317, 333, 393, 415
Ника, амисенка 350
Никокл, сын Никокла, синопеец 81, 95
Никомед I — вифинский царь (III в. до н. э.) 172, 175
Никомед III Филопатор — вифинский царь (I в. до н. э.) 292
Ниса, жена Фарнака I Понтийского 245
Нумисия Павла, дочь Гая Нумисия Прима, синопеянка 367
Нумерия Прокопе, жена Публия Элия Помпея, синопеянка 383
Нумисий Прим Гай — наварх, синопеец 318, 366—368, 380

Оронтобат — династ Киуса 246
Орт, синопеец 231
Отис — царь Пафлагонии (IV в. до н. э.) 104

Папп, отец Эвноя, синопеец 229
Папирий Карбон Гай — римский проконсул провинции Вифиния-Понт (I в. до н. э.) 294
Паппий, отец Мирона и Фарнака, амисенец 241
Паппий, сын Менофила, синопеец 206, 207
Пасион, сын Эргасиона, синопеец 240, 249
Пердикка — диадох 173
Перикл — афинский государственный деятель (444—429 гг. до н. э.) 66, 96—102, 150, 157
Перисад I — боспорский царь (349/348—310/309 гг. до н. э.) 156, 157
Перисад II — боспорский царь (284 — после 250 г. до н. э.) 233
Персей — македонский царь (II в. до н. э.) 237
Пифодор, отец Херемона 271
Пифодор, отец царицы Пифодориды (I в. до н. э.) 291
Пифодорида, жена боспорского царя Полемона I (I в. до н. э.) 291, 308, 309, 404
Полемей — полководец Антигона (IV в. до н. э.) 174
Полемон I — боспорский и понтийский царь (14—9/8 гг. до н. э.) 291, 304, 305, 308, 319, 320, 362
Полемон II — царь Понта (полемоновского) (38—41 гг. н. э.) 309, 311, 316—318, 328, 368, 393
Полидор, синопеец 349
Помпей Великий — римский государственный деятель и полководец (I в. до н. э.) 185, 206, 208, 281, 282, 288, 289, 291—297, 301, 304, 306, 308, 310, 319, 325, 326, 328, 330, 334, 350, 368, 373, 375, 402
Помпей Гней, сын предыдущего 295
Помпей Коллега — легат Каппадокии (I в. н. э.) 313
Помпей Секст, сын Помпея Великого — римский полководец (75—35 гг. до н. э.) 303
Понтиан, синопеец 420
Поплий Игнатий Онесифор, синопеец (II в. н. э.) 350
Поппилий Гай — командующий римским флотом (нач. I в. до н. э.) 276
Поппилий, синопеец 347
Протагор, сын Протоса, амисенец (II в. до н. э.) 241
Протомах — проксен Афин (IV в. до н. э.) 167
Протос, сын Фарнака, амисенец — резидент на Делосе 240—242
Птолемей Лаг — сподвижник Александра Македонского, затем египетский царь Птолемей I Сотер (323—283 гг. до н. э.) 172, 173, 232
Птолемей II Филадельф — египетский царь (285—246 гг. до н. э.) 175, 176, 232, 233
Птолемей IV Филопатор — египетский царь (221—203 гг. до н. э.) 234
Публий Элий Помпей, синопеец (II в. н. э.) 383

Руфина, синопеянка 420

Сабина, жена имп. Андриана 413

Савмак — вождь восстания скифов на Боспоре 283, 387
Савромат I — царь Боспора (93/94—123/124 гг. н. э.) 321
Salvius, синопеец 384
Сароанд, синопеец 391
Саса, амисенка 391
Сатир, амисенец 240
Сафо, тибаренка — рабыня 84
Север, синопеец 420
Секст Игнатий, синопеец 384
Секстиллий Максим Гай — гимнасиарх, синопеец 366
Секстилия Кирилла — понтарх Амиса в 209/210 гг. н. э. 379
Селевк — начальник гарнизона в Синопе 258, 260—265, 269, 280
Селевк из Марафона — гимнасиарх на Делосе (129/128 гг. до н. э.) 240, 249
Селевк I Никатор — диадох, затем сирийский царь (312—280 гг. до н. э.) 172, 173, 175
Септимий Север — римский император (193—211 гг. н. э.) 232, 233, 318, 329, 333, 343, 414, 418
Сервилий — командующий римской эскадрой в 65 г. до н. э. 281, 282
Серторий Квинт — марианец, союзник Митридата VI Евпатора (ум. в 72 г. до н. э.) 258, 278
Силанион — греческий скульптор (IV в. до н. э.) 246
Синопа — гетера, проживавшая в Афинах в первой полов. IV в. до н. э. 84
Скидрофемид — царь Синопы (III в. до н. э.) 21, 180, 232
Скрибоний — претендент на боспорский престол (I в. до н. э.) 319, 320
Спифридат — персидский сатрап (V в. до н. э.) 104
Стасилей, сын Дамея — гелиаст Синопы 100
Стратарх, сын Дорилая Старшего 199
Стратон — тиран Амиса (I в. до н. э.) 304, 305
Сулла см. Корнелий Сулла
Сфеннид — греческий скульптор (IV в. до н. э.) 42, 116, 184, 287

Тевтрак, анкирец 346
Теофил, сын Дорилая Младшего 208
Тиберий Клавдий Мекуллион, синопеец 350
Тиберий Клавдий Нерон — римский император (14—37 гг. н. э.) 308, 320, 322, 345
Тиберий Клавдий Север, синопеец 347
Тибий, родственник Страбона 208, 209
Тигран II Великий — армянский царь (95—56 гг. до н. э.) 259, 268, 270, 290
Тий — царь Пафлагонии (80-е—70-е гг. IV в. до н. э.) 104, 105
Тиллибор (Тиллероб) — предводитель разбойников в провинции Азии 394, 395
Тимесилай — тиран города Синопы (V в. до н. э.) 86, 97—99
Тимеситий, гражданин Трапезунта 74, 131, 142, 144
Тирибаз — персидский сатрап (V в. до н. э.) 137
Тит Ветурий Кампестр, синопеец 369, 381
Тит Маний Магнус, синопеец 382
Тит Флавий Веспасиан — римский император (79—81 гг. н. э.) 413
Тихандр — афинский архонт (II в. до н. э.) 245
Траян Марк Ульпий — римский император (98—117 гг. н. э.) 11, 34, 292, 294, 309, 310, 321, 331, 342, 343, 353, 356, 361, 368, 371—378, 387, 395—397, 399, 413, 414, 424
Требоний Гай — римский государственный деятель, один из убийц Цезаря 302
Трептион, синопеец 420
Трептос — врач, амисенец 386, 387
Триарий — командующий римским флотом (I в. до н. э.) 274, 279, 280

Фанез — арендатор земли в Египте 234
Фарасман II — царь Иберии (II в. н. э.) 405
Фарнак I — понтийский царь (ок. 183—169? гг. до н. э.) 72, 107, 168, 169, 173, 179, 180, 187, 191, 192, 195, 199, 210, 211, 218, 235—237, 239, 245—249, 251, 252, 276
Фарнак — боспорский царь (63—47 гг. до н. э.) 294—302, 304, 306, 319, 320

Фарнак, отец Авги, амисенец 346
Фарнак, отец Протоса, амисенец 240, 241
Фарнак, сын Паппия, амисенец 241, 242
Фарнак, сын Протоса, амисенец на Делосе 241
Фарнак, сын Фарнака, синопеец 351, 395
Фауст, сын Луция Корнелия Суллы 206
Феогнид, синопеец 86
Феодор, сын Диодора — правитель о-ва Делоса (102/101 гг. до н. э.) 203
Феокл, сын Сатира, ольвиополит (кон. II—III в. н. э.) 349
Феофил — мастер-живописец в Александрии 234
Феофила, дочь Гекатея, синопеянка 350
Филемон, сын Фарнака, боспорец 350
Филетайр — основатель династии Атталидов в Пергаме (III в. до н. э.) 209
Филетайр, отец Дорилая Младшего 207
Филипп — автор эпиграммы в честь синопейца Дамострата 348
Филипп Араб — римский император (244—249 гг. н. э.) 410
Филипп II — македонский царь (359—336 гг. до н. э) 223
Филипп V — македонский царь (221—179 гг. до н. э.) 109, 247
Филипп Младший — римский император (247—249 гг. н. э.) 342, 348, 399
Фимбрия Гай Флавий — римский полководец (I в. до н. э.) 277
Форбант — астином в Синопе 364

Хаброндa — ойкист Синопы I, милетянин 37, 42—46, 49, 52
Хайрей, отец Гермогена, амисенец на Делосе 242
Хегезий — ученик философа Диогена, синопеец 112
Хематион, боспорец 351
Херемон, сын Пифодора из г. Нисы в Карии 271, 291
Хикесий, отец философа Диогена 112
Хрэстос — синопский скульптор 385

Цензорин — командующий римским флотом (I в. до н. э.) 262, 264, 279
Цецилий Корнут Гай — римский проконсул провинции Вифиния—Понт (I в. до н. э.) 294

Эвной, сын Папа, синопеец в Афинах (кон. III—нач. II в. до н. э.) 229
Эвтеон, синопеец (III в. до н. э.) 230
Элагабал — римский император (218—222 гг. н. э.) 418, 428
Элий, синопеец 420
Элия Скрибония, жена Максима, синопеянка (II в. н. э.) 345
Эндексий — изгнанник из Синопы (IV в. до н. э.) 94
Эпигон, отец Агафанакса 247, 248
Эсхил, сын Зопира, амисенец на Делосе (II в. до н. э.) 249
Эхекрат — архонт на Делосе (102/101 гг. до н. э.) 203

Юлий Каллиник — навклер, синопеец (III в. н. э.) 385, 425—428, 430, 439
Юлий Корнут Тертулл Гай — legatus pro praetor в Вифинии (I в. н. э.) 372
Юлий Пизон, амисенец (I в. н. э.) 377—379
Юлий Север — легат в Вифинии в 136/137 гг. н. э. 372
Юлий Цезарь Гай — диктатор (ок. 100—44 гг. до н. э.) 257, 294—298 300—302, 304, 306, 319, 320, 330, 358, 360
Юлия Домна, жена Септимия Севера 413
Юний Брут Марк — убийца Цезаря, претор 44 г. до н. э. 302—304
Юний Цилон — наместник в провинции Вифиния—Понт (I в. н. э.) 321, 372
Юстиниан — император (527—565 гг. н. э.) 308, 312, 318

3. Мифологические имена и названия

Абриао 423
Abundantia (Изобилие) 399, 415, 419
Автолик — один из мифических основателей Синопы 37, 39—42, 49, 50, 52, 116, 184, 256, 286, 287, 289, 415
Аид 435
Амазонки 329, 418
Амиса — нимфа 83, 88
Аполлон 38, 39, 111, 146, 215, 230, 238, 240—243, 343, 344, 356, 357, 408, 413, 417, 419. Аполлон Актийский: 357. Аполлон Малеат : 347
Арди-Арегу 402
Арес 38, 419
Аримаспы 146
Артемида 238, 240—242, 419
Асклепий 178, 250, 347, 414, 419, 424
Асоп 38, 39
Афина 251, 344, 348, 415, 417
Афродита 415, 419

Галис — божество, олицетворение одноименной реки 38
Гелиос 217, 248, 415, 422, 423
Гера 83, 88, 419
Геракл 39, 42, 58—60, 63, 233, 415, 420
Гермес 39, 74, 315, 399, 408—410, 414, 415, 417, 418, 422. Меркурий: 369
Гефест 385
Гигиея 414, 419
Гиперборей 146
Гликон — змей, второй Асклепий 424

Дактили — мифические металлурги 27
Деилеонт — брат и спутник мифического основателя Синопы—Автолика 37, 39
Деимах — отец Автолика, Флогия и Деилеонта 39
Деметра 333, 343, 417, 418
Дионис 188, 214, 303, 333, 399, 414, 417, 418. Митридат Дионис: 200, 201, 203
Диоскуры 415, 419. Диоскуры — Кабиры см. Кабиры

Зевс 38, 251, 414, 416, 419. Зевс — Гелиос: 385, 416, Зевс Поарин: 183, 197. Зевс—Сарапис: 416. Зевс—Сарапис—Гелиос: 423. Зевс Урий: 250, 317

Иегова 421
Изида 238, 365, 380, 415, 417. Изида—Афродита: 250

Кабиры 200—203, 253. Кабиры — Диоскуры: 200, 203, 249
Кибела 415
Кмефи 423

Латона 238, 241, 242
Лета 426

Марсий 359
Ма-Эннио 208, 420
Мен (Месяц) 404, 420
Меркурий см. Гермес
Метона 38
Митра 399, 400, 402, 404, 411. Митра—Михра: 402
Моисей 423
Мойры 388, 426, 435

Немезида 413, 414, 419. Немезида — Фортуна: 423
Ника 414, 417

Океан 44

Парнасса — нимфа 38
Персей 185, 188, 420

Pietas (Благочестие) 420
Пиламен — предводитель пафлагонцев под Троей 19, 104
Пифия 47
Посейдон 38, 215, 414, 419. Посейдон Азийский: 203. Посейдон Геликоний: 111
Приам 19
Психея 94

Рома 294, 357, 370. Рома Никефора: 294

Сангарий — божество, олицетворение одноименной реки в Вифинии 344

Сарапис 180, 232, 238, 250, 349, 380, 399, 412, 415. Сарапис — Гелиос: 416. Сарапис Пафлагонский: 416—417 см. также Юпитер—Плутон.
Securitas (Безопасность) 419
Селена 422
Сет 423
Синоп — товарищ Одиссея 39
Синопа — амазонка (или нимфа), эпоним города Синопы 38, 39, 83, 84, 86, 345
Сир — сын амазонки Синопы, эпоним сиров 38
Сириус 422
Сцилла 39

Таласса 419
Тельхины — мифические металлурги 27
Τεὸς ὑψιστος (Бог всевышний) 420, 421
Тиха (Фортуна) 399, 414, 415, 417, 418

Ὑδροχόος — Водолей, созвездие 422

Фемида 422
Фермодонт — божество, олицетворение одноименной реки 418
Филесий — потомок Гермеса 408
Флогий, спутник мифического основателя Синопы — Автолика 37, 39, 42, 415
Фолос — царь кентавров 59
Фортуна см. Тиха
Фрикс — герой греческой мифологии 299

Эрихтоний 39
Эрот 94, 419, 438

Юпитер — Плутон 232, 233 см. также Сарапис Пафлогонский
Justitia (Справедливость) 419

Язон 42
Янус 306

II. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абонутейх (Ионополь, совр. Инеболи) — город на южном поб. Черного моря 7, 73, 182, 183, 187, 197—199, 309, 326, 332, 390, 424

Адрамитион — город на западном берегу Малой Азии 185

Адриатическое море 153, 154

Азербайджан см. Албания

Азия — римская провинция 298, 303, 322, 370, 394, 395

Азовское море см. Меотида

Ак-Алан — древнее поселение в районе Амиса 55—65

Аксомиты — город в современной Абиссинии 409

Акциум — мыс и город на сев.-зап. побережье Греции 302, 305, 306, 309, 319, 356, 357

Албания — страна, расположенная в древности на территории совр. Азербайджана 132, 133, 281, 282

Александрия — город в Египте 81, 149, 152, 180, 231—234, 238, 240, 296, 352, 415, 416, 420

Аль-Мина — город в Сирии у устья р. Оронта 78

Амасея — город на р. Ирисе 14, 16, 78, 173, 185, 187, 189, 219, 236, 257, 259, 265, 266, 304, 308, 331, 346, 352, 436

Амастрий — город на южном поб. Черного моря 14, 66, 73, 92, 148, 155, 164, 172, 175—177, 183, 187, 188, 234, 370, 402.

Амисена — область г. Амиса 18, 327—329, 333, 334

Амниада — река в северной Пафлагонии 173, 311

Амфиарайон — святилище в Оропе (Беотия) 95, 230

Анадол — совр. село в Бессарабии 214, 222, 223

Анкира (совр. Анкара) — город в Малой Азии 171, 176, 311, 362, 378

Антикинолис — населенный пункт на южном поб. Черного моря 326

Антиохия — город на р. Оронте в Сирии 240, 256, 348

Апамея — город в Вифинии 273, 359, 373

Апамея — город в Сирии 179

Аполлония — город на западном поб. Черного моря 49, 269

Апсар — крепость в устье Чороха 315, 316

Аравия 389

Аргеи — гора в Малой Азии 149

Аргос — город в Арголиде 347

Ареса — остров у южного поб. Черного моря 72

Аркадия — область Пелопоннеса 70, 230

Армази — древнейшая столица Иберии (до II в. н. э.) 404

Армена — портовый город близ Синопы 73, 226, 326, 327

Армения (древняя) — область в северо-восточной части Малой Азии 25, 27—29, 77, 84, 92, 126, 130, 132, 133, 135, 147, 179, 258, 259, 263, 266, 268, 280, 281, 305, 310—312, 314, 345—352, 361, 402. Малая Армения 121, 173, 189, 192, 194, 195, 226, 258, 268, 273, 275, 280—282, 297—299, 308, 309, 312, 313, 404

Артаксата — столица Армении 147

Ассирия 130

Ассос — город в Мисии 115

Астак — город в Вифинии на поб. Мраморного моря 172
Аттика — юго-восточная часть Средней Греции 115, 146, 347
Афины 76, 80, 84, 87, 93, 94, 98—102, 112, 137, 143, 157, 165—167, 229, 230, 235, 237, 238, 240, 244—247, 252—254, 276, 287, 294, 295, 346, 347, 353, 391, 417.

Баб-эль-Мандебский пролив 152
Байбурт — город на р. Чорохе 16, 77, 126, 130
Бараний Лоб см. Криу Метопон
Батуми — город 93, 316
Бафра см. Газелон
Беотия — область в Средней Греции 243
Берит — город в Финикии 240
Бессарабия 214, 223
Боакс — озеро в Малой Азии 374
Боз-Тепе — гора у г. Трапезунта 400
Борисфен см. Ольвия
Боспор Киммерийский (совр. Керченский пролив) 307
Боспор Фракийский — пролив (совр. Босфор) 13, 92, 155, 164, 166, 172, 264, 278, 284, 317, 318, 323, 326
Боспорское царство (Боспор) 50, 117, 145, 146, 156, 157, 162—167, 221, 224—228, 233, 258, 264—266, 277, 279—285, 294—300, 319—321, 334—337, 350—352, 391, 435, 439
Бохтан см. Кентрит
Брундизий — город в южной Италии 295
Бубастис — город в древнем Египте 87

Вавилон — город в Месопотамии 120
Вани — село в совр. Колхиде 224
Вереника см. Тий
Византий — город во Фракии на берегу Пропонтиды (совр. Стамбул) 36, 87, 168, 276, 311, 313, 318, 346
Вифиниум — город в Вифинии 311
Вифиния — область в Малой Азии 172—176, 179, 244, 246, 254, 258, 259, 263, 268, 269, 273—275, 291, 292, 296, 303, 307, 308, 320, 321, 327, 340, 347, 372, 374, 394
Вифиния — Понт — римская провинция 292—294, 308—310, 319—321, 325, 330, 334, 350, 353, 354, 368, 371, 372, 374, 375, 378, 386, 388—390, 394, 397, 398, 424, 425.

Газелон (совр. Бафра) — город у устья р. Галиса 328
Газелонтида — область в Каппадокии 328, 333, 338
Газиура — город в Каппадокии 90, 187, 189
Галатия — область в Малой Азии 176, 259, 268, 308, 347, 354
Галатский Понт (Pontus Galaticus) — область, созданная в в конце I в. до н. э. из части Понтийского царства и Галатии 308, 309
Галис (совр. Кизил-Ирмак) — река в Малой Азии, впадающая в Черное море 15, 16, 19, 20, 27, 28, 40, 80, 83, 91, 96, 103, 179, 311, 327, 328, 334
Галл — река в Вифинии 344
Гарпас (совр. Чорох) — река в северо-восточной части Малой Азии 15, 16, 24, 29, 315, 316
Геллеспонт — пролив (совр. Дарданеллы) 97, 297
Герасун см. Фарнакия
Гераклея Понтийская — город на южном поб. Черного моря 8, 9, 50, 55, 68, 69, 85, 92, 97, 102, 148, 155, 156, 158, 162—168, 172, 175, 189, 221, 233, 234, 240, 253, 254, 257—259, 262, 265, 266, 269, 270, 275, 278—281, 307, 309, 346, 370, 371
Гимниада — город на северо-востоке Малой Азии 130, 137
Гинолу см. Кинолис
Гистиея — город на о-ве Эвбее 185, 230
Горгиппия — боспорский город на восточном берегу Боспора Киммерийского 164
Гордион — город во Фригии 61
Грузия 132, 226, 402, 404 см. также: Иберия.

Даблагоми — селение в совр. Колхиде 124

Даблы — город в Вифинии 311
Дакия — римская провинция на Дунае 385
Дардан — город на вост. берегу Геллеспонта 277, 281, 290
Делос — остров в Эгейском море 200, 205, 211, 229, 235—245, 247—254, 340, 347
Дельфы — святилище Аполлона в Фокиде 48, 230, 347
Дидимы — участок храма Аполлона, находившийся близ г. Милета 230, 408
Диоскуриада — город на восточном берегу Черного моря 71, 309, 315, 317, 354, 404, 405
Добровица — река, северный приток Дуная 222
Дорилея — город в Малой Азии 421
Дунай — река 146, 147, 428
Дура Ейропос — город в Сирии 76, 146, 147, 342, 345, 346, 352

Евпатория — город близ Амиса 259, 267, 270
Евпатория см. Керкинитида
Евфрат — река 146, 312, 313
Египет 3, 18, 80, 87, 152, 176, 231—235, 252, 296—298, 340, 389, 416
Еленопонт — римская провинция 308
Ерос см. Хиерос
Ешиль Ирмак см. Ирис

Закавказье 3, 8, 18, 20, 24, 25, 29, 71, 77, 78, 128—130, 132, 134, 135, 244, 281, 282, 310, 311, 314, 319, 321, 345, 352, 402
Закинф — остров в Ионийском море 151, 153, 154
Западный Курдистан 120
Зела — город в Малой Азии 298—300, 346
Зигана — горный перевал близ Трапезунта 14, 71, 77, 81, 125, 126

Иберия (часть совр. Грузии) 281, 405
Илион (Троя) — город на северо-западе Малой Азии 19, 104, 323
Иллирия — область в северо-западной части Балканского п-ва 305
Иджебурун см. Сириада
Индийский океан 152
Индия 78, 152
Инеболи см. Абонутейх
Иозгат — совр. город в Центральной Анатолии 81
Ионополь см. Абонутейх
Ирис (совр. Ешиль Ирмак) — река в Малой Азии, впадающая в Черное море 15, 16, 69, 173, 311, 329
Исский залив в Киликии 15, 95, 96, 149
Истр — город на западном берегу Черного моря 50
Италиков гора на о-ве Делосе 253

Кабира — город в Каппадокии (Малая Азия) 187, 188, 208, 258, 259, 261, 263, 267, 268, 279, 404. Кабира-Себаста 420
Кабулети — совр. деревня близ Батуми 93
Кавак — совр. город в Малой Азии 295
Кавзи-Мерсиван — совр. город в Малой Азии 414
Калабрия — область на юге Италии 154
Каллатия — город на западном поб. Черного моря 50, 168, 222
Калхедон — город на восточном поб. Боспора Фракийского 87, 173, 354
Кальпа (совр. Кирпе) — бухта на южном поб. Черного моря 92
Каппадокия — область в Малой Азии 14, 19—23, 28, 56, 80, 86, 96, 103, 105, 107, 108, 171—174, 187, 189, 200, 246, 258, 259, 267, 268, 280, 297, 298, 307, 308, 313, 330, 339, 340, 346, 348, 404, 405, 420
Каппадокийский Понт — прибрежная область Северной части Малой Азии согласно терминологии Птолемея 309, 354
Кара-Самсун — городище древнего Амиса 52, 53, 213
Карамбий (совр. Керемис) — мыс на южном берегу Черного моря 73, 148, 149, 164, 326
Кария — область на юго-западе Малой Азии 174, 291
Карнунтум — город в Верхней Паннонии 383

Каруса (совр. Каруза) — город на южном поб. Черного моря 73, 97, 383, 414
Castellum Tripolis — крепость на юго-восточном поб. Черного моря 315
Кентрит (совр. Бохтан) — река, приток Тигра 137
Кеос — остров и город в Эгейском море 80
Kerasun Dere Su — река в Малой Азии, близ Трапезуита 73
Керасунт (совр. деревня Fol-Bazar?) — город на южном поб. Черного моря 7, 10, 18, 19, 23, 27, 30, 70—76, 97, 122, 131, 138, 143, 191, 309, 338, 339, 342
Керкинитида (совр. Евпатория) — город в Крыму 156
Керкира (совр. Корфу) — остров в Ионийском море 150, 153, 154, 297
Керчь см. Пантикапей
Кесарея — город в Каппадокии 77—79, 81, 95, 149, 311, 345, 352.
Киане — скалы в Черном море 235—237
Киерон — город на южном берегу Черного моря 175
Кизик — город на южном берегу Мраморного моря 36, 88, 258, 268, 271—273, 278, 303, 318
Кизил-Ирмак см. Галис
Киклады — группа островов в Эгейском море 85
Киликийские ворота — дефиле в горах Тавра 311
Киликия — область в Малой Азии 77—79, 81—83, 87, 104, 105, 172, 298, 421
Кимиат — селение на горе Олгасс 172
Кинолис (совр. Гинолу) — населенный пункт на южном берегу Черного моря 326, 327
Кинтия — гора на о-ве Делосе 251
Кипр — остров в Средиземном море 78, 165, 167
Киренаика — область на севере Африки 87
Кирпе см. Кальпа
Киторы (совр. Кудрос?) — город на южном поб. Черного моря 19, 72, 73
Киус — город на берегу Мраморного моря 172, 175, 178, 246, 258, 274, 402
Кларос — город в Ионии 344, 356
Клиторы — город в Аркадии 230
Книд — город в Карии 357
Колхида — область у юго-восточного поб. Черного моря 17, 25, 29, 77, 84, 122, 124, 125, 192, 209, 223, 224, 265, 277, 298, 299, 308
Комана Понтийская — город в Галатском Понте 187, 188, 208, 308, 331, 345, 346, 420
Коммагена — область в Малой Азии 312, 313
Копт — город на р. Нил 152
Коралла (совр. Керели) — мыс на южном поб. Черного моря 73
Коринф — город Греции 60, 94, 238, 287
Кос — остров в Эгейском море 47, 48, 87, 155, 178, 304
Котиора — город на южном поб. Черного моря 10, 19, 23, 69—76. 85, 103, 121, 122, 131, 137, 138, 143, 191, 192, 338
Красное море 152, 282
Кратейя — город в Вифинии 311
Крит — остров в Средиземном море 154, 199, 278
Криу Метопон (Бараний Лоб) — мыс на юге Таврического п-ва 148, 149
Крокодилополь — город в Египте 234
Кромна — город на южном поб. Черного моря 19
Крым 150, 154, 155, 157, 158, 318
Ксанф — город в Ликии 302, 303
Кубань — река 221, 222
Кумнети — населенный пункт близ Синопы 320

Лампсак — город на восточном берегу Геллеспонта 278
Лаодикея — город в Ликаонии 80, 81, 187, 302, 303
Лаодикея — город во Фригии 291, 304
Лариса — город в Малой Азии 56, 59, 61—63, 65
Левка (совр. Фидониси) — о-в в Черном море 349
Лемнос — о-в в Эгейском море 80, 94

Ливадия — город в Беотии 243
Лидийское царство в Малой Азии 19, 96
Лик — река в Малой Азии, приток Ириса 16, 311, 313
Ликия — область в Малой Азии 87
Линдос — город на о-ве Родос 50, 231

Магнесия на Сипиле — город в Малой Азии 179, 271
Македония — 50, 87, 348, 391, 428
Малайер — современное поселение к югу от Хамадана 81
Малая Армения см. Армения
Марафон — местность в Аттике 240, 249
Мегалополь — город в Аркадии 70
Мелитена — римский лагерь в Малой Азии 92, 312, 316
Меотида (совр. Азовское море) 68, 149, 305
Месембрия — город на западном поб. Черного моря 49
Мехчис-Цихе — Турецкая крепость 24
Мидия — страна к югу от Каспийского моря 50
Милаза — город в Карии 304, 322
Милет — город в Малой Азии 3, 37, 46, 48, 52, 55, 61, 93, 99, 111, 150, 333, 343, 346, 363, 408, 413, 414
Миос Хормос — гавань в Красном море 152
Мирмекий — город в Боспорском царстве 218, 221, 225, 228, 348
Мисия — область в Малой Азии 395
Митилена — город на острове Лесбосе 357
Мраморное море см. Пропонтида
Мурад-Су — река, вост. рукав Евфрата 28
Мцхета, близ Тбилиси — до VI в. н. э. столица Иберии 223, 224
Мэзия — римская провинция на севере Балканского п-ова 320

Неандрия — город на сев.-зап. Малой Азии 61—63
Неаполь — город в Италии 347
Неаполь — город в Понте 304
Неккер — река в Оденвальде 382
Немея — город на Пелопоннесе 347
Неокесария (Неоцезарея) — город в Малой Азии 309, 346
Никея — город в Вифинии 258, 274, 333, 343, 344, 394
Никейская бухта в Мраморном море 278
Никомедия — город на восточном берегу Мраморного моря 172, 258, 274, 278, 311, 313, 374, 396
Никополь — город в Малой Азии 298, 299, 311, 313
Никополь — город на поб. Эпира в Греции 347, 357
Нил — река в Египте 87, 152
Нимфей — боспорский город 79, 159, 160, 162
Ниса — город в Карии 271, 291
Ниса Старая— городище в Средней Азии 82, 88, 95
Нисибис — город в Месопотамии 269
Нола — город в Италии 315
Нотион — город в Ионии 344
Нубия — область в Африке 409

Одесс — город на западном поб. Черного моря 49, 222
Олгасс — гора в Пафлагонии 172, 327
Олимпия — город в Элиде 77, 347
Олинф — город на Халкидике 116, 235
Ольвия — город на правом берегу Буга 50, 85, 92, 119, 147, 156, 162, 218, 222, 225, 226, 349, 391, 409. Борисфен — второе название города 147
Орду — совр. город на южном поб. Черного моря 24, 69, 71, 72, 137
Оронт — река в Сирии 78
Ороп — город в Беотии 95, 230
Ортой — совр. поселение близ Синопы 384
Орхомены — город в Беотии 276

Пазарли — поселение во Фригии 61
Паннония Верхняя — римская провинция 383
Пантикапей (совр. Керчь) — столица Боспорского царства 85, 92, 149, 150, 156, 163, 164, 167, 350, 351, 395. Керчь 350
Париадр — горы на сев.-вост. Малой Азии 29, 189, 194, 220
Парфений — река на севере Малой Азии 19

Пафлагония — область Малой Азии 6, 11, 14, 19, 20, 22, 28, 40, 42, 86, 103—105, 108, 145—150, 154, 156, 166, 167, 171—174, 187, 280, 304, 340, 395, 424
Пахюнон — мыс на юго-западе Сицилии 153
Педалион — гористая оконечность полуострова Сириада 32, 34, 35, 39
Пелопоннес — Южная Греция 85
Пелузий — город в Египте 234
Пергам — город и царство в Малой Азии 179, 209, 246, 322, 344, 356
Передняя Азия 40, 49, 51, 64, 67, 71, 77, 78, 81, 89, 95, 96, 147, 325, 342, 352
Перинф — город на северном берегу Мраморного моря 318
Персеполь — город в Персии 82
Персидское ц-во 49, 50, 88, 96, 99, 102, 103, 104, 105, 108, 170, 173, 258
Песинунт — город в Галатии 176
Пимолиза — город в Понте 187, 188
Пирей — второе название города Амиса 55, 83, 88, 101, 102, 157, 177
Пирей — гавань Афин 87, 93, 94, 229, 346
Писидия — область Малой Азии 105, 174
Питиунт (Пития; совр. Пицунта) — город на восточном поб. Черного моря 9, 164, 315
Полемониум см. Сиде
Полемоновский Понт см. Понт Полемоновский
Помпейополь — город в Понте 304, 388
Понт Полемоновский — царство, учрежденное в 38 г. н. э. и подчиненное Полемону II. В 64 г. аннексировано Римом 309, 311, 317.
Понт Средиземный (Pontus Mediterraneus) — область, образованная из слияния некоторых частей бывшего Понтийского царства 309, 354.
Прасии — местность в Аттике 146
Принонтийские горы см. Северо-Анатолийские горы.
Пропонтида (совр. Мраморное море) 36, 172, 176, 258, 278, 311, 318, 323, 344, 374
Пруса — город в Вифинии 258, 394
Прусиада Приморская — город в Вифинии 274, 394
Прусиада у горы (Киер) — город в Вифинии 274

Ренейя — остров в Эгейском море у о-ва Делос 241—243
Ризе — совр. город на южном поб. Черного моря 17
Родос — остров и город в Средиземном море 63, 93, 94, 149, 152, 178, 180, 215, 217, 222, 231, 235, 237, 238, 248, 252, 302, 303, 342, 346, 352, 391
Рохи — село в совр. Колхиде 224
Рубикон — река в Италии 295

Сазаскала — местность в долине реки Чороха 24
Саламин — город на о-ве Кипре 165, 167
Салмидесс — город на западном поб. Черного моря 155
Самос — остров в Эгейском море 93, 231, 305
Самосата — город в Сирии 312, 313
Самофрака — остров в Эгейском море 323
Сангарий — река на севере Малой Азии 311, 344
Сандаракургион — гора в Пафлагонии 389
Сарамена — область в Каппадокии 328
Сарды — город в Лидии 46, 61—63
Сатала — римский лагерь в Малой Азии 312, 313, 316
Севан — озеро в Закавказье 130, 133, 135
Севастополис см. Диоскуриада
Севастополь-Гераклеополь — город в Понте 308
Северо-Анатолийские горы 13, 14, 17, 21, 26, 28, 36, 53, 68, 71, 77, 126, 128, 169, 173, 311, 327, 333
Сезам — город, влившийся в город Амастрий 19, 73
Селевкия — город в Киликии 421
Селевкия — город в Сирии 78
Сериф — остров в Эгейском море 241, 242
Сест — город во Фракии на берегу Геллеспонта 93, 105

Сиде — город на южном поб. Черного моря 196, 315, 328. Полемониум — второе название города 311, 315, 328
Сидена — область на севере Малой Азии 328, 329, 333
Сидон — город в Финикии 214, 240
Синопитида — область г. Синопы 18, 327, 331, 333, 334, 336, 388
Сиракузы — город на о-ве Сицилия 87, 153, 154
Сириада Лепта или Сириада Акролепта (совр. Инджебурун) — полуостров, на котором находится Синопа 31, 32, 34, 35, 40, 45, 65, 327, 334
Сирия 14, 53, 238, 282, 296, 298, 305
Сицилия — остров 51, 151, 153, 154
Скадизи — высокогорный р-н Малой Азии 194
Скепсис — город на сев.-зап. Малой Азии 185
Скифия 96, 119, 146, 221, 279
Скопле — современный город на Балканском п-ве 348
Смирна — город в Малой Азии 303, 346, 414
Спарта — греческое государство 76, 102, 170
Стамбул — город 52, 56, 115, 213, 430—432, 438
Старая Ниса см. Ниса Старая
Стратоникея — город в Карии 271
Сузы — столица Персии 81, 95
Суний — мыс на юге Аттики 203
Сухуми — город 93, 224, 317

Тавия — город в Галатии 176
Тавр — горы в Малой Азии 174, 179
Таврический полуостров (Таврика) 145, 146, 148—150, 154, 156, 164, 166, 167
Талаура (Талавры) — город в Понте 185, 187, 189
Таманская станица 223
Таманский полуостров 226
Танаис — город в устье Дона 221, 409, 421
Тарс — город в Киликии 15, 81, 82, 95, 185, 303, 304, 352
Татарли — город в Великой Фригии 345
Таттей — город в Вифинии 311
Тегея — город в Аркадии 230
Текке-Кой — долина в Малой Азии 21
Тендровая коса в Черном море 349
Тиатира — город на зап. Малой Азии 290
Тигани — деревня на о-ве Самосе 231
Тигр — река в Месопотамии 28, 120
Тий — город на южном берегу Черного моря 175, 188, 209, 234, 345, 350, 433, 434. Вереника — второе название города 234
Тир — город в Финикии 240
Тира — город на берегу Днестровского лимана 92, 147, 222
Тиритака — боспорский город 221, 225, 226, 348
Томы — город на западном поб. Черного моря 349
Траллы — город в Карии 184, 291
Трикка — город в Фессалии 39
Троя см. Илион

Урарту — государство 20, 130
Усатово — село близ г. Одессы 42

Фабда — укрепленное поселение на южном поб. Черного моря 196, 315—328
Фадисака — крепость на южном поб. Черного моря 315
Фаземон — долина в Каппадокии 311, 333
Фазис — город на восточном поб. Черного моря 32, 71, 164
Фазис (совр. Рион) — река в Колхиде 44, 281, 315, 317, 406, 407
Фазос — остров в Эгейском море 100, 222
Фанагория — боспорский город 299
Фанароя — долина в Каппадокии 16, 92, 333, 334
Фарнакия (совр. Герасун) — город на южном поб. Черного моря 7, 72, 187, 191—196, 260, 265, 268, 279, 315
Фарсал — город в Фессалии 296, 297
Фемискира — долина на севере Малой Азии 16, 25, 259, 267, 329, 331, 333, 338
Феодосия — греческий город в Крыму 156, 163—165, 167
Фера — остров в Эгейском море 154
Фермодонт — река в Малой Азии, впадающая в Черное море 16, 27, 35, 38, 69, 267, 329, 333, 418

Фессалия — область на северо-востоке Греции 39, 276
Фивы — город в Беотии 76
Фидониси см. Левка
Филиппы — город в Македонии 303
Финикия 238—296
Фокея — город в Малой Азии 62, 65, 417
Fol-Bazar — деревня на южном поб. Черного моря. См. Керасунт
Фракия — страна на севере Балканского п-ва 20, 87, 92, 146, 199, 320, 420
Фригия — область в Малой Азии 61, 105, 173, 175, 291, 340, 390, 416, 421. Великая Фригия 345

Хабакта — город на южном поб. Черного моря 187, 188, 196, 315, 328
Хамадан — город в Персии 81, 95
Херонея — город в Беотии 276
Херсонес Таврический — город в Крыму 8, 50, 92, 145—148, 154—156, 159, 163—167, 221, 225, 349, 350, 385, 435
Хиерос (совр. Ерос) — мыс на южном поб. Черного моря 73
Χιλιόκωμον — «Равнина тысячи деревень» в Каппадокии 16, 331

Цезарея см. Кесарея

Чорох см. Гарпас

Эвбея — остров в Эгейском море 230
Эгина — остров в Эгейском море 38
Эолия — область в Малой Азии 61
Эпидавр — город на Пелопоннесе 347
Эпир — область на севере Греции 347, 357
Эрзерум — город 14, 77, 126
Эризу (сов. Эрзинджан) — город на вост. Малой Азии 312, 313
Эфес — город в Ионии 80, 81, 303
Эфесский залив 356
Эфиопия — древнее название стран, расположенных по верхнему течению Нила 152, 388

Японгия — мыс на юго-востоке Италии 153, 154
Ясоний — мыс на южном поб. Черного моря 71, 194, 329

III. УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Алазоны 41
Арменохалибы 29
Армены 29, 120, 129, 137, 143, 226, 243, 244
Ассирийцы 21, 22, 38, 40, 130
Ахейцы 168

Белосирийцы 40
Бифины 28 см. также вифинцы и фины
Бораны 307, 399

Вехиры 25
Вифинцы 155, 244 см. также бифины и фины

Галаты 176, 179
Гениохи 168
Гордиеи 26
Готы 307
Гурийцы 402

Диауэхи 130 см. также таохи
Дизиры 25
Дорянe 28
Дрилы 118, 120, 121, 125—132, 135, 138, 142, 405

Ионяне 28
Иссидоны 146
Италики 252, 253, 301, 330

Каппадокийцы 22, 23, 40, 54, 55, 84, 97, 101, 103, 108, 110, 172, 243, 244; см. также сирийцы и левкосирийцы
Кардухи 120, 121, 129, 137
Кары 28
Киликийцы 28
Киммерийцы 37, 43, 44 46, 48, 50
Киццуватна 22
Колхи 19, 25, 74, 75, 118—125, 129, 137, 138, 143, 194, 244, 408

Лазы 266
Левкосирийцы 22, 25, 38, 40, 55; см. также каппадокийцы и сирийцы
Лидийцы 28
Ликийцы 28, 41

Макроны 25, 29, 84, 121, 137, 194
Марды 169
Мариандины 19, 28
Мары 25
Матиены 25
Моссинойки 19, 25, 30, 31, 74, 89, 118, 120, 121, 124, 130—132, 135—144, 194, 195, 405
Мосхи 29, 130, 299

Остготы 307

Памфилы 28
Пафлагонцы 19, 20, 21, 23, 28, 40, 84, 103, 104, 108, 171, 172, 243, 244, 332, 351, 390, 424
Персы 31

Сакки 194
Санны 125, 405
Сваны 402
Сеноги 266
Сирийцы 19, 22, 23, 38, 40; см. также каппадокийцы и левкосирийцы
Сиры 22, 37—40
Скифины 29, 121, 130, 137
Скифы 44, 49, 50, 119, 146, 283

Табалы см. тибарены
Тавры 150, 168
Таохи 120, 121, 129; см. также диауэхи

Тибарены 19, 25, 31, 75, 84, 121, 136—138, 192, 194, 195, 243, 244; табалы 130

Урарту 130

Фазиане 121, 137
Фессалийцы 39, 40
Фины 28, 175; см. также бифины и вифинцы
Фокейцы 102
Фракийцы 19, 28, 155, 175
Фригийцы 19, 28

Халдеи 26, 192, 194, 195
Халды 26
Халибы 3, 19, 25—31, 121, 137, 138, 141, 143, 144, 192, 194, 195, 211, 338; халибы горные 121, 137
Хетты 20, 40, 41
Хептакометы 194, 405
Хои 25

Энеты 19, 41
Эоляне 28

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Раздел I

Древнейшая эпоха и основание городов

Глава 1. Географические условия. Местное население юго-восточного Причерноморья до греческой колонизации 13
Глава 2. Основание Синопы 31
Глава 3. Основание Амиса 52

Раздел II

Города юго-восточного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.

Глава 4. Производство и торговля. Политическая история Синопы и Амиса. Состав населения. Государственное устройство. Культура 66
Глава 5. Местное население юго-восточного Причерноморья по Анабасису Ксенофонта (колхи, дрилы и моссинойки) . . 118
Глава 6. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами 145

Раздел III

Синопа и Амис в эпоху эллинизма

Глава 7. Политическая история, государственное устройство и социальный строй 169
Глава 8. Производство и торговля 210
Глава 9. Экономические и культурные связи Синопы и Амиса с островом Делос при Митридатах 236
Глава 10. Завоевание Синопы и Амиса Римом и конец Митридата Евпатора 254

Раздел IV

Синопа, Амис и Трапезунт под римским владычеством

Глава 11. Переходный период (от взятия Синопы и Амиса до принципата Августа) 286

Глава 12. Города юго-восточного Причерноморья в эпоху Римской империи. Роль Синопы, Амиса и Трапезунта в римской восточной политике 306
Глава 13. Производство и торговля 325
Глава 14. Государственное устройство и социальный строй 353
Глава 15. Культура греческих городов юго-восточного Причерноморья в I—III вв. н. э. 398

Таблицы I—III . . . . . 440—441
Описание монет, приведенных в таблицах I—III 441
Список сокращений 443

Указатели

I. Именной указатель 445
II. Указатель географических названий 461
III. Указатель этнических терминов 469

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры АН СССР

Редактор Издательства *К. И. Кочервин*. Технич. редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Н. А. Малевич*, *Л. А. Ратнер* и *С. И. Рейман*

РИСО АН СССР 106-81В. № М.09680. Подписано к печати 11/IV 1956 г. Бумага 60×92¹/₁₆. Бум. л. 14³/₄. Печ. л. 29½. Уч.-изд. л. 30.41+5 вкл. (0.46 уч.-изд. л.). Тираж 2500. Зак. № 403. Цена 20 р. 15 к.

1-я тип. Изд. АН СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
9	5 снизу	JДl,	JDl,
91	1 »	Χορα	Χώρα
158	Подпись к рис. 18	Синопская амфора IV в. до н. э.	Синопская амфора IV и III вв. до н. э.
с 205—248	Passim	Дуррбах	Дурбах
369	2 сверху	guinguenali	quinquenali
445	Правый столбец, 1 сверху	Антохии	Антиохии
458	Правый столбец, 19 снизу	praetor	praetore
460	Левый столбец, 4 снизу	υψιστος	Ὕψιστος
462	Правый столбец, 10 сверху	Газелонтида	Газелонитида
462	Правый столбец, 6—7 снизу	Киимерийского	Киммерийского

М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья.